A 7 5/4

ОЧЕРКИ

КРЫМА.

КАРТИНЫ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРІИ.

Евгенія Маркова.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.
1873.

ОЧЕРКИ
КРЫМА.

КАРТИНЫ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРІИ.

Евгенія Маркова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія К. Н. Плотникова. (На Петербург. стор., Колпинск. ул., д. № 23).
1872.

Посвящается

моимъ

КРЫМСКИМЪ ДРУЗЬЯМЪ.

Нѣсколько словъ для вступленія.

Я первый разъ познакомился съ Крымомъ въ началѣ 1866 года. Съ тѣхъ поръ я прожилъ въ немъ безвыѣздно нѣсколько лѣтъ; я посѣтилъ не разъ всѣ его уголки, осмотрѣлъ всѣ его памятники, прочелъ все, что могъ достать о древней исторіи Крыма.

Когда на опытѣ извѣдаешь характерныя черты края и въ теченіи довольно долгаго времени сталкиваешься съ разнообразными живыми элементами его, край дѣлается роднымъ, не только знакомымъ. Свои впечатлѣнія отъ встрѣчи съ новымъ міромъ, открывшимся для меня въ Крыму, я выражалъ рядомъ отрывочныхъ очерковъ, неимѣвшихъ опредѣленнаго плана. Теперь, когда этихъ очерковъ набралось довольно много, я увидѣлъ, что несмотря на отсутствіе въ нихъ всякой систематичности, они представляютъ достаточно полную картину Крыма.

Крымскія степи, крымскія горы, крымское море, легенды и развалины древности, легенды и развалины роковой исторіи новаго времени, Бахчисарай и Севастополь, Южный берегъ и Пещерные города — все типичное Крыма нашло свое мѣсто на страницахъ этихъ очерковъ. Правда, я не стѣснялъ себя послѣдовательностью и внѣшнею полнотою описаній... Я говорилъ только о томъ, о

чемъ мнѣ хотѣлось и такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Я не собирался составлять ни географическаго словаря, ни историческаго трактата, ни путеводителя по Крыму. Я работалъ, какъ работаетъ художникъ, живописецъ, набрасывая въ свой путевой альбомъ все, что поражаетъ его: то интересную сцену мѣстнаго быта, то пэйзажъ, то портретъ прохожаго, то тщательную копію какого нибудь памятника древности.

Оттого нѣкоторые очерки мои имѣютъ характеръ дневника, нѣкоторые—характеръ изслѣдованія. Я держусь того мнѣнія, что передача свободною кистью, наиболѣе выразительныхъ, типическихъ чертъ предмета, болѣе знакомитъ насъ съ его сущностью, чѣмъ обстоятельное, но безцвѣтное и холодное описаніе его.

Поэтому я понадѣялся, что и для читателя моего, дорогой для меня обликъ Крыма обрисуется живѣе и рельефнѣе, если я передамъ во всемъ ихъ первоначальномъ теплѣ искреннія впечатлѣнія своего перваго знакомства съ Крымомъ.

Я бы могъ, конечно, во многомъ обработать, дополнить и пересоздать ихъ. Но я не сдѣлалъ этого намѣренно.

Какъ бы много слабостей и ошибокъ ни заключалось въ искреннемъ изліяніи перваго чувства, все таки слова̀ первой любви имѣютъ недосягаемую силу правды и красоты своего рода, какими бы неумѣлыми устами ни произносились они. Исправленіемъ своихъ очерковъ я именно боялся спугнуть этотъ неподдѣльный ароматъ своей первой любви къ Крыму. Передавая ихъ на судъ публики, я прошу только, чтобы отъ нихъ не требовали того, чего они не обѣщаютъ, чтобы читатель видѣлъ въ моей книгѣ только рядъ свободныхъ этюдовъ безъ всякой претензіи, безъ всякой заданной цѣли.

Можетъ быть, очерки мои воскресятъ въ памяти нѣкоторыхъ сколько нибудь живо и вѣрно картины крымской жизни и природы; можетъ быть, человѣку, не знающему Крыма, они нарисуютъ сколько нибудь выразительно тѣ особенности этой природы и жизни, которыхъ мы, русскіе, не найдемъ нигдѣ больше въ своемъ отечествѣ, и соблазнятъ его узнать живой Крымъ, насла-

диться его оригинальностью, его красотою. Если читатель вынесетъ изъ этого знакомства съ Крымомъ тоже очарованье, какое вынесъ я; если ему потомъ, въ нашей прозаической сѣверной родинѣ, сквозь однообразныя равнины сплошныхъ снѣговъ или сплошнаго хлѣба, будетъ мерцать вдали, какъ утѣшительная звѣзда, сладостное воспоминаніе о крымской нѣгѣ, крымскихъ краскахъ, крымскомъ солнцѣ, то трудъ мой я не буду считать напраснымъ. Въ наши дни, можетъ быть, рисковано выставлять на своей книгѣ такой анахроническій девизъ, какъ Pflichtloser Genuss. Но я въ этомъ вопросѣ имѣю свое мнѣніе.

Достойны жалости люди, которые дѣлаютъ девизомъ всей своей жизни это „*наслажденіе, свободное отъ обязанностей;*“ но, по моему, жалости достойны и тѣ, которые по какому-то узко-монашескому складу духа считаютъ наслажденіе несовмѣстимымъ съ обязанностью, противурѣчащимъ обязанности. Чѣмъ больше горя въ жизни людей, чѣмъ больше несовершенствъ въ устройствѣ нашего общества, тѣмъ насущнѣе необходимость утѣшенья и развлеченья. Впечатлѣнія, которыя могутъ, хотя на нѣсколько часовъ, разгладить морщины заботъ и потрясти унылый сонъ апатіи, не должны признаваться элементомъ враждебнымъ для насущныхъ потребностей общества. Они дѣлаютъ такое же полезное общественное дѣло, какъ и всякое прямое воздѣйствіе на познанья и убѣжденія человѣка.

Я посвящаю эту книгу своимъ крымскимъ друзьямъ. Въ ихъ обществѣ, съ ихъ помощью, я сроднился съ Крымомъ.

Лучшіе дни моей жизни протекли въ этомъ чудномъ краю, воспоминанье о которомъ связывается неразрывными нитями съ памятью дорогихъ для меня людей...

Евгеній Марковъ

С. Александровка, Курск. губ.
12 Мая 1872 г.

Очерки Крыма,

КАРТИНЫ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРІИ.

I.

На пути въ Крымъ.

(Домашняя поѣздка. — Хохлы и страна хохловъ. — Степь.)

Опять дорога, дорога!.. Это не 1,500 верстъ по желѣзнымъ дорогамъ Европы, не переѣздъ Атлантики на ливерпульскомъ пароходѣ; не то, однимъ словомъ, что называется нами *путешествіе* — нѣтъ, это простая *поѣздка* по русскимъ дорогамъ, черезъ русскія губерніи, изъ одного русскаго города въ другой русскій городъ; это наше домашнее, ежедневное дѣло. Да, хорошо говорить: черезъ русскія губерніи, по русскимъ дорогамъ... Но ѣхать, на дѣлѣ, читатель, *ощущать* эти дороги и эти губерніи! Церковь не даромъ возноситъ ежедневно молитвы о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ и страждущихъ. Я увѣренъ, что подъ всѣми этими эпитетами она разумѣетъ просто однихъ насъ, проѣзжающихъ по русскимъ дорогамъ, которымъ приходится столько же плавать и страдать, сколько путешествовать.

Вы ѣдете изъ-подъ Москвы зимою по шоссе, на которомъ ежеминутно останавливается вашъ грузный экипажъ, въѣзжая

подрѣзами на голый камень. Около Курска вамъ угрожаютъ совершенною остановкою, и требуютъ, чтобы вы поставились на колеса (колеса, разумѣется, должны быть съ вами). Вы молите боговъ, какъ бы вамъ дотащиться санями хоть до Харькова; и вдругъ, за Курскомъ, застрѣваете въ такихъ снѣжныхъ сугробахъ, откуда васъ не въ силахъ вытащить девять лошадей. Вы ѣдете почти цѣлиною по 25-ти верстъ въ день! У Харькова, вмѣсто снѣжныхъ сугробовъ, песокъ; за Екатеринославомъ, опять невылазные снѣга; у Перекопа разливъ водъ и еще болѣе невылазная грязь; подъѣзжаете къ Симферополю — пыль, жара печетъ, по полю фіалки. Вотъ вамъ *поѣздка* по Россіи!.. То на волахъ, то на рукахъ ямщиковъ и обозныхъ, то колесами, то санями, откапываясь отъ снѣга, утопая въ зажорахъ, сбивая подрѣза на камняхъ, ломая одно дышло за другимъ на косогорахъ — тащитесь вы, бѣдные грѣшники, осужденные вмѣсто путешествія, на *домашнюю поѣздку*. Только на собакахъ не приходилось ѣхать, хотя о нихъ приходилось повременамъ вспоминать съ глубокимъ сожалѣніемъ. За верблюдами посылалъ, каюсь, хотя, къ несчастію, не могъ найти. На волахъ шествовалъ не разъ, уподобляясь маститымъ Меровингамъ. За то не было недостатка въ разнообразіи впечатлѣній: сидишь иногда подъ глубоко убѣгающимъ сводомъ ночного неба и любуешься безмолвно теченіемъ свѣтилъ, между тѣмъ, какъ выпряженные кони, смиренно поникнувъ головами, нюхаютъ мерзлый снѣгъ. Ямщиченокъ спитъ, сидя на грядкѣ, а ямщикъ усланъ вами въ деревню верстъ за десять, за людьми или за волами; нескоро дождетесь его возврата теперь, въ часъ ночи... Какія библейскія мысли приходятъ вамъ тогда въ голову, въ этотъ не совсѣмъ пріятный и не совсѣмъ короткій промежутокъ времени...

А то — прекрасный солнечный день, голубое небо, бѣлыя облака, красивыя долины; вы стоите у экипажа, передъ крыльцомъ станціи, въ какомъ-нибудь днѣпровскомъ мѣстечкѣ, слѣдо-

вательно въ имперіи жидовъ; съ вами разговариваетъ полный участія къ вамъ услужливый и вѣжливый еврей, желающій получить за починку вашего экипажа очень лакомую для него и очень кислую для васъ цѣну; вы торгуетесь съ нимъ съ кажущимся равнодушіемъ и даже съ пренебреженіемъ, а между тѣмъ въ душѣ своей чувствуете себя въ безъисходномъ плѣну у этого клювоносаго Ицки, ибо знаете, что кромѣ его — нѣтъ кузни, что онъ имѣетъ полную возможность за упорство ваше наказать васъ двойною, тройною, какою угодно, цѣною. Онъ въ положеніи римской Сивиллы, знаменитой продавицы книгъ, и можетъ легко выкинуть фарсъ этой Сивиллы. Впрочемъ, и разнообразіе это дѣлается однообразнымъ, повторяясь періодически. Выѣзжаешь со станціи, наругавшись съ ямщиками и старостою за непонятную копотню. Отъѣзжаешь полверсты — тпру! Ямщикъ спрыгиваетъ съ козелъ. „Чтò тамъ еще?“ Черезсѣдельникъ развязался или постромка оборвалась — а запрягали часъ. Возится, бормочетъ какія-то ругательства; кого-то попрекаетъ, конечно, не себя, можетъ быть, лошадь, или безъизвѣстнаго мастера постромки.

— Ну, что? готово? садись! Поѣхали. Черезъ полчаса опять тпру! опять слѣзаетъ. Что такое? Постромка оборвалась... Согласитесь, что это, при всемъ разнообразіи, весьма однообразно.

А тутъ еще пойдутъ ужасныя почтовыя станціи, безотрадныя и холодныя какъ пещеры Борея, съ визжащими ставнями, съ мерзлыми печами; вѣтеръ въ нихъ гуляетъ на просторѣ, и дыханіе стынетъ. При холодѣ, какой-то хроническій угаръ, и, при безчисленномъ множествѣ оконъ, какой-то мракъ. На пространствѣ сотни верстъ иногда не попадется теплаго угла; за то вдругъ встрѣтится вамъ золоченый столъ подъ зеркаломъ или водоочистительная машина въ такой комнатѣ, гдѣ не на чемъ уснуть; вообще что нибудь совершенно неожиданное и совершенно не нужное.

— Ишь ты *стыдъ* какая! замѣтилъ даже терпкій русскій

солдатикъ, ѣхавшій офицерскимъ деньщикомъ, на открытой перекладной и весьма, повидимому, нуждавшійся въ топленой печкѣ. Дѣйствительно, не холодъ, а *стыть* (солдатъ производилъ отъ этого слова даже косвенные падежи — *стыди* и *стыдью:* оставляю на его отвѣтственность).

Объ ѣздѣ говорить нечего. Хотя отъ Курска до Харькова мальпосты ходятъ и проѣздъ очень большой — на станціяхъ ни одного буфета (исключая, конечно, городовъ). Чѣмъ питаются всѣ эти тарантасы съ купчиками, снующіе во время ярмарокъ изъ Харькова и въ Харьковъ — рѣшительно не понимаю. Только я едва могъ доставать ломоть хлѣба.

Впрочемъ, Богъ съ ними и съ этою дорогою, и съ этими неудобствами! Кто ихъ не знаетъ, и кто не плакался на нихъ!

Зима не зима, весною тоже еще не запахло — и долго здѣсь не запахнетъ. Жалко, что проѣзжаешь милую Малороссію въ такую непривлекательную погоду, среди столькихъ раздражающихъ обстоятельствъ. Однако Малороссія сказывается и въ этихъ обстоятельствахъ. Въ ней вообще столько чистоты, честности и наивности, что это остается замѣтнымъ, несмотря на слякоть и на снѣга. Мнѣ она на столько знакома въ свои хорошія минуты, что фантазія безъ труда добавляетъ все то, что у нея отнято временемъ года, а можетъ быть, и просто временемъ. Она такъ перепутана у меня съ дѣтскимъ и юношескимъ воспоминаніями, что не мудрено, если зрѣлый критическій взглядъ не отъищетъ въ ней тѣхъ прелестей, которыя прежде любовно отыскивались.

Малороссія гораздо успокоительнѣе Россіи: тише, проще, постояннѣе и поэтичнѣе. Въ Малороссіи неспѣшно и величаво двигается меланхолическій волъ; съ тою же откровенною неспѣшностью поварачивается тяжелое колесо или тащится тяжелый санный ходъ съ неуклюжими перекладинами; не спѣшно и задумчиво идетъ у этихъ саней, за этимъ воломъ, высокій хохолъ въ длинныхъ сапогахъ и бараньей шапкѣ, съ бѣлымъ бурнусомъ на

плечахъ, съ длиннымъ кнутовищемъ въ рукѣ. Его взглядъ, все выраженіе его лица — какое-то установившееся, никуда неторопящееся, ничѣмъ неразвлекаемое, ничего неищущее. Ему до васъ и до всего кругомъ словно дѣла нѣтъ.

Это не наша русская, суетливая, любопытная натура, падкая на деньгу, на болтовню; духа торгашества и плутовства здѣсь не разнюхаешь, хотя есть, конечно, и торгаши и плуты. Здѣсь нѣтъ этой энциклопедичности и дерзости въ предпріятіяхъ, которыя отличаютъ великоросса.

Хохолъ не въ состояніи быть разомъ и извощикомъ и маслобоемъ, и лошадинымъ барышникомъ и половымъ въ трактирѣ; не въ состояніи такъ смѣло бросаться въ кредитъ и давать въ кредитъ, такъ рисковать послѣднимъ рублемъ и оборачивать его десять разъ въ короткій промежутокъ времени. Имѣя двадцать цѣлковыхъ въ карманѣ, онъ не откроетъ продажи *распивочно и на выносъ* въ сѣняхъ своей дрянной избенки, съ тѣмъ, чтобы прогорѣть чрезъ два мѣсяца или разбогатѣть чрезъ два мѣсяца.

Хохолъ осторожнѣе и степеннѣе русскаго, частью отъ честности своей натуры, частью отъ ненаходчивости и неувѣренности въ самомъ себѣ. Его предпріятія неспѣшныя, неразнообразныя, но солидныя во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ ѣдетъ на своей парѣ воловъ въ Крымъ чрезъ степи за рыбой и солью; ѣдетъ долго, кормится въ степи, ночуетъ въ степи, навѣрное сбываетъ, навѣрное покупаетъ, безъ всякихъ затрудняющихъ его разсчетовъ и безъ всякаго риску. Если онъ откроетъ кабакъ, то у него, значитъ, дѣйствительно есть деньги для этого кабака, и онъ не прогоритъ на другой мѣсяцъ, а передаетъ свой кабакъ сыну, а сынъ внуку.

Владимірскій торгашъ прежде всего купитъ самоваръ и, пожалуй, *карналинъ* своей супругѣ; а хохолъ посадитъ садикъ около своего хутора, и жена его, не мечтая о *карнолинѣ*, въ

одеждахъ своихъ праотцевъ, будетъ, еже-суботно, своеручно мазать глиною и мѣломъ стѣны родной хаты.

Тутъ причина одна—не органическая разница, не нравственное превосходство, а просто, можетъ быть, разность историческихъ возрастовъ. Хохолъ—житель черноземной степи и юга—опоздалъ въ исторіи. У него сохранились черты степного пастуха во внѣшней грубости пріемовъ, въ лѣнивой мечтательности и медлительности, въ чистотѣ и простотѣ нравовъ. Въ неспѣшномъ шагѣ, о которомъ мы только—что говорили, видѣнъ именно шагъ пастуха, тихо бредущаго за тихобредущимъ стадомъ.

Въ одеждѣ малоросса также много пастушьяго и много, сверхъ того, восточнаго; иногда онъ высматриваетъ совершенно татариномъ. Эта куртка съ цвѣтнымъ поясомъ, эти широкія шаровары и баранья шапка—составляютъ незамѣтный переходъ къ татарскому костюму. Еще болѣе поразительно сходство лица. Наклонность къ бритью головы, такъ рѣзко выразившаяся у прежнихъ запорожцевъ, подстриженные усы и бороды, длинные, слегка даже горбатые носы, мало похожіе на настоящій русскій, вздернутый и смятый носъ, серьезность и сосредоточенность взгляда—все это черты Востока. Русская борода—одна въ цѣломъ мірѣ: неприкосновенная, естественная до дѣвственности, и потому изумительно разнообразная по калибру, колеру и очертаньямъ своимъ; то льющаяся струями, какъ у водолея, то жидкая козлиная, то густая и круглая, какъ баранья шапка.

Эта нѣсколько животная естественность русской бороды по преимуществу поражала малоросса при старыхъ столкновеніяхъ съ москалями. Оттого-то и до сихъ поръ зовутъ насъ въ Малороссіи *кацапами*, т. е. козлами. А намъ, русскимъ, особенно страннымъ показалось неестественное бритье головы съ оставленіемъ длиннаго чуба или хохла. И вотъ поэтому малороссъ у насъ не выходитъ изъ хохловъ, хотя давно пересталъ носить свои *оселедцы*. Малороссъ не стоялъ еще въ жесткихъ тискахъ, кото-

рыми суровая природа и скудная почва издавна сдавили великоросса.

Малороссіи надолго еще останутся просторъ и изобиліе: а на просторѣ и въ изобиліи живутъ другіе люди. Мечта свободнѣе, и трудъ не такой неустанный; синяя теплая ночь, сливы и черешни, зеленыя степи нѣсколько балуютъ фантазію и вливаютъ въ нее слегка итальянскую струйку; конечно, очень слегка; увлекаться незачѣмъ...

Оттого малороссійскія пѣсни поэтичнѣе русскихъ; оттого самый видъ малороссійскаго села, малороссійскаго хутора, малороссійской женщины — живописнѣе русскихъ. Больше плодовъ, больше лѣтняго тепла, больше зелени и цвѣту — значитъ, больше природы, чѣмъ въ средней Россіи. А больше природы — больше красоты, ибо природа и красота синонимы, въ этомъ нельзя не убѣдиться.

Для непривыкшаго или отвыкшаго глаза кажутся удивительно милы малороссійскія села. Они имѣютъ совершенно особенный характеръ. Дома разбросаны неправильными линіями, а гдѣ какой сталъ, по горамъ и по скатамъ, надъ рѣчками и балками; оттого такое множество переулочковъ; ни одного двора; только, какъ шляпки грибовъ, цѣльными гнѣздами торчатъ свѣжія соломенныя крыши съ бѣлыми трубами; солома и мѣлъ дешевы.

Деревня нашихъ хлѣбородныхъ губерній издали кажется какою-то неопредѣленною навозною кучей; сараи, избы, гумно, навѣсы — все сливается въ одномъ тонѣ. Въ малороссійскомъ селѣ каждый домикъ виденъ самъ по себѣ, виденъ такъ ясно и весело съ своими чисто выбѣленными стѣнками и раскрашенными окошечками; особенно ясно и весело, когда цвѣтутъ кругомъ садики и цвѣтнички. Это признакъ очень типическій. У малоросса въ домѣ нѣтъ такой хозяйственности, какъ у великоросса; у него не видно ни скирдовъ, ни конюшенъ, ни амбаровъ, ни сараевъ. Его дворишка смѣшонъ до жалости, если еще есть какой нибудь. Но за то его хата словно въ чистой рубашкѣ, его полы, крыльца и лавки вымыты, выметены и выскоблены; подъ тѣнистымъ на-

пускомъ широкой соломенной крыши непремѣнно ютится открытая галерейка, мало-мало покойная завалинка... А сама крыша — верхъ чистоты и акуратности; это не наша копна навозу, всклоченная, какъ нечесаная голова... Въ настоящихъ малороссійскихъ селеніяхъ рѣдко не найдешь около галерейки хотя крошечнаго полисадника съ мальвами (ихъ зовутъ весьма выразительно *рожами*), подсолнухами, ноготками, шиповникомъ и прочими незатѣйливыми растеніями. Частенько надъ бѣлою трубою горитъ своими пунцовыми кистями рябина, эта настоящая степная красавица, загорѣлая и яркая какъ цыганка; сливы, тополи, дикія груши убѣгаютъ позади хатъ въ балку... Садикъ и галерейка указываютъ вамъ, что здѣсь родилась уже потребность благороднаго и тихаго наслажденія природою, что есть уже позывъ къ домашнему комфорту, помимо пуховика горой и грязнаго самовара. Но характернѣе всего въ малороссійскомъ пейзажѣ — это вѣтряныя мельницы. Представить себѣ Малороссію безъ вѣтряныхъ мельницъ и безъ воловъ — рѣшительно невозможно. Вѣтрянки, собравшись по десяти и по пятнадцати, группируются весьма мило и разнообразно при въѣздѣ въ село или надъ обрывомъ балки. Онѣ еще издалека оживляютъ степь, и отъ нихъ, надо сказать, никуда не дѣнешься. Здѣсь въ степи такъ же много вѣтру, какъ мало воды. Почему вѣтряныя мельницы такъ живописны — понять трудно... Но между тѣмъ, рѣдко какая деталь бываетъ такъ удачна въ пейзажѣ. Особенно, когда въ тихій солнечный закатъ старая вѣтрянка съ полуизгрызанными крыльями, гдѣ нибудь высоко на зеленомъ холму заститъ вамъ вечернюю зарю...

Поэтому малороссійская быль, малороссійская поэзія рѣдко обходятся безъ вѣтряной мельницы... Это обыкновенное мѣсто любовныхъ свиданій и всякихъ вообще тайнъ. Я спрашивалъ, въ чемъ заключается живописность вѣтряной мельницы. Это совершенно напрасный вопросъ. Она вызвана природными условіями, какъ многое другое; создана именно этою, а не какою другою

природою; потому такъ и гармонируетъ именно съ этою, а не съ другою природою, съ этими хатами, садиками, съ этими фигурами воловъ и хохловъ.

Поразительно, до какой степени въ природѣ хорошо все то, что вызвано или создано природою.

Природа не умѣетъ формироваться въ некрасивыя и негармоническія формы; можетъ быть, оттого, что только въ ней одной и заключается нашъ критеріумъ красоты; что бы ни дѣлалось въ природѣ — все живописно, все нравится... Земля, напримѣръ, всколыхалась и застыла — эти безпорядочныя опухоли и трещины для насъ являются нѣжно-округленными холмами, дикими утесами, великолѣпными обрывами, всѣмъ тѣмъ, что плѣняетъ фантазію живописца, поэта и простого любителя природы. Море взволнуется — какой бы, кажется, ждать тутъ гармоніи и правильности, какого поводу къ наслажденію? А между тѣмъ одинъ взглядъ на эти волны, набѣгающія другъ на друга, встающія и падающія, охватываетъ васъ восторгомъ, и вы смотрите не насмотритесь по цѣлымъ часамъ, и для васъ волна составитъ своего рода идеалъ красоты. Тутъ ни логикой, ни эстетикой, никакими врожденными идеями ничего не объясните. Хорошо да и только, а почему — знать не знаю. Въ природѣ есть какой-то слѣпой инстинктъ, какое-то безсознательное стремленіе располагать и устроивать все такъ, чтобы нравилось человѣку. Я говорю: человѣку, потому что не справлялся о впечатлѣніяхъ лошадей и кошекъ, хотя по разнымъ внѣшнимъ выраженіямъ довольства животныхъ можно думать, что и они не лишены чувства природной красоты и влеченья къ этой красотѣ.

Разбросаны ли камни по скату горъ или по берегу рѣки, разлеглись ли овцы по холмамъ, стадо ли коровъ спустилось къ водѣ, утки ли тихо выплываютъ изъ камышей — вездѣ самая живописная группировка, самыя характерныя положенія; словно какой нибудь великій художникъ занимался размѣщеніемъ этихъ группъ

и фигуръ для своихъ артистическихъ работъ. Лучше никто не выдумаетъ положить и поставить. Поэтому живописцы такъ бьются надъ натурою. Я скажу даже больше: природа не только умѣетъ мастерски группировать то, что у ней подъ рукой, но словно преднамѣренно привлекаетъ въ извѣстную обстановку извѣстные предметы, которые, повидимому, легко бы могли не находиться въ ней. Меня часто поражало это обстоятельство: на крутомъ зеленомъ скатѣ берега непремѣнно усядется какой нибудь живописный пастухъ въ бѣлой рубашкѣ, и отразится такъ ярко и весело среди отраженія зеленыхъ тростниковъ; вы чувствуете, что его бы именно недоставало пейзажу, и что во всякомъ другомъ мѣстѣ онъ не скрасилъ бы такъ пейзажа...

Почему же онъ непремѣнно попался какъ разъ тамъ, гдѣ онъ художественно необходимъ?.. На остромъ горномъ утесѣ непремѣнно торчитъ дикая коза или ростетъ дерево, искривленное вѣтрами, хотя такъ трудно очутиться тамъ и козѣ, и дереву. Какая-то тайная сила привлекаетъ и группируетъ предметы такъ, что они взаимно пополняютъ и украшаютъ другъ друга. Объясненіемъ этой таинственной силы опять-таки можетъ служить только то, что все это природа; а всѣ дѣйствія и распорядки природы, по существу своему, исполнены высшей красоты. Иначе, для человѣка только то красота, что природа.

Большія малороссійскія слободы — настоящіе города; много церквей, нѣсколько тысячъ народу, и раскинуты богъ-знаетъ на какое пространство съ своими садами и заборами.

Опрятности много; особенно это замѣтно на церковныхъ площадяхъ, на самихъ церквахъ: все раскрашено, подновлено, подчищено, плотно пригнано и приперто, какъ шкатулочка.

Поповскіе домики такіе благонравные, причесаные и умытые. Непремѣнно ограда около церкви и садикъ. Сами люди тоже милы и чистоплотны. Молодые парубки въ своихъ короткихъ и граціозныхъ овчинныхъ казакинахъ, съ свѣжими, но степенными

физіономіями, съ красиво-надвинутыми на ухо бараньими шапками, имѣютъ, при всей скромности, что-то воинственное, что-то напонимающее предка-казака. Сѣдые усы и строгія лица стариковъ еще больше дышатъ казачествомъ. Мнѣ очень нравится этотъ милый обычай стариковъ и молодыхъ, выпускать воротничокъ бѣлой рубашки. Есть въ этомъ какая-то дѣтская наивность. Глядя на нихъ, невольно вспоминаешь тяжелые, длинные по пятки тулупы и уродливыя ваточныя шапки нашихъ чаепійцевъ-мѣщанъ... Это югъ и сѣверъ.

Изъ чистоплотности же хохолъ подстригаетъ такъ акуратно свою бороду, усы, волосы. Чорныхъ свитокъ мало видно; Малороссія и въ этомъ отношеніи бѣлая. Бѣлыя избы, бѣлые кафтаны на бабахъ, бѣлыя свитки на мужикахъ, даже шаровары зимою изъ бѣлыхъ овчинъ. Это не лишено характерности. Народъ въ бѣломъ кажется добродушнѣе и нѣжнѣе. Я замѣтилъ еще, что и молодые и старые, особенно же старые, постоянно ходятъ, подпираясь длинною палкою. Это придаетъ даже парубку много степенности и почтенности. Можетъ быть, историческое наслѣдство старой пастушеской жизни.

Русскій выдумалъ, будто хохолъ хитеръ. Это, кажется, насмѣшка или обидная шутка. Гдѣ хохлу противъ москвича или туляка! Тѣ ужь дѣйствительно, какъ говоритъ пословица, *безъ мыла въ щель влѣзутъ*, продадутъ и купятъ хохла, и, вывернувъ его наизнанку, опять продадутъ прежде, чѣмъ онъ замѣтитъ... Сами москвичи знаютъ и скажутъ вамъ, что они *бѣдовый народъ;* а про Тулу давно говорится: „хорошъ человѣкъ, да тулякъ!“ Москаль въ десять разъ находчивѣе и предпріимчивѣе хохла. Это замѣтно во всякой вещи; болѣе всего, конечно, въ хозяйствѣ и промыслахъ, но не мало и въ дорогѣ; бѣда, коли ямщикъ вашъ хохолъ, и вы попали въ петлю, въ одну изъ тѣхъ петель, которыхъ давно уже пересталъ пугаться нашъ братъ проѣзжій, знакомясь съ ними ежедневно, то-есть колесо разлетится

въ степи, дышло пополамъ, лопнетъ ось, завязнете по брюхо въ сугробѣ, и т. п. маленькія случайности вояжа.

Хохолъ оробѣетъ и растеряется безъ остатка и предоставитъ васъ, противъ своего желанія, вашей собственной изобрѣтательности. Кромѣ откровенныхъ, честныхъ средствъ, онъ не привыкъ имѣть въ своемъ распоряженіи никакихъ другихъ, и, слишаясь вдругъ, по несчастію, возможности ихъ примѣненія, становится въ безъисходный тупикъ. Москаль, напротивъ, тутъ-то и орелъ! Тутъ онъ всякаго нѣмца, выдумавшаго обезьяну, за голенище заткнетъ. Онъ отыщетъ такіе нежданные-негаданные суррогаты для каждой недостающей вещи, и съ такою дерзкою самоувѣренностью обойдется безъ необходимѣйшаго предмета, что въ самомъ дѣлѣ стоитъ подивиться ему! Сядетъ себѣ съ облучка на трехколесную повозку, и, перевѣшивая на свою сторону центръ тяжести, летитъ себѣ съ горки на горку безъ передняго колеса, поскорѣе до станціи; желѣзный шкворень вдругъ замѣнитъ своимъ пояскомъ, переломленное дышло—палочками, вкрученными въ бичеву, и валяетъ себѣ, горя мало! Такъ ли, этакъ ли, только ужь выручитъ! Сидѣть вамъ въ полѣ не дастъ такъ, какъ хохолъ. У него вся вообще сноровка плутовская, такъ она ему съ руки; онъ, какъ видите, не прочь и несчастный случай, и судьбу обморочить. Блистательнѣе всего выражается находчивость русскаго человѣка въ жизни нашихъ солдатиковъ, которые изъ своей *денежки въ день—куда хочешь дѣнь*—умудряются удовлетворять разнообразнѣйшимъ потребностямъ своего быта, даже покупаютъ чепцы съ кринолинами своимъ супружницамъ. Уже одна замѣна сапожнымъ голенищемъ раздувальныхъ мѣховъ, при ставленіи самовара — обычай, ставшій священнымъ на русскихъ станціяхъ и постоялыхъ дворахъ — достойна всемірной выставки...

Почему же этотъ архибестія, москаль, сочинившій себѣ сотни злыхъ анекдотовъ про хохлацкую глупость, анекдотовъ, въ

родѣ *сѣ не мои, мои въ чоботахъ*, увѣряетъ, будто хохолъ хитеръ? Право, кажется, оттого только, что онъ не ожидаетъ отъ малороссійскаго простодушія даже той доли ума, которую тому приходится обнаружить въ столкновеніяхъ съ москалемъ; вотъ и дивится москаль, и думаетъ: эге, да ты не такой дуракъ, какъ я ожидалъ, ты только притворяешься дурачкомъ; и произвелъ его за это въ хитрецы. За то, значитъ, что онъ не исполнилъ собою всей мѣры глупости, которую было бы, можетъ быть, выгодно навязать ему, ему и всему его потомству...

Да, хохолъ несметливъ, умственно неповоротливъ, мозговой желудокъ его варитъ туго и долго, какъ волъ жуетъ жвачку; хохолъ еще лѣнивъ вдобавокъ. Но за то хохолъ честнѣе и задушевнѣе москаля. Самая лѣнь его нѣсколько благороднаго характера, лѣнь юга и жизненнаго простора. Арабъ тоже лѣнивъ и итальянецъ лѣнивъ...

Я сказалъ, что въ Малороссіи слободы—города; надо прибавить, что малороссійскіе города, за то, чистыя слободы... Опять солома и садики, поповскіе домики съ крашеными ставеньками и вѣтряныя мельницы, какъ цѣпь стрѣлковъ... Тутъ еще жива гоголевская простота нравовъ, наивность „Сорочинской Ярмарки“.

Рано утромъ, пока чистили экипажъ, я пошелъ побродить по воскресному базару въ Константиноградѣ. „Господи ты мій Боже, чего нѣма на сей ярмарцѣ? скло, деготь, канаты, рогожи, крамари всяки, такъ что колибъ було въ кишени рублів и съ тридцать, то и тогды-бъ усей ярмарцы не закупивъ!“ Буквально вѣрно. Кромѣ бубликовъ и паляницъ, да соленаго короба, никакихъ лакомствъ, даже французской булки ни одной.

А толкотня-то, батюшки! Весь деревенскій міръ здѣсь; и сколько заботъ, сколько напряженныхъ ожиданій, какое возбужденіе интересовъ! И цѣна всѣмъ имъ—тридцать рубливъ! Овчары въ бѣлыхъ свиткахъ съ башлыками, въ чорныхъ бараньихъ шапкахъ, сосредоточенно шагаютъ по грязи огромными сапогами и еще болѣе огромными шагами, перекинувъ черезъ плеча длинные кнуты. Торговки приглашаютъ весьма искренно и трогающими голосками, и расхваливаютъ съ такимъ жаромъ убѣжденія свои мягкія паляницы, что хочется у всѣхъ купить; это совсѣмъ не гостиннодворскія зазыванія. Я купилъ у одной половину ея магазина, и доставилъ ей сразу половину ея оборотнаго капитала. Магазинъ состоялъ изъ шести паляницъ, а половина оборотнаго капитала изъ двадцати-семи копеекъ. Гануся или Олена была въ восторгѣ отъ удачи, а старая вѣдьма, ея сосѣдка, метала на меня молніи. Возвращаясь, я встрѣтилъ двухъ ямщиковъ, уводившихъ со станціи третьяго, совершенно пьянаго; одинъ, опрятный и солидный старикъ, несъ сундукъ и пожитки прогнаннаго со станціи ямщика; другой, рослый молодой парубокъ въ воротничкахъ и свѣжемъ казакинѣ, опираясь на палку, велъ за плечо преступника. Преступникъ шатался и ругался на весь міръ божій, преимущественно вспоминая смотрителя съ ближайшею роднею, и не хотѣлъ идти. Мило было видѣть, какъ любовно и кротко усовѣщевалъ его старикъ, и какъ терпѣливо подбиралъ по нѣскольку разъ вещи, разбрасываемыя расхрабрившимся героемъ сцены.

„*Да идыте, Пилипъ, до дому, да куте*, ласково понуждалъ онъ его, въ отвѣтъ на обѣщанье героя сдѣлать изъ смотрителя какую-то скверную вещь. Это „вы“ звучало такъ хорошо и странно. Серьезный парубокъ не вступалъ въ увѣщанья, но, при излишнемъ упорствѣ буянившаго, только бралъ его слегка за плечо своею богатырскою рукою, отъ одного прикосновенія которой гроза смотрителя летѣла кубаремъ въ снѣгъ.

Степь начинается на полдорогѣ со станціи Перещепина, старая, историческая степь...

Степь, которой не миновалъ ни одинъ народъ, перешедшій въ Европу, отъ кельтовъ до татаръ. Это то широкое русло, по которому текли племена другъ за другомъ и другъ противъ друга, тѣснясь, раздвигаясь, волнуясь, опрокидываясь.

Безмѣрное поле битвъ, въ которыхъ народы схватывались съ народами и ложились костьми...

Сюда невѣдомыя еще исторіи силы выходили погарцовать и испробовать свою удаль, и взять свой жребій — жить или не жить. И сколько ихъ здѣсь осталось, безъ имени, безъ слѣда... *„погибоша, аки обры“*...

Странно немножко пить чай со сливками въ степи, въ которую боялся отважиться царь персовъ съ своими мильйонами войскъ, и гдѣ, говорятъ, пили, вмѣсто чая, кровь изъ черепа врага.

Наши рати долго трепетали этихъ степей, и не даромъ... И теперь еще приходится нести много горькаго бремени, проѣзжая степь въ покойномъ экипажѣ, съ подорожной по казенной надобности, и ночуя въ такихъ станціонныхъ домахъ, гдѣ каждое кресло равняется дивану, а каждый диванъ кораблю.

Каково же было здѣсь при какомъ-нибудь Адашевѣ, при Голицынѣ, при Гордонѣ, когда каждый кусокъ хлѣба для десятковъ тысячъ людей нужно было везти съ собою въ теченіе многихъ недѣль, а на ночлегахъ встрѣчаться не съ станціонными смотрителями, а съ татарскими или турецкими саблями!.. Понятно, почему такъ долго терпѣли мы здѣсь неудачи, и почему такъ ликовали при самыхъ подозрительныхъ слѣдахъ удачи...

Я теперь понимаю, что̀ значитъ *дойти до Перекопа*, потому что понялъ, что̀ значитъ *доѣхать до него*; и, право, послѣ этого могу сказать съ полною искренностью, что фельдмаршалъ Минихъ былъ точно молодецъ!

II.

Первая встрѣча съ Крымомъ.

(Крымская весна.—Татары.—Долины Крыма.—Верблюдъ.—Землякъ на чужбинѣ.)

Весело, читатель, катиться безъ остановки, все впередъ и впередъ, по степи, ровной и необозримой, какъ море, на четверкѣ бойкихъ татарскихъ коньковъ въ открытой коляскѣ, въ сухое и прохладное утро крымскаго апрѣля. Еще веселѣе, когда вспомнишь, что эта молодая, нѣжная зелень, эти робко-пахнущіе весенніе цвѣты, это кроткое небо и ласкающій воздухъ — все это украдено тобой у мохнатой зимы, которая лежитъ теперь страшною бабою-ягою на поляхъ родной земли твоей.

Еще двѣ недѣли тому назадъ ты сидѣлъ по цѣлымъ ночамъ въ невылазныхъ сугробахъ и мерзнулъ въ своихъ тяжелыхъ шубахъ; возвратись туда, и теперь ты найдешь тамъ морозъ и сугробы, которые еще нескоро поддадутся весеннему теплу. Пріятно сознать, что лихая вѣдьма обманута, что ты не въ ея когтяхъ, что ты оттягалъ, въ пользу жизни и радости, два-три лишніе мѣсяца въ годъ.

Пускай, кто хочетъ, „въ зимній холодъ будетъ молодъ“, пускай, „въ стужѣ имъ не хуже“ — не хочу скрывать, что въ стужѣ скверно, и что гораздо легче помолодѣть въ крымской веснѣ, чѣмъ въ московской зимѣ.

Въ непочатой свѣжести ранняго дѣтства все въ мірѣ кажется *добро-зѣло* уже по тому одному, что *бысть утро и бысть вечеръ*, потому что у жизни впервые раскрываются тогда душевные глаза, и сердце впервые начинаетъ трепетать счастіемъ бытія. Но когда стихнетъ и отуманится лѣтами это дѣтское

трепетаніе, когда по выраженію поэта, „все вѣдомо, и только повторенье грядущее сулитъ“ — тогда читатель, ступайте на югъ, ступайте въ Крымъ. Вы напьетесь въ его воздухѣ живой воды и воскресите незабвенныя мгновенія вашего дѣтскаго счастія. Я уже прожилъ крымское лѣто и крымскую осень, и могу теперь сказать, что, даже въ Крыму, нѣтъ ничего похожаго на крымскую весну.

Особенно чаруетъ она новичка, русскаго гостя, котораго не балуютъ дома. Для него все кругомъ и хорошо и ново; я привыкъ къ ровной глади полей, къ неоглянднымъ стѣнамъ хлѣбовъ — но я впервые очутился въ русской степи. У насъ, въ Россіи, такъ рѣдки и необширны сухіе луга, на которыхъ растутъ пахучіе цвѣты и веселая зелень. Когда встрѣчаешь ихъ среди однообразія поля — радуешься имъ, какъ оазису въ пескахъ. А тутъ вы охвачены однимъ безконечнымъ, необоримымъ лугомъ; нѣсколько дней вы ѣдете по немъ и не можете изъ него выбраться. Тутъ ничего, кромѣ луга, ничего, кромѣ зеленой травы, яркихъ цвѣтовъ, голубаго неба и поющихъ птицъ. Въ то время, когда только горластыя галки да сѣрыя вороны зябко жмутся около нашихъ дымящихся трубъ или подъ оледенѣвшими крышами — въ то время все разноголосое, разноперое, летучее племя встрѣчаетъ первые дни весны на степяхъ Крыма. Это ихъ первая стоянка послѣ далекаго перелета черезъ моря изъ горячей Африки. Онѣ наслаждаются здѣсь голубою прохладою мартовскихъ и апрѣльскихъ дней, и только къ маю двинутся на свои сѣверныя гнѣзда.

Какія тутъ птицы — не перечислишь и не увидишь; въ степи онѣ только перелетаютъ и немногіе останавливаются; пернатыя полчища разбиваютъ свои станы на влажныхъ окраинахъ степи, на рѣчкахъ, озеркахъ, на берегахъ Сиваша. Но ты постоянно слышишь надъ собою многошумный шорохъ тысячи крыльевъ, и все въ одномъ направленіи. Только степные туземцы всегда

на глазахъ. Тяжелыя драхвы сидятъ безчисленными стадами въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дороги, точно отары барановъ. Горбатыя ястреба, пустельги, копчики, какъ разбойники въ засадѣ, торчатъ на телеграфныхъ столбахъ, на верстовыхъ камняхъ, насторожвъ жадные глаза; кулики плаваютъ, едва трепыхаясь надъ степью, высматривая мышей. Выше ихъ, на исчезающей высотѣ, висятъ въ воздухѣ черные орлы. Тутъ ихъ десятки; тутъ все полно хищниками разныхъ породъ, да и другихъ немало. Скворцы проносятся въ одной тѣсной кучкѣ, будто горсть пущенныхъ камешковъ; сороки прыгаютъ и виляютъ хвостами; удоды смѣшно шлепаются въ траву и еще смѣшнѣе перепархиваютъ; а какія-то веселенькія летуньи-пташки играли съ нами, какъ рѣзвыя дѣти: вдругъ вся ватага вспорхнетъ дружно и шумно, и, словно полоумная, понесется до слѣдующей кучи, чтобы имѣть удовольствіе опять вспугнуть себя, опять вспорхнуть и опять безъ памяти нестись до новой кучки камней, постригивая, какъ ножницами, своими востренькими крылышками.

Но милѣе всего мнѣ жаворонокъ, пѣвецъ весны. Другія птицы даютъ воздуху движенье, жаворонокъ — даетъ ему голосъ. Жаворонокъ—это поющій воздухъ; воспѣвателемъ весны, обыкновенно, считаютъ соловья, но соловей поетъ рѣдко и недолго. Его поэтическое ноктурно скоро умолкаетъ; кромѣ того, соловей—житель рощи, да и то не всякой; въ полѣ его не услышишь. Жаворонокъ не поетъ, а звѣнитъ цѣлый день отъ зари до зари на всякомъ полѣ, на степи, у лѣса, гдѣ только есть земля и воздухъ. Онъ первый запѣваетъ и кончаетъ однимъ изъ послѣднихъ. Весною онъ поетъ, когда еще подснѣжникъ пробуравливаетъ землю; утромъ онъ поетъ, когда еще звѣзды блѣднѣютъ на небѣ. Когда онъ поетъ, его не видно. Его нѣжная пѣснь незримо звѣнитъ, а онъ самъ поднимается къ небу, легко и прямо, какъ паренье молитвы. Онъ льетъ свои мелодіи, исчезнувъ въ голубой высотѣ, колыхаясь на одномъ мѣстѣ, счастливый своимъ

одиночествомъ поэта, своимъ воздушнымъ владычествомъ надъ всѣмъ, что внизу, своею близостью къ небу и солнцу. Онъ такъ счастливъ, что, пока есть свѣтъ и тепло, онъ паритъ и поетъ, не зная усталости, не желая отдыха. Оттого я люблю жаворонка больше всѣхъ поющихъ птицъ. Вверху движеніе и голосъ, внизу запахъ и яркая красота; внизу растутъ великолѣпные букеты фіалокъ, не нашихъ воздушныхъ и тощихъ, а настоящихъ пахучихъ фіалокъ, которыми славится Парма. Эти букеты лиловаго бархата разсѣяны по зеленому бархату степи съ щедростью, незнакомою намъ, жителямъ сѣвера. Мѣстами этотъ зеленый бархатъ затканъ, какъ коверъ разноцвѣтными шелками, разноцвѣтными и разновидными цвѣтами: то красными, какъ сургучъ, то жолтыми, какъ золото, то бѣлыми, то голубыми; зачѣмъ называть ихъ? Той живой, ароматической красоты, которою дышатъ они, не передашь ботаническимъ терминомъ. Мы, слабыя, невдумчивыя головы, невѣжественная толпа, жадная до фокусовъ цирка, мы ищемъ чудесъ во всемъ, невиданномъ нами, а проходимъ безъ вниманія великія чудеса, ежедневно обнимающія насъ кругомъ; мы смотримъ съ равнодушіемъ четвероногаго, какъ на вещь, вполнѣ и давно нами постигнутую, на это таинственное претворенье безцвѣтнаго сѣмени и черной грязи въ благовонный цвѣтокъ, чудно вырѣзанный, чудно окрашенный, чудно кормящійся и чудно плодящійся. А между тѣмъ, глубочайшая наука нашихъ ученыхъ дошла только до того, что сознаетъ въ большихъ подробностяхъ одинъ голый фактъ этого претворенья. Пусть отвѣтитъ эта наука, *почему* этотъ вѣнчикъ вырѣзанъ такъ, а не иначе, окрашенъ такъ, а не иначе, пахнетъ такъ, а не иначе, *почему* онъ можетъ изъ сока почвы дѣлать лепестки, *почему* изъ его сѣмени выростаетъ новый организмъ?

Въ степи народъ попадается рѣдко, какъ и жилье, однако попадается. Фигуры встрѣчныхъ такъ характерны, такъ еще незнакомы мнѣ. Все не то, къ чему привыкъ. Скоро, конечно, и

къ нимъ привыкнешь, и не будешь замѣчать ихъ, какъ не замѣчаешь часто русскаго мужика, русскаго обоза, русской деревушки. Но теперь еще любопытство насторожѣ, оглядывается и всматривается въ каждую подробность. Мнѣ кажется, только первыя минуты знакомства съ предметомъ передаютъ намъ его характеръ во всей его правдѣ. Незнакомое инстинктивно бьетъ въ глаза всѣми своими особенностями; поэтому-то говорятъ, что свѣжій человѣкъ, посторонній человѣкъ, вѣрнѣе видитъ и судитъ. Къ предметамъ привыкаешь, какъ къ воздуху. Больные перестаютъ ощущать тяжелую атмосферу госпиталя, и горецъ постигаетъ цѣлебность своего горнаго воздуха только тогда, когда попадетъ въ заточенье. Русскій мужикъ не чухаетъ въ своей избѣ ни телятъ, ни гари, ни овчины. Человѣкъ такое неблагодарное и безпамятное животное! Живетъ себѣ десятки лѣтъ въ скучной и скудной глуши, попадетъ вдругъ въ сады Италіи, на голубыя южныя моря, и уже черезъ два-три мѣсяца отвертываетъ носъ, словно вѣкъ свой не выходилъ изъ этого рая, словно всю жизнь свою ѣлъ не огурцы да капусту, а миндаль да апельсины. Конечно, въ забвеніи большое счастіе; „холодный ключъ забвенья, онъ лучше всѣхъ жаръ сердца утолитъ“—сказалъ нашъ поэтъ. Но съ другой стороны въ этомъ медицински-полезномъ качествѣ сказывается такая бѣдность человѣческой природы, что оно возмущаетъ душу.

Замѣчали ли вы, что въ Рссіи нѣтъ всадниковъ? Я это замѣтилъ только въ Крыму. Въ Россіи вы встрѣтите верхового, какъ рѣдкость, какъ особенный случай: эстафета, этапный казакъ, конюхъ при табунѣ—вотъ русскіе верховые; именно *верховые*, ибо, дѣйствительно, верхомъ сидятъ, но вовсе ужь не всадники. Это что-то неуклюжее и неумѣлое, случайно очутившееся на лошадиномъ хребтѣ, во всей неопрятности пѣшей обстановки. Спитъ или бѣжитъ всадникъ — сразу не разберешь. Ноги обутыя въ лапти, болтаются, какъ цѣпà, локти прыгаютъ,

борода потѣшно трясется, самъ спалзываетъ то на шею, то на хвостъ; и лошадь-то его также мало похожа на верховую: безъ сѣдла, безъ стременъ, безъ всякой походки и убора.

Въ крымскомъ пейзажѣ васъ сразу поражаетъ появленіе всадника. Это уже всадникъ не по имени, а по существу. Вы видите прирожденность человѣка къ верховой ѣздѣ, видите органическую связь его съ лошадью. Только исторія можетъ воспитать извѣстное качество въ такой окнченности. Вы безъ труда узнаете въ этой мирной фигурѣ потомка того страшнаго кочевника, который владѣлъ когда-то русскимъ земледѣльцемъ. И породу лошади, и породу всадника, надо выходить вѣками. Татаринъ какъ приросъ къ сѣдлу и чувствуетъ себя совсѣмъ дома: онъ на немъ спокоенъ, красивъ и доволенъ; лошадь его идетъ подъ нимъ такъ, какъ она не пойдетъ ни подъ кѣмъ другимъ: это спеціально-татарская походь, такъ-называемый аянъ; аянъ такъ споръ и легокъ, что въ результатѣ быстрѣе рыси; между тѣмъ, лошадь утомляется значительно меньше. Нарядъ татаръ — ихъ круглыя шапки, куртки безъ рукавовъ, шаровары съ кушаками — больше же всего ихъ строгія, черноглазыя и черноусыя лица, совершенно гармонируютъ съ верховою ѣздою. Лошади маленькія, горячія, быстрыя, исключительно годятся подъ верхъ; для перевозки ихъ употребляютъ мало и по нуждѣ. Онѣ слишкомъ слабы и бойки для долгаго равномѣрнаго напряженія силъ.

Всадникъ весьма разнообразитъ пейзажъ, особенно степной. Степь должна была создать всадника. Онъ кажется мнѣ ея нераздѣльною чертою. Въ немъ необходимая, замѣтно-недостающая ей красота. Степь особенно кажется степью, и Крымъ Крымомъ, когда встрѣчаешь верхомъ на маленькой кобылкѣ какого нибудь хаджи въ бѣлой чалмѣ, съ рѣзкими морщинами на темномъ лицѣ, зашитаго наглухо въ ватошную персидскую куртку, и въ жолтыхъ туфляхъ на босу ногу. Этотъ суровый старецъ, родившійся еще при Гиреяхъ, сидитъ на сѣдлѣ со всѣмъ шикомъ на-

ѣздника, и, можетъ быть, безъ особеннаго неудовольствія вспоминаетъ о тѣхъ временахъ, когда въ татарской рукѣ работала еще шашка.

Я съ большимъ удовольствіемъ всматривался въ незнакомый типъ лица, сквозь который такъ понятно говорила незнакомая жизнь. Поразительный контрастъ со всякимъ европейцемъ вообще, еще поразительнѣе контрастъ съ нашимъ русскимъ типомъ. Эти глаза, полные сосредоточеннаго огня, глядятъ твердо и серьезно, но безъ тревоги, безъ порывовъ. Это мусульманскіе глаза, глаза фатализма. Въ нихъ не свѣтитъ смѣлый духъ предпріимчивости, исканія, борьбы. Но вы чувствуете, что этотъ глазъ не сморгнетъ передъ занесеннымъ кинжаломъ и не задрожитъ слезою при видѣ крови. Авраамъ, безтрепетно закалывавшій родного сына, можетъ быть, смотрѣлъ этимъ строгимъ, непоколебимымъ взглядомъ. Духъ, озаряющій такіе глаза требуетъ для себя постоянной и ясной цѣли, во имя которой онъ долженъ приносить жертвы. Жертвы ему необходимы; умѣренность и теплота ему непонятны, это глаза нетолько фатализма, но и фанатизма. Продуктъ горячаго юга, онъ знаетъ одну температуру для воздуха и души: раскаленный зной. Онъ необходимъ рукѣ, которая спокойно завязываетъ мѣшокъ надъ головою любимой женщины, обрекаемой на погибель за одинъ неосторожный шагъ. Абрекъ, умирающій подъ саблями враговъ, въ радостной надеждѣ перейти съ поля смерти прямо въ обители рая, не можетъ смотрѣть инымъ глазомъ. Потребность неумолимой обязанности дѣлаетъ изъ такого сильнаго духа духъ рабскій; эти фанатическіе почитатели закона—надежнѣйшій оплотъ беззаконія.

Они рабы по принципу; рабы, сохраняющіе однако въ себѣ неукротимую гордость. Скептицизмъ, критическій и философскій взглядъ для нихъ такъ же недоступны, какъ легкомысліе. Они на все смотрятъ съ суровымъ уваженіемъ и съ глубокою вѣрою. Такого закала были сирійскіе и ѳиваидскіе подвижники, такого

закала были ассасины Ибн-Саббага. Въ жизни они не могутъ открыть предмета шутки или развлеченія; самыя обыденныя людскія слабости у иныхъ пріобрѣтаютъ упорный и страстный характеръ; ихъ любовныя отношенія не знаютъ водевиля, но знаютъ за то много черныхъ трагедій; поцалуй у нихъ лежитъ рядомъ съ веревкой и кинжаломъ, и смерть такъ часто граничитъ съ сладострастіемъ. На ученье они смотрятъ, какъ на таинство, съ благоговѣйнымъ страхомъ. Даже въ самомъ веществѣ книги видятъ какую-то могущественную святыню. Медицину считаютъ всесильнымъ колдовствомъ, и не хотятъ ничего знать о ея человѣческихъ несовершенствахъ. Съ такою же слѣпою довѣренностью смотрятъ на власть, на законъ. Головы слетаютъ съ плечъ, бичи истязаютъ тѣло, въ судѣ вопіющая неправда — но въ сердцѣ прежнее почтеніе и прежній страхъ. Сомнѣніе немыслимо. Такая серьезность взгляда на жизнь и обязанности вычеркнула изъ жизни мохамеданина возрастъ юности. Изъ маленькихъ дѣтей онъ прямо переходитъ въ суровую возмужалость. Въ бритой головѣ татарина, правильной и сухой, безъ бѣглыхъ *минъ* на лицѣ, съ прочно застывшими и прочно выработаниыми *чертами*, въ этомъ строгомъ прямомъ носѣ, въ этой прямой, строгой бородѣ, въ этихъ строгихъ, вѣчно сдвинутыхъ бровяхъ, но особенно въ этихъ неподвижно горящихъ, глубокихъ и суровыхъ глазахъ—я прочелъ все, о чемъ говорю теперь, какъ будто передо мною вдругъ раскрылась картина къ давно-знакомому тексту.

Меня удивилъ однако этотъ типъ. Хотя его зовутъ татарскимъ, въ немъ собственно татарскаго ничего незамѣтно; скорѣе это турецкій типъ, потому что въ немъ гораздо больше кавказскаго, чѣмъ монгольскаго элемента. Не даромъ и нарѣчіе крымскихъ татаръ совершенно турецкое. Знающимъ исторію крымскихъ татаръ это обстоятельство покажется весьма естественнымъ. Ногаи — вотъ прямые потомки кочевниковъ, унаслѣдовавшіе всецѣло ихъ монгольскій типъ лица и ихъ кочевыя привыч-

ки; но чѣмъ ближе къ горамъ, тѣмъ меньше ощущается примѣсь ногайскаго элемента, тѣмъ рѣзче сказываются другіе этнографическіе ингредіенты племени — греки, турки, итальянцы и разные другіе. Всѣ эти элементы переработались исторіею въ весьма цѣльный и характерный типъ, въ которомъ много Азіи, Востока, мохамеданства, но очень мало монгольства.

Я встрѣчалъ по дорогѣ не однихъ всадниковъ. Ѣхали на встрѣчу длинныя мажары, запряженныя волами и верблюдами, узкія, высокія, въ которыхъ можно помѣстить цѣлый домъ. Тамъ часто и сидѣлъ цѣлый домъ, то-есть цѣлыя семейства. Женщины, какъ каменныя статуи, обмотанныя съ головы до ногъ въ бѣлыя чадры, съ едва оставленнымъ просвѣтомъ для глазъ; мальчишки въ мохнатыхъ бараньихъ шапкахъ, а иногда съ бритыми синими головенками, гладкими какъ пузырь, на макушкѣ которыхъ развѣвался хохолъ — совершенно краснокожіе куперовскихъ романовъ. Нерѣдко мы проѣзжали мимо каменныхъ фонтановъ, которые, по прекрасному обычаю Востока, разсѣяны вездѣ по крымскимъ дорогамъ; какое значеніе имѣетъ фонтанъ въ степи — это можно узнать только на югѣ, въ сухихъ каменистыхъ пространствахъ на сотни верстъ кругомъ. Недаромъ его окружаютъ религіознымъ уваженіемъ, и имя благодѣтельнаго строителя тщательно вырѣзаютъ на плитахъ фонтановъ рядомъ съ стихами Алкорана. Какъ въ библейское время, какъ въ эпоху Гомера, колодезь, фонтанъ — центръ публичной жизни, по крайней мѣрѣ, деревенскій или городской фонтанъ. Но и по дорогѣ фонтаны — своего рода центры. Тутъ вы увидите остановившагося всадника или кружокъ уставшихъ пѣшеходовъ, которые, присѣвъ на корточки на самомъ припекѣ солнца, жуютъ какой нибудь скудный завтракъ или курятъ свои трубки. Тутъ же часто притуляется кабачокъ русскаго или жидовскаго изобрѣтенія. Это новѣйшая формація. Фонтаны всегда просты и благородны, и часто вокругъ нихъ особенная свѣжесть зелени. Они сильно

переносятъ фантазію туриста въ міръ истой восточной жизни, въ силійскія и малоазіатскія страны. Чалмы, чадры, всадники, случайно останавливающіеся у нихъ, еще болѣе увеличиваютъ эту иллюзію.

Видъ татарокъ, закутанныхъ въ бѣлыя простыни, какъ живыя статуи на театральной сценѣ, очень страненъ; глаза ихъ, любопытствующіе взглянуть сквозь узкую щель, кажутся очень черными и горячими, но это только кажется: сколько я потомъ ни видалъ татарокъ, всѣ онѣ прегрубаго и пресквернаго типа лица. Таинственный покровъ придаетъ интересность самому пошлому образу, и когда встрѣчаются вамъ цѣлыя группы бѣлыхъ женщинъ безъ лицъ и безъ ногъ—интересъ дѣлается понятнымъ. Смѣшно, однако, думать, будто эти укутанныя красавицы—жертва стоглазой ревности, несчастныя затворницы, которыхъ красота насильно погребается отъ взора человѣческаго. О, это далеко не плѣнницы и не жертвы! Это заматерѣлыя въ своихъ предразсудкахъ мусульманскія матроны, упрямыя консерваторши, презирающія отъ души тѣхъ, кто не держится завѣтнаго обычая. Для нихъ эта чадра такое же неизбѣжное условіе общественнаго приличія, какъ для нашихъ дамъ корсеты и кринолины.

Чѣмъ ближе подъѣзжаю я къ горамъ, тѣмъ болѣе оживаетъ степь. Эта граница равнинъ съ горами имѣетъ свой особенный характеръ и незамѣнимую красоту. Татары-завоеватели не даромъ остановились на этой цвѣтущей и вмѣстѣ привольной границѣ. Ихъ манили горы и воды, но они боялись разстаться съ степью.

Тутъ еще много степи, то-есть простору и глади. Но уже мягкіе зеленые холмы постепенно поднимаются съ юга, и изъ-за нихъ, сквозь прозрачный туманъ, глядятъ предгорія, за предгоріями горы, надъ всѣми горами Палат-гора.

Свѣжесть горныхъ водъ и горныхъ вершинъ, еще не совсѣмъ свободныхъ отъ снѣга, быть можетъ, даже свѣжесть моря, чуе-

маго за горами, дышетъ въ степномъ воздухѣ; трава ярче, пестрѣе, гуще. Между холмовъ вьются долины, то-есть сады безъ конца. Эти сады крымскихъ долинъ не имѣютъ ничего подобнаго себѣ у насъ въ Россіи. Ихъ красоту трудно даже промѣнять на скалы и море, которыя для насъ новѣе. Прекрасный итальянскій тополь, стройный, сквозной, то граціозно-группирующійся, то убѣгающій рядами—вотъ что̀ составляетъ главную прелесть долины. Безъ тополя Крымъ не Крымъ, югъ не югъ. Я видѣлъ эти тополи и у насъ въ Россіи, но никогда не предполагалъ въ нихъ такого богатства очарованія. При первой мысли о крымскомъ пейзажѣ у меня въ головѣ поднимается тополь. Съ него онъ начинается, съ нимъ онъ оканчивается. Объяснить этого впечатлѣнія нельзя; но я увѣренъ, что всякій крымскій путешественникъ, нелишенный живого чувства природы, сразу очаровывался крымскимъ тополемъ. Я не сомнѣваюсь, что тополь и кипарисъ создали архитектуру минарета, этого изящнѣйшаго и благороднѣйшаго украшенія мохамеданскаго юга. Тополь въ садахъ играетъ именно роль минарета. Страннаго въ этомъ сближеніи ничего нѣтъ: давно уже наука стала угадывать въ колоннѣ съ капителью — финиковую пальму, въ рѣзьбѣ и стрѣльчатыхъ сводахъ готическихъ соборовъ — просвѣты и вершины сосновыхъ лѣсовъ.

Надо сказать еще, что тополь нигдѣ не можетъ быть такъ хорошъ, какъ въ Крыму. Онъ хорошъ именно среди татарскихъ плоскихъ крышъ, среди этихъ низенькихъ бѣленькихъ домиковъ и въ сосѣдствѣ минаретовъ. Между ними органическая гармонія: словно одно вызвано другимъ.

Татарскій домъ—это совсѣмъ не то, что русскій домъ, что мужицкая изба. Уже малороссійская хата приготовляетъ васъ нѣсколько къ крымскому жилищу; ея бѣлизна, ея опрятная, тѣнистая крыша, составляютъ переходъ отъ русской бревенчатой избы съ высокимъ конькомъ къ каменному, словно къ землѣ

прилегшему, домику татарина. Даже усадьбы русскихъ владѣльцевъ въ Крыму приняли этотъ крымскій характеръ. Тутъ есть богатые и старинные русскіе помѣщики, но нигдѣ нѣтъ русской усадьбы — нѣтъ хоромъ, нѣтъ тѣхъ широко-раскинутыхъ службъ, разсчитанныхъ на даровую дворню, съ которыми мы такъ сроднились. Тутъ словно заграница какая-то, все не по нашему. Помѣщичій домъ тянется низенькій и темненькій, та же сакля, только побольше. Не столько домъ, сколько галерея, не столько тепла и красоты, сколько прохлады и уютности. Все заботливо обнесено, огорожено, нигдѣ бревнушка не видно. Эти дома не красуются гдѣ нибудь на пригоркѣ, надъ рѣкою, имѣя передъ собою широкій дворъ и фронтъ деревенскихъ избъ, вытянутыхъ въ струнку, какъ солдаты передъ командиромъ; нѣтъ, они скромно облѣплены овчарнями, хлѣвами и сараями; сразу видно, что тутъ на первомъ планѣ не общественныя отношенія, не наслажденія домашнимъ довольствомъ, а добыча и сбереженье.

Видно, что это не коренные обладатели земли, похоронившіе здѣсь своихъ прадѣдовъ и наслѣдовавшіе отъ этихъ прадѣдовъ право почетнаго бездѣлія, а пришлецы, колонисты, познавшіе что такое трудъ, и чего стоитъ наслажденіе.

Хоть очень рѣдко, но мнѣ попадались пахари. Эту безмѣрную степь бороздятъ кое-гдѣ плуги земледѣльца. Но смѣшно смотрѣть, какъ теряются они въ степномъ пространствѣ. Вездѣ почти дерутъ новину. Мѣста такъ много, что не стоитъ возиться надъ почвой, истощенной нѣсколькими посѣвами. По три, по четыре и больше паръ воловъ съ трудомъ тянутъ тяжелый плугъ, глубоко уходящій въ тучную почву. Должно быть, есть маленькая разница между нашей и этой: одна выливаетъ и организуетъ свои избытки въ кустарники розъ, разсѣянные по всѣмъ полямъ, въ душистую мякоть груши, которая наполняетъ лѣса;

а другая въ репейники, да въ тощій лозникъ, много-много въ скромный орѣхъ лещины. Гораздо чаще, чѣмъ плугъ, встрѣтите вы стада овецъ. Исконный промыселъ кочевника доселѣ крѣпко держится среди крымскихъ степей. Табуны верблюдовъ, лошадей, быковъ и овецъ, попрежнему, составляютъ исключительное богатство степныхъ помѣщиковъ, особенно мурзаковъ. Овцы по преимуществу. Нѣкоторые знаменитые овцеводы считаютъ ихъ здѣсь десятками тысячъ. Пока трава не выгорѣла въ степяхъ, пока ковыль молодъ и сочень, стада все здѣсь. Лѣтомъ они перекочовываютъ изъ предгорій все выше и выше, на Яйлу, на равнины Чатырдага.

Вотъ они и теперь торчатъ окаменѣлыми группами на солнечномъ жарѣ. Странныя бѣлыя фигуры съ черными мордами и въ черныхъ чулкахъ, словно на потѣху раскрашенныя, съ любопытствомъ уставились на васъ. Другія безсмысленно столпились головами въ непроходимую кучу, ставъ другъ на друга, и другъ подъ другомъ, выставивъ на созерцаніе прохожимъ цѣлый букетъ курдюковъ—преуродливыхъ овчинныхъ мѣшковъ, налитыхъ жиромъ.

Рогатый синклитъ козловъ важно разлегся на зеленомъ пригоркѣ, отстраняя себя отъ толкотни овечьяго стада, и съ строгимъ спокойствіемъ взирая оттуда на окружающій міръ. Такое неподвижное величіе должно было осѣнять мужей римскаго сената, побитыхъ галлами. Странное дѣло! ни въ козѣ, ни въ овцѣ Крыма не узнаю родного. Другія физіономіи, другая выдержка.

Вдругъ на сердцѣ у меня колыхнулось давно забытое впечатлѣніе дѣтства. Проходили верблюды. Ихъ строгія библейскія физіономіи какъ-то почеловѣчески глядѣли на меня. Мнѣ такъ живо представился Іосифъ, проданный братьями амалектянскимъ

купцамъ, которыхъ изображеніе въ илюстрированной священной исторіи впервые познакомило меня, много лѣтъ тому назадъ, съ фигурою верблюда. Что-то чудесное въ этой живучести одной минуты, одного нервнаго сотрясенія. Видъ верблюда характеренъ и живописенъ до высокой степени. Пусть понимаютъ это, какъ хотятъ, но мнѣ этотъ уродъ кажется красавцемъ. Рѣдко что удовлетворяетъ такъ созерцаніе, какъ видъ верблюда. Онъ художественъ по полнотѣ своихъ признаковъ, по ихъ строгому соотвѣтствію съ цѣлымъ, по выразительности идеи, проникающей весь его организмъ.

Это *сѣдло-звѣрь, вьюкъ-звѣрь;* вы сразу прочитываете эту основную идею верблюда въ его горбахъ, въ его шеѣ, въ его ступнѣ. Передъ вами живое, неутомимое, движущееся сѣдло на четырехъ ногахъ. Только пустыня, незнающая границъ, могла породить этого работника, незнающаго устали. Онъ рожденъ работникомъ.

Работа—его органическое призваніе и его гордость. Стоитъ только разсмотрѣть его наружность, чтобы убѣдиться въ этомъ. Не знаю, такимъ ли вышелъ верблюдъ изъ рукъ Творца, или тысячелѣтняя борьба съ нимъ человѣка обработала его въ такую неуклюжую и вмѣстѣ безцѣнную машину, въ такого удобнаго урода. Силища, немѣряющая себя, неусчитывающая, глядитъ во всякомъ членѣ; размѣры всего какіе-то чудовищные. Нашъ глазъ какъ будто непривыкъ къ звѣрямъ подобнаго калибра, и невольно чуетъ въ нихъ запоздавшихъ собратовъ тѣхъ мастодонтовъ, мамонтовъ, мегалотеріевъ и разныхъ другихъ исполиновъ, которыхъ колосальные останки открываемъ мы иногда въ геологическихъ могилахъ. Верблюдъ, въ одно и то же время, напоминаетъ овцу и медвѣдя. Его шерсть и неуклюжесть медвѣжьи, лицо овечье: оно совсѣмъ голое; уши и волоса, какъ у человѣка. Есть что-то древнеегипетское въ умномъ и суроворавнодушномъ взглядѣ верблюжьяго лица. Кажется, будто онъ все

понимаетъ и будто презираетъ васъ. Кажется, что онъ сознаетъ свою силу, свою пользу, свою незамѣнимость, сознаетъ, что исполняетъ свой священный долгъ. Оттого, можетъ быть, такъ презрителенъ его взглядъ, такъ величественны и неторопливы его движенія. Вы видите не невольника, а фанатика работы. Мнѣ кажется, въ восточномъ рабствѣ есть частица этого фанатическаго взгляда на долгъ, на послушаніе. Тамъ встрѣчаются рабы, проникнутые достоинствомъ, и униженье, основанное на принципѣ.

На горбы, теперь еще худые и костлявые, на естественное сѣдло, словно наброшена косматая, медвѣжья шуба: такъ обросъ онъ за зиму шерстью.

Такіе же тулупы мотаются у него подъ шеею и на переднихъ ногахъ, закрывая колѣна. Они придаютъ верблюду нѣсколько звѣрскій видъ. Шея страшной силы и длины, просто устроена для ярма; она спущена глубоко внизъ на самой срединѣ. То положеніе, которое даетъ шеѣ всякое животное и человѣкъ, усиливаясь тащить тяжесть, заранѣе дано верблюду самою природою: ему не зачѣмъ больше нагибаться. Онъ, такъ сказать, застылъ въ работящей позѣ. Какъ горбы его просятъ вьюка, такъ шея его проситъ ярма. Но при этомъ устройствѣ вѣчнаго работника, голова верблюда сохраняетъ полную самостоятельность. Ярмомъ согнутая шея не препятствуетъ глазамъ смотрѣть прямо и свободно впередъ, ушамъ слышать, длиннымъ ноздрямъ обонять. Верблюдъ не поглощенъ весь своею работою, не подавленъ своею ношею; на ходу онъ озирается съ достоинствомъ независимости, и съ философскимъ спокойствіемъ наблюдаетъ суетный міръ, обратившій его въ машину для перевоза. Но въ чемъ особенно высказывается страшная рабочая сила верблюда — это въ его ногахъ; переднія ноги, обросшія космами шерсти, мозолистыя, корявыя — не ноги, а просто толкачи — мѣсить песокъ. Копыта на нихъ — цѣлыя блюда. Не знаю, чего не раздавитъ такая пара ногъ и

когда она утомится! Заднія ноги худѣе и выше. Онѣ толкають какъ рессоры высокоподобранный задъ, весьма этимъ усиливая размѣръ и быстроту шага. Переднія, ломовыя, тащутъ; заднія подталкивають. Вся снасть верблюда подходящая къ ногамъ: языкъ и губы жостки, какъ мозоли, способные съ наслажденіемъ жевать тѣ колючки и рѣпьи, которыя бы въ кровь изодрали пасть всякаго другого животнаго; такой же терпкій желудокъ. Обшитъ онъ тепло и дешево, не промокнетъ отъ дождя; крѣпко сколоченъ и свинченъ; машина надежная, заведенная надолго: шагать — прошагаетъ двое сутокъ; голодать — проголодаетъ хоть шестеро; телегу подавайте въ двѣ сажени длины, возъ сѣна на телегу — цѣлый стогъ. Этотъ горбатый уродъ — спартанецъ по рожденію, безъ ликурговыхъ пособій; онъ охотникъ только до жосткаго, до тяжелаго; онъ по своему странному нраву любитъ именно все то, что составляетъ му́ку остальному живущему. Въ этомъ неоцѣненное достоинство верблюда́. Любо смотрѣть, какъ проходятъ они мимо, пара за парой; дружно, серьезно и увѣренно поднимають они свои могучія лапы, безучастно поглядывая своими ветхозавѣтными физіономіями на проѣзжихъ, и за ними легко, какъ пустая тележка, катится огромная мажара, буквально съ горою сѣна.

Оторвавши взоры отъ крымскихъ видовъ, отъ верблюда, я въ первый разъ замѣтилъ, что на козлахъ сидитъ *ку́рскій полушубокъ;* курскій ямщицкій шикъ и курское неряшество до такой степени рѣзко проявлялись въ фасонѣ и въ каждой изъ многочисленныхъ дыръ полушубка и такъ подтверждались курскою морщинистою шеею ямщика, что я, ни мало не сомнѣваясь и вмѣстѣ почему-то обрадовавшись, приказалъ ямщику обернуться. Смотрю, курская жидкая борода, курскіе лукавые глаза; какой-нибудь обоянецъ — Бога небоянецъ.

— Ты, братъ, курскій! увѣренно говорю я ему.

Борода осклабилась и нѣсколько просіяла, но еще болѣе изу-

милась; она никакъ не хотѣла вѣрить, что я ни разу еще не ѣздилъ съ нимъ, и что самъ здѣсь въ первый разъ.

Землякъ мнѣ неподдѣльно обрадовался, и я ему тоже. Такова странность человѣческой натуры! Были бы вмѣстѣ—можетъ быть, всю жизнь ласковымъ взглядомъ не обмѣнялись бы; а *на чужбинѣ*, почему-то нужны другъ другу, почему-то кажемся роднею. Однако, борода оказалась не изъ Обояни, а изъ Митрославка (можетъ, не всѣмъ географамъ извѣстно, что такъ называется у курскихъ туземцевъ Дмитріевъ-на-Свапѣ, или Дмитресвапскъ).

— Я *по поговоркѣ* спозналъ, что вы не здѣшніе, объяснилъ мнѣ тотчасъ же митрославецъ. — Здѣсь, положимъ, и говорятъ пороссійски, да все въ *татарщину забираютъ*, а нашъ русскій *говоритъ резонно*, какъ слѣдуетъ. Татарина сколько ни учи, все чисто говорить не будетъ; тоже и жидъ. Все себѣ будутъ *картавить*.

Очарованный Крымомъ, я хотѣлъ узнать, такъ ли, какъ я, относится къ нему мой землякъ; но онъ меня сразу обезкуражилъ. Онъ сталъ жаловаться на все: на жару, на камень, на нехристей, на дороговизну, на то, что чернаго хлѣба не даютъ, на то, что народу мало.

— Скверно! говорилъ онъ: — посреди *чужого человѣка* живешь. Эти собачьи дѣти татары, какъ вѣдь другъ дружку проводятъ, а *нашего брата изъѣдаютъ*. Ему досадно, что мы у *его первое мѣсто заступаемъ*, ему *при насъ околѣвать* приходится: потому что онъ *пакость*, его смѣнить съ русскимъ нельзя. Были мы крѣпостные, всѣ дома жили; хоть побирайся, уходить не смѣй. А далась воля, народъ сюда двинулся: пачпорты-заработки, пачпорты-заработки! Куда — въ сады, куда—по станціямъ... Такъ ему, татарину-то, *цѣны тогда втрое убавились!* Его работа по старинному—ковырнетъ рукой туда, сюда, а денежки подай! А нашъ противъ его вдвое сработаетъ. Онъ лѣнивъ и дурень. Пусти его теперь къ лошадямъ: ѣхать—

онъ ихъ до полусмерти бьетъ; пріѣхалъ — хомутовъ не снялъ, корму не засыпалъ, по кабакамъ! Какъ же такъ можно? Вотъ нонче у насъ на станціи ѣхать ему: мой, говоритъ, больной. Хозяинъ-то нашъ бѣдовый, жидъ, до смерти его колотитъ. Ужь такъ смѣялись! имъ всякій день такая лупка. Дурни!..

Онъ помиралъ со смѣху, вспоминая жидовскую лупку.

— Да ты врешь, остановилъ я его. — Татары не пьютъ!

— Не пьютъ? онъ презрительно усмѣхнулся. — *На это первые!* Впрочемъ, онъ скоро перемѣнилъ тэму своихъ жалобъ: — у насъ теперь взять въ Курской губерніи: здѣсь село, тутъ деревня, куда ни подайся — церкви этто, народъ; а тутъ глухо! Татаринъ праздниковъ не соблюдаетъ, поста не соблюдаетъ, а нашему брату, что изъ Рассеи пришелъ, откуда взять? Поста не блюдетъ, а тоже обрядъ имѣетъ: свиньи не ѣстъ; тутъ свиньи на полѣ дохнутъ. Сварятъ это отличный борщъ съ саломъ! смѣешься ему: поѣшь, татаринъ, борщу! И! замотаетъ головой: *чушка*, чушкà! — Дà, ѣшь чушкаà. — Кушàй, говоритъ, твой кобылкà, а мой ѣстъ чушкà; кобылкà кушай чистое, а чушкà дрянь. Сметливъ вѣдь, поганецъ: кобылу-то? Намъ, говорю, кобылятину запрещается ѣсть, намъ нельзя, нехристіанское кушанье. — А намъ, толкуетъ, чушкà нельзя! — А, облупить тебя! Плюнешь, да отойдешь; ажъ смѣхъ беретъ: пòгань, а законъ свой блюдетъ!..

Потомъ онъ сообщилъ мнѣ, что недоволенъ своимъ сынишкой: сталъ съ татарскими дѣвками баловаться.

— Смотри, женится на татаркѣ, замѣтилъ я. — Оборони Богъ! вскрикнулъ мой митрославецъ. — Такую нечисть, да въ христіанство принять! — Ну, нѣтъ, братъ; они держатъ себя строго, получше нашихъ, защищалъ я. — Кто? они-то? какъ есть *пособачьему!* Выйдетъ дѣвка въ поле, поймаетъ ее татаринъ, и не ищи: увезъ къ себѣ, тамъ и живетъ съ нимъ, *жена ему называется*. Мало дѣвка, баба замужняя; скажетъ: возьми меня къ себѣ, не хочу съ нимъ жить; возьметъ, и уѣдетъ-себѣ къ дру-

гому. И ничего! Такое у нихъ положеніе. Есть одна жена, другую беретъ, а понравится двухъ имѣть, третью беретъ. Бѣдный человѣкъ одну жену имѣетъ, и ту богатый украдетъ, а у богатаго сколько хочешь. — Что же, они вѣнчаются? — Какое тамъ вѣнчанье! *повертятся, повертятся, и готово!*

Признаюсь, меня поразила эта незыблемая крѣпость убѣжденія, независящая ни отъ какихъ фактовъ, эта органическая увѣренность въ превосходствѣ всего своего и во всѣхъ отношеніяхъ надъ всѣмъ чужимъ, это ничѣмъ неоправдываемое и вмѣстѣ ничѣмъ нескрываемое презрѣніе къ татарину, какъ къ чужому. Я видѣлъ, что землякъ много вралъ на татаръ безъ зазрѣнія совѣсти, но въ то же время понималъ, что вранье это вполнѣ искреннее и совершенно ему необходимое. На такомъ несправедливомъ, почти животномъ отношеніи къ своему и чужому коренится то инстинктивное чувство національности, силы котораго не замѣнитъ никакое образованіе и которое въ зоологіи проявляется въ болѣе грубыхъ формахъ антипатіи кошки къ собакѣ. Только такое цѣльное, исключительное воззрѣніе на свою племенную особенность въ состояніи объяснить многія важныя страницы исторіи народовъ, страницы, гдѣ особенно напряженно проявлялась народная воля и народная сила. Объ измѣнѣ татаръ во время севастопольской войны ямщикъ говорилъ, какъ о вещи, неподверженной ни малѣйшему сомнѣнію; въ этомъ случаѣ, онъ раздѣлялъ печальное заблужденіе общественнаго мнѣнія цѣлой Россіи. Впрочемъ, такой взглядъ на татарина необходимъ для полноты отношеній русскаго мужика къ нехристу.

— Какъ татаринъ мятежникомъ стать задумалъ, переводъ тамъ на свой языкъ имъ дѣлать сталъ, ну, наши казаки разнюхали. Кого подслушаютъ — въ волость, а волость *къ вышнему начальству*, а вышнее начальство къ министерству, а министерство къ императору отправляется. Сейчасъ имъ казаковъ донскихъ два полка прислали — живо смирили, въ двѣ недѣли. У

того вѣдь пика, два пистолета; вошелъ въ избу — трахъ! сколько попало: двоихъ — двоихъ, троихъ — троихъ; *уральниковъ* кругомъ постановили, у каждаго уральника по 25 казаковъ; по наряду кто гдѣ. Кто ѣдетъ? оказался — оказался; не оказался — голову долой; а не голову — изъ пистолета, абы съ ружья застрѣлитъ! Они съ *нимъ* живо расправились. А то еще *ему* въ зубы смотрѣть!

Ямщикъ мой былъ очень доволенъ этою живою расправою; онъ ухмылялся, какъ будто разсказывалъ самое забавное происшествіе.

Я не старался его оспоривать. Помолчавъ и поглядѣвъ не безъ удовольствія кругомъ, ямщикъ опять завелъ свои разсказы.

— Толкуемъ этто мы, *рассейскій народъ*, какой вотъ есть, промежь себя: ну, кабы эти горы къ намъ въ Курскъ аль Орелъ, сказать бы, хоть въ Москву — вѣдь разбои бы были. Лѣса! а здѣсь и воровства не слыхать. Бываетъ, ѣдешь пьяный, такъ хоть бы разъ колокольчикъ или возжи сняли. А у насъ бы этто ребята давно все поотрѣзали, и тебя бы съ телеги сложили. Татары — народъ тихій, глупый. Есть здѣсь *старинные жители*, наши русскіе, что давно здѣсь поселились, такъ тѣ своровываютъ лошадей, да въ Рассею гоняютъ. Потому, земля эта *придовольная* насчетъ скота, и *украдется — не слыхать*. А татаринъ развѣ стережетъ? Пускаетъ табунокъ въ балку — черезъ недѣлю пріѣдетъ: ходятъ? двѣ недѣли не ѣздитъ. Опять посмотритъ: ходятъ? мѣсяцъ не пріѣдетъ. Ужь къ зимѣ сами домой придутъ. Такъ русскій-то примѣтитъ, когда онъ выпуститъ табунъ, выберетъ парочку получше, *да полегонечку и поѣдетъ себѣ въ Рассею*.

Митрославецъ, при послѣднихъ словахъ, обернулся ко мнѣ всѣмъ лицомъ съ нѣсколько торжествующимъ взглядомъ и ста-

рался уловить въ моихъ чертахъ то выраженіе сочувствія къ русской сметкѣ и то презрѣніе къ татарской глупости, которыми самъ онъ былъ преисполненъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ разсказывалъ мнѣ о татарскомъ житьѣ-бытьѣ. „Я языка его не умѣю; скажешь это: *кошъелды* или *сабанъ-харецъ*, ну и онъ тебя *алла-разуцъ*, а больше ничего—такъ и разойдемся; воды не попрошу; *не смекну по его никакъ*, а тоже парни наши учили; есть вѣдь такіе изъ нашихъ, чтò говорятъ. Только никакой пріятности въ его рѣчи нѣтъ, такъ вотъ пособачьи языкомъ лопочетъ: шаламала! христіанскому человѣку гнусливо слушать. Строенья у его никакого, *на это онъ сволочь!* Куда противъ рассейскихъ! Наберетъ камня по балкамъ, а то изъ земли кирпичъ дѣлаетъ; такъ сольется, какъ свинецъ! Сто лѣтъ простоитъ, лучше рассейскаго древа. Бани у него нѣтъ. Варево въ холодной варитъ, съ колидору, и горницу свою съ колидору топитъ. Запрется себѣ и лежитъ. Ничего, у его въ горницѣ чисто; постель хорошая, тепло. Тоже этто баба кажное утро чисто-на-чисто полъ выметаетъ; не любитъ онъ сору; на это онъ строгъ. Только лопаетъ скверно, всякую гадину; нашъ его кушанья не станетъ ѣсть! Хлѣбъ поганый, прости Господи! Оно, то-есть, не хлѣбъ поганый, хлѣбъ все едино божій даръ, *а руки поганыя пекутъ*, нехристіанскія. По цыгански на огнѣ жаритъ, подъ самымъ казаномъ. Огребетъ попеломъ, и жаритъ. Скверность!..

„Вотъ у нѣмца, у колониста, такъ хорошо жить, перешелъ вдругъ мой разскащикъ: — нѣмцы по тому трахту живутъ: съ Харькова выѣдешь на Полуградъ, тамъ на Орѣховъ на Казияръ, на Такманъ, а тамъ *на Ѳедосью*. Они больше поселены за Стрѣлкою. Тамъ степь — *духомъ дунь*! къ Дону идетъ, къ Таганьему рогу! Такія тамъ у нихъ нумера понаставлены—Господи ты Боже! городовъ такихъ нѣтъ: дома этто каменные, сады, присадки, такая чистота! Около всякаго древа досточки покрашенныя, обстановочка, чтобы никакой шкоды древу не было;

колодези этто подъ крышами. Отлично! Какъ ему не жить? некручины не знаетъ, никуда его не требуютъ. И ужь работать нѣмецъ молодецъ! Сѣно съ тобой коситъ—у его рука какъ машина поворачивается, такъ и сучитъ и сучитъ; откуда только берется—не понимаешь! Лѣни такой нѣтъ, какъ у русскаго. Ты отобьешь одну косу, онъ три; всѣ намъ косы самъ отбиваетъ; у него вся сбруя нѣмецкая; бабка нѣмецкая и молотокъ. Кормитъ отлично, противъ нѣмцевъ нигдѣ нѣтъ такой сладкой харчи. За завтракомъ даетъ этто тебѣ рюмку водки, кофею со сливками двѣ чашки, хлѣба съ масломъ, копченки; это дома; а въ полѣ окромя идетъ. А ужь обѣдать, чтобы скоро! зазвонитъ въ косу, живо садись въ телегу, косы кидай, онъ самъ ихъ приберетъ. Пріѣзжаешь въ хату, а тамъ ужь нѣмка весь обѣдъ тебѣ справила: борщъ этто тебѣ съ колбасой, съ копченкой, съ картофелемъ, какъ есть русскій; хлѣбъ у нѣмца отличный; ну, этто драчену тамъ подаетъ, сыру. Выбираешь этакъ все себѣ копченку съ картошкой, да такъ налопаешься, что прости Господи! А ужь поѣлъ, живо въ полѣ! ругаться станетъ: русская дрянь, лѣнивецъ, скажетъ; тоже сердитъ насчетъ работы, гонитъ. Ничего хорошо; и нѣмецъ, а грѣхъ сказать, не обижаетъ; не то что жидъ; твово ему не надоть, а наградитъ завсегда“.

Меня, однако, занимало болѣе то, что было кругомъ. Я съ намѣреніемъ навелъ моего собесѣдника опять на крымскую жизнь; интересны впечатлѣнія, произведенныя на душу русскаго лапотника этою новою природою, новыми животными, новымъ бытомъ. Прошедшіе мимо верблюды дали удобную тэму для его разсужденія. Ему захотѣлось познакомить меня съ верблюдомъ. „Верблюдъ, *сильная худоба, ходистая*, внушалъ онъ мнѣ:—шестьдесятъ верстъ въ упряжку дѣлаетъ, только напой его однова въ сутки, какъ овцу. У него лапа широкая, способная, тоже на два копытка, какъ у овцы: *адамская овца прозывается*. Адамъ просилъ Бога, чтобы ему скотину такую ядреную Богъ подалъ.

Вотъ Богъ и подалъ верблюда; вози, молъ, себѣ, что хочешь. У него и хвостъ, и лицо, и уши овечьи. Сухо—120 пудовъ пара цѣлый день претъ, ѣсть не проситъ; а чуть дождичекъ—это его смерть; версту пройдетъ—ложится. Голоситъ, словно маленькій: ага, ага, кричитъ. Потому, ладонь у него мягкая, какъ у медведя, чуть только коготочки; ну, и скользитъ. А подмерзнетъ—и! пошелъ!.. лошадьми не догонишь. А ѣстъ совсѣмъ мало, какъ овца. Онъ сѣна хорошаго не любитъ, а что ни есть негодная трава, ни Богу, ни человѣку, а только въ печь, да и то неспособна—*ту онъ, сволочь, и кушаетъ*. Вотъ бурьянъ колючій, *курай—это его первое пропитаніе*. Такъ и называется *верблюдникъ*, сѣно верблюжье. Онъ теперь на хорошей степи пастьcя не станетъ, а увидитъ его (курай-то), хоть за полверсты попретъ къ нему. Вотъ тоже молочай—что какъ сорвешь, молоко тебѣ брызжетъ — это онъ тоже кушаетъ, каторжный. Такъ *Богъ зародилъ*: какая вещь какому созданію. *Ты природа, а я опять природа*; такъ и верблюдъ. Онъ его рубаетъ-рубаетъ, какъ машиной обработаетъ. *Онъ съ его здоровъ*, стало быть, ему пользительно. Лѣтомъ съ него шерсть идетъ, особливо съ молодого; какъ вылупится, петровки еще не придутъ, пошелъ линять! Сталъ шерсть бросать, тутъ его обдирай. Эта шерсть на башлыкъ идетъ. Теперь по всей имперіи башлыкъ пущенъ; каждый солдатъ башлыкъ носитъ, казенный дается; чтобы своего не покупалъ, а только чтобы въ цѣлости. Это вѣдь отсюда башлыкъ пошелъ. Теперь *и сапогъ вольный* солдату дается, чтобы только ногѣ было тепло, а тамъ-себѣ какъ хочешь; не то, что прежде: казенный давали, по мѣркѣ; *обмѣрятъ ногу, сошьютъ, хоть ты сдохни, а носи*. Бѣда еще, какъ верблюды бѣгаются; ты къ ему и близко не подходи къ самцу; на лошади догонитъ; бросается и на прохожаго, и на проѣзжаго, ровно звѣрь. А догонитъ, надо ему свитку бросить, такъ онъ копытами да зубами всю какъ есть порветъ: когда золъ, всю тебѣ морду заплюетъ,

не отскребешься. Мурзаки здѣшніе занимаются таки этой животиной; табунки штукъ по 100 есть; конный *пастырь* за ними приставленъ съ кійкомъ желѣзнымъ; кійкомъ ихъ и гонятъ. Такъ и пастыря-то своего въ гулячее время не признаютъ; ничѣмъ ихъ не уймешь. Одинъ такъ-то хотѣлъ самца забратать, поталкиваетъ его помаленьку изъ табуна въ базокъ, по нашему, такъ бы сказать, *наворохъ*; а самецъ-то бѣгался, онъ этого не зналъ; только онъ кіемъ на него намернулся, схватилъ его верблюдъ зубами за волосы, да черезъ заборъ и перемахнулъ; волоса-то со шкурой у верблюда въ зубахъ, а татаринъ за заборомъ мертвый лежитъ. Такъ и нашли мертваго. Скотина, одначе, умная; толкни его въ колѣно, сейчасъ тебѣ сядетъ; маленькій, и тотъ за узду поведетъ. Сидѣть на немъ верхомъ способно, только не невѣжничай: онъ этого смерть не любитъ! сейчасъ тебя горбами сдавитъ, а самъ заплюетъ-заплюетъ, просто пропадешь! То-то, мы говоримъ промежь себя: кабы парочку верблюдовъ къ намъ въ Рассею завезти, да на поле пустить — сколько бы тамъ ни было мужиковъ на полѣ, всѣ бы бросились прочь, и сохи бы побросали, и коней бы побросали. Лошадь наша русская у! какъ его боится! Не дай же Богъ! Ѣдетъ верблюдъ, завязывай глаза, а не то будешь съ возомъ въ канавѣ... А то еще удивляюсь я; ну, верблюдъ, то бы еще ничего, а то осленокъ: ростомъ съ теленка годовичка, того меньше, ушатый, какъ заяцъ, а запряги пару—за большихъ лошадей повезутъ. Есть и большіе изъ нихъ, а этто *малолѣпны*, самки ихъ съ жеребцами бѣгаютъ; которая вдается ростомъ въ жеребца, а силою въ мать — вотъ та-то дорогà. У насъ на станціи, у жида, была тоже парочка—удивленье! Вотъ буйволъ, тотъ опять свое; верблюду подавай сухо, а этотъ мокроту только и любитъ. Въ жаръ-то, жарко ему станетъ, тяжелый онъ, жирный—такъ задышетъ! а пришла лужа—прямо въ лужу валится; береги татаринъ дышло! Около моря съ нимъ страсть: съ мажарой тебя унесетъ, не удержишь, въ море съ

версту уйдутъ, сидятъ, только храпки видать. У татарина ковшикъ такой есть, какъ совокъ: пріѣдетъ къ лужицѣ, сейчасъ этто съ мажары долой, набираетъ воду, и ну его обливать. А онъ только вздыхаетъ. Полилъ его кругомъ, ну и опять пошелъ. Холоду опять тоже боится: онъ даромъ что черный, а вѣдь почти совсѣмъ голый. Оттого и держится въ теплѣ, въ горахъ; здѣсь на степи его не видать, здѣсь онъ померзнетъ. Набросаетъ ему тамъ татаринъ кой-чего, чтобы отъ мороза его спрятать, корму ему дастъ, ну—и живетъ зиму. Самки ихъ худыя, потому что ихъ доятъ. А силой будутъ противъ верблюда; ихъ двѣ пары за три пары воловъ. Большое и ихъ заведенье у мурзаковъ. Кнутомъ его не проберешь, у него кожа на спинѣ, какъ ремень; а татаринъ его гвоздечкомъ донимаетъ: гвоздечекъ такой на палкѣ сдѣлаетъ, *сидитъ-себѣ, да покавыриваетъ*".

Между тѣмъ, какъ ухо мое вслушивалось въ зоологическое повѣствованіе ямщика, глаза и душа все сильнѣе, все восторженнѣе приковывались къ горамъ. Горы дѣлались все серьезнѣе и серьезнѣе. Степь замирала на своихъ послѣднихъ предѣлахъ. Уже мы переѣхали въ нѣсколькихъ мѣстахъ мелкую и узенькую рѣчку, съ быстрою чорною водой, прозрачной какъ слеза; эта рѣчка казалась налитою на каменномъ полу, или на мелкомъ блюдѣ. Глубина ея казалась не болѣе вершка, и чисто вымытые ею разноцвѣтные камушки, составлявшіе мозаичное дно рѣчонки, видны были сквозь нее такъ же отчетливо, какъ на вашей собственной ладони. Пѣшеходы переходили эту знаменитую рѣчку такъ же хладнокровно, какъ переѣзжали ее экипажи. Сады стали приближаться, съ ними татарскіе домики. Горы стояли уже не въ такомъ туманномъ далекѣ; ихъ обрывы, ущелья, нависшіе валуны видны были ясно. Надъ всѣмъ царилъ Чатырдагъ, попрежнему туманный, и словно прозрачный. Я его увидѣлъ въ первый разъ изъ Перекопа, то-есть за 133 версты, хотя онъ видѣнъ, какъ мнѣ говорили, за 200 и 250 верстъ.

Для меня, вѣчнаго жителя равнины, его появленіе было особенно поразительно. Онъ стоялъ въ небѣ какъ будто нѣжное облако, какъ что-то непринадлежащее землѣ. Только твердыя, неизмѣнныя очертанія его открывали вамъ, что это не облака. Изъ такой дали горы долго кажутся мечтой; имъ не вѣришь; онѣ такъ воздушны, что, кажется, сейчасъ растаятъ; но ѣдешь 20 верстъ, ѣдешь 50, воздушное мечтаніе яснѣетъ и густѣетъ, и болѣе и болѣе принимаетъ свой плотскій абрисъ.

Неудивительно, что младенчествующіе народы считали высокія горы жилищемъ боговъ.

Подъѣзжая къ Чатырдагу, начинаешь понимать религіозное значенье Олимпа. Только звѣзды и солнце видны изъ такихъ далей; это качество не присуще земнымъ предметамъ. Поэтому-то, что отовсюду видно и до чего не достанешь, такъ естественно кажется неземнымъ, кажется недоступнымъ, трономъ незримыхъ боговъ.

III.

Столица Гиреевъ.

(Татарскій Невскій проспектъ, ханскій дворецъ, мечеть и усыпальница.)

Вотъ онъ и Бахчисарай! Признаюсь, никакъ его не ожидаешь: лежитъ себѣ, спрятавшись въ лощинкѣ, и ни гугу! Въ полверстѣ проѣдешь — проглядишь. Это совершенно потатарски. Татары такіе большіе охотники селиться вровень съ землею, чтобы кончика уха не было видно издали. Всѣ ихъ аулы по балкамъ, по ущельямъ. И самые дома вдобавокъ такіе низенькіе, словно къ землѣ прилегли, а крыши будто сплющены. Можетъ, сноровка стараго степняка-грабителя, который повадился и самъ

прятаться, и другихъ подкарауливать. Ему, пожалуй, неловко на юру, гдѣ нужно смотрѣть откровенно и прямо на божій свѣтъ.

Бахчисарай будто въ яму насыпанъ. Издали дома куча на кучѣ, только-что не кверху ногами. Одни сбѣгають съ одной горы, другіе съ другой, а внизу самая ихъ гуща... За то какъ живописно, какъ непохоже на то, чѣмъ бываетъ нашъ русскій городъ...

Съ Бахчисараемъ та же исторія, что съ Константинополемъ. Имъ любуются издали, но, въѣхавъ въ него разъ, навсегда теряютъ охоту въѣзжать въ него. Главная почтовая улица Бахчисарая, длиною версты двѣ, тянется вдоль по скату горы, параллельно ущелью. Она мощена; но, несмотря на мостовую, колеса моей коляски уходятъ по ступицу и танцуютъ во всѣ стороны; меня перекидываетъ изъ угла въ уголъ, и всѣ снасти экипажа стонутъ. Не забудьте, что пекло печетъ, и вездѣ по дорогѣ пыль. Качанье моей коляски тѣмъ опаснѣе, что направо она можетъ стукнуться о лавочку мясника, а налѣво раздавить бакалейную торговлю. Если я высуну въ обѣ стороны свои руки, то, навѣрное, могу обѣими ухватиться за крышу домовъ, окаймляющихъ улицу.

Можетъ быть, этотъ способъ и употребляется туземцами, въ случаѣ паденія изъ экипажа, а безъ такихъ случаевъ я не могу мыслить бахчисарайскаго Невскаго проспекта. Впрочемъ, экипажъ, на которомъ ѣздятъ татары—то-есть верховая лошадь—нелегко падаетъ, въ этомъ я скоро убѣдился. Для верховой ѣзды дѣйствительно нѣтъ особеннаго стѣсненія даже и въ такой мостовой, и въ такой грязи, особенно, если предположить, что эта мостовая и эта грязь устраиваются намѣренно, въ видѣ настоящей гимнастической школы, своего рода палестры — для татарскихъ лошадей.

Господи, что за великолѣпіе, что за изобиліе! Улица состоитъ почти сплошь изъ магазиновъ и лавокъ. Да и сама-то она сво-

ею тѣснотою и темнотою какъ нельзя болѣе напоминаетъ проулочки московскихъ гостинныхъ рядовъ. Не знаешь, на что смотрѣть! Разинешь ротъ, да и боишься, что коляска заставитъ языкъ прикусить. А какъ не разѣвать рта: направо и налѣво идутъ клѣтушки изъ глины и мусору, мазанки, подпертыя столбиками съ сквозными черепичными крышами, съ покривившимися и совсѣмъ нагнувшимися стѣнками, съ балконами и даже цѣлыми пристройками, висящими Богъ-знаетъ на чемъ въ воздушномъ пространствѣ, съ галерейками, поддерживаемыми только тѣмъ, что ихъ еще никто не толкнулъ порядкомъ; домики въ два этажа, и между тѣмъ въ одно окно; дворики, въ которыхъ не разойдутся хозяинъ съ хозяйкою, если вдругъ встрѣтятся! А лавки-то, лавки! Вопервыхъ, всѣ наружу—съ откровенностью, достойною лучшей участи и лучшаго содержанія: безъ оконъ, безъ дверей, просто досчатыя клѣтки. Наружу нетолько товары, но даже печи, кухни. Вонъ какая-то уличная харчевня съ полкою синихъ тарелокъ, огромными кострюлями бѣлаго желѣза и бородатымъ поваромъ, проворно повертывающимъ вертелъ. Все это дѣйствуетъ на вашихъ глазахъ; хотите — поучайтесь, хотите — обѣдайте. Кузнецъ точно также мало маскируетъ свои поддувала и свой горнъ. Изнеможженные, закоптѣвшіе татары въ ермолкахъ еле двигаютъ мѣха его кузницы; въ ихъ чахоточныхъ фигурахъ трудно узнать тотъ самый ожирѣвшій типъ, который свойственъ зажиточнымъ татарскимъ торгашамъ.

Вонъ, посмотрите, выползли они на солнце и разсѣлись важно и неподвижно, какъ откормленныя жабы, подобравъ подъ себя коротенькія ножки, по своимъ прилавкамъ, на маленькихъ коврикахъ; голова въ бараньей шапкѣ, на груди стеганная куртка, сверху другая безъ рукавовъ... Въ карманахъ широкихъ шароваръ найдется изрядная киса съ русскими рублевиками; это тоже грѣетъ порядкомъ... Бритыя головы синѣютъ на солнцѣ, и длинные усы то висятъ черными піявками, то торчатъ врозь, какъ у

сибирскихъ котовъ... Эти толстозадые, ожирѣвшіе торгаши цѣлые дни сонливо сидятъ посреди нѣсколькихъ булочекъ или сотенъ двухъ яблоковъ и картофелинъ, тщательно разложенныхъ около нихъ въ правильныя пирамидки; такъ смѣшно видѣть въ подобной чести нашъ родной картофель, который ссыпается у насъ на русскихъ базарахъ, чуть не прямо на землю, цѣлыми горами... Другіе товары подъ стать этому. Въ одной лавчонкѣ виситъ штукъ пять кожъ, въ другой стоитъ штукъ пятьдесятъ глиняныхъ кувшинчиковъ, въ третьей мотаются на снуркахъ тощіе кусочки говядины, вѣроятно, протухшей. Всего товару на три гроша у каждаго; а между тѣмъ такая гибель этихъ лавчонокъ! Всѣ они своими палочками и драночками такъ и просятся подъ хорошій пожаръ, которому онѣ послужатъ лихою растопкою. Но, видно, и товаръ, и гостинный дворъ по нутру бахчисарайцамъ. Имъ, пожалуй, все это кажется Палерояломъ своего рода. Вонъ сколько народу и сколько покупателей! Три папушки табаку привлекли къ себѣ цѣлую ораву. Суровый хаджи въ бѣлой чалмѣ—счастливый владѣлецъ этихъ папушъ—относится къ алчущимъ покупателямъ съ безжалостнымъ спокойствіемъ мусульманина... Его сѣдыя брови неподвижно нахмурены, и ни одинъ желтый мускулъ не шевельнется вокругъ угрюмыхъ глазъ, устремленныхъ въ пространство. Какъ будто бы онъ вовсе не замѣчаетъ своихъ покупателей и вовсе не желаетъ ихъ. Въ толпѣ замѣтно много интересныхъ и разнообразныхъ типовъ. То пройдетъ высокій мулла въ чалмѣ, въ длинномъ халатѣ поверхъ двухъ куртокъ, съ правильными и красивыми чертами смуглаго лица, то компанія молодыхъ франтовъ—купчиковъ, франтовъ на татарскій манеръ, разумѣется: въ синихъ курткахъ, перетянутыхъ чеканеными поясами, съ множествомъ стальныхъ цѣпочекъ, съ рѣзко подстриженными и черными, какъ смоль, усиками. Рѣдко проходятъ и женщины; похожія на статуи, съ головы до ногъ обернутыя въ бѣлыя простыни, изъ-подъ которыхъ выглядываютъ

только черная пара глазъ, да желтыя туфли. На самомъ солнечномъ припекѣ сидятъ рядышкомъ на землѣ татарскіе нищіе, такіе истощенные, какихъ не найдешь въ самой роскошной коллекціи нашихъ русскихъ нищихъ, даже въ Сергіево-Троицкой лаврѣ... Только цыгане, цыганки и цыганята—совершенно такіе же, какъ у насъ. Это настоящіе *плащеватые* цыгане, какъ ихъ называютъ въ Россіи, то-есть вмѣсто всякой одежды одинъ плащъ на плечахъ, и притомъ цыганскій плащъ; вы можете себѣ представить, каковъ онъ долженъ быть. Ребятишки обходятся совсѣмъ безъ плаща, что̀, впрочемъ, производитъ мало разницы. Бѣдности и слякоти по горло. Домишки копейки не стоятъ; хозяйства незамѣтно никакого. Хоть я не входилъ въ дома, однако, нетрудно замѣтить отсутствіе всякихъ удобствъ. Даже оконъ почти нѣтъ; одно, два, рѣдко три окна, и всѣ на разныхъ высотахъ, разной величины. Чаще всего вмѣсто стекла рѣшетка. Красиво-то это — красиво въ ландшафтѣ, и очень оригинально; но жить такъ, признаюсь! Грязныя лавчонки иногда вдругъ разступятся, и вы видите подъ собою узкую, вьющуюся змѣею щель — это переулокъ, спускающійся въ нижнюю часть города. Тамъ, глубоко внизу, видны сквозь эту щель, плоскія крыши домовъ, цвѣтущій миндаль и персики, высокія стрѣлы минаретовъ, и еще болѣе высокіе, прелестные тополи... Вамъ отсюда кажется, что одинъ домъ стоитъ на крышѣ другого, а другой — на крышѣ третьяго; кажется, что и вы сами ѣдете по крышамъ домовъ... Какъ спускаются туда внизъ, особенно въ арбахъ и верхами — это не легко понять. По такимъ лѣсенкамъ лазаютъ у насъ только въ подвалы и погреба. Оглянитесь налѣво, и вы увидите противоположное зрѣлище: тутъ уже не бездна подъ вами, сплошь налитая крышами и вершинами деревъ, тутъ вы сами копошитесь у подножья массы построекъ, которыя словно выростаютъ одна надъ другой, одна изъ крыши другой, и готовы сейчасъ раздавить васъ, потому что выше самой высокой изъ нихъ под-

нимаются каменные выступы горъ въ довольно угрожающемъ положеніи... Да и безъ помощи горъ нетрудно рухнуть всѣмъ этимъ смѣшнымъ и жалкимъ клѣтушкамъ, этимъ безглазымъ и узенькимъ домикамъ на палочкахъ, словно на куриныхъ лапкахъ, облѣпленнымъ галлерейками, балкончиками и всякими пристроичками. Коляска поневолѣ ѣхала тихо, и я могъ свободно созерцать всю странную красоту восточнаго города и всю его жалкую грязь... На меня смотрѣли съ прилавковъ и съ балкончиковъ съ такимъ же любопытствомъ и, можетъ быть, такою же жалостью. Рядомъ съ моею коляскою давно уже шелъ русскій солдатикъ, тоже должно быть, изъ небывалыхъ здѣсь; онъ замѣтилъ мои удивленные взгляды, и не разъ пытался заговорить со мною; наконецъ подмигнулъ мнѣ запанибратски, ухмыльнулся, качая головою, и сказалъ съ выраженіемъ безконечнаго презрѣнія: „Вѣдь вотъ же, ваше благородіе, дурни какіе на свѣтѣ есть, какъ это у нихъ все подурацки, не по русскому“.

И отмаршировалъ себѣ далѣе, не дожидаясь отвѣта.

Но я вздохнулъ, вмѣсто всякаго отвѣта, вздохнулъ при мысли, что наша бѣлокаменная Москва и наша благословенная Русь весьма и весьма недавно были тѣмъ же Бахчисараемъ, а, главное, что и до сихъ поръ у насъ еще столько бахчисарайщины во всемъ и вездѣ... Русскій человѣкъ внесъ одинъ элементъ въ бахчисарайскую жизнь. Среди татарскихъ лавчонокъ я вдругъ съ чувствомъ какого-то родственнаго расположенія увидѣлъ родную подпись: *Разгуляй — питейный домъ распивочно и на выносъ*. Нашъ братъ русскій втянулъ-таки и въ этотъ уголокъ Стамбула или Каира свой неизбѣжный кабакъ, да еще, бестія, словно въ насмѣшку, нарисовалъ на доскѣ татарина съ штофомъ! Вотъ уже, нечего сказать, нашелъ виноватаго! съ больной головы, да на здоровую.

Взболтавъ всѣ мои печонки и расшатавъ всѣ суставы экипажа моего, длинная, змѣевидная улица, наконецъ, кончилась, и

я сталъ спускаться къ дворцу. Да, отличную столицу устроили себѣ старые ханы; есть за что поблагодарить исторіи и потомству... И, наглядѣвшись на этотъ народъ, на эту жизнь, вдругъ вспомнить, что мы были у нихъ въ рабствѣ почти два съ половиною вѣка! Что нужно подумать о народѣ, которому татаринъ такъ долго годился въ господина и повелителя? Тотъ самый татаринъ, который до сихъ поръ не умѣетъ выстроить себѣ порядочной хаты.

Познакомившись съ бахчисарайскою роскошью и бахчисарайскимъ комфортомъ, примешь за дворецъ и почтовую станцію, тѣмъ болѣе настоящій дворецъ, хотя бы и татарскій. Снаружи онъ плоховатъ и немного обѣщаетъ; по восточному обычаю, онъ идетъ оградою кругомъ двора; наверху торчатъ башеньками живописныя мавританскія трубы; стѣны расписаны еще снаружи. Но внутри двора много уже разнообразія и оригинальной красоты... Просторный, свѣтлый, совершенно зеленый дворъ, обрамленный различными павильонами дворца, цвѣтничками и коегдѣ миндальными деревьями—самъ по себѣ уже большая красота, особенно для жителей сѣвера, все еще помнящихъ свой московскій мартъ, и особенно для путешественника, испытавшаго бахчисарайскія улицы. Благодаря любезности коменданта дворца, всѣми уважаемаго, гостепріимнаго, сторожила Бахчисарая, я могъ расположиться въ одномъ изъ отдѣленій дворца и осмотрѣть въ немъ все интересное.

Конечно, это не Альгамбра, не Кордова; но вѣдь у насъ, въ Россіи, не встрѣтишь другой такой постройки восточнаго стиля. Это одинъ изъ немногихъ архитектурныхъ документовъ когдато процвѣтавшей здѣсь восточной жизни. Въ немъ нѣтъ почти слѣдовъ того изящества, той утонченной роскоши и фантастичности, которыми восхищаютъ путешественниковъ мавританскіе памятники. Все въ немъ довольно бѣдно, просто и прозаично. Это—арабская поэзія, воплощенная въ татарской головѣ. Но все-таки

идея постройки и главные пріемы ея чисто восточные. Все зданіе очень велико; покойчики и залы прилѣплены другъ къ другу неправильными группами, образуя безпрерывно уступы, спуски, повороты. Никакъ не поймешь мысли распредѣленія въ этомъ безпорядочномъ нанизываньи комнатъ на комнаты.

Комнаты, за небольшимъ исключеніемъ, крайне тѣсны. Тѣсны и тѣнисты; ясно, что жгучее солнце руководило мыслью зодчаго.

Въ Крыму, впрочемъ, вообще всѣ постройки проникнуты мыслью о тѣни, о прохладномъ уголкѣ. Тѣнистость условливается, между прочимъ, исключительнымъ господствомъ цвѣтныхъ стеколъ въ небольшихъ окончинахъ дворца. Эти стекла представляютъ затѣйливые и яркіе узоры, въ своихъ мастерскихъ алебастровыхъ рамочкахъ; рѣдко попадается простое окно; то пестрая розетка, то какая-нибудь непонятная фигура, и всѣ помѣщены очень высоко... Но спеціально-прохладными и тѣнистыми пріютами должны были служить *рѣшотныя комнаты*. Это просто большіе балконы въ поворотахъ зданія, обнесенные вмѣсто стѣнъ мельчайшею и очень красивою рѣшоткою. Снаружи ничего не разглядишь за этою мелкою сѣтью, но изъ-за нея рѣшительно все видно, а уже продуваетъ за то, какъ нигдѣ. Солдатъ-чичероне объяснилъ мнѣ, что отсюда *„Онъ чернь свою обозрѣвалъ“*; изъ его различныхъ толкованій вообще я замѣтилъ, что онъ составилъ себѣ твердое понятіе о какомъ-то *одномъ ханѣ*, котораго онъ называлъ Крымъ-Гирей Ханомъ, и къ которому исключительно относилъ всѣ извѣстныя ему событія, между прочимъ и постройку дворца; говорилъ со мною этотъ солдатъ весьма обыкновеннымъ и идущимъ къ дѣлу тономъ, но только-что входилъ въ новую комнату, вдругъ разомъ вытягивался во фронтъ, сдергивалъ съ себя шапку, и произносилъ какимъ-то торжественно-оффиціальнымъ голосомъ: *„Комната Марьи Потоцкой; государыня императрица изволила останавливаться въ*

такомъ-то году“; и потомъ, словно ни въ чемъ не бывало, опять продолжалъ какой-нибудь разсказъ, инымъ, уже естественнымъ своимъ голосомъ. Видно было, что въ этомъ фронтѣ и выкрикиваніи онъ полагалъ особенное, спеціально ему свойственное, мастерство, которое его отличаетъ отъ непосвященныхъ или неопытныхъ путеводителей. Впрочемъ, онъ обходился въ своихъ коментаріяхъ больше съ помощью Крымъ-Гирея-Хана да *Марьи Потоцкой*. Что ни спросишь—все у него Крымъ–Гирей да Марья Потоцкая; деревянные башмаки для бань — Марьи Потоцкой, кровать — Марьи Потоцкой. Послѣ я уже самъ разсмотрѣлъ, что кровать, по всей вѣроятности, сдѣлана въ Симферополѣ, и не считаетъ своего возраста десятками лѣтъ.

Марія Потоцкая—это героиня *фонтана слезъ*. Фонтанъ этотъ, къ несчастію, нисколько не въ состояніи поддержать своей поэтической славы... Вопервыхъ, этотъ фонтанъ не гдѣ-нибудь въ гаремѣ, не внутри дворца или сада, а просто въ огромныхъ пустыхъ сѣнцахъ дворца, у самаго главнаго входа. Какъ-то трудно вообразить себѣ мѣстомъ поэтическаго уединенія и мечтаній —сѣни около парадной лѣстницы. Да и самъ фонтанъ весьма не красивъ: простой четырехугольный выступъ изъ стѣны, на подобіе печи или шкафа, и въ немъ съ фасу сдѣлана мраморная доска съ надписями, а подъ ней маленькій басейнчикъ... Сюда медленно падаетъ изъ отверстія доски та струя слезъ, которую воспѣлъ поэтъ... Въ сѣнцахъ сыро и непріятно, видны входы въ разные мрачные подвалы; вообще, многое въ нихъ настроиваетъ на насморкъ, но рѣшительно ничто не настроиваетъ на поэтическій тонъ.

Пестрота восточной живописи и архитектуры—пестрота, лучше всего выразившаяся въ узорѣ персидскаго ковра или турецкой шали—очень пріятна глазу... Какой-то такой, самъ себя сглаживающій и уравновѣшивающій колоритъ; дисгармонія, доведенная до гармоніи своего рода... У восточнаго жителя все проник-

нуто этою успокоительною пестротою... Потолки расписаны, стѣны расписаны, двери и окна расписаны, полы расписаны въ рогожкахъ и коврахъ, даже зеркала, столики, табуреты и диваны — и тѣ расписаны до послѣдняго уголка... Это и оригинально, и весело... Красныя съ позолотою и голубыя съ позолотою двери сливаются съ хитрыми арабесками стѣнъ и потолковъ... Очень красивы и характерны, хотя весьма неудобны къ употребленію, турецкіе табуреты и столики, обложенные перламутровою мозаикою; зеркальца въ какихъ-то стеклянныхъ, съ подкладки раскрашенныхъ и раззолоченныхъ рамкахъ, украшенныхъ полумѣсяцами и всякими фигурами... Въ нѣкоторыхъ комнатахъ еще цѣлы стѣнные шкапчики, и въ нихъ стоитъ разная стеклянная и мѣдная посуда, довольно цѣнная... Эти шкапчики тоже разноцвѣтные, со всевозможными узорами... Комнатъ множество. Солдатъ смѣло обозначалъ ихъ — то спальнею Екатерины, то столовою императора Николая, то кабинетомъ своего неизмѣннаго Крымъ-Гирея; но я его, разумѣется, не слушалъ. Болѣе другихъ заняла меня комната судилища — огромная зала въ нижнемъ этажѣ — съ сидѣньями по стѣнамъ, съ весьма ярко-расписанными потолками, съ рѣшотною тайною комнатою для хана, помѣщенною въ видѣ хоръ. Изъ кабинета хана сюда ведетъ темный и тайный корридоръ. Предполагалось, что ханъ могъ присутствовать, незамѣченный судьями, и судьи должны были быть постоянно на сторожѣ. Подобныя дѣтски-наивныя средства къ водворенію правосудія принимались когда-то и не такими безхитростными правителями, какъ татарскіе Гирей-Ханы; слава какихъ нибудь Гарун-аль-Рашидовъ основывалась на изобрѣтеніи и упражненіи именно такихъ жалкихъ мѣръ личнаго надзора и личнаго вмѣшательства, потому что на государство еще не умѣли тогда смотрѣть иначе, какъ на большой хозяйскій домъ.

Дѣтскому понятію о правосудіи татарскихъ хановъ соотвѣтствуютъ и дѣтскіе ихъ вкусы въ выборѣ украшеній. Кабинетъ

Менгли-Гирея, кажется, отличается особенно тщательнымъ и, по тогдашнему понятію, вѣрно, рѣдкимъ убранствомъ. Стѣны покрыты лѣпными изображеніями лимоновъ, винограду и разныхъ плодовъ; за стекломъ, въ верхней части стѣны, помѣщены маленькіе цвѣтнички восковыхъ цвѣтовъ — чистые сады вавилонскіе. Теперь ребенокъ недолго бы утѣшался на эти лѣплюшки. Около есть комната, изъ которой старые баловники-дѣти утѣшали себя созерцаніемъ красоты, обнаженной отъ всѣхъ стѣсняющихъ ее покрововъ... Подъ окнами этой комнаты, окруженной стѣнами, цвѣтетъ милый пустынный садикъ, съ вѣчно зелеными кустами букса, нарцисами, розами и рисами, миндалемъ и виноградною бесѣдкою... Тутъ посрединѣ бассейнъ и фонтанъ бѣлаго мрамора — мраморныя ступени и скамейки, на которыхъ нѣжились въ лѣтніе жары, недоступныя ничьему постороннему взору, гуріи гарема... Эту статью, впрочемъ, ханы обдѣлывали далеко не съ такою ребяческою наивностью, какъ дѣла народнаго правосудія. Гаремъ стоитъ сзади дворца въ такомъ уединенномъ и недоступномъ дворикѣ, среди такихъ высокихъ и глухихъ стѣнъ, что дѣйствительно нужно было много безумія и ловкости, чтобы рискнуть проникнуть въ этотъ заповѣдный уголокъ.

Солдату почему-то казалось, что у Крымъ-Гирея было *семьдесятъ-семь женъ*, и что около стѣнъ было построено имъ *семьдесять-семь нумеровъ*, а *главная его жена* (опять-таки *Марья Потоцкая*) жила въ сохранившемся до сихъ поръ павильонѣ посреди двора. На дворѣ есть нѣсколько прекрасныхъ абрикосовыхъ и миндальныхъ деревьевъ, можетъ быть, сверстниковъ не одного Гирея... Около гаремнаго дворца возвышается высокая деревянная башня, прозванная Соколиною. Увѣряютъ, что на эту башню дозволялось входить одалискамъ — любоваться на соколиную охоту хановъ.

Больше всего остатковъ старинной живописи и старинной утвари сохранилось въ ханской мечети. Дворецъ такъ часто былъ

разрушаемъ войною и пожарами, что почти ничего не осталось въ первоначальномъ видѣ. Въ 1836 году онъ сгорѣлъ почти до тла; наконецъ, въ севастопольскую войну онъ былъ обращенъ въ военный госпиталь, а это стоитъ и Миниха и пожара вмѣстѣ. Его, конечно, старались реставрировать по уцѣлѣвшимъ остаткамъ, и даже нарочно посылали знающихъ караимовъ въ Константинополь запастись старинной восточной мебелью и другою утварью для дворца; но надо признаться, наши реставраторы совершенно не поняли духа восточной живописи, и своими отчетливыми, свѣжими и яркими узорами совершенно удалились отъ сливающейся и перепутывающейся пестроты восточнаго арабеска, въ которомъ трудно уловить отдѣльную черту, отдѣльную краску.

Персидскій коверъ — вотъ типъ восточной колористики и восточной узорности. На хорахъ ханской мечети уцѣлѣли остатки настоящей татарской живописи; тамъ вообще больше старины, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ дворца. Даже цѣла весьма интересная изразцовая стѣна, чрезвычайно прочной работы. Признаться, я никогда до сего времени не видалъ внутренности мечети, и такъ-какъ крымскія мечети вообще отличаются крайнею тѣснотою и бѣдностью, то мнѣ любопытно было взглянуть на этотъ, сравнительно блестящій образчикъ татарскаго зодчества.

Общій характеръ внутренности мечети — простота и прозаичность — болѣе всего напоминаетъ лютеранскую церковь. Огромная, почти темная зала съ хорами, вся устланная старыми персидскими коврами, составляетъ мечеть. Съ потолка спускаются паникадила самой дѣвственной простоты: широкіе, деревянные трехугольники со стаканчиками и подсвѣчниками, весьма пыльные и некрасивые. Вдоль передней стѣны, увѣшанной хартіями, низенькія табуреточки съ закрытыми коранами и рядъ большихъ мѣдныхъ подсвѣчниковъ, разставленныхъ самымъ несиметричнымъ образомъ. Посрединѣ этой стѣны небольшой альковъ, и въ немъ какая-то загадочная святыня: три мѣдные шара съ занавѣсочками; труд-

но, впрочемъ, понять, что̀ именно... Ясно только, что это центръ моленій. Самая красивая вещь въ мечети — это каѳедры изъ рѣзнаго орѣха, весьма высокія и крутыя, похожія на обыкновенныя лютеранскія или католическія. Путеводитель мой объяснилъ мнѣ, что „съ эстихъ лѣстницъ, ваше благородіе, *кураны читаютъ*“.— Какіе кураны? — „А вонъ у нихъ по скамеечкамъ кураны понакладены, все равно, какъ у насъ евангеліе“, объяснилъ солдатъ.— „Ты бывалъ, когда служатъ?“ спросилъ я. — Вота! у нихъ вѣдь часто служба; кажночасно, только неподолгу. Какія слова и понять можно: тоже это „господи-помилуй“ и „аллилуйя“ какъ у насъ. А больше всего кланяются!“

Закончили мы ханскою усыпальницею. Она рядомъ съ мечетью, въ общей связи двора... Черезъ узенькую калиточку входишь въ весело цвѣтущій миндальный садикъ, съ жужжащими пчелами и густою зеленою травою... Среди этой травы стоитъ нѣсколько высокихъ каменныхъ гробовъ съ каменными чалмами въ головахъ. Но это только придверники. Изъ садика вы входите въ сырую и пустую, круглую башню, засаженную гробами... Тутъ уже мрачно и гнило. Тутъ не одни чалмы, тутъ и каменныя женскія шапочки надъ гробницами ханскихъ женъ... На каждомъ гробѣ неизбѣжный стихъ изъ Алкорана. На нѣкоторыхъ изсѣчены какія нибудь вооруженья; на Менгли-Гиреѣ, напримѣръ, грозная тяжелая сабля. Гробницы стоятъ вразбросъ и вообще находятся безъ всякаго призора. Нѣкоторыя даже разбиты. А между тѣмъ, по остаткамъ разноцвѣтныхъ повязокъ на шапочкахъ и чалмахъ замѣтно, что еще не очень давно какая нибудь вѣрная рука воздавала почесть покойникамъ. Пообѣдалъ я у коменданта дворца г. Ш., гостепріимство котораго пользуется заслуженною репутаціею во всемъ Крыму. А между тѣмъ, у воротъ уже стояли осѣдланныя лошади, и проводникъ-цыганъ, терпѣливо скорчившись на солнечномъ жару, ожидалъ моего выхода.

IV.

Мертвый городъ

(Цыганская слобода.—Успенскій скитъ.—Чуфутъ-Кале и его древности.—Іосафатова долина.)

Ходко и горячо пошла коротенькая, словно вся собранная сама въ себя, татарская лошаденка; мой проводникъ и переводчикъ цыганъ, желавшій, во что бы то ни стало, сойти за татарина, а если можно, то и за русскаго, не совсѣмъ поспѣвалъ за мною, чему я былъ очень радъ. Какъ всѣ путеводители ex professo, онъ вралъ такъ много и такъ глупо, и такъ не во время, и съ такою идіотскою самоувѣренностью, что совершенно отравлялъ наслажденіе созерцанія, и спугивалъ хорошія мысли. Къ тому же, татарскій языкъ былъ бы для меня, безъ сомнѣнія, понятнѣе, чѣмъ эта русская бесѣда цыгана.

Вотъ такъ дорога! она заставляетъ серьозно задуматься человѣка, развращеннаго вагонами желѣзныхъ дорогъ. Что это дорога — отрицать нельзя; всѣ идутъ по ней и даже ѣдутъ, и по сторонамъ дома, сады. Но въ то же время, это, безспорно, и ручей; и совершенно на столько же ручей, на сколько дорога, если быть очень снисходительнымъ. Странное дѣло, это нетолько ручей, но даже своего рода оврагъ—въ этомъ опять не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для путешественника, обладающаго зрѣніемъ или даже одними ребрами. *Тихо журчитъ дорога* подъ копытами лошади, пробираясь живописно между камнями. Низенькія, длинныя сакли, въ трубу которыхъ можно заглядывать съ высоты моего сѣдла, окаймляютъ эту дорогу-ручей, и вся внутренность ихъ незатѣйливыхъ дворовъ какъ на ладони передо

мною... На заборахъ висятъ чорныя женщины въ яркихъ лоскутахъ, голыя дѣти... Это цыганская слобода Солончукъ; хотя эти цыгане и мохамеданскаго закона, однако съумѣли отстоять отъ Мохамеда всѣ свои языческія привычки; ихъ сразу выберешь изъ какой хотите толпы татаръ. Деревенька лѣпится тѣснымъ, вытянутымъ рядомъ вдоль подошвы горныхъ громадъ, которыя едва только разступились въ стороны и совершенно подавляютъ своею сплошною массою ничтожныя клѣтушки изъ камешковъ и черепицъ, бѣлѣющіяся въ ихъ ногахъ... Иногда видишь въ серединѣ двора оборвавшійся сверху утесъ или просто выступъ скалы, въ которомъ легкомысленный смѣльчакъ-человѣкъ успѣлъ уже выкопать и вырубить себѣ какой-нибудь сарай или подвалъ. Во многихъ мѣстахъ видна чорная копоть людскаго жилья на стѣнахъ этихъ дикихъ скалъ. Человѣкъ не хочетъ уступить привилегію ласточкѣ и стрижу, и угораживаетъ свои гнѣзда тамъ, гдѣ они гнѣздятся. Конечно, цыганамъ привольно жить въ этой расщелинѣ, гдѣ, должно быть, тепло и уютно, гдѣ такъ роскошно цвѣтутъ деревья, защищенныя отъ вѣтровъ надежною естественною оградою, гдѣ даже само жилище почти готово для человѣка. Но, признаюсь, нѣсколько страшно смотрѣть со стороны человѣку съ воображеніемъ на это копошенье насѣкомыхъ вокругъ покоящейся могучей ступни, которая можетъ раздавить ихъ малѣйшимъ своимъ колыханьемъ... Горная тѣснина вдругъ раздѣлилась на двѣ вѣтви, открывъ впереди всегда очаровательную перспективу далекихъ горъ; мы повернули направо, къ Успенскому Скиту. Здѣсь стало еще глубже; еще поразительнѣе... Каменныя стѣны пошли правильными бастіонами и люнетами, выступая, округляясь, впадая, точно настоящія укрѣпленія. Издали казалось, что ряды громадныхъ круглыхъ башенъ, тѣсно сближенныхъ, стоятъ другъ противъ друга сплошною оградою... Куда всѣ ваши Севастополи и Портсмуты, въ сравненіи съ этими твердынями! Наверху торчатъ въ угрожающемъ положеніи, ог-

ромные сѣрые камни, будто ждутъ своего назначенія... Иногда они встрѣчаются по скатамъ, то у самой дороги, то на половинѣ горы, который гдѣ остановился... Нѣкоторыя сброшенныя сверху громады глубоко вонзились углами въ землю, и, треснувъ, поросли травами и даже деревьями... Ихъ дикая, сѣрая окраска какъ-то зловѣще выдѣляется на фонѣ нѣжной зелени, довѣрчиво облѣпившей ихъ кругомъ. Еще страннѣе видѣть какое нибудь молоденькое абрикосовое деревцо, все въ цвѣту, выростающее изъ разсѣченной каменной груды обвала...

Вмѣстѣ съ цвѣтами и зеленью, дѣти пріютились на этихъ импровизированныхъ балконахъ, и играютъ тамъ всласть, словно горы прислали эти игрушечки нарочно имъ въ гостинецъ... А мы все впередъ, да впередъ, бойкою рысцою... Я съ изумленіемъ разсматривалъ необыкновенную отчетливость и правильность наслоенія толщей; какъ будто ножомъ по линейкѣ разграфилъ ихъ досужій искусникъ...

А между тѣмъ вечеръ спускался, ясный и благоуханный, какого не видать намъ у насъ въ черноземной Россіи... Скалы таяли въ золотомъ свѣтѣ, даль голубѣла и алѣла; воздухъ стихалъ и свѣжѣлъ; зеленый садъ приблизившагося монастыря охватилъ насъ запахомъ каштановыхъ почекъ и цвѣтущаго персика... Но, что всего было неожиданнѣе и лучше, вдругъ гдѣ-то въ саду, очень близко, залился, восхищенный закатомъ, соловей, настоящій нашъ курскій соловей, которыхъ я вообще ни разу съ тѣхъ поръ не слыхалъ въ Крыму. Можетъ быть, это былъ проѣзжій гость, который пропѣлъ свою вечернюю пѣсню въ саду Успенскаго Скита и полетѣлъ на зорѣ къ намъ на родину, въ наши смиренные сиреневые кусты... Увидѣть Успенскій Скитъ въ такую благоговѣйную минуту такого прекраснаго дня, вѣроятно, не всякому удавалось.

Видъ монастыря непохожъ ни на что, съ чѣмъ мы знакомы по картинамъ и описаніямъ... Мнѣ онъ показался просто фанта-

стическимъ. Въ глубинѣ пустыннаго и цвѣтущаго ущелья, вы вдругъ замѣчаете высоко въ стѣнахъ скалъ окна, балкончикъ, переходцы и крылечки, прилѣпленные и выдолбленные какъ гнѣзда стрижей... Фигуры святыхъ, нарисованныя прямо на дикой скалѣ, кресты, сіяющіе въ углубленіяхъ, убѣждаютъ васъ, что это монастырь... Но долго не пріучишься понять это и наглядѣться на это... Никакъ не сообразишь, какъ и куда подниматься, нетолько какъ тамъ жить... Внизу скалы на огромной высотѣ; сверху виситъ такая же высокая и тяжкая громада... Издали эти кресты и окошечки, чернѣющіе на разныхъ высотахъ, кажутся маленькой миленькой игрушечкой, устроенной для декораціи. Цыганъ мой, нераздѣлявшій моихъ фантастическихъ воззрѣній, прехладнокровно гналъ лошадь черезъ садъ къ монастырскимъ зданіямъ, стоявшимъ внизу, на днѣ ущелья, которыхъ я сначала не замѣтилъ... Это уже все новыя прибавленія, проникнутыя новыми воззрѣніями на удобство жизни и на самую цѣль жизни. Тутъ пахнетъ монастыремъ, но монастыремъ подчиненнымъ особенному министерству, получающимъ штатное содержаніе изъ государственнаго казначейства, по ассигновкамъ и смѣтнымъ расписаніямъ, а не тѣми пустынническими скитами, въ которыхъ ѣли коренья и спали на камняхъ. Тотъ монастырь— вонъ тамъ наверху, ископанный уставшею и исхудалою рукою, скрывшій въ себя тѣхъ, кому дѣйствительно необходимо было скрываться, кто бѣжалъ міра, и добровольно погребалъ себя въ камняхъ... Вотъ наверху его темныя окошечки, его тѣсныя и низкія пещерки... Тамъ не было корридоровъ и нумеровъ, и ковриковъ по крашеному полу, и чистенькихъ новенькихъ шторъ. Когда мы въѣзжали по довольно удобному подъему, монахъ въ бѣломъ балахонѣ, работавшій съ заступомъ около деревьевъ сада, поклонился намъ, не отрываясь отъ работы... Это былъ самъ настоятель монастыря. Здѣсь всѣ монахи за работой, кто въ саду, кто въ кузнѣ... Садъ у нихъ огромный и новый, требуетъ много

ухода... Какъ жаль, что не вездѣ у насъ встрѣтишь такой трезвый взглядъ на занятія отшельниковъ!.. Въ монастырѣ я нашелъ только очень молоденькаго послушника, мальчика лѣтъ пятнадцати, да и тотъ былъ чѣмъ-то занятъ... Онъ повелъ меня по лѣстницамъ, вырубленнымъ въ скалѣ, въ старинныя бѣдныя церковочки, похожія скорѣе на часовни, которыхъ своды едва-ли позволяли вытянуть голову... Хотя золоченные образа и новая живопись нѣсколько измѣнили древній характеръ этихъ молелень, однако сущность не могла не сказаться... Видъ неописанный... Все ущелье, съ самаго устья своего, видно á vol d'oiseau:.. Противоположный рядъ дикихъ укрѣпленій смотрится на васъ, глазъ въ глазъ, и вершины ихъ, освѣщенныя уже невидимымъ для васъ солнцемъ, кажутся чрезвычайно близкими, рукой достать... Передъ монастыремъ, за садомъ, тихое кладбище съ высокими крестами; это остатки севастопольскихъ воиновъ, привезенныхъ сюда на вѣчный покой... Тутъ могилы несчастныхъ генераловъ несчастнаго дѣла при Чорной Рѣчкѣ: Вревскаго и Веймарна. Оба лежатъ рядомъ, а вокругъ нихъ, безъ счету и безъ имени, русскіе солдатики. Почивайте, братцы! тутъ вамъ тихо и тепло!

Константиновская церковь уже въ новомъ вкусѣ; она выстроена какъ будто на балконѣ, или, скорѣе, въ альковѣ. Порохомъ вырвали пещеру въ стѣнѣ скалы, выровняли полъ, и подъ сводомъ этой пещеры, въ постоянной защитѣ отъ дождя и непогодъ, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ, сложили довольно большую и довольно хорошенькую церковь. Но эта большая церковь смотритъ такою куколкою, когда подъѣзжаешь къ монастырю снизу. Сводъ, широко ее покрывающій, составляетъ только мало замѣтную ямку въ цѣлой громадѣ скалы... Вообще, Успенскій Скитъ интересенъ только издали. Внутри почти нечего осматривать; только развѣ пройтись по внутреннимъ переходамъ изъ

яруса въ ярусъ, да полюбоваться видами съ балкона, у кого не кружится голова...

Мы спѣшили до заката въ Чуфутъ. Тропинка поползла по карнизамъ скалъ, высоко надъ земнымъ ущельемъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ выше, тѣмъ круче. Собственно говоря, тропинки не было, потому что подъ ногами не столько было видно слѣду, сколько камней, скатившихся сверху... Это вѣчный соръ горныхъ твердынь, соръ, незамѣтный въ отношеніи къ нимъ, но весьма чувствительный путнику... Аршина земли нѣтъ безъ кучи камней; то свѣже-насыпанные, то вросшіе какъ надгробные памятники, они лѣзутъ наружу, словно ихъ выпираетъ изъ земли какая-то вражья сила... Издали, да еще вечеромъ, разыгравшаяся фантазія приметъ ихъ за безчисленные лики мертвецовъ, силящихся приподнять тяжкій покровъ земли...

Тутъ я узналъ, что за сокровище горская татарская лошадка. Какой хотите балетмейстеръ — будь это даже самъ чортъ — переломаетъ ноги, путешествуя по этимъ кучамъ природнаго мусора, со всадникомъ на спинѣ, и притомъ, взбираясь подъ угломъ сорока-пяти градусовъ... Нужно гранитное копыто и стальную ногу для этихъ ныряній въ камняхъ. А она нетолько идетъ, она бѣжитъ веселой рысцой, и такъ смѣло, такъ увѣренно отчеканиваетъ копытами всѣ эти камешки...

Ущелье поворотило круто влѣво, и тропинка наша тоже...

„Вашеродіе, здѣсь нашъ святой, очень праведный человѣкъ... Его гробъ!“ объяснилъ мнѣ цыганъ, гордившійся своимъ мохамеданствомъ. Внизу, на днѣ ущелья, стоялъ домикъ, съ чуть замѣтнымъ полумѣсяцемъ, окруженный дворикомъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, тянулась поперегъ ущелья и по горамъ, до самыхъ макушекъ, извилистая бѣлая стѣна, наскоро сложенная изъ горныхъ камней; это граница монастырскихъ владѣній. Подальше, наверху, видѣнъ весь Чуфутъ. Вотъ вамъ три святыни, чуть не рядомъ... Удивительные люди! Живутъ подъ одними и

тѣми же условіями, нуждаются въ одномъ, любятъ одно, боятся одного. Татаринъ копаетъ садъ такъ же, какъ еврей; жидъ торгуетъ такъ же, какъ татаринъ; всѣ ѣздятъ верхомъ, всѣ обѣдаютъ и почиваютъ: а между тѣмъ, вотъ около двухъ тысячъ лѣтъ никакъ не сойдутся на томъ, какіе дѣлать знаки, и какія говорить слова когда молятся, и около двухъ тысячъ лѣтъ считаютъ другъ друга погаными и собаками, недостойными прикоснуться устами даже къ чашѣ съ водой, если сами пьютъ изъ нея.

Въ религіи разомъ высказывается и богатство и скудость духовныхъ силъ человѣка.

На стихшемъ вечернемъ небѣ, едва голубомъ, вырѣзались обсыпавшіяся стѣны, башни и дома пустыннаго города, уединившагося вдали отъ дорогъ и жилыхъ мѣстъ, высоко на обрывистой скалѣ... Странно смотрѣли на меня эти обветшавшіе камни своими мертвыми окнами, своими безполезными стѣнами... Внизу ихъ, изъ горныхъ толщъ, рядами зѣвали чорныя отверстія пещеръ, недоступныхъ никому и ни откуда.

Безмолвно, съ нѣсколько стѣсненнымъ сердцемъ, поднимался я по крутой тропинкѣ, осѣняемый и провожаемый сверху этими каменными мертвецами. Словно въѣзжалъ въ сказочный городъ, заснувшій сто лѣтъ назадъ, или въ царство какихъ-нибудь невидимыхъ духовъ. Проводникъ повернулъ въ узкія желѣзныя ворота, спрятанныя въ складкѣ скалы... Звонко стучали копыта нашихъ лошадей по пустой мостовой, отдаваясь въ пустыхъ дворахъ и пустыхъ домахъ... Должно быть, и лошадямъ было странно и неловко въ этой странной пустынѣ, гдѣ каждый шагъ напоминаетъ о дѣятельности и многолюдствѣ... Иные дома стоятъ совсѣмъ цѣлые, съ ставнями, дверями, балкончиками; ждешь, что какой-нибудь старый караимъ выглянетъ въ это крошечное окошечко, что заскрипитъ дверь галерейки... Но старый караимъ

сто лѣтъ не выглядываетъ изъ этого окошка, и сто лѣтъ не скрипитъ стеклянная дверь... Вонъ и лавки съ запертымъ наглухо входомъ, съ замкнутыми желѣзными засовами. Эти остатки, впрочемъ, исчезаютъ въ массахъ разоренныхъ, разсыпавшихся домовъ и оградъ... Куда ни взглянешь съ высоты своего сѣдла, всюду бѣлые остовы, обглоданные, изуродованные; только абрикосы знать ничего не хотятъ, и преспокойно цвѣтутъ-себѣ посреди опустошенія. Нарочно, что ли, старался кто такъ растоптать и расшвырять всѣ эти постройки? Только послѣ землетрясенія понятны подобныя развалины. Улицы такъ узки, какъ онѣ могутъ быть только въ азіатскомъ городкѣ, да еще въ крѣпости вдобавокъ... Вонъ и валъ, и крѣпостныя ворота; опять подъѣзжаемъ подъ нихъ. Изъ развалины выпрыгнула худая-прехудая кошка, посмотрѣла на насъ съ безконечнымъ изумленіемъ, и вдругъ понеслась безъ оглядки, черезъ камни и стѣны, вскидывая ногами. Можетъ быть, ей необходимо было съ быстротою молніи извѣстить о нашемъ прибытіи какую-нибудь туземную вѣдьму.

Молчаніе вечера, молчаніе горъ и молчаніе мертваго города, сливается въ одно тяжкое, могильное ощущеніе... А копыта мѣрно и звонко стучатъ по сухимъ камнямъ... Вдругъ, впереди, на улицѣ появился человѣкъ — живой человѣкъ. Это показалось мнѣ еще страннѣе, чѣмъ отсутствіе всего живаго... Мой цыганъ объявилъ мнѣ, что тамъ, на концѣ городка, живетъ нѣсколько караимскихъ семействъ, охраняющихъ развалины... Мы дѣйствительно, скоро подъѣхали къ довольно сохранившемуся и довольно населенному двору; бородатый караимъ предложилъ свои услуги, показать и объяснить всѣ чуфутскія достопримѣчательности.

Слѣзли съ коней и пошли за караимомъ. Замѣчательныхъ остатковъ, однако, немного. Интереснѣе другого двухъярусная пещера—бывшая темница хановъ. Поглубже сидѣли преступники поважнѣе; тамъ еще видны выдолбленные въ каменныхъ столбахъ пробои и кольца, къ которымъ приковывали арестантовъ за руки

и за ноги... Пошевельнуться было, дѣйствительно, нелегко... Полъ, повидимому, былъ постоянно сырой... Въ углу темницы, нашъ путеводитель указалъ мнѣ весьма невинную каменную скамеечку съ полукруглою выемкою и такими же пробоями; она была вырублена въ концѣ каменнаго, невысокаго закрома. Въ этотъ закромъ, или эту каменную ванну, клали несчастнаго осужденнаго, головой на скамейку; и здѣсь же, безъ дальнѣйшихъ прелюдій, мечъ варварскаго правосудія совершалъ варварскую казнь... Караимъ передалъ мнѣ какую-то ужасную цифру погибшихъ, которую сохранила легенда; но, по счастію, я забылъ ее... Изъ ханской темницы мы зашли въ ханскую гробницу... Это главнѣйшая примѣчательность Чуфута. Погребена здѣсь Ненекым-Ханымъ, дочь одного изъ крымскихъ хановъ — по имени Тахтамыша. Мавзолей ея вполнѣ сохранился и построенъ въ легкомъ готическомъ стилѣ мавританъ... Ступени проросли травою; но еще ясна арабская надпись на мраморной доскѣ — безъ сомнѣнія, стихъ Алькорана; склепъ сверху нѣсколько разобранъ, и моему нагнувшемуся любопытству предстала въ глубинѣ его старая, пузатая жаба, неподвижно распластавшаяся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ханъ Тахтамышъ думалъ сохранить грядущимъ вѣкамъ дорогой ему прахъ... Отъ ханской мечети даже развалинъ не разберешь... Интересенъ показался мнѣ колодезь, выкопанный на этой огромной каменной высотѣ, для снабженія водою бань. Онъ имѣетъ видъ глубокой, круглой трубы, прикрытой сводомъ... Я нарочно нагинался къ нему и бросалъ въ него камни... Глубина, дѣйствительно, очень большая: не менѣе десяти сажень, какъ и сказалъ мнѣ караимъ. Онъ увѣряетъ, что у нихъ живъ еще одинъ старикъ, который помнитъ хановъ, который еще мылся въ этой разрушенной банѣ, водою этого изсякшаго колодца. Это немудрено, если взять во вниманіе необыкновенную трезвость и спокойствіе караимскаго образа жизни и цѣлительность чуфутскаго воздуха. Въ холеру сюда ѣздили просто спасаться, и точно спа-

сались. Меня очень удивило, что среди мусорныхъ кучъ этого замогильнаго городка, существуетъ еще школа (такъ-называемый медрашъ) и синагога. Караимы не покидаютъ вовсе своей старинной столицы. Они утѣшаютъ себя твердою вѣрою, что царь приказалъ возстановить Чуфутъ, что изъ Польши переселятъ сюда на жительство тамошнихъ караимовъ. Они еще ходятъ молиться сюда, они везутъ хоронить своихъ покойниковъ, и дорожатъ своими развалинами. Караимское общество Бахчисарая помогаетъ тѣмъ немногимъ семействамъ, которыя живутъ въ Чуфутѣ для надзора и охраны. Въ школѣ господствуетъ священный порядокъ и чистота. Ничего похожаго на наши школы: ни скамей, ни каѳедры, ни досокъ. Посреди длинный столъ подъ покрываломъ; кругомъ диваны, въ кисейныхъ и тому подобныхъ чахлахъ, все замѣчательной чистоты. Для учителя устроено возвышеніе, или въ родѣ того, съ занавѣсками и коврами; не знаю, съ какою именно цѣлью: кажется, тамъ лежатъ и священныя книги. Сейчасъ замѣтенъ теократическій характеръ Востока, который постигаетъ школу, только какъ приготовленіе къ религіознымъ упражненіямъ, и устроиваетъ ее во всемъ сообразно съ этимъ строгимъ взглядомъ. Тутъ уже шалости и пустяки не пойдутъ на умъ. Оттого, можетъ быть, такъ серьезенъ восточный человѣкъ, даже въ лѣта ранней молодости. Я не думаю, чтобы у него были такія откровенныя, веселыя движенія сердца, какъ у европейскаго ребенка. Учитель, котораго мы застали за уборкою школы, заставилъ меня снять галоши у порога, взамѣнъ башмаковъ; караимъ оставилъ за дверью свои туфли. Въ школу у нихъ входятъ, какъ въ церковь. На стѣнахъ школы виситъ нѣсколько надписей, посвященныхъ воспоминанію о посѣщеніи школы и Чуфута императоромъ и членами царской фамиліи. Эта черта не случайная. Я имѣлъ случай убѣдиться и даже удивиться, какое просто мистическое значеніе придаютъ караимы посѣщенію государемъ ихъ городка. На каждомъ шагу готовьтесь встрѣтить

воспоминаніе объ этомъ событіи, или разсчетъ на него. Вамъ съ благоговѣніемъ показываютъ мѣсто, гдѣ сидѣлъ государь, двери, въ которыя онъ входилъ.

Показывая мнѣ синагогу, караимъ мой постоянно извинялся, что нѣтъ здѣсь теперь того, другого, потому что *бережется для царскаго пріѣзда;* подумаешь, что государь бываетъ у нихъ ежемѣсячно. „Какъ только бываетъ въ Крыму, никогда не проѣдетъ своего Чуфута; царь любитъ Чуфутъ!“ съ гордостью и убѣжденіемъ объяснялъ мнѣ караимъ. Синагога смотритъ настоящимъ монастыремъ, окружена крѣпкими стѣнами и совсѣмъ спрятана на дворѣ... Чистота и здѣсь замѣчательная. Въ первомъ отдѣленіи, гдѣ скидаютъ туфли, стоятъ скамьи, а далѣе сидѣній нѣтъ; лампады весьма страннаго формата и въ огромномъ множествѣ висятъ на деревянныхъ треугольникахъ, какъ въ мечетяхъ. Вмѣсто алтаря стоитъ родъ налоя, и на немъ богато-отдѣланное Пятикнижіе чрезвычайной старины... Вообще очень просто, тѣсно и бѣдно... Рядомъ съ синагогою, въ томъ же пустынномъ и глухомъ дворѣ, заросшемъ травами и запертомъ тридевятью замками, стоитъ библіотека извѣстнаго караимскаго равина, Фирковича. Этотъ Фирковичъ—патріархъ Чуфута. Ему принадлежитъ домъ, къ которому мы подъѣхали, и его сынъ служилъ мнѣ путеводителемъ. Но самого Фирковича не было тогда въ Чуфутѣ: онъ уѣзжалъ устроивать продажу своей замѣчательной рукописной библіотеки. Болѣе двадцати лѣтъ онъ усердно занимался отыскиваніемъ и объясненіемъ старинныхъ рукописей: еврейскихъ, сирійскихъ, арабскихъ и другихъ. Онъ обладаетъ, какъ говорятъ знатоки, особенною эрудиціею по своей спеціальности; проживъ много лѣтъ въ Дербентѣ, Іерусалимѣ и другихъ мѣстахъ Азіи, онъ досталъ рукописи чрезвычайной важности. Многія изъ нихъ, говорятъ, были просто откопаны изъ земли. Одно собраніе рукописей уже куплено у него правительствомъ. Теперь онъ возвратился изъ новаго путешествія съ запасомъ новыхъ библіографичес-

кихъ рѣдкостей, и дѣятельно приводитъ ихъ въ порядокъ... Я разсматривалъ эти полуистлѣвшіе пергаменты, съѣденные ржавчиною листы, огромные свертки кожи съ непонятными для меня іероглифами семитической азбуки. Они разложены весьма тщательно на многихъ столахъ и полкахъ, но для непосвященнаго представляютъ безотрадную архивную массу.

Какое подвижническое терпѣніе нужно для разбора и приведенія въ ясность всѣхъ этихъ клочковъ и свертковъ. Эта темная комната, лишенная всякихъ удобствъ, заваленная хартіями, такъ живо перенесла меня въ міръ средневѣковаго монашества, когда наука составляла одинъ изъ подвиговъ отшельнической жизни, одно изъ средствъ распинанія плоти. Только духъ, посвятившій себя страданію и борьбѣ, рѣшался браться за служеніе этой многотрудной наукѣ. Въ тяжести фоліантовъ, окованныхъ мѣдью и прикрѣпленныхъ цѣпями, такъ вѣрно выражалась внутренняя тягость ихъ изученія. Фирковичъ можетъ назваться, до нѣкоторой степени, монахомъ-ученымъ въ средневѣковомъ смыслѣ этого слова. Онъ глубоко проникнутъ своими библейскими вѣрованіями, и съ монашескою строгостью соблюдаетъ предписанія своей религіи... Его имя высоко чтится караимами. Пятикнижіе, видѣнное мною въ синагогѣ, отрыто и пожертвовано имъ; онъ считаетъ этой книгѣ 700 лѣтъ. Онъ же, главнымъ образомъ, заботится о поддержаніи Чуфута, котораго не хочетъ ни за что покинуть. Ему нравится эта приближенная къ небу и удаленная отъ земли пустыня, гдѣ такъ удобно предаваться молитвѣ, созерцанію и безмолвнымъ бесѣдамъ съ лѣтописями погибшихъ вѣковъ.

Возвращаясь изъ синагоги, мы взобрались на развалины крѣпостной стѣны... Широкая, величественная панорама горъ развернулась у нашихъ ногъ далеко кругомъ. На западѣ, въ свѣтѣ потухающей зари, далеко за горами, въ первый разъ представилось моимъ глазамъ безбрежное, словно къ облакамъ приподнятое море... Его край сливался съ краемъ неба, и ни одной

точки нельзя было различить, которая бы рѣзко отдѣлила его блѣдную пустыню отъ такой же блѣдной, голубой пустыни вечерняго неба. Караимъ сказалъ мнѣ, что въ крымскую кампанію имъ наперечетъ видны были въ этомъ морѣ всѣ непріятельскіе корабли... Шатрами и волнами уходили вдаль горы, на востокъ, на сѣверъ и на югъ... Чатырдагъ, всегда и отовсюду видимый, еще сверкалъ полосами своихъ снѣговъ, возвышаясь настоящею Палат-горою надъ всѣми горами... Къ горамъ прилегли сплошные лѣса, которыми, какъ шерстью, обросли ихъ скаты... Между горами ползла, далеко видная, бѣлая каменистая дорога въ Мангушъ... По дорогѣ ползли крошечные, какъ микроскопическія мушки, волы и возы... Ущелья и долины тамъ темнѣли, тамъ зеленѣли...

— Здѣсь кругомъ было прежде море! съ какою-то тихою торжественностью сказалъ мнѣ мой путеводитель, простирая впередъ обѣ руки. — Чуфутъ былъ островъ, и гдѣ теперь дорога, тамъ плавали корабли...

— Когда же это было, и кто это узналъ? спросилъ я также тихо.

— Это было 1000 лѣтъ назадъ, и это знаетъ одинъ нашъ старикъ, съ непоколебимою увѣренностью отвѣтилъ мнѣ караимъ, и опять сталъ безмолвно смотрѣть на далекія горы.

Древніе географы тоже предполагали о всемъ горномъ Крымѣ.

Когда мы сѣли на лошадей, уже взошла бѣлая, полная луна... Кучка дѣтей какъ-то безмолвно и безшумно выросла на освѣщенныхъ мѣсяцемъ развалинахъ. Не до игры въ этой могилѣ... Сами дѣти какъ-то не идутъ къ ней... Мѣсяцъ одѣлъ въ блѣдные саваны полчища каменныхъ скелетовъ, и живописныя, нѣсколько страшныя тѣни протянулись съ развалины на развалину... Еще рѣзче и страннѣе раздавались среди тишины шаги нашихъ лошадей, за которыми поползли длинныя, играющія тѣни... Мы уѣзжали въ другія ворота, мимо бойницы, и спускались въ

Іосафатову Долину... Снизу я оглянулся на Чуфутъ; онъ казался выше, бѣлѣе и фантастичнѣе... Въ узенькомъ, одинокомъ окошечкѣ высоко-высоко краснѣлъ огонекъ... Этотъ огонекъ не напоминалъ человѣческаго жилья, а скорѣе казался полунощнымъ огонькомъ какого нибудь вальтер-скотовскаго таинственнаго замка, въ родѣ башни вудстокской принцессы... Проклятіемъ Содома и Гоморры смотрѣли эти покинутыя развалины при мѣсячномъ освѣщеніи, въ могильной тишинѣ ночи...

На днѣ долины насъ встрѣтилъ городъ другого рода, тоже могильный... Тысячи надгробныхъ камней, двурогихъ, однорогихъ и безрогихъ, густою нивою уходили въ устье долины, бѣлѣясь, какъ толпы мертвецовъ... Ихъ осѣняла старая, каштановая роща, которой рогатые сучья вырѣзались на синемъ небѣ... Настоящая Іосафатова Долина, долина воскресенія мертвыхъ. Могилы, горы, развалины на горахъ — все пахнетъ, дѣйствительно, Іерусалимомъ... Вонъ внизу протекаетъ изсохшій Кедронскій ручей, а гробница мохамеданскаго святого такъ удобно замѣняетъ Авессаломовъ мавзолей... Въ моей памяти возстали всѣ поэтическія картины іерусалимскихъ окрестностей, которыя мнѣ случалось видѣть. Не доставало арабскихъ пастуховъ на склонѣ горъ, совершающихъ вечернюю молитву. Они были бы такъ хороши въ своихъ благочестивыхъ позахъ, въ упоръ освѣщенные мѣсяцемъ... Еще тише и пустыннѣе показалась мнѣ тихая пустыня, въ которой пріютился Успенскій Скитъ, когда я проѣзжалъ ее теперь, облитую сіяніемъ луны... Работы стихли, садъ стихъ, и соловей стихъ... Устья пещеръ чернѣли неясно и угрюмо. Въ нѣдрахъ скалъ кой-гдѣ теплились звѣздочки лампадъ... Вмѣсто соловья, изъ какой-то глухой трещины сычъ застоналъ намъ въ догонку... Даже лошадь вздрогнула. А цыганская деревня Салончукъ была еще вся на ногахъ... Когда мы спустились изъ безмолвнаго монастырскаго ущелья въ ихъ грѣховодническую долину, то просто были поражены криками и хохотомъ игравшихъ

ребятишекъ... Черныя, почти нагія фигурки, съ безобразно худыми руками и ногами, какъ дьяволенки, кружились и визжали на заборахъ и подъ заборами, едва не попадая подъ ноги лошадямъ... Можно было вообразить, что мы странствуемъ по загробному міру, и въѣзжаемъ теперь отъ райскихъ обителей въ логовище нечистой силы...

Мечети были освѣщены, муэдзины нараспѣвъ гнусили свои призыванія, и правовѣрные цыгане не спѣша входили въ мечеть...

Я собирался ночью же уѣхать въ Севастополь, и потому гналъ лошадь, какъ могъ, не отвѣчая на монотонные: „ахшамъ хайресъ!“, встрѣчавшіе меня на каждомъ шагу.

Въ Бахчисараѣ меня задержали, однако, часа два. Опять моя несчастная коляска заковыляла по невообразимой бахчисарайской мостовой, едва не задѣвая концами осей за великолѣпные магазины, украшавшіе улицу. Все было уже заперто, и затхлая, неподвижная атмосфера восточной жизни, казалось, механически лежала надъ этими бѣдными и тѣсными домиками, изъ которыхъ угрюмое невѣжество и деспотизмъ изгнали самыя благородныя потребности человѣка и самыя законныя его наслажденія... Тускло и скучно свѣтились кой-гдѣ сальныя свѣчки, и никакого движенія и звука не слыхать было на улицахъ. Разъ только встрѣтился мнѣ сытый старый татаринъ въ бараньей шапкѣ и съ фонаремъ въ рукахъ, за которымъ шла закутанная, какъ мумія, въ бѣлую чадру высокая женщина; можетъ быть, такая же противная старуха, а можетъ быть, какая нибудь Зюльнара, стройная какъ пальма. За то мѣсяцъ свѣтилъ великолѣпно, и видъ на спящій городъ, съ его минератами, тополями и глубокими переулками, былъ неописанъ... Я много разъ вставалъ на ноги въ своей коляскѣ и глядѣлъ назадъ, не въ

силахъ будучи наглядѣться. Востокъ, самый чистѣйшій, Востокъ Дамасковъ и Алеппо, разстилался кругомъ меня въ этомъ обаятельномъ сіяніи... На шоссе меня скоро закачало, и я отлично заснулъ.

V.

Тѣни Малахова кургана.

(Видъ Севастопольскаго разрушенія. — Матросъ-чичероне. — Посѣщеніе поля битвы.)

Севастополь вышелъ такимъ, какъ я его совершенно себѣ не представлялъ. Мы въ Россіи не имѣемъ ничего похожаго на Севастополь, и русскаго въ немъ ничего, кромѣ флага. Это не столица, не губернскій городъ, и даже не уѣздный, а между тѣмъ онъ приличенъ, какъ сама столица. Это юноша девятнадцатаго вѣка, одѣтый совершенно поевропейски. Въ немъ все хорошо, ему нечего прятать въ закоулкахъ и задворьяхъ. Мнѣ показалось, въ немъ нѣтъ ни одного деревяннаго домика, ни одного досчатаго забора; все или прекрасные большіе дома изъ инкерманскаго камня, ненуждающагося въ штукатуркѣ, или небольшіе чистенькіе домики съ черепичными кровлями, тоже каменные. Улицы широкія, хорошо мощенныя, прямыя и правильно разбитыя; церквей мало; но какія есть, тѣ изящны. По улицамъ деревья, во дворахъ сады; сады эти—персикъ, миндаль, черешня; они цвѣтутъ такъ нѣжно и благоуханно, что пріѣзжаютъ лечиться ихъ запахомъ и видомъ. Но самое европейское въ этомъ европейскомъ городѣ — это море. Хотя Россія безспорно обладаетъ многими морями, исчисленными въ географіи Ободовскаго, но я все-таки почему-то не считаю моря русскимъ элементомъ. Ничего русскій не сдѣлалъ на морѣ, и почти не живетъ на морѣ;

по его берегамъ или финны, или нѣмцы, или греки съ татарами, или киргизы съ трухменцами; только и есть наши, что на *мерзлыхъ моряхъ*, да и то пополамъ съ самоѣдомъ и лопаремъ. Поэтому, море дѣлаетъ Севастополь какимъ-то нерусскимъ городомъ, какъ оно дѣлаетъ, напримѣръ, Петербургъ. Истый русскій городъ долженъ быть на Окѣ, на Волгѣ, на Угрѣ, гдѣ пахнетъ рыбою и ползутъ по цѣлымъ мѣсяцамъ неуклюжія, какъ черепахи, баржи, на бичевахъ, на шестахъ, на всемъ, на чемъ ѣзда особенно неудобна. Пароходъ — уже есть въ извѣстномъ смыслѣ какое-то отрицаніе Руси. Тамъ уже и прислуга, и начальство смотрятъ не порусски, а по заграничному; приходъ и отходъ быстры и точны, ѣдятъ прилично, паспортовъ не требуютъ.

Море въ Севастополѣ, я увѣренъ, единственное не въ одной Россіи. Тутъ вмѣстѣ красота, удобство и здоровье. Море врѣзывается прекрасною глубокою бухтою верстъ на пять въ середину земли, раздвигая такіе же прекрасные известковые холмы; въ Россіи мы считали бы ихъ высокими горами. Эта широкая главная бухта бросаетъ отъ себя въ стороны нѣсколько побочныхъ бухтъ, изъ которыхъ одна—южная бухта—есть средоточіе города. Въ ней просторная и безопасная стоянка кораблямъ. Съ одной стороны южной бухты поднимается амфитеатромъ весь городъ, съ другой находится множество важныхъ сооруженій морскаго вѣдомства, знаменитые доки, госпитали, казармы, и разныя мастерскія адмиралтейства; все это вмѣстѣ составляетъ особый городъ. Дальше за доками *Корабельная Слободка*, примыкающая къ славной памяти Малахову-Кургану. *Сѣверная Сторона* лежитъ черезъ главную бухту.

Не знаю, откуда лучше любоваться Севастополемъ. Я его видѣлъ и наслаждался имъ съ самыхъ разнообразныхъ мѣстъ и въ самыя разнохарактерныя минуты. Я въѣзжалъ въ него на пароходѣ въ прекрасный полдень, когда море было спокойно, какъ тихій деревенскій прудъ, и вырѣзалось своею густою синевою

въ рамкѣ мѣловыхъ обрывовъ; въѣзжалъ бурною чорною ночью, когда съ палубы не видно было мачты, и огни города казались мерцающими въ водной пучинѣ... Я смотрѣлъ на него съ высоты балкона въ минуту солнечнаго восхода, когда бухта только начинала золотиться первымъ лучомъ, и первыя шлюпки скользили отъ Сѣверной и Корабельной къ городу, черезъ освѣщенный заливъ; тогда былъ апрѣль въ началѣ, и миндаль и персикъ такъ пахли въ прохладѣ ранняго утра!.. Видѣлъ я его, наконецъ, съ башни Малахова-Кургана, оглоданной ядрами, почти à vol d'oiseau, весь у своихъ ногъ; тогда уже не цвѣли прекрасныя душистыя дерёвья, но за то гремѣла наверху гроза, неслись багровыя тучи съ инкерманской долины, и молнія обливала своимъ фосфорнымъ заревомъ безмолвные редуты, напоенные русскою кровью... Со стороны и изнутри—онъ отвсюду одинаково хорошъ, нашъ доблестный городъ-подвижникъ.

И странно, такъ хорошъ, что я до сихъ поръ забылъ сказать вамъ главное: что онъ хорошъ даже мертвый. Севастополь теперь мертвецъ — это внѣ всякаго сомнѣнія. Что̀ я говорилъ вамъ про прекрасныя зданія, про широкія улицы—все это отнесите къ трупу. Прекрасныя зданія съ рядами свѣтлыхъ оконъ, съ величественными колонадами, стоятъ теперь раскрытыя, разбитыя, обгорѣлыя, съ слѣпыми глазами, съ пустою внутренностію... Цѣлыя улицы этихъ каменныхъ остововъ, цѣлые кварталы развалинъ, одни за одними, одни возлѣ другихъ, на огромномъ пространствѣ стоятъ, въ гробовомъ молчаніи, и будто ждутъ чего-то. Странно и страшно ходить по этимъ благоустроеннымъ улицамъ могилы, въ свѣтлую лунную ночь, никого не встрѣчая, ничего не слыша, между двухъ стѣнъ высокихъ палатъ, которыя провожаютъ ваши шаги рядами своихъ черныхъ дыръ... Столько признаковъ шумной жизни, столько смѣлаго приготовленія къ ней—и между тѣмъ гробъ, громадный глухой гробъ!..

Обитаемые дома разбросаны кое-гдѣ среди развалинъ, и мало нарушаютъ общее впечатлѣніе. Иногда только нѣсколько комнатъ, иногда этажъ, иногда флигелекъ разбитаго большого дома приспособлены къ жилью; главныя улицы особенно пусты; нѣсколько возродилась та часть города, которая лежала на южной покатости холма, ближе къ базару; она была не такъ доступна ядрамъ, и потому легче отстроилась. Теперешнее скудное населеніе городка безъ труда размѣщается въ этомъ уголкѣ и койгдѣ среди развалинъ большихъ улицъ... Очень въ немногихъ мѣстахъ видѣнъ каменьщикъ, штукатуръ, копошащійся въ грудахъ плитъ. Постройка церквей надъ могилами адмираловъ-защитниковъ идетъ туго и мало замѣтно. Нельзя думать, чтобы свѣжая травка скоро пробилась изъ-подъ мусору, заполонившаго почву, и улыбнулась бы новою жизнію. Складываютъ тоже какой-то памятникъ на Малахавомъ, тоже медленно и робко. Далеко изъ-за Сѣверной, съ кладбища скромныхъ храбрецовъ, которые легли тысячами, не оставивъ намъ своего имени, высится еще памятникъ, огромная пирамидальная церковь, которой я не видалъ въблизи. Все надгробные памятники. И Севастополю ничего теперь такъ не идетъ, какъ памятникъ. Только на водѣ его и жизнь... Вода никогда не станетъ трупомъ, хотя бы въ ней умеръ и цѣлый черноморскій флотъ... Этихъ покойниковъ я не видалъ: ни „Владиміра“, ни „Двѣнадцати Апостоловъ“, никого изъ утопленниковъ. Они гніютъ, погруженные живьемъ при входѣ въ главную бухту; я говорю—живьемъ, потому что ихъ топили совсѣмъ какъ они есть: съ провизіей, пушками, снарядами. Въ настоящее время купецъ Телятниковъ, съ своими *килекторами* и водолазами, возится надъ вытаскиваньемъ со дна моря ихъ останковъ. Горы ядеръ, картечи, якорей, пушекъ, извлеченныхъ изъ воды, покрываютъ берега южной бухты. Дѣло клеится очень вяло и даетъ мало выгоды предпринимателю. Говорятъ, будто американецъ, предшественникъ Телятникова, былъ

счастливѣе и догадливѣе его. Онъ отлично обдиралъ съ кораблей мѣдь и другія цѣнныя вещи, и съумѣлъ выручить превкусныя деньги, не расчиствивъ бухты. За то изо всѣхъ портовъ Чорнаго Моря съѣзжались гости на его ужины; такого веселаго дома не скоро дождется Севастополь, потому что любезный хозяинъ вовремя перенесъ свои ужины и свои бесѣды за Атлантическій Океанъ. Впрочемъ, продаю, за что купилъ.

Бѣдные, глупые матросы, уцѣлѣвшіе отъ погрома своего пепелища, глядятъ на утопленниковъ совсѣмъ не тѣмъ разумнымъ комерческимъ взглядомъ, какимъ поглядѣлъ на нихъ американецъ — обдиратель мѣди и русскаго кармана. Они говорятъ о своихъ старыхъ корабляхъ, какъ объ умершихъ родныхъ, и сохраняютъ даже легенды о нихъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ матросикъ о гибели „*Двѣнадцати Апостоловъ*:“ онъ ни разу не называлъ корабля кораблемъ, а просто Владиміръ, Пересвѣтъ, Двѣнадцать Апостоловъ, словно не хотѣлъ и подозрѣвать ихъ отличія отъ соименниковъ. „Три дни буравили въ немъ щели, сдѣлали четырнадцать дыръ, а онъ все не хотѣлъ тонуть. Не знали, что съ нимъ дѣлать. Подошелъ Владиміръ, сталъ изъ пушекъ въ него стрѣлять—онъ все стоитъ, не тонетъ. Хотѣли ужь государю писать. Только матросъ одинъ догадался, полѣзъ и снялъ икону, снесъ на берегъ. Какъ только снялъ, ту-жь минуту онъ, какъ ключъ ко дну. Это его чудотворная икона держала“. Подите вы съ нимъ! Приведите теперь къ нему какого хотите очевидца, хотя самого завѣдывавшаго потопленіемъ—онъ ему ни на грошъ не повѣритъ. Всѣ будутъ вамъ твердить исторію объ иконѣ, какъ будто сами снимали ее.

На Сѣверной Сторонѣ почти всѣ батареи цѣлы. Константиновская лежитъ, какъ коварный хищный звѣрь, совсѣмъ пригнувшись къ морю; два яруса ея черныхъ амбразуръ угрожательно глядятъ и па море, и на заливъ? Это первая, авангардная батарея, услужливый привратникъ у воротъ гавани. Она вылѣзла

на своемъ широкомъ каменистомъ мысу довольно далеко въ море, настоящая сторожевая собака. Удивляюсь, какъ ее не расколотили въ щебень пловучія твердыни, пріѣзжавшія къ намъ изъ-за морей цѣлыми стаями. Онѣ растянули свой страшный полукругъ, какъ разъ у входа въ бухту, какъ пеликаны, ловящіе рыбу, совсѣмъ возлѣ Константиновской батареи... Матросъ мнѣ объяснилъ, будто отъ нея ядра отскакиваютъ, потому что *она изъ гранитъ-камня*; но кажется, что она и не изъ гранитъ-камня, да и гранитный камень врядъ-ли отброситъ отъ себя чугунный арбузъ, въ пудъ вѣсу, особенно когда эти арбузы сыпятся градомъ, день и ночь, впродолженіе многихъ мѣсяцевъ.

Скорѣе можно думать, что ядра высокихъ военныхъ кораблей перелетали черезъ низко прилегшую батарею, а можетъ быть, ее просто возобновили лучше другихъ.

Поглубже въ заливъ, почти противъ устья южной бухты, лежитъ также вполнѣ возстановленная и такая же каменная и двух-этажная Михайловская батарея. Между этими двумя и потомъ дальше Михайловской были прежде земляныя батареи; слѣды ихъ ясно замѣтны; не знаю, разбиты ли онѣ бомбардировкой, или срыты нами.

Насупротивъ этой линіи укрѣпленій сѣвернаго берега возвышались еще болѣе грозныя батареи южнаго берега главной бухты: Николаевская, въ самомъ городѣ, около бульвара; Александровская, въ pendant къ Константиновской, и далѣе къ Херсонесу еще нѣсколько бастіоновъ: десятый, девятый и т. д.; они заворачивали непрерывнымъ рядомъ окоповъ отъ берега кругомъ городской черты, называясь по нумерамъ 6-й, 5-й, 4-й, 3-й, и т. д., до самаго Малахова-Кургана, который почти примыкалъ къ верховью бухты посредствомъ Селенгинскаго, Волынскаго и Камчатскаго редутовъ. Между 5-мъ и 4-мъ идетъ дорога въ Балаклаву и Ялту; между 3-мъ и 4-мъ въ Симферополь. Эти пункты были самые опасные, какъ-бы на углахъ линіи. Но еще

опаснѣе было положеніе Камчатскаго редута, самаго удаленнаго отъ оборонительной линіи, стоявшаго, можно сказать, въ зубахъ непріятеля. Онъ первый и палъ. За нимъ пали его ближайшіе сосѣди, Волынскій и Селенгинскій, всѣ лежавшіе слишкомъ одиноко.

Кто забудетъ эту неустанную ночную рѣзню, эти отчаянныя вылазки, освѣщенныя дождемъ бомбъ и ракетъ, эти брустверы изъ труповъ, за которыми умирала горсть храбрыхъ?.. Не знаю, что скажетъ военная исторія; матросы и народъ имѣютъ одно объясненіе нашего пораженія. „Арміи у насъ не хватило—говорили всѣ въ одинъ голосъ—а то бы мы *его* не пустили; *у нихъ* все по череду: одна смѣна отвоюетъ, спать идетъ, другая заступаетъ; а нашъ солдатъ все одинъ, пока самъ не упадетъ. Смѣнить некѣмъ. Пробились одинадцать мѣсяцевъ, а тамъ уже силъ не стало... Пустили *его*“.

Я объѣхалъ и осмотрѣлъ всю нашу линію и почти все пространство, занятое апрошами непріятеля. Хотя я не военный, хотя вопросы фортификаціи для меня совершенно темны; однако, я съ неодолимымъ влеченіемъ стремился увидѣть и осязать всякую подробность, хранившую въ себѣ память скорбнаго подвига. Не знаю, что вы представляете себѣ, читатель, подъ именемъ бастіоновъ, редутовъ и вообще укрѣпленій города. Я только скажу вамъ, что привыкъ представлять себѣ все это совершенно въ иномъ видѣ. Читая ежедневныя реляціи, свыкаясь со всѣми названіями и терминами, конечно, составляешь себѣ весьма опредѣлительное, хотя произвольное представленіе о Малаховомъ Курганѣ, батареяхъ, траншеяхъ и пр. Многимъ все это кажется такъ огромно, такъ эфектно, тѣсно сдвинуто между собою и съ городомъ въ непроницаемую твердыню, имѣетъ одинъ общій и грозный видъ, какъ Московскій Кремль, какъ Петропавловская крѣпость: зубцы, каменныя стѣны, подъемные мосты... Ничего похожаго нѣтъ и не было въ Севастополѣ. Укрѣпленія почти

незамѣтны изъ города. Это просто загородные холмы и овраги, удаленные другъ отъ друга иногда на нѣсколько верстъ; холмы, на которыхъ могла стоять ферма или дача, куда вы часто прогуливались; оврагъ, по которому, можетъ быть, вьется дорожка, вамъ любимая или знакомая.

Эти мирныя ваши окрестности, оставаясь при всѣхъ прежнихъ качествахъ, порядкомъ взрыты, съ внѣшней стороны онѣ обрѣзаны въ ровъ и надсыпаны сверху, съ внутренней обращены въ змѣевидные земляные коридоры, укрытые насыпями. Эти рвы, весьма похожіе на зимнія тропинки въ сугробахъ нашихъ велико-русскихъ усадебъ, называются траншеями. Они нарочно дѣлаются глубокими и извилистыми, чтобы скрыть передвиженія войскъ отъ взоровъ и выстрѣловъ врага. Вопервыхъ, не видно; вовторыхъ, трудно попасть: не одна, другая, не другая — третья насыпь задержитъ ядро. По этимъ землянымъ русламъ притекала и утекала, сливаясь и разливаясь, немногочисленная армія нашихъ геройскихъ защитниковъ; по нимъ везли на бастіоны провизію и снаряды, по нимъ увозили съ бастіоновъ убитыхъ и умирающихъ. Если десятки тысячъ пали въ траншеяхъ, то сколь-же пало бы ихъ безъ этой защиты?

Холмы съ рвами и насыпями, называющіеся бастіонами, соединяются другъ съ другомъ такими же хитроизворотливыми, широкими канавами, выброшенная земля которыхъ высокимъ валомъ закрываетъ траншеи со стороны непріятеля. Чтобы земля не очень осыпалась, насыпи бастіона и траншей дѣлали изъ плетушекъ, наполненныхъ землею, изъ мѣшковъ съ разной разностью, изо всего, что стоитъ въ кучѣ довольно плотно, и въ чемъ вязнетъ пуля и ядро. Вся эта рухлядь оказывалась надежнѣе гранита, и починки не требовали особенно искусныхъ мастеровъ; повалитъ одну плетушку — ее опять ставятъ; разсыплетъ другую — принесутъ сейчасъ новую. Днемъ ядра изгрызутъ, изорвутъ и разметаютъ столько брустверовъ, а глядишь, къ утру всѣ опять но-

венькіе — опять рви и разметывай... Только на немногихъ бастіонахъ были каменныя башни или стѣны. Теперь ничего слѣда нѣтъ. Огромныя каменныя казармы за пятымъ бастіономъ сравнены съ землею, словно сбриты; сама земля взбуравлена неимовѣрнымъ образомъ—всѣ кишки наружу. Какъ будто ее взрывали стада исполинскихъ свиней. И это на пространствѣ многихъ верстъ, широкимъ поясомъ кругомъ всего Севастополя. 5-й и 4-й бастіоны сохранили почему-то особенно разоренный видъ. Въ траншеяхъ, соединяющихъ бастіоны, съ передней ихъ стороны залегала постоянно цѣпь стрѣлковъ. Пушки были только на батареяхъ бастіоновъ, которые могли взаимно обстрѣливаться.

Можно представить себѣ психологическое состояніе тѣхъ отчаянныхъ смертныхъ, которые, не имѣя въ запасѣ ни второй, ни третьей головы, вылѣзали изъ своихъ ямъ и карабкались съ открытою грудью на эти холмы и овраги, начиненные по горло пушками и штуцерами... Какой страшный дождь лился изъ-за этихъ земляныхъ насыпей, когда вдругъ оживала вся оборонительная линія и начинала изрыгать изъ себя свинецъ и чугунъ! А гдѣ же Малаховъ? спрашивалъ я недовольный и удивленный. Вонъ Малаховъ; смотрю по пальцу; чортъ знаетъ, что̀ такое! Неужели это Малаховъ, вотъ тотъ глинистый пригорокъ? А вѣдь англичане переѣзжаютъ моря, чтобы только взглянуть на него. Просто не вѣрится. Изъ чего же столько толковъ, столько славы, столько горя? Почему же стоилъ онъ такъ много жизней и такъ долго продавалъ свою собственную жизнь?.. Малаховъ лежитъ совсѣмъ далеко за городомъ и былъ главнымъ охранителемъ доковъ, госпиталей и всѣхъ адмиралтейскихъ учрежденій города, лежащихъ по ту сторону южной бухты. Онъ значительно выше города, и потому былъ ключомъ къ нему. Взять Малаховъ — значило буквально взять Севастополь. Вези на Малаховъ!

Мы ѣхали отъ четвертаго бастіона. Спускаясь къ бухтѣ, я былъ пораженъ величественною картиною разрушенія, которая

раскрывалась надо мною и вмѣстѣ передо мною. За бухтою, на высокомъ и плоскомъ полуостровѣ, прежде всего бросающемся въ глаза, стоятъ особнякомъ громадные каменные корпуса въ три и четыре этажа, иные чуть не четверть версты длины, превращенные въ рѣшето... Это не дома, а цѣлые города. Это былъ самый эфектный пунктъ севастопольскаго пейзажа, который встрѣчалъ первый взоръ путешественника, въѣзжавшаго въ гавань. Это были госпитали и казармы моряковъ — гордость и краса города. Надобно было проѣзжать у подножія, между ихъ развалинами.

Все, чѣмъ поражаетъ пустота и мертвенность севастопольскихъ улицъ, здѣсь соединено въ самой сильной дозѣ.

Та же могила, но еще въ болѣе мрачныхъ размѣрахъ. Не знаю, кто собственно разорилъ такъ эти исполинскія постройки. Говорятъ, наши взорвали ихъ, уходя. Можетъ быть, и такъ; но, во всякомъ случаѣ, немало сдѣлали и ядра непріятелей. Уцѣлѣвшія стѣны избиты ядрами и даже пулями.

Я видѣлъ ядра, засѣвшія глубоко въ стѣну; другія пробили себѣ навылетъ слуховыя окна; множество оставили только впадины и слѣды прикосновенія. Но ни одна постройка не хранитъ на себѣ столько подобныхъ слѣдовъ, какъ стѣна доковъ, выходившая лицомъ къ непріятелю. Это была, повидимому, любимая мишень французскихъ и англійскихъ батарей. Къ ея несчастію, она приходится какъ разъ въ интервалѣ между третьимъ бастіономъ и Малаховымъ Курганомъ, а противъ нея, какъ нарочно, высится холмъ, который былъ занятъ непріятельскими орудіями. На этой стѣнѣ буквально нѣтъ живого мѣста; она кажется со стороны рябою. Это была какая-то бѣшеная шутка, игра безконечно азартная. Тутъ замѣтно больше, чѣмъ одно исполненіе необходимости: тутъ замѣтно наслажденіе. Можно легко представить себѣ этихъ низкорослыхъ, толстенькихъ артилеристовъ, съ козлиными бородками, сдвинутыми на затылокъ кепи, какъ они, вдоволь выспавшись и наѣвшись, и напившись рому, придутъ

веселые и сытые въ какое нибудь свѣтлое утро, и остря, не выпуская изъ зубъ сигаръ, начнутъ забавляться, сбивая чугунными мячиками эту каменную игрушечку. Одному удалось выбить простѣнокъ между двухъ оконъ; другой откололъ уголъ этажа; ядро третьяго пролетѣло насквозь дома, какъ сквозь бумажный футляръ. Кто кого перегонитъ: раззудѣлись руки, благо пороху хватитъ! А что̀ дѣлается въ домѣ, что̀ за домомъ — того никто не увидитъ и объ этомъ что̀ думать!

Проѣхавши доки, это драгоцѣнное сооруженіе, стоившее мильйоны и въ конецъ погубленное догадливымъ врагомъ, встрѣчаете слѣды армейскихъ казармъ. Онѣ также сравнены съ землею. Должно быть, ядра и бомбы, непопавшія въ Малаховъ, заночевывали въ этихъ казармахъ. Онѣ какъ разъ за Малаховымъ, а бомбы хватали даже на Сѣверную, то-есть верстъ на 5, на 6.

Одна изъ многихъ траншей, всползающихъ на Малаховъ, обращена теперь въ довольно сносную дорогу, по которой ѣздятъ даже въ экипажахъ, что̀ именно я и сдѣлалъ. Лѣзть на Малаховъ пѣшкомъ не совсѣмъ пріятно, хотя издали онъ не пугаетъ крутизною. Отъ бухты мѣстность такъ сильно поднимается къ кургану, что утомишься въ конецъ, добравшись только до подошвы его.

Среди обычныхъ взбуравленныхъ кучъ глины, на самомъ верху кургана, я съ удивленіемъ замѣтилъ колодезь. Матросъ сказалъ мнѣ, что это вырыли солдатики, чтобы не бѣгать далеко за водою; на Малаховѣ не должно было быть особенно прохладно, и напиться водицы, дѣйствительно, иной разъ не мѣшало. Много, я думаю, смертельныхъ ранъ обмывала эта мутная вода и многія умирающія уста припадали къ ней съ тщетною надеждою... Подальше мы встрѣтили фундаментъ новостроящагося памятника изъ простого инкерманскаго камня; можетъ быть, часовня. Солдатъ, зачѣмъ-то тутъ бывшій, врядъ-ли только сюда приставленный, остановилъ вдругъ подъ уздцы лошадь и грозно спросилъ

извощика, кто ему позволилъ ѣздить сюда по ночамъ? Всего было часовъ семь; извощикъ мой весьма смутился нападеніемъ импровизованнаго начальства; но когда я энергически ругнулъ незваннаго блюстителя благочинія, и тотъ, взявъ подъ козырекъ, назвалъ меня высокоблагородіемъ (объ этомъ званіи онъ очевидно заключилъ по выразительности моего ругательства), то и мой извощикъ расхрабрился и даже погрозилъ сдѣлать съ солдатомъ что-то весьма для него скверное.

Мы взбирались все выше; дорога, какъ траншея, шла улиткою. Этихъ улитокъ было кругомъ множество — настоящій лабиринтъ. На самой макушкѣ холма, была расчищена площадь и стояла каменная башня; уцѣлѣла только нижняя половина ея, весьма невысокая; башня такъ окружена земляною насыпью, что ея стѣны должны были быть совершенно маскированы отъ непріятелей; это было крайнею необходимостью, потому что все цѣлило въ Малахову башню; она била сверху, куда хотѣла, и всѣмъ хотѣлось прежде всего разбить ее. Это, и по внѣшнему виду, былъ кульминаціонный пунктъ севастопольскихъ укрѣпленій.

Въ башнѣ каменныя стѣнки также идутъ улиткою, какъ и насыпи траншей. Еще ясно видны помѣщенія пушекъ. Въ нижнемъ этажѣ — родъ блиндажа, гдѣ жили начальники; еще ниже — подвалъ для пороху. Отверстія минъ, вѣроятно взорванныхъ, сіяютъ въ глубинѣ темнаго блиндажа. Говорятъ, въ нихъ не разъ падали любопытные, неберущіе съ собою проводника.

На памятникахъ великихъ дѣлъ почіетъ таинственная тѣнь исторіи. Какъ послѣ дорогого мертвеца въ комнатѣ, гдѣ онъ жилъ, на предметахъ, къ которымъ онъ прикасался, долго чудится его незримое присутствіе, такъ и въ этихъ развалинахъ, обагренныхъ родною кровью, русская душа будетъ долго чуять смутные образы тѣхъ, кто пролилъ здѣсь свою кровь. Все это фантазія. Нашъ вѣкъ и наши характеры слишкомъ реальны, чтобы видѣть видѣнья. Тутъ, разумѣется, ничего нѣтъ, кромѣ взрытыхъ

массъ земли, обломковъ желѣза, старыхъ подметокъ, костей, обглоданныхъ тѣми, кто теперь сами кости, да нѣсколько осколковъ бомбъ, незамѣченныхъ еще туристами. Но почему же фантазія ваша работаетъ? Почему при видѣ этой корявой подметки, рисуется вамъ цѣлая грозная картина изъ давно-протекшихъ и никогда невиданныхъ вами дней?.. У насъ мало писали о Севастополѣ, еще меньше разсказывали. Но все-таки каждый изъ насъ, жившихъ и думавшихъ въ ту роковую эпоху, сохранилъ въ своемъ сердцѣ неизгладимый отпечатокъ событій, гремѣвшихъ тогда здѣсь, въ далекомъ уголкѣ отечествѣ. Даже бѣглые разсказы графа Толстого рисуютъ достаточно тотъ безсмѣнный ужасъ, который тяжелою тучею надвинулся и лежалъ одинадцать мѣсяцевъ на каждой живой груди въ окопахъ Севастополя — ужасъ, превратившійся наконецъ въ равнодушіе, можетъ быть, еще болѣе ужасное.

Офицеръ, свертывающій на пушкѣ папироску изъ желтой бумаги и, ради визита товарища, посылающій нѣсколько ядеръ въ толпу непріятелей; матросы, играющіе въ засаленныя карты подъ брустверомъ бастіона, и прекращающіе игру потому, что два или три партнера вдругъ *выбываютъ;* равнодушные шаги кованныхъ сапоговъ по разбрызганнымъ мозгамъ, по вытекшимъ внутренностямъ; рвы, сравненные съ землею трупами убитыхъ; хохотъ и прибаутки добродушной толпы при видѣ удачнаго взрыва бомбы въ рядахъ непріятеля — вотъ что̀ еще страшнѣе, чѣмъ быть убиту! Десятки тысячъ спрятались на однихъ холмахъ, десятки тысячъ на другихъ, и одинадцать мѣсяцевъ сряду, то-есть цѣлыхъ триста тридцать дней, съ зари до зари, не жалѣя денегъ, усилій, жизни, одушевленно хлопочутъ о томъ, чтобы на холмахъ за оврагомъ было больше покойниковъ или, по крайней мѣрѣ калекъ... И мы такъ наивны, что еще отъ души удивляемся, какъ это у древнѣйшихъ народовъ грабежъ замѣнялъ торговлю, а убійство человѣка составляло священный обрядъ религіи? — какъ будто буду-

щей цивилизаціи не покажутся наши воинственные подвиги тѣмъ, чѣмъ намъ кажутся пляски дикихъ вокругъ человѣческой жертвы?

Для меня поразительнѣе всего въ трагическомъ событіи та будничная, пошлая сторона его, которая сопровождаетъ все на свѣтѣ. Когда въ картинѣ, рисующей намъ битву при Термопилахъ или пораженіе Аттилы, мы созерцаемъ то величественныхъ героевъ съ античной осанкой, торжественно падающихъ, торжественно разящихъ, то свирѣпыхъ варваровъ, для которыхъ рѣзня есть жизнь, и закованныхъ въ мѣдь легіонеровъ, которымъ, повидимому, чуждо все, кромѣ чувства солдатскаго долга — тогда намъ война представляется и достаточно прекрасною, и достаточно естественною, и даже успокоивающею нашу чувствительность. Кажется, такъ легко и пріятно уступать своему страстному влеченью къ бою и кончить жизнь при величественной обстановкѣ, за величественный принципъ! Но когда изъ лучезарной сферы художественной лжи, называемой классическимъ облагороженіемъ сюжета, спустимся мы въ сѣренькій день реализма — мы не увидимъ ни эпическихъ страстей, ни скульптурныхъ позъ, но, за то содрогнемся ужасомъ совсѣмъ не риторическимъ. Смерть въ обстановкѣ смерти, когда все кругомъ дышетъ ею, и только ею, когда все готовится къ ней, еще не поразительная смерть.

Но когда вы живете въ обстановкѣ вашей ежедневной жизни, утромъ пьете кофе со сливками, читаете газету, пишете письмо къ роднымъ, обдумываете, что̀ бы заказать къ обѣду; по вечерамъ собираетесь поболтать у пріятеля, поиграть въ карты; сердитесь, что проиграли пять рублей, довольны, что выиграли ихъ; хотите спать, хотите погулять по саду, по полю, нарвать цвѣтовъ, покупаться въ море, покататься на лодкѣ, потанцовать, покутить; словомъ, когда всѣ даже пустѣйшіе элементы вашей натуры въ полномъ и нормальномъ дѣйствіи, не настроены ни на особенный гнѣвъ, ни на особенную ненависть—тогда вдругъ видѣть надъ своею головою постоянно занесенную косу — вотъ это

я называю ужасомъ. Быть раздавленнымъ въ лепешку какимъ нибудь безумнымъ чугуннымъ мячомъ, неизвѣстно кѣмъ, неизвѣстно въ кого пущеннымъ съ окрестнаго холма, на которомъ прежде такъ долго сѣялъ пшеницу вашъ пріятель Иванъ Ивановичъ—и раздавленнымъ въ то время, когда вы беззаботно сидите за столомъ, уставленнымъ бездѣлушками, чистя себѣ ногти—вотъ это я называю истинною трагедіею. И провести въ подобной обстановкѣ одинадцать мѣсяцевъ сряду—называю истиннымъ подвижнечествомъ. Оттого-то старая солдатская подошва, прѣющая на Малаховомъ Курганѣ, сказала моей фантазіи больше, чѣмъ сказалъ бы памятникъ съ изображеніемъ плачущей Викторіи. Я стоялъ на Малаховомъ Курганѣ, взволнованный святыми воспоминаніями, какъ средневѣковой пилигримъ на *Голгоѳѣ*. Кости и кровь подвижниковъ освятили для меня эти глиняныя насыпи, и я едва не былъ способенъ унесть съ собою, какъ реликвію, горсть священнаго праха. Но его во время замѣнилъ матросскій мальчишка нѣсколькими пулями, образками и обломками ядеръ, которые онъ, археологъ еще неопытный въ своей комерціи, уступилъ мнѣ за пятнадцать копеекъ серебра, съ величайшею радостью. Онъ цѣлый день роется въ этихъ кровавыхъ остаткахъ для полученія пятиалтыннаго за подвиги погибшихъ героевъ. Можетъ быть, это были его отцы, и онъ получаетъ законное наслѣдство...

Случилось, что когда я вошелъ на верхъ малаховской башни, гроза, давно шумѣвшая, надвинулась прямо надъ курганомъ, и ея громъ, молнія и дымовыя тучи, такъ живо перенесли воображеніе въ тѣ дни, когда болѣе страшная гроза гремѣла съ тѣмъ же пламенемъ и тѣми же мраками пониже и поближе. Я смотрѣлъ на Севастополь, котораго бѣлые дома вырѣзались на свинцовомъ небѣ, и на море, въ которомъ были корабли, въ которое глядѣли еще, какъ угрюмые глаза, амбразуры Константиновской батареи. Такъ легко было представить себѣ на этомъ

морѣ линію другого флота, роковую тишину города, освѣщаемую пожарами. У ногъ моихъ, параллельно окопамъ, лѣжала лощина, довольно глубокая и хорошо прикрытая, по которой, безъ сомнѣнія, текли французскія колонны на послѣдній приступъ. Пространство, отдѣляющее ее отъ нашихъ насыпей, очень небольшое, и въ лощину, почти подъ самымъ курганомъ, впадаетъ сверху другая лощина, естественный выходъ, которымъ штурмовая колонна не могла не воспользоваться. Когда апроши непріятелей подошли такъ близко, понятно, что успѣхъ приступа сдѣлался несомнѣннымъ. Стоило немножко зазѣваться, и половина пути пройдена врагомъ; а разъ очутившись на валахъ, онъ уже не сойдетъ съ нихъ: его колонны были слишкомъ близки. Собственно говоря, смотрѣть было нечего, но мнѣ ненасытно смотрѣлось. Все хотѣлось представить себѣ въ очію: обоянскаго ратника въ сермягѣ, съ топоромъ, съ крестомъ на шапкѣ, упирающагося съ воловьею силою и воловьею неловкостью; африканскія физіономіи зуавовъ, лезущихъ сквозь дымъ, съ проворствомъ и энергіею пантеръ; ужасъ надежды съ одной стороны, ужасъ гибели съ другой; живые потоки людей, втекающіе на окопы, и другіе потоки, стекающіе въ нихъ въ то же самое время; крикъ смерти и крикъ ликованья; чужое знамя, взвившееся надъ русскою твердынею, и взрывы минъ, какъ предсмертный ударъ побѣдоносному врагу... А въ это время какой нибудь щедушный матросикъ, съ жолтыми волосами, прилипшими къ его лицу, прокопченному потомъ и солнцемъ, ничего не зная объ исходѣ боя, бредетъ себѣ обычной чредой изъ Корабельной, подъ градомъ пуль и ядеръ, уже давно не отмахиваясь и не присядая отъ нихъ, а на удачу что Богъ пошлетъ: пройдетъ—пройдетъ, не пройдетъ—туда и дорога! и бредетъ вѣдь сквозь этотъ страшный *сквозь-строй*, въ которомъ охотится за нимъ смерть, неся какое нибудь ведрушко прокислой капусты или шкаликъ водки землякутоварищу. Онъ не ждетъ и не хочетъ знать никакой трагедіи,

и никому не повѣритъ, чтобъ французъ могъ сбить съ Малахова нашего брата, пока не побѣжитъ вмѣстѣ съ этимъ братомъ, назадъ, къ себѣ въ Сѣверную. Я слышалъ и читалъ, что наши нѣсколько разъ ходили отбивать Малаховъ, тотчасъ по занятіи его. Но здѣшніе матросы говорили мнѣ, что войска наши сразу стали уходить и торопились сжечь мостъ. „Арміи у насъ не было; посылать было некого; а то бы куда *ему*!“ былъ обыкновенный припѣвъ. Да и странно было бы отбивать взятую твердыню черезъ эти узкія змѣевидныя дорожки, для защиты которыхъ достаточно было бы небольшого отряда. Матросикъ много разсказывалъ мнѣ о приступѣ; но я его мало слушалъ, частью потому, что былъ увлеченъ своимъ воспоминаніемъ и думами, частью потому, что онъ очевидно вралъ. Матроса особенно обидѣло то, что, *„онъ поднялъ трезвонъ* и выкинулъ флагъ, какъ только вошелъ въ Корабельную; мы было съ 4-го еще *его* шибко пужали, да ужь онъ городу много пагубы дѣлалъ съ Малахова; взорвали наши Александровскую и Николаевскую баттареи, и ушли себѣ на Сѣверную по двумъ мостамъ; пущай теперь входитъ:—*Сами пустили*!“ добавлялъ онъ простодушно.

Малаховъ окружаютъ достойныя его жертвы: нѣмой, могильный городъ, величественный въ своей смерти. Его смерть была дѣйствительно честная смерть. Мильйоны недвижимые и мильйоны живые легли вмѣстѣ, другъ на друга, и другъ подлѣ друга, въ общей гибели. Ничто и никто себя не пожалѣлъ: все подставляло грудь, солдатъ такъ же прямо, какъ каменный дворецъ. Эти бѣлые, обглоданные остовы, эти зданія-мертвецы стерли съ себя кровь, которою были облиты. Но это только наружность; здѣсь, собственно, что ни шагъ, то кровь, что ни камень, то жизнь. Вся эта глина и известь замѣшаны на крови; тутъ ей мѣры нѣтъ; я поднялъ сейчасъ кусокъ бомбы: онъ весь въ красной накипи; я сохраню его на память, этого несомнѣннаго убійцу многихъ душъ, со всѣми уликами его злодѣйства.

VI.

Горькое прошлое.

(Заморскій Западъ и Православная Русь. — Русскій солдатъ. — Какъ мы ждали врага. — Кто былъ нашъ истинный врагъ. — Измѣна татаръ.)

Я не удовлетворился Малаховымъ и объѣзжалъ даже тѣ мѣста, гдѣ были непріятельскіе лагери, траншеи, батареи; пришлось проѣзжать и нашимъ русскимъ становищемъ. Могу сказать, что увидѣлъ все громадное поле громадной борьбы. Оно тянется на многія версты, на необозримое пространство. Лагери были разбросаны отдѣльными группами, отъ Камышевой Бухты, Георгіевскаго Монастыря и Балаклавы, съ одной стороны, до Чорной Рѣчки съ другой. Это были цѣлые города деревянныхъ бараковъ, красиво устроенныхъ, города съ улицами, магазинами, театрами, храмами, гостинницами, библіотеками, кандитерскими, даже съ цвѣтниками и огородами. До сихъ поръ видны каменные фундаменты этихъ бараковъ. Чувство человѣческаго достоинства въ человѣкѣ Запада не снимается и не надѣвается какъ перчатка. Онъ уважаетъ свои вкусы и нужды, и требуетъ потому удовлетворенія имъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Онъ не считаетъ возможнымъ оставаться грязнымъ и голоднымъ въ дорогѣ, потому только, что это не гостинная и не родной домъ. Онъ не сочиняетъ своихъ качествъ, а имѣетъ ихъ дѣйствительно, поэтому имѣетъ постоянно тѣ же потребности. Англичанинъ ежедневно мѣняетъ бѣлье на Островѣ Вознесенья точно такъ же, какъ въ клубахъ Лондона; и солдатъ, привыкшій у себя дома къ кофе и ростбифу, не видитъ причины отказаться отъ него на Таврическомъ полуостровѣ. Это богатство потребностей не есть сла-

бость или изнѣженность, и она вовсе не вредитъ воинственности духа. Это есть сознаніе своихъ силъ и своихъ правъ, увѣренность, что *я въ состояніи достать все, что мнѣ нужно.* Эта увѣренность окрыляетъ духъ человѣка и стремитъ его къ энергической дѣятельности, къ изобрѣтеніямъ и усовершенствованіямъ. Неизбѣжность потребностей преодолеваетъ препятствія и указываетъ постоянную цѣль настойчивости. Солдатъ съ такимъ духомъ можетъ быть настоящимъ воиномъ, осмысленнымъ и воодушевленнымъ. Кромѣ того солдатъ сытый, хорошо выспавшійся, хорошо согрѣвшійся и всѣмъ довольный — работаетъ больше и дольше голодныхъ, холодныхъ и ропщущихъ. Трудно бороться съ расами, которыхъ даже лагерная обстановка — у насъ символъ всякихъ неудобствъ и безпорядка—способна пристыдить комфортъ нашей осѣдлой жизни; съ расами, которыя проводятъ желѣзныя дороги и шоссе въ полѣ, въ которомъ остановились на нѣсколько мѣсяцевъ, въ то время, когда у насъ не было шоссе отъ Симферополя до Севастополя; а мы владѣли ими 75 лѣтъ, и ихъ окрестности завалены каменьями.

До сихъ поръ въ крымскихъ городахъ вы найдете множество прекрасной посуды и другихъ предметовъ домашняго потребленія, доставшихся намъ отъ англичанъ и французовъ. Нѣкоторыя хорошія растенія разводятся на южномъ берегу только со времени войны, изъ сѣменъ, привезенныхъ и разведенныхъ непріятелемъ.

Матросъ разсказывалъ мнѣ кое-что и объ немъ. Онъ не раздѣлялъ ясно въ своемъ представленіи отдѣльныхъ націй, а говорилъ просто: „*онъ*“; это *онъ* звучало у него какъ-то особенно выразительно и какъ бы нѣсколько испуганно. Повидимому, въ фантазіи матроса всѣ непріятельскія арміи олицетворялись въ одномъ страшномъ и могущественномъ лицѣ — именно, въ этомъ „онъ“, о которомъ матросикъ говорилъ, какъ объ отдѣльномъ человѣкѣ. „Тамъ *онъ* хлѣбъ пекъ“, „тамъ у *него* штабъ былъ“,

разсказывалъ онъ мнѣ. „Хутора онъ берегъ, ничего не трогалъ, въ монастырь Георгіевскій даже свѣчи давалъ и все, что слѣдуетъ, и въ обѣдню самъ ходилъ; турокъ было смущался, да онъ его отстранилъ; турка и въ бой не пускали: онъ больше рвы копалъ, насыпи работалъ. А ушелъ — все въ чистую намъ оставилъ: бараки, посуду, постель; только ранецъ взялъ. А наши жгли, какъ изъ Севастополя уходили, ничего ему не оставили.“

Здѣсь нельзя не засвидѣтельствовать съ особеннымъ удовольствіемъ, что я ни разу, ни отъ кого изъ мѣстныхъ свидѣтелей войны, не слыхалъ другого отзыва о поведеніи западныхъ солдатъ, кромѣ самаго для нихъ лестнаго. Всѣ въ одинъ голосъ утверждаютъ, что нельзя было желать большей гуманности въ обращеніи съ людьми и имуществомъ враждебной стороны. Французы не только сами не грабили, но даже систематически охраняли имущества русскихъ отъ грабежа турокъ. Турки поступали съ безумною ненавистью, достойною Азіи; если остались въ Крыму развалины и опустошенія вдали отъ поля битвъ, то это дѣло турецкой руки. Они замышляли поголовно вырѣзать русскихъ, жечь до тла города. Нужны были самыя энергическія мѣры, самыя безцеремонныя угрозы со стороны союзниковъ, чтобъ обуздать этихъ оборванныхъ и голодныхъ варваровъ, согнанныхъ азіатскимъ деспотизмомъ изъ разныхъ глухихъ норъ Азіи. Когда французскіе отряды входили въ Бурлюкъ, офицеры ихъ сами приказывали русскимъ прятать иконы и другія дорогія вещи отъ хищничества турокъ. Евпаторію едва спасли отъ ихъ поджоговъ. Когда монахи разбѣжались изъ Георгіевскаго Монастыря, тамъ остался одинъ горбатый монахъ, котораго я и теперь видѣлъ въ томъ же монастырѣ.

Онъ неуклонно продолжалъ обычныя службы, не стѣсняясь присутствіемъ враговъ, которые учредили въ монастырѣ одну изъ главныхъ квартиръ какого-то отдѣла арміи. Монахъ этотъ

можетъ самъ разсказать вамъ, съ какою деликатностью и просвѣщенною внимательностью англичане и французы посѣщали русское богослуженіе, давали денегъ на масло, свѣчи и прочія потребности, и нетолько ничѣмъ не обидѣли рѣшительнаго инока, но даже дали ему возможность собрать препорядочный запасъ непріятельскихъ луидоровъ и гиней. Вмѣсто разрушенія они созидали, хотя знали, что созидаютъ на нѣсколько дней, слѣдовательно не для себя. Они обратили балаклавскую гавань въ такую, какой мы еще не видали у себя на южномъ берегу, и надо думать, что имъ она стоила немало денегъ и труда. Но въ нашихъ рукахъ и готовая вещь оказалась безполезною: теперь эта превосходно устроенная гавань совершенно разрушается отъ неприсмотра, невѣжества и скудности средствъ. Я нарочно останавливаюсь на этомъ вопросѣ, который долженъ быть дорогъ всякому другу человѣчества; такъ пріятно и такъ радостно сознать, что сила просвѣщенія наконецъ пробивается сквозь тьму враждебныхъ элементовъ, заслоняющихъ ее столько вѣковъ, и зоологическіе обычаи средневѣковой войны уступаютъ мѣсто гуманности. Если несчастныя судьбы міра еще не освободили человѣчество отъ необходимости проливать кровь, если англійскій гражданинъ долженъ быть солдатомъ, по крайней мѣрѣ, онъ уже не можетъ быть турецкимъ солдатомъ.

Чтобы остаться вѣрнымъ исторической истинѣ, которая особенно чутко постигается общественнымъ мнѣніемъ, я долженъ признаться, что нашихъ казаковъ и даже солдатъ мѣстные жители гораздо болѣе обвиняютъ въ безпорядкахъ, пожарахъ, насиліяхъ, чѣмъ западныхъ иноплеменниковъ.

Мнѣ не хочется передавать разсказовъ о тѣхъ грубыхъ и несправедливыхъ поступкахъ, которыми иногда пятнали себя нѣкоторые изъ нашихъ. Это не должно быть особенно удивительно, если вспомнимъ, что чувство справедливости и уваженія чужаго права не составляетъ принадлежности невѣжества.

Я былъ, какъ уже сказалъ, на мѣстѣ русскихъ лагерей. Отъ нихъ тоже остались слѣды, весьма явственные. Но странная вещь! Даже на этихъ остаткахъ вы видите большую разницу между нами и европейцами. У нихъ изъ-за нѣсколько морей могли привезти дома и постели, а у насъ, въ родномъ краю, гдѣ углы помогаютъ, ничего не нашлось, кромѣ хворостяныхъ шалашей да парусинныхъ палатокъ; у нихъ бараки ставили на фундаментахъ, чтобъ не подтекала вода, не повредила земляная сырость; а у насъ копали въ землѣ ямки, чтобъ грязь никоимъ образомъ не миновала палатки и нескоро бы въ ней высыхала. Нашъ станъ былъ разбросанъ какъ-то по кустарникамъ и буеракамъ, безъ всякаго пріюта. Я не думаю, чтобы въ немъ были нетолько цвѣтники или кандитерскія, а даже сухіе дорожки. Словно нашей національной жизни вѣчно должна доставаться на долю нѣкоторая доза цыганства.

Неумѣлое устройство лагеря само по себѣ еще неважная вещь. Но оно важно какъ мѣрило, какъ характерный признакъ того низкаго уровня, на которомъ стоитъ наша общественная жизнь. Это только единица изъ весьма длиннаго числа тяжкихъ недостатковъ нашего народнаго характера; они обнаружились въ достопамятную войну наряду съ нашею великою доблестью, и можно сказать смѣло, *они, а не оружіе враговъ выкопали этой доблести ту мучительную могилу, въ которую она честно пала*, при благоговѣйномъ удивленіи самихъ враговъ. Солдатъ шелъ пѣшкомъ изъ Твери и Владиміра, неся на широкой спинѣ свой ранецъ и свое тульское ружье, пожовывая свой чорный сухарь; приходилъ и умиралъ, безбоязненно и безмолвно, не выдавая своей земли, своей чести, своей вѣры въ русскую силу. Облитый потомъ, терпя нужду, задавленный превосходствомъ всевозможныхъ средствъ со стороны врага, которымъ была едва не вся Европа, онъ смѣло глядѣлъ въ глаза

ихъ силѣ, и смѣло отвѣчалъ своимъ двухрублевымъ тулякомъ штуцерамъ Минье.

Оторванные прямо отъ сохъ, еще нестряхнувшіе съ себя запаха овиновъ, сохранивъ во всемъ сырцѣ свои пенечныя бороды и свою медвѣжью походку, ратники бѣжали десятками тысячъ изъ каждой губерніи, съ родными топорами за поясомъ, съ мѣднымъ крестомъ на шапкѣ. Не зная совсѣмъ причины войны, не зная хорошенько имени врага, они бѣжали схватиться съ нимъ, съ воодушевленіемъ крестоносцевъ, почитая себя истинно крестоносцами. Этотъ топоръ, купленный на какомъ-нибудь фатежскомъ базарѣ, бросался, не раздумывая, на шестиствольный револьверъ, на жерла пакстоновыхъ пушекъ, и бороды, топоры, кресты, ложились, какъ подкошенная трава.

Они бѣжали на врага-грабителя, а ихъ ждалъ воръ, называющійся роднымъ именемъ, и непрячущійся ни въ какую засаду — воръ, который систематически кралъ у раненаго повязку съ его раненаго члена, кралъ кусокъ хлѣба у обезсиленнаго боемъ, кралъ клочки сѣна даже у издыхающаго скота. Намъ нечего скрывать нашей язвы, которую само правительство и открыло и покарало.

Сознаніе этой глубокой, смертельно-опасной гангрены и стало спасеніемъ Россіи... Съ публичнаго обличенія золъ, обнаружившихся, какъ причина временныхъ бѣдствій нашихъ, началась та знаменитая эпоха, которою будетъ гордиться наша исторія и которая еще не кончилась. Я возвращаюсь къ старому только потому, что память о немъ вполнѣ свѣжа въ мѣстномъ населеніи; война какъ будто прошла только вчера, и свидѣтели тщетнаго геройства нашего воина не могутъ скоро простить тѣмъ нечестивцамъ, которые, на ихъ глазахъ, подкапывали всѣ плоды этого геройства своею безсовѣстностью и альчностью. Трудно и грустно передать всѣ позорные разсказы, которые ходятъ среди жителей о закулисной сторонѣ великой войны. Слѣдствіе, наряженное прави-

тельствомъ, разобрало многое; но результаты его неизвѣстны въ достовѣрности публикѣ, а многое, конечно, осталось неизвѣстнымъ и слѣдствію.

Для насъ неважна строгая историческая истина этихъ разсказовъ; весьма вѣроятно, что въ подробностяхъ ихъ много выдуманнаго: намъ важно одно въ этомъ дѣлѣ — это общій характеръ сказаній. Въ немъ сказывается съ несомнѣнною историческою достовѣрностью то чувство негодованія, которое возбудили въ жителяхъ и оставили по себѣ до сихъ поръ служители общественнаго дѣла, губившіе его хуже, чѣмъ сами враги. Недобросовѣстность, примѣшавшись къ обычной русской безпечности, доводила слабость нашихъ средствъ до гомерическихъ размѣровъ. Въ минуту высадки непріятеля, никому словно въ голову не приходило, что онъ можетъ высадиться. Въ иностранныхъ газетахъ о мѣстѣ и способѣ высадки писали и спорили нѣсколько мѣсяцевъ сряду, а у насъ въ Крыму смѣялись надъ всякимъ подобнымъ извѣстіемъ, какъ надъ хвастливою уткою газетъ. Смѣялись не жители, а тѣ, кто оберегалъ ихъ. Старая фраза: „шапками закидаемъ" казалась несокрушимымъ символомъ вѣры. Въ Севастополѣ шли кутежи и праздники; веселились какъ передъ Богъ-знаетъ какимъ счастливымъ событіемъ; трунили надъ осторожными людьми, задумавшими спасаться внутрь Россіи; приглашали дамъ подъ защиту своихъ пушекъ. Въ Евпаторіи, которая была крайнимъ портомъ отъ Турціи, жители были въ большомъ переполохѣ; у всѣхъ достаточныхъ людей на дворѣ стояли уложенные экипажи и возы, чтобы бѣжать при первой тревогѣ. Дня за два до высадки пріѣзжалъ въ Евпаторію мѣстный начальникъ и ободрялъ жителей, увѣряя ихъ, что всѣ слухи пуфъ, чтобъ они разобрали свои уложенные пожитки, и спали себѣ спокойно. Начальнику сдѣлали блистательный пріемъ, пировали съ нимъ на бульварѣ, жгли на радости фейерверкъ; а англичане издали любовались праздникомъ въ свои телескопы, да заряжали понемножку орудія. Черезъ нѣсколько дней тотъ же началь-

никъ-ободритель, торжественною процессіею, съ полиціею, жандармами и присутственными мѣстами бѣжалъ изъ губернскаго города, провожаемый плачемъ и крикомъ бѣдныхъ жителей, думавшихъ, что онъ оставляетъ ихъ на жертву туркамъ. Говорятъ, будто курьеръ съ Дуная отъ князя Горчакова пріѣхалъ узнать, гдѣ произошла высадка; его обласкали, накормили и сказали, что высадки не было, нѣтъ и не будетъ; князь Горчаковъ зналъ уже навѣрное, что союзный флотъ выступилъ въ море и идетъ въ Крымъ, а въ самомъ Крыму не успѣли еще увѣровать даже въ возможность этой высадки! На Бурлюкѣ, правда, стоялъ лагеремъ одинъ нашъ отрядъ; но никто изъ моряковъ не допускалъ мысли, чтобъ флотилія громадныхъ судовъ могла совершить здѣсь высадку. И однако высадка совершилась. Почти наканунѣ главнокомандующій былъ въ упомянутомъ отрядѣ и увѣрялъ, что ничего не будетъ. А между тѣмъ, нѣсколько сотъ судовъ протянулись линіею отъ Евпаторіи къ устью Альмы. Высадка произошла собственно не въ Бурлюкѣ, а въ Кантуганѣ, имѣніи одной изъ значительныхъ крымскихъ фамилій. Однимъ прекраснымъ утромъ будятъ хозяина дома и говорятъ, что у сада собралось что-то много народу. Хозяинъ спѣшитъ и видитъ, въ верстѣ отъ дома, тысячъ двадцать непріятелей. Семейство тотчасъ уѣзжаетъ въ другую деревню; хозяинъ верхомъ мчится въ отрядъ, донести о случившемся. Въ Бурлюкѣ ему не вѣрятъ; говорятъ: не можетъ быть, недавно самъ князь былъ, ничего не сказалъ. А между тѣмъ, корабли, десантъ, у всѣхъ на глазахъ. Послѣ несчастнаго дѣла на Альмѣ, выиграть которое не было никакой возможности, весь Крымъ былъ въ рукахъ союзниковъ. Объ арміи не было ни слуху, ни духу. Если союзники не двинулись прямо на Севастополь и не окончили кампаніи въ одну недѣлю, то въ этомъ, конечно, они были не совсѣмъ виноваты. Имъ, привыкшимъ уважать всякое дѣло и готовиться къ нему основательно, разумѣется, не могла прійдти въ голову возможность такой баснословной без-

печности съ нашей стороны, въ ожиданіи войны съ такими могущественными и дѣятельными противниками, какъ они. Самое отсутствіе наружныхъ приготовленій къ защитѣ, отсутствіе войска въ странѣ, гордившейся двумя мильйонами солдатъ, должно было внушить имъ особенную осторожность, заставляя ожидать на всякомъ шагу какой-нибудь хитроразсчитанной западни. Севастополь, прошумѣвшій славою своей неприступности по всей Европѣ, этотъ черноморскій Гибралтаръ, вдругъ лежитъ передъ ними, открытый со всѣхъ сторонъ, какъ мирная ферма. Поневолѣ самый опытный и рѣшительный полководецъ призадумается прежде, чѣмъ сунется въ такое слишкомъ заманчивое мѣсто. „Это его татары обманули, кругомъ обвели“, разсказывалъ мнѣ матросикъ: „а когда бы онъ съ Бельбека прямо пошелъ на Сѣверную, такъ всѣхъ бы насъ, какъ барановъ, живьемъ побралъ. Онъ мины боялся, оттого и не пошелъ сразу въ городъ; сталъ строить баттареи; *а мы тоже себѣ стали строить; онъ насыпетъ — и мы насыпимъ, онъ ровъ — и мы ровъ;* такъ и стоимъ другъ противъ дружки. Потомъ ужь онъ сталъ палить; два мѣсяца очень страшно было, а потомъ ничего. Ему было способно, а мы въ кругѣ. Его ядро никогда по пустому не пропадало: въ батарею не попадетъ, домъ разобьетъ, народъ побьетъ. У насъ все одинъ бьется, пока самъ не упадетъ, а у нихъ все свѣжіе: одинъ отошелъ, другого пускаютъ. Ихъ такая сила — конца нѣту! четыре земли. Въ Камышѣ какъ станутъ корабли — лѣсъ дремучій. А тутъ еще нашихъ главнокомандующихъ настоящихъ побили: Нахимова, Корнилова, Истомина, командовать некому. Шесть мѣсяцевъ ничего еще было: торговля шла, и народъ жилъ. Потомъ стали силомъ народъ гнать, кого на Сѣверную, кого куда; бомбардировка пошла. Три раза *его* отбивали. Послѣдній разъ уходить уже собрался: *дай, говоритъ, всѣмъ войскомъ вдарю, войду — войду, не войду — пойду совсѣмъ прочь*“.

Этотъ безхитростный разсказъ съ особенною образностью и

наивностью нарисовалъ мнѣ положеніе нашей знаменитой твердыни въ моментъ появенія предъ нею непріятеля. „Онъ строитъ — мы строимъ; онъ насыпь — мы насыпь!“ Чего же лучше? Настоящая Спарта, ограждающая себя, вмѣсто стѣны, храбростью своихъ гражданъ. Можетъ быть, это бы вышло хорошо въ древней исторіи, противъ ѳивянъ или персовъ, но *немножко слишкомъ простодушно* въ вѣкъ штуцеровъ и стальныхъ пушекъ. Столько же было подготовленій стратегическихъ, сколько фортификаціонныхъ. Увѣряютъ, что въ моментъ высадки, въ отрядѣ, стоявшемъ на Бурлюкѣ, не было ни одного офицера генеральнаго штаба. Да и войска къ альминскому дѣлу были собраны наскоро, кой-откуда; московскій полкъ, говорятъ, прибѣжалъ наканунѣ изъ Керчи въ самомъ плачевномъ видѣ, и двинутъ былъ въ дѣло совершенно уже утомленный. За то и осталось его много! жители не могутъ вспомнить безъ ужаса, сколько стоила намъ альминская битва. Въ Бахчисарай, въ Симферополь, везли безконечные обозы раненыхъ, изувѣченныхъ, а арміи нигдѣ не было. Немудрено, что присутственныя мѣста бѣжали. Жители Симферополя выѣзжали; за городъ на ближайшіе холмы, и видѣли оттуда мѣсто высадки отъ пальбы дрожали окна въ городѣ. Раненыхъ везли обозы за обозами, а въ городѣ не было ни одного военнаго госпиталя, ни одного фельдшера, не говоря уже о корпіяхъ, лекарствахъ и проч. Завозили прямо въ обывательскіе дома и сваливали кому попало, не освѣдомляясь послѣ, живъ ли, умеръ ли. Мнѣ показывали сараи, гдѣ въ повалку, *на голой землѣ*, лежали смертельно раненые. Солома была роскошь не для всѣхъ. Всѣ публичныя зданія и множество частныхъ завалены были ранеными, оставленными нетолько безъ леченія, но и безъ помощи, безъ присмотру. Жители приняли энергическое участіе въ судьбѣ несчастныхъ, и первое время одни замѣняли, сколько могли, коммисаріатъ и докторовъ. Но и потомъ, когда устроились госпитали, когда ихъ линія протянулась до самаго Харькова, и тогда бѣдные герои,

неудостоившіеся смерти; должны были много страдать. Читатель можетъ не вѣрить, и я желалъ бы не вѣрить тому, что помнятъ очевидцы. Отъ Бахчисарая до Симферополя, въ невылазной грязи, стояли или ползли подводы, въ которыхъ люди съ оторванными руками, съ простреленною грудью, съ размозженными головами, лежали почти другъ на другѣ, безъ постилки и покрышки, истекая кровью. Некормленные волы и надорванныя клячи лежали въ грязи, потерявъ надежду дотянуть по баснословнымъ грязямъ свои возы; некормленные и неоплаченные погонщики съ суровымъ равнодушіемъ стаскивали съ воза скончавшихся во время пути, и оставляли ихъ на дорогѣ. Люди, лошади, телеги, валялись на пространствѣ тридцати верстъ. Когда же, наконецъ, сутокъ въ трое, добирались до города, начиналось скитаніе по улицамъ, отъ дома къ дому: тамъ не принимаютъ, тамъ нужно исполнить разныя формальности; одинъ пересылаетъ къ другому, одинъ за другимъ отказывается, словно ни на комъ не лежала обязанность принять этотъ печальный поѣздъ изувѣченныхъ героевъ. А несчастные солдатики, стоявшіе грудью за безопасность этихъ самыхъ безсердечныхъ эксплуататоровъ своихъ, лежатъ себѣ часы за часами, иногда буквально цѣлый день на своихъ возахъ некормленные, несогрѣтые, облитые только собственною честною кровью. Нѣкоторые *замерзали на возахъ*. Изувѣченные солдаты встрѣчались на дорогахъ просящими Христа ради, и я знаю людей, подававшихъ имъ милостыню. И это не сцена изъ египетскаго похода, не экспедиція въ безлюдныхъ и невѣдомыхъ мѣстахъ Азіи, а война долго ожидавшаяся, и долго подготовлявшаяся на родной землѣ, среди края всѣмъ обильнаго, среди всѣхъ учрежденій правильнаго государственнаго порядка. Особенно позорную славу пріобрѣли себѣ такъ-называемые *погонцы*; они были учреждены въ видахъ облегченія разныхъ комисаріатскихъ формальностей для перевозки снарядовъ, припасовъ, раненыхъ и проч. Каждому офицеру давалась команда погонщиковъ, телеги,

волы, и отпускалась, по разсчету, въ безотчотное распоряженіе опредѣленная сумма на содержаніе людей, скота и повозокъ. Симферопольцы долго не забудутъ этихъ благородныхъ дѣятелей общественнаго дѣла. Офицеры эти, набранные изъ людей довольно низкаго разбора, необразованныхъ, бѣдныхъ, въ самомъ непродолжительномъ времени стали первыми гостями города: завели кареты, стали вести огромную игру, держать любовницъ, заливать шампанскимъ разные веселые пріюты; евреи ухаживали за ними, какъ за откупщиками. За то ихъ команды далеко не кутили. Ни людямъ, ни животнымъ не отпускалось ровно ничего. Тощіе волы бродили по опустошеннымъ окрестностямъ, а люди кормились ради Христа, по дворамъ жителей, или таскались по дорогамъ. Этотъ грабежъ совершался съ такою наглою откровенностью, и съ такою послѣдовательностью на глазахъ общества и начальства, что по истинѣ смущаетъ всякое соображеніе.

Слушая про это голоданье нашихъ солдатъ, про ихъ хроническія лишенія всякаго рода, я съ недоумѣніемъ вспомнилъ о тѣхъ несметныхъ количествахъ провіанта, которое наши губерніи съ такимъ трудомъ высылали въ пособіе крымской арміи. Я живо помню, какъ всѣ мы снаряжали лошадей и людей, тогда еще крѣпостныхъ, отрывая ихъ надолго отъ необходимой работы; покупали телеги, насыпали мѣшки мукою, пекли сухари и отправляли все это на свой счетъ, за тысячу и болѣе верстъ, безконечными обозами. Но мнѣ сказали, что наши мѣшки погнили и попрѣли, не дойдя до солдатскихъ желудковъ. Говорятъ, они долго стояли исполинскими стѣнами, на выгонахъ Симферополя и другихъ городовъ, обуреваемые стихіями; и пока комисаріатское вѣдомство нашло минуту освидѣтельствовать ихъ, чтобы внести ихъ въ свои вѣдомости, они успѣли покориться общему закону всего земнаго, ненуждающемуся въ вѣдомостяхъ. Замѣчательно, что мужики, привозившіе наши *пожертвованія*, принуждены были *платить за право сдать это пожер-*

ствованіе; иначе, ихъ держали безконечно долго, а кормить лошадь и себя въ странѣ, разоренной войною, сдѣлавъ тысячеверстный путь по столько же разореннымъ дорогамъ, составляетъ немаленькій разсчетъ.

Это обстоятельство извѣстно мнѣ не изъ однихъ крымскихъ источниковъ. Одна изъ подгородныхъ владѣтельницъ разсказывала мнѣ, между прочимъ, какъ топили въ ея прудѣ многія тысячи мѣшковъ съ мукою, до того испортившеюся подъ дождемъ, что ея не ѣлъ даже скотъ.

Странная вещь! вмѣсто того, чтобы гнать и разстрѣливать на мѣстѣ воровъ—чиновниковъ, у насъ гнали и разстрѣливали самое честное изъ крымскихъ племенъ—татаръ. Никого такъ не обидѣли въ эту войну, какъ это тихое и полезное племя. Его опозорили измѣною; его заставили покинуть древнюю родину, гдѣ только одинъ татаринъ можетъ жить счастливо и безъ нужды. Кто былъ въ Крыму хоть одинъ мѣсяцъ,—тотъ тотчасъ же узнаетъ, что Крымъ погибъ послѣ удаленія татаръ. Они одни переносили этотъ сухой зной степи, владѣя тайнами извлеченья и проведенья воды, разводя скотъ и сады въ такихъ мѣстахъ, гдѣ долго не уживется нѣмецъ или болгаринъ. Сотни тысячъ честныхъ и терпѣливыхъ рукъ отняты у хозяйства, стада верблюдовъ почти исчезли; гдѣ прежде ходило тридцать отаръ овецъ, тамъ ходитъ одна; гдѣ были фонтаны, тамъ теперь пустые бассейны; гдѣ была многолюдная, промышленная деревня—тамъ пустырь; и эти пустыри, какъ прежнія деревни, наполняютъ теперь цѣлые уѣзды. Проѣзжайте, напримѣръ, Евпаторійскій Уѣздъ, и вы подумаете, что путешествуете по берегамъ Мертваго Моря. Дороговизна рукъ и жизненныхъ припасовъ, съ уходомъ татаръ, возросла до невыносимыхъ размѣровъ, которые просто могутъ разогнать послѣднее скудное населеніе крымскихъ городовъ. Словомъ, Крымъ по уходѣ татаръ—это домъ послѣ пожара. Но, можетъ быть, татары дѣйствительно измѣняли, и уходъ ихъ

сдѣлался необходимымъ, какъ бы онъ ни былъ достоинъ сожалѣнія? Я думалъ такъ, въѣзжая въ Крымъ. И мнѣ даже на дорогѣ разсказывалъ объ измѣнѣ татаръ русскій ямщикъ, который меня везъ. У насъ въ Россіи этотъ фактъ внѣ всякаго сомнѣнія. Но здѣсь я не встрѣтилъ ни одного старожила, который не презиралъ бы отъ всей души этихъ гнусныхъ нареканій на татарина, сдѣлавшихъ несчастіе цѣлаго края. Въ одинъ голосъ говорятъ, что безъ татаръ мы пропали бы въ крымскую войну: всѣ перевозочныя средства и всѣ жизненные припасы были исключительно въ ихъ рукахъ. Послѣ альминской битвы, весь полуостровъ къ сѣверу отъ горъ былъ безъ войска; непріятельскіе разъѣзды подъѣзжали къ Бахчисараю, въ которомъ было десять казаковъ; въ Евпаторіи стоялъ непріятель, а Евпаторія отъ Симферополя въ 63 верстахъ пути, гладкаго, какъ плита. Начальство и полиція покинули Симферополь. Какого бы, кажется, ждать лучше случая для возмущенія? Бахчисарай сплошь весь татарскій; тамъ центръ мусульманскаго фанатизма, мусульманскихъ преданій, мусульманскаго богатства и разума; Симферополь на три четверти состоялъ изъ татаръ... Вокругъ по степи, по долинамъ многолюдныя и старинныя татарскія селенія.

Кто же и что̀ же мѣшало поголовному возстанію? И, надо признаться, у татаръ были немалые поводы къ неудовольствію. Они были въ тискахъ мурзаковъ хуже, чѣмъ крѣпостные. У нихъ отнималось все время и весь трудъ за право жить на землѣ помѣщика; имъ ежеминутно грозили выгономъ. „Мы бы пошли отъ мурзаковъ въ огонь, а нетолько въ Турцію“, говорилъ мнѣ одинъ татарскій либералъ. Что̀ дѣлали, сверхъ того, чиновники, это можно себѣ представить по тому, что они дѣлаютъ теперь; съ другой стороны, наши чиновники, умѣющіе хорошо блюсти за поборами, не съумѣли во время остановить пропаганду мохамеданскихъ фанатиковъ, которые задолго до войны распростани-

лись по Крыму, подосланные Портою, и всѣми средствами возбуждали въ жителяхъ религіозную ненависть.

Немудрено, что отдѣльныя личности были вовлечены тѣмъ или другимъ способомъ въ борьбу противъ Россіи. Но спокойствіе городовъ и округовъ, въ которыхъ сосредоточивалось татарское населеніе, есть безспорное доказательство того вѣрноподданническаго и миролюбиваго настроенія, которое выказали татары, говоря о нихъ вообще. Полицеймейстеръ Бахчисарая г. Ш., одно изъ самыхъ компетентныхъ лицъ въ сужденіи о чувствахъ и поведеніи татаръ, былъ на той же должности еще въ день высадки. У него, втеченіе самыхъ опасныхъ дней, пока наша армія не заняла еще бельбекскихъ высотъ, не было въ городѣ ни одного случая неповиновенія; въ Симферополѣ громко говорили, что, по отъѣздѣ жандармовъ и полиціи, татары перерѣжутъ русскихъ; нѣтъ никакого сомнѣнія, что татары знали объ этихъ публичныхъ толкахъ, и были раздражены ими; и однако — жандармы вышли, а ни у одного жителя не слетѣло волоса съ головы. Обыкновенно, въ доказательство измѣны приводятъ дѣло подъ Евпаторіей, когда татары стрѣляли въ русскихъ; но, спрашивается, многіе ли бы и не изъ татаръ не стали стрѣлять въ своихъ, когда бы за ними стояли плѣнившіе ихъ враги, съ наведенными на нихъ ружьями; а это буквально было подъ Евпаторіей, гдѣ союзники выставили татаръ впередъ и велѣли имъ стрѣлять, а сами выстроились за ними. Вообще Евпаторійскій Уѣздъ считался особенно возмутившимся. Дѣйствительно, татары уже больше не слушались русскихъ становыхъ, которые бѣжали прочь или сидѣли въ плѣну, а слушались новаго начальства, которое было введено союзниками, по занятіи уѣзда. Но развѣ мы русскіе, также не слушались бы ихъ? Татары, дѣйствительно, оскорбляли и наказывали свое бывшее начальство, попавшееся имъ въ руки; но я знаю изъ словъ человѣка, бывшаго тоже становымъ въ занятой мѣстности, и также попавшаго въ плѣнъ,

что татары позорили и били только тѣхъ взяточниковъ и притѣснителей, которыхъ прежнее жестокосердіе съ ними не давало никакихъ поводовъ къ снисхожденію: напротивъ того, люди добросердечные и непритязательные были охраняемы ими въ плѣну, какъ гости, и не получили ни малѣйшаго повода къ жалобамъ. Опять спрашивается, развѣ это добровольная измѣна правительству? Даже въ самой мѣстности высадки, татары оставались спокойными и вѣрными. Одинъ изъ знакомыхъ мнѣ помѣщиковъ, на другой день высадки, пріѣхалъ въ свое имѣніе, находившееся недалеко отъ Бурлюка, и приказалъ жечь сѣно и хлѣбъ, при первомъ приближеніи непріятеля; татары приложили руки къ сердцу и обѣщали исполнить приказъ. Пришелъ непріятель, и сѣно было зажжено. Вотъ вамъ измѣнники! Впрочемъ, еслибы татары, наконецъ, дѣйствительно измѣнили, ихъ слѣдовало бы оправдать. Нужно быть истиннымъ поклонникомъ Аллаха и фаталистомъ, чтобы спокойно переносить то, что̀ дѣлали съ этимъ бѣднымъ народомъ во время компаніи. Одинъ изъ военныхъ начальниковъ, прославившійся позорнымъ пораженіемъ своимъ недалеко отъ Евпаторіи, первый разъ унизившій русское знамя и отдавшій безъ боя русскія пушки, въ оргіяхъ своихъ, свидѣтели которыхъ еще живы, раздѣвалъ стариковъ татаръ до-гола, завертывалъ въ простыни, и нещадно сѣкъ фухтелями, въ присутствіи своихъ собутыльниковъ. Онъ называлъ это истребленіемъ измѣны; измѣнникъ былъ виноватъ только въ томъ, что шелъ изъ одной деревни въ другую, и былъ встрѣченъ казакомъ. Если собиралась гдѣ кучка татаръ, человѣкъ въ двадцать, въ нее стрѣляли. Это была тоже измѣна. Казакамъ такъ понравилась эта идея, что они на весь Крымъ стали смотрѣть, какъ на измѣнниковъ. Подъ этою фирмою, они угоняли стада овецъ, выжигали цѣлыя деревни, даже усадьбы русскихъ помѣщиковъ, которыхъ я могъ бы назвать по именамъ и которыхъ знаетъ весь Крымъ; они врывались въ дома, какъ завоеватели; били зеркала, кололи пе-

рины, мебель, отыскивая сокровищъ; татары бѣжали отъ нихъ то въ лѣсъ, то къ непріятелю.

Да и солдатики наши невсегда отставали отъ казаковъ. Характеренъ разсказъ одного очевидца о высадкѣ въ Контуганѣ. По выѣздѣ помѣщиковъ, въ домѣ оставалась только прислуга, лакей и нѣсколько женщинъ. Первый входитъ въ домъ маршалъ Сент-Арно; онъ спрашиваетъ: гдѣ хозяева? Ему говорятъ: уѣхали. — Напрасно; они бы могли спокойно оставаться здѣсь; а гдѣ кабинетъ хозяина?— Показываютъ кабинетъ.—Гдѣ спальня?— ведутъ въ спальню. Маршалъ видитъ иконы и приказываетъ убрать ихъ, чтобы турки не оскорбили ихъ; женщина снимаетъ иконы, и маршалъ, тщательно завернувъ ихъ, прячетъ въ кабинетъ. Онъ живетъ въ домѣ, оставляя все въ томъ видѣ, въ какомъ засталъ, не позволивъ себѣ коснуться ни до одной бумажки. Всѣ солдаты и офицеры живутъ въ деревнѣ такъ же скромно, какъ самые вѣжливые гости. Когда лакей владѣльца пожаловался маршалу, что солдатъ портитъ деревья, привязывая къ нимъ лошадей, виновный тотчасъ былъ выведенъ передъ фронтъ, и вздутъ линьками. „Мы не для того пришли сюда, чтобы разорять чужія хозяйства“, объявилъ ему маршалъ. Правда, въ деревнѣ захватили стадо быковъ, не спрашивая согласія; но заплатили за нихъ чистымъ золотомъ. Татаринъ-пастухъ, впослѣдствіи, передалъ своему помѣщику нѣсколько десятковъ гиней, уплаченныхъ непріятелемъ. Когда Сент-Арно выѣхалъ изъ Контугана, онъ заперъ кабинетъ на ключъ и приказалъ передать его хозяину, вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ. Тотчасъ по выходѣ французовъ, нахлынули въ деревню и наши. Братъ владѣльца былъ по близости и поспѣшилъ посѣтить домъ; въ кабинетѣ онъ засталъ двухъ русскихъ офицеровъ, съ большимъ вниманіемъ разбиравшихъ хозяйскія бумаги; одинъ офицеръ былъ даже его сослуживецъ. Все было въ крайней степени безпорядка и разрушенія; на рояли нацарапанъ былъ кремнемъ, большими

буквами, плодъ поэтическаго армейскаго досуга: *„ахъ, какъ жаль, прекрасная рояль“*; даже потолки были пробиты пиками казаковъ, которые, повидимому, вездѣ предполагали золотыя кубышки.

Это мнѣ разсказывалъ очевидецъ, принадлежащій къ семейству владѣльца.

VII.

Трахейскія святыни.

(Общая картина трахейскаго полуострова и его исторія.—Херсонесскій монастырь.—Георгіевскій монастырь.—Знакомство съ моремъ.)

Неуспокоительны для меня окрестности Севастополя. Хотя многочисленныя могилы его обнесены оградами и осѣнены крестами, однако, мнѣ почему-то кажется, что и здѣсь, въ чистомъ полѣ, я на могилахъ. Здѣсь, собственно говоря, нѣтъ нашего русскаго *чистаго поля*; здѣсь все кругомъ, на многія версты, безпорядокъ и разрушеніе; остатки лагерей, траншей и редутовъ, всѣ эти памятники войны еще не главный элементъ разрушенія.

Какая-то сильнѣйшая и древнѣйшая сила работаетъ здѣсь втихомолку. Камни выпираютъ изъ-подъ земли, какъ кости обглоданнаго трупа, камни сыпятся съ горъ; на каждую пядь земли придется камень. Плугъ и даже соха безсильны въ этой тучной и теплой почвѣ, чреватой всякимъ обиліемъ. Она просто не дается человѣку. Кой-гдѣ только въ долинахъ, обработываются небольшія полоски.

Признаюсь, мнѣ, жителю чисто-русскаго края, немного здѣсь сташно и неуютно.

Мы не привыкли къ такой неопредѣленности и къ такому своеволію мѣстности; у насъ все гладко и ровно, все приноровлено

къ хозяйству, хотя бы самому нехитрому: поле, такъ поле, парень, такъ парень, выгонъ такъ выгонъ. Это десятина пренадлежитъ Ивану Петрову, а эта Петру Иванову, съ незапамятныхъ лѣтъ. Здѣсь умеръ дѣдъ этого Ивана Петрова, сюда же пріѣдетъ и внукъ его.

Не то вокругъ Севастополя, и вообще въ большей части крымскихъ мѣстностей. Тутъ хутора и экономіи кажутся затерянными въ пустыхъ каменныхъ буеракахъ; словно они явились совершенно нежданно-негадано, на одну минуточку, а завтра опять пропадутъ... Ихъ именно почти никто не знаетъ. Нынче принадлежитъ одному, завтра другому.

Въ кучахъ мусора наполняющихъ мѣстность, жилища эти кажутся только большими кучами. Какъ будто никому они не нужны, никѣмъ не берегутся, какъ будто вся окрестность—одинъ громадный неубранный дворъ, лишенный своего хозяина. А между тѣмъ, среди этого мусору ростетъ миндаль, персикъ, такъ же легко, какъ у насъ на черноземѣ ракита; а въ двухъ шагахъ отъ этого разореннаго поля—теплое море съ прекрасными бухтами.

Грустно и неловко. Такъ долженъ чувствовать себя впечатлительный путешественникъ Сиріи, попирая останки великихъ городовъ и великихъ имперій.

Кругомъ сонъ и тишь; прошедшее со всей полнотой своей жизни стоитъ въ мрачной дали, совершенно чуждое скудному настоящему...

Недаромъ эти камни производятъ впечатлѣніе разоренныхъ могилъ.

Земля, на которой стою я, дѣйствительно могила; великая тысячелѣтняя могила.

Мы такъ свыкаемся съ своими предразсудками, что дѣлаемся не въ состояніи анализировать ихъ. Вѣра въ историческій прогрессъ часто затемняетъ намъ столь же несомнѣнное зрѣлище ис-

торическаго регресса, которое внимательному глазу встрѣчается чаще, чѣмъ, можетъ быть, разсчитываютъ.

Если вспомнишь, что Цицероны и Тацыты, въ 18-ть или 19-ть столѣтій, развились до современнаго неаполитанца и римскаго капуцына, а Периклы и Сократы до настоящихъ членовъ аѳинскаго законодательнаго собранія, то невольно призадумаешься прежде чѣмъ поклонишься прогрессу.

Трахейскій Полуостровъ, составляющій теперь ничтожную часть Ялтинскаго и Симферопольскаго Уѣздовъ, подвѣдомственный, въ числѣ прочаго, уѣздной земской полиціи, въ болѣе счастливое для него время былъ отдѣльнымъ, довольно могущественнымъ государствомъ, посылалъ флотиліи, отражалъ флотиліи, воздвигалъ и бралъ крѣпости, велъ дѣятельную торговлю съ далекими странами міра и считался у сосѣдей опаснымъ врагомъ и дорогимъ союзникомъ.

Въ то время этотъ пустынный уголокъ былъ однимъ изъ немногихъ центровъ свѣта и жизни, ярко сверкавшихъ среди неподвижнаго мрака невѣжества.

Въ немъ горѣлъ благородный геній грековъ, освѣтившій путь всей нашей европейской исторіи.

Мы, русскіе, тоже почерпнули здѣсь свѣта, въ лицѣ нашего равноапостольнаго князя.

Трахейскій Полуостровъ значитъ *каменистый полуостровъ*. Онъ называется тоже Гераклейскимъ, по имени гераклейскихъ поселенцевъ, основавшихъ на немъ знаменитый Херсонесъ; временемъ основанія его считается начало VI вѣка до Р. Х.; въ это же время были основаны и другія древнѣйшія колоніи грековъ на Крымскомъ Полуостровѣ: Ѳеодосія, Пантикапея, Каркинитъ и пр. Гераклейскій Полуостровъ составляется съ одной стороны (сѣвер.) Севастопольскою бухтою, древнимъ Ктенунтскимъ заливомъ, а съ запада и юга окруженъ моремъ, которое изрѣзываетъ его множествомъ бухтъ и дѣлаетъ въ этомъ отношеніи весьма похожимъ на Пелопонезъ; немудрено, что этотъ юго-западный уголъ Крыма,

такъ напоминавшій грекамъ Грецію, первый обратилъ на себя ихъ вниманіе. На юго-востокѣ полуостровъ нѣсколько отрѣзывается отъ остальнаго Крыма узкою Балаклавскою бухтою, названною у Страбона *узкоустою*. Съ сѣверо-востока же его отрѣзаетъ отъ остальнаго Крыма Чорная рѣчка *(Бiюкъ-Узень, Чоргунъ,* и проч.*)*, бѣгущая въ направленіи отъ юго-востока къ сѣверу-западу. Ея болотистая долина проходима только въ немногихъ мѣстахъ. Такъ образовался крошечный уголъ земли, которымъ овладѣли гераклейскіе колонисты. Обладая самыми широкими средствами къ развитію морской торговли, онъ въ то же время былъ почти совершенно отдѣленъ отъ сосѣднихъ народовъ, сначала тавроскиѳовъ, потомъ готѳовъ, потомъ половцевъ, казаръ и т. д. Кромѣ того, гераклейцы провели стѣну для защиты своей восточной границы, начиная отъ Балаклавской бухты прямо къ устью Чорной.

Еще недавно видѣли по этому направленію ея слѣды наши ученые путешественники: Кларке, Палласъ, Муравьевъ.

На этомъ пространствѣ, въ нѣсколько квадратныхъ верстъ каменистой почвы, процвѣталъ, почти двѣ тысячи лѣтъ, знаменитый городъ со множествомъ окрестныхъ селеній, заводовъ и всякаго рода торговыхъ и хозяйственныхъ учрежденій; здѣсь были разведены прекрасные сады, проведены водопроводы; вся страна, по свидѣтельству современниковъ, представляла видъ цвѣтущаго сада или оживленнаго города; въ городѣ было много статуй и храмовъ; въ Инкерманѣ добывался отличный камень; по берегамъ Каламитскаго залива выволакивали соль; рыбу ловили не только по крымскимъ берегамъ, но и при устьѣ Днѣпра. Все это везли въ Грецію, въ Малую Азію, въ Египетъ, и Херсонесъ былъ предметомъ удивленія и зависти окрестныхъ племенъ. Но, имѣя богатство, онъ имѣлъ и силу.

Гунны, столько сокрушившіе на своемъ пути, осаждали его тщетно; турки въ VI вѣкѣ также отступили отъ него безъ успѣха; мы знаемъ потомъ, какъ крѣпко держалась Корсунь противъ нашего

Владиміра; а ужь это было время упадка. Корсунь выдержала много враговъ: владѣли Крымомъ и понтійцы, и римляне, и татары, но она при всѣхъ повелителяхъ умѣла сохранять независимость своей жизни. Въ IX вѣкѣ она признавалась главою греческихъ городовъ. Она долго составляла особую епископію, чуть ли не съ IV вѣка; полагаютъ, между прочимъ, что апостолъ Андрей Первозванный пріѣзжалъ проповѣдывать именно въ Херсонесъ.

Кто же откроетъ подъ этими кучами мусора, заваливающими Трахейскій Полуостровъ, слѣды широкой и шумной дѣятельности многихъ столѣтій? Деревня Карану и нѣсколько разсѣянныхъ хуторовъ — вотъ что уцѣлѣло теперь на немъ, взамѣнъ сплошныхъ сельбищъ прежняго времени... Изсякли водопроводы, надъ разореніемъ которыхъ трудился князь Владиміръ; мраморные храмы сравнялись съ землею, и даже плиты ихъ расхищены каменьщиками для постройки солдатскихъ казармъ въ Севастополѣ. Молчитъ торговля, посѣщавшая эти многочисленныя глубокія бухты въ гораздо труднѣйшія времена и, вмѣсто золотыхъ талантовъ, морскія волны высыпаютъ на трахейскіе берега только разноцвѣтные голыши. Куда улетѣло все это? Чей таинственный плугъ такъ безслѣдно запахалъ исторію въ безотвѣтную каменистую почву? Для насъ неважны въ этомъ случаѣ историческіе факты, неважна осада Владиміра, неважно даже послѣднее разрушеніе Херсонеса Ольгердомъ Литовскимъ въ 1363 году. Онъ палъ, какъ падаетъ все на землѣ — это, разумѣется, само собою. Но мысль спрашиваетъ: отчего же нѣтъ третьяго Херсонеса, такого же торговаго и могущественнаго, на мѣстѣ, оказавшемся столь удобнымъ и въ вѣкъ, несравненно болѣе счастливый? Вѣдь разорены же были зданія перваго Херсонеса и перенесены были на другой пунктъ полуострова, гдѣ возникъ новый Херсонесъ, второй, или такъ-называемый Корсунь; и однакоже судьба херсонесцевъ не измѣнилась черезъ это къ худшему.

Почему же нашъ Севастополь, имя котораго означаетъ *знаменитый городъ*, не сталъ дѣйствительно такимъ же знаменитымъ, какъ Корсунь, на могилѣ которой онъ выросъ? Севастополь, правда, знаменитъ, но далеко не тѣмъ, про что мы говорили. Историки много толкуютъ о вліяніи географическихъ и климатическихъ условій на исторію; но кромѣ географіи, какъ видно, есть этнографія, которой выводы дѣлаютъ иногда ничтожными всѣ другіе выводы. Видно, недаромъ въ рабочемъ скотѣ верблюдъ сильнѣе буйвола, буйволъ сильнѣе вола, какой хомутъ ни надѣвайте на нихъ.

Племена людскія имѣютъ тѣ же различія и характерныя свойства. Чѣмъ былъ на Трахейскомъ Полуостровѣ гераклейскій грекъ, тѣмъ, значитъ, не можетъ быть русскій купецъ или русскій чиновникъ.

Зеленый садъ, въ рукахъ одного, превращается въ рукахъ другого, въ безплодный сухой пустырь, хотя вода, почва, небо и солнце остаются безъ перемѣны.

Большая разница, когда жизнь кипитъ свободно и самостоятельно, безпрепятственно выбирая для себя пути и средства, принимая на собственный страхъ свое счастіе и несчастіе, свой барышъ и убытокъ; или когда она вгоняется въ рамки, приготовленныя для нея постороннею рукою, и заводится, какъ безсознательная машина, на опредѣленный срокъ, для опредѣленной цѣли, по опредѣленному размѣру.

Разсчеты и размѣры, предначертанные заранѣе, рѣдко оправдываются единственнымъ ихъ знатокомъ и критикомъ — текущею жизнью.

Чиновничьи города, разумѣется, будутъ безсильны въ томъ дѣлѣ, которое спорилось въ рукахъ свободной общины.

Исторія Херсонеса, конечно много обязана тому гражданскому устройству, подъ которымъ жили обитатели Херсонеса, и которое у разныхъ племенъ, въ разные вѣка, у финикійцевъ, какъ

у голандцевъ, при самыхъ разнообразныхъ географическихъ и климатическихъ обстоятельствахъ, въ Америкѣ, точно такъ же какъ въ Африкѣ и Европѣ, приводитъ всегда къ одному и тому же благому и естественному результату.

Херсонесскій первоклассный монастырь стоитъ какъ разъ на мѣстѣ развалинъ знаменитаго Херсонеса. Карантинная бухта отдѣляетъ его отъ Севастополя, а море стелется у самыхъ его ногъ. Развалины древняго города занимаютъ большое пространство; но онѣ такъ смѣшаны съ развалившимися насыпями батарей и траншей, съ разоренньмъ лагеремъ, что пропадаетъ охота разыскивать ихъ подробно. Монастырь неуютенъ, некрасивъ и не имѣетъ никакой опредѣленной физіономіи. Подобно усадьбамъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, онъ словно вчера построенъ, и завтра опять исчезнетъ.

Его дворы и немногія церкви какъ-то оторваны другъ отъ друга и будто еще не выкарабкались изъ тысячелѣтняго мусора, на которомъ возникли.

Общее впечатлѣніе — неустройство и безпокойство.

Впрочемъ, настоящій монастырь — новый, только что строится.

Хотя храмъ св. Владиміра, надъ мѣстомъ крещенія равноапостольнаго князя, едва выведенъ до половины нижняго этажа, но за то совершенно отстроены великолѣпныя палаты для помѣщенія архимандрита съ братіею.

Палаты эти значительно громаднѣе двухъ бѣдныхъ церквей, построенныхъ въ первый разъ на развалинахъ Херсонеса, еще при преосвященномъ Иннокентіи.

Но эти палаты также не имѣютъ никакой архитектурной физіономіи, и уже во всякомъ случаѣ болѣе похожи на фанцузскій замокъ, чѣмъ на греческій или русскій монастырь.

Вокругъ дома большая чистота и порядокъ; садикъ дѣятель-

но разводится кругомъ, у крылецъ оранжерейныя растенія въ кадкахъ, вездѣ лакъ, блескъ, парадъ; недостаетъ швейцара съ булавой и красною перевязью.

Храмъ Владиміра, судя по плану и началу кладки, будетъ простъ и величественъ, вполнѣ въ русскомъ стилѣ. Посрединѣ его еще стоитъ древній мраморный престолъ, нѣсколько обломанныхъ мраморныхъ колоннъ да нѣсколько мраморныхъ ступеней. Тутъ же что-то въ родѣ колодца. Увѣряютъ, что это именно тотъ храмъ, въ которомъ крестился Владиміръ; но, кажется, нѣтъ на это серьезныхъ данныхъ.

Рядомъ съ этимъ храмомъ уцѣлѣли остатки другого или, можетъ быть, только придѣла его. Мраморныя ступени въ немъ идутъ амфитеатромъ, и форма постройки храма ясно замѣтна.

Повидимому, эти сидѣнья полукругомъ были устроены въ алтарѣ для духовенства, стало быть, храмъ этотъ былъ мѣстомъ соборнаго служенія.

Подалѣе, я нашелъ слѣды еще двухъ храмовъ, совершенно подобныхъ этимъ; всѣ они небольшіе, имѣютъ въ планѣ форму креста, всѣ обдѣланы бѣлымъ мраморомъ. Обломковъ колоннъ, карнизовъ, престоловъ, сидѣній, крестовъ — до сихъ поръ такое множество, что они сложены кучами въ монастырскихъ дворахъ. Но цѣнныхъ или интересныхъ находокъ уже не открываютъ въ послѣднее время. Французы во время войны много разорили Херсонесъ, частію своими археологическими раскопками, а еще болѣе батареями.

Еще недавно путешественники видѣли въ развалинахъ Херсонеса гораздо болѣе цѣльнаго и любопытнаго.

При работахъ вырываютъ множество череповъ и другихъ костей. Ихъ собираютъ въ особенный склепъ подъ крестомъ, открывающійся какъ-то съ боку. Я заглянулъ въ него и увидѣлъ цѣлый магазинъ могильнаго товару, опрятно сложеннаго по сортамъ, бедра къ бедрамъ, черепа къ черепамъ — богатый кладъ для краніо-

логовъ. Покопавшись въ разныхъ грудахъ и ямахъ, которыми покрытъ берегъ, и набравъ себѣ дешевую археологическую коллекцію, я отправился изъ Херсонеса, весьма мало удовлетворенный всѣмъ, что видѣлъ.

До Георгіевскаго монастыря отъ Севастополя 12 верстъ.

Ѣдешь по самой постылой дорогѣ. Пустырь и разоренье. Разрушенные хутора, осыпавшіяся траншеи, холмы батарей, и во всемъ и на всемъ камни. Откуда только берутся они?

Когда ѣдешь, съ одной стороны видишь Камышевую бухту, гдѣ жили наши враги, съ другой стороны—церковь и ограду кладбищъ, гдѣ они похоронены. Ихъ кладбище похоже на маленькую опрятную деревеньку; особый смотритель-французъ и сторожъ живутъ при немъ, оберегая прахъ, священный для отечества даже на далекой чужбинѣ.

Ѣхалось долго, и хотя извощикъ разсказывалъ мнѣ въ это время много интереснаго объ осадѣ Севастополя, все-таки соскучилось. Вижу вдругъ на пустынномъ полѣ какая-то неуклюжая колокольня, около нея длинныя казармы. Это что? Георгіевскій монастырь...

Признаюсь, стоило трястись 12 верстъ по камнямъ и платить 3 рубля, чтобы увидѣть эти казармы. Вокругъ ни клочка моря, ни клочка горы. Пустыня сама поднимается горою къ горизонту, и на краю торчитъ самый прозаическій монастырь. Недовольный, подъѣзжаю къ оградѣ; не легчаетъ: все тотъ же солдатскій ранжиръ и солдатское безвкусіе... Куда идти?

Проходитъ монахъ по двору.

— Батюшка, я желалъ бы осмотрѣть монастырь!

— А идите-себѣ съ Богомъ, вонъ внизъ, подъ колокольню, тамъ все увидите.

Пошелъ въ подъѣздъ подъ колокольню; тамъ ступени внизъ. Спускаюсь, вышелъ—Господи! да гдѣ я?

Одинъ шагъ изъ мертвой, безобразной пустыни, и меня вдругъ охватило могущественное и грозное великолѣпіе... Передо мною, на страшной глуби и на страшное пространство, колыхалось синее, волнующееся море, переливавшее зеленью, багрянцемъ, серебромъ и чернью. Громадные утесы, обглоданные, оборванные, шагнули съ обѣихъ сторонъ въ это ревущее море.

Больше ничего не было; это была какая-то безумно-смѣлая, волшебная декорація, ничего похожаго на то, что я когда нибудь видѣлъ. Она горѣла и сверкала свѣтомъ и красками. Она шумѣла и колыхалась одна въ своей великолѣпной пустынности, безъ человѣка, безъ птицы, безъ живого дыханья. Она дышала, говорила, смотрѣла сама, не нуждаясь ни въ чемъ и ни въ комъ, сама нѣмая и безокая красота. Образы искуства и поэзіи, когда-то восхищавшіе мечты и сны, когда-то расцвѣтавшіе, тихо всколыхались въ душѣ отъ этого внезапнаго озаренія. Но живая красота все преисполнила, все оттѣснила на задній планъ, очаровавъ даже чувство...

Въ это мгновенье я понялъ всю глубину смысла истертаго книжнаго выраженія: *онѣмѣть отъ удивленія*; я стоялъ и „не вѣрилъ своимъ глазамъ“, въ буквальномъ значеніи словъ, безъ стилистическаго преувеличиванія. Островерхіе великаны сурово стояли среди колыханія и ропота, ступивъ неподвижною пятою... одинъ, старый, сизозеленый, обросшій мохомъ; другой — бурый, желтый, малиновый, лоснящійся своими каменными ребрами.... Много ихъ тутъ, этихъ угрюмыхъ отшельниковъ. На нихъ нѣтъ возможности забраться ни съ какой стороны. Только вонъ кипарисы всползли на одну изъ верхушекъ, острыхъ какъ сахарныя головы, одинъ впереди другого, словно на перегонку — кто кого перещеголяетъ безумной отвагою. Передній уже вбѣжалъ туда, гдѣ выше его только облака, да птицы. Тотъ послѣдній высокій

утесъ, за которымъ берегъ поворачиваетъ къ сѣверу, и у ногъ котораго съ особенной злобой грызутся и пляшутъ волны, это — знаменитый *мысъ Фіолентъ*... Его еще называли *Партеніумъ*... На немъ возвышалось, три тысячи лѣтъ тому назадъ, капище кровавой богини-дѣвственницы; если это правда, то мысль, воздвигнувшая его здѣсь, была мысль художника и поэта.

Болѣе дѣвственно-дикаго трона и болѣе дѣвственно-дикой обстановки нельзя сыскать для дѣвственно-дикой богини....

Къ этому мысу сама собою прибиваетъ волна все, что пожираетъ она... У ногъ этихъ скалъ, какъ при подножіи кроваваго жертвенника, издревле совершаются моремъ его безмолвныя гекатомбы...

Здѣсь было удобно тавро-скиѳамъ караулить добычу, похищаемую моремъ, и принимать его обильныя жертвы на алтарь своей богини...

Вонъ чорная пещера въ подошвѣ утеса, выглоданная волнами; на эту работу—столѣтій мало...

Говорятъ, Орестъ съ своимъ другомъ прятался въ пещерѣ Партеніума... Говорятъ, есть слѣды ступеней на утесѣ со стороны моря. Я не вижу этого; но я безъ того вѣрю, что здѣсь стояло грозное капище, и что здѣсь рука дѣвственной жрицы подвергала священному закланію иноземца, ступившаго на завѣтную почву. Въ это вѣрится не столько исторически, сколько художественно вѣрится.

Еслибы Гете посѣтилъ этотъ мысъ, на которомъ стояла его Иѳигенія: „Das Land der Griechen mit der Seele suchend“, можетъ быть, въ его удивительной трагедіи прибавились бы страницы, которыхъ онъ самъ не чуялъ...

Нескоро я оторвалъ глаза отъ чудной панорамы; я подошелъ къ рѣшоткѣ монастырскаго двора, и глянулъ внизъ... Подо мною была бездна. Монастырь виситъ на карнизѣ этой бездны;

голова нѣсколько кружится отъ непривычки, когда смотришь внизъ. Послѣ, можетъ быть, пріучишься; но теперь страшно. Именно море страшно. Оно шевелится и ворчитъ тамъ внизу, ластясь по камнямъ, и сверкаетъ оттуда на меня своими искрящимися волнами; такъ хищный звѣрь изъ ямы своего звѣрища жадно поглядываетъ вверхъ на наклонившагося надъ нимъ ребёнка, пригинается и шевелитъ хвостомъ, и сладострастно мурлыкаетъ, облизываясь на него кровавымъ языкомъ своимъ.

Страшно глядѣть отсюда на море. Еще страшнѣе лѣзть къ нему въ пасть. А лѣзть надобно; къ нему зоветъ неотразимо; говорятъ, кролика такъ зоветъ въ пасть боа...

Обрывъ къ морю крутъ и спадаетъ многими этажами... Кипарисы странной формы, распластанные, встрепанные, низенькіе; нисколько не напоминающіе столь знакомыхъ крымчакамъ пирамидальныхъ кипарисовъ, сбѣгаютъ отъ монастыря къ морю, по камнямъ и скаламъ.

Они всѣ, конечно, зелены. По этимъ же обрывамъ тѣснятся съ ними персики и миндальныя деревья. Бѣлый и розовый снѣгъ ихъ пахучихъ цвѣтовъ круглыми шапками вырѣзается среди темной зелени... Но эти цвѣты и запахъ не въ состояніи маскировать безплодныхъ обваловъ берега. Глубоко внизу торчатъ среди моря обломки утесовъ, когда-то возвышавшихся наравнѣ съ обстоящими меня великанами...

Безсмысленою и безустанною чредою бьютъ волны въ эти утесистые островки, колоны и камни, разсыпаясь вкругъ нихъ, и раздаваясь въ обѣ стороны...

Кажется, что сдѣлаютъ онѣ имъ, и зачѣмъ несутся онѣ на нихъ съ такимъ тупымъ упорствомъ? Но онѣ лучше насъ знаютъ свое дѣло, и точатъ, точатъ, не теряя терпѣнія, базальтъ и кварцъ, и трахитъ, зная, что все имъ по зубамъ, что все помаленьку будетъ въ ихъ власти...

Густая, яркая синь, какъ синь берлинской лазури, окраши-

ваетъ темныя воды въ тѣни каменныхъ утесовъ... А въ то же время, береговая зыбь, лижущая бѣлые голыши, играетъ прозрачною свѣтлозеленою ярью, опушонною бѣлою пѣною...

Тутъ только поймешь чарующіе переливы красокъ, которые такъ удивляютъ насъ въ картинахъ Ахенбаха и Айвазовскаго, и которые такъ часто готовъ счесть за прикрасы артистической фантазіи.

О нѣтъ, въ нихъ далеко нѣтъ преувеличенья и каприза; въ нихъ только скромное и покорное стремленіе къ истинѣ, только блѣдный отсвѣтъ той могучей живой красоты, въ присутствіи которой не смѣетъ пошевельнуться на душѣ капризъ или фантазія. Айвазовскій невольно вспоминается при созерцаніи этого моря и скалъ. Ясно, что это море и скалы воспитали его художественную кисть. Всѣ его картины найдешь здѣсь или, по крайней-мѣрѣ, почуешь. Тутъ обнаружена тайна его воздушности, его безтѣлесныхъ перспективъ, его колорита.

Красота родитъ живописца, какъ земля — травы. На этомъ берегу и подъ этимъ небомъ нужно бы устроить академію пейзажистовъ. Можетъ быть, здѣсь она пошла бы удачнѣе, чѣмъ на Васильевскомъ Острову, по сосѣдству съ англійскими горками и оленями лопарей.

Спускаться гораздо страшнѣе, чѣмъ даже казалось. Я былъ одѣтъ позимнему, въ шубѣ и мѣховыхъ сапогахъ, приноровливаясь къ московскому марту; у меня не было палки. Провожатаго тоже не было.

Вѣтеръ былъ съ берега, теплый но порывистый и сильный.

Тропинка вилась съ камня на камень и между грудъ камней, описывая Богъ-знаетъ какіе извороты, чтобы сколько нибудь ослабить крутизну обрыва.

То и дѣло казалось, вѣтеръ сорветъ меня съ шатающагося камня и унесетъ *„туда“*. Это *„туда“* безотвязно преслѣдовало меня. Выбирая дорожку, хватаясь за вѣтки, отрогивая ногою

камень, даже любуясь повременамъ далью, я не выпускалъ изъ мысли этого страшнаго *„туда“*, куда мнѣ такъ не хотѣлось, этого поджидающаго меня внизу кровожаднаго звѣря. Я не переставалъ чувствовать на себѣ, даже отворачивая глаза, его пристальный безокій взглядъ, не переставалъ слышать изнизу это алчное облизыванье и хищническій шорохъ засады.... Признаюсь откровенно, мнѣ было жутко.

Я никогда не жилъ съ моремъ и не зналъ на опытѣ его привычекъ и опасностей; я не зналъ даже, какъ люди карабкаются по скаламъ и горнымъ тропинкамъ, и тѣмъ менѣе зналъ мѣстность, въ которой находился. Можетъ быть камни эти легко обсыпаются, какъ я отчасти убѣдился; можетъ быть, на полпути раскроется пропасть; можетъ быть, этотъ приморскій вѣтеръ въ состояніи сбить человѣка, задыхающагося подъ шубой, утомленнаго непривычнымъ лазаньемъ и притомъ спускающагося прямо по обрыву. Это была логика страха. Но главнѣе всего былъ его инстинктъ.

Просто на-просто, меня запугалъ этотъ внезапно открывшійся видъ безбрежнаго бурнаго моря. Нервы были такъ смущены и взволнованы, что даже ноги дрожали при спускѣ.

Скоро потъ прошибъ меня до корня волосъ, но не отъ одного физическаго жару. Это былъ какой-то лихорадочный потъ. Часто приходилось опускаться въ безсиліи на камни обрыва и сидѣть надъ колыхающеюся бездной, держась одною рукою за вѣтку кипариса, другою за шапку, неистово срываемую вѣтромъ. Спускъ оказался гораздо длиннѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Безпрестанные изгибы тропинки растягиваютъ его, какъ говорятъ монахи, версты на двѣ, хотя это мнѣ кажется преувеличеньемъ. То, что̀ казалось на днѣ пропасти, вдругъ оказывается на полпути, а подъ нимъ открывается такая же пропасть; слѣзешь къ ней на дно, дно еще разъ превращается въ вершину, и еще разъ приходится добираться до новаго дна...

Послѣ я испыталъ, что это обычная исторія горныхъ странствованій. Впрочемъ, обрывъ этотъ былъ когда-то заселенъ въ своей верхней части. Тутъ стоялъ каменный домикъ, гдѣ жилъ адмиралъ Лазаревъ; во время крымской кампаніи буря сорвала съ него крышу, и въ настоящее время эта поэтическая дача предоставлена въ распоряженье ласточекъ, въ подражанье которымъ, вѣроятно, и устроили ее на этомъ обрывѣ. Еще ниже увидѣлъ я развалины каменнаго павильона, окружоннаго прелестнымъ цвѣтущимъ букетомъ миндальныхъ деревъ. Хорошо напиться чаю въ такой бесѣдкѣ, въ тихій, розовый вечеръ, когда море убѣгаетъ изъ глазъ неподвижною водною равниною, и высокіе утесы безмолвно смотрятъ въ него. Но морской вѣтеръ не охотникъ до идиллій, и ревниво оберегаетъ отъ хозяйства и поэзіи человѣка дикіе утесы, которыхъ онъ хочетъ быть единственнымъ обладателемъ.

Когда я былъ на половинѣ пути, вдругъ надъ моремъ пронеслись словно двѣ бабочки. Онѣ летѣли робко и низко, словно не имѣли надежды долетѣть до берега... Это были утки. Когда онѣ сѣли на воду, я уже не могъ различить ихъ, хотя это было на моихъ глазахъ. Все тонетъ и исчезаетъ въ громадной пучинѣ. Тогда же мнѣ стало замѣтно, что и на скалахъ есть птицы.

Когда онѣ летали, онѣ казались крошечными мушками; когда садились, то безразлично сливались съ камнемъ. Можетъ быть, онѣ и кричали, но крикъ ихъ въ этой пустынѣ казался молчаньемъ; эта крошечная мгновенная жизнь не смѣла заявить себя въ присутствіи другой безпредѣльной жизни, которая здѣсь царила...

Я вздохнулъ глубоко и свободно, когда очутился внизу...

Отсюда видъ совершенно другой, еще болѣе грозный: утесы кажутся надвинувшимися надъ твоей ничтожной фигурой, и новые ряды ихъ далекою перспективою открываются слѣва...

Все голубѣе, все туманнѣе становятся эти береговыя твердыни, по мѣрѣ ухода вдаль...

Это горы Балаклавы и настоящаго южнаго берега. Что̀ сверху казалось камушкомъ, упавшимъ въ воду, то превращается вблизи въ тяжелую и угрюмую скалу. Что казалось оттуда чуть слышнымъ шорохомъ, то здѣсь превращается въ оглушительный рокотъ. Всѣ точки зрѣнія разомъ перемѣняются.

Первый разъ въ моей жизни я знакомился здѣсь съ настоящимъ южнымъ моремъ и съ его берегами. Меня поразили изумленіемъ эти неисчерпаемыя груды прекрасныхъ разноцвѣтныхъ голышей, засыпавшихъ берегъ: синіе, лиловые, зеленые, бурые, красные, чорные и полосатые, нѣжно-розовые и ослѣпительно-бѣлые, всѣхъ тоновъ и всѣхъ узоровъ, лежали эти камни, отточенные и выполированные, какъ прелестныя кабинетныя безделушки, лучше всѣхъ яшмъ и мраморовъ; тутъ все: пресс-папье и каменныя яйца, ядра и пули, и малыя блюдца, разноцвѣтныя облатки и микроскопическія пуговки.

Облизанныя волною, они сверкали, какъ подъ лакомъ.

Посмотрѣвъ на нихъ, поймешь—почему наши сказки строятъ морскимъ царицамъ подводные чертоги изъ каменій самоцвѣтныхъ.

Ближѣ къ водѣ и въ водѣ лежали немножко бо̀льшаго калибра: обмылочки по нѣскольку сотъ пудовъ каждый. Они были раскинуты по берегу, какъ мраморная мебель на мозаиковомъ полу; нерукотворенные диваны и кресла, столы и скамейки. Волна выточила въ нихъ такія покойныя выбо̀ины, что я прекомфортабельно могъ разлечься и отдохнуть на одномъ изъ такихъ диванчиковъ.

Можетъ быть, 3000 лѣтъ назадъ, эта кушетка покоила другихъ хозяевъ, не совсѣмъ похожихъ на меня.

А утесы, на которые глядѣли они, были все тѣ же, и море, разбивавшееся у ихъ ногъ, было все то же. Отсюда взглянулъ я на монастырь; онъ висѣлъ надо мною своими живописными колокольнями и рѣшеточками, будто занесенный въ облака...

Вотъ истинное мѣсто для молитвы, для созерцанія Бога; тутъ, дѣйствительно, поклонишься ему со страхомъ и трепетомъ; тутъ невольно сознаешь, вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ, *прахъ еси и во прахъ отыдеши.*

Я не могъ долго оставаться на берегу.

Страшно непривычному человѣку наединѣ съ моремъ и утесами.

Подавленнымъ и ничтожнымъ чувствуешь себя, и не шевелится мысль о борьбѣ.

Я полѣзъ назадъ тѣмъ же тернистымъ и долгимъ путемъ, какимъ спустился. Стихъ Полежаева инстинктивно звучалъ у меня въ ушахъ:

Я видѣлъ море, я измѣрилъ
Очами жадными его,
Я силы духа моего
Передъ лицомъ его повѣрилъ...

Провѣрилъ ли *я* свою силу духа передъ лицомъ этого моря? Не знаю, на сколько былъ поэтъ искрененъ. Но *я*, съ своей стороны, былъ вполнѣ искрененъ. Море сразу меня поразило, подавило, притянуло къ себѣ, и возможность борьбы не чудилась мнѣ... Это—вѣчная, всемогущая бездна, одна волна которой—жизнь человѣка...

Развѣ возможенъ здѣсь споръ, состязанье? Возможно одно забвеніе, привычка, этотъ счастливый талисманъ человѣка, съ которымъ спокойно живется подъ кратеромъ вулкана и на могилахъ дорогихъ своихъ... И *я*, черезъ двѣ-три недѣли, равнодушно ввѣрялъ себя этимъ страшнымъ волнамъ и гремящимъ утесамъ, равнодушно зѣвалъ на эту безбрежность, которая такъ поразила меня здѣсь стихійскою мощью. Куда ни уходите, и сколько ни живите, вы не отдѣлаетесь отъ самаго себя. Человѣкъ—вездѣ человѣкъ. Этотъ зрачокъ, привыкшій столько лѣтъ сряду спокойно глазѣть на поля спѣлой ржи, на ряды деревенскихъ избъ подъ соломенными крышами, скоро тѣмъ же мане-

ромъ будетъ взирать на разныя дива южной природы, на скалы и бури, на зиму безъ снѣга и на виноградники вмѣсто коноплянниковъ, на верблюдовъ, на мечети...

Нужно подумать, ужь не въ этомъ ли состоитъ та сила духа, которая бравируетъ стихіями и ставитъ себя въ уровень съ ними?

VIII.

Инкерманъ.

(Голгоѳа русской арміи,—день 24 октября.—Древній Инкерманъ.—Инкерманскія пещеры и киновія.—Ветхозавѣтныя мечты).

Раннимъ золотымъ утромъ ранней весны быстро несусь я по когда-то грозной дорогѣ изъ Севастополя въ Инкерманъ. Весело на душѣ отъ утра, отъ весны, отъ новизны, отъ быстрой рыси лошадей; роковая стезя, упитанная роднымъ потомъ и родною кровью, этотъ скорбный путь, водившій нашего русскаго солдата на нашу русскую Голгоѳу, проносится верста за верстою, легко и весело, какъ гладкая дорожка парка. Голубая лощина, бѣлѣющая каменоломнями, начинаетъ насъ провожать справа, заставляя дорогу бѣжать по своему узкому карнизу. Это знаменитый инкерманскій камень, бѣлый, мягкій, легко рѣжущійся, нетребующій штукатурки; изъ него построенъ весь Севастополь.

Эти обрывистыя каменоломни нетолько дали намъ много, но и взяли у насъ много. Это было гнѣздо погибели нашихъ несчастныхъ героевъ въ несчастный день 24 октября 1854 года.

Здѣсь кипѣлъ 7 часовъ сряду остервенѣлый рукопашный бой. Эта страшная балка стала могилою тысячъ, безполезно рѣзавшихъ и безполезно зырѣзанныхъ. Страшенъ и поучителенъ день 24 октября...

Не нужно быть спеціалистомъ, чтобы понять его роковыя ошибки... Профану совершенно ясно, что солдатъ человѣкъ, что

солдатъ работникъ; что человѣкъ выспавшійся, сытый, сухой и согрѣтый, будетъ работать всякую работу лучше, чѣмъ промокшій до костей бѣднякъ, утомленный безсонницею и мучительными странствованіями по глинистымъ горамъ, въ непролазную грязь.

Работа солдата—колоть и рубить, влѣзать на батареи, ворочать пушки, бороться грудь съ грудью впродолженіе многихъ часовъ—потруднѣе всякой косьбы и молотьбы.

Этотъ физіологическій фактъ надобно имѣть всегда въ виду распорядителю боя.

Выкидывать суворовскія штуки съ восьмидесяти-верстными переходами, съ тревогою по *кукуреку*, пусть ужь и берется Суворовъ.

Призванникамъ не начертишь пути ни наукою, ни здравымъ смысломъ; имъ дана взамѣнъ своя особенная искра, которая вспыхиваетъ въ нихъ, когда это нужно, и мгновенно озаряетъ имъ пути предлежащаго дѣла, другимъ невидимые.

Отрядъ Павлова, главная сила инкерманскаго боя, только ночью съ 22-го на 23-е пришелъ на свою позицію, въ страшный дождь и слякоть. На разсвѣтѣ 24-го уже назначенъ бой. Солдаты почти не спали двѣ ночи сряду, проведя одну изъ нихъ въ труднѣйшемъ походѣ.

Неужели этотъ дождь, эта безсонница, были стратегически необходимы для удачи дѣла?

Право, это все зависитъ отъ какого-то помѣщичьяго взгляда нашего на солдата, какъ на существо, изъятое изъ-подъ вліянія обычныхъ естественныхъ условій. Это тотъ же взглядъ, который признавалъ когда-то, что лакею не нужно постели, не нужно комнаты, что лакей не можетъ устать, не слѣзая по цѣлымъ суткамъ съ козелъ несущейся кареты, въ которой такъ покойно почивать его барину.

Очень удобно вычеркивать изъ своихъ соображеній эти непріятныя статьи; но вычеркиванье не всегда соединяется съ дѣй-

ствительнымъ уничтоженіемъ, и часто приходится весьма невовремя убѣждаться въ благополучномъ существованіи того, отъ чего такъ охотно мы стараемся отдѣлаться.

День 24-го октября былъ днемъ славы для русской отваги, для русской стойкости; днемъ славы русскаго солдата, нетолько рядового, но и офицера и генерала, со стороны ихъ солдатскаго долга; но онъ былъ и днемъ нашего позора. Опозорилась наша военная распорядительность, наше военное хозяйство, все, что̀ можно назвать военною интелигенціею.

Можно объяснить въ немногихъ словахъ существенные моменты дѣла. Замыселъ былъ таковъ: къ концу октября союзники облегли южную часть Севастополя такъ тѣсно, что окружили ее со всѣхъ сторонъ, кромѣ сѣверной.

Англійскій лагерь укрѣпился между южною и большою бухтами на горной возвышенности, изрытой оврагами, и называющейся *Сапунъ-гора*.

Опасались, что городъ не вынесетъ такихъ тисковъ, и рѣшились выбить англичанъ, то-есть правый флангъ союзной арміи, съ Сапунъ-горы, гдѣ мы предполагали тотчасъ же укрѣпиться. Это было, дѣйствительно, крайне необходимо, какъ показалъ исходъ кампаніи. Еслибы планъ удался, городъ, имѣя врага только впереди себя, съ одной юго-западной стороны, могъ разсчитывать на долгое сопротивленіе. Исполненіе замысла было также разсчитано весьма разумно и, повидимому, практично.

На разсвѣтѣ отрядъ Павлова, состоявшій изъ самыхъ надежныхъ боевыхъ полковъ, долженъ былъ перебраться черезъ Чорную рѣчку, взобраться различными путями на Сапунъ-гору и ударить на спящаго врага, именно на правый край англійскаго лагеря; въ тотъ же самый часъ отрядъ Соймонова, выйдя ночью изъ Севастополя, долженъ былъ ударить на лѣвое крыло англійскаго лагеря. Разсчитано было на неожиданность, энергію, и одновременность удара въ два противоположные пункта. Пока

вѣсть достигнетъ французскаго лагеря, дѣло должно быть кончено. Но чтобы французы и турки не посмѣли двинуться изъ своихъ окоповъ, чоргунскій отрядъ Горчакова, именно 25,000 человѣкъ, съ 100 орудіями, подъ начальствомъ Липранди, долженъ былъ сдѣлать фальшивую атаку на всходы Сапунъ-горы, защищаемые французами, на линію такъ-называемыхъ кадыкойскихъ укрѣпленій, а севастопольскій гарнизонъ въ то же время сдѣлать вылазку изъ шестого бастіона. Такая смѣлая атака разомъ въ четырехъ мѣстахъ, разумѣется, могла бы смутить врага и дать время отрядамъ Соймонова и Павлова, находившимся въ распоряженіи генерала Данненберга, исполнить задуманное.

Но у насъ одинъ вѣчный грѣхъ въ этихъ случаяхъ: *„Ладно выйдетъ на бумагѣ, да забудутъ про овраги, а по нимъ ходитъ“!..* Оврагъ частью и погубилъ дѣло.

Говорятъ, что виноватъ во всемъ Соймоновъ; что онъ перепуталъ правый берегъ пресловутой съ тѣхъ поръ *Киленъ-балки* съ лѣвымъ, наконецъ, что онъ бросился въ бой, не дождавшись Павлова.

Но профанъ можетъ предложить только одинъ вопросъ: почему при отрядѣ Соймонова, который самъ не присутствовалъ на послѣднемъ совѣтѣ и не могъ въ точности знать всѣхъ подробностей плана, непередаваемыхъ бумагой, не было офицера генеральнаго штаба, напримѣръ, кого либо изъ составителей и участниковъ проекта?

Отрядовъ было всего два, мѣстность очень запутанная, предпріятіе очень важное; кажется, ничто не препятствовало спеціалиста извѣстнаго дѣла употребить именно въ это дѣло, въ которомъ никто не могъ замѣнить его. Если уже необходимо было за три часа до боя мѣнять диспозицію, неужели было бы менѣе благоразумно послать живого и вполнѣ компетентнаго руководителя вмѣсто краткой и двусмысленной бумажки, которая къ тому же опоздала? Разстояніе, во всякомъ случаѣ, было такое не-

большое, что можно было постоянно имѣть сношенія съ движущимся отрядомъ и во-время исправить его ошибку. Распорядиться мало, надо еще умѣть наблюсти за выполненіемъ; въ этомъ главнѣйшая обязанность боевого генерала. Мостъ строился подъ носомъ арміи, а послали узнать о ходѣ его только тогда, когда армія стояла уже подъ ружьемъ, и узнали, что онъ еще не готовъ. Такія пустыя вещи легко обезпечить заранѣе. Немудрено, что отрядъ Соймонова, не зная о задержкѣ, и очутившись на разсвѣтѣ передъ окопами врага, бросился на нихъ въ одиночку.

Подобныя нечаянности долженъ предупреждать не отрядный генералъ, а распорядитель боя. Еще одно важное обвиненіе было поднято противъ распорядителя: ни одинъ изъ отрядныхъ начальниковъ не зналъ хорошо мѣстности боя и не получилъ карты ея; игрокъ не зналъ доски, на которой ставилась такая громадная ставка, на которой рѣшилась судьба цѣлой партіи. Это уже что-то легкомысленное, даже и въ теоретическомъ отношеніи. Начальникамъ объявлена была только диспозиція для всхода отрядовъ на гору, а что дѣлать дальше—предоставлялось распорядителю указать на мѣстѣ. Отряды вошли, одинъ ползъ за другимъ, нѣтъ ни сказа, ни указа, а непріятель жаритъ картечью и ядрами. Указъ указалъ самъ непріятель. Коли меня бьетъ, конечно, и его надо бить. Вотъ что сдѣлалось съ перваго же мгновенья единственнымъ ключемъ и единственною цѣлью битвы. Генералы дрались сами, кидались въ огонь; солдаты и субалтерн-офицеры распоряжались боемъ.

Все было перевернуто.

Ошибка Соймонова сдѣлала то, что русская армія вся стѣснилась въ одномъ углу, на правомъ крылѣ англійскаго лагеря. Тѣснота и овраги перемѣшали полки и лишили начальниковъ всякой возможности нетолько распорядиться чѣмъ нибудь, но даже видѣть что нибудь далѣе нѣсколькихъ саженъ.

Ударъ нашихъ былъ молодецкій, энергическій, какъ всегда. Но вмѣсто удара одной цѣльной скалы, это былъ рядъ послѣдовательныхъ ударовъ одного камня за другимъ.

Сила верженья была та же, но результатъ нисколько не похожій.

То, что цѣликомъ раздавило бы, то, раздѣльное, ударялось и отскакивало назадъ...

Бросились томцы и колыванцы, изрубили англичанъ, захватили батарею, отбили приступы, на нихъ обратилась вся ярость врага, всѣ его полки, всѣ батареи, а наши еще внизу, собираются лѣзть на горы. Долго держатся герои, дѣлаютъ чудеса, наконецъ, уступаютъ наплыву силъ, чугуну, огню, оставляютъ свою добычу и, разстроенные, перемѣшанные, перебитые, спасаются назадъ.

Они — герои, они — львы, но они разбиты и не могли не быть разбиты.

Наши внизу видятъ, что наверху плохо, что врагъ на ногахъ, а лѣзть надо, лѣзть безъ дорогъ, по отвѣснымъ крутизнамъ, по грязи.

Лѣзутъ, разумѣется, кто гдѣ можетъ, въ разсыпную. Влѣзли охотцы — ихъ уже ждутъ; градъ ядеръ, картечи, обдаетъ ихъ; всѣ жерла направлены имъ на встрѣчу; а у насъ наверху ни насыпи, ни окопа; въ диспозиціи сказано: построиться и ждать указанія. Но вотъ бѣда: англичане нетолько не ждутъ указанія, но даже и строиться не даютъ.

Что̀ тутъ остается дѣлать, какъ не прибѣгнуть къ спасительному всероссійскому боевоему методу, не требующему для своего примѣненія ни стратегическихъ знаній, ни плана, ни даже фантазіи: *взять, да спросту повести ихъ прямо къ мосту: ну-ка, на уру! и уру мы прошумѣли, да резервы не поспѣли...*

Охотцы дѣлаютъ то же, что и колыванцы. Они смяли англичанъ, отбили редутъ и засѣли въ немъ. И опять окопы и батареи цѣлаго лагеря изрыгаютъ на нихъ чугунъ и огонь, опять колонны за колоннами стремятся на нихъ, бѣгутъ отъ нихъ и опять стремятся.

Долго держатся охотцы, трупы ростутъ, ряды пустѣютъ; а нѣтъ подмоги, и нѣтъ цѣли въ ихъ отчаянной рѣзнѣ; и вотъ натискъ, стоившій столько жизней, обращается въ бѣгство, стоющее ихъ еще болѣе, и они опять герои, опять львы, и все-таки опять разбиты.

А ужь тарутинцы влѣзли полѣвѣе тоже на гору, по узкой почтовой дорогѣ, черезъ оврагъ каменоломни, около котораго я теперь ѣду. Тарутинцевъ ждутъ тѣ же гостинцы, но тарутинцы не отстаютъ отъ своихъ товарищей; берутъ редутъ, и бьютъ англичанъ, и проходятъ, въ свою очередь, весь крестный путь, которымъ проходили товарищи; огненная душа и ихъ выжигаетъ изъ окоповъ, отнятыхъ ихъ кровью, и они также мѣшаются и отливаютъ назадъ. А якутцы тутъ, какъ тутъ! тою же дорожкой, къ тѣмъ же редутамъ, съ тою же желѣзною храбростью, тѣмъ же дружнымъ напоромъ, какъ и товарищи ихъ охотцы.

И тѣ же пушки въ ихъ рукахъ, тѣ же трупы кругомъ ихъ, то же потрясеніе во вражьемъ станѣ отъ нихъ, какъ и отъ товарищей охотцевъ.

Это работаетъ 11-я дивизія, самая страстотерпная изо всѣхъ севастопольскихъ страстотерпцевъ, безсмертная и безсмѣнная защитница Малахова.

На выручку якутцевъ — селенгинцы, на выручку селингинцевъ — екатеринбурцы, послѣдній запасный полкъ обоихъ отрядовъ!.. Тутъ уже все перепуталось, сбилось въ необъятную безпорядочную толпу; стоны, ругательства, выстрѣлы, рукопашная рѣзня, натискъ и бѣгство, свои и чужіе, солдаты и генералы — все это смѣшалось въ нераспутываемую кашу... Битва превратилась

въ кулачки, въ дуэли, въ отдѣльныя сшибки, ничѣмъ несвязанныя другъ съ другомъ, неимѣвшія никакой цѣли, кромѣ рѣзни, никакого исхода, кромѣ труповъ.

Видитъ врага стрѣляетъ въ него: видитъ пушку — бросается на нее, а зачѣмъ, куда, что потомъ будетъ — объ этомъ перестали думать.

Убитые и раненые завалили балки, особенно каменоломню; фуры ускакали за рѣку, перевязочный пунктъ едва найдутъ; прикрыть отступленіе нечѣмъ, густыя толпы солдатъ сбились внизу, не зная что дѣлать, куда идти. Въ такую-то минуту вдругъ словно электрическая искра пробѣгаетъ по толпамъ измученныхъ героевъ. Проносится тревожная вѣсть — турки идутъ!

Въ дыму, налѣво, показались зеленыя чалмы; но это не турки, ребята; это что-то пострашнѣе турокъ; это зуавы Бурбаки!..

Зуавы ударили съ неистовою энергіею. Они бѣгутъ какъ на потѣху, эти когорты бронзовыхъ дьяволовъ, съ горбатыми носами и чорными напольонками, въ своихъ африканскихъ юбкахъ и башмакахъ, съ штыкомъ на перевѣсъ.

По счастію, русскій солдатъ не страдаетъ излишней фантазіей и не разбираетъ въ бою, кто турокъ, кто зуавъ. Сдвинулись якутцы, охотцы, плечомъ къ плечу, и бросились на встрѣчу африканскимъ гостямъ, и черезъ минуту зуавы Бурбаки, съ тѣми же грозными напольонками, въ тѣхъ же башмакахъ, бѣжали, опрокинутые назадъ.

Подоспѣли новыя силы; страшная густая колонна, приведенная Боскэ, ринулась по тому же пути, и ей на встрѣчу снова бросились охотцы и якутцы, и снова была опрокинута французская колонна. Но уже больше не было силъ!

Тутъ началась бойня!

Перемѣшанные, перебитые полки потекли съ горъ въ овраги... Французскіе штуцерники, спокойно залегши за камни, били на

выборъ; шальныхъ пуль уже не было. Даже картечь и ядро не промахивались, обсыпая въ догонку удалявшуюся массу. Когда полки наши потянулись, тѣснясь и давя другъ друга, черезъ узенькій и длинный мостъ, казалось, они прогонялись черезъ какой-то кровавый *сквозъ-строй.*

Каменоломня наполнилась убитыми, разбившимися и ранеными...

Кучи лежали на кучахъ.

Надо объяснить себѣ страшнымъ утомленіемъ непріятеля то странное обстоятельство, что онъ не рѣшился преслѣдовать наше разстроенное воиско.

Что же дѣлалъ чоргунскій отрядъ? спроситъ читатель. Какимъ образомъ Боскэ могъ бросить свою позицію и нанести нашимъ утомленнымъ героямъ такой неожиданный ударъ?

Чоргунскій отрядъ сказалъ себѣ: *нѣтъ, атанде, я молъ, не пойду*, и пугалъ-себѣ французовъ понемножку, изъ безопаснаго далека, громомъ своихъ выстрѣловъ: пусть, дескать, думаютъ, что я пойду на нихъ. Но французы были тоже догадливы; они поняли фальшивую диверсію, и рискнули задать шахъ и матъ однимъ дерзкимъ ходомъ. Боскэ оставилъ въ укрѣпленіяхъ ничтожный отрядъ и со всѣмъ почти войскомъ бросился на поле битвы... Вотъ вамъ и разгадка. Кто тутъ виноватъ, пусть разбираетъ историкъ.

Долина Чорной рѣчки, надъ которой стоитъ старый Инкерманскій замокъ, одно изъ живописнѣйшихъ мѣстъ Крыма. Вся Севастопольская бухта, ярко-голубая, видна отсюда, въ рамкѣ бѣлыхъ скалистыхъ береговъ...

Въ другую сторону уходитъ сырая зеленая долина, сначала раздвигающая ближайшія горы, потомъ исчезающая въ синевѣ далекихъ горъ... При устьѣ долины, словно на каменномъ балконѣ, стоитъ Инкерманъ. Передъ нимъ бухта, подъ ногами его

рѣчка, надъ нимъ уходятъ выше и выше скалы... Отъ крѣпости уцѣлѣли зубцы стѣнъ, остовы башенъ.

Чѣмъ-то дѣтскимъ, слабосильнымъ и ограниченнымъ, глядятъ эти зубцы, опоясывавшіе каменную клѣтку, называвшуюся замкомъ.

Кто видѣлъ севастопольскія развалины и севастопольскіе бастіоны, тому, дѣйствительно, покажется жалкимъ этотъ старый Кремль. А въ свое время онъ громилъ и отражалъ громы, населенія спасались въ немъ, населенія погибали у его стѣнъ.

Въ древности Инкерманъ составлялъ отдѣльное княжество и нетолько умѣлъ сохранять свою независимость, но владѣлъ даже Балаклавою и южнымъ берегомъ.

Греки его звали *Θеодора*, или *Θодоро*. Въ XV столѣтіи онъ палъ, какъ и другія крымскія твердыни, подъ ударами турокъ и сталъ называться *городъ пещеръ*, то есть *Ин-керманъ* (татары зовутъ его больше *ак-керманъ*, бѣлый городъ). Уже бѣглый взглядъ съ почтовой дороги убѣждаетъ васъ, что Инкерманъ рано долженъ былъ сдѣлаться стоянкою колонистовъ. Изъ всѣхъ частей крымскаго берега Трахейскій Полуостровъ былъ болѣе всего на пути греческихъ мореплавателей. Изъ всѣхъ бухтъ Трахейскаго Полуострова самая доступная и самая соблазнительная была теперешняя севастопольская бухта. Она врѣзается на шесть верстъ внутрь материка, защищенная горами, съ широкимъ, безопаснымъ входомъ, съ глубиною въ 10 саженъ, съ прекраснымъ илистымъ дномъ и съ множествомъ боковыхъ заливовъ.

Это одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ и одинъ изъ огромнѣйшихъ рейдовъ во всемъ свѣтѣ. Ясно, какъ дорожили имъ смѣльчаки мореплаватели, которыхъ бури носили по *негостепріимному* Понту, за тысячи лѣтъ до изобрѣтенія компаса.

Въ глубинѣ бухты они находили все, что нужно для торговли и жилья: рѣчную воду, великолѣпныя ломки камня, естественную дорогу на полуостровъ, луга и лѣса, наконецъ, неприступ-

ную позицію. Мѣстоположеніе Инкермана природою назначено для факторіи воинственныхъ торговцовъ. Тутъ ключъ разомъ и къ морю и къ землѣ.

Кеппенъ приводитъ одно весьма интересное мѣсто изъ Плинія: по словамъ послѣдняго, основатели древнѣйшаго Херсонеса прежде всего поселились въ Megarice, а мегаре на турецкихъ языкахъ значитъ пещера, какъ *инъ* поарабски; такъ что есть поводъ считать Инкерманъ древнѣйшимъ населеніемъ грековъ въ Крыму, на что безъ того наводитъ его географическое положеніе.

Теперь Инкерманъ извѣстенъ своимъ монастыремъ, да своими каменоломнями.

Монастырь крошечный, нищенскій, но очень замѣчательный. Его маленькая церковь вся высѣчена въ одномъ камнѣ и притомъ, говорятъ, руками мученика папы Климента, просвѣщавшаго Крымъ въ I столѣтіи нашего лѣтосчисленія. Въ церкви этой довольно изящныя круглыя ниши и балконъ, висящій надъ бездною долины... Изъ церкви идутъ ходы въ многочисленныя пещеры, которыми изрыты скалы, составляющія русло долины... Эти пещеры чередуются цѣлыми этажами и почти всѣ связаны между собою; но лазать въ нихъ весьма неудобно: ходы и цѣлыя стѣны вывѣтрились и обрушились; иногда вдругъ пещеры открываются, какъ полки отвореннаго шкафа, прямо въ проналъ долины

Ихъ фасовыя стѣны насквозь прогрызло время. Признаюсь, и цѣли лазать по этимъ погребамъ—нѣтъ никакой... Надписей и остатковъ, которые еще встрѣчались недавно — теперь слѣда нѣтъ... Если люди пользовались когда нибудь этими пещерами, то, конечно, въ очень тяжелыя минуты жизни... Безъ сомнѣнія, это были только осадныя жилища, куда прятались, подъ прикрытіемъ крѣпости, окрестные поселенцы, занимавшіеся въ спокойное время садоводствомъ и всякимъ хозяйствомъ. Многія пещеры, если не большая часть, несомнѣнно служили пріютомъ для

скота, нетолько въ военное время, но и просто по ночамъ или въ сильный жаръ. Этотъ обычай загонять скотъ въ пещеры держится до сего времени въ Крыму и на Кавказѣ. Одна изъ инкерманскихъ пещеръ—огромная, но низкая; съ камнями у входа, съ почвой изъ отвердѣвшаго навоза, она очень напоминаетъ пещеру гомеровскаго Полиѳема, въ которой этотъ одноглазый пастырь закусывалъ несчастными итакійцами; невольно хочется согласиться съ предположеніемъ Карла Риттера, что хитроумный Одиссей посѣтилъ нашъ Крымъ во время своего бѣдственнаго странствія.

Сама инкерманская крѣпость невелика; но окрестности ея покрыты слѣдами протекшей жизни человѣка... Даже, напротивъ, на томъ берегу долины, есть остатки домовъ, пещеръ, водопроводовъ и подземныхъ галлерей... Есть развалины часовни. Нѣкоторые думаютъ, что водопроводъ Чорной рѣчки былъ именно тотъ, который снабжалъ водою Херсонесъ, и который былъ перенятъ княземъ Владиміромъ по внушенію Анастаса.

Въ самой крѣпости слѣды валовъ и блиндажей, весьма напоминающихъ обыкновенныя наши крѣпости. Очень можетъ быть, что это позднѣйшія придѣлки; въ севастопольскую кампанію здѣсь стояли наши, и очень можетъ быть, какіе нибудь штуцерники воспользовались руинами для своихъ засадъ.

Становилось уже жарко, когда, набродившись по пещерамъ, монастырю и крѣпостнымъ развалинамъ, въ утомленіи присѣлъ я на зеленомъ валу, около трехъ одинокихъ могилокъ подъ каменными крестами. Пчелы жужжали въ травѣ и воздухѣ, покачивая золотые одуванчики, въ которыхъ онѣ добывали свой медъ. Цвѣты и бабочки ярко пестрѣли на солнцѣ... Надо мною стоялъ

каменный остовъ башни съ разбитою амбразурою, который, можетъ быть, встрѣчалъ свою тысячную весну.

Съ него вѣяло исторіею, давно исчезнувшими народами, давно затихшими интересами, давно прошумѣвшею жизнью... А у ногъ разстилалась зеленая долина, разстилалась за нею голубая бухта, за бухтою синее море... Все молчало и неподвижно стояло въ солнечномъ жару: горы, воздухъ, воды.

Сердце было охвачено простымъ и свѣжимъ чувствомъ, которое рѣдко испытывается.

Сцены Библіи и Одиссеи, этой тихой, несложной жизни на сыромъ лонѣ природы—незамѣтно, какъ облако, вставали въ головѣ, и таяли незамѣтно, какъ облака: серьезныя, высокорослыя дѣвы, свободно драпированныя въ легкія одежды юга, съ высокими кувшинами на головахъ, ожидающія своей очереди у колодца; молодые пастухи у стадъ, съ головами Антиноя, съ голенями фарнезскаго Геркулеса, облокотившіеся на длинные посохи; разумные старцы-патріархи, кроткіе, но безпрекословные властители, и безмолвно послушныя Сарры-хозяйки. Эти пастухи-цари; эти царицы-водоносы и ткальщицы.

Вся жизнь состоитъ изъ двухъ-трехъ элементовъ. Такъ мало мыслей, такъ цѣльно и крѣпко міровоззрѣніе.

Все на своемъ мѣстѣ, все всѣмъ понятно, потому что еще ничего никому не стало понятно.

Стадо, руно, ключевая вода—вотъ весь интересъ, вся политика, вся наука. Любовь, ожидающая два раза по семи лѣтъ, и честолюбіе, довольствующееся пасеньемъ стадъ. Хитрость дѣтски-наивная, которая распарываетъ тайкомъ прежде сотканную одежду, и мудрость, затыкающая воскомъ уши для удаленія соблазна.

Все сосредоточено, опредѣлено, ничто не развлекаетъ. Извѣстны два сосѣда, а что за ними — объ этомъ знаетъ только боговдохновенный слѣпой пѣвецъ; никто не спѣшитъ, не борется,

не отчаявается, а, главное, не сомнѣвается. Живутъ и умираютъ спокойно. Хозяина нѣтъ десять лѣтъ, а въ кладовыя попрежнему сносятся запасы, въ его ожиданіи, и старая ключница терпѣливо вздыхаетъ о запоздавшемъ господинѣ...

Первенца ждутъ до 90 лѣтъ, за пшеницею посылаютъ въ другую часть свѣта. О, какъ успокоительна для мысли такая устойчивость жизни!

Нервы тихи, радости и печали тихи. Неудивительно, если и проживали по 200 лѣтъ, этой жизнью овецъ и верблюдовъ, среди которыхъ она протекала...

Монахи, которые выбрали Инкерманъ своею обителью, были истинные поэты. Такъ чисто мыслится и такъ свѣжо чувствуется на этихъ безмолвныхъ и счастливыхъ высотахъ! Здѣсь, въ этихъ камняхъ, наединѣ съ Богомъ, овцами, птицами и цвѣтами, еще могутъ повторяться величественныя сцены библейской жизни. Первобытность такая полная, что еще нѣтъ нужды въ шалашѣ, въ кибиткѣ....

Еще нора служитъ жилищемъ, и камень дверью.

Но камень покажется мягкимъ и темная пещера свѣтлою — подъ этимъ небомъ и въ виду этого моря...

Да и часто ли бывалъ нуженъ каменный сводъ, когда такъ хорошо спится и живется прямо подъ голубою сѣнью полуденнаго неба!...

IX.

Пустыня и море.

(Пейзажъ берега.—Жизнь моря.—Дельфины.—Свѣченіе моря.—Ночи на морѣ.—Историческое значеніе берега.—Вліяніе моря на духъ человѣка.—Морское купанье).

Я живу какъ пророкъ Илія на своей горѣ. Я охваченъ со всѣхъ сторонъ пустынею. Я заслоненъ и удаленъ отъ міра, который тутъ за спиной, подобно рыбаку Ундины, хотя меня еще не совсѣмъ отмыло въ океанъ. Горы, громадными каменистыми шатрами заступили мнѣ всѣ пути, сдвинувшись ширмою съ трехъ сторонъ, и оставили только одинъ ходъ впередъ—и этотъ ходъ въ море. Въ море — безъ всякаго преувеличенія, потому что единственное сообщеніе моей пустыни съ жилыми мѣстностями— это прибрежная отмель, образовавшаяся въ теченіе вѣковъ, морскимъ прибоемъ, изъ грудъ хряща и голышей, у подножія гористаго берега. Въ бурю тутъ нѣтъ проѣзда, по крайней мѣрѣ, сухопутнаго... Но и въ спокойное время ѣздятъ только верхомъ, много-много въ мажарѣ на буйволахъ. Тихо, зелено и здорово жить въ складѣ этой громадной каменной ширмы. Надъ головой лѣса — куда ни посмотри. Кое-гдѣ только изъ-за лѣсовъ свѣтится лысый черепъ каменнаго великана... Прямо надъ трубою дома, осѣняя меня своими тѣнями, стоитъ Кастель. Она такъ же похожа на Шатеръ-Гору, какъ и Чатырдагъ. Она вся въ лѣсахъ до самаго гребня. На нее взбираться, кажется, такъ же трудно, какъ на пирамиду. Однако, татары возятъ оттуда лѣсъ, и путешественники лазятъ туда. На Кастели, высоко на вершинѣ, до сихъ поръ еще замѣтны слѣды древне-греческой постройки, вѣроятно замка, имя котораго окрестило гору. По ту сторону, на скатѣ, пріютились аѳонскіе старцы... Но ничего этого не видно

мнѣ изъ моего лѣсного домика. Онъ спрятался на полугорѣ, среди сбѣгающихъ отъ него въ разныя стороны виноградниковъ, и среди лѣсовъ, набѣгающихъ на него сверху, со всѣхъ сторонъ. Онъ заслонился, совсѣмъ съ крышею, окружающими его кипарисами, тополями и орѣхами, и только рѣшотка его тѣнистыхъ балконовъ, да колонки, увѣнчанныя оленьими рогами, заманчиво сквозятъ сквозь зелень. Кипарисы рѣдкою и неправильною улицею сбѣгаютъ отъ него черезъ виноградникъ къ наружнымъ воротамъ усадьбы. Какъ башни замка, они попарно сторожатъ входы и углы сада.

Кипарисъ — это какое-то мохамеданское дерево. Его траурныя, почти чорныя вѣтви, съ терпѣніемъ и покорностью фатализма ощетиниваются въ тѣсно-скрученныя, геометрически-правильныя метелочки, и торчатъ прямо и неподвижно, словно неживыя, подъ припекомъ южнаго солнца и на морскихъ вѣтрахъ.

Южные народы, особенно мохамедане, давно сдѣлали кипарисъ деревомъ кладбищъ, и, дѣйствительно, кладбище не могло себѣ избрать лучшаго сторожа. Болѣе безжизненной жизни, болѣе неподвижнаго движенія и менѣе зеленой зелени — нельзя найдти. Любопытно изъ близи разсмотрѣть чорную пирамиду кипариса. Она внутри почти совсѣмъ пуста; но за то по окружности почти непроницаема: такъ плотно сближаются между собою вѣтви, вѣточки и хвоя... Кипарисъ обыкновенно увѣшанъ какъ бубенчиками своими орѣшками, или шишками; но эти вонючіе орѣшки нисколько не развеселяютъ его могильной наружности и пахнутъ не то гробомъ, не то ладономъ. Недаромъ птицы такъ рѣдко садятся на кипарисъ.

Но, совсѣмъ тѣмъ, кипарисъ удивительно какъ хорошъ въ томъ пейзажѣ, о которомъ я говорю и которымъ я неутомимо наслаждаюсь съ балкона моего дома. Хорошъ потому, что кстати; онъ особенно вразумительно говоритъ моей пустынѣ, что она пустыня... Онъ особенно рѣзко выдѣляетъ веселую зелень плода,

дающаго веселье; эти юношески-свѣжіе, кудрявые и хмѣльные виноградники, которые буйными толпами ростутъ и тѣснятся кругомъ — беззаботное подростающее поколѣніе вокругъ живыхъ мертвецовъ.

Съ балкона моего, широкаго и глубокаго, огороженнаго сквозною рѣшоткою въ восточномъ вкусѣ, обставленнаго снутри тепличными растеніями и цвѣтами, снаружи вѣтками деревъ, переросшихъ домъ, видна какъ въ рамкѣ широкая картина моря и крутой долины, къ нему спадающей съ горъ... Море очень удивляетъ, очень страшитъ, когда его видишь въ первый разъ. Но оно все-таки кажется хуже, чѣмъ ждешь. Оно меньше и проще фантазіи. Оно болѣе похоже на то, что̀ мы уже знаемъ, чѣмъ бы хотѣлось намъ. По крайней мѣрѣ море безъ особенной обстановки. Но когда живешь съ моремъ глазъ на глазъ, какъ живу теперь я, когда пьешь свой чай съ моремъ, обѣдаешь съ моремъ, съ моремъ мечтаешь, съ моремъ засыпаешь — потому что оно вотъ тутъ передъ вами всякую минуту, съ балкона, изъ окна вашей комнаты, изъ аллеи сада — о, тогда вы, конечно, влюбитесь въ море, влюбитесь просто какъ въ женщину. Васъ будетъ манить къ морю, вамъ будетъ скучно безъ него, съ нимъ вамъ будетъ такъ хорошо; вамъ станетъ казаться, что нѣтъ возможности жить не на морѣ, что не на морѣ душно и мертво; что несчастные живутъ далеко отъ моря. Когда море дышетъ на васъ своимъ освѣжающимъ всемірно-широкимъ дыханіемъ, когда оно укачиваетъ вашу мысль — этого болѣзненно-капризнаго, безпокойнаго и безсильнаго ребенка — ритмомъ своего прибоя и могучимъ однообразіемъ своей безконечной пучины — тогда вы покойны и довольны, какъ бывали довольны въ старые годы, на добрыхъ колѣняхъ, васъ няньчившихъ.

Вы инстинктивно чувствуете, какъ чувствовали тогда, что не о чемъ хлопотать, что вами владѣетъ сила сильнѣе вашей, которая, все равно, понесетъ васъ куда она знаетъ, и какъ она знаетъ.

Ребенку такъ хочется быть большимъ, такъ нетерпѣливо жаждется самостоятельности.

Но большому, взамѣнъ, такъ часто хочется разстаться съ своею волею и своимъ долгомъ, отдаться кому-нибудь въ материнскія руки — неси, куда хочешь, и какъ хочешь, только сними съ насъ бремя мысли и желаній, и убаюкай насъ!

И море снимаетъ это бремя, и убаюкиваетъ... По крайней мѣрѣ, мое тихое южное море.

Послѣдніе кипарисы, тамъ глубоко внизу, вырѣзаются на голубой волнѣ. Красивы и дики сѣрые камни, разсыпанные по долинѣ и взморью, и по скатамъ горъ.

Точно окаменѣвшія стада титановъ, когда-то обитавшихъ землю.

Настоящія стада кажутся мушками между этими каменными овечками. Не пройдетъ, не проѣдетъ никто. На далекомъ синемъ морѣ не видно паруса или мачты... Только въ виноградникѣ, и то рѣдко-рѣдко, вырѣжется на зелени бѣлая фигура верхового татарина, пробирающагося горною тропинкою въ ближайшее селеніе. Такъ же рѣдко проскрипитъ внизу по песчаной приморской окраинѣ длинная мажара съ сѣномъ или дровами... Долго тянется она передъ вашими глазами, сначала увязая въ песокъ, потомъ едва тащась на каменную гору, и вы въ волю наслушаетесь отрывистыхъ возгласовъ погонщика-татарина и жесткаго визгу колесъ; черные буйволы, коренастые и жилистые, словно нарочно созданные для татарскихъ мажаръ и для крымскихъ горъ, съ угрюмымъ терпѣніемъ, медленно и тяжко, шагъ за шагомъ взносятъ на мощныхъ шеяхъ своихъ громадный возъ на такую высоту и по такой дорогѣ, которыя только для нихъ и существовать могутъ...

Проѣдутъ, скроются въ лѣсъ, еще разъ покажутся совсѣмъ съ колесами на голой макушкѣ горы, и перевалятъ за нее, чтобы не показываться больше. Другой нескоро дождетесь... Иногда уви-

дите, пожалуй, и парусъ; но это такъ далеко и такъ нечасто, и за то, какъ кажется живописно! Въ большой штиль, случается, стоятъ пять-шесть бѣлыхъ неподвижныхъ лоскутовъ на голубомъ горизонтѣ. Простоятъ иногда дня два, утромъ приходите искать ихъ, и находите опять одну и ту же безконечную голубую пучину, какъ и всегда. Но вмѣсто кораблей видны за то горы.

Эти горы такъ же безсмѣнно передъ вами, какъ и море. Это сѣверо-восточный рогъ полукруглаго залива, въ которомъ пріютились Алушта, Судакъ и много другихъ мѣстъ. Кажется, взялъ бы да и поплылъ себѣ въ размашку прямо къ тому гористому мысу; а до него, говорятъ, верстъ 50 по прямой линіи, по берегу же до 70 верстъ. Такъ обманывается на безбрежной равнинѣ моря обычный глазомѣръ человѣка. По горамъ легче узнавать часъ дня и погоду, чѣмъ по морю. Голубые и розовые, дымно-сѣрые и золотистые тоны то вспыхиваютъ, то потухаютъ на нихъ. Иногда они густо-синимъ, довольно грознымъ хребтомъ загораживаютъ восходящее солнце. Тогда они кажутся ближе и выше. Но въ знойный полдень они почти совсѣмъ таютъ и расплываются въ горячемъ туманѣ; они уходятъ тогда Богъ-знаетъ какъ далеко, и только блѣдный перламутровый рисунокъ ихъ, тонкій и прозрачный, какъ облачко, воздушною тѣнью стоитъ на горизонтѣ...

Я смотрѣлъ на восходы и закаты, на знойные полдни, на лунныя и звѣздныя ночи, и всѣмъ наслаждался такъ тихо и глубоко, какъ будто бы это наслажденіе было молитвою. Это, можетъ быть, и есть настоящая молитва; ее нельзя понимать въ одномъ ея дѣловомъ, прикладномъ смыслѣ. Гдѣ искреннее умиленіе, тамъ и молитва. Та̀къ, можетъ быть, молились мудрецы древности, безмолвно бесѣдовавшіе съ природою о ея великихъ тайнахъ, на берегахъ теплыхъ голубыхъ морей, подъ вѣчно-голубымъ небомъ. Та̀къ молились, далеко прежде изобрѣтенія молитвенныхъ формулъ, ветхозавѣтные пастухи, окружонные своими стадами и чадами своихъ чадъ...

Вечеръ опускается съ горъ тихо и плавно. Лѣсныя долины, съ которыхъ разомъ сбѣжалъ золотой отблескъ, будто чья-то рука смахнула его вверхъ, ярко и холодно зазеленѣли; а на Чатырдагѣ, на Бабуганѣ, на Кастели еще дымятся ползучіе золотые косяки... Тишина та же, что и утромъ, и въ полдень, и въ глубокую ночь — тишина пустыни. Только морской прибой перекатываетъ голыши по голышамъ, словно свинцовую дробь. Но въ этотъ немолчный шорохъ такъ втягиваешься, что, наконецъ, перестанешь замѣчать его...

Что-то чорное, большое, вдругъ вынырнуло изъ глубины и, перекатившись, опять исчезло... Не успѣлъ глазъ одуматься, опять взвился изъ воды, какъ будто край чорнаго колеса съ кулаками, прокатился подъ водой, опять вынырнулъ, опять исчезъ, и опять, опять... Шагахъ въ десяти отъ него появилось полное, чорное колесо, съ тѣми же открытыми кулаками, и покатилось туда же, исчезая и вылѣзая... Это дельфины начали свою вечернюю охоту. Они не умѣютъ плыть прямо и ровно, или, по крайней-мѣрѣ, не хотятъ. Они, какъ охотники и разбойники по призванію, исполняютъ свое ремесло съ артистическимъ ухарствомъ. Весело смотрѣть, какими дерзкими скачками взмываютъ они дугою снизу вверхъ и сверху внизъ, отчаянно гоняясь за убѣгающею рыбою; увлеченные удалою погонею, они часто теряютъ власть надъ своими движеніями, и иногда случается, что дельфинъ, совершенно выскочивъ изъ воды, опишетъ свою дугу въ воздухѣ на вашихъ глазахъ. Когда же ихъ соберется много, и они плывутъ другъ за другомъ, показывая только изгибы спинъ съ плавниками — кажется, будто подъ водою быстро работаютъ какія-то мельницы...

Дельфины едва не единственныя животныя моего моря. Хотя много пишутъ о наполненіи водныхъ безднъ существами всякаго рода и о безчисленномъ множествѣ птицъ, обитающихъ берега Чернаго Моря, однако я съ большимъ сожалѣніемъ убѣдился, что

на нашемъ и въ нашемъ деревенскомъ прудѣ въ десять разъ больше звѣрей, птицъ и гадовъ, чѣмъ на крымскимъ берегахъ Чернаго Моря. Изрѣдка залетитъ бѣлая рыбалка, покружится, погарцуетъ надъ бездною, клюнетъ раза два соленую воду и полетитъ—себѣ обратно, откуда пришла. Должно быть, ничто не манитъ птицу сюда на каменныя скалы и на голыши, которыми трудно замѣнить камышевыя заросли нашихъ рѣкъ. Утки также иногда спускаются сюда на море, но какъ-то тайкомъ втихомолку, и вертятся гдѣ—нибудь на серединѣ, сами не свои. Весь ихъ видъ какой-то испуганный... Летятъ, не смѣя отдѣлиться на поларшина отъ воды, даже врѣзая ее крыльями, и такъ торопливо, не раздумывая и никуда не сворачивая. Совсѣмъ узнать нельзя полета нашихъ старыхъ сухопутныхъ знакомцевъ; видно, безбрежная пучина дѣйствуетъ не на одну фантазію человѣка: видно, и у птицъ не безъ фантазіи... Напрасно ищу я также ракушекъ, раковъ и всякой подобной твари между камней и въ пескѣ поморья... Голыши, круглые и обточенные, какъ на фабрикѣ, насыпанные глубокими грудами, въ которыхъ утопаетъ нога — вотъ все, чтȏ вы найдете на берегу... Въ свѣтѣ нѣтъ такой громадной и такой дѣятельной гранильной фабрики, какъ волны моря. Онѣ день и ночь безъ отдыха грызутъ и обмыливаютъ куски скалъ, ими же оторванные, и каждымъ прибоемъ подсыпаютъ въ свои несчетные склады новаго товару.

Поразительно это стремленіе всего въ природѣ къ округленію: отъ земнаго шара и кажущагося небеснаго свода до яица, плода, водной капли и этого голыша...

Въ тихое жаркое утро стоишь по поясъ въ водѣ и не вышелъ бы изъ нея долго... И смотришь въ глубь, прозрачную какъ воздухъ, на разстилающійся подъ ногами яркій мозаиковый полъ изъ „каменій самоцвѣтныхъ“, который гнется и колышется вмѣстѣ съ водою, и въ которомъ ясно, какъ подъ свѣжимъ лакомъ, рисуется каждый камушекъ. Полъ сказочнаго великолѣпія, но въ

то же время полный коварства. Онъ зоветъ къ себѣ довѣрчивую ногу соблазнительно какъ русалка, его обитательница. Но берегитесь ступать необдуманно на эти узорчатые мраморы... Они вовсе не такъ близки, какъ кажутся, и если вы не пловецъ, то разъ ступивши на нихъ, врядъ ли съ ними разстанесесь.

Иногда, плывя на лодкѣ, смотришь внизъ и любуешься на ясно видный сквозь зеленую воду этотъ каменный морской помостъ, отливающій настоящимъ сибирскимъ малахитомъ. Раздѣвайся и прыгай прямо на него: а между тѣмъ рыбаки, везущіе васъ, скажутъ вамъ, что даже нырнувши, вы здѣсь не достанете дна; этотъ помостъ сажени четыре подъ поверхностью моря; онъ зеленъ какъ ярь, не оттого, чтобы обросъ травами, а именно отъ густоты водяного слоя, сквозь который видѣнъ. Такъ сильно лучепреломленіе въ морской водѣ.

Стоишь и паришься на горячемъ солнцѣ, готовый погрузиться въ воду, какъ буйволъ, совсѣмъ съ головою, и лежать тамъ пока хочется.

Хотя утро, а ужь на небѣ и на землѣ давно стоитъ жара.

Небо густой и горячей синевы, только надъ горами наростаютъ понемножку бѣлыми столбами серебристыя кучевыя облака...

Лѣсныя вершины Кастели и Яйлы уже совершенно чисты, и голые утесы Демерджи, Парагильмена и Бабугана стоятъ раскаленные въ горячихъ лучахъ... Какая тишина и какая прелесть!

Неподвижно смотря кругомъ, не думая, не издавая звука...

Упругая зыбь незамѣтно колеблетъ тебя и уноситъ твое жаркое испареніе въ неизмѣримый холодильникъ, тебя охватывающій. На что тебѣ непремѣнно мысль, воспоминанье, ожиданье?

Настоящая жизнь должна быть въ настоящей минутѣ; но мы такъ мало умѣемъ наслаждаться настоящею минутою; именно потому не умѣемъ, что только это одно наслажденіе есть наслажденіе реальное и конкретное.

Всѣ остальныя радости наши непремѣнно абстрактны и идеальны, потому что онѣ всѣ основаны на искуственномъ пережовываніи умомъ протекшихъ минутъ или на воображаемомъ предвкушеніи минутъ, еще ненаступившихъ.

То, что проходитъ для насъ мало замѣтно и даже совсѣмъ безъ удовольствія—окрашивается совсѣмъ новымъ цвѣтомъ въ нашемъ воспоминаніи; оттого-то воспоминанія, самыя добросовѣстныя, почти всегда лгутъ.

Точно также мы съ счастливымъ замираньемъ сердца приготовляемся къ ожиданію того, что встрѣтится нами съ холодной или вялою разсѣянностью. Какъ всякій абстрактный выводъ, воспоминанья и ожиданья кажутся совершеннѣе всякой реальности; именно потому, что пріемъ абстракціи заключается въ очищеніи, въ отбрасываніи всего неподходящаго подъ общую мысль, и въ систематическомъ собираніи того, что не звязано въ дѣйствительности.

Испорченные со школьной скамьи систематическою замѣною непосредственныхъ ощущеній духа рефлексіею, *мы не умѣемъ жить*, то-есть смотрѣть, слышать, осязать, *а умѣемъ размышлять или еще чаще фантазировать*. Поэтому-то такъ дороги для насъ тѣ мѣста и тѣ обстоятельства, которыхъ жизненная сила такъ велика, что овладѣваетъ нами, вопреки нашему недугу, и становится передъ нами всѣмъ своимъ чарующимъ живьемъ, не допуская ни думать, ни фантазировать, принуждая созерцать себя „не яко зерцаломъ въ гаданіи, но лицомъ къ лицу...“

Въ водѣ здѣсь хотя такая бѣдная жизнь, однако, все-таки жизнь...

Ее сразу не откроешь. Я, напримѣръ, долго не видѣлъ ея. Но когда глазъ привыкъ къ переливамъ жидкаго хрусталя по пестрымъ мозаикамъ дна, онъ начинаетъ отличать другое движеніе среди этихъ камушковъ...

Вотъ притаилась между ними сѣрая съ тигровыми пятнами головастая рыбка, и ея прожорливые глазки смотрятъ наверхъ...

Вы шевельнули ногою, и ея уже нѣтъ здѣсь. Едва касаясь камней концами своихъ длинныхъ грудныхъ плавниковъ, почти лишенныхъ перепонки, она извивается между ними съ проворствомъ и гибкостью змѣи... Вотъ ихъ поднялась цѣлая стая, одна другой меньше, изъ разныхъ щелей, которыхъ вы до сихъ поръ не замѣтили... Вотъ онѣ джигитуютъ вокругъ пальцевъ нашей ноги, ловко щипля ихъ съ налету, и пугливо бросаясь въ стороны послѣ каждаго удачнаго щипка. Это *бычки*. Оглянитесь, и вы увидите нѣчто иное. Къ вамъ плыветъ, вытянувшись совершенно вертикально, не то піявка, не то змѣйка, не то стебелекъ водоросли... Вамъ хочется тотчасъ отстраниться отъ этой подозрительной штучки, пока она не уколола васъ; но вы не бойтесь и нагнитесь поближе къ этому созданію. Это *игла-рыба*, съ заостренною какъ карандашъ головкою, которая имѣетъ такимъ образомъ видъ шильца. Она, при взмахѣ вашей руки, безгрѣшно опустится на дно и, присосавшись хвостикомъ къ камню, начнетъ тихонько раскачиваться... Ихъ иногда попадаются цѣлыя шайки.

Вотъ когда хорошо въ морѣ! Эта ванна не нагрѣется даже такимъ солнцемъ, которое печетъ теперь всякій день, съ четырехъ часовъ утра до девяти вечера. Море освѣжаетъ совсѣмъ не такъ, какъ рѣчная вода; погружаясь въ его упругій, словно на кремнѣ настоенный, разсолъ, чувствуешь, что это не вялое, тепленькое объятіе, къ которому пріучила насъ лѣтняя вода прудовъ и рѣкъ. Какая-то мужская и смѣлая сила охватываетъ и поднимаетъ васъ, и весь жаръ вашего крошечнаго организма испаряется мгновенно въ этихъ неизмѣримыхъ запасахъ прохлады... Волны нѣтъ, но васъ качаетъ и двигаетъ что-то живое, неподдающееся вамъ, и знать васъ нехотящее... Съ этимъ чудовищемъ, шевелящимся подъ вами, надо посчитаться, даже когда оно спо-

койно терпитъ васъ на своемъ упругомъ хребтѣ. Но оставьте всякія самолюбивыя надежды, когда оно хоть немножко разсердится и разворчится... Вы для него значите ничѣмъ не больше одного изъ тѣхъ голышей, грудами которыхъ оно играетъ, какъ ребенокъ горстью гороха...

Я пробовалъ разъ войдти въ волну довольно сильнаго прибоя въ то время, когда само море было почти совсѣмъ спокойно. Меня опрокидывало и выносило на берегъ, не смотря на всѣ усилія удержаться. Что же бываетъ во время дѣйствительнаго волненія, когда пѣна долетаетъ до прибрежныхъ горъ!

За то какъ легко и весело плывется! Какое смѣлое чувство развивается мало-по-малу отъ постояннаго обращенія съ этою могущественною волною. Весьма хорошее свойство моря—не возбуждать лихорадочной дрожи. Оно до такой степени свободно отъ всякихъ болотистыхъ и гнилыхъ примѣсей, такъ минерально въ своемъ составѣ, что только крѣпитъ и свѣжитъ, не заставляя зябнуть. Случалось купаться въ поту послѣ заката солнца, не имѣя чѣмъ отереть тѣло, и въ довольно вѣтреные вечера—и все-таки выходишь бодрый и отлично здоровый... Понятно, что станешь здоровъ и красенъ, какъ солонина, просаливаясь нѣсколько лѣтъ сряду въ этой минеральной ваннѣ. Татары здѣсь поразительно здоровы, и мнѣ говорили, что они купаются круглую зиму. Съ другой стороны, благодѣтельно дѣйствуетъ вѣчная гимнастика лазанья по горамъ и цѣлебный климатъ лѣсныхъ горъ, „гдѣ свободный вѣетъ воздухъ и дышать свободно груди“. А можетъ быть, также вино и виноградъ. Единственная непріятность морскаго купанья—это камни, если нѣтъ песчанаго берега, и соленость воды. Забываешься, и ежеминутно глотаешь изрядныя порціи глауберовой соли... Хотя это и полезное слабительное, однако, иногда попадаетъ въ желудокъ совсѣмъ некстати. Не совсѣмъ также пріятно, когда вы попадаете въ стадо прозрачныхъ, полужидкихъ медузъ, прили-

пающихъ къ тѣлу. Онѣ здѣсь невелики ростомъ: самыя большія, какія я видѣлъ, въ пригоршню мальчика. Наблюдать ихъ въ водѣ довольно любопытно, хотя весьма однообразно; но разъ взявши въ руки, проститесь съ ними. Онѣ расплываются, какъ жидкій крахмалъ или кисель. Разъ я захватилъ одну медузу между двумя листочками самой тонкой почтовой бумаги, чтобы понести ее домой; дома раскрылъ, и увидѣлъ одну мокрую бумагу; отъ животнаго не осталось ни малѣйшаго слѣда.

Животныя не чувствуютъ ни одного изъ неудобствъ морскаго купанья, которыя я сейчасъ назвалъ, особенно буйволы. Эти добрые и трудолюбивые работники, неоцѣненные при перевозкѣ тяжестей по горнымъ дорогамъ, гдѣ даже сила воли оказывается недостаточною, просятъ у судьбы только трехъ вещей: воды, еще воды и опять воды. Они какъ свиньи лежатъ въ лужахъ, закопавшись въ грязь, если нѣтъ для нихъ болѣе чистой купальни; въ морѣ же они блаженствуютъ. Онѣ по цѣлымъ часамъ лежатъ въ водѣ, медленно пережовывая жвачку, съ наслажденіемъ хлестаютъ свои мокрые бока мокрыми хвостами и щурятъ глаза съ нѣгою безусловныхъ счастливцевъ. Въ сильные жары они ухитряются погружаться въ воду съ головой и рогами, и лежатъ тогда недвижимы, какъ колоды, едва только высунувъ носы; я долго не могъ разгадать, что бы это было такое, въ первый разъ увидя въ морѣ въ пяти шагахъ отъ себя эти неподвижно торчащіе носы. Можно было даже испугаться, ибо какихъ чудовищъ не предполагается въ пучинѣ морской?

Утромъ и весь день здѣсь было шумно не по обыкновенію. Зной былъ особенно сильный. Я купался четыре раза и каждый разъ съ наслажденіемъ и подолгу. Хотѣлось бы поселиться въ водѣ и спать въ водѣ... Дельфинамъ было душно и тяжко въ морѣ; они фыркали громко и тяжко, какъ купающіеся буйволы,

и поминутно выскакивали изъ воды. Никогда ихъ не было видно такъ много. Въ полдень они гонялись другъ за другомъ, ныряли и катались колесами, цѣлыми вереницами. Вечеромъ они проносились парами такъ близко другъ къ другу, что, казалось, сидѣли одинъ на одномъ; ихъ спинной плавникъ стоялъ высоко и прямо, совсѣмъ не такъ, какъ въ другіе дни. Иногда они выскакивали до половины и кувыркались въ воздухѣ, сцѣпившись одинъ съ другимъ; а то вдругъ появятся на поверхности два вертикальные черные шипа и торчатъ долго и недвижимо на одномъ мѣстѣ, тѣсно рядомъ... Ясно было, что въ волнахъ происходило что-то не совсѣмъ обыкновенное: *„морскіе ласточки“* праздновали свои свадьбы... Ихъ страстныя погони и счастливыя перегонки паръ вспугнули стада кефали, начинающей уже заплывать подъ наши берега. Какъ метко пущенныя стрѣлы перелетали бѣдныя рыбы цѣлыя сажени надъ водой, выскакивая даже на воздухъ отъ слишкомъ энергическихъ усилій—уйти отъ страшнаго врага.

Мнѣ это зрѣлище было совершенно ново и очень интересно.

Весь этотъ день и намъ было какъ-то душно. Даже вечеромъ хотѣлось въ море. Четыре охотника отправились на берегъ среди совершенной темноты. Тишь была необыкновенная. Словно украли море. Мы быстро раздѣлись, чтобы всѣмъ вмѣстѣ разомъ броситься въ воду и поплыть.

Жутко было входить по одному.

Пока съ моремъ не свыкся, оно долго кажется коварнымъ врагомъ, отъ него всего ждешь.

Шумно вошли мы въ воду... Вдругъ вокругъ насъ забѣгали, запрыгали искры; каждый шагъ ноги раздвигалъ струи блѣднаго пламени, каждый всплескъ брызгалъ огнемъ... На одно мгновеніе я былъ страшно озадаченъ. Я никогда не видалъ фосфорес-

ценціи моря, хотя такъ много читалъ объ ней. У нашего берега фосфоресценція не была сильна, но и въ этой степени, въ какой была, она поражаетъ до остолбенѣнія... Вода насквозь проникается огнемъ... Пламя незримо скрыто въ волнѣ, и отъ ничтожнаго удара вырывается изъ него искрами, какъ изъ кремня. Это не пламя горящей свѣчи, горящаго костра, а какое-то волшебно-фосфорическое, сказочное. Оно будто не освѣщаетъ, а между тѣмъ свѣтится даже сквозь воду. Странно было намъ плыть въ этой огненной влагѣ, окруженнымъ искристыми брызгами... Эта атмосфера саламандръ, несмотря на свой крайній интересъ, не манила на долгое купанье.

Хотя и хорошо знаешь существенную причину явленія, однако умъ одна, чувство другая вещь; русскому человѣку, питомцу нянькиныхъ сказокъ, все-таки немножко неловко въ этой горящей водѣ, въ этомъ текущемъ огнѣ...

Когда мы возвратились къ нашимъ дамамъ съ разсказами объ открытомъ чудѣ, на всѣхъ столахъ балкона уже дымились самовары. Хотя мы выкупались и въ горѣвшей водѣ, однако было очень пріятно послѣ морской прохлады присѣсть за горячій душистый чай. Ночью всѣ дамы отправились съ нами къ морю, и мы долго потѣшались, зажигая иллюминаціи разнаго рода въ морской водѣ; отъ каждаго брошеннаго камня сыпались изъ воды блѣдныя искры; а когда кто нибудь начиналъ болтать въ водѣ палкою, казалось, что онъ мѣшалъ расплавленную жидкость...

Пустое сердце и легкомысленная голова человѣка проникаются чѣмъ-то строгимъ и священнымъ, созерцая ночное небо. Только ночью человѣкъ видитъ свой міръ въ сообществѣ другихъ міровъ.

Эти мильйоны чуждыхъ міровъ свѣтятся и роятся вокругъ него, какъ песокъ морской, а свой привычный міръ привлекаю-

щій и отвлекающій отъ всего остальнаго, теперь скрытъ темнотою.

Эгоизмъ и узкость земныхъ стремленій, царящіе беззастѣнчиво при шумѣ и блескѣ дневнаго существованія, когда освященъ только ты и все твое, смущаются безмолвныхъ свидѣтелей отовсюду взирающихъ, и пригинаются въ темные углы, гдѣ они чувствуютъ настоящее свое мѣсто; а вмѣсто нихъ тихо выступаютъ другія, кроткія, невоинственныя силы, которымъ не стыдно звѣздъ, и которымъ не чуждо небо...

Чувство поэтическое ждетъ ночи, какъ робкая ночная птица.

Ночью все, придавленное эгоизмомъ или жадностью человѣка, спѣшитъ подышать свободно: звѣрь точно такъ же, какъ мысль.

Съ балкона, торчащаго высоко на горѣ, какъ гнѣздо ласточки, сквозь кипарисы и тополи, видны высокія горы и широкое море, и надъ нимъ высокій и широкій сводъ, переливающій звѣздами, какъ золотымъ пескомъ.

Когда этотъ звѣздный сводъ и это море наполнятъ вашу грудь, вы чувствуете вдругъ какую-то боль разочарованья. Было время, когда звѣзды говорили вамъ что-то ясное и сладкое, и тогда понятна была благоговѣйность вашего созерцанія. Но что она теперь, этотъ досадный остатокъ лжи, въ которую иногда такъ хочется увѣровать? Зачѣмъ она дразнитъ душу?

Тихо сошли мы по крутымъ ступенькамъ, высѣченнымъ въ скалѣ, въ виноградникъ. Балконъ и галлереи, освѣщенные красноватыми огнями, заслоненные черными фигурами кипарисовъ, глядятъ на насъ сверху; мы спускаемся все ниже и ниже, тихо и молча; виноградникъ со всѣхъ сторонъ дышетъ на насъ прохладою; кипарисы темнѣютъ въ синевѣ ночи, тонкіе и легкіе, какъ минареты. Но гораздо выше ихъ сіяютъ небесныя звѣзды...

Горы, облегшія окрестъ нашу долину, рѣзко вырѣзаются своими сплошными чорными силуэтами на звѣздномъ небѣ, всѣ одинаково близкія, всѣ равно высокія. Мы спускаемся къ морю...

Его нѣтъ. Оно слилось туманною степью съ туманнымъ синимъ небомъ, и казалось, что прямо отъ чорнаго берега поднимается небесный сводъ.

Юпитеръ горитъ ярко и бѣло, и его блѣдное отраженіе, словно отраженіе луны, широкимъ столбомъ перепоясываетъ незримыя воды...

Тихо опустились мы на каменистый берегъ и стали слушать ночь... Прибой рѣдко и слабо плескалъ о голыши; забывшись, чудилось, что изъ туманной воды кто-то силится осторожно вылѣзть на берегъ... На далекомъ скалистомъ мысу отрывисто и рѣзко прокричала морская птица.

Изъ лѣсной долины, на которую спустились влажныя облака слышался плачъ филина.

Страшно человѣческой мысли въ ночномъ безмолвіи; но еще страшнѣе, когда сверху бездонная тьма неба, снизу темная пучина моря. Что тамъ, въ этой неисповѣдимой темнотѣ, въ этихъ недостижимыхъ глубинахъ? Зачѣмъ нуженъ этотъ несчастный кусокъ мозгу, мучающій себя, ничего невѣдающій, ничего немогущій? Зачѣмъ эта безконечная цѣпь безотвѣтныхъ вопросовъ, зачѣмъ это бѣличье колесо порывовъ, ни къ чему не ведущихъ, кружащихся вокругъ самихъ себя?

Не счастливѣе ли насъ этотъ сычъ, меланхолическій житель ночи, который досягаетъ и плодится, охотится и пожираетъ, не думая о глубинахъ и темнотахъ... Что-то могущественное живетъ въ темную ночь въ морской пустынѣ; эта незримая жизнь придавливаетъ твою.

Чужда она тебѣ и страшна она тебѣ. Это жизнь вѣчности, жизнь стихій и міровъ.

Лучше всѣхъ насъ ощутилъ ее древній индусъ, котораго она раздавила болѣе, чѣмъ всѣхъ насъ. Волна, вѣтеръ, планета живутъ этою страшною безличною жизнью. Ею живетъ и наша

могила, оттого намъ душно отъ ея прикосновенія. Оттого тяжело ночью на пустынномъ берегу безбрежнаго моря.

Жизнь въ пустынкѣ Чолмекчи, если хотите въ скитѣ Чолмекчи, протекаетъ въ философской простотѣ, въ монашескомъ однообразіи. Съ Чолмекчи не нужно Ѳиваиды.

Не мудрено, что монастыри издревле гнѣздились здѣсь, по теплымъ скаламъ юга. Впрочемъ, имя Чолмекчи—далеко не монастырское. Строго говоря Чолмекчи значитъ — Тюильри. Чолмекчи потатарски—черепичный или горшечный заводъ.

Когда онъ былъ, трудно догадаться, хотя слѣдовъ завода много, и находимые остатки посуды совершенно схожи съ амфорами и другими, столь извѣстными сосудаму древнихъ грековъ.

Вставать надо рано: иначе пропадешь отъ жару; несмотря на море, несмотря на лѣса и высокія горы, жарко здѣсь на каменномъ берегу. Все камень—берегъ, дороги, гора, виноградникъ; когда раздѣнешься, чтобы лѣзть въ море, босой ногѣ нѣтъ силъ выдержать прикосновенія горячихъ голышей. Точно ступаешь на разожженные утюги. Никакая чаща васъ не спасетъ, крымское солнце—не наше русское, да и крымскіе лѣса—не наши русскіе. На прибрежныхъ горахъ, если они не подымаются въ прохладный воздушный слой, какъ Кастель, дубы и вязъ—карлики и уроды. Они худосочны, мелкорослы, искривлены, какъ семья несчастнаго пролетарія, воспитавшаяся на лишеніяхъ всякаго рода. Листъ мелкій, сухой, сучки обращены въ колючки; травы нигдѣ нѣтъ, нигдѣ мягкаго чернозема или даже глины, гдѣ бы можно было уставшему пѣшеходу растянуться, по русскому обычаю, руки подъ голову, носомъ кверху.

Какъ иногда просится тѣло, измученное карабканьемъ по горамъ, на зеленую постель, но, кромѣ камней, да черепковъ ничего не отыщите; лучше и не ложитесь, даже и не садитесь.

Вся растительность—растительность пустыни; пахнетъ Палестиною и Синаемъ.

Смолистые теребинты, сухіе вѣники тамарикса, неизбѣжное *держи-дерево*, на которомъ больше иголокъ, чѣмъ листьевъ, и которое многіе считаютъ за тѣ именно терніи, изъ которыхъ былъ сплетенъ вѣнецъ Христа, шиповникъ, ежевика, боярышникъ, да мушмула—вотъ кусты и деревья морского берега.

Но по голышамъ, обливаемымъ морскимъ прибоемъ, на почвѣ на которой не ожидаешь встрѣтить никакого признака жизни, ростутъ, между тѣмъ, сочные и толсты стебли glaucium'а съ яркими, желтыми цвѣтами, молочай особаго рода, тоже очень жирный и кустистый; немного повыше, по обрывамъ скалъ, кустятся ярко-зеленые букеты кермека, стелятся длинныя плети каперсовъ съ ихъ великолѣпными бѣлыми цвѣтами, и еще болѣе великолѣпными зелеными плодами съ мякотью, малиновою какъ карминъ.

Утромъ хорошо бродить по этой пустынѣ, не видя живого человѣка, не слыша даже птичьяго голоса. Если море совершенно спокойно, то тишина берега нѣсколько пугаетъ—такъ непривычна она намъ.

Съ одной стороны неподвижныя горы съ нѣмыми лѣсами стоятъ надъ вашею головою, въ густой, жаркой синевѣ. Съ другой стороны море стелется въ необозримую даль, будто стекая за горизонтъ всею этою безбрежною скатертью. Страшно стоять на послѣднемъ вершкѣ земли, имѣя впереди себя на многія сотни верстъ одну только пучину водъ. Послѣдній вершокъ русской земли — послѣдній вершокъ Европы; тамъ за этими водами уже другая часть свѣта, другая семья народовъ...

Священный духъ исторіи вѣетъ на этихъ водахъ и этомъ берегу. Моя береговая пустыня, которая кажется дѣвственно-свѣжей исторической почвой, еще непочатой цивилизаціею, далеко не дѣвственна. Ея пустынность не признакъ младенчества, а

признакъ истощенія, слѣдъ жизни, давно отцвѣтшей. Цивилизація гнѣздилась здѣсь еще въ тѣ далекіе вѣка, когда народы-вожди современной цивилизаціи не названы были даже по имени.

Заря исторіи, съ ея драматическими миѳами, съ живописными фигурами ея героевъ, осіяла въ свое время берега Крыма. Аргонавты и ахейцы, бравшіе Трою, не миновали Эвксинскаго Понта. Улисъ приставалъ къ южному берегу Тавриды (какъ думаютъ нѣкоторые), и Ахилъ спасалъ сюда Иѳигенію.

Первые торговцы, первые колонисты, первые завоеватели, первые цивилизаторы Европы—пробовали свои силы на этой благодатной прибрежной полосѣ около теплаго моря, подъ теплымъ небомъ.

Греція, Южная Италія, Крымъ—вотъ первые листы европейской исторіи. Первые христіане тоже принесли сюда свои молитвы и свои мученическіе вѣнцы.

Трудно найдти болѣе сложную историческую формацію, какъ исторія того узкаго каменнаго берега, на которомъ я стою въ настоящую минуту. Пласты за пластами покрывали въ ней старыя наслоенья, и одна органическая жизнь быстро смѣнялась въ ней другой.

Къ сожалѣнію, такъ мало характерныхъ окаменѣлостей, такія скудныя данныя исторической палеонтологіи остались нашей любознательности въ этихъ разнородныхъ формаціяхъ. Тутъ, что ни камень, то развалина, что ни шагъ, то событіе. Дерзкій духъ грека обслѣдовалъ эти пустынные берега еще въ эпоху полнаго подавленія человѣка силами природы; не научась еще строить надежный корабль, не умѣя еще вѣрно различать направленій, лишенный всѣхъ тѣхъ средствъ къ побѣдѣ стихій, къ спасенію себя, которыя выработалъ человѣкъ въ сотни вѣковъ упорной борьбы съ природою, безстрашный геній грека, идеалъ и родоначальникъ современнаго европейскаго духа, прорѣзалъ во всѣхъ направленіяхъ водныя пучины, отыскивая довольства, свободы и

власти... Онъ долго называлъ это Черное Море *моремъ негостепріимнымъ* (понтъ аксеносъ), и только послѣ продолжительной борьбы съ нимъ, узнавъ его силы и привычки, побѣдилъ его и принудилъ сдѣлаться *гостепріимнымъ моремъ* (Понтъ Евксиносъ).

Милетцы и геракleяне основали первыя поселенія на крымскихъ берегахъ. Колоніи, основанныя ими, разрослись въ могущественныя республики и жили по двѣ тысячи лѣтъ. Прахъ крымскихъ береговъ—это прахъ ихъ мраморныхъ кумировъ, ихъ дворцовъ и храмовъ. Орды дикарей, разрушавшія сильныя царства, не осиливали этихъ твердынь цивилизаціи, защищенныхъ духомъ свободы и изобрѣтеніями просвѣтленнаго ума.

Камень, родящій колючіе кусты, пустыня, выжигаемая зноемъ, у нихъ были житницею другихъ странъ. Босфорскій царь Левконъ отправляетъ въ Аѳины за одинъ разъ изъ ѳеодосійскаго порта 375,000 четвертей пшеницы. Пшеница родится самъ-тридцать; стада лошадей, овецъ, наполняютъ крымскія степи по свидѣтельству древнихъ географовъ; рыбы страшное изобиліе; льномъ, пенькою, солью, даже желѣзомъ, снабжаются другія страны. Крымъ ни въ чемъ не нуждается. Города, селенія, замки, сплошь покрываютъ берега. Отъ Керчи до Ѳеодосіи, какъ будто одно поселеніе; каждый заливчикъ, каждый замѣтный мысъ, каждая значительная излучина морскаго берега защищены зàмками.

До сихъ поръ въ названіяхъ мѣстъ и урочищъ звучатъ греческія имена, часто исковерканныя. *Ламбатъ* (Лампасъ), *Партенитъ*, *Алустонъ* (теперь Алушта), *Кастель*, указываютъ на давноисчезнувшія поселенія древнихъ грековъ. До сихъ поръ въ нихъ найдете древнія развалины, чаще всего груды камней надъ ямами, но иногда остатки башенъ, стѣнъ. Это тысячная доля того, что было. Большіе города пропали безъ вѣсти; археологи спорятъ о самомъ мѣстѣ построенія ихъ.

Мирликіонъ, Ктенусъ, Портміонъ, Нимфеумъ, Малакіонъ, Неаполисъ и многіе другіе не оставили по себѣ никакого достовѣрнаго слѣда. Между тѣмъ, каждая татарская деревушка, каждый колодезъ, поворотъ дороги, холмъ, ущелье, носятъ весьма загадочныя и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вразумительныя названія.

Кучка мирныхъ хижинъ носитъ вдругъ воинственное названіе *Кермена*, или *Исара*, или *Кале*, иногда *Кастеля*, *Кастрона;* всѣ эти слова, потурецки, потатарски или погречески, означаютъ одно и то же: *крѣпость*. Въ лѣсу, которымъ вы проѣзжаете, вамъ указываютъ вдругъ на небольшой подъемъ дороги; называя его *Темиръ-хапу*, то-есть *желѣзныя ворота*. Этихъ *темиръ-хапу* множество въ Крыму.

Въ другихъ мѣстахъ вы встрѣчаете названіе *эндекъ*, то есть *окопъ*, *вигла* (стража погречески), знакомитесь съ татарскими деревнями, которыя зовутся *ай-Данилъ*, *ай-Василъ*, *ай-Петри*, *ай*—значитъ святой; святого Даніила, святого Василія, святого Петра. Тутъ безъ глубокихъ историческихъ изслѣдованій многое придетъ въ голову, и многое станетъ понятнымъ. Главная загадка остается въ одномъ: куда же все это дѣвалось, и неужели дѣвалось безвозвратно?

Ѳеодосія еще при занятіи русскими имѣла, какъ говорятъ, до 20,000 домовъ, 111 мечетей и до 100 фонтановъ. Сумароковъ разсказываетъ, что въ ней помѣстили до пяти нашихъ полковъ, а въ его время могли расположить только одну роту.

Посмотрѣвъ своими глазами на огромный обхватъ полуразрушенныхъ стѣнъ и башенъ, окружающихъ Ѳеодосію, на множество заглохшихъ фонтановъ и на великолѣпіе ѳеодосійскаго порта, безопаснаго отъ бурь, поневолѣ повѣришь этимъ разсказамъ.

Ближе ко мнѣ, на половинѣ морской дороги отъ Ѳеодосіи къ Алуштѣ, стоитъ другой знаменитый торговый центръ древности—*Сурожъ*, или *Суражъ*, теперь Судакъ.

Онъ далъ свое имя цѣлому морю; купцы-сурожане, торговавшіе азіатскимм и византійскими товарами, были дорогіе гости въ Москвѣ, а рядъ ихъ и ихъ товары до сихъ поръ называются суровскими. Сурожъ былъ долгое время окномъ изъ Азіи въ Россію. Его рѣдко кто миновалъ; его посѣщали братья Паоло, черезъ него ѣхалъ къ хану Рубруквисъ; черезъ него шли къ нашимъ боярамъ и князьямъ шелковыя ткани, а арабскіе, греческіе и итальянскіе купцы вывозили дорогихъ русскихъ соболей.

Въ немъ было тоже болѣе 100 церквей; онъ былъ столицею цѣлой метрополіи; былъ резиденціею, знаменитой въ крымскихъ легендахъ, царицы Ѳедоры и считался при ней однимъ изъ неприступнѣйшихъ городовъ. Теперь это скучное мѣстечко, затерянное въ устьѣ горной долины. Въ него не приходитъ почти ни одно судно, и только судацкое дешевое вино сколько нибудь напоминаетъ его имя.

Живутъ въ немъ почти одни садовники, да управляющіе. Владѣльцы пріѣзжаютъ только къ сбору винограда, около покрова, недѣли на двѣ. Таковъ теперь пресловутый Сурожъ, которому *дивъ кличетъ връху древа* въ „Словѣ о полку Игоревѣ“.

Многое встаетъ въ памяти, въ воображеніи, когда бредешь по безмолвному берегу, черезъ который прошла тысячелѣтняя исторія. *Было—и нѣтъ ничего.* Простыя слова, къ которымъ наше ухо слишкомъ прислушалось, но въ которомъ страшная философія исторіи, гораздо болѣе послѣдовательная и доказательная, чѣмъ всѣ эти теоріи вѣчнаго прогресса, теоріи цикловъ и пр. сочинительства человѣческаго разума.

А море, а Кастель-гора, а синее небо все то же, какъ и при появленіи міра... Вмѣсто царицы Ѳедоры въ этой волнѣ купаюсь теперь я, мирный пришелецъ изъ снѣжнаго сѣвера; вмѣсто богатыхъ монастырей, подъ Кастелью, живетъ-поживаетъ солдатикъ изъ безсрочныхъ, какого-нибудь апшеронскаго полка, карауля за 10 р. сер. чьи-то покинутые виноградники, и воюя вмѣсто

генуэзцевъ съ барсуками. Вмѣсто византійскихъ кораблей, проплываетъ подъ тѣнью этихъ береговъ прозаическій кордонный вахтеръ, раздобывшійся *зелена вина* на всю свою казарму.

Надъ всѣми этими тавро-скиѳами, милетцамо, босѳорцами, византійцами, генуэзцами, готами съ ихъ подвигами и вооруженіями, со всей *мышьей бѣготней* ихъ жизни — можетъ цинически смѣяться море, этотъ сторукій Бріарей, страшный олимпійцамъ. Оно колыхалось, ревѣло и глодало каменные бока горъ, тогда еще, когда ни одно разумное существо не появлялось надъ его поверхностью.

Оно глодало эти горы, когда онѣ застроились замками, зазеленѣли виноградниками; глодало, когда онѣ обратились въ могилы, гложетъ теперь, и вѣчно будетъ глодать, насыпая у подножья ихъ груды каменнаго сора, вѣчно будетъ биться и стенать въ берегахъ своихъ, даже тогда, когда уже некому будетъ слушать и трепетать отъ этихъ дикихъ стенаній Титана...

Хорошо дѣлали тѣ, кто бѣжалъ въ пещеры горъ, на берега пустыннаго моря, чтобы умереть тамъ для міра и жить для вѣчности. Лучшей школы не найдти имъ, какъ море и горы! Этотъ громадный скитъ, безъ писанныхъ уставовъ, безъ бичеваній, безъ крѣпкихъ стѣнъ, сдѣлаетъ человѣка молчальникомъ и созерцателемъ.

Черная зимняя ночь на Черномъ Морѣ мрачнѣе всякой схимы охватитъ подавленную душу человѣка; а этотъ неотразимый прибой, вѣчно разрушающій, уносящій и покрывающій, переживающій вѣка и царства, какъ мимолетныя волны, эта всесильная мощь стихіи, заставитъ всякаго увѣровать, что все на свѣтѣ тлѣнъ и суета...

Можетъ быть, иноки, жившіе по зеленымъ горамъ южнаго берега, и знали минуты наслажденія; можетъ быть, ихъ восторгало ни съ чѣмъ несравнимая минута восхода солнца за судацкими горами въ тихое безоблачное утро... Можетъ быть, алыя тѣни крымскаго вечера, обливающія такимъ томнымъ огнемъ небо,

лѣса и горы, радовали ихъ, какъ радуютъ теперь и меня. Но я знаю, что эти наслажденія и радости неразлучны съ грустью. Общій фонъ всякаго чувства — здѣсь, въ приморской пустынѣ — грусть... Пойте, танцуйте, смѣйтесь, а на заднемъ планѣ стоитъ темное облако грусти...

На пустынномъ морѣ вамъ въ глаза пристально глядитъ вѣчность; вы отъ нея не заслонитесь, не отвернетесь; она охватываетъ васъ, какъ воздухъ или волна. Здѣсь все вѣковѣчное, стихійное, все — могила индивидуальнаго и случайнаго...

Можетъ быть, оттого птицы не поютъ на морѣ; можетъ быть, оттого такъ сурово и неподвижно всякое дерево, всякая трава, растущая у моря.

Я говорилъ уже, что нѣкоторыя птицы боятся моря; я убѣдился въ этомъ своими глазами... Человѣку тоже не поется надъ моремъ; даже въ простомъ разговорѣ голосъ его невольно спадаетъ и становится серьезнѣе, словно въ присутствіе кого-то страшнаго... Море, говорятъ, было началомъ міра; море, говорятъ, будетъ концомъ его. Въ хаосѣ духъ божій носится надъ водами — онѣ одни предшествуютъ всякому существу.

Я не видалъ моря въ веселыхъ берегахъ Неаполитанскаго Залива, обставленнаго смѣющимися виллами, цвѣтущими садами, исполненнаго шумною жизнію.

Безъ сомнѣнія, не то говоритъ наблюдателю такое море. Но часто бываетъ тяжело его впечатлѣніе здѣсь, на этихъ безлюдныхъ и безплодныхъ берегахъ, напоминающихъ Палестину и обожженные солончаки Мертваго Моря. Здѣсь ничто не развлечетъ васъ, не отуманитъ иллюзіями, и конечный вопросъ всякаго существованія звучитъ здѣсь съ неотразимою и невыносимою ясностью...

На сколько море страшитъ, на столько ласкаетъ васъ и убаюкиваетъ голубой день и золотое солнце... Подходишь близко-близко къ водѣ, съ сачкомъ въ рукѣ, и начинаешь слѣдить за колыханіемъ цѣлаго стада медузъ, прибитыхъ къ берегу. Прозрачныя,

точно едва очерченныя на водѣ какимъ нибудь нѣжнымъ рѣзцомъ, эти пузыри жидкаго хрусталя, однако, дышатъ, ѣдятъ и двигаются...

Вытягиваются какія-то неосязаемыя нити, мелькаютъ сотни микроскопическихъ рѣсничекъ, и безцвѣтная пустота въ безцвѣтномъ тѣлѣ сжимается и раздувается. Происходитъ какой-то процесъ, проявляется какая-то жизнь... Много энергіи своего рода, дѣятельнаго стремленія къ цѣли, много борьбы... и вдругъ легкій всплескъ; набѣжавшая волна толкнула прибрежную волну, и прозрачные пузыри неслышно ударились о камни; они всплыли выше, но уже не двигаются ихъ рѣснички, пустота не глотаетъ, и вся прозрачная горбушка разсѣлась по краямъ на лопасти, какъ шляпка прозрачнаго гриба, раздавленнаго ногою. *Было — и нѣтъ ничего!* А въ стадѣ было столько молодыхъ, недавно сформировавшихся.

Тысячи такихъ медузъ разбиваются ежедневно въ каждый маленькій прибой, на томъ клочкѣ берега, гдѣ я купаюсь; многія тысячи-тысячъ на всемъ берегу. И они родятся, ростутъ, хлопочутъ о себѣ. Такъ сложно и вмѣстѣ художественно просто ихъ устройство, такъ красива ихъ нѣжная жизнь въ этой влагѣ, которая, кажется, гуще ихъ самихъ; вѣрно они нужны для чего нибудь. Но на пути ихъ голышъ, случайно столкнутый моею ногой—и они исчезаютъ, *они ненужны больше!..* А мы философствуемъ о судьбѣ народовъ, о законѣ прогресса.

Тишь на морѣ для меня страшнѣе волнъ. Волны не даютъ думать, а для человѣка нѣтъ ничего страшнѣе собственной думы. Волны наполнятъ ваши чувства и вашу мысль; изъ-за ихъ плеска, рева, изъ-за ихъ скачки вы ничего не увидите и не услышите; штормъ шумитъ у васъ въ груди и голосѣ, и, смущенный шумомъ его, притихаетъ капризный хозяинъ, мучающій васъ внутри. Когда

плывешь въ спокойную погоду отъ берега прямо въ море, въ ту сторону, гдѣ предѣлы пучины недостижимы никакому глазу совершенно одинъ съ своею фантазіею, и вдругъ дашь себѣ невольный отчетъ въ томъ, что̀ кругомъ тебя, дѣлается дѣйствительно жутко.

Все больше пропадаетъ берегъ, все дальше втягиваетъ васъ въ себя море, все глубже становится водная бездна, надъ которою висите вы, напрягая свои слабосильные мускулы.

И кажется, что вы теперь совсѣмъ во власти моря, что оно не дастъ вамъ вернуться назадъ, а будетъ нести васъ все дальше и дальше...

Ваша маленькая голова, потерянная въ безбрежной колыхающейся равнинѣ, одна только чуть виднѣется надъ бездонными хлябями; самый слабый всплескъ волны закрываетъ ее отъ взора... И надъ этой-то крошечной головкой, которая какъ Ноевъ ковчегъ одна несетъ въ себѣ смыслъ и жизнь среди разрушительной стихіи, надъ всѣмъ воцарившейся, надъ этою головою вдругъ тихо начинаетъ вспухать и подниматься легкою горою все необъятное пространство моря, отъ трапезундскихъ и синопскихъ береговъ и отъ одного края горизонта до другого; поднимается, прямо на васъ, на вашу крошечную торчащую голову... Прошло, колыхнуло васъ на минутку, очистился передъ вами горизонтъ, и опять вся морская равнина медленно начинаетъ подниматься на васъ сплошнымъ фронтомъ, опять напирая на васъ и колыша васъ... Это не волна, это такъ называемый прибой.

Море совсѣмъ тихо, а прибой, гряда за грядой ударяетъ о берегъ и разсыпается на немъ, шурша голышами. Я не понимаю причины этихъ ритмическихъ, весьма правильныхъ ударовъ. Словно въ морѣ пульсъ бьется. Иногда прибой слабъ, иногда усиливается до того, что трудно войти въ море. Можно даже замѣтить нѣкоторую періодичность этого усиленья и ослабѣванья.

Невольно хочется видѣть въ этомъ прибоѣ слабые слѣды морскихъ приливовъ. Отъ волненія на морѣ прибой мало зависитъ; случается, что въ большую волну нѣтъ совсѣмъ прибоя, и, наоборотъ, при сильнѣйшемъ береговомъ прибоѣ, остальное море спокойно.

Большой прибой очень красивъ. Берегъ, обыкновенно покрытый водою, обнажается на значительное разстояніе, и вамъ дѣлается видна вся влажная мозаика береговыхъ скатовъ.

Прибой у крутого берега бьетъ однимъ валомъ, не образуя параллельныхъ грядъ, догоняющихъ одна другую, какъ это замѣчается у мелкихъ береговъ. Валъ прибоя густой и тяжелый, грязно-бураго цвѣта, съ пѣнистою гривою на хребтѣ, поднимается иногда выше человѣческаго роста, и, остановившись у подошвы обнаженнаго ската, вдругъ переламывается по всей безконечной линіи своей, и тяжко рухаетъ внизъ... Кажется, что онъ обрывается черезъ какой нибудь невидимый барьеръ. Гулъ, плескъ, шипѣнье оглушаютъ васъ; цѣлая скатерть расплющенной воды, кружась и шипя, взбѣгаетъ вверхъ по скату берега, обливая песокъ и голыши на далекое пространство. Отъ бѣлой сплошной пѣны берегъ кажется облитымъ сметаною... Быстро сбѣгаетъ эта водная скатерть опять внизъ, съ шумомъ унося за собой камешки. Интересно входить въ прибой въ моментъ его перелома. У кого спина и грудь не очень церемонны, тотъ только и можетъ пробовать это удовольствіе. Слабогрудому можетъ быть худо. Рѣдко устоишь подъ ударомъ водной массы, обрушающейся на васъ сверху; ноги подламываются сами собою, камни бѣгутъ изъ-подъ ногъ, и описывая такіе курбеты, на которые нельзя смотрѣть со стороны безъ смѣху; прибой закрутитъ васъ, какъ ловко пущенный волчокъ, и выкинетъ на берегъ вмѣстѣ съ щепками и медузами. А прорвитесь сквозь барьеръ прибоя, будете себѣ спокойно плавать по неподвижной поверхности. Когда смотришь на сильный прибой съ прибрежной горы и можешь окинуть однимъ взглядомъ

всѣ входящіе и выходящіе углы боевой линіи берега, всѣ эти бастіоны, образуемые мысами и заливами, то движеніе прибоя кажется энергическимъ штурмомъ огромной арміи, которая дружнымъ, развернутымъ строемъ бросается разомъ на всю линію укрѣпленій.

Громъ и стонъ паденія прибоя и несмолкаемая дробь катящихся голышей еще болѣе увеличиваютъ сходство; а бѣлая пѣна, дымящаяся и клубящаяся вдоль всего берега — совершенный дымъ канонады...

Веселѣе всего плыть по морю въ довольно крупную волну въ компаніи надежныхъ пловцовъ. Вы несетесь на хребтѣ кого-то живого, упругаго и сильнаго; подъ вами проносятся и ныряютъ какія-то влажныя чудовища, неуловимыя, неудержимыя. Ничто не покоряется вашей волѣ; распущенныя, бѣшеныя стаи, очертя голову, перегоняютъ другъ двуга, и вы — хотите не хотите — неситесь съ ними.

Вотъ вздохъ моря вскинулъ васъ высоко, какъ на качеляхъ; вы повисли на макушкѣ волны, мгновенно-создавшейся, одно мгновеніе существующей, и въ одно же мгновеніе исчезающей. Подъ вами и передъ вами нѣдра моря распахнулись глубокою, чорною лощиною. Съ пріятнымъ замираніемъ сердца вы, стремглавъ, падаете въ нее легко и неслышно, будто скатились съ англійской горки; не успѣли очнуться внизу, уже васъ опять взнесло на гребень дрожащаго, прозрачнаго холма, и оттуда открылась опять ожидающая васъ внизу разинутая пасть моря, и вы опять скользите внизъ, опять на горѣ, опять въ лощинѣ, пока не прибьетъ васъ къ каменистому берегу.

Тутъ нѣтъ никакой опасности; она воображается только людямъ, непробовавшимъ плавать въ волну. Васъ не заливаетъ, не обдаетъ, если вы хоть немного искусный пловецъ. Вы только послушно слѣдите за всѣми изгибами морской поверхности, оставаясь постоянно выше ея, внизу ли вы, вверху ли — все равно.

Одно только скверно въ такомъ купаніи: голова кружится, какъ отъ корабельной качки.

X.

Походъ на Кастель.

(Утренняя прогулка.—Стѣны и циклопическія постройки Кастеля.—Легенда о царицѣ Ѳеодорѣ.—Видъ съ Кастели.—Кратеръ.—Горные спуски.—Цикада.—Аѳонскій пустынникъ.—Камышъ-бурунъ).

Славно встать рано. Только четыре часа; солнце хотя надъ моремъ, но еще безъ огня. Даже деревья еще спятъ. Всюду тѣни, всюду роса; что уже живетъ, то еще живетъ въ полуснѣ, не владѣя еще собою.

Оттого такая поразительная тишина. Коровы у дойника молча оглядываются, ожидая доенья, и не мычатъ. Птицы еще не поютъ, да тутъ нѣтъ и птицъ. Мы идемъ, нагруженные сумками, вооруженные палками, холодною лѣсною тропинкою, черезъ горы, къ горѣ Кастели.

Никому не говорится, но всѣмъ хорошо въ этой зеленой безмолвной степи. Изрѣдка испуганно переползетъ дорогу и спрячется въ лѣсѣ проворная змѣйка, съ хорошенькою и злою головкою, вся въ сѣромъ кружевѣ. Есть женщины, такія же красивыя, такія же опасныя. Кастель стоитъ такъ близко, когда смотришь на него изъ окна. А гора за горою перелѣзается, одна выше другой, а онъ все еще далекъ и высокъ попрежнему. Когда начинается подъемъ на него, море видно хорошо и широко. Дорожка каменистая, усѣянная обломками, вся въ лѣсу. Тутъ кругомъ, впрочемъ, лѣсъ, куда ни пойди; сама Кастель въ лѣсу съ пяты до макушки. Этимъ она отличается отъ старѣйшихъ великановъ, своихъ сосѣдей, Бабугана, Чатырдага, Демерджи, на

которыхъ поясъ лѣсовъ кончается ниже макушки. Дорожка скоро кончается. Теперь надо ползти вверхъ; камни скользятъ и обрываются; если бы не деревья — не взлѣзть бы. Но за то деревья держатъ больше, чѣмъ бы нужно. Тутъ есть прескверный кустъ *держи-дерево*, съ длинными колючками, которыя не любятъ выпускать того, что въ нихъ разъ попало. Самъ кустъ очень красивъ; я уже говорилъ, что имъ обросли всѣ скалы морскихъ береговъ, вмѣстѣ съ бальзамическимъ тамариксомъ, худосочнымъ дубнякомъ и какою-то другою колючею породою, въ родѣ береста.

На горѣ къ нимъ присоединяется колючій шиповникъ, колючій терновникъ и колючій боярышникъ.

Если еще прибавить, что три четверти растеній, растущихъ на глинистыхъ камняхъ, тоже колючки, то нельзя будетъ не сознаться, что семья горныхъ колючекъ достаточна для того, чтобы сдѣлать горный путь любопытному туристу буквально тернистымъ.

На полугорѣ горы змѣи уже не попадаются, за то безконечное множество самыхъ маленькихъ ящерицъ; особенно красива мѣдяница, зеленая какъ ярь и золотистая какъ бронза.

Удивленныя шумомъ шаговъ, онѣ выбѣгаютъ изъ-подъ камней и съ быстротою полета спасаются подъ другіе камни. Трава долго остается погорѣлою и желтою, несмотря на подъемъ; отъ этого еще пуще скользитъ нога; деревья становятся крупнѣе и разнообразнѣе, по мѣрѣ движенія вверхъ, видно, здѣсь ихъ не такъ легко достаетъ татарскій топоръ. Впрочемъ, и ихъ рубятъ сильно.

Часто встрѣчаешь ровненькіе дубки, безъ вѣтокъ, скаченные сверху, и видишь на глинистой почвѣ борозды, ими оставленныя. Эти постоянныя скатыванія бревенъ также не мало сглаживаютъ неровности склоновъ и затрудняютъ путь.

Лѣзть на Кастель долго и очень трудно. Въ первой поло-

винѣ своей она едва не отвѣсна; отдыхать надо часто. Сумки съ бутылками и провизіей не мало обременяли насъ. Немного выше половины горы, тамъ, гдѣ склонъ изъ очень крутого дѣлается покатымъ, лежатъ широкимъ и длиннымъ поясомъ развалины стѣны, окружавшей когда-то гору Кастель.

Камень небольшой, очевидно наломанный, очено крѣпкій и звонкій, трахитовой породы. Онъ былъ кладенъ насухо и потому, можетъ быть, стѣна рухнула до основанія.

Повыше встрѣчается другая стѣна, совершенно такая же, и въ совершенно такомъ же состояніи. Кастель была защищена двойнымъ кольцомъ укрѣпленій.

Вершина Кастели плоская, зеленая равнина, вся въ цвѣтахъ и въ древнихъ тѣнистыхъ деревьяхъ. Ясени особенно красивы и многочисленны. Они до самой макушки, и до послѣдняго сучка, въ длинномъ, мохнатомъ и сѣдомъ лишаѣ. Этотъ лишай виситъ, какъ шерсть животнаго и придаетъ деревьямъ старческій и таинственный видъ. Онъ овладѣлъ здѣсь всѣми деревьями, но ясенью въ особенности. Вѣроятно, утреннее пребываніе облаковъ на темени горы и вообще постоянная сырость лѣсистой вершины, въ соединеніи съ палящимъ жаромъ дня, вызываютъ въ такихъ размѣрахъ развитіе паразитовъ. Очень старые ясени, очевидно, прожившіе многія столѣтія, большею частію пусты внутри и даже нѣсколько распахнуты, такъ что ихъ сухой футляръ видѣнъ и снутри, и снаружи—можете влѣзть въ него, если хотите. Вотъ это, что называется, остались кости да кожа... Травы и цвѣты наверху совершенно наши, русскіе. Я это замѣтилъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Но деревьевъ много мѣстныхъ, кизиль, мушмула и другія. Поляны, лужайки и тѣнистыя природныя бесѣдки—самыя завлекательныя, особенно послѣ глины и жару. Но почти на всякомъ шагу натыкаешься на груды камней.

Эти камни—слѣды давнихъ жилищъ, неизвѣстно кѣмъ строеныхъ, и неизвѣстно когда покинутыхъ. Они лежатъ обыкновенно

между купами деревьевъ круглою кучею, въ круглой ямѣ. Слѣдовъ известки и другихъ строительныхъ матеріаловъ рѣшительно нѣтъ; мы копались немного въ камняхъ, разбрасывая ихъ до порядочной глубины, но не находили ничего, кромѣ черепковъ весьма крѣпкой каменной посуды, да и тѣ попадались рѣдко. Иныя развалины ясно показывами, что жилище состояло изъ нѣсколькихъ отдѣленій, но все-таки круглая форма была господствующею. На самой срединѣ верхней площадки Кастели, также между деревьями, мы нашли развалины, значительно отличающіяся отъ всѣхъ другихъ.

Слѣды известковой кладки были сразу замѣтны; правильно тесаныя плоты прекраснаго красноватаго камня во множествѣ встрѣчались въ кучахъ; остатки посуды были многочисленнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; сами развалины составляли порядочный холмъ, разъ въ пять обширнѣе и выше всѣхъ остальныхъ; хорошо еще замѣтно раздѣленіе постройки на отдѣленія, которыхъ не менѣе пяти. Это единственный остатокъ, сколько-нибудь напоминающій о жилищѣ цивилизованнаго человѣка; остальные скорѣе похожи на слѣды каменныхъ шалашей, первобытныхъ обитателей Европы, чѣмъ на развалины византійскаго жилища. Можетъ быть, развалины, о которыхъ я сказалъ, были прежде тѣмъ самымъ монастыремъ св. Прокла, который многіе предполагали на самой вершинѣ Кастели, а Кеппенъ относитъ къ одному изъ склоновъ Кастеля, гдѣ и теперь мѣсто носитъ татарское названіе: „Ай Брокуль“. Про этотъ монастырь существуютъ весьма подробныя легенды, живущія, говорятъ, и доселѣ въ памяти народа. Онѣ связаны преимущественно съ именемъ царицы или княгини сугдайской Θеодоры, которая почитается въ народѣ какъ-бы святою, и которой жизнь, какъ увѣряетъ одинъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей старины, описана въ нѣкоторыхъ греческихъ лѣтописяхъ.

Этой царицѣ-монахинѣ, добродѣтельной и вмѣстѣ неустраши-

мой, принадлежалъ, говорятъ, въ XIV столѣтіи весь южный берегъ.

Кастель съ монастыремъ были любимымъ ея мѣстопребываніемъ, а настоятель монастыря, отецъ Іоанъ, былъ довѣреннымъ совѣтчикомъ дѣвственной государыни.

Изъ Кастели, говорятъ, шелъ колодезь въ подземелье, которымъ спускались въ море и къ источнику. На Кастели было нѣсколько церквей, много башень и разныхъ жилищъ. Когда каѳяне отняли, одну за одной, всѣ крѣпости благочестивой царицы, Судакъ, Алустонъ и другія, она удалилась на свою любимую Кастель. Разсказывается весьма романическая исторія ея кончины. Она была красавица собою и обожаема всѣми. Въ нее влюбился ея пріемный братъ, человѣкъ съ властолюбивымъ и страстнымъ характеромъ.

Онъ долго и напрасно преслѣдовалъ ее, наконецъ, рѣшился погубить.

Ночью онъ отворилъ врагу ворота крѣпости Кастели. Царица, сражавшаяся всегда впереди войскъ, погибла въ кровавой ночной сѣчѣ, вмѣстѣ съ другимъ названнымъ братомъ и множествомъ воиновъ.

Татары до сихъ поръ показываютъ на югозападной сторонѣ Кастели слѣды кровавыхъ ручьевъ, стекавшихъ по скаламъ; я видѣлъ эти ручьи; въ нихъ дѣйствительно замѣтно внѣшнее сходство съ запекшеюся кровью, что, вѣроятоо, и подало поводъ къ повѣрью.

Впрочемъ и татарское названіе скалъ свидѣтельствуютъ то же. Замѣчательно, что въ 1832 году г., по свидѣтельству Кеппена, продавецъ Кастели говорилъ нынѣшнему владѣльцу, что на Кастели находятся три церкви: св. Іоанна, св. Константина и св. Николая. Совпаденіе этихъ именъ съ именами приведенной легенды заслуживаетъ вниманіе, хотя Кеппенъ, нигдѣ не нашелъ остатковъ этихъ церквей. Не былъ ли это одинъ храмъ о трехъ

предѣлахъ надъ могилами почитаемыхъ людей, и не его ли слѣды замѣтны въ большой развалинѣ, о которой я говорилъ?

Преданіе о подземномъ ходѣ сохранилось свѣжѣе всякаго другаго; всѣ окрестные татары и даже многіе образованные владѣльцы вѣрятъ, что подъ Кастель можно пройти сквозь заваленныя камнемъ желѣзныя ворота; мѣсто этихъ воротъ и теперь носитъ названіе Темиръ-хану (желѣзныя ворота).

Думаютъ, что въ подземельи скрыты образа и разная драгоцѣнная утварь сосѣднихъ монастырей и церквей.

Вывшій владѣлецъ Чолмекчи разсказывалъ, что, проѣзжая разъ Темиръ-Хапу, онъ встрѣтилъ тамъ сидящаго стараго грека изъ Цареграда, который нарочно прибылъ сюда съ книгами для розыска; но, увидя трудность предпріятія, и не имѣя много времени, долженъ былъ ѣхать обратно. Онъ совѣтовалъ разскащику проникнуть въ подземелье и говорилъ о большихъ богатствахъ, въ немъ скрытыхъ.

Болѣе достовѣрные люди говорили мнѣ, что при Воронцовѣ дѣйствительно были найдены въ указанномъ мѣстѣ желѣзныя ворота, замыкавшія стѣну, и что они были увезены по приказанію князя.

Тогда же найдена была на вершинѣ Кастели мраморная колонна, тоже куда-то увезенная, кажется, та самая, которая лежитъ въ алупкинскомъ саду.

Владѣтельница Чолмекчи, хорошо знакомая съ археологическою литературою Крыма и съ его живыми преданіями, разсказывала мнѣ, что, лѣтъ двѣнадцать назадъ, она еще видѣла и даже часто посѣщала остатки каменнаго жилища съ тремя окнами, на подобіе готическихъ, и дверями, стоявшаго въ складѣ горы, на ея склонѣ; впослѣдствіи все было разрушено. Она же видѣла много череповъ и костей въ древнихъ могилахъ, разрытыхъ на западной сторонѣ Кастели, у самой вершины.

Недавно еще, устроивая новый виноградникъ, недалеко отъ

Кастели, находили остатки обжигательныхъ печей, уголь и множество битой посуды и черепицы.

Ясно, что въ долинѣ между Кастелью и Алустономъ приготовлялись необходимые матеріалы для хозяйства крѣпости и монастырей. Вѣроятно, здѣсь же приготовлялись и тѣ водопроводныя трубы, которыя были найдены при устройствѣ новой шоссейной дороги въ 1831 г., и посредствомъ которыхъ вода проводилась въ старину на Кастель, съ одной изъ ближайшихъ вершинъ Яйлы. Слѣды водопроводной канавы доселѣ замѣтны.

Интереснѣйшее мѣсто Кастели — это юговосточный ея носъ, самая возвышенная точка всего горнаго шатра. Тамъ сгруппированы огромные трахитовые камни въ видѣ разрушенныхъ башень, господствующихъ надъ обширною окрестностью.

Очень можетъ быть, что эти естественныя твердыни входили въ составъ древнихъ укрѣпленій; трудно было не воспользоваться такими готовыми бойницами и такими удобными сторожевыми пунктами.

Мы замѣтили возлѣ главной группы этихъ камней весьма явственный, довольно широкій сходъ, спускающійся спиралью въ пропасть; ступеней семь сряду были цѣлы.

Путешественникъ, попавшій на Кастель, доставитъ себѣ большое удовольствіе, если вскарабкается на самый высокій камень, и оглянется кругомъ. Онъ будетъ тамъ въ области орловъ и въ положеніи орловъ.

Вся мѣстность отъ Аю-Дага, съ одной стороны, до Судацкихъ горъ съ другой — будетъ подъ нимъ; онъ можетъ разсматривать ее буквально, какъ на ладони.

Аю-Дагъ прилегъ къ самому морю и далеко въ море, и его темная горбатая спина тяжкою грудью навалилась на медвѣжью морду, припавшую къ водѣ. Аю-Дагъ значитъ *мѣдвежья гора*; русскіе такъ и зовутъ ее. У европейцевъ она верблюдъ-гора;

ясно, что сутуловатая спина и звѣриная морда рисуются каждому при взглядѣ на гору.

Аю-Дагъ выступаетъ въ море, такъ далеко, какъ ни одна гора Крыма. Кромѣ того, при Аю-Дагѣ юго-восточный берегъ дѣлаетъ рѣзкое колѣно. Все это дѣлаетъ положеніе горы весьма важнымъ и весьма замѣтнымъ. На Аю-Дагѣ въ древности была также крѣпость, изъ которой сигналы легко были видны въ Кастели.

Собственно, настоящая Кастель-гора и есть Аю-Дагъ. Ее часто зовутъ *Біюкъ-Кастель*, въ отличіе отъ *Кучукъ-Кастели*, той, на которой я стою. *Біюкъ* значитъ большой, *кучукъ*—малый; а Кастель греческое слово—замокъ, или крѣпость; иначе сказать „малая крѣпостная гора“ и „большая крѣпостная гора“. Построенная на выдающемся углу берега, въ точкѣ его сильнаго поворота, крѣпость Аю-Дагъ должна была играть у грековъ особенно важную стратегическую роль; оттого въ его тѣни, между нимъ и Кастелью, укрылись древне-греческія урочища, Партенитъ и два Ламбата, въ которыхъ археологи узнютъ древне-греческую колонію Лампасъ, единственную исторически извѣстную колонію собственно на южномъ берегу. О ней, какъ говорятъ изслѣдователи крымскихъ древностей, еще въ 90-мъ году до Р. Х. упоминаетъ греческій писатель Скимнъ.

Всѣ прочія поселенія южнаго берега дѣлаются извѣстными только въ византійской исторіи грековъ. Для насъ, впрочемъ, интереснѣе то обстоятельство, что нашъ Пушкинъ любовался Аю-Дагомъ, и почтилъ его своимъ золотымъ стихомъ.

Кучукъ-Ламбатъ, имѣніе кн. Гагариной, выступаетъ въ море какимъ-то игрушечнымъ мысикомъ; въ его зелени бѣлѣются маленькія точки, вѣроятно—постройки изрядныхъ размѣровъ.

Поближе къ намъ другой мысикъ, такой же микроскопическій; однако, это тоже цѣлое имѣніе, именно, Карабагъ, принадлежащее покойному академику Кеппену, тому самому, котораго капи-

тальными изслѣдованіями необходимо пользуется всякій любопытный обозрѣватель Крыма.

Повыше, на склонѣ предгорій — старая татарская деревня *Біюкъ-Ламбатъ*, на почтовой ялтинской дорогѣ; тамъ и станція. Всѣ деревни называются здѣсь по имени своихъ горъ.

Надъ Біюкъ-Ламбатомъ громоздятся уже очень большія горы; сплошные лѣса круто уходятъ вверхъ и покрываютъ зелеными покровами всѣ склоны, доступные взору. Только Парагильменъ стоитъ костлявый и сѣрый, словно обглоданный, среди этихъ волнъ зелени.

Отсюда, сверху, видна вся громадность горъ, маскируемая внизу предгоріями. Онѣ кажутся гораздо ближе и гораздо выше.

Но нисколько не менѣе интересна другая перспектива, открывающаяся съ утесовъ Кастели.

Утесы эти не висятъ прямо надъ моремъ, и даже не составляютъ крайняго обрыва горы. Они висятъ не надъ моремъ, но надъ хаосомъ.

Подъ ними огромный кратеръ, засыпанный, можетъ быть, на страшную глубину, глыбами и цѣлыми утесами трахита. Кратеръ этотъ уходитъ къ срединѣ воронкою, а по краямъ кончается такими же утесами, какъ и тѣ, съ которыхъ я любуюсь на него. Его нельзя предчувствовать, стоя отъ него въ двухъ шагахъ: такъ плотно онъ заслоненъ зеленью ясеней и торчащими утесами. Но влѣзьте на утесъ, и вы надъ хаосомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что сильное землетрясеніе раскололо макушку Кастели. Я не думаю даже, чтобы оно было въ доисторическую эпоху.

Писатели о Крымѣ цитируютъ визайнтійскаго лѣтописца Кедрина, который упоминаетъ о страшномъ землетрясеніи, распространившемся изъ Греціи даже до Крыма, въ XIV столѣтіи. Нѣтъ ничего удивительнаго, если и Кастель треснула только тогда.

Мѣстные жители тоже разсказываютъ о великомъ землетрясеніи, какъ о событіи вполнѣ историческомъ; увѣряютъ даже, будто на мѣстѣ кратера стоялъ дворецъ Ѳеодоры или монастырь, и будто въ камняхъ этого провала нашли ту мраморную кононну, о которой я упоминалъ.

Рѣдко можно видѣть мѣстность болѣе дикую и грозную.

Я не думаю даже, чтобы наши крымскія туристы были хорошо знакомы съ ней... Стихіи искрошили громадныя скалы въ этотъ каменный соръ такъ же легко, какъ пальцы человѣка крошатъ кусочекъ хлѣба...

Всякая изъ этихъ соринокъ вѣситъ однако тысячи и сотни тысячъ пудовъ.

Съ перваго разу кажется, что какое-то преднамѣреніе участвовало въ этомъ тщательномъ раздробленіи каменной громады; скорѣе хочется вообразить, что сюда обрушилась какая-нибудь неимовѣрная циклопическая постройка. Камни лежатъ точно куски колотаго сахару, еще совершенно свѣжіе. Между ними иногда растутъ груша или ясень, но больше торчатъ обнаженные трупы грушъ и ясеней. Деревья выживаютъ недолго въ трещинахъ этихъ обломковъ; они зелены, пока еще дѣти, но скоро изсыхаютъ и умираютъ голодною смертью.

Мы спустились внутрь этого хаоса, перебираясь довольно удобно по огромнымъ камнямъ, и выкарабкались изъ него на противоположной сторонѣ на такіе же высокіе утесы.

Ящерицы встрѣчали насъ и разбѣгались во всѣ стороны. Должно быть, не часто доставляютъ имъ это развлеченіе.

Выспавшись подъ тѣнью ясеней, на весьма мягкой подстилкѣ изъ моха, который цѣлыми войлоками снимается съ камней, напившись довольно мало воды и довольно много вина, и закусивши кой-чѣмъ, двинулись мы съ Кастели уже совершенно другою дорогою, именно, стали спускаться по западному склону ея, въ виду Аю-Дага, Парагильмена и зеленой Яйлы...

Съ этой стороны спускъ гораздо легче, и лѣсу почти нѣтъ; когда-то здѣсь проходилъ водопроводъ, о которомъ я упомянулъ. Мы напрасно искали слѣдовъ его. Я былъ очень радъ, что мы выбрали для возвращенія эту дорогу. Точка зрѣнія на море, когда вы очутитесь въ логовинѣ долины, единственная по своей поразительной живописности. Строгая простота и величественность пейзажа доставляетъ высокое наслажденіе; если вы сколько нибудь художникъ внутри души вашей, вы остановитесь, объятые безмолвнымъ восторгомъ, и не скоро сойдете съ вашего мѣста.

Описывать тутъ нечего: все состоитъ изъ двухъ вещей, и все скажется въ двухъ словахъ.

Справа у васъ Кастель, поднимающаяся изъ глубокой долины, но Кастель не зеленая, а закованная съ пятокъ до макушки въ трахитовую броню; съ лѣвой—зеленыя предгорья Аю-Дага, и въ рамкѣ этихъ двухъ горъ, въ какой-то особенно далекой глубинѣ, какою-то особенно чарующею синевою колышется безмѣрное море.

Все дѣло въ сопоставленіи отвѣсной горной крутизны съ удивительною глубиною, на которой видно отсюда море, поверхъ макушекъ лѣсистаго ущелья. Вы спускаетесь къ этому зовущему васъ морю тѣнистыми лѣсными дорогами, по карнизамъ сырыхъ ущелій. Сколько этажей въ этомъ спускѣ—трудно запомнить.

Я уже говорилъ, какъ обманываетъ неопытнаго человѣка горное странствованіе.

Десятки разъ вы тщетно надѣетесь, что сейчасъ будете на песку морскомъ, и десятки разъ горько убѣждаетесь, что подъ вами еще цѣлые этажи горъ, которые нужно перещупать вершокъ за вершкомъ собственными подошвами.

Кажется, протянулъ руку, и тамъ; а смотришь, прошелъ битыхъ два часа. Точно такъ же обманчивы и разстоянія горизонтальныя.

Никакъ не хочешь вѣрить, чтобы до горы, которую едва не ощупываешь пальцами, и на которой вамъ ясенъ каждый кустъ, было такъ далеко.

А между вами и ею нѣсколько селъ, много большихъ имѣній, даже полей и лѣсовъ. Ясно, что не пройдешь скоро.

Впрочемъ, самый нетерпѣливый человѣкъ не имѣлъ бы повода претендовать на разстояніе, путешествуя по этимъ дикимъ горнымъ садамъ. Здѣсь уже много юга, много новаго и необыкновеннаго для жителя сѣвера.

Незнакомыя породы деревъ, незнакомая сила растительности. Особенно интересны и хороши ліаны. Здѣсь два сорта ліанъ: дикій виноградъ и ломоносъ, или клематисъ. Клематисъ — владыка и краса здѣшнихъ лѣсовъ.

Онъ охватываетъ васъ своимъ нѣжнымъ запахомъ, какъ только нога ваша вступаетъ подъ сѣни лѣса... Онъ заставляетъ цвѣсти для васъ густыми бѣлыми цвѣтами и дубъ, и ясень, и грушу, которые давно уже отцвѣли... За всѣхъ цвѣтетъ и пахнетъ, и зеленѣетъ онъ самъ. Вы его не отличите отъ деревьевъ, которыя онъ одѣваетъ своими цѣпкими плетями; онъ взбирается на самыя высокія вершины столѣтнихъ великановъ и наряжаетъ ихъ, какъ молодыхъ на свадьбу; его бѣлыя кисти ползутъ по стволу и свѣшиваются съ вѣтокъ обильными и пахучими гирляндами; онъ цвѣтущимъ мостомъ и кудрявыми цѣпями перекидывается съ одного дерева на другое, заполоняя цѣлыя чащи.

Но не думайте, чтобы легко было отдѣлаться отъ нѣжныхъ объятій этого цвѣтущаго красавца; не довѣряйте мнимой воздушности его гирляндъ... Онъ ползетъ отъ земли такими упругими и толстыми канатами, которые крѣпче любого ствола. На старомъ дубѣ можно найти десятки этихъ змѣевидныхъ тяжей, уже одеревенѣвшихъ, но крѣпко натянутыхъ; ихъ можно принять за воздушные корни. Они свиты внутри изъ безчисленнаго мно-

жества тягучихъ волоконъ и закручены какъ жгуты. Обыкновенная толщина ихъ въ ружейное дуло; но попадаюстя и толще.

Канаты дикаго винограда еще крѣпче и доходятъ до толщины руки. Изъ дикаго винограда приготовляютъ здѣсь красивыя и крѣпкія палки, отъ тоненькой тросточки до самой массивной дубины; свѣжій стволъ гнется въ рукоятки довольно легко, но черезъ нѣсколько времени твердѣетъ и дѣлается несокрушимымъ.

Въ каменныхъ мѣстахъ вы найдете еще плющъ, онъ самымъ невиннымъ образомъ устилаетъ своею живописною зеленью углы и впадины камней.

Еще одинъ признакъ юга, признакъ гористаго и сухого юга, это — цикада...

Слыхали ли вы когда звонъ цикады, читатель? Если не слыхали, то не поймете меня. Вамъ кажется сначала, что въ лѣсу зачирикало безчисленное множество птичекъ; весь воздухъ наполняется зычнымъ и жесткимъ крикомъ; онъ несется съ вершины деревьевъ и разсыпается кругомъ, какъ барабанная дробь. Это продолжается не полчаса, не часъ, даже не два часа, это продолжается десять, двѣнадцать часовъ сряду, и болѣе...

Какъ только солнце пригрѣетъ землю, цикада затрещала... Но юбилей ея — это полдень.

Кажется, каждый сучокъ, каждый листочекъ надрывается отъ крику; вы оглушены этими миріадами жестяныхъ бубенчиковъ, назойливо болтающихъ вамъ въ уши свою однообразную ноту; такъ дружно и такъ настойчиво горланятъ, повременамъ, развѣ только лягушки, и то если имъ очень уже привольно въ ихъ болотѣ.

Трудно вѣрить, чтобы этотъ оглушительный трескъ производило насѣкомое. Я долго ухитрялся, какъ бы увидѣть цикаду: она обыкновенно садится на верхнихъ сучьяхъ и чаще всего на сухихъ; а на сухомъ сукѣ трудно разглядѣть сѣрую одежду ци-

кады. Однако, мнѣ удалось видѣть ихъ, такъ-сказать, на мѣстѣ преступленія. Глазатая, съ четырехугольною головою, цикада сидѣла, пристывъ плотно къ засохшей вѣточкѣ, которой кора совершенно не отличалась отъ окраски насѣкомаго; прозрачныя длинныя крылья были неподвижно вытянуты, а брюшко быстро колебалось внизъ и вверхъ, кажется, ударяя о крылья.

Когда мы согнали цикаду, она полетѣла съ особенно рѣзкимъ крикомъ и заколотила въ свой барабанъ на ближайшемъ деревѣ. Мнѣ показалось даже, что при приближеніи человѣка, музыка значительно усиливается, словно лѣсной оркестръ играетъ намъ туши. Скоро привыкаешь къ этому треску, и перестаешь замѣчать его, какъ мельникъ перестаетъ замѣчать вѣчный шумъ своего колеса.

Однако, какъ ни ново, какъ ни очаровательно было кругомъ, жара и камень измучили насъ. Становилось просто не въ терпежъ; лѣсъ не могъ защитить отъ палящихъ лучей, лившихся отовсюду: сверху съ неба, снизу изъ камней дороги, сбоку—съ утесовъ горы.

Скоро забыли любоваться яркими теребинтами и другими невиданными породами деревъ, забыли рвать цвѣты и оглядываться на каждое ущелье, открывавшееся на пути. Громче всѣхъ желаній вопило одно—напиться и укрыться въ тѣнь; вожатый нашей компаніи велъ теперь насъ въ избушку аѳонскаго старца, который живетъ съ этой стороны Кастели, среди лѣсовъ, прямо надъ моремъ. Кушниковъ, владѣтель Кастели, уступилъ свое имѣнье во временное владѣніе аѳонскому монастырю, и монастырь прислалъ этого старца управлять лѣсами и камнями Кастели.

Мы нескоро добрались до избушки, однако, добрались-таки. Виноградники выдали ее прежде всего; выдали потомъ стожки

оѣна и пирамидальные тополи, окружающіе усадебку. Среди рѣдкаго лѣса открылся мирный, уютный скитъ инока.

Длинная татарская изба, прислоненная, по обычаю, задомъ къ горѣ, съ плоскою крышею, на которой было навалено цѣлое хозяйство, съ открытой самодѣльной галлерейкой вокругъ всей избы, подъ которою стояло, лежало и висѣло столько же разныхъ потребностей хозяйства, сколько на крышѣ; крошечный сарайчикъ съ погребкомъ, крошечный огородъ, крошечная пасѣка въ деревьяхъ усадьбы, да невинный лѣнивый песъ, неизвѣстно за что привязанный на цѣпь — вотъ и весь скитъ... Тутъ такъ же тихо, какъ и на темени Кастели...

Тонкіе, стройные тополи неподвижно вырѣзаются на глубокой синевѣ неба; ярко бѣлѣетъ въ зелени безмолвная, освѣщенная солнцемъ изба; листья, травы не шевельнутся; ни пѣтуха, ни воробья, ничьего голоса, ничьего шага, словно вымерло все; даже собака лежитъ въ канурѣ, не подавая признака жизни.

Надъ крышей избы, такъ, кажется, близко поднимается крутымъ шатромъ каменная Кастель; изъ нея льется безмолвіе и неподвижность на всю окрестность...

Впереди, глубоко у ногъ, море. Оно струится синею рябью, но такъ же безшумно, какъ и все кругомъ.

Нельзя представить себѣ болѣе характернаго жилища отшельника. Мы молча вошли во дворикъ, густо заросшій высокой травой; змѣя, грѣвшаяся на солнцѣ, испуганно зашумѣла травой, спасаясь въ ней отъ давно неслыханнаго ею движенія и звука.

Обошли хату — никого; пріотворили дверь, заглянули — никого. А все здѣсь подъ рукою; бери, кто хочетъ, что хочетъ: на галлереѣ и постель, и вино, въ открытой комнатѣ образа.

Видно, Петръ Аѳонскій сторожитъ эту довѣрчивую пустыньку.

На многократныя воззванія наши появился, наконецъ, мужчина лѣтъ 50, въ монашескомъ ватошномъ подрясникѣ, подпоя-

санномъ широкимъ кожанымъ поясомъ, и въ высокой войлочной шапкѣ. Онъ былъ заспанъ и весь въ сѣнѣ; нашъ крикъ поднялъ его съ прохладнаго ложа въ стогѣ свѣжаго сѣна, окруженномъ деревьями... Несмотря на эту прохладу, онъ былъ красенъ и мокръ, какъ московскій купчикъ, по выходѣ изъ бани.

Удивляюсь, почему монаху необходима такая тяжелая, жаркая одежда, и какое устраненіе грѣха заключается въ этой обязанности вѣчной нечистоты?

Старикъ принялъ насъ вѣжливо, но сонно; ввелъ въ комнатку, усадилъ, старался побесѣдовать, на сколько позволяли ему слипающіеся глаза и разслабленіе всѣхъ членовъ отъ солнечнаго зноя. Келейка его была убрана акуратно, хозяйственно и обильно. Много иконъ въ хорошихъ окладахъ, много лампадокъ, налойчики, изрядное собраніе духовныхъ книгъ огромнаго формата, опрятно разставленныхъ въ шкафчикѣ, на гвоздикѣ рясы и шляпы, въ углу нѣсколько посоховъ, кадило.

Задняя часть комнаты была превращена въ мастерскую; тутъ висѣли и лежали всевозможные столярные и плотничьи инструменты. Старикъ дѣлалъ все самъ и, повидимому, имѣлъ домовитую жилку. Самъ варилъ себѣ кушать, самъ дѣлалъ вино, копался въ виноградникѣ. Впрочемъ, онъ былъ русскій человѣкъ, и потому, несмотря на иконы и налои, отъ него порядочно несло водочкой.

Первый его вопросъ намъ былъ: „не хотите ли, господа, винца?“ Онъ очень удивился, когда мы, вмѣсто вина, пожелали воды, однако ничего не сказалъ и принесъ воды.

— Вы двое тутъ живете? спросилъ я.

— Нѣтъ, я одинъ, да старичокъ со мною работникъ, отвѣчалъ мнѣ монахъ, замѣтно задѣтый за живое тѣмъ, что я смѣшалъ его съ простымъ работникомъ.

Нѣсколько времени разговоръ нашъ держался на Аѳонѣ, на монашеской жизни. Кастельскій пустынникъ говорилъ какъ-то на-

тянуто, безъ желанія и безъ умѣнья, и постоянно сворачивалъ на другую тему.

Видно, что эта тема слишкомъ прискучила ему и мало интересовала его. Но когда свели бесѣду на хозяйственные вопросы, монахъ нашъ совсѣмъ разошелся. Откуда взялась болтливость, русская сметка и наблюдательность. Сквозь сонную физіономію аѳонскаго инока незамѣтно проглянула здоровая и умная рожа какого нибудь русскаго старосты. Болѣзнь винограда, сѣнокосъ, дороговизна припасовъ — увлекли пустынника, какъ и всякаго грѣшнаго хозяина.

Онъ очень плакался на барсуковъ и дикихъ козъ, которые жрутъ по ночамъ виноградъ, и разсказалъ намъ свою охоту на нихъ.

Цѣны на красное вино заинтересовали его болѣе, чѣмъ самый важный вопросъ церковной догматики. А одного изъ спутниковъ нашихъ, опытнаго винодѣла, передававшаго ему секретъ леченія винограда, пустыннослужитель слушалъ съ такимъ благоговѣніемъ, какъ будто ему открывалась вдругъ тайна достиженія царства небеснаго.

Нашъ русскій народъ кажется по преимуществу практикъ, по преимуществу неспособенъ къ умосозерцаніямъ и платонизму всякаго рода. Даже когда вопросы наши относились къ Аѳонскимъ горамъ, онъ и тутъ съумѣлъ придать разсказамъ своимъ тотъ хозяйственный, прозаически-разсчетливый тонъ, который былъ вообще свойственъ ему.

Этотъ старецъ, отрекшійся отъ суетъ міра, съ весьма обстоятельными подробностями, и не безъ зависти, разсказывалъ намъ, какъ много разнаго добра собираетъ игуменъ пантелеймонова монастыря, и какъ мало даетъ онъ монахамъ.

Желая слышать отъ него о внутренней жизни монастырей, о настроеніи духа иноковъ, о красотѣ аѳонской природы, мы услыхали, взамѣнъ, отчетливую табель мѣстныхъ рыночныхъ про-

дуктовъ и цѣнъ на нихъ. Лукъ, капуста, ржаная мука, были у него на первомъ мѣстѣ, при сравнительной оцѣнкѣ удобствъ той или другой монастырской жизни. Между прочимъ, онъ говорилъ, что прежде Аѳона долго жилъ въ одной изъ русскихъ лавръ.

— Гдѣ же было лучше? спросилъ я.

— Да какъ вамъ сказать? Для души-то, оно, положимъ, тамъ лучше, *ну, а для тѣла будто бы здѣсь!*

И тонъ его голоса ясно показалъ намъ, какая изъ двухъ категорій жизненныхъ удобствъ заслуживаетъ его искреннее одобреніе.

Мы всѣ предполагали, глядя на его тихое, домовитое хозяйство, что онъ донельзя доволенъ своею участью: независимый, здоровый образъ жизни, прекрасная природа и необходимая степень довольства—все, чего можетъ желать человѣкъ, тѣмъ болѣе монахъ, дано ему въ этой зеленой пустынкѣ.

Но на повѣрку оказалось, что отецъ-инокъ считаетъ себя весьма несчастнымъ: труды его просто каторжные, холодно, голодно, ничего нѣтъ, никто не помогаетъ.

Мы хотѣли упомянуть о морѣ, о скалахъ, но онъ ихъ-то и выставилъ, какъ главныя неудобства.

Сапоги изобьешь, шляясь къ ключу, внизъ да вверхъ, по скаламъ; а съ моря вѣтры холодные, туманы.

Владѣльца, отдавшаго монастырю имѣніе, инокъ нашъ считалъ чуть не личнымъ оскорбителемъ и притѣснителемъ своимъ и безпощадно ставилъ ему на счетъ все то, чего недостаетъ его имѣнію.

Видно, онъ на своемъ Аѳонѣ позабылъ старую русскую пословицу: „дареному коню въ зубы не смотрятъ“.

Отдохнувъ въ кельѣ, мы попросили инока проводить насъ къ знаменитымъ Темиръ-Хапу, о которыхъ я уже говорилъ.

Бесѣда въ кельѣ навела меня на грустныя мысли о нашемъ національномъ характерѣ.

Всегда всего мало, всегда все дурно, и ни одного шагу къ большему, къ лучшему; эта ругня для ругни, это органическое недоброжелательство ко всѣмъ, соединенное съ полнѣйшею собственною распущенностью — явленіе далеко неслучайное. Если монаху неудобна кастельская пустынька, то я не знаю, гдѣ ему будетъ хорошо.

Для духа, который способенъ съ страстностью и искренностью отдаться идеаламъ вѣчной жизни и разорвать свою связь съ міромъ, для него это трижды блаженный уголокъ! Древніе пустынножители, монахи-поэты, монахи-страдальцы, монахи-молитвенники, бѣжали въ такіе уголки издалека и вопреки всему. Здѣсь они обрѣтали то, по чемъ томился духъ ихъ, подавленный суетнымъ шумомъ и возмущающими неправдами міра.

Здѣсь надъ ними было теплое голубое небо, усѣянное звѣздами, всегда открытое молящемуся взору; здѣсь кругомъ была тихая, свѣжая и прекрасная природа, смиряющая страсти, цѣлящая душу и тѣло, природа покорная первобытнымъ законамъ своимъ, невозмутившаяся, невозмущающая. Здѣсь ждали ихъ горы, съ которыхъ молитвѣ ближе до неба, и до которыхъ не достигало дыханіе грѣха, пресмыкавшагося на землѣ.

Здѣсь готово имъ было море, этотъ вѣчный собесѣдникъ-философъ, въ которомъ, какъ въ безпредѣльной книгѣ мудрости, размышленіе черпаетъ неисчерпаемую пищу... Тишина, здоровье, трудъ и свобода — съ этими дарами нестрашна пустыня...

У Темиръ-Хапу мы простились съ аѳонскимъ инокомъ. Самъ Темиръ-Хапу оказался грудою безпорядочно накинутыхъ другъ на друга каменьевъ, или, вѣрнѣе, утесовъ.

Нельзя себѣ представить, чтобы это было дѣло человѣческихъ рукъ. Скорѣе этотъ потокъ камней вырвался изъ кратера Кастели или обрушился съ крайнихъ утесовъ ея. Вообще, весь склонъ Кастели къ морю усѣянъ такими обвалами камней, впадающими въ море, какъ ручьи. Между ними замѣчаются и не-

сомнѣнныя развалины огромныхъ стѣнъ; но главные потоки камней все-таки — слѣды геологическихъ переворотовъ.

Лѣсъ густой и яркій, съ самыми красивыми природными бесѣдками, группами, альковами, маскируетъ эти громадные каменные водопады и пріобрѣтаетъ черезъ нихъ такой характеръ дикой живописности, которую нечасто встрѣчаешь даже въ лѣсахъ южнаго берега. Что ни шагъ, то что нибудь новое, оригинальное. Разнообразіе отдѣльныхъ лѣсныхъ картинъ дѣлаетъ путешествіе по этой части берега особенно занимательнымъ.

Тропинка скоро пошла по великолѣпному карнизу скалы, висящему надъ моремъ.

Слѣва лѣсъ со своими пахучими и цвѣтущими ліанами, со своими друидическими камнями, убранными, какъ бархатомъ, зеленымъ мохомъ, лѣсъ глядящій на насъ своими черными нишами, полными сырости, краснѣющій гроздами теребинта и ягодами кизиля; справа, глубоко внизу — скалы и камни, засорившіе въ теченіе вѣковъ всю сплошь окраину моря.

Преданіе говоритъ, что камни эти насыпаны по повелѣнію царицы Ѳеодоры, чтобъ сдѣлать берегъ недоступнымъ для кораблей. Но міръ не родилъ еще такихъ царицъ, которыя бы могли устроивать подобныя насыпи. Тутъ нетолько громадные камни, но и цѣлыя обрушившіяся скалы.

Онѣ опоясываютъ море на многія версты, вдоль всѣхъ изгибовъ южнаго берега, далеко за предѣлы царства полу-миѳической царицы. Волны шумятъ въ темномъ лабиринтѣ этихъ камней, даже въ спокойное время.

Въ бурю здѣсь подымается дикая пляска пѣны и волнъ. Татары называютъ такіе обвалы морского берега, большею частью, *бурунами*. Въ нихъ гнѣздятся крабы, раковины пателли, говорятъ, даже змѣи. Лѣса фукусовъ заполоняютъ воду кругомъ ихъ и между ними.

Мы искали теперь одинъ изъ такихъ обваловъ, извѣстный подъ названіемъ *камышъ-буруна.*

Въ каменистомъ, безводномъ уголкѣ нашемъ онъ славится прекрасною, всегда холодною водою, которая просачивается къ морю, сквозь трахитовыя и известковыя толщи Кастели.

Хотя жаръ давно спалъ и мы шли въ прохладныхъ лѣсныхъ тѣняхъ, освѣжаемые дыханіемъ моря, однако, пить хотѣлось смертельно. Мы спустились къ камышъ-буруну, по цѣлому хаосу камней; въ самомъ низу, почти въ уровень моря, въ чистенькую ямку изъ голышей, звеня падала ледяная струя горнаго источника.

Среди сухихъ обломковъ сланца и трахита, оживляемые сосѣдствомъ воды, роскошно разбросались кусты ежевики, обсыпанной яркими ягодами, и полевые цвѣты. Они окружали цвѣтущимъ и колыхающимся вѣнкомъ прозрачный бассейнъ, въ который упадалъ ключъ.

Было уже недалеко отъ дома, и мы, напившись, присѣли отдохнуть и полюбоваться вечеромъ на морѣ.

Единственная нимфа Камышъ-буруна — девятилѣтній мальчуганъ съ бѣлыми откровенными зубами; онъ спустился съ боченкомъ и кружкой изъ Боши-ера, черезъ ограды и камни, за водою. Камышъ-бурунъ онъ считаетъ своимъ владѣніемъ, и его никто у него не оспариваетъ.

Онъ проворно, какъ бѣлка, прыгалъ въ своихъ подкованныхъ башмакахъ по острымъ и огромнымъ камнямъ, ни разу не оступившись и не пошатнувшись. Онъ ведетъ войну на нихъ съ крабами, рыбами и змѣями.

Маленькіе чорные крабы, одни небольше паучка, другіе съ лягушку, осыпаютъ обыкновенно всѣ камни, пограничные съ водою. Они такъ чутки и зрячи, что не дадутъ вамъ приблизиться пять шаговъ: при первомъ звукѣ вашего сапога начинается тревожная бѣготня и скатыванье съ камня въ воду. Бочкомъ, да

бочкомъ, они такъ проворно забираютъ лапками, какъ будто ихъ сдуваетъ вѣтромъ. Подошли, и ужь камень голый.

Но ундина Камышъ-буруна знаетъ, гдѣ искать ихъ, и безъ малѣйшей церемоніи вытаскиваетъ ихъ пригоршнями изъ подводныхъ щелей въ камняхъ.

Пресмѣшно смотрѣть, какъ искусно и тщательно онъ сковываетъ ихъ злые клещи своими привычными пальчиками и увертывается отъ ихъ щипковъ.

Мы сидѣли на хаотической грудѣ обвала, надъ моремъ, въ которомъ тихая волна колыхала густые лѣса фукуса, и любовались на догоравшій вечеръ, а этотъ удалой духъ горъ стоялъ въ кустахъ поспѣвающей ежевики, опутавшей родникъ, съ своимъ боченкомъ и кружкою, и весело смѣющимися зубами, и пугалъ насъ разсказами о живущихъ здѣсь огромныхъ и толстыхъ змѣяхъ съ краснымъ пузомъ: какъ онѣ пьютъ кровь изъ маленькихъ птичекъ, какую онъ ловитъ здѣсь вкусную рыбу, какъ обижаютъ его тятю ежи и барсуки, лопающіе виноградъ, и какъ они ходили съ тятею на Кастель искать лисицину нору.

Онъ хвастался передъ нами Кастелью, и моремъ, и барсуками точно такъ же, какъ своимъ безстрашіемъ, словно дѣйствительно все, что мы видѣли кругомъ, было въ полновластномъ господствѣ его, этого крошечнаго дикаря.

Судацкія горы на далекомъ горизонтѣ—гдѣ холодѣли и темнѣли, гдѣ тепло вспыхивали зарею; родникъ Камышъ-буруна звонко урчалъ за ежевикою въ свой каменный бассейнъ, и наивная болтовня хохленка такъ незамѣтно сливалась съ тихимъ плескомъ прибоя и съ журчаніемъ ключа.

XI.

Въ горахъ и лѣсахъ.

(Значеніе древняго Алустона.—Корбеклы.— Внутренній бытъ татаръ.—Буковые лѣса.—Чагеры.—Татарскій скотъ.—Въѣздъ на Чатырдагъ).

Алушта должна была всегда считаться важнымъ мѣстомъ. Алушта—это вороты съ моря, съ южнаго берега, внутрь полуострова. Титаническая каменная стѣна, которая тянется отъ Балаклавы къ Отузамъ, и которую фланкируютъ титаническіе редуты, въ родѣ Аю-Дага и Парагильмена, обрывается надъ долинами Алушты. Бабуганъ, Урага, Паратла исполинскими контрфорсами подпираютъ этотъ край стѣны... По другую сторону долинъ — отвѣсный обрывъ, тысячи въ четыре футовъ, зачинаетъ собою новый рядъ сплошныхъ укрѣпленій, идущихъ къ Ѳеодосіи. Этотъ обрывъ, источенный и изрѣзанный сверху стихіями, кажется сооруженіемъ рукъ человѣческихъ. Башни, зубцы, статуи, смотрятъ на васъ съ вершины; огромная каменная женщина сидитъ, закутанная въ чадру, высоко надъ бездною. Солнце нигдѣ не играетъ такъ капризно и такъ очаровательно, какъ на красноватыхъ, голыхъ изломахъ Демерджи. Въ Крыму нѣтъ горы красивѣе и громаднѣе на видъ. Она кажется оттого особенно большою, что передъ вашими глазами весь подъемъ ея, отъ пятокъ до макушки, отъ глубокой зеленой долины, гдѣ копошится деревня Демерджи, до рѣзныхъ утесовъ, купающихся въ холодной синевѣ. За Демерджи идетъ высокая Караби-Яйла, а далѣе горы уже сильно понижаются. Понижаются тоже и на западъ отъ Алуштинской долины. Бабуганъ, Урага, Чатырдагъ, Демерджи — вотъ центръ и высочайшій пунктъ крымскихъ твердынь.

Чатырдагъ имѣетъ болѣе 5,000 футовъ, Бабуганъ столько же, если не болѣе, Ялтинская Яйла немного менѣе.

А между тѣмъ, высочайшіе пункты около Алупки, напримѣръ, Ай-Петри, не доходятъ до 4,000 ф.

Алуштинскія долины образуются двумя рѣчками, которыя раздѣлены невысокимъ переваломъ, Улу-узень и Демерджи-узень... По низовью второй рѣчки идетъ почтовая дорога, подымающаяся потомъ черезъ Шумскую гору, на лѣсныя крутизны, прилегающія къ Чатырдагу и идущія въ Таушанъ-базаръ.

По долинѣ Улу-узень идетъ другая дорога, черезъ татарскую горную деревню Корбеклы, прямо на Палатъ-гору... Палатъ-гора (то-есть Чатырдагъ) не связана ни съ одной изъ каменныхъ стѣнъ, защищающихъ южный берегъ. Она стоитъ, отступивъ назадъ, въ провалѣ Алуштинской долины, отдѣльнымъ редутомъ, обстрѣливающимъ проходъ. Отъ этого положенія Чатырдага, алуштинскія долины служатъ какъ бы отдушникомъ или вентиляторомъ, черезъ который воздухъ степи прорывается къ морю, а морской воздухъ въ степь. Въ самомъ дѣлѣ, въ Алуштѣ какъ будто постоянный сквозной вѣтеръ. Если изъ Чолмекчи, спрятаннаго въ теплой пазухѣ горъ, взберешься въ Алушту, чувствуешь значительную разницу въ температурѣ, хотя разстояніе не болѣе двухъ верстъ.

Оттого, можетъ быть, такъ часто страдаютъ алуштинскіе сады и виноградники, особенно во время таянья чатырдагскихъ снѣговъ. Чатырдагъ дышетъ прямо на Алушту, и холодныя испаренія его льда проносятся какъ разъ надъ плодоносными долинами Узеней. Прокопій, византійскій историкъ, упоминаетъ, что Юстиніанъ *возобновилъ* за̀мокъ Алустонъ. Стало быть, въ VI столѣтіи уже были тамъ развалины древнѣйшаго укрѣпленія.

Легенды, занесенныя въ монашескія хроники, говорятъ объ Алустонѣ, какъ о важной прибрежной твердынѣ. Иначе и быть не могло. Колонисты глубокой древности, безстрашные обслѣдо-

ватели и посельники черноморскихъ береговъ, основавшіе Пантикапею, Ѳеодосію и Херсонесъ, не могли, мнѣ кажется, обойти такого важнаго пункта, какъ Алушта. Алушта даетъ ключъ ко всему южному берегу. Изъ нея такъ же легко пройти береговою дорогою въ Судакъ, какъ и въ Балаклаву; изъ нея же главный, почти единственный въ восточной цѣпи горъ путь внутрь полуострова. Чтобы запереть кочевникамъ доступъ къ морю и къ колоніямъ, необходимо было владѣть алустонскими долинами. Кромѣ того, Алушта лежитъ въ глубинѣ значительной бухты, которой устье обращено на юго-востокъ; корабли могутъ удобно приставать къ ней, особенно могли въ прежнее время, когда береговыя скалы менѣе засоряли море своими обломками, и когда корабли были съ болѣе плоскимъ дномъ и небольшого размѣра.

Въ такихъ укромныхъ уголкахъ болѣе всего любятъ селиться заморскіе пришельцы.

Что Алуштою, дѣйствительно, дорожили владѣльцы берега— это доказываютъ остатки укрѣпленій. Собственно Алустонъ, укрѣпленіе, за́мокъ Алустонъ, сохранился яснѣе многихъ развалинъ древняго Крыма. Три высокія башни, будто расколотыя молніей, уцѣлѣли своими наружными половинами почти до самой вершины. Цѣлы и остатки стѣны. Татары заполонили всю площадку холма, господствующаго надъ обѣими рѣчками, и тѣсная куча ихъ саклей жмется теперь между обглоданныхъ остововъ башень и стѣны. Многія сакли сложены только на половину изъ камней развалинъ, остальное прямо замѣняется старою стѣною. Только этимъ удобствомъ постройки можно себѣ объяснить, почему татары взобрались вдругъ въ Алуштѣ на высокій холмъ, когда ихъ всегдашній вкусъ влечетъ ихъ въ долины и балки. Не знаю, какъ смотрятъ они на остовы башень, осѣняющіе ихъ жилища. Что они рухнутъ очень скоро—въ этомъ нельзя сомнѣваться; что, рухнувъ, они завалятъ полдеревни—это также внѣ всякаго сомнѣнія. По истинѣ, нужно быть истинному мохамеданину, чтобы такъ без-

страстно ждать неминуемой катастрофы. Алустонъ, служившій посредствующимъ звѣномъ между укрѣпленіями собственно южнаго берега и берега судацкаго, подававшій руку съ одной стороны Кастелю, съ другой стороны—*Чобанъ Куле* (башня пастуха), въ то же время, начиналъ собою рядъ крѣпостей, защищавшихъ проходы изъ степи.

У подножія Демерджи, какъ разъ надъ долиною, до сихъ поръ видны остатки довольно обширной крѣпости называемой татарами *Исарчикъ* (Исарчикъ значитъ вообще крѣпость). Преданіе говоритъ, что и на вершинѣ Демерджи во времена генуэзцевъ стоялъ за́мокъ. Это не было необходимо, хотя и было возможно. Гораздо несомнѣннѣе, что сплошная стѣна съ укрѣпленіями шла по восточной цѣпи Яйлы и переходила на Чатырдагъ. Проѣзжая буковые лѣса на югозападныхъ скатахъ Чатырдага, мы видѣли вполнѣ уцѣлѣвшіе обрывки стѣны. Татары въ Карбеклы называютъ эту стѣну *Ташъ-Хабахъ*, что значитъ каменная стѣна, и приписываютъ ея построеніе Темиръ-Аксаку. Именемъ же Темиръ-Аксака называются многія мѣста на Караби-Яйлѣ, гдѣ замѣтны слѣды стѣны. Ясно, что преданіе приписываетъ Темиръ-Аксаку устройство всей оборонительной стѣны. Но именемъ Темиръ-Аксака называется въ русскихъ лѣтописяхъ знаменитый Тимуръ, или Тамерланъ, а стѣна построена, какъ указываютъ византійскіе историки, не въ концѣ XIV или началѣ XV столѣтія, а еще въ VI вѣкѣ.

Этою стѣною преграждался путь степовникамъ въ алуштинское ущелье. Историческія розысканія, основываясь главнымъ образомъ на Прокопіи, обыкновенно приписываютъ императорамъ Анастасію и Юстиніану постройку крѣпости и стѣнъ южнаго берега. Безспорно, что они могли и должны были укрѣплять его. Но, кажется, что задолго до Юстиніана, и даже до Рождества Христова, должны были быть здѣсь подобныя постройки. Кто видѣлъ своими глазами многія крымскія развалины, тотъ не мо-

жетъ отдѣлаться отъ мысли приписать ихъ народу, несравненно менѣе образованному и менѣе избалованному, чѣмъ византійцы VI вѣка. Иногда развалины носятъ совершенно циклопическій характеръ. Скорѣе ихъ хочется прикинуть таврамъ или кимерійцамъ, первобытнымъ обитателямъ Крыма; несомнѣнно также, что и готы, жившіе съ IV столѣтія на южномъ берегу, должны были принять участіе въ этихъ постройкахъ. Малочисленный остатокъ готскаго племени, отказавшійся идти къ Дунаю вмѣстѣ съ своими собратами, спасался въ горахъ южнаго берега отъ натиска гунновъ, а потомъ отъ разныхъ наслѣдниковъ ихъ по степи; естественно имъ было замѣнять недостатокъ личныхъ силъ стѣнами, башнями и недоступными пещерами. Однѣ и тѣ же развалины могутъ служить памятникомъ многихъ народовъ.

Этимъ только и можно себѣ объяснить, почему на вершинѣ Кастели, вмѣстѣ съ очевидными остатками зданій образованнаго народа, попадаются развалины грубыхъ циклопическихъ шалашей изъ камня, сложенныхъ насухо. И греки, и тавры одинаково понимали, что въ данномъ мѣстѣ нѣтъ пункта неприступнѣе Кастели, и благочестивой царицѣ Ѳеодорѣ, съ ея монахами и сановниками, поэтому, не было никакого повода отказаться отъ мѣста, въ которомъ прежде могли укрываться скотоподобные дикари. Археологическія изслѣдованія о Крымѣ, можетъ быть, грѣшатъ именно тѣмъ, что добиваются слишкомъ одностороннихъ выводовъ, и что они не столько руководятся естественнымъ теченіемъ историческихъ событій, сколько тѣмъ или другимъ отрывочнымъ показаніемъ лѣтописца.

На Чатырдагъ ѣдутъ долиною Улу-узень. Это громадный орѣховый садъ. Орѣхи тутъ такіе, какихъ вы не увидите, читатель, въ другомъ мѣстѣ. Иногда кажется, что четверть десятины покрыта вѣтвями одного дерева. Не знаю, есть ли деревья съ бо-

лѣе обширнымъ лиственнымъ покровомъ; по моимъ измѣреніямъ, нѣкоторые сучья протягиваются тутъ на 20 аршинъ паралельно землѣ; недоумѣваешь, какою силою держатся они? И эти сучья толщиною въ хорошее дерево. Подъ шатромъ ихъ, высоко приподнятымъ и вмѣстѣ тѣнистымъ, отъ густоты большихъ листьевъ и многочисленности вѣтвей, помѣстилось бы нѣсколько татарскихъ хатъ. Видъ орѣховыхъ деревьевъ необыкновенно красивъ и оригиналенъ. Листья правильно-яйцевидные, очень большіе и очень яркіе; орѣхи висятъ среди нихъ чуть не гроздами и съ перваго взгляду похожи на наши незрѣлыя яблоки.

Кто не видалъ орѣховыхъ садовъ, тотъ не имѣетъ понятія объ одномъ изъ удивительнѣйшихъ растительныхъ организмовъ; я смотрѣлъ на нихъ съ большимъ удовольствіемъ и съ большимъ удивленіемъ.

Корбеклы лежитъ уже значительно выше Алушты, на подъемѣ къ Чатырдагу. Это послѣдняя, самая возвышенная деревня; выше—одни лѣса.

Корбеклы—голая татарщина; даже Алушта передъ нею Европа. Изъ Алушты въѣзжаешь въ Корбеклы, какъ изъ Симферополя въ Бахчисарай. Ручей, составляющій главную улицу всякой горной, татарской деревни, бѣжитъ здѣсь довольно быстро на встрѣчу лошадинымъ копытамъ, и подъемъ нельзя назвать очень легкимъ. Только въ горахъ, и притомъ въ каменныхъ горахъ, и еще въ такихъ жаркихъ горахъ, какъ горы Крыма, человѣкъ способенъ понять, что значитъ для жизни вода. Ручей—здѣсь синонимъ всѣхъ удобствъ. Безъ ручья, поселеніе невозможно, потому что о колодцахъ, въ этихъ трахитовыхъ и сланцевыхъ глыбахъ, трудно думать. Земля, гдѣ бѣжитъ ручей, стоитъ всегда въ нѣсколько разъ болѣе всякой другой.

Татары ищутъ ключей, какъ золота, и дорожатъ ими, какъ золотомъ. Они высторaживаютъ всякое мокрое мѣстечко въ стѣнкѣ скалы и разработываютъ его мало-по-малу въ ключъ.

Въ горахъ вы не увидите лужи, изъ которой бы не сдѣлано было бассейна въ нѣсколько уступовъ. Капля по каплѣ, но все-таки наливаются эти скудныя цистерны, а современемъ родникъ успѣваетъ совершенно прососаться сквозь горную породу, и тогда ручей вамъ готовъ. Татары имѣютъ такое же чутье подземной воды, какъ золотопромышленники чутье рудоносныхъ жилъ. Съ необыкновеннымъ искуствомъ и терпѣніемъ они сберегаютъ воду и отводятъ ее на свои плантаціи и сады. Какъ бы высоко ни встрѣтили вы табачную плантацію, будьте увѣрены, что она аккуратно орошается водами ближайшаго ручья. Часто вы найдете на большой высотѣ прудки и каменныя водохранилища съ самодѣльными шлюзами, которые періодически питаютъ всю окрестность своими водными запасами. Надобно видѣть веселую суетню и торопливую дѣятельность хозяевъ, когда придетъ ихъ чередъ, и вода, скрытая Богъ вѣсть гдѣ, хлынетъ по канавкамъ къ ихъ огородамъ и садамъ. Татаринъ—маэстро орошенія и проведенія водъ. Поэтому же самъ онъ такъ высоко цѣнитъ благодѣяніе оводненія.

Устроить на дорогѣ фонтанъ — это высшая земная добродѣтель; оттого устроители фантановъ считаютъ необходимымъ помѣстить на немъ свое имя. Оттого же на фонтанѣ, какъ на святынѣ, вы почти всегда найдете высѣченнымъ какое-нибудь изрѣченіе корана.

Наконецъ, мы и въ самомъ Корбеклы; ручей бѣжитъ уже не одинъ. По сторонамъ его не то землянки, не то шалаши бобровъ. Вѣрнѣе, и то и другое. Въ самомъ дѣлѣ, трудно изобрѣсти болѣе діогеновскую систему постройки. Хаты такъ низки, что не надѣешься войдти въ нихъ прямо; до половины онѣ въ скалѣ, остальное, большею частію, сплетено изъ хворосту, и плотно смазано сверху жолтою глиною; дверочки — просто дырочки; оконъ почти совсѣмъ нѣтъ; такіе блиндажи, можетъ быть, и удобны въ окопахъ крѣпости, но очень удивляютъ здѣсь, на горѣ, среди

такого обилія лѣса. Интереснѣе всего крымскія трубы. Крыша настоящая восточная, плоская и гладкая, какъ плита; съ горы съѣзжаютъ на нихъ совсѣмъ съ лошадью и даже съ мажарою. Сверху она крѣпко убита глиною и, вѣроятно, не протекаетъ даже въ сильные дожди.

На ней всегда валяется особеннаго рода ручной катокъ, которымъ ее, при нуждѣ, убиваютъ плотнѣе. Я, съ своей стороны, нахожу весьма экономнымъ такое обращеніе кровли разомъ въ балконъ, въ столовую, въ сушильню и въ улицу. Это даже необходимо въ горахъ, гдѣ крыша единственная плоскость. Когда солнце не печетъ, нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ отдыхать на этой плоской кровлѣ; особенно хорошо, должно быть, спать здѣсь въ звѣздную лѣтнюю ночь. Я понимаю, почему старики мусульмане любятъ удаляться сюда на солнечномъ закатѣ и, разостлавъ свой маленькій коврикъ, обращаться съ неслышною молитвою къ далекой Меккѣ. На гладкой плоскости крыши стоитъ по одному, по два, глиняныхъ шалаша: это трубы. Они придаютъ деревни наружный видъ боброваго поселенія. Такіе же хворостяные, густо смазанные глиною шалаши стоятъ у избъ и посреди двора. Это печи для хлѣба. Хотя кругомъ лѣсъ, хотя мы высоко на горѣ, однако, замѣтно, что и здѣсь единственная забота человѣка сыскать прохладу. И она здѣсь дѣйствительно отыскана. Свѣтъ, повидимому, не особенно нуженъ татарамъ; вѣроятно, ихъ домашнія занятія несложны и немногочисленны. Татаринъ дома почти исключительно на своемъ войлокѣ. Лѣто такъ длинно, зима такъ коротка, работы въ виноградникахъ и садахъ такъ много, что дворъ поневолѣ дѣлается домомъ.

Сухой, каменистый грунтъ поддается обработкѣ, только разрыхляясь зимними дождями. Поэтому, вся зима проходитъ въ перекопкахъ и пересадкахъ. Сборъ винограда, давленіе вина, продолжаются до глубокой осени. Я нарочно входилъ въ нѣкорыя хаты. Женщины обращаются къ вамъ совершенно свободно

и радушно, особенно старыя; лицъ онѣ не закрываютъ, какъ степныя татарки, и только молоденькія дѣвушки немного *„стыдятся“*, то-есть закрываются рукавомъ, когда вы пристально глядите на нихъ, а иногда, пожалуй, спрячутся за уголъ. Но эта же исторія происходитъ и въ нашихъ русскихъ избахъ. Нарядъ женщинъ довольно характеренъ, но не особенно красивъ; онѣ носятъ на головѣ низенькія круглыя шапочки съ плоскимъ дномъ, часто расшитыя золотомъ и всегда очень яркія; волосы заплетены во множество тоненькихъ косичекъ, висящихъ змѣйками по плечамъ; отъ трехлѣтней дѣвочки до сѣдой старухи всѣ заплетаютъ такъ волоса. Голова — самая восточная часть всего наряда; остальная одежда довольно похожа на нашу: длинный, въ обтяжку, бешметъ съ узкими рукавами, и широкія шаровары, падающія на ступни. Лица совершенно европейскія: бѣлыя, правильныя, иногда красивыя; глаза, исполненные темнаго огня, и тѣнистыя рѣсницы. Особенно дѣти близки къ нашимъ. Въ нихъ нѣтъ, повидимому, ни капли монгольской крови. Когда вспомнишь про многіе обычаи южнобережскихъ татаръ, свободу ихъ женщинъ, почитанье нѣкоторыхъ христіанскихъ праздниковъ и памятниковъ, ихъ любовь къ осѣдлымъ занятіямъ, и сопоставишь эти данныя съ ихъ наружнымъ видомъ, то не можешь не убѣдиться съ перваго же взгляда, что эти, такъ-называемые татары, такъ же близки кавказскому племени, какъ и мы сами.

Въ хатахъ былъ прохладный полусумракъ и замѣчательная чистота. Крѣпко убитый земляной полъ былъ тщательно выметенъ; всякая посудина была или на полочкѣ или гдѣ-нибудь у мѣста. Нигдѣ не валялось ничего безъ пути.

Насиженныхъ, належанныхъ угловъ, въ которыхъ плодятся тараканы и клопы, и безъ которыхъ не обойдется истинная русская изба, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Русскому человѣку безъ такого привычнаго гнѣзда можетъ даже показаться непріятно. Въ комнатахъ, въ разныхъ мѣстахъ, лежатъ войлока; но, повидимому,

ихъ переносятъ куда придется или куда захочется. Опредѣленныхъ спаленъ не видно.

Но страннѣе всего для русскаго глаза — совершенное отсутствіе стола и скамеекъ. Это дѣйствительно возбуждаетъ какое-то чувство безпріютности и даже безпорядка, несмотря на чистоту и акуратность уборки.

Понятно, почему русскому человѣку кажется татарщиною всякое отступленіе отъ святого завѣта старины, отъ незыблемыхъ распорядковъ ѣды и молитвы, установленныхъ предками. Нѣтъ краснаго угла съ иконами, нѣтъ лавокъ по стѣнамъ, солонки и ширинки на столѣ — къ татарину зашелъ, непремѣнно думаетъ русскій человѣкъ. И вы видите, что онъ думаетъ довольно вѣрно. Отдѣльныхъ комнатъ для женщинъ я не находилъ; безъ сомнѣнія, ихъ и не бываетъ у южнобережскихъ татаръ. Женщины, вполнѣ привѣтливыя къ проѣзжимъ, показались мнѣ злыми ругательницами въ отношеніи своихъ домочадцевъ. Старухи кричали и грозились изъ-за пустяковъ на крошечныхъ ребятъ, какъ настоящія вѣдьмы. Непонятный для меня и непріятный языкъ ихъ придавалъ еще больше сварливости тону ихъ рѣчи. Мужчины были, напротивъ, вполнѣ спокойны и не обращали ни малѣйшаго вниманія на хриплую брань своихъ старухъ. Съ такимъ равнодушіемъ хозяинъ проходитъ мимо бѣснующейся цѣпной собаки, твердо увѣренный, что она не укуситъ его.

Мы побывали сначала въ нѣсколькихъ простыхъ татарскихъ хатахъ, у кузнеца, у мясника; хотѣлось побывать и у зажиточнаго татарина. Османъ, проводникъ нашъ, пригласилъ заѣхать къ его пріятелю Селяметъ-Бею; уже одно прибавленіе къ имени титула бея указываетъ на нѣкоторую привилегированность положенія. Это не дворянинъ, не мурза, а что-то среднее: зажиточнаго поселянина съ значеніемъ, съ дворянскою роднею, называютъ обыкновенно беемъ; вѣроятно, и происхожденіе его дворянское, я не знаю навѣрное. Селяметъ-Бей встрѣтилъ насъ любезно: лошадей

приняли, насъ ввели въ парадную комнату. Идея ея та же, какъ и всякой татарской хаты: возможность лежать въ тѣни; комнатка низенькая, темная, но просторная; маленькія окна смотрятъ на галлерею, нигдѣ нѣтъ оконъ прямо на Божій свѣтъ. Весь полъ въ чистыхъ разноцвѣтныхъ коврахъ, вдоль всѣхъ стѣнъ низенькіе, сплошные, восточные диваны съ подушками; они повыше нашихъ подножныхъ скамеечекъ. Круглый столикъ въ углу такой же высоты, просто доска на полу. Надъ диванами, кругомъ стѣнъ, такія же сплошныя полки; тутъ же все богатство хозяевъ, вся ихъ кладовая: ярко вычищенная оловянная посуда, платья хозяйки, опрятно сложенныя. Сафьяные терлики, пояса тонкаго серебрянаго филиграну, дорогія шапочки для головы, обложенныя червонцами, словомъ, все, что есть въ домѣ параднаго.

Надо объяснять образцовою честностью татаръ этотъ оригинальный обычай раскладывать самыя дорогія вещи въ пріемной комнатѣ, безъ замка, прямо на открытыхъ полкахъ. Хозяинъ, жирный татаринъ съ лоснящимся красивымъ лицомъ въ мягкихъ желтыхъ мештахъ, которые онъ снялъ у порога, въ курткѣ съ позументами, смотрѣлъ бариномъ. Онъ съ полнымъ достоинствомъ усадилъ насъ на диваны, усадилъ туда же друга своего Османа и началъ съ нами бесѣдовать черезъ его посредство. На низенькомъ столикѣ поставленъ былъ свѣжій черносливъ, на полу курильница съ углемъ. Османъ спросилъ длинную трубку и преважно сталъ курить, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія. Я спросилъ пить, принесли кружку съ какимъ-то молочнымъ питьемъ; хлебнулъ — такая гадость: какъ будто жидкое кислое молоко, немного протухшее, смѣшанное съ мѣломъ и разбавленное водой; ѣдко и кисловато. Однако, для приличія я выпилъ еще глотокъ, не зная куда выплюнуть его. Это была *язьма*, кислый овечій творогъ съ водою. Это любимое питье татаръ; при немъ они не смотрятъ на воду; Османъ накинулся на него съ такою жадностью, что хозяинъ былъ крайне доволенъ; онъ три раза напол-

нялъ ему кружку. Послѣ я видѣлъ, что татары, особенно чабаны, истребляютъ его невѣроятныя количества; они увѣряютъ, что ничто не утоляетъ такъ жажды.

Пришли посмотрѣть на насъ рабочіе Селяметъ-Бея: овчары, садовники. Они были одѣты очень бѣдно и грубо, всѣ въ буйволовыхъ сандаліяхъ, которыя оставляли всѣ за порогомъ; но всѣ они держали себя такъ же независимо, съ такимъ же достоинствомъ, какъ Османъ и Селяметъ. Сказали тихо: *сабанъ-хайресъ*, и усѣлись спокойно на диванъ, рядомъ съ хозяиномъ; одинъ изъ нихъ сталъ ѣсть поставленный на столъ черносливъ съ такою увѣренностью, будто его поставили именно для него. Селяметъ не обращалъ на нихъ вниманія; видно было, что все это въ обычаѣ. Черезъ нѣсколько минутъ принесли кофе, но уже не въ татарскихъ чашкахъ, а въ русскихъ стаканахъ; это меня нѣсколько огорчило. Впрочемъ, онъ былъ съ гущей и безъ сливокъ. Пришелъ молодой братъ Селямета, одѣтый франтомъ, но, конечно, босой; на немъ, поверхъ татарской куртки, была какая-то люстриновая накидка на городской манеръ. Это меня окончательно скандализировало. При разговорѣ, Селяметъ и особенно цивилизованный братъ его обнаружили большой конфузъ, что не знаютъ ни слова по русски; они смотрѣли на Османа, какъ на особеннаго счастливца, какъ на сверхъестественный талантъ, и не могли скрыть своего завистливаго изумленія, слыша, какъ бѣгло объяснялся онъ съ нами. А Османъ тутъ-то и задавалъ тону.

„Безъ русской рѣчи татаринъ—дуракъ!“ передалъ намъ черезъ Османа братъ Селямета, юный поклонникъ симферопольской цивилизаціи и городскихъ бульваровъ. Когда мы вышли полежать на галлереѣ, съ которой была отлично видна вся деревня съ терассами ея крышъ и съ живыми изваяніями, стоявшими на нихъ, изъ оконъ другихъ комнатъ, еще болѣе темныхъ, съ хихиканіемъ и прячась другъ за дружкою, высматривали на насъ женщины Селямета; одна изъ нихъ была въ нарядномъ бешметѣ,

молода и красива: она смѣялась и пряталась больше всѣхъ. Я нѣсколько разъ ловилъ взоръ ея большихъ пугливыхъ глазъ, но Селямету, кажется, это не нравилось, и онъ старался обратить мое вниманіе на другіе предметы.

Прощаясь, мы, по совѣту нечестиваго Османа, предложили Селямету деньги. Признаюсь, мнѣ было очень совѣстно платить за гостепріимство, и я былъ вполнѣ увѣренъ, что мы оскорбимъ этимъ Селямета. Но какъ же стало скверно на душѣ, когда толстый бей принялъ отъ насъ рублевую бумажку и поблагодарилъ насъ, какъ христаславящій буточникъ. Вотъ тебѣ и татарское гостепріимство, и патріархальная жизнь!..

Чѣмъ выше вы поднимаетесь въ гору, тѣмъ дальше и шире видно море. Горы, которыя стояли надъ вашей головою, когда вы были у моря, дѣлаются дномъ глубокихъ долинъ, когда вы поднимаетесь въ высшій горный поясъ; а этотъ высшій поясъ, въ свою очередь, кажется низменною приморскою плоскостью, когда вы взберетесь на какой нибудь великанъ съ именемъ. Только это послѣдовательное измѣненіе отношеній между горами разной высоты и только потъ, струящійся съ васъ при наблюденіяхъ этого измѣненія, убѣждаютъ васъ въ дѣйствительной высотѣ и дѣйствительномъ разстояніи горъ.

Природа надѣлила человѣка даромъ, вмѣстѣ и дорогимъ и презрѣннымъ — даромъ ограниченности. Онъ ничего не можетъ обнять и постигнуть во всей цѣлости и полнотѣ; его наука есть архивъ отрывочныхъ документовъ, сшитыхъ на удачу и на живую нитку; его искуство есть рядъ лоскутковъ съ изображеніемъ крошечныхъ уголковъ міра. Его внутреннее міросозерцаніе ограничено такимъ же матическимъ непроходимымъ кругомъ, какъ и созерцаніе внѣшнее.

Умственный горизонтъ мудрѣйшаго человѣка, все-таки, есть горизонтъ человѣка, и кажется намъ широкимъ только потому, что превосходитъ нашъ собственный на нѣсколько дюймовъ. Са-

мый смѣлый и богатый духъ въ состояніи только уразумѣть роковую границу и возмутиться противъ ея существованія.

Прометеи, Манфреды и Фаусты — только мятежники, но не побѣдители. Какое бы великое горе ни обрушилось на насъ, какое бы безмѣрное счастіе ни осѣнило насъ — мы, все-таки, остаемся существами, слѣпленными изъ глины. Мы чувствуемъ одни кончики этихъ прикоснувшихся къ намъ огромныхъ крылъ, одну за одною всѣ точки ихъ протяженія...

Мы не можемъ созерцать божества иначе, какъ въ образѣ несгораемой купины или въ образѣ голубя.

Фаустъ падаетъ въ изнеможеніи при появленіи духа земли. Намъ не подъ силу все то, что не человѣкъ, и нечеловѣческое. Точно также и съ явленіями природы. Мы только отвлеченнымъ соображеніемъ постигаемъ громадность океана и высоту горныхъ массъ. Мы никогда не видимъ, не ощущаемъ ихъ. Мы видимъ ихъ по клочкамъ, по маленькимъ порціямъ, сообразно размѣру нашихъ духовныхъ желудковъ, и уже изъ клочковъ, силою отвлеченія, строимъ идею цѣлаго.

Океанъ и озеро для нашего взгляда одинаково безпредѣльны. Но, разумѣется, что въ этомъ безсиліи часто спасеніе наше. Взвѣсивши практически всѣ шансы жизни, согласишься помириться на этихъ мѣщанскихъ условіяхъ, нестолько почетныхъ, сколько покойныхъ.

Въ картинахъ и гравюрахъ Калама читатель, навѣрное, не разъ наслаждался необыкновенною игрою лѣсныхъ тѣней на свѣтлосѣрыхъ пняхъ и стволахъ самыхъ капризныхъ очертаній. Признаюсь, я не разъ удивлялся, откуда бралъ Каламъ эти прекрасные, никогда мною невиданные стволы? Наконецъ, я нашелъ отвѣтъ: въ первый разъ въ жизни я въѣзжалъ въ буковые лѣса.

Намъ, жителямъ ракитоваго царства, простительно незнакомство съ этимъ весьма обыденнымъ деревомъ Европы.

Послѣ горячаго голубого зноя сверху и раскаленнаго остраго камня внизу, вы вдругъ вплываете незамѣтно въ глубь тихаго лѣснаго моря... Вы движетесь среди необозримыхъ сѣрыхъ колонадъ, охваченные кругомъ зеленою колыхающеюся сѣткою, равно необозримою... Высоко надъ вами и далеко вокругъ васъ дышутъ мильйоны зеленыхъ устъ и мерцаютъ мильйоны золотыхъ глазъ... По стволамъ, по землѣ, по листвѣ, по васъ самихъ, безшумно перепалзываетъ что-то дрожащее, мигающее и осѣняющее. Тихо на мягкомъ днѣ этого живущаго моря...

Ковры сухихъ листьевъ выстлали широкія покойныя лощины, которыя неглубокими чашами идутъ внизъ и вверхъ отъ дороги. Въ этихъ мягкихъ и безмолвныхъ лощинахъ ростутъ прекрасныя деревья, о которыхъ я говорю.

Много есть на свѣтѣ прекрасныхъ деревьевъ, и много прекраснаго есть въ каждомъ деревѣ для человѣка, у котораго есть органъ для чувства прекраснаго. Въ сферѣ этой деревенской красоты не забудьте букъ. Красота бука совсѣмъ оригинальная. Она почти вся въ стволѣ, въ пнѣ. На Чатырдагѣ есть буки въ два или въ три обхвата; они, навѣрное, помнятъ генуэзцевъ и первыхъ сподвижниковъ Батыя, если еще не жили при таврахъ. Стволъ такихъ стариковъ особенно живописенъ: вамъ кажется, что цѣлый букетъ стволовъ сросся вмѣстѣ, перевившись и перепутавшись.

Округленные наплывы древесины, странные повороты и сочетанія вѣтвей, толстыхъ, какъ деревья, темныя дупла, наконецъ изгибы такихъ же толстыхъ и такихъ же сѣрыхъ корней, которые со всѣхъ сторонъ лѣзутъ изъ земли, горбами и клубами, будто семья удавовъ, придавленныхъ землею — вотъ что преимущественно мнѣ понравилось въ букѣ. Почти всегда онъ растетъ при глыбѣ дикаго сѣраго камня, съ которымъ кажется нераздѣльнымъ: такъ схожъ ихъ цвѣтъ, стушованный мохнатыми

лишаями, которыми тотъ и другой обильно обростаютъ; и такъ тѣсно обнимаютъ камень, вростая во всѣ его трещины, жилистые корни. Листъ бука самой простой формы, безъ вызубринъ, безъ складокъ и вмѣстѣ такой же желѣзистый, какъ листъ дуба; вполнѣ идетъ къ его мощному стволу. Кроны распростерты густыми широкими шатрами, высоко наверхў, и маститые стволы стоятъ довольно рѣдко другъ отъ друга, всякій видный и доступный самъ по себѣ, какъ подобаетъ благородной расѣ. Оттого въ буковомъ лѣсу вмѣстѣ и очень тѣнисто, и видно далеко кругомъ...

Эту просторную сѣнь особенно оцѣнишь, путешествуя по горамъ въ горячій полдень. Кавалькада всадниковъ и всадницъ, въ разноцвѣтныхъ костюмахъ, съ бѣлыми развѣвающимися повязками на шляпахъ, разсѣявшись по прихотливымъ скатамъ лѣсной дорожки, то воинственными группами, то одинокими мирными путниками, мелькаетъ сквозь стволы и чрезвычайно оживляетъ ничѣмъ ненарушимую торжественную тишину горнаго лѣса.

Но глазъ, радуясь на эти веселыя краски и на эти красивыя фигуры, искалъ другой красоты, не столь ему знакомой. Эти прохладныя рощи, пребывающія въ таинственномъ молчаніи, какъ священныя дубравы языческихъ боговъ, приподнятыя такъ высоко въ горныя пространства надъ послѣдними обиталищами человѣка, не лишены жизни. Сюда укрываются, тревожимые охотниками и людскимъ хозяйствомъ, вѣчные аборигены горъ и лѣсовъ — олени и козы. Ихъ несложная, безхитростная жизнь неслышно течетъ подъ этими мирными шатрами буковъ. Они здѣсь наслаждаются тѣмъ счастіемъ, которое человѣкъ отнимаетъ и у себя, и у животныхъ: наслаждаются покоемъ, прохладою, красотою природы и любовью. Здѣсь, съ зари до зари, пасутся они, счастливые дикари, незнающіе ни прошедшаго, ни будущаго, съ своими самками и телятами; здѣсь они ростутъ, любятся и плодятся. Жары ихъ угоняютъ выше въ гору, холода — опять гонятъ поближе къ равнинѣ. Пастухи говорили мнѣ, что часто встрѣчаютъ цѣлыя семейства оленей, штукъ по 15, по 20 въ стадѣ.

Вотъ этой-то, еще мало знакомой, красоты я ждалъ, проѣзжая неспѣшно по безконечнымъ галлереямъ сѣрыхъ стволовъ... Ждалъ, что вотъ-вотъ гдѣ нибудь на пустынной полянкѣ увижу сквозь эти стволы группу встрепенувшихся вѣтвисторогихъ головокъ съ черными дикими глазами и потомъ быстрый, какъ молнія, взмахъ звонкихъ ногъ. Но чтобы дождаться этого несравненнаго зрѣлища — мало проѣхать нѣсколько верстъ по лѣсной дорогѣ. Хотя убивать оленей здѣсь строго запрещено, однако, записные охотники не стѣсняются закономъ. Именно около Чатырдага съѣзжаются въ свое время любители этого благороднаго кровопролитія.

Иногда прерывались буковые лѣса, и зеленыя травянистыя терассы открывались на пути.

Онѣ лежали тысячи три футовъ надъ поверхностью моря, и прохлада воздушнаго слоя сказывалась роскошною луговою растительностью. Точно вы въѣхали въ благословенныя, черноземныя пастбища Малороссіи. Знакомая яркость травъ, знакомые цвѣты, знакомая равнина — среди скалъ, сухости и чуждой флоры — заставили сердце весело засмѣяться... Видно, какъ волка ни корми, а все въ лѣсъ смотритъ! Впрочемъ, какъ сердцу не смѣяться... Съ этихъ свѣжихъ зеленыхъ луговъ, окаймленныхъ съ одной стороны живописными купами, рощами и сплошными лѣсами бука, съ другой стороны открывается видъ, какимъ не всякому доставалось любоваться. Огромныя горы, обросшія лѣсомъ, какъ густою травою, волнами, шатрами и пирамидами, тѣснятся у подножія нашей яркой равнины.

Изъ-за нихъ поднимаются другія, высочайшія горы, съ голыми хребтами и макушками. Тонкій синій туманъ, признакъ той дали, которой человѣкъ неспособенъ различать въ высокихъ горахъ, все гуще и гуще оттѣняетъ эти волнующіеся хребты, по мѣрѣ отхода ихъ къ морю. Темнозеленая пирамида Синабдага у базиса своего плаваетъ въ туманѣ, какъ островъ на водѣ. Паратла рѣзко

отдѣляется теперь отъ матовой зелени Біюкъ-Ураги, заслоненной прозрачнымъ, знойнымъ туманомъ.

Кастель рисуется на фонѣ моря, маленькая и далекая, глубоко внизу. Только море, какъ небо, то же самое. Ярко и нѣжно-синее, оно подымается высокимъ горизонтомъ къ синему небу. Никогда еще я не видалъ такъ много моря, такой огромный обхватъ его. Холмъ Алушты выступалъ мысомъ въ эту яркую синеву, и ея бѣлые татарскіе домики рѣзко выдѣлялись изъ зелени садовъ... Хотя лошадь бѣжала довольно скоро по ровному лугу, я не отрывалъ глазъ отъ широкой, ни съ чѣмъ несравненной панорамы горъ, лѣсовъ и моря, развернувшейся подъ моими ногами.

Между тѣмъ, прекрасные душистые *чаиры* провожали насъ справа. Лѣсъ то подходилъ къ дорогѣ круглыми полуостровами, то отливалъ къ самымъ подножіямъ голыхъ утесовъ, на которые еще предстояло намъ подниматься. У *чаировъ* и у опушекъ иногда встрѣчались намъ уединенныя стада буйволовъ. Черные, какъ желѣзо, и крѣпкіе, какъ желѣзо, они лежали въ грязи полуизсохшихъ дождевыхъ лужъ и изумленно слѣдили за нами, вытянувши шеи. Въ другомъ мѣстѣ, такомъ же уединенномъ, встрѣтилось стадо коровъ. Ихъ никто не сторожилъ, и объ нихъ никто не заботился. Охранялъ ихъ длинный, сѣдлистый отъ старости бугай съ свирѣпыми глазами, налитыми кровью. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ своего сераля, ближе къ дорогѣ; при нашемъ приближеніи, онъ нагнулъ къ землѣ свой короткій упрямый лобъ и сердито сталъ взрывать копытами землю. Нужно думать, что волкъ не поживится въ этомъ стадѣ.

Вообще отношеніе крымскихъ хозяевъ къ своему скоту не лишено занимательности. Дѣлается понятнымъ, какъ образовалась эта безконечно-сносливая и безконечно-умѣренная порода, которую мы называемъ крымскою лошадью. Татаринъ живетъ еще во многихъ отношеніяхъ на дѣвственномъ лонѣ природы. Какъ изъ жилища своего онъ норовитъ сдѣлать только чисто-выметенную зем-

лянку, нисколько не устраняя отъ нея ея природныхъ свойствъ, такъ и съ скотиною своею онъ обращается съ строгою простотою матери природы. Лѣтомъ „подъ каждымъ кустомъ ей готовъ и столъ и домъ“, а зимою, какъ зимою; что же дѣлать! онъ не въ силахъ измѣнить временъ года. И лошадь, и корову, и овцу онъ пускаетъ круглый годъ на волѣ. Овцу съ чабаномъ, благо на одного можно прикинуть цѣлую тысячу, а корову и лошадь просто подъ защитой Мохамеда.

Лѣтомъ иногда, мѣсяца четыре сряду, хозяева не видятъ табунныхъ лошадей. Онѣ бродятъ по лѣсамъ и горнымъ оврагамъ, поѣдая сначала траву, потомъ листья, взбираясь все выше и выше, по мѣрѣ высыханія травъ. Рѣдко табунъ сойдетъ съ горъ въ гости къ хозяину, попроситъ у него съ голодухи сѣнца посвѣжѣе, повидается съ роднымъ дворомъ и опять въ лѣсныя пустыни!... Коровы ведутъ такую же независимую кочевую жизнь. Только дойныя разъ въ день являются къ обычному доенью. Когда хозяину понадобится лошадь или корова изъ стада, ему стоитъ немало трудовъ сыскать ихъ. Горскій образъ жизни сдѣлалъ крымскую корову и крымскую лошадь истинными горцами. Крымская корова легко перепрыгиваетъ заборы и карабкается по скалистымъ крутизнамъ, какъ коза; лошадь и подавно. При этихъ привычкахъ нелегко предвидѣть, куда заведетъ ихъ въ теченіе лѣтнихъ дней духъ предпріимчивости и голодуха. Оттого вы увидите тропинки въ самыхъ, повидимому, недоступныхъ мѣстахъ лѣсныхъ горъ. Ихъ пробиваетъ частью самъ скотъ, а еще больше татары, его отыскивающіе. Чтобъ не потерять надолго слѣдъ своего стада, хозяева по временамъ ходятъ на развѣдки и въ общихъ чертахъ, стало быть, все-таки слѣдятъ за его кочевкою. Этотъ патріархальный, дешевый способъ содержанія скота возможенъ только при патріархальной честности татарскаго нрава. Я почти не слыхалъ жалобъ на покражу, а отбившіяся лошади иногда отыскивались очень далеко.

Экономическая теорія laissez faire, laissez passer, не можетъ достигнуть болѣе блистательнаго примѣненія; можетъ быть, эти гражданскія права крымскаго скота навели бы на размышленіе нѣкоторыхъ ярыхъ любителей бюрократической опеки.

Но какъ всякая свобода, свобода крымской лошади и крымской коровы соединена съ значительною долею злополучія. Природа не балуетъ этихъ дѣтей свободы. Горы представляютъ только весною сносное пастбище. Лѣтній зной сжигаетъ траву на каменистомъ грунтѣ еще въ началѣ іюня...

Остаются сухія, колючія травы, рѣпьи всякаго рода, молочаи и прочая негодная растительность, до которой охотники только козы, эти самыя эксцентричныя изъ всѣхъ гурмановъ. Скотъ щиплетъ скудные остатки жженой травы, отыскивая ее подъ страшно колючими кустами держи-дерева, боярышника, шиповника и др., лазая по горячимъ острымъ камнямъ горъ. Только наверху самыхъ большихъ горъ, на плоскихъ равнинахъ, приподнятыхъ далеко въ прохладные воздушные слои, зеленѣютъ скрытые отъ насъ и нами неподозрѣваемые роскошные луга. Такое заоблачное пастбище татаринъ называетъ Яйла. Яйла — это нарицательное имя; есть Бабуганъ-Яйла, Демерджи-Яйла, Караби-Яйла, но есть и просто Яйла, какъ бы *Яйла попреимуществу*, которая такъ знакома туристамъ и учившимся географіи, и которая тянется сзади Ялты отъ байдарскихъ воротъ до Алушты. Каждая татарская горная деревня, Алушта, Ламбатъ, Корбеклы, имѣетъ непремѣнно свою долю на какой нибудь Яйлѣ.

Это неизбѣжное угодье, безъ котораго было бы такъ же плохо, какъ безъ лѣсу или безъ воды. Стада овецъ, ощипавъ лѣсныя поляны и овраги, въ концѣ іюня поднимаются на Яйлы и остаются тамъ со своими чабанами до осени. Имъ тамъ холя и раздолье; къ зимѣ холода и снѣга выгоняютъ нетолько съ Яйлы;

но и вообще съ горъ; чабаны перекочовываютъ въ степи, большею частью, поближе къ Севастополю, то есть къ морю и югу. Тамъ зима не такъ жестока, какъ внутри полуострова. Но снѣгъ все-таки падаетъ и зарываетъ травку, а морозъ все-таки морозитъ. Вода остается доступною въ немногихъ мѣстахъ. А между тѣмъ, никакой ограды, никакого слѣда покрова, ни клочка сѣна изъ руки пастуха. День и ночь въ снѣгу или подъ дождемъ, они отрываютъ себѣ скудныя былинки. Тутъ бѣдныя овцы чахнутъ и падаютъ сотнями. Къ веснѣ стада представляютъ самый жалкій видъ; и до сихъ поръ татаринъ не сообразитъ, что дешевле запастись сѣномъ на зиму и хлѣвомъ, чѣмъ терять ежегодно значительную часть стада. Оттого же такъ плохо и скудно молоко горныхъ крымскихъ коровъ: такая трата мускульной силы, какая нужна коровамъ для рысканья по лѣсистымъ дебрямъ и скаламъ, не можетъ вознаграждаться скуднымъ пойломъ и кормомъ, тамъ находимымъ; между тѣмъ, какъ степныя коровы нѣмецкихъ колоній даютъ ведра жирнаго удоя, южно-бережскія доятся стаканами почти снятого молока. Каждая порода скота воспитываетъ въ себѣ особое свойство: одна—молочность, другая—мясистость, третья—густую шерсть, четвертая—способность бѣга. Южно-бережскій скотъ весь безъ исключенія, отъ овцы до коня, воспиталъ въ себѣ одно главное качество—сносливость. Это полезнѣйшее качество въ русскомъ и татарскомъ хозяйствѣ, гдѣ скотина немного разживется насчетъ ухода за ней.

Татаринъ проводникъ, или *суруджи*, преспокойно нарубилъ вѣтокъ и бросилъ по вязанкѣ каждой изъ лошадей нашихъ, когда мы остановились передохнуть въ лѣсу.

Это еще большая милость съ его стороны. Коньки чаще обходятся безъ этого, только поглядывая кругомъ да погрызывая поводья. Имъ иногда не даютъ пить по цѣлымъ днямъ отъ двѣнадцати до двѣнадцати—и ничего! Наша тяжелая русская лошадь давно бы запалилась или разбилась на ноги, еслибы попробовала

вынести десятую долю того, что равнодушно выноситъ крымская.

Я уже не говорю о томъ, что она бы разбилась въ пухъ и прахъ на тѣхъ страшныхъ обрывахъ, по которымъ нога крымской лошади ступаетъ съ вѣрностью и легкостью акробата. У васъ кружится голова, глядя внизъ, камни летятъ изъ-подъ ногъ, спускъ подъ угломъ 50°, а вы совершенно покойно сидите на своемъ сѣдлѣ, увѣренные, что она бережно снесетъ васъ всюду, куда вамъ нужно. И я ни разу не ошибся въ своей увѣренности. У каждаго богатаго татарина есть въ горахъ свой *чаиръ*, то-есть небольшая лѣсная луговина, обнесенная заборомъ, куда уже не пускаютъ скотъ. Сѣно съ этихъ чаировъ и другихъ мѣстъ собирается на зиму. Его держатъ на крайній случай и на подкормку, потому что просто кормить имъ скотъ, не достанетъ на мѣсяцъ. Мы, привыкшіе къ мягкому сѣну русскихъ луговъ, не можемъ смотрѣть безъ смѣха на эти кучи колючекъ и бурьяну, величаемыя тоже сѣномъ. Нельзя взять охапки его, чтобы не проколоть или не разорвать себѣ рукъ. И между тѣмъ, здѣшній скотъ ѣстъ его съ наслажденіемъ, съ азартомъ. Этому можно не удивляться только послѣ того, какъ увидишь, что козы здѣсь жуютъ съ добродушнѣйшимъ апетитомъ головки рѣпья, усаженныя крѣпкими и острыми иглами въ дюймъ длины.

Мы сдѣлали привалъ, конечно, у ручья; иначе онъ немыслимъ. Когда мы закусывали, набѣжалъ на насъ маленькій табунокъ лошадей, преслѣдуемый по пятамъ людьми и собаками.

Какой-то мурзакъ съ своими челядинцами ловилъ лошадей, одичавшихъ на долгой волѣ. Онѣ, кажется, не хотѣли понять его правъ и прелести узды, потому что мчались, какъ одурѣвшія, распустивъ хвосты и гривы, на весь лѣсъ заявляя горделивымъ ржаніемъ свою любовь къ свободѣ. Мурзаку не удавались никакія хитрости, и потъ обильно прошибъ его жирную, лоснившуюся фигуру, запакованную въ восточный бешметъ. Если онъ

и побѣдилъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь, то, покрайней-мѣрѣ, не даромъ.

Мы снялись съ мѣста, оставивъ его еще съ пустыми веревками. Еще долго тянулись лѣса; все тѣ же буковые и грабовые лѣса, которыхъ красота никогда не надоѣстъ.

На полянахъ трава свѣжѣла все-ярче и ярче; мы поднимались замѣтно.

Моря уже не было видно, но синева горъ свѣтила сквозь стволы, совершенно какъ море. Вдругъ на право, надъ лѣсами, выросла бѣлая, ослѣпительно яркая громада; это были утесы Чатырдага, подъ которыми мы прокрадывались, огибая ихъ; солнце ударяло теперь сбоку, совершенно перпендикулярно въ известковую стѣну.

Онъ казался отсюда особенно высокимъ и особенно живописнымъ. Онъ провожалъ насъ нѣкоторое мѣсто, приковавъ наши глаза и тѣсно надвинувшись надъ нами; выше его сіяло мягкое небо и летали орлы.

Они не казались маленькими даже надъ утесами Чатырдага. Потомъ мы опять потонули въ лѣсахъ. То, что называется въ географіяхъ и картахъ Чатырдагъ, есть отдѣльная плоская возвышенность, столомъ стоящая, близъ дороги изъ Симферополя въ Алушту; высота ея около четырехъ съ половиною тысячъ футовъ. Она сплошь состоитъ изъ тяжелыхъ слоевъ юрскаго известняка, преподнятыхъ почти вертикально, такъ что ребра слоевъ выходятъ на верхнюю поверхность правильными слоями, словно разлинеенными грядами. Это придаетъ горной равнинѣ чрезвычайно странный и характерный видъ.

Татары называютъ эту известковую плоскую возвышенность, покрытую травою, Яйла, какъ и другія ей подобныя; именно *Біюкъ-Янкой-Яйла*, потому что она принадлежитъ сосѣдней деревнѣ Біюкъ-Янкой. На юго-восточной сторонѣ этой Яйлы, какъ разъ по всему ея краю, возвышается гора въ видѣ продолговатаго шатра, растянутаго отъ сѣверо-востока къ юго-западу, ко-

торая собственно и называется *Чатырдагъ* или *Палатъ-гора*, а у древнихъ грековъ называлась *Трапезусъ*.

Она сама по себѣ, то есть, считая отъ плоскости Біюкъ-Янкой-Яйлы, имѣетъ только 700 футовъ высоты; вмѣстѣ съ Яйлою, служащею ей какъ-бы пьедесталомъ, около 5,170 футовъ. Когда ѣдешь изъ Алушты, то видишь именно ту сторону горы, гдѣ на Яйлѣ стоитъ Трапезусъ, то-есть самую высокую и величественную ея часть. Трапезусъ, видна изъ большаго далека: изъ Алешекъ, Перекопа, говорятъ даже изъ Молочной, слѣдовательно, верстъ за 300; когда ѣдешь изъ Одессы на полуостровъ, Трапезусъ также видѣнъ очень рано. Мы теперь должны были объѣхать подножіе Трапезуса, и подняться съ юго-западной стороны на Біюкъ-Янкой-Яйла, чтобы отдохнувъ тамъ у ея чабановъ, къ разсвѣту взобраться на самую Палатъ гору—встрѣчать восходъ солнца. Таковъ неизмѣнный обычай чатырдагскихъ пилигримовъ.

Мы безмолвно въѣзжали, собравшись всею кавалькадою, какъ витязи-побѣдители въ завоеванную крѣпость. Только подковы звенѣли о сухой известникъ.

Если хорошъ лѣтній вечеръ внизу на горячей степи, то онъ еще лучше, еще трогательнѣе въ воздушной области, гдѣ усердствуетъ вѣчная прохлада, на подоблачныхъ зеленыхъ лугахъ, откуда вы можете окинуть однимъ спокойнымъ взглядомъ всѣ горы южнаго берега и всю степь полуострова. Степь отсюда кажется моремъ: такъ она ровна и безконечна. Настоящее море едва свѣтится на послѣднихъ предѣлахъ горизонта; горы тоже настоящее море, только море съ исполинскими окаменѣвшими волнами. Эти синія волны заполонили всю южную сторону горизонта, поднимаясь почти до самаго Чатырдага. Воздухъ пропитанъ розовымъ вечеромъ, и известковыя скалы Янкой-Яйлы тоже стоятъ всѣ розовыя...

Ясность и прохлада охватываютъ насъ. Удовлетворенное сердце бьется съ веселымъ спокойствіемъ, и свѣтлая, широкораспахнув-

шаяся кругомъ насъ панорама красоты незамѣтно вливается сквозь всѣ органы чувствъ въ изумленную душу... Эта гора оказывается цѣлымъ степнымъ уѣздомъ, котораго границъ не видишь; степь казалась бы продолженіемъ горной плоскости, если бы ее не отѣнялъ блѣдный туманъ, признакъ дали. Сотни верстъ подъ ногами. Особенное чувство овладѣваетъ человѣкомъ на большой открытой и пустынной горѣ. Кажется, будто приподнятъ къ небу, и смотришь на міръ не съ той тѣсной земной точки зрѣнія, съ которой смотришь обыкновенно. Міръ подъ тобою, едва различаемый, совсѣмъ не слышный. Его красота и величіе широко развернуты передъ тобою, но тебѣ не видна мелочь и бѣдность подробностей. Города, поля, лѣса, дороги—все слито въ одну картину, ясную, дышащую миромъ. Отсюда кажется что земля покоится въ безмятежномъ счастіи, эта многогрѣшная и вѣчно волнующаяся земля...

Понятно, что духъ, стремившійся къ божеству, уходилъ на горы. Здѣсь возможно самосозерцаніе, молитва. Міръ обнимаешь, какъ что-то единое, и притомъ, какъ что-то внѣ лежащее.

Понятно, отчего возмутилась душа вождя народа божьяго, когда, проникнутый пустыннымъ величіемъ высотъ Синайскихъ, сошелъ онъ съ нихъ опять на землю, и увидѣлъ ея жалкія суеты...

XII.

Пещеры Чатырдага.

(Бомбатъ-Коба. — Пещера 1000 головъ. — Наше смущенье. — Холодная пещера или Сулу-Коба).

Мы всѣ ѣхали молча, настроеніе было нѣсколько торжественное; душа невольно подчинялась впечатлѣнію вечерняго часа и той горной высоты, на которой мы очутились теперь. Суруджи повернулъ къ пещерамъ, но до нихъ было неблизко.

— Что это? провалъ? на вершинѣ горы вдругъ сильный и

широкій уступъ. Такими уступами Чатырдагъ спускается къ сѣверу.

Кавалькада съѣзжаетъ осторожно, всадникъ за всадникомъ. Оглядываются, ищутъ глазами—гдѣ пещера. Нѣсколько темныхъ живописныхъ отверстій виднѣются въ разныхъ мѣстахъ. Суруджи спѣшивается, мы за нимъ. Съ нами еще чобаненокъ-татаринъ, захваченный проводникомъ на дорогѣ отъ стада. Я подозрѣваю, что нашъ суруджи или ни разу не былъ въ пещерахъ, или боится лѣзть въ нихъ. Хотя онъ до послѣдней минуты божится и хвастаетъ, что знаетъ всѣ чатырдагскія пещеры, какъ свой виноградникъ, однако, къ концу концовъ, остается у лошадей, подъ тѣмъ предлогомъ, что ихъ опасно поручить незнакомому чобану.

Ведутъ насъ къ скалѣ; пещеры нѣтъ, замѣтна какая-то узкая трещина, прикрытая утесомъ, но не вѣрится, чтобъ это была знаменитая *Бимбашъ-Коба*, „Пещера *тысячи головъ*". Пастушенокъ, однако, идетъ именно къ этой щели. „*Бимбашъ-Коба*!" торжественно улыбаясь, обращается онъ къ намъ, уставивъ свой палецъ на трещину. Въ публикѣ нашей волненіе. Никто не думалъ, чтобъ приходилось лѣзть въ такую лисью нору, и никто не разсчитываетъ на особенныя наслажденія въ этой пещерѣ. Къ тому же вечеръ, скоро будетъ темно. Суруджи между тѣмъ распечаталъ свѣчи и зажигалъ ихъ. Сомнѣвающіеся обратились къ нему: оказалось, что надобно съ первыхъ же шаговъ ползти по грязи, и что платье совсѣмъ пропадетъ. Это рѣшило всѣ колебанья. Любопытныхъ оказалось только трое, я въ ихъ числѣ. Свѣчи въ рукахъ, чобаненокъ, помолившись Аллаху, лѣзетъ впередъ, за нимъ мы, скорчившись въ три погибели. Пророчества весьма остроумныя, но самаго мрачнаго характера, напутствуютъ насъ. Но они скоро смолкаютъ. Глухой, тѣсный, сырой коридоръ безслѣдно проглатываетъ всякіе звуки. Съ каждымъ шагомъ онъ дѣлается значительно ниже и уже; чобаненокъ

впереди уже лежитъ на брюхѣ; батюшки, что же это такое? Это водосточная труба, а не пещера. Одинъ изъ моихъ товарищей просто кричитъ; онъ со злобою увѣщеваетъ насъ вернуться назадъ, пока не поздно, изъ этой змѣиной лазейки. Духота воздуха спираетъ ему грудь, и онъ безъ отвращенія не можетъ взглянуть на свои грязныя колѣна и грязныя ладони. Мы предоставляемъ ему возвратиться рачьимъ манеромъ, пятками впередъ, а сами до конца рѣшаемся испить чашу: все равно, уже все въ грязи! Мы опять полземъ. Полземъ теперь буквально на четвереténькахъ, ступая ладонями въ вонючую бурую грязь. Свѣчи едва не тухнутъ у насъ въ рукахъ, потому что нѣтъ возможности держать ихъ прямо. Въ грязи попадаются ключицы, позвонки, челюсти, человѣческіе черепа; немножко скверно; иногда по всему тѣлу пробѣгаетъ нервная дрожь, когда вдругъ невзначай попадешь рукою на человѣческую кость. Отъ нихъ-то и вонь; и грязь, повидимому, отъ нихъ же; замѣтно что-то органическое въ этой бурой грязи, точно перегнившій прахъ. Откуда бы иначе зашла сюда грязь, въ эти известковыя трещины? Скорѣе всего, мы полземъ въ перегноѣ труповъ. По крайней мѣрѣ, я былъ увѣренъ въ этомъ, торопясь проползти отвратительную подземную щель. Скоро и на четверенькахъ мнѣ было невозможно ползти; спина скребла объ известковый сводъ и надобно было уподобиться проклятому Богомъ змію, осужденному пресмыкаться на чревѣ своемъ. Признаюсь, я въ эти мгновенія совершенно не понималъ, что за интересъ заставляетъ меня претерпѣвать подобныя истязанія? Становилось даже нѣсколько стыдно за свою необдуманную рѣшимость. Но, что станешь дѣлать? Когда сталъ лѣзть, то уже не имѣешь силъ остановиться.

Въ человѣкѣ много силы инерціи, столько же въ страдательномъ, сколько въ активномъ смыслѣ. Многое въ дѣйствіяхъ его напоминаетъ движеніе брошеннаго камня; воля двигаетъ человѣкомъ далеко не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ это

иногда намъ кажется. Можетъ быть, и сомнѣваешься начать то или другое дѣло, не видишь достаточнаго повода къ нему, но разъ началъ — и пошелъ работать! Работать, имѣя въ виду одну цѣль — привести работу къ концу. Это работа для работы, искуство для искуства. Такъ, вѣроятно, лѣзъ и я, одушевляемый одною естественною мыслію — скорѣе долѣзть куда нибудь.

Нора тянулась не особенно долго, всего нѣсколько сажень. Она поднималась слегка въ гору и извивалась въ стороны. Вдругъ чобаненокъ нашъ словно нырнулъ куда-то. Я пріостановился, поглядѣлъ впередъ. Мы были у устья высокой темной пещеры, въ которую уже спустился чобанъ. Мнѣ никто не описывалъ заранѣе Бимбашъ-Коба, и я совсѣмъ не готовился встрѣтить въ ней то, что я встрѣтилъ. Оригинальность и неожиданность зрѣлища поразили меня. Я вдругъ очутился въ мрачной и таинственной индѣйской пагодѣ. Высокіе своды пропадали въ темнотѣ; колонны узорчатыя, витыя, будто сплетенныя изъ коралловъ цѣлыми букетами, поднимались кверху по стѣнамъ и угламъ; ихъ расписала какими то чудесными іероглифами невѣдомая рука... Со сводовъ падали десятками каменныя и хрустальныя паникадила; стояли посреди подземнаго храма великолѣпные массивные свѣщники, странной работы, тоже сверкающіе какъ хрусталь... Стояли огромные престолы и органы изъ тяжелаго хрусталя, безобразные каменные идолы, то коротенькіе, уродливо-толстые, съ круглыми грудями, то высокіе, какъ столбы колонъ. Одинъ подземный храмъ слѣдуетъ за другимъ, поднимаясь все выше и выше въ гору. Освѣщаемые мерцающими огнемъ нашихъ свѣчей, эти могильныя капища кажутся еще таинственнѣе; ихъ безчисленные сталактиты, вылившіеся во всевозможныя формы, гдѣ обрисовываются въ голубоватомъ фосфорическомъ туманѣ, гдѣ сверкаютъ яркими искрами на чорномъ фонѣ глубокихъ сводовъ... Тѣни длинныя, неуловимыя, и неуловимыхъ формъ, ползутъ по стѣнамъ широко и медленно, или быстро перебегаютъ,

какъ крыло вспуганной ночной птицы, переплетаясь, пересѣкаясь, сливаясь другъ съ другомъ, смотря по движенію нашихъ огней... Колонады, жертвенники, идолы, курильницы, то выплываютъ изъ мрака, то тонутъ въ немъ, чтобъ дать мѣсто новымъ рядамъ колоннъ, люстръ и идоловъ... На полу, между каменными сидѣніями, у подножія истукановъ, насыпаны страшною грудою человѣческіе черепа. Желтые, какъ рѣпа, съ чорными дырьями вмѣсто глазъ, съ оскаленными рядами зубовъ, покрытые землею и плесенью, гніютъ эти черепа въ своемъ великолѣпномъ сталактитовомъ склепѣ.

Они лежатъ безъ счета и призора, какъ кавуны па малороссійскомъ базарѣ. Въ каждомъ придѣлѣ пещеры такія же кучи. Ихъ безъ вниманія топчетъ нога туриста, изумленно оглядывающаго эти известковые наплывы, придавшіе величіе храма темному склепу. Ребра, ноги, кости рукъ человѣческихъ, черепа, вскрытые какъ устрицы — составляютъ отвратительную мозаику, которою вымощенъ подземный храмъ.

Душою овладѣваетъ какая-то непобѣдимая чара. Все кругомъ такъ странно и ново, что совсѣмъ выбиваетъ человѣка изъ живой колеи... Забываешь, что ты на Чатырдагѣ, пріѣхалъ изъ Алушты съ приводникомъ Османомъ; начинаешь впадать въ какое-то мистическое сновидѣнье, начинаешь невольно мечтать объ элефантинскихъ подземельяхъ, о храмахъ кровавой богини Бохвани, требующей себѣ въ жертву смерти и одной смерти... Это дѣйствительно обстановка сновидѣнья: чуется на этихъ молчащихъ алтаряхъ, подъ этими пустынными сводами, невидимое присутствіе какой-то страшной богини... Для кого же эти сотни лампадъ, эти останки отъ тысячи жертвъ?..

Съ возбужденною и смущенною фантазіею двигались мы, не мѣняясь ни однимъ словомъ, не развлекая ничѣмъ своего мистическаго созерцанія изъ подземелья въ подземелье. Нельзя было проникнуть во всѣ его таинственные углы. Часто чернѣли у насъ

по сторонамъ темныя отдушины, ведущія Богъ знаетъ куда. За ними, можетъ быть, опять такіе же ряды храмовъ. Рискнувъ полѣзть туда, кто знаетъ, когда бы мы возвратились, да и возвратились ли бы еще. Известковые слои Чатырдага, перевернутые ребрами вверхъ, должны имѣть безконечныя подземныя пустоты.

Не даромъ во всѣхъ сторонахъ Чатырдага есть пещеры. Онѣ, безъ сомнѣнія, сообщаются между собою отдушинами, трещинами, переходами, извивающимися между каменными толщами; кому по силамъ этотъ лабиринтъ Плутона?

Отбивъ нѣсколько красивыхъ кусковъ сталактита, и осмотрѣвъ все, что было доступно безъ крайняго риска, мы поспѣшили назадъ... Прошли опять залы храмовъ; видимъ—дыра. Чобанъ въ нее, мы за нимъ. Полземъ—что же это такое? Ходъ двоится; встрѣчаются признаки, незамѣченные прежде.

— Ей, чобанъ? Да туда ли ты?

Чобанъ не знаетъ ни слова порусски, то-есть, ровно столько же, сколько мы знаемъ потатарски. Однако, онъ понялъ сущность вопроса и объясняетъ намъ знаками, что онъ самъ не знаетъ, куда надо ползти.

Немножко екнуло сердце. Минута была весьма скверная. Стоитъ разъ сбиться съ пути, а тамъ трудно поправиться, въ подземныхъ норахъ и подавно.

Между тѣмъ свѣчки наши сильно обтаяли; онѣ легко могли даже потухнуть, потому что свѣчи, при ползаньи на рукахъ, почти лежали въ грязи. Если чобанъ, туземецъ Чатырдага, остановился въ недоумѣніи, намъ трудно поправить дѣло.

Мы переговорили другъ съ другомъ; осмотрѣлись хорошенько — ясно, что мы не были здѣсь. Рѣшились ползти назадъ въ первое отдѣленіе сталактитоваго храма. Приползли, чобанъ за нами. Онъ такъ растерялся, что на всѣ наши вопросы отрицательно кивалъ головою, и, казалось, самъ ждалъ отъ насъ указаній.

Недаромъ, слышалъ я потомъ, татары такъ боятся Бимбашъ-Кобы; порядочный татаринъ не влѣзетъ въ нее ни за какія деньги, что и доказалъ намъ нашъ сурудджи Османъ. Разсуждать было не о чемъ; надо было торопиться и не робѣть. Мы осмотрѣли самымъ тщательнымъ образомъ разныя отдушины, чернѣвшія въ стѣнахъ пещеры. Освѣщая грязь всѣми тремя свѣчами и внимательно вглядываясь въ нее, наконецъ, замѣтили мы въ одной изъ отдушинъ свѣжіе слѣды рукъ, ногъ и колѣнъ. Не было сомнѣнія, что это настоящій выходъ. Словно тяжесть свалилась съ груди, и мы сейчасъ смѣло поползли въ открытый нами ходъ. Только татарченка уже не пустили впередъ, убѣдившись въ его полной безполезности.

Объ насъ начинали уже безпокоиться, и сурудджи даже готовился лѣзть въ пещеру со спичками и свѣчками, предполагая, что у насъ потухъ огонь. При видѣ насъ, лица просіяли; мы были блѣдны отъ затхлаго воздуха и страшно испачканы. Насъ заставили разсказывать, а компанія между тѣмъ двинулась къ другой пещерѣ, которую мы рѣшили осмотрѣть въ тотъ же вечеръ: она находилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Бимбашъ-Коба.

Сурудджи разсказалъ намъ при этомъ, что очень давно, еще при ханахъ, въ Бимбашъ-Кобѣ спрятались 1,000 человѣкъ татаръ; ихъ розыскали тамъ не то турки, не то казаки, и чтобъ выгнать оттуда, зажгли передъ входомъ костры; дымъ задушилъ всѣхъ, спрятавшихся въ пещерѣ, но никто изъ нихъ не вышелъ и не сдался. Съ тѣхъ поръ эта пещера называется тысячеголовою, т. е. Бимбашъ-Коба. Не знаю, на сколько справедливъ разсказъ татарина, слышанный мною послѣ отъ многихъ. Но, признаюсь, по прекрасной, идеально правильной формѣ череповъ, они скорѣе кажутся греческими. Мы нарочно искали маленькихъ череповъ, чтобъ узнать, были ли въ числѣ погибшихъ дѣти, но не отыскали ни одного; какой же поводъ былъ прятаться въ пещеру однимъ мужчинамъ, особенно если ихъ было 1,000 че-

ловѣкъ? Что-то не въ нравахъ татарскихъ кочевниковъ подобная безполезная и беззащитная смерть.

Пещера *Субу-Кола* значитъ *холодная*. Входъ ея самый поэтическій. Онъ широкъ, какъ ворота дворца, но совершенно маскированъ сначала утесами, потомъ деревьями и кустами. Для бѣглецовъ не можетъ быть лучше убѣжища; за неимѣніемъ бѣглецовъ, туда хорошо загонять стада. Въ ней помѣстятся всѣ кошары Чатырдага, и еще много останется мѣста. Пещера эта совершенно противоположна Бимбашъ-Коба. Не лисьей норою, а тріумфальною аркою, украшенною зеленью, вы вступите въ подземный гротъ; вамъ не нужно пригинаться и ползти, вы съ разу очутитесь въ высокомъ обширномъ чертогѣ. Онъ уходитъ внизъ легкою покатостью, спускаясь на большую глубину въ нѣдра горы. На всемъ протяженіи своемъ онъ также высокъ, также свободно раздвинутъ. Вы идете по немъ вольно и быстро, какъ по паркету бальной залы... Только паркетъ этотъ, разумѣется, такъ же сыръ, какъ и полъ Бимбашъ-Коба. Сулу-Коба не храмъ, не пагода; въ немъ не найдете идоловъ и обильной колонады. Въ немъ нѣтъ и таинственности храма, но это роскошный, заколдованный дворецъ подземнаго духа. Пробѣгая его обширныя пустыя залы, въ которыхъ словно теряются огоньки вашихъ жалкихъ свѣчей, для освѣщенія которыхъ надо сотни люстръ, вы не вѣрите, чтобы никто не обиталъ въ этомъ чудномъ гротѣ. Повсюду признаки какого-то преднамереннаго комфорта; сталактиты и сталагмиты здѣсь далеко не достигаютъ грандіозныхъ размѣровъ тысячеголовой пещеры, но они облили стѣны и потолки подземелья изящнѣйшею лѣпною работою; передъ вами то темная заманчивая ниша, то каминъ изъ точеныхъ колоновъ, замысловатые разные шкафчики по угламъ, кронштейны, карнизы, самый тонкій горэльефъ и барэльефъ, на сводахъ и паняляхъ...

Вы спускаетесь и видите, что въ сторонѣ отъ прохладныхъ большихъ залъ убѣгаютъ темные коридоры, галлереи, пещерки; сверху смотрятъ черныя отверстія хоръ. Вамъ дѣлается понятно, что вы только въ парадныхъ комнатахъ чертога, что лабиринтъ внутреннихъ покоевъ идетъ направо и налѣво отъ васъ, вверху и внизу. Чѣмъ ниже сходите вы по наклонному полу грота, чѣмъ глубже опускаетесь въ толщи земли, тѣмъ влажнѣе становится почва подъ вашими ногами; вода сбѣгаетъ иногда ручейками и заливаетъ каждую ямку; сталактитовъ и сталагмитовъ становится больше; форма ихъ причудливѣе и характернѣе. Иногда пустое основаніе разбитаго сталагмита образуется въ бассейнъ воды, которая набирается въ немъ, какъ въ каменномъ сосудѣ. Фонтаны и бассейны вообще обильно украшаютъ нижніе своды грота; съ молодыхъ сосулекъ сталактитовъ вода капаетъ холодными, тяжелыми и медленными каплями... Звукъ ихъ паденія глухо, но громко раздается подъ пустыми сводами... Дальше уже встрѣчаются мраморныя ванны, до краевъ наполненныя водою, наконецъ, цѣлыя купальни и сажелки... Своды здѣсь совершенно опускаются къ полу, это предѣлъ чертога. Но выходъ и здѣсь есть. Низкія, чорныя подземелья идутъ за сажелками въ невѣдомыя глубины. Сталактиты раздѣляютъ ихъ на арки, стоятъ рѣшотками...

Можетъ быть, пробравшись черезъ нихъ, опять бы очутился въ высокихъ просторныхъ залахъ, уходящихъ въ таинственное царство гномовъ. Кто знаетъ, гдѣ конецъ имъ? Я спускался глубоко въ земныя нѣдра въ шахтахъ рудниковъ. Но первый разъ въ жизни пришлось мнѣ посѣтить эти пустынные нерукотворные чертоги, скрытые въ глубинѣ земныхъ толщъ. Я никогда не воображалъ, чтобы столько простора и столько таинственнаго великолѣпія скрывала въ чревѣ своемъ тажелая кора нашей темной планеты.

XIII.

Ночь въ облакахъ.

(Гроза въ заоблачномъ царствѣ.—Чобаны и ихъ собаки.—Варенье сыру.—Ночное нападеніе —Волынка.—Разсказы объ Алимѣ разбойникѣ.—Доенье овецъ.—Каръ-Коба.—Завтракъ на Трапезусѣ.—Возвращенье.)

Тьма—ни зги не видать!

Откуда пронеслась эта страшная сырая мгла, охватившая вдругъ небо и землю чорными складками своихъ крылъ? Вздрагиваютъ и шелестятъ эти крылья, и пугливо вздрагиваетъ въ ихъ объятіи душа опоздавшаго путника.

Послѣ яснаго и радостнаго вечера такая безумная ночь. Вѣтеръ, словно звѣрь сорвавшійся съ цепей, несется черезъ пустынную каменную площадь Янкой-Яйлы, которую предстоитъ намъ проѣхать изъ конца въ конецъ. Онъ гонитъ тучи, какъ стада, трубя, свища, раскатываясь такими угрожающими воплями, что въ самомъ дѣлѣ кажется злымъ чудовищемъ, обладателемъ этого воздушнаго царства. Тучи проносятся такъ низко, такъ близко... молніи обливаютъ ихъ блѣдными потоками огня, пронзаютъ стрѣлами, рвутъ какъ занавѣсъ; и, вслѣдъ за вспышкой молніи, гора трясется, какъ отъ подземнаго взрыва, отъ ударовъ грома. Онъ тоже близокъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Иногда представляется, что мы попали въ самое жарло грозы, что она бѣснуется и кругомъ насъ, и внизу насъ. Канонада, прогремѣвшая надъ головою, оглушившая и ослѣпившая насъ, еще не успѣетъ земереть въ отдаленныхъ раскатахъ, какъ уже проносится на воздушныхъ коняхъ новая баттарея, обдаетъ насъ опять громомъ своихъ залповъ, также быстро мчится далѣе—бомбардировать другія твердыни, а на смѣну готова уже новая, и еще, и еще. Все это лѣ-

зетъ съ моря, изъ-за хребтовъ Яйлы; ужь не дьяволы ли вырвались на свободу!

Скверно въ такую грозу и въ обыкновенномъ мѣстѣ, на обыкновенной дорогѣ. Но еще сквернѣе на пяти тысячахъ футовъ высоты надъ поверхностью моря брести ночью, безъ дорогъ, въ безмолвной пустынѣ, обитаемой только волками, наполненной оврагами и провалами, натыкаясь ежеминутно то на кустъ, то на большіе камни, и не видя головы своего собственнаго коня.

Къ счастію, можно сказать даже къ спасенію нашему, съ нами еще чобаненокъ, показывавшій намъ пещеры. Онъ ведетъ насъ теперь. Онъ знаетъ макушку Чатырдага, какъ дворъ своего дома, потому что безъисходно живетъ на ней по три мѣсяца ежегодно. Но и онъ ежеминутно сбивается. Онъ двигается смѣлымъ и ходкимъ шагомъ, какимъ ходятъ чобаны, крѣпко ступая на острые камни, на ребра известковыхъ слоевъ, торчащія изъ почвы, своими терпкими ногами, обутыми въ буйволовыя сандаліи. Въ рукахъ у него надежный саженный шестъ, которымъ онъ въ одно время и попирается и щупаетъ дорогу; онъ никого и ничего не боится—ни бури, ни опасной встрѣчи, ни проваловъ.

Вѣтеръ ежеминутно срываетъ его истертую, лохматую шапку, но онъ ловитъ ее въ темнотѣ, ползая на четверенкахъ, испуская какіе-то дикіе, непонятные намъ крики.

Эти хриплые нечеловѣческіе звуки страшно гармонируютъ съ пустынею горы, съ грозою и тьмою.

Наши лошади, утомленныя ѣздою цѣлаго дня, особенно подъемомъ на гору, смущенныя бѣснующеюся грозою, медленно двигаются за чобаномъ, осторожно перенося ноги черезъ огромные камни. Онѣ фыркаютъ и кашляютъ отъ усталости, но не спотыкаются. А между тѣмъ мы буквально ѣдемъ по каменнымъ грядкамъ, на которыхъ наша русская лошадь послѣ первыхъ же шаговъ упала бы съ переломленными ногами.

Нужно имѣть чобана проводникомъ и крымскую лошадь подъ

сѣдломъ, чтобы выбраться благополучно изъ этой кромѣшной тьмы.

Мнѣ казалось, что мы ѣхали не менѣе трехъ часовъ, но очень можетъ быть, что темнота и безпокойство удвоили время. Никто не говорилъ и не жаловался; вниманіе всякаго сосредоточилось на сѣдлѣ и на конѣ, какъ бы не полетѣть черезъ голову или не наткнуться на кустъ. Дождя, къ счастію, не было, хотя мы его ожидали съ минуты на минуту. Чобанъ велъ насъ къ самому подножью Трапезуса. По его словамъ, тамъ, въ лѣсу, есть землянка, въ которой можно переночевать; это стоянка чобановъ другой отары, не той, къ которой принадлежалъ самъ проводникъ. Онъ обѣщаетъ, что скоро доѣдемъ, но когда же это скоро? Не вѣрится, чтобы была въ этой проклятой пустынѣ иная живая душа, кромѣ насъ грѣшныхъ, осужденныхъ на безконечное странствованіе. Еще менѣе вѣрится покрову и ночлегу. А между тѣмъ страхъ и холодъ не заставляютъ молчать аппетитъ; мы, изнѣженные сыны цивилизаціи, съ своими разслабляющими привычками, кажемся такими жалкими въ суровой обстановкѣ этой пастушьей жизни; мы страдаемъ уже отъ того одного, что вечеромъ не будемъ сидѣть возлѣ самовара и пить свой неизмѣнный чай; страдаемъ и оттого, что вмѣсто мягкой мебели, на которой привыкли покоиться, протряслись двѣнадцать часовъ на татарскомъ сѣдлѣ. Пожалуй, не одинъ изъ насъ помечталъ и о каминѣ, и о газетѣ, и о гостиной съ лампами, ежась подъ холоднымъ дыханіемъ горнаго вѣтра.

О, когда же это землянка! Нашъ суруджи Османъ потерялъ бодрость не хуже насъ и ѣдетъ повѣся носъ, изрѣдка переводя намъ возгласы чобана, срываемые вѣтромъ.

Вдругъ, гдѣ-то внизу раздался лай. Лошади разомъ остановились, потому что впереди остановился чобанъ.

— Волки! закричалъ онъ потатарски. Собаки за волкомъ погнались.

Мы стали спускаться въ какой-то провалъ, продираясь сквозь кусты, черезъ груды камней. Надобно было слѣзть съ лошадей, чтобы не оставить безъ ноги и себя и лошадь.

Лай ожесточенный и дружный уносился въ одну сторону. Признаться, я очень боялся, чтобы онъ не обратился вдругъ съ тою же дружностью и тѣмъ же ожесточеніемъ въ нашу сторону. Я слишкомъ много слышалъ о чобацкихъ собакахъ, чтобы желать съ ними встрѣтиться въ подобную минуту, и еще спѣшенному. А между тѣмъ, дѣло было, кажется, неизбѣжно. Спускъ въ провалъ весьма неглубокъ, но безобразенъ до нельзя. Кое-какъ пробрались черезъ кусты и камни. Въ чорной тьмѣ, въ непонятномъ для глаза разстояніи, можетъ быть въ десяти шагахъ, можетъ быть за три версты, сверкнулъ красный огонекъ. „Ну, теперь пріѣхали“, повеселѣвшимъ голосомъ объявилъ суруджи. „Это у чобановъ огонь“.

Онъ поболталъ что-то потатарски съ проводникомъ. „Стойте, господа, теперь нельзя дальше, собаки съѣдятъ“, скомандовалъ онъ намъ, останавливая коня. Всѣ остановились, чобанъ впереди всѣхъ. Я съ значительнымъ безпокойствомъ ждалъ, что будетъ.

Вдругъ раздался пронзительный, дикій крикъ, отъ котораго всѣ мы вздрогнули. Такъ кричитъ иногда въ полночь пугачъ-филинъ.

Это нашъ чобаненокъ подалъ голосъ чобанамъ-хозяевамъ.

Взволнованный собачій лай мгновенно отвѣтилъ ему. Хриплые, задыхающіеся и ревущіе голоса псовъ приближались сквозь темноту, неизвѣстно откуда... Чуялось только, что несутся разъяренные звѣри, и что несутся они къ намъ и на насъ. Крики чобана становились все болѣе пронзительными, все болѣе дикими. Никогда еще не слыхалъ я, чтобы такъ кричалъ человѣкъ. И это не были безсмысленные звуки, но были слова, призывъ человѣкомъ человѣка.

Только дикая пустыня и жизнь среди дикихъ звѣрей научатъ

такому дикому языку. И, надобно сказать правду, въ эту бушующую ночь, среди воя вѣтра, раскатовъ грома и бреха собакъ, только такой крикъ и могъ быть услышанъ, только такой языкъ и могъ быть понятъ. Надобно ровняться съ звѣрями и стихіями, чтобы они не подавили тебя.

Далекій голосъ, относимый вѣтромъ, отвѣтилъ, наконецъ, на взыванье чобана. Въ это время мы были уже охвачены цѣлымъ стадомъ собакъ. Лохматые бѣлые псы, высокіе и худые, заливаясь неистовымъ лаемъ, кружась и прыгая, и грызя землю, рвались на насъ черезъ каменную насыпь, за которой мы стояли вмѣстѣ съ лошадьми, сбившись въ тѣсную кучку. Чобаненокъ, держась за середину шеста, отмахивалъ ихъ отъ насъ обоими концами и отчаянно кричалъ на нихъ, повидимому, нисколько не опасаясь за самаго себя. Суруджи тоже довольно хладнокровно встрѣчалъ ихъ атаки; но я, не стыжусь признаться, былъ испуганъ и взволнованъ до крайности. Я зналъ хорошо, что чобанская собака въ одиночку рветъ волка, и что нерѣдко вмѣсто волка она поступаетъ такимъ же способомъ съ человѣкомъ. Быть изорванному собакой не составляетъ особеннаго удовольствія; къ тому же этотъ звѣрскій оглушительный концертъ такъ скверно дѣйствовалъ на нервы. Чобаны прибѣжали очень скоро и еще издали разогнали собакъ крикомъ и свистомъ; но волненіе ихъ долго еще не успокоивалось. Когда мы двинулись къ землянкѣ, страшные псы шли кругомъ насъ рыча, глухо воя, вытягивая свои кровожадныя морды, и враждебно обнюхивая насъ и лошадей нашихъ.

Онѣ покорились волѣ хозяевъ, скрѣпивъ сердце и, казалось, до послѣдней минуты ждали сигнала броситься на насъ и растерзать, какъ зайцевъ.

Мы сидимъ и лежимъ въ низкой землянкѣ, едва прикрытой сверху и полуоткрытой съ боковъ... На чобанскихъ войлокахъ, на сырыхъ шкурахъ убитыхъ овецъ, на потникахъ и сѣдлахъ— разлеглись наши усталые путешественники; яркій веселый огонь горитъ въ другомъ концѣ шалаша, и дымъ его красноватыми клубами вылетаетъ въ незабранный верхъ стѣны, черезъ который видно небо, уже расчищающееся отъ грозы. Огромные плоскіе котлы съ овечьимъ молокомъ стоятъ на огромныхъ таганахъ по сторонамъ костра. Плечистый и огромный чобанъ, хозяинъ землянки, въ своей остроконечной бараньей шапкѣ, возится у огня и котловъ, что-то мѣшая, сливая и подкладывая. Это варится овечій сыръ. Теперь сезонъ сыра, и цѣлыя ночи напролетъ работаютъ надъ нимъ чобаны. Другой чобанъ, безмолвный старикъ съ сѣдыми бровями, жаритъ намъ на желѣзной спицѣ знаменитый татарскій шашлыкъ, не обращая на насъ ни малѣйшаго вниманія, словно насъ и нѣтъ здѣсь, вполнѣ сосредоточивъ свой строгій взглядъ на кусочкахъ баранины, нанизанныхъ на спицу. Важно и неспѣшно поворачиваетъ онъ ее надъ горячими угольями, подрумянивая сочные жирные кусочки, и, подрумянивъ, такъ же важно и неспѣшно, въ полномъ безмолвіи, ссыпаетъ ихъ въ чашку, изъ которой мы съ жадностію поглощаемъ это душистое мясо.

Не думаю, чтобы многіе изъ читателей ѣдали татарскій шашлыкъ въ болѣе оригинальной обстановкѣ, и съ большимъ аппетитомъ, чѣмъ ѣлъ я его въ эту незабвенную ночь.

Послѣ голода и холода прекрасное горячее мясо, неимѣющее себѣ подобнаго! Баранины тутъ слѣда нѣтъ, той, по крайней мѣрѣ, баранины, которую знаетъ русская публика.

Въ шашлыкѣ не баранина, а конфета. Я одинъ съѣлъ его два вертела. Наши дамы нашли какой-то глиняный кувшинъ и, въ то время какъ мы истребляли шашлыки, ухитрялись приготовить въ этомъ кувшинѣ чай. Вышелъ настоящій калмыцкій чай,

жирный и темный, какъ подобаетъ въ такой калмыцкой юртѣ; я его, однако, пилъ съ наслажденіемъ, тѣмъ болѣе искреннимъ, что потерялъ-было на него всякую надежду. За чаемъ слѣдовала отвратительная пшенная каша на овечьемъ молокѣ, придымленная, вонявшая овцою; чобанъ сготовилъ намъ ее въ котлѣ, способномъ напитать пять тысячъ человѣкъ безъ всякаго вмѣшательства чудесъ. Сначала мы и на кашу накинулись съ азартомъ, но потомъ согрѣлись, наѣлись, и на четвертой ложкѣ смекнули, что она скверная.

Своей провизіи мы не вынимали, потому что ея было мало, а завтра предстоялъ еще цѣлый день пути.

Ужинъ нашъ стоитъ кисти Сальватора Розы. Мы сидимъ на земляномъ полу, поневолѣ поджавъ ноги, вокругъ смѣшного круглаго столика, который вдвое ниже тѣхъ скамеечекъ, что наши бабушки ставили себѣ подъ ноги. Передъ нами чугунный котелъ, изъ котораго всѣ, мужчины и дамы, профессора и профессорши, черпаютъ другъ черезъ друга скверными деревянными ложками скверную кашу. Кругомъ насъ, по стѣнамъ и угламъ и на полкахъ, стоитъ и виситъ незатѣйливая посуда пастушескаго хозяйства, лежатъ стопки свѣжаго каймаку, въ кадкахъ знаменитый *катыкъ*, разведенный водою.

Всего этого попробовалъ я по обязанности присяжнаго туриста, и насилу отплевался! Каймакъ—это жирныя маслянистыя пѣнки, снимаемыя съ овечьяго молока, когда готовятъ сыръ; можетъ быть, теплыя они еще возможны; но отвѣдать кусочекъ холоднаго каймака — все равно, что откусить отъ сальной свѣчки. У татаръ, однако, нѣтъ выше лакомства, нѣтъ дороже угощенья.

Катыкъ совершенно противоположнаго рода. Это свернувшееся овечье кислое молоко, что-то въ родѣ творогу. Я говорилъ уже, что его размѣшиваютъ съ водою и пьютъ какъ воду, какъ квасъ, какъ чай.

Нѣсколько ѣдкій, очень для меня непріятный, а глотнуть его было необходимо уже потому, что чобанъ угощалъ имъ особенно радушно и очевидно не допускалъ даже мысли о возможности такого отношенія къ катыку, какое имѣлъ я внутри своей неопытной души.

Мы скоро улеглись. Ѣсть спѣшили, спать еще больше спѣшили.

Половина компаніи, несмотря на холодъ ночи и собакъ, должна была лечь на дворѣ, подъ открытомъ небомъ; укутанные кто какъ могъ, вооруженные, кто чѣмъ пришлось, удалились наши абреки, подъ прикрытіемъ чобана, на свои жесткія ложа, и мы слышали, какимъ враждебнымъ ропотомъ встрѣчали ихъ овчарки, мимо которыхъ они проходили.

Я думалъ, что засну какъ убитый, а мнѣ совсѣмъ не спалось. Мнѣ такъ стало хорошо въ этой землянкѣ кочевого пастуха, что душа проснулась, и наслаждалась созерцаніемъ.

Поэзія вальтер-скоттовскихъ горцевъ, такъ утѣшавшая и соблазнявшая мое дѣтство, живая, стояла кругомъ меня.

Спутники мои въ живописныхъ позахъ, всегда сообщаемыхъ неподдѣльностью, спали на шкурахъ и войлокахъ въ темной глубинѣ хижинки. У огня сидѣли неподвижныя фигуры чобановъ, исполненныя своей особенной красоты и силы. Съ ножами у пояса, зашитые въ бараньи куртки, съ широкою черною перевязью черезъ плечо, на которой, въ черномъ футлярѣ, хранятся молитвы Мохамеду — молитвы, которыхъ ни одинъ чобанъ не умѣетъ прочесть, но безъ которыхъ ни одинъ же чобанъ не рискнетъ выйти на пастбище, — обутые въ буйволовыя сандаліи, въ остроконечныхъ бараньихъ шапкахъ, глубоко надвинутыхъ на голову, загорѣлые, закаленные, съ мускулами, вылитыми изъ чугуна, сидятъ эти здоровенные пастухи, незнающіе ни простуды, ни страха и, одичалые въ своемъ горномъ уединеніи, безмолвно изумляются на чуждыя имъ одежды и чуждыя рѣчи. Тутъ не одни большіе,

между ними сидятъ молодые ребята, такіе же безмолвные и серьезные, въ такой же точно одеждѣ. Они особенно дико озираются на насъ и слѣдятъ за разговоромъ нашимъ, задумчиво вперивъ въ говорящаго свои чорные широкооткрытые глаза. Такъ смотрятъ на человѣка волчата и орленки, попавшіе въ неволю. Эти строгія маленькія лица мало похожи на дѣтскія. Видно, недолго знали они ласки матери и отраду домашняго очага. Ихъ воспитала суровая дисциплина холода, опасности и труда, которая стоитъ всякой школы.

Изъ этой школы не выйдетъ ни болтуна, ни лѣнтяя, ни бездѣльника. Изъ нея выходятъ только сносливые труженики. Эти серьезные глаза навѣрное почитаютъ отца и вѣрятъ въ Бога.

Чобаны сидятъ не шевелясь, не перекидываясь словомъ. Пустыня не располагаетъ къ болтовнѣ.

Они назяблись въ бурную ночь на своихъ сторожевыхъ постахъ и сошлись теперь погрѣться къ костру.

За нихъ теперь караулятъ вѣрные псы, разсыпавшіе свою цѣпь кругомъ стада; эти часовые не проспятъ и не выдадутъ. Когда дымъ костра стихаетъ, и очищается отъ него отверстіе плетеной стѣны, глядитъ сквозь него въ освѣщенную землянку синее небо, уже безъ тучъ и молній, тихо мигая звѣздами...

Нашу крошечную хижинку изъ вѣтвей и земли кругомъ обложила армія овецъ... Ихъ чиханье и перхота, безпокойное блѣянье во снѣ и глухой шелестъ многихъ тысячъ переминающихся ногъ— слышны всю ночь... Иногда вскочитъ одна, чѣмъ нибудь напуганная овца, и цѣлая отара вдругъ всполыхнется за нею, затопчется, и слышенъ нѣсколько минутъ шумъ безсмысленной давки...

Время отъ времени подаетъ голосъ сторожевой песъ, почуявшій волка, и по всей цѣпи, какъ бѣглый огонь, пробѣгаетъ безпокойный брехъ...

Охрипшій голосъ чобана свиститъ и уськаетъ гдѣ-то на краю,

пронзая холодную ночь... Псы надрываются и несутся въ одну сторону...

Лай ихъ дѣлается все глуше и глуше...

Грѣвшіеся чобаны подымаются и уходятъ къ своимъ отарамъ, низко сгибаясь въ дверяхъ... Только старшій чобанъ возится съ своими котлами и своимъ сыромъ. Онъ одинъ знаетъ секретъ его варки и поминутно подбавляетъ въ котлы какіе-то кусочки, подкладываетъ и отгребаетъ угли. Но вотъ и онъ начинаетъ успокоиваться. Онъ снялъ свою баранью шапку и сидитъ теперь, рѣзко вырѣзаясь на фонѣ огня своею гладко выбритою головою, съ пучкомъ волосъ посреди макушки... Мы смотримъ другъ на друга, и онъ, повидимому, понимаетъ мое любопытство.

Огонь, между тѣмъ, мало-по-малу стихаетъ, и чорныя тѣни гнѣздятся уже по угламъ... Мои спутники легонько похрапываютъ, и во всей землянкѣ не спимъ только мы двое, я да старый чобанъ.

Вдругъ раздались нѣжные, за душу хватающіе, звуки; казалось, запѣлъ сильный женскій голосъ. Переливаясь, ноя и плача, съ какимъ-то особенно жалобнымъ выраженьемъ, дрожащими трелями, разносились звуки этой неожиданной пѣсни изъ полуосвѣщенной землянки въ синюю темноту ночи, погасая въ холодномъ воздухѣ. Это старый чобанъ игралъ на волынкѣ. Я въ первый разъ услышалъ игру на волынкѣ.

Игралъ мастеръ своего дѣла, и игра меня поразила. Такую близость поэтически-настроенной души къ инструменту, выражающему это настроеніе, рѣдко найдешь въ другомъ инструментѣ.

Кромѣ того, я въ первый разъ слышалъ теперь хорошо спѣтую татарскую пѣсню. Въ ней много прелести. Это прелесть какого-то наивнаго, дѣтскаго характера: дѣтски-шаловливая и дѣтски плачущая; главное богатство ея въ короткихъ, нѣжно-переливающихся треляхъ, въ какомъ-то безпрестанномъ дрожаніи, подниманіи и упаданіи голоса...

Дудки поютъ, какъ свирѣль, только полнѣе и рѣзче, а мѣха гудятъ и ревутъ, давая общій фонъ переливамъ тэмы. Дудки тутъ солисты, мѣха — хоръ подъ сурдинку. Вообще игра оригинальная и чрезвычайно пріятная. Чобанъ игралъ для меня, и когда я поблагодарилъ его, онъ съигралъ мнѣ еще веселую татарскую пѣсенку. Она игрива и мила, какъ невинная шалость ребенка. Странно, что безмолвный и равнодушный татаринъ могъ создать такіе жизненные и нѣжные напѣвы...

Но ни прелесть пѣсни, ни искусство музыканта, ни оригинальность игры не могутъ объяснить той полноты наслажденія, какую испытывалъ я, слушая пѣніе чобана. Минута была тутъ все.

Послѣ страшной горной грозы и ночнаго путешествія по дебрямъ, здѣсь, въ заоблачной пустынѣ, среди спящихъ отаръ овецъ, среди стай волковъ, осаждающихъ отары, при свѣтѣ костра, въ земляномъ шалашѣ, услышать нѣжно-стонущую пѣснь на инструментѣ шотландскаго гайлендера, пѣснь, пропѣтую полупастухомъ, полуразбойникомъ, въ звѣриныхъ шкурахъ — это не часто приходится испытать въ рутинѣ нашей цивилизованной жизни.

Неудивительно, что сильнѣйшее наслажденіе получаемъ мы именно тамъ, гдѣ открывается намъ еще что нибудь невѣдомое.

Невѣдомое у насъ такая рѣдкость, что дѣлается драгоцѣнностью. Можетъ быть, оно-то и гонитъ въ полярныя моря, къ истокамъ Нила и въ кратеры вулкановъ.

Еще не замолкли очаровавшіе меня звуки, какъ вдругъ, въ глубокой тишинѣ, бѣшено рванулись собаки.

Чобаны пронзительно, съ какимъ-то особеннымъ отчаяніемъ загоготали въ разныхъ мѣстахъ. Пѣвецъ мой быстро вскочилъ на ноги; въ углу стояло его ружье, онъ схватилъ его, и, сгибаясь какъ хищный звѣрь, широко шагая, выбѣжалъ изъ шалаша. Я ждалъ, что будетъ?

Выстрѣлъ раздался сухой, короткій, но его тотчасъ же раз-

несло громомъ по скаламъ и оврагамъ; чѣмъ дальше, тѣмъ глуше; казалось, онъ скатывался съ Чатырдага въ подземную пропасть. Собаки лаяли на бѣгу, все удаляясь.

Чобанъ возвратился черезъ $^{1}/_{4}$ часа, попрежнему спокойный и угрюмый, зарядилъ опять ружье, опять поставилъ его въ уголъ и подсѣлъ опять къ своимъ котламъ.

— Кто-то подходилъ, объяснилъ онъ мнѣ.

— Волкъ?

— Нѣтъ, человѣкъ подходилъ.—Меня удивило, откуда тутъ возьмется человѣкъ, кромѣ своихъ же чобановъ. Лѣзть на Чатырдагъ въ глубокую ночь, за одною овцою, зная чобановъ и ихъ собакъ—промыселъ довольно невыгодный. Чобанъ зналъ скверно порусски, и мы съ нимъ разговорились. Онъ разсказалъ мнѣ, что чобаны другихъ отаръ часто крадутъ овецъ, зная хорошо натуру собакъ, и всѣ обычаи кочевья.

Многихъ сами собаки знаютъ; это облегчаетъ самое воровство. Причина воровства весьма проста: чобаны нанимаются у хозяевъ не за деньги, а за овецъ; получаютъ все готовое, пищу, одежду, а въ награду штукъ 20 или 16 овецъ, по уговору.

Это вполнѣ библейскій способъ, напоминающій пастушество Іакова и Моисея. Овцы пастуха остаются въ стадѣ, пока пастухъ при немъ. У нѣкоторыхъ молоденькихъ чобановъ, которыхъ я видѣлъ у огня, есть уже по 40 и по 50-ти овецъ. У старыхъ бываетъ по сотнямъ. Такимъ образомъ, чобанъ, оберегая стада хозяина, оберегаетъ и свою собственность; онъ не простой наемникъ, а какъ бы пайщикъ, участникъ въ хозяйской выгодѣ. Чѣмъ лучше уходъ за стадомъ, тѣмъ удачнѣе плодится оно, тѣмъ меньше овецъ погибаетъ. Собственный интересъ чобана заставляетъ радѣть о хозяйскомъ добрѣ; волкъ, голодъ, болѣзни не будутъ разбирать, что̀ хозяйское, что̀ чобанское.

Оттого-то чобанъ просто роднится съ своими стадами; это отцы овецъ, а не погонщики; конечно, грубые и жестокіе отцы,

отцы-дикари. Они знаютъ въ лицо каждую овцу, каждаго барана. А намъ кажется ихъ стадо однообразнымъ и безличнымъ, какъ волны моря, какъ поле ржи. Чобаны не считаютъ обыкновенно овецъ; но вечеромъ и утромъ они *переглядываютъ* ихъ, и тотчасъ замѣчаютъ, если нѣтъ одной, двухъ, десяти.

Замѣчаютъ не по числамъ, а по физіономіямъ; какъ опытный надзиратель, войдя въ классъ, безъ переклички замѣчаетъ отсутствіе Петрова или Иванова, ибо не видитъ слишкомъ знакомой физіономіи ихъ, такъ легко замѣчаетъ отсутствіе своихъ питомцевъ чобанъ. Счетъ производится только старшимъ чобаномъ, атаманомъ цѣлой отары, въ извѣстные сроки, съ цѣлью учета и провѣрки подчиненныхъ ему чобановъ. Такимъ образомъ отара, какъ полкъ на батальоны, разбивается на отдѣльныя стада, и каждое стадо имѣетъ своего патрона, отца, руководителя, съ которымъ днюетъ и ночуетъ, на полной отвѣтственности котораго лежитъ всякая овца.

Съ политико-экономической точки зрѣнія, это весьма удобное устройство, самое современное и либеральное, несмотря на всю патріархальность: каждая хозяйственная община живетъ вполнѣ самостоятельно, на свой страхъ и по своей волѣ; паси, гдѣ хочешь, какъ хочешь; чобану дается только одна задача: сбереги, наплоди овецъ; средства зависятъ отъ него. Ему не предписывается каждый шагъ, а только повременамъ контролируютъ его дѣйствія. Нехорошъ, невыгоденъ — его отстраняютъ. Собственная выгода принуждаетъ его быть старательнымъ и даже честнымъ. Сами хозяева не въ состояніи слѣдить за дѣйствіями чобана. Чтобы учитывать ихъ и наблюдать за ними, необходимъ мастакъ изъ нихъ же самихъ. Поэтому, всѣ заботы хозяина направлены къ тому, чтобы отыскать надежнаго атамана. Ѳнъ пользуется безграничнымъ довѣріемъ; онъ пріискиваетъ другихъ чобановъ; онъ требуетъ съ нихъ отчета, не давая самъ отчета, хозяину; онъ получаетъ деньги и припасы на содержаніе, соби-

раетъ молоко, сыръ. Ему ничего не стоитъ обмануть хозяина, ничѣмъ не рискуя: съѣлъ волкъ, упала въ пропасть, подохла, мало ли что можетъ случиться съ хилою овцою. Его не уличить, поэтому ему необходимо довѣрять; но его самого трудно провести: онъ знаетъ всякую норку въ горѣ, куда волкъ можетъ затащить овцу; онъ розыщетъ каждую косточку и узнаетъ всю подноготную про неисправнаго чобана. У чобановъ свои принципы чести, отъ которыхъ они рѣдко отступаютъ. Есть же такіе принципы у разбойниковъ, у отъявленныхъ бездѣльниковъ. Каторжникъ, совершившій не одно человѣкоубійство, гнушается скоромнымъ въ великую-пятницу, а безстыдный взяточникъ считаетъ иногда невозможнымъ пройти мимо нищаго, не сунувъ ему копѣечку. То же съ чобанами. Большею частью, они строго соблюдаютъ хозяйскую выгоду: не зарѣжутъ, не продадутъ его овцы, данной имъ на сохраненіе. Своихъ собственныхъ овецъ тоже жаль. Остается украсть изъ сосѣдней отары не нашего прихода, поэтому и грѣха нѣтъ. И вотъ, тотъ же чобанъ, который такъ сурово нравственъ по отношенію къ своему хозяину, опоясанный молитвою Мохамеда, лѣзетъ, какъ волкъ въ чужое стадо, и крадетъ. Мало, крадетъ: открой его чобанъ-хозяинъ, напади на него, онъ вынетъ ножъ и, если можетъ, зарѣжетъ его. Прежде это случалось очень часто, какъ говорилъ мнѣ разсказчикъ.

До выселенія татаръ, отаръ было множество; на одномъ Чатырдагѣ кочевало ихъ до 35-ти, по нѣсколько тысячъ каждая. Тогда-то чуть не каждую ночь происходили стычки и убійства. Отыскать было невозможно: чобаны проводятъ мѣсяцы на яйлахъ, пока встрѣнется кто изъ родныхъ, заглянуть на горы, справиться. „Не знаемъ, да не знаемъ; былъ у насъ, взялъ разсчетъ, и пошелъ!“ Тутъ вѣдь ни паспортовъ, ни контрактовъ, ни квитанцій! Обыщи-ка, ступай, всѣ провалы и пещеры Чатырдага? Должно быть, было хорошее времячко и хорошіе молодцы, когда этотъ дикарь-чобанъ говорилъ про нихъ съ ужасомъ и

отвращеніемъ, какъ про разбойниковъ. А онъ самъ, признаюсь, казался мнѣ настоящимъ разбойникомъ, и я не вполнѣ былъ увѣренъ, что встрѣча съ нимъ въ одиночку на глухой лѣсной дорожкѣ окончилась бы всегда дружелюбно.

Вездѣ и во всѣхъ обстоятельствахъ невѣжество похоже само на себя. Хваленое гостепріимство бедуина, который, тотчасъ по выходѣ путника изъ шатра его, садится на лошадь, чтобы подстеречь его въ пустынѣ—буквально повторяется въ жизни этихъ горныхъ дикарей; намъ можно было спать спокойно, хотя бы вмѣсто чобана у костра сидѣлъ настоящій бандитъ.

Гостепріимство священно даже для невѣжества, даже для разбойниковъ по ремеслу. Кому изъ насъ не случается быть радушно принятымъ, обласканнымъ, накормленнымъ въ домѣ человѣка, котораго каждый кусокъ хлѣба украденъ у нуждавшихся въ немъ и зависѣвшихъ отъ него.

Суровые анекдоты про чобанскую жизнь разсказывалъ мнѣ атаманъ: кто переноситъ съ дѣтства такія опасности и невзгоды, кто полжизни проводитъ въ пустынѣ за облаками, въ обществѣ волковъ и овецъ, тотъ понеловѣ станетъ дикаремъ и здоровякомъ. Волки постоянно осаждаютъ чобана; они къ нимъ такъ же привыкаютъ, какъ мы къ грачамъ, воробьямъ и крысамъ. Днемъ они встрѣчаютъ въ лѣсахъ Чатырдага штукъ по 20 волковъ вмѣстѣ. Ночью волки не сходятъ съ дорогъ, съ тропинокъ: въ лѣсу на цѣлинѣ ихъ не увидите. Чобанъ увѣрялъ меня, что собственноручно убилъ уже 5-хъ волковъ съ начала лѣта, то-есть въ теченіе одного мѣсяца. Волки — отчаянные и хитрые воры; они умѣютъ такъ забиваться въ камни Чатырдага, между выдающимися ребрами земныхъ слоевъ, что ихъ не замѣтитъ въ сумерки даже опытный глазъ. Иногда волкъ лежитъ тамъ по нѣскольку часовъ, ожидая приближенія замѣченнаго имъ стада. Онъ даетъ ему стать просто надъ головою своею, и тогда безъ малѣйшаго шума, разомъ хватаетъ овцу, которая ему понрави-

лась. Овца никогда не крикнетъ въ зубахъ волка, по увѣренію чобана: зарѣзавъ одну овцу, онъ спокойно переходитъ къ другой не распространяя ни малѣйшей тревоги. Но бѣда, если онъ наткнется на козу; коза реветъ благимъ матомъ при одномъ появленіи волка, и отчаянный крикъ ея лучше всякой сигнальной трубы, подниметъ на ноги собакъ и пастуховъ. Волки не терпятъ козъ. Чобаны говорятъ о волкахъ, какъ о врагахъ съ хорошо знакомой имъ физіономіей и съ весьма опредѣленнымъ именемъ.

Это для нихъ не безразличная масса, а отдѣльныя личности. Говорятъ нетолько о волкахъ, но и о такомъ-то именно волкѣ. „Бѣлый волкъ" пришелъ на Чатырдагъ вотъ уже три года, сообщилъ мнѣ атаманъ; а съ прошлаго году зашелъ сюда какой-то чорный волкъ, совсѣмъ куцый, и остался зимовать.

Встрѣча съ волками—это для чобана такая вещь, которую онъ едва замѣчаетъ. Одинъ старый чобанъ изъ ихъ отары (я видѣлъ его у огня), по словамъ атамана, отбивался палкою отъ 16 волковъ, пока прибѣжали на помощь собаки.

Самого атамана, когда ему было три года, волкъ утащилъ въ зубахъ соннаго, принявъ его за овцу; вопли и движенія ребенка испугали звѣря, и онъ бросилъ его на дорогѣ. Чобаненокъ былъ боленъ три мѣсяца, потомъ, вѣроятно, совсѣмъ забылъ объ этомъ эпизодѣ, потому что продолжалъ ночевать среди отаръ, какъ ни въ чемъ не бывало. Собаки—главные спасители стадъ и людей. Чобанская собака, по словамъ атамана, въ одиночку душитъ волка; на видъ онѣ не особенно огромны, только необыкновенно свирѣпы; онѣ на высокихъ ногахъ, поджары, лохматы и съ очень длинными челюстями; почти всѣ бѣлыя, а глаза словно кровью налитые. Атаманъ передалъ мнѣ живописный разсказъ о томъ, какъ собака боролась въ оврагѣ съ волкомъ: „они обхватились, какъ человѣкъ, и боролись долго, какъ че-

ловѣкъ, вставъ на заднія ноги; и собака загрызла его!“ говорилъ, торжествуя, атаманъ.

При свирѣпости и силѣ своей, пастушьи собаки чрезвычайно умны. Онѣ умѣютъ сами собой раскидывать цѣпь кругомъ стада, отрѣзать волку дорогу, сбираться разомъ на одинъ пунктъ; по голосу хозяина онѣ узнаютъ даже оттѣнки его воли и слушаются его, несмотря на свою дикость, какъ учителя благонравные ученики.

— Какъ же подходятъ къ вамъ чужіе люди? Вѣдь они на смерть заѣдятъ? спросилъ я чобана.

— Какъ? отвѣчалъ онъ весьма спокойно.—Чужой придетъ— на дерево лѣзетъ, кричитъ: „чобанъ, отбей собакъ!“ Я и самъ по лаю знаю — человѣкъ или волкъ; а когда чобанъ сказалъ, собака не тронетъ!

Ему казалось, что этотъ способъ доклада о себѣ посредствомъ взлѣзаній на дерево и отчаянныхъ криковъ—вполнѣ удобенъ и естественъ.

Но хорошо, когда есть дерево, хорошо, когда умѣешь лазать на него; а если нѣтъ? Онъ самъ разсказывалъ мнѣ столько исторій о солдатахъ и крестьянахъ, растерзанныхъ овчарками...

Перешли къ Алиму. Алимка разбойничалъ лѣтъ 15 тому назадъ; его имя живетъ въ Крыму, какъ въ Шотландіи имя Робингуда. Это — разбойникъ-рыцарь, по понятію народа, особенно по понятію татаръ. Татары считаютъ его скорѣе героемъ, чѣмъ разбойникомъ. Они прославляютъ его подвиги даже въ пѣсняхъ.

Исторію Алимки знаетъ въ Крыму всякій мальчишка; живы люди, среди которыхъ онъ геройствовалъ, цѣлы предметы, почему либо ознаменованные его именемъ; но о немъ самомъ уже составились саги.

Алимка былъ богатырь и воръ. Онъ считался карасубазарскимъ мѣщаниномъ, и потому воровалъ въ Карасубазарѣ. Об-

щество караимовъ, самое зажиточное сословіе Карасубазара, тяготясь подвигами Алимки, отдало его за воровство въ солдаты. Алимка попалъ въ Бобруйскую крѣпость и велъ себя примѣрно. По истеченіи извѣстнаго срока, сдѣлали въ Карасубазаръ запросъ, не желаетъ ли онъ опять водворить у себя Алимку; отзывъ о немъ дали вполнѣ хорошій. Но караимы единодушно отказались отъ Алимки.

Говорятъ, этотъ отказъ глубоко оскорбилъ Алима. „Коли вы меня, честнаго человѣка, боитесь какъ вора—такъ буду же я настоящій воръ!“ сказалъ онъ самъ себѣ. Изъ крѣпости онъ бѣжалъ и, послѣ разныхъ похожденій, прибылъ въ родной Карасубазаръ.

Съ этой минуты начинается Илліада Алима. Онъ является уже не уличнымъ воромъ, пьяницей-мѣщаниномъ, а могучимъ степнымъ разбойникомъ. Онъ ѣздитъ въ одиночку безъ товарищей и безъ шайки, верхомъ на степномъ скакунѣ, съ ружьемъ да ножомъ. Онъ ни съ кѣмъ не дѣлитъ ни опасности, ни добычи, ни богатырской славы. Гдѣ онъ покажется, онъ властвуетъ; двери передъ нимъ отпираются, нагибаются головы. Его кормятъ и поятъ, одѣваютъ и обогрѣваютъ.

Онъ ночуетъ въ лучшей комнатѣ мурзака, охраняемый имъ, какъ повелитель; онъ выбираетъ изъ его табуна лучшаго коня и ѣдетъ на немъ, не спрашиваясь хозяина.

Царемъ крымскихъ степей, крымскихъ дорогъ, сталъ Алимъ. О борьбѣ съ нимъ нельзя думать. Гдѣ только завидѣлась его шапка, тамъ бѣгство.

Нѣсколько фургоновъ, набитыхъ мужчинами сильными и здоровыми, останавливаются по знаку руки Алима и отдаютъ ему все, что онъ требуетъ. Дворники и хозяева трактира смотрятъ на этотъ дневной грабежъ въ почтительномъ безмолвіи, и готовятъ заранѣе угощеніе Алиму.

Но Алимка разбойникъ-патріотъ, великодушный покровитель

бѣдныхъ. Онъ не трогаетъ ни одного татарина; бѣдному даетъ деньги и платы; татары и боятся и любятъ его; любятъ, можетъ быть, сильнѣе, чѣмъ боятся.

Вся ненависть татарина Алимки обращается на караимовъ; вся ненависть пролетарія Алимки на богатыхъ купцовъ. Жестоко отомстилъ онъ главнымъ притѣснителямъ своимъ въ Карасубазарѣ. Но этого мало ему. Онъ одинъ, своею личною храбростью и проворствомъ, блокируетъ всѣ караимскіе города; караимскіе купцы не осмѣливаются выѣхать изъ Евпаторіи, Бахчисарая и Карасубазара: торговля замѣтно останавливается.

Ежедневно новые слухи о новыхъ грабежахъ Алима: того убилъ, у того отнялъ весь товаръ. Безпокойство распространяется на весь Крымъ.

Не хотятъ вѣрить, чтобы Алимка былъ одинъ; онъ кажется вездѣсущимъ. Сегодня даютъ знать, что видѣли Алима у Карасубазара, что онъ остановилъ тамъ обозъ; евпаторійскіе купцы пользуются случаемъ, спѣшатъ поскорѣе въ Симферополь — а уже на дорогѣ Алимъ! Опять пропалъ товаръ, купцы избиты, иногда убиты.

У него вездѣ были агенты. Кто они были? исчислить трудно; скорѣе всего — всѣ татары. Алимъ никогда не носилъ одного платья два дня сряду; у каждаго мурзака онъ переодѣвался заново. То онъ мурзакъ, то онъ чобанъ, то онъ военный. Слѣды его обрывались на каждомъ шагу, да никто и не выдавалъ его. На народъ такое вездѣсущіе, такое всесиліе Алима производило необыкновенное впечатлѣніе. Его считали заколдованнымъ, его сила почиталась сверхъестественною. Пойти противъ него могъ тотъ, у кого двѣ головы на плечахъ. Видѣли собственными глазами, что съ нимъ, съ однимъ человѣкомъ, съ бѣднымъ карасубазарскимъ мѣщаниномъ, не можетъ справиться ни начальство, ни войско. Отряды солдатъ были вызваны съ исключительною цѣлью поимки Алима. По дорогамъ ходили патрули; полиція, жандармы, сами

обыватели то и дѣло были тревожимы устройствомъ ночныхъ облавъ и экстренныхъ обходовъ.

Всячески пытались изловить Алимку: подкупомъ, хитростью, открытою силою, а онъ преспокойно разъѣзжалъ по своимъ обычнымъ дорожкамъ, на знакомой всѣмъ лошадкѣ, заѣзжалъ поѣсть въ трактиры, на большихъ дорогахъ, при дневномъ свѣтѣ, не стѣсняясь публикою, даже гулялъ по губернскому городу, посмѣиваясь надъ полиціею, какъ будто дѣло касалось совсѣмъ не его. Однако, поймали-таки Алимку. Остановилъ онъ разъ на большой дорогѣ карету съ шестеркой почтовыхъ лошадей. Въ каретѣ былъ генералъ съ дочерью, гласитъ сказанье, на козлахъ лакей и ямщикъ, на лошади другой ямщикъ. Алимка былъ одинъ на своей лошадкѣ. Онъ приказалъ людямъ не трогаться съ мѣста, а генералу велѣлъ выбросить бумажникъ. Генералъ сталъ ругаться, гнать ямщика, но Алимъ поднялъ ружье и далъ 5 минутъ срока. Ямщики стояли, какъ вкопаные, а генералъ сталъ торопиться доставать бумажникъ. Обычай Алима при нападеніи былъ всегда одинъ: онъ становился отъ дороги нѣсколько поодаль, и требовалъ, чтобъ остановленная имъ публика выходила изъ экипажа, оставляя на землѣ деньги и пожитки, и удалялась шаговъ на 50. Когда приказъ исполнялся, Алимъ спокойно подъѣзжалъ къ экипажу, выбиралъ, что̀ ему было нужно, и ѣхалъ затѣмъ такъ же спокойно назадъ. Рѣдко онъ прибѣгалъ къ силѣ, къ выстрѣламъ; обыкновенно достаточно было его одного имени, одного вида, а поднятое ружье смиряло всякаго храбреца.

Ограбленный генералъ не могъ простить себѣ своего позора; онъ былъ заѣзжій, и никакъ не хотѣлъ понять обаянія алимкинской славы, отъ которой опускаются руки у четырехъ передъ однимъ. Онъ поѣхалъ въ Одессу и поднялъ шумъ. Приказано было принять чрезвычайныя мѣры для освобожденія Крыма отъ степного царька. Поняли, что его сила въ татарахъ; что безъ поголовнаго прикрытія его татарами, онъ недолго бы геройство-

валъ. Стали доѣзжать татарскія селенія, въ которыхъ чаще скрывался Алимъ, военными постоями, стали налагать денежныя пени; словомъ, дали почувствовать татарамъ, что они отвѣчаютъ за подвиги Алима. Больше всего сердитъ былъ на Алима одинъ русскій мужичокъ, здоровякъ и молодецъ, не хуже самаго Алима, волостной голова въ селеніи *Зуяхъ*. Онъ далъ себѣ слово поймать Алимку и гонялся за нимъ, гдѣ только могъ, какъ борзая за волкомъ.

Разъ онъ совсѣмъ было окружилъ и схватилъ его пьянаго. Народу было много, но богатырь Алимъ отбился отъ всѣхъ, отрубилъ одному руку и ускакалъ въ степь; за нимъ гнались, дѣваться было некуда, и Алимъ рѣшился спастись въ Симферополь. Онъ въѣхалъ въ городъ ночью, и чтобы долго не разыскивать помѣщенія, завернулъ въ городской садъ, прямо противъ дома губернатора. Тамъ, въ бесѣдкѣ, въ которой мы такъ часто наслаждаемся музыкою богемцевъ, легъ онъ себѣ отдохнуть отъ похмѣлья и отъ трудовъ недавней схватки, привязавъ тутъ же къ бесѣдкѣ своего знаменитаго конька.

На бѣду его былъ праздникъ, и полицейскій обходъ подбиралъ въ саду запоздавшихъ пьяницъ. Наткнулись на коня, потомъ и на спящаго Алимку; посвѣтили фонаремъ: татаринъ-городовой съ ужасомъ узнаетъ Алимку; глядитъ на лошадь — Алимова! и татаринъ и рекрута, бывшіе въ обходѣ, хотятъ дать тягу; однако опомнились, видятъ, что сонный, начинаютъ вязать. Алимъ былъ пьянъ, не могъ расправиться по обычаю; рекрута сидѣли у него на рукахъ и ногахъ, и онъ волочилъ ихъ на себѣ, стараясь, сбросить; ихъ было шесть на одного; насилу удалось имъ втолкнуть его подъ скамейку; тутъ его прижали; послали за подмогою, пришло еще людей, но и съ ними едва удалось связать Алима.

— Эхъ, кабы не пьянъ, говорилъ Алимъ, когда его вели въ острогъ.

Посадили Алима въ секретную, подъ строгій караулъ; но недолго укараулили. Алимъ подговорилъ часового солдата, тотъ отперъ ему штыкомъ дверь, и оба бѣжали изъ острога. Черезъ стѣну перелѣзли, поставивъ дверь на дверь; а двери заранѣе сняли съ петель.

Поймали Алима и второй разъ. Тутъ выдалъ его свой же братъ мурзакъ. Облаву устроили съ большими предосторожностями.

Цѣлый батальонъ, переодѣтый въ разные костюмы, разными дорогами былъ посланъ къ назначенному мѣсту. Алимъ ночевалъ у чобановъ; мурзакъ навелъ на нихъ.

Солдаты навалились кругомъ, и чтобы не ошибиться, перевязали всѣхъ чобановъ, съ ними попался и Алимъ.

На этотъ разъ не откладывали въ долгій ящикъ: пустили Алима, какъ бѣглаго солдата, *по зеленой улицѣ*. Когда узнали, что Алима будутъ гонять сквозь строй, сбѣжались старъ и малъ; не было ребенка, говорили мнѣ очевидцы, который бы тогда остался дома.

Солдаты ненавидѣли Алима за вѣчные патрули и ночные походы по степи, въ которые гоняли ихъ, по его милости. Они колотили его на смерть съ безпримѣрнымъ ожесточеніемъ; палки, говорили мнѣ, едва были видны, только слышался свистъ ихъ и удары, словно дробь били. Алимъ безпрестанно падалъ подъ градомъ ударовъ, но оправлялся и шелъ далѣе, не издавая звука; окровавленное мясо висѣло у него на спинѣ клочьями.

Всей прогулки онъ не выдержалъ и упалъ безъ чувства; когда онъ выздоровѣлъ, ему досчитали недоданное; онъ не выдержалъ и второй разъ, и только на третьемъ пріемѣ расквитался окончательно.

Говорятъ, что послѣ того Алимъ бѣжалъ въ Турцію и живетъ тамъ до сихъ поръ въ богатствѣ и спокойствіи. Это, очевидно, татарская фантазія, вѣнчающая своего героя благочести-

вымъ концомъ. Очень можетъ быть, что вообще изъ переданнаго мною половина вымысла, половина преувеличенья; но въ такой формѣ живетъ въ Крыму память о знаменитомъ крымскомъ разбойникѣ Алимѣ, а для насъ это важнѣе историческаго факта.

Надобно было проснуться рано, встрѣчать восходъ солнца. Да и невозможно было не проснуться рано. Земля подъ спиною, сѣдло подъ головою—не располагаютъ къ утренней нѣгѣ; чобаны были на ногахъ за долго до солнца. Костры еще тлѣли подъ котлами, но уже ни одного чобана не было въ землянкѣ. Шумъ и движеніе рабочаго утра слышались на дворѣ. Я вышелъ изъ землянки, осторожно оглядываясь на собакъ. Мы спали въ облакѣ. На землянкѣ, на стадахъ, на окрестныхъ скалахъ сидѣло густое, бѣлое облако. Оно ночевало на насъ. Сыро и туманно было кругомъ, и этотъ бѣлый туманъ едва только сталъ колыхаться и распалзываться.

Овечьи голоса стояли въ этомъ густомъ воздухѣ. Ягнята, отдѣленные на ночь въ особенное стадо, проголодавшись и соскучавшись безъ матерей, жалобно плакали; было что-то человѣческое, что-то дѣтское въ ихъ нетерпѣливомъ блѣяніи. Вытаращивъ уши и хвостики, безпокойно бѣгая глазами, скакали они другъ къ другу, судорожно дергали другъ друга за несуществующіе сосцы, въ своей торопливости, принимая за мать перваго встрѣчнаго.

Странно было смотрѣть на это безсмысленное волненіе: то вдругъ перескочитъ одна овца черезъ другую, то вдругъ пугливо шарахнется въ сторону; безъ всякой видимой причины, цѣлое стадо вдругъ заколышется однимъ инстинктивнымъ содраганіемъ, прильетъ, какъ волна, отольетъ какъ волна; задвигается и зашумитъ, словно распущенная школа.

Козы и козлы кампировали особнякомъ, на каменныхъ высотахъ. Они охотники до живописной эфектной позировки, и надменно относятся къ овечьему стаду. Важно и самоувѣренно, за-

кинувъ назадъ красивые рога, шевеля бородами и лохматыми шубами, они ожидаютъ выступленія въ походъ въ челѣ арміи, какъ гвардія среди ирегулярныхъ войскъ.

Доили матокъ—это доенье начинается до разсвѣта и длится около трехъ часовъ. Въ особыхъ плетеныхъ загородкахъ, прямо на землѣ сидѣли рядомъ на корточкахъ чобаны; атаманъ былъ въ серединѣ. Передъ каждымъ стояла огромная лахань. Несмотря на утреннюю прохладу, чобаны были безъ шапокъ и безъ куртокъ, въ однѣхъ рубашкахъ съ засученными рукавами. Бритыя, лоснящіяся головы, съ длиннымъ чубомъ на макушкѣ, дикія загорѣлыя физіономіи, съ бѣлыми зубами, и мощная мускулатура придавали имъ видъ какихъ-то кочевыхъ варваровъ, печенѣговъ или комановъ. Работа была трудная, потъ лилъ съ нихъ градомъ. Другіе чобаны хворостинами вгоняли матокъ въ узкія отверстія загородокъ, изъ которыхъ онѣ попадали къ доильщикамъ. Грубо хватали чобаны испуганныхъ матокъ, прямо за полныя сосцы, и приподнимали за нихъ на воздухъ весь задъ, быстро выдавливая молоко въ свои огромныя лахани; овцы бились и кричали отъ этихъ мучительныхъ пожатій. Оттолкнувъ одну, чобанъ такъ же грубо схватывалъ и подтягивалъ къ себѣ за сосцы другую овцу, и такъ же встряхивалъ ее задомъ вверхъ, чтобы поспѣшно выдоить какія-нибудь двѣ-три ложки молока. Немудрено, что при этомъ способѣ овцы не даютъ много. Съ жадной дрожью, съ ребяческимъ крикомъ встрѣчали выдоенныхъ матокъ ягнята, иногда больше ростомъ, чѣмъ сами матери, и бросались подъ нихъ, судорожно дергая и кусая опустѣвшія сосцы.

Пока сѣдлали лошадей, я пошелъ за чобаномъ посмотрѣть, откуда берутъ они себѣ воду. Странную вещь увидалъ я, оригинальную и живописную до изумленія. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ землянки, въ густомъ лѣсочкѣ, мы спустились на дно глубокаго оврага, уходившаго внизъ воронкою. На днѣ воронки зіяла

чорная яма. Это была пещера Каръ-Коба, то-есть снѣговая. Я полѣзъ туда вслѣдъ за старымъ, хромымъ татариномъ, который намоталъ себѣ на плеча не то одѣяло, не то рѣдно; мы спускались по суковатому бревну, приставленному къ краю отверстія, въ замѣнъ лѣстницы; это было цѣлое ободранное дерево съ обрубленными вѣтками; внизу было не совсѣмъ темно.

Сверху и изъ разныхъ внутреннихъ отверстій лился голубоватый свѣтъ. Передо мною были высокія темныя арки, обвитыя яркою зеленью мховъ и травъ; такъ въ балетахъ представляютъ гроты морскихъ царицъ. Мхи висѣли гирляндами, бахромами. Арки вели въ новыя пещеры, еще глубже. Непонятно, откуда проникалъ сюда свѣтъ, словно въ камняхъ скрывались искусно маскированныя окна. Идти было нельзя: надобно было ползти, и то было опасно; спуски состояли изъ обледенѣвшаго, но уже разрыхленнаго снѣга, съ котораго можно скатываться только на салазкахъ; сырость и холодъ были очень чувствительны, нога ежеминутно скользила. По сторонамъ открывались различныя пасти, ведущія въ бездонныя пропасти. Ко многимъ я пригинался и бросалъ туда камни. Звукъ ихъ паденія не долеталъ до меня; словно они пролетали въ преисподнюю; снѣговымъ холодомъ дышали эти темныя дырья; снѣгъ набивалъ всѣ отверстія и впадины этой пещеры-норы. Чѣмъ глубже спускались мы, тѣмъ его было больше, и онъ былъ крѣпче. Хромой старикъ ползкомъ залѣзъ въ одну изъ чорныхъ дыръ, и вылѣзъ оттуда съ огромною глыбою снѣга на спинѣ; онъ завернулъ ее въ одѣяло, и сталъ теперь съ усиліемъ выбираться изъ глубины пещеры по скользкому ледяному скату; я едва поспѣвалъ за нимъ.

Пещера Каръ-Коба—единственный источникъ воды для чобановъ, снѣгъ въ ней не растаяваетъ въ самыя жаркія лѣта; да и какое у него отношеніе съ жаромъ и холодомъ атмосферы? Въ началѣ лѣта снѣгъ берутъ въ самомъ верху пещеры, но чѣмъ дальше подвигается лѣто, тѣмъ ниже спускается снѣгъ, тѣмъ

затруднительнѣе доставать его. Чобанъ разсказывалъ мнѣ, что провалы этой пещеры идутъ сквозь весь Чатырдагъ, сверху до низу; что чобаны ихъ спускаются иногда гораздо ниже и нигдѣ не находятъ ничего похожаго на дно; безъ сомнѣнія, подобныя трещины, набитыя вѣчнымъ снѣгомъ, служатъ главнымъ источникомъ множества ключей, которые сочатся какъ черезъ фильтру, сквозь пористый известнякъ Чатырдага, и кормятъ собою столько горныхъ рѣчекъ.

Долго оставаться въ этой пещерѣ невозможно; безъ калошъ и теплаго платья можно простудиться на смерть. Я изумлялся несокрушимому здоровью и силѣ этого искалеченнаго старика, который спускался въ ледникъ въ одной дырявой рубашкѣ, и съ ловкостью дикой козы карабкался по льду, потомъ по стволу дерева, неся на своей спинѣ ворохъ снѣгу. Снѣгъ этотъ онъ положилъ въ большой ушатъ, стоявшій посереди двора; солнце мало по малу обратитъ его въ чистую, какъ ледъ холодную воду.

Облака несутся мимо насъ и черезъ насъ, какъ дымъ; утренній вѣтеръ сметаетъ ихъ съ горы, и чистое небо голубѣетъ уже наверху. Опять на коняхъ наша бодрая кавалькада. Никто не выспался, а никому не хочется спать.

Всѣхъ освѣжало веселое горное утро. Теперь приходилось подниматься на настоящій Чатырдагъ, на тотъ каменный шатеръ, который еще на 100 сажень выше Біюкъ-Ямкойской Яйлы. Кажется, такъ бы и взбѣжалъ на этотъ зеленый холмикъ, а на дѣлѣ далеко не то; этотъ подъемъ значительно труднѣе всѣхъ, сдѣланныхъ нами до сихъ поръ. Мы взбирались часа три или четыре; роса въ густой травѣ обливала ноги, какъ дождь; лошади, непоенныя цѣлый день, съ трудомъ карабкались на гору, оказавшуюся чуть не отвѣсною; онѣ останавливались на каждомъ шагу, чтобы вздохнуть; низкіе кусты можевельника, распластав-

щіеся какъ трава по выбоинамъ камней, прикрывали ямы, въ которыя постоянно оступались лошади. Гора, казавшаяся издали сплошною зеленью, обнаружила теперь всѣ свои неровности; камни, острія, ребра торчали на всемъ пути.

Не было ни одной тропинки; надобно было шагать то черезъ глыбы, то черезъ впадины. На $^1/_2$ горѣ мы послѣзали съ измученныхъ лошадей и потащили ихъ въ поводу; но и это было также трудно.

Останавливались ежеминутно и садились отдыхать на камняхъ, наслаждаясь перспективой все болѣе и болѣе расширявшеюся. Лошади жадно ѣли горныя травы и съ неудовольствіемъ возобновляли мучительный подъемъ. Компанія наша растянулась по всей горѣ: кто отсталъ, кто отдыхалъ, кто торопился на гребень горы. Наконецъ въѣхали. Небо уже совсѣмъ чистое, ясное и наверху луга, зеленые какъ бархатъ. Что за травы! душистыя, яркія, сплошнымъ, мягкимъ ковромъ одѣваютъ камень. Всѣ травы, словно запоздавшія: весеннія незабудки, какъ въ маѣ, анютины глазки, эспарцетъ, всѣ веселые цвѣты русскихъ сухихъ луговъ. Ожидалъ на верху Чатырдага встрѣтить почти острый гребень, а находишь опять обширную равнину; на этой равнинѣ опять гора, она стоитъ на самомъ краю, съ югозападной стороны. Это высшая точка Чатырдага; вокругъ нея идутъ котловины и холмистыя возвышенія, настоящій каменный амфитеатръ, устланный зеленымъ бархатомъ. Надо завершить подвигъ, взобраться на послѣднюю вершину. Это уже нетрудно, потому что на вершинѣ Чатырдага большіе холмы, а не горы; такъ мягко и покойно въѣзжаетъ на зеленый холмъ послѣ мучительнаго карапканья по камнямъ.

Мы разочли невѣрно и прогуляли восходъ солнца, но никто не хотѣлъ вѣрить, чтобъ восходъ этотъ что-нибудь прибавлялъ къ нашему наслажденію.

На высотѣ 5,200 футовъ надъ поверхностью моря, въ царствѣ облаковъ, стояли мы, горсточка людей, владычествующая взоромъ

надъ цѣлымъ полуостровомъ. Горы были видны всѣ, отъ края до края; онѣ были видны въ темя, a vol d'oiseau. Степь охватывала гору съ одной стороны, море съ другой. Степь такая же безграничная и ровная, какъ море. Зеленыя долины съ своими садами, деревьями и усадьбами извивались узкими ленточками, черезъ ея сплошную, необъятную гладь. По нимъ можно было видѣть теченіе рѣкъ. Салгирь, Альма, Кача, Бельбекъ обозначались одна за другой, почти вплоть до своего впаденія. Симферополь съ своими домами и храмами ничтожною игрушечкою бѣлѣлся у самой горы, до котораго отъ него по прямой дорогѣ 30 верстъ. То пространство, которое виднѣлось за нимъ, было впятеро больше. Увѣряли меня, что виденъ Перекопъ и Сивашъ; я, признаюсь, ничего этого не видалъ въ далекомъ туманѣ. Яснѣе было море; на немъ отчетливо вырѣзалась севастопольская бухта и всѣ выступы горъ.

Мысъ Меганомъ, который ограничиваетъ въ большемъ далекѣ западную перспективу Алушты, казался теперь на срединѣ и за нимъ открылись новые берега, новые виды. Можетъ быть, вдали было видно и устье Керченскаго пролива. Знакомые намъ великаны казались отсюда холмами.

Даже близкая Демерджи виднѣлась иная и иначе. Мы долго занимались отгадываніемъ разныхъ мѣстъ; отыскали въ сплошныхъ лѣсахъ Яйлы бѣлую точку монастыря Савлукъ-су, отыскали въ горахъ столообразныя скалы Чуфута и Бахчисарая, Алушту, прилѣпленную къ морю, Корбеклы, прилѣпленную къ горѣ... Море было совершенно особеннаго цвѣта, съ какой-то нѣжною, блѣдно-голубою зыбью; оно было видно чуть не до Азіи; линія, на которой двигаются обыкновенно корабли, и которая съ берега кажется на краю горизонта, видна была теперь на самой серединѣ. Ее обозначали бѣлыя точки парусовъ. Мы расположились завтракать на краю утеса, выше котораго нѣтъ ни одного камня на Чатырдагѣ. Это буквально point culminant Чатырдага. Утесы этой стороны Чатырдага обрываются внизъ стѣною, почти отвѣс-

ною; снизу она кажется совершенно гладкою и бѣлою, но отсюда мы видимъ, изъ какихъ каменныхъ конусовъ, зубцовъ и башень состоитъ эта сѣрая твердыня.

Мы не могли отказать себѣ въ тщеславномъ и вмѣстѣ артистическомъ удовольствіи сѣсть на краю утеса, висящаго надъ бездною въ нѣсколько тысячъ футъ.

Есть какая-то непобѣдимая потребность доказать самому себѣ, что ты смѣешь, что ты не отступаешь передъ опасностью.

Впрочемъ, вся опасность въ томъ, чтобы не закружилась голова. Въ сущности же можно было лежать себѣ преспокойно и беззаботно на зеленой травѣ обрыва.

Прямо подъ нами были теперь тѣ огромные буковые лѣса, которыми мы недавно проѣзжали. Тысячелѣтнія деревья казались травою. Кое-гдѣ, по полянамъ паслись стада быковъ— настоящія разноцвѣтныя букашки. Высоко сидѣли мы и легко дышалось намъ. Но орлы были еще выше насъ и имъ, должно быть, дышалось еще легче. Распластавъ свои зубчатыя крылья, сверкая на солнцѣ своими бѣлыми головами, вольно плавали они на такой же высотѣ надъ нами, на какой мы были въ ту минуту надъ жилищами другихъ людей.

Десятки орловъ кружились и кричали вверху; можетъ быть, они удивлялись нашему приходу въ ихъ царство и обдумывали, что сдѣлать за это съ нами.

Но не одни орлы летали надъ Чатырдагомъ; летали тутъ мухи и бабочки, какъ въ садахъ и на лугахъ береговыхъ равнинъ; какъ онѣ залетѣли сюда, въ эти выси, доступныя только орлу? Мы видѣли съ Чатырдага и облака, которыя собирались на него въ сторонѣ; вѣтеръ задумывалъ гнать ихъ на голову великана, и они уже шевелились понемногу, подвигаясь впередъ. Облака были видны намъ совсѣмъ не въ той проэкціи, въ какой обыкновенно видимъ мы ихъ снизу, а какъ-то сбоку, особенно рельефно, и, такъ-сказать, матеріально.

Однако, не резонъ было дожидаться, пока собиравшіяся облака подвинутся на гору. Суруджи очень торопилъ насъ, угрожая серьезною опасностью. Въ туманѣ Чатырдагъ чрезвычайно опасенъ; найдти дорогу съ него тогда почти невозможно: тропинокъ нѣтъ, только и руководишься окрестностью. Ничего не стоитъ попасть въ проваль или кружиться около однихъ и тѣхъ же утесовъ. Мы торопились завтракать, доѣдая послѣдніе путевые запасы; опустошенныя бутылки эфектно разбивались объ утесы пропасти, куда мы низвергали ихъ. Недоѣденное оставили полакомиться орламъ. Обратная поѣздка стоила немалыхъ трудовъ. Самъ суруджи ѣхалъ неувѣренно и мѣнялъ иногда направленія.

Изъ опасенія ли дѣйствительно грозы, или просто изъ желанія возвратиться поскорѣе домой, онъ повелъ насъ назадъ кратчайшимъ путемъ. Эта краткость равнялась отсутствію пути. Непривычному трудно было сидѣть на лошади и еще труднѣе было вѣрить, что лошадь благополучно спуститъ съ крутизны. Вмѣсто слѣдовъ за то было несчетное множество каменьевъ. Они сыпались и катились изъ-подъ ногъ лошадей, не прибавляя всадникамъ особенной увѣренности. Глядя внизъ, самъ не вѣрилъ, что проѣдешь, и, совсѣмъ тѣмъ, спокойно проѣзжалъ. Впрочемъ, большинство смалодушествовало, и спѣшилось. Крымская лошадь обнаружилась во всемъ блескѣ своихъ достоинствъ. Она несла на своемъ хребтѣ тяжкую ношу, какъ заботливая кормилица, а не какъ безсловесная скотина. Она ступала каждымъ копытомъ съ такою внимательною осторожностью, какъ будто сознавала свою нравственную отвѣтственность, постигала опасность порученнаго ей всадника.

Но ума тутъ мало, необходима еще каменная нога; у ней было четыре такихъ каменныхъ ноги, гдѣ нужно гибкихъ, гдѣ нужно недвижимыхъ. Мало того, что они спускали; нѣкоторые изъ насъ скакали съ горы, крутой какъ горбъ, по грудамъ сыпучихъ камней, и ни одна нога не споткнулась на скалу объ эти

камни. Кто не ѣздилъ на Чатырдагъ на городской лошадкѣ, тотъ откажется вѣрить. Но и на Чатыргадѣ нѣтъ въ другихъ мѣстахъ такой кручи, такихъ дебрей, по какимъ мы теперь спускались. За то мы выкидывали семь верстъ. Татаринъ-проводникъ не хотѣлъ замѣчать нашихъ затрудненій и опасеній; онъ удиралъ помаленьку впередъ своимъ ходкимъ аеномъ, заботясь только объ одномъ — скорѣе пріѣхать. Какъ ему было войти въ наше положеніе, когда онъ съ ребячества привыкъ считать пустяками всѣ эти прогулки по стремнинамъ и оврагамъ. Онъ знаетъ, что ихъ буйволы постоянно возятъ съ Чатырдага въ огромныхъ мажарахъ лѣсъ и сѣно, что такія же мажары они втягиваютъ туда по каменнымъ колеямъ; что̀ же тутъ говорить о верховомъ? Мучительно съѣзжать верхомъ съ крутой горы нѣсколько часовъ безъ всякихъ промежутковъ; съ непривычки очень больно и досадно. Дамы наши почти плакали отъ утомленія; жаръ и жажда увеличивали мученье. Какое всѣ почувствовали удовольствіе, когда послѣ многихъ часовъ нестерпимой тряски, сначала по голымъ, камнямъ и рытвинамъ, потомъ по крутымъ лѣсистымъ оврагамъ мы въѣхали, наконецъ, на большую дорогу. Нельзя было отказать себѣ въ удовольствіи отчаянной скачки на перегонки вплоть до самой Алушты. Даже лошади этого хотѣли. Но еще было пріятнѣе, сбросивъ свое потное, нѣсколько изломанное тѣло съ потной и усталой лошади, раздѣться и броситься въ холодную волну всеосвѣжающаго моря, и плыть, плыть на встрѣчу плещущимъ хлябямъ; и послѣ ночи на голой землѣ, съ сѣдломъ подъ головой, какъ хорошо было заснуть въ свѣжихъ простыняхъ своей постели... Пещеры, волынка, овцы, чобанъ съ собаками, мерещелись мнѣ всю ночь напролетъ, перепутываясь въ безобразно-затѣйливые сны...

XIV.

Древности Сурожа.

(Характеръ Судацкихъ горъ.—Судацкое виноделіе.— Развалины Сурожа.—Данныя для его исторіи и археологіи.—Очеркъ исторіи Кавы.—Внутреннее устройство генуэзскихъ колоній.—Турецкое раззоренье).

Если вы не большой охотникъ карабкаться по скаламъ и обрывамъ, и не особенно лихой наѣздникъ, то не огорчайтесь необходимостью проѣхать въ Судакъ почтовою дорогою изъ Симферополя вмѣсто перевала верхомъ изъ Алушты черезъ дикую горную мѣстность надъ берегомъ моря.

Вы оставляете плодородную степь, орошаемую Карасу, въ двадцати верстахъ за Карасубазаромъ, и со станціи Бурундуки сворачиваете направо въ горы, которыя постоянно провожали васъ издали. Въ половинѣ мая зеленыя предгорья Крыма вездѣ очаровательны. Но въ ѳеодосійской части горъ они особенно свѣжи и роскошны отъ обилія горныхъ водъ, стекающихъ въ Сивашъ цѣлою сѣтью рѣчекъ. Два Карасу, или порусски Карасовки, Булганакъ, два Эндола, — вотъ конечныя русла этихъ многочисленныхъ горныхъ ручьевъ. Долина Мокраго Эндола прежде всего встрѣчаетъ васъ послѣ поворота въ горы.

Она вьется зеленою змѣею черезъ свѣтлую степь до самыхъ Сивашей, мерцающихъ сквозь туманъ. Долина Эндола, какъ всѣ крымскія долины, — сплошная густая поросль садовъ, подъ сѣнью которыхъ бѣжитъ узенькая, проворная рѣчка. Въ эти влажныя, цвѣтущія и плодоносныя впадины жадно стремится забиться и укрыться отъ степнаго зноя, отъ степной непріютности всякая жизнь: ветла и груша, птица и человѣкъ. Человѣкъ, какъ звѣри, какъ насѣкомыя, ищетъ трещинъ и норъ. Обширный и бо-

гатый Кишлавъ, колонія болгаръ, захватилъ весь горный склонъ Эндола; ниже его засѣли въ своемъ Цюрихталѣ нѣмцы; сейчасъ возлѣ Кишлава, на притокѣ Эндола, богатое русское село Салы. Вы проѣзжаете какъ разъ посрединѣ, и поднимаетесь въ лѣсныя горы.

Горы Крыма, зачавшись у Балаклавы отвѣсными прибрежными стѣнами, по мѣрѣ движенья на востокъ, все болѣе отступаютъ отъ моря, все больше захватываютъ подъ себя мѣста, на сколько ширятся, на столько же и плющатся, такъ что вмѣсто грознаго сплошнаго хребта, тѣснящаго къ морю южный берегъ отъ Байдаръ до Кикинеиза, за Алуштою до самой Ѳеодосіи вы видите только систему разнообразно перепутанныхъ, широко раскинутыхъ зеленыхъ горъ, среди которыхъ торчатъ отдѣльные каменные гребни и скалы причудливой формы. Характерная крымская Яйла, Альпы Крыма—эти заоблачныя столообразныя пастбища — почти исчезаютъ въ ѳеодосійской части горъ; только Кароби-Яйла отдѣльнымъ островомъ попадается при самомъ началѣ ѳеодосійской цѣпи. Но, потерявъ въ грандіозности, горы ѳеодосійскія, особенно же судацкая часть ихъ, много выиграли въ прелести и удобствахъ. Нигдѣ въ Крыму нѣтъ такихъ прохладныхъ лѣсовъ, такихъ лѣсныхъ луговъ, такихъ сочныхъ и веселыхъ долинъ, какъ вокругъ Судака. Здѣсь царство виноградарства, обильнаго и дешеваго. Здѣсь разводятся не тѣ дорогіе, нѣжные сорты винограда съ бальзамическимъ запахомъ, съ струею, густою какъ масло, которыми гордится южный берегъ: здѣсь качество вознаграждено количествомъ. Влажная, поливная почва долинъ осыпаетъ лозу крупною, водянистою ягодою, которой величина напоминаетъ нашу русскую сливу. Изъ этой сочной, большой ягоды обильно льется дешевое, легкое вино, которое называется судацкимъ, и которое распространяется по Россіи въ громадномъ количествѣ подъ всевозможными названіями и во всевозможныхъ превращеніяхъ. Въ Россіи вы пла-

тите за бутылку этого вина, испорченнаго сандаломъ или свинцовымъ сахаромъ, по меньшей мѣрѣ 1 руб.; въ Судакѣ, въ Отузахъ за это самое вино русскій купецъ заплатитъ за ведро тотъ же 1 руб., иногда и 50 коп.

Десятина хорошаго полнаго виноградника даетъ въ Судакѣ 400—500 ведеръ, иной добрый кустъ въ одиночку даетъ ведро. Судите о доходѣ такихъ виноградниковъ, когда на ежегодную обработку десятины нужно не болѣе 40—50 рублей. Не мудрено, что цѣлыя семьи существуютъ съ одной десятины, и что доходный виноградный садъ продается въ Судакѣ отъ 3,000 до 4,000 руб. за десятину. Нужно еще сказать, что настоящее положеніе судацкихъ виноградниковъ въ высшей степени стѣснительно.

Правильнаго морскаго сообщенія виноградныхъ долинъ съ торговыми центрами не существуетъ. Пароходъ заходитъ въ Судакъ рѣдко, и то только въ извѣстное время года. Цѣны на вино держатся крайне низкія, потому что жители находятся въ рукахъ немногихъ случайныхъ покупателей. Мелкіе садовладѣльцы, которыми кишатъ долины, дѣйствуютъ всякій самъ по себѣ, безъ уговора и плана по русской непривычкѣ дѣйствовать сообща.

Такимъ образомъ, главный барышъ остается въ рукахъ скупщиковъ разнаго рода. Больше всего помогаетъ сохраненію низкихъ цѣнъ на вино мохамеданскій взглядъ татарина. Татары до сихъ поръ еще владѣютъ здѣсь огромнымъ количествомъ садовъ, составляющихъ ихъ единственный доходъ. Но они поставлены въ безвыходное положеніе: вина онъ, по закону своему, не смѣетъ ни дѣлать, ни держать, ни пить. Онъ принужденъ, во что бы то ни стало, продать свой виноградъ на корню. Купецъ получаетъ отъ татарина вино прямо изъ-подъ тарапана, пока оно еще виноградный сокъ, а не вино. Ясно, что при такомъ условіи хозяину немного надежды отстоять свою цѣну.

Впрочемъ, общій недостатокъ у хозяевъ оборотнаго капитала заставляетъ и русскихъ, и греческихъ владѣльцевъ поступать по примѣру татаръ. Большинство ихъ запродаетъ вино по контрактамъ на нѣсколько лѣтъ впередъ, прельщаясь возможностью получать задатки въ тяжелыя минуты хозяйской дѣятельности.

Судацкіе виноградники въ этомъ отношеніи еще счастливѣе южнобережскихъ: рабочіе здѣсь нѣсколько дешевле, почва удобнѣе, засухи рѣже, и болѣзнь винограда до сихъ поръ не посѣтила судацкихъ садовъ, такъ что расхода на сѣру и инструменты для осыпки судацкій виноградарь еще не знаетъ. Безвременные морозы, да иногда саранча составляютъ его единственныхъ враговъ.

Мы русскіе, знаемъ почти исключительно одинъ судацкій виноградъ. Московскіе и харьковскіе извощики пріѣзжаютъ обыкновенно тройками въ Карасубазаръ, и оттуда ѣдутъ на татарскихъ мажарахъ въ Отузы или Судакъ грузиться виноградомъ. Самые грубые, толстокожіе и крупные сорта, безъ запаху, переносятъ легче всего далекій переѣздъ и осенній холодъ; къ тому же, они поспѣваютъ позднѣе другихъ, и менѣе годятся на вино. Этими сортами очень богаты долины Отузъ, Судака, Куру-Узеня и проч. Чаушъ, шабашъ, осма, кадынъ-пармакъ (длинный, какъ палецъ, и потому названный татарами „Дѣвичій палецъ“) идутъ обыкновенно въ наши великорусскія губерніи, изумляя неопытныхъ любителей величиною и красотою своихъ ягодъ, на которыя истый крымчакъ не захочетъ и посмотрѣть послѣ нѣжныхъ, душистыхъ сортовъ шасла, изабеллы, александрійскаго муската и прочихъ сортовъ такъ-называемаго столоваго винограда.

Виноградники начинаются только въ южныхъ долинахъ горъ глядящихъ къ морю; долины, сбѣгающія на сѣверъ, къ степи, слишкомъ страдаютъ отъ морозовъ, чтобы тамъ заниматься виногридарствомъ, какъ главнымъ промысломъ. Въ этихъ долинахъ—

пріютъ крымскаго огородничества. Область обоихъ Карасу и Эндоловъ, старый Крымъ, Кишлавъ, Салы и прочія окрестныя мѣстности снабжаютъ овощами виноградныя долины и степь, и ближайшіе города. Въ Крыму, гдѣ вода такъ рѣдка и цѣнна, гдѣ камень, солнце и сухіе вѣтры изсушаютъ уже въ іюнѣ всякую растительность, огородничество возможно только въ очень немногихъ мѣстностяхъ, и притомъ въ такихъ, гдѣ не вытѣсняютъ его болѣе выгодные промыслы: винодѣліе, разведеніе табаку и садоводство. Поэтому, немногіе центры крымскаго огородничества поставлены въ выгодныя условія, и цѣны на овощи въ Крыму, сравнительно съ Россіею, необыкновенно высоки.

Татарская полуопустѣвшая деревня Эли-Бузла составляетъ раздѣльный пунктъ между огородными и виноградными долинами, между степнымъ и морскимъ склономъ горъ. Съ нея начинаетъ спускаться горная дорога къ югу, и горные ручьи начинаютъ течь въ море. Если вы не очень спѣшите, совѣтую вамъ побродить по лѣснымъ холмамъ этой тихой, затерянной деревушки, пока не схлынетъ невыносимый даже въ маѣ крымскій жаръ. Верстъ шесть отъ Эли-Бузлы, почти на дорогѣ, но спрятанное въ глубокой долинѣ,—живописное Суукъ-Су графа Мордвинова, обильное прекрасною водою, которая поитъ сады нижней долины. Въ тѣни лѣсовъ и лѣсныхъ горъ, между зеленыхъ лужаекъ, вы незамѣтно доѣзжаете до поворота долины, откуда открывается для васъ уже иной видъ; лѣсныя круглыя горы раздвигаются, чтобы дать мѣсто скаламъ, — предвѣстникамъ моря.

Длинная каменная стѣна, изгрызенная съ верхняго края капризными зубцами, поднялась слѣва, и загородила дали. Это— „Гребешокъ-скала“ — „Таракъ-Ташъ“ потатарски. За нею два богатыхъ и многолюдныхъ Тарakташа, большой и малый: Біюкъ-Таракташъ и Кучукъ-Таракташъ, и богатая виноградная таракташская долина, сосѣдняя съ Судакомъ. Тополя, грецкіе орѣхи,

сплошные фруктовые и виноградные сады, журчащіе ручьи и водопроводныя канавы наполняютъ разсѣлину между скалистыми стѣнами, бѣгущую въ море. Темнозеленые лѣса глядятъ изъ-за скалъ, сквозь ущелья.

Большой Тарakташъ спрятанъ въ складкѣ горъ, и смотритъ совершеннымъ кавказскимъ ауломъ: дома темнаго камня, двухъэтажные надъ обрывами, — бойницы бойницами; малый Тарakташъ кругомъ дороги, съ ярко-разодѣтыми татарками, съ бѣлыми стариками въ чалмахъ. Тутъ сплошное, непочатое мусульманство; ничто чуждое еще не расшатало его, не прососалось въ него. Выселеніе татаръ, нанесшее смертельный ударъ крымскому мусульманству, не коснулось Тарakташей. Въ нихъ, я слышалъ, не тронулся ни одинъ человѣкъ, и обѣ деревни сохранились поэтому во всей чистотѣ ханскаго времени. Видно, привольна для татарина жизнь въ судацкой долинѣ, если его не выбилъ оттуда ни фанатизмъ ни паническій страхъ, овладѣвшій цѣлымъ племенемъ. За Тарakташами, какъ только выѣдешь за ихъ причудливыя скалы, за Гребешокъ-гору слѣва, лягушечью скалу (Бака-Ташъ) справа (называется такъ по огромному, отдѣльному камню, сидящему въ видѣ лягушки на груди скалы), начинается собственно судацкая долина. Вокругъ нея стоятъ такія же отдѣльныя горы: Перчамъ-Кайя, Кушъ-Кайя съ запада, съ востока — Голая и друг.

Глянулъ изъ-за горъ уголъ синяго моря, отъ него взыграло радостью сердце, посвѣжѣло и повеселѣло все внутри.

Давно ужъ не видалъ его въ весеннемъ нарядѣ. Старая башня, словно сросшаяся со скалою, того же цвѣта, того же камня, чуть не той же древности, съ романтическою живописностью вырѣзалась вдругъ впереди на своемъ высокомъ пирамидальномъ утесѣ, загораживая имъ море.

Это развалины древняго Сурожа: крѣпость древняго Сурожа, Судака, стояла на высокой прибрежной скалѣ надъ входомъ въ пристань, служа маякомъ для мирныхъ торговцевъ, твердынею

для враговъ. Подъ ея прикрытіемъ, отъ берега моря до самыхъ Таракташей по руслу ручья, по всѣмъ изгибамъ широкой горной долины, по пазухамъ и склонамъ горъ, съ глубокой древности зеленѣютъ кудрявые виноградники и сады, въ которыхъ разсѣяно множество хуторовъ, дачъ и землянокъ.

Теперь это и есть мѣстечко Судакъ, отодвинувшій свой оффиціальный центръ, т. е. свою церковь, базаръ и почтовую станцію версты за двѣ отъ моря, версты за три отъ старой крѣпости.

Долина Судака — широкая, роскошная, усыпанная бѣлыми домиками, тополями и виноградниками, осѣненная съ разныхъ сторонъ самыми живописными горами. Изобиліе и тихая простота жизни глядятъ отовсюду. Красота Судака напоминаетъ красоту Алушты, но она обозрѣвается лучше, свободнѣе, сама панорама обширнѣе; а живописная скала съ обширными своими развалинами дѣлаетъ видъ оригинальнымъ, несравнимымъ ни съ чѣмъ другимъ.

Вечеръ уже начиналъ золотить вершины скалъ. Станціонный смотритель вызвался быть нашимъ провожатымъ, и мы всѣ, съ дѣтьми и дамами, отправились къ морю. Теперь на мѣстѣ стараго Судака, бокъ о бокъ съ крѣпостною стѣною, немного въ сторонѣ отъ Судацкой долины, и немного выше ея, находится нѣмецкая колонія, которую нѣмцы горделиво величаютъ „Die Festung“.

Сурожъ въ плѣну у нѣмцевъ. Они пасутъ внутри его твердынь своихъ лошадей и воловъ, они засадили виноградниками и огородами его рвы и окопы, они растаскали его камни на свои дома, ограды и цистерны. Подниматься въ крѣпость нужно обходомъ и входить въ нее какъ разъ при началѣ колоніи. Тамъ стоятъ двѣ входныя башни, хорошо сохранившія не только каменную кладку, но даже наружную штукатурку.

Въ стѣны этихъ башенъ и многихъ другихъ врѣзаны каменныя плиты съ разными историческими надписями; скрижали эти частью давно вынуты и перенесены въ музеи, гдѣ уже описаны

учеными, частью ростасканы сосѣдями Судака. Профессоръ Юркевичъ нашелъ одну доску съ надписью, вдѣланную въ тарапанъ судацкаго садовладѣльца, другую — около колонистской церкви, третью—заштукатуренную въ развалинахъ церкви. Сколько ихъ уничтожено или скрыто — кто знаетъ! Теперь еще въ судацкой башнѣ цѣлы восемь такихъ досокъ съ латинскими надписями и гербами различныхъ генуэзскихъ дворянъ и генуэзской республики. Я видѣлъ эти доски, которыхъ надписи, кромѣ привратной читаются съ большимъ трудомъ. Онѣ однако всѣ теперь прочтены и содержаніе ихъ всѣхъ одно и тоже: время постройки и имя Солдайскаго консула, при которомъ постройка совершилась. Древнѣйшая надпись съ интересными рисунками гербовъ находится въ привратной башнѣ и относится къ 1385 году. Въ крымскомъ сборникѣ Кеппена она передана вполнѣ, но съ ошибкою въ имени. Онъ прочелъ Горзево вмѣсто Торселло. Самая новѣйшая, т. е. послѣдняя надпись вырѣзана на камнѣ, перенесенномъ колонистами. Она 1414-го года.

Начиная отъ двойной привратной башни прямо на востокъ, стѣна поднимается въ гору надъ обрывомъ, потомъ на углу скалы поворачиваетъ на югъ, и поднимается чрезвычайно круто на юго-западъ на самую вершину утеса. Съ другой стороны стѣна шла отъ воротныхъ башенъ на юго-западъ и опять на югъ, и соединилась на верху съ восточною стѣною. Части стѣны, идущія въ восточномъ и южномъ направленіи, сохранились достаточно. Во многихъ мѣстахъ еще замѣтны зубцы и остатки бревенъ, поддерживавшихъ деревянные мостки, на которыхъ стояли обыкновенно защитники стѣнъ. Вездѣ замѣтны низко помѣщенныя амбразуры, снаружи чрезвычайно узкія, снутри широкія, съ отлично выведенными сводами. Стѣны кладены изъ чрезвычайно крѣпкаго и разнороднаго камня на извести, перемѣшанной съ битою черепицею, что сообщало имъ значительную крѣпость.

Изъ шести башенъ, помѣщенныхъ въ стѣнѣ, шедшей на востокъ, отъ первой осталось только нижнее основаніе, другая треснула пополамъ съ вершины до фундамента и грозитъ скорымъ паденіемъ. Остальная еще съ зубцами и окнами. Стѣна западная наиболѣе пострадала, по сосѣдству съ колоніею. При поворотѣ стѣны на югъ, на половинѣ высоты скалы, вмѣсто одинокой башни, стоитъ цѣлый замокъ, въ которомъ можно еще различить маленькій внутренній дворъ, три угловыя башни и сравнительно просторныя помѣщенія.

Чичероне нашъ увѣрялъ, что это былъ дворецъ греческой царицы Ѳеодоры, легенды о которой живутъ доселѣ въ памяти народа, и которой принадлежали въ XIV столѣтіи Судакъ, Алустонъ, Кастель, и весь берегъ между Судакомъ и Людагомъ. Въ мнимомъ дворцѣ Ѳеодоры достойно любопытства огромное подземное водохранилище со сводами, куда была проведена вода трубами, сквозь крѣпостныя стѣны, изъ вершины сосѣднихъ лѣсныхъ горъ. Изъ комнаты дворца опускается въ это водохранилище круглый колодезь. Во дворцѣ видна еще печь съ трубою, напоминающая татарскіе камины, углубленія для помѣщенія вещей, ниша какъ бы для образницы и другіе слѣды домашняго быта. Изъ двухъ угловыхъ башенъ замѣтны потайные выходы: одинъ къ морю, другой внутрь крѣпости.

Главная башня дворца, называемая Катара-Кулле (нѣкоторые переводятъ это имя съ греческаго: *башня проклятія*), изукрашена рѣзьбой и зубцами особенно тщательной работы.

На этой башнѣ находится очень высоко, почти недоступно для глаза, доска съ надписью, которая служитъ опроверженіемъ разсказа нашего чичероне, такъ-какъ это одна изъ новѣйшихъ генуэзскихъ башенъ, оконченная 1-го іюля 1394 г.

По мѣрѣ приближенія къ вершинѣ скалы и къ юго-западу, стѣна представляетъ все больше развалинъ, наконецъ является совсѣмъ разсыпавшеюся, почти сравненною съ почвою. Недалеко

отъ замка, внутри крѣпости сохранились весьма хорошо развалины церкви, имѣющей форму мечети. Это строеніе не очень большое, но изящной архитектуры съ совершенно круглымъ сводомъ. Портики этого зданія исполнены особеннаго вкуса и окна украшены каменною рѣзьбою. Кеппенъ, Палласъ, Броневскій считаютъ это зданіе за христіанскую церковь. Палласъ говоритъ о немъ, какъ о большомъ и прекрасномъ соборѣ, уцѣлѣвшемъ на восточномъ склонѣ города.

Дѣйствительно, и архитектура и каменная рѣзьба, и изображеніе св. Георгія, замѣченное мною въ углу оконнаго украшенія—все заставляетъ думать, что первоначально это былъ христіанскій храмъ.

Но нельзя ни минуты сомнѣваться, что этотъ храмъ былъ обращенъ впослѣдствіи въ мечеть. Снаружи видно, какъ съ южной стороны придѣланъ къ зданію характерный магометанскій альковъ, замѣняющій нашъ алтарь. Изнутри этотъ альковъ и помѣщеніемъ своимъ и отдѣлкой до такой степени напоминаетъ обычные альковы мечетей, что не остается никакого сомнѣнія; наконецъ, при входѣ справа, совершенно почти цѣлъ узенькій круглый минаретъ со слѣдами вьющейся лѣсенки для муэдзина.

Историческія данныя положительно подтверждаютъ, что храмъ этотъ былъ дѣйствительно обращенъ татарами въ мечеть. Кромѣ мечети, замѣтны внутри крѣпости: засыпанный колодезь, погреба, какая-то уединенная небольшая башня у подошвы верхней скалы, и многое множество каменныхъ кучъ, указывающихъ на мѣсто когда-то стоявшихъ здѣсь строеній. Развалины длинныхъ и обширныхъ домовъ съ стоячими еще стѣнами не принадлежатъ древности. Это развалины казармъ русскихъ войскъ, стоявшихъ въ Судакѣ гарнизоновъ, по присоединеніи Крыма. Судацкая крѣпость названа была тогда Кирилловскою и въ ней поставленъ оберъ-комендантъ съ цѣлою канцеляріею и войскомъ.

На устройство казармъ расхищены были всѣ остатки древ-

ностей, а солдаты и потомъ жители разбивали и перекапывали все остальное, добиваясь кубышекъ и кладовъ.

Крѣпость, въ которой находится храмъ и казармы, была нижнею крѣпостью; стѣны ея упирались въ уголъ скалы, которая со стороны моря была неприступна, и потому, повидимому, не защищалась стѣною. Стѣна же, идущая на югъ вверхъ отъ замка, отступаетъ нѣсколько отъ подводнаго обрыва скалы, и отрѣзываетъ отъ остальной крѣпости самую возвышенную, ближайшую къ морю часть скалъ; такимъ образомъ, она служила какъ бы внутреннею цитаделью, Кремлемъ Судака. Замѣтно, что оборона ея устроена была не противъ моря, а противъ крѣпости, слѣдовательно разсчитывалось защищаться въ цитадели, если даже крѣпость будетъ въ рукахъ непріятеля. Въ этой стѣнѣ Палласъ видѣлъ еще водопроводныя трубы, а мы видѣли только развалины одной жилой башни съ печью.

Подниматься вверхъ на пирамидальную вершину скалы надъ морскимъ обрывомъ не всякому покажется пріятнымъ. Само посѣщеніе замка (Катара-Кулле) для неопытныхъ представляетъ нѣкоторыя трудности и заставляетъ сердце биться сильнѣе обычнаго. Изъ нашей компаніи только двое полѣзли за проводникомъ на пикъ скалы. Береговой вѣтеръ, неизбѣжно поднимающійся послѣ заката солнца, дулъ довольно сильно на высотѣ, и казалось, срывалъ насъ въ море.

Оголенный скатъ утеса, при послѣднемъ поворотѣ къ верхней башнѣ, можетъ нервному человѣку причинить головокруженіе, особенно когда онъ взглянетъ внизъ направо и неожиданно увидитъ въ глубинѣ прямо подъ собою колышащуюся бездну водъ, которыя до того мѣста сопровождали его слѣва и нѣсколько поодаль. Отъ этого мѣста приходится карабкаться вверхъ черезъ высокіе и неровные пороги торчащихъ камней. Пикъ скалы вѣнчается другимъ замкомъ, нѣсколько меньшаго размѣра. Татары называютъ его *Кызъ-Кулле* — *„башня дѣвы“*. Съ

вершины этой башни открывается грандіозная панорама моря, береговыхъ мысовъ, идущихъ на востокъ къ Өеодосіи, обрывистыхъ утесовъ, заслоняющихъ западные горизонты, и назадъ, на сѣверъ, стелющейся у ногъ крѣпости зеленой, кудрявой долины, сдавленной отвсюду то скалами, то лѣсными горами.

Преданіе говоритъ, что этотъ верхній замокъ былъ любимымъ жилищемъ легендарной царицы инокини Өеодоры, которой дѣвственный и вмѣстѣ мужественный образъ вообще связанъ въ народной легендѣ съ недоступными вершинами Судака, Кастели, Аю-Дага. Проводникъ нашъ съ увѣренностью показывалъ намъ даже тропу, по которой царица, невѣдавшая страха, ходила сюда наверхъ и спускалась къ морю. Онъ увѣрялъ, что она засѣла въ верхнемъ замкѣ, когда генуэзцы взяли крѣпость и нижній замокъ, и билась здѣсь до послѣдней возможности. По его мнѣнію, она даже и погибла здѣсь, и я бы охотно повѣрилъ этому поэтическому разсказу, еслибы не прочелъ гораздо прежде легенды о царицѣ Өеодорѣ. Оттуда я узналъ, что смѣлая царица спаслась изъ Судака въ древній свой любимый замокъ Кастель, на скалѣ еще болѣе высокой, еще менѣе доступной, и погибла тамъ отъ измѣны своего брата, послѣ кровопролитной и долгой осады.

Въ Кызъ-Кулле почти тѣ же остатки, что и въ Катара-Кулле, кромѣ остатковъ живописи, которые доказываютъ, что одна половина замка была прежде часовнею или молельнею. Проводникъ нашъ былъ положительно этого мнѣнія. Въ другой половинѣ сводистая цистерна въ скалѣ, слѣды печи и жилья— ничего болѣе. Ясно, что это былъ центральный пунктъ крѣпости, цитадель въ цитадели, послѣднее убѣжище осажденныхъ.

Палласъ называетъ почему-то эту башню маякомъ, и безъ сомнѣнія здѣсь долженъ былъ быть маякъ. Съ правой стороны скалы, т. е. къ западу, между крѣпостною скалою и утесами Чикенынъ-Каясы, находится обширный лиманъ, болѣе закрытый

отъ бурь и вообще болѣе удобный, чѣмъ теперешняя судацкая гавань на востокѣ отъ крѣпости. Татары не даромъ называютъ его до сихъ поръ Судакъ-лиманъ; и Палласъ положительно говоритъ, что здѣсь была древняя пристань; на берегу ея до сихъ поръ видны остатки церкви съ замѣтными слѣдами живописи и какъ бы монастыря.

Положеніе судацкаго маяка относительно старой пристани совершенно напоминаетъ положеніе Кучукъ-Ламбата, т. е. малаго Лампаса „малаго маяка" въ имени котораго сохранилось доказательство того, что греческія крѣпостцы на береговыхъ утесахъ устроивались по близости удобныхъ бухтъ, въ одно и то же время какъ маяки, и какъ защита.

Мартинъ Броневскій видѣлъ въ 1578 г. въ Судакѣ три крѣпости, или замка: верхнюю, среднюю и нижнюю, окруженныя стѣною и башнями.

Стало быть, верхній замокъ составлялъ третій, самый внутренній кругъ укрѣпленій. Изъ устава генуэзскихъ колоній можно видѣть, что въ Судакѣ было двѣ крѣпости или замка: св. Креста и св. Ильи; сверхъ того и самъ городъ былъ окруженъ стѣною. Вѣроятно, крѣпостью святаго Креста назывался верхній замокъ; мнимый дворецъ Ѳеодоры—крѣпостью св. Ильи, а нижнюю крѣпость составляла городская стѣна съ башнями, обведенная рвомъ, слѣды котораго еще очень замѣтны, и черезъ который, противъ входныхъ башенъ, былъ перекинутъ подъемный мостъ.

Еще недавно остатки древняго Сурожа были гораздо многочисленнѣе и интереснѣе. Палласъ разсказываетъ, что въ первое его путешествіе (1793) онъ еще видѣлъ внутри крѣпости множество зданій готическаго стиля, изящной архитектуры; но во второй пріѣздъ его, постройка казармъ уничтожила всѣ слѣды. Тотъ же авторъ говоритъ, что съ западной стороны судацкой скалы, безъ сомнѣнія тамъ, гдѣ теперь нѣмецкая колонія,—было при немъ татарское селеніе съ мечетью, изъ котораго большин-

ство жителей ушло въ Турцію. Остальные разбѣжались въ другія мѣста, послѣ постройки русскихъ казармъ, а при насъ черезъ какіе-нибудь 70 лѣтъ, на мѣстѣ татаръ и деревни ихъ спокойно себѣ живутъ и хозяйничаютъ вестфальскіе нѣмцы.

Такъ быстро стираетъ исторія свои собственные слѣды.

Митрополитъ Сестренцевичъ увѣряетъ, будто въ древности въ Судакѣ было болѣе ста церквей. А Мартинъ Броневскій, посѣтившій Судакъ въ 1578 году, слышалъ отъ тамошнихъ греческихъ христіанъ, которыхъ въ его время оставалось уже немного, что число церквей доходило до нѣсколькихъ сотъ, потому-что, по словамъ этихъ грековъ, отцы ихъ, у которыхъ генуэзцы отняли потомъ Судакъ, опасаясь постоянной междоусобицы, не хотѣли ходить въ общественные храмы и стали строить собственныя церкви, каждый для своего семейства. Броневскій самъ видѣлъ множество греческихъ церквей, нѣсколько часовень, еще уцѣлѣвшихъ, по большей части лежащихъ обломками среди развалинъ. Въ нижней крѣпости онъ видѣлъ три большія католическія церкви, домы, стѣны, ворота и красивыя башни, украшенныя узорами и гербами генуэзскими.

Какъ ни малы вообще бывали старинные храмы Крыма, однако, помѣстить ихъ нѣсколько сотъ на тѣсной горѣ, въ предѣлахъ стѣнъ, не было бы никакой возможности. Да и слѣдовъ ихъ въ такомъ огромномъ количествѣ никто въ Судакѣ не видалъ.

Изъ единственной хроники Сурожа, приписки къ Халкисскому Синаксарю видно, что главная святыня, соборный храмъ древняго Сурожа, былъ храмъ св. Софіи, въ которомъ покоились въ IX-мъ вѣкѣ мощи св. Стефана Сурожскаго. Кромѣ того упоминаются храмы во имя св. Стефана, великомученицы Варвары, св. Аѳанасія, св. Димитрія, св. Николая, Богородицы Одигитріи, Скутаріонтиссы (въ монастырѣ). Судя по множеству именъ скончавшихся монаховъ и священниковъ, упоминаемыхъ въ этой припискѣ, надо думать, что названные выше церкви и монастыри

были упомянуты случайно изъ числа многихъ другихъ, тогда существовавшихъ. Имена этихъ церквей странно противорѣчатъ съ именами, приписываемыми существующимъ развалинамъ въ запискѣ о христіанскихъ древностяхъ Крыма, составленной преосв. Гавріиломъ, бывшимъ въ 1844 году архіепископомъ херсонскимъ и таврическимъ. Если данныя, на которыхъ основана эта записка, достойны вѣроятія, то слѣдуетъ заключить, что большинство настоящихъ развалинъ принадлежитъ не греческимъ, а латинскимъ церквамъ, что отчасти видно изъ самыхъ названій св. Георгія и др. Дѣйствительно, мы увидимъ ниже, что въ XIII-мъ столѣтіи греческій Судакъ былъ почти совершенно уничтоженъ татарами, и если онъ возникъ опять въ XIV-мъ столѣтіи, то уже подъ властью и по иниціативѣ генуэзцевъ, латинское духовенство которыхъ, какъ доказывается историческими документами, сильно тѣснило греческую церковь. Приписка къ синаксарію съ 750 г. по 1282 годъ упоминаетъ 11 архіепископовъ и 1 митрополита судацкой эпархіи, между тѣмъ въ слѣдующіе 130 лѣтъ, до 1419 года, упоминается только 1 архіепископъ Лука, и тотъ погребенъ уже въ Кафѣ. Греческая епископія была въ XIV-мъ столѣтіи замѣнена латинскою и изъ устава колоній видно, что въ XV-мъ столѣтіи въ Судакѣ, уже низошедшемъ со степени международнаго торговаго центра на степень маленькаго военнаго форта, было 13 латинскихъ церквей, пользовавшихся правительственными пособіями.

Во всякомъ случаѣ, многочисленные остатки церквей кругомъ крѣпости Судака въ связи съ отзывами старыхъ авторовъ о количествѣ церквей въ древнемъ Сурожѣ, доказываютъ, кажется, несомнѣнно, что въ древности, именно въ греческую эпоху свою, этотъ торговый городъ занималъ значительное пространство внизу крѣпостной горы, а не ограничивался однимъ горнымъ укрѣпленіемъ, что было бы несообразно ни съ его населенностью, ни съ его торговлею.

Архимандритъ Антонинъ нашелъ и издалъ въ 1863 году очень интересную приписку къ одному греческому синаксарю (житія святыхъ), писанному почеркомъ XII-го вѣка. Въ этой припискѣ, подъ извѣстными днями и годами, точно такъ, какъ наши старосвѣтскіе помѣщики отмѣчали въ пустыхъ страницахъ календарей интересующія ихъ событія обыденной жизни—кратко отмѣчены событія, касавшіяся исторіи Судака и особенно его монастырей до 1419 года. Судя по этой припискѣ, основаніе Судака нужно отнести въ 212 году нашей эры. Слово *„Су-дагъ“* на языкѣ большей части восточныхъ народовъ означаетъ *вода-гора*, то-есть горное мѣсто, обильное водою; но въ разныя времена онъ носилъ разныя названія. Съ VIII по XIII вѣкъ греки его называли Сугдая или Сугдея; русскіе называли его Сурожемъ, какъ видно изъ памятниковъ поэзіи и исторіи; при Броневскомъ, въ XVI-мъ вѣкѣ, греки называли его Сидагіосъ, генуэзцы—Судакъ. Рубруквисъ и генуэзцы XV-го вѣка называли его Солдайя. Кромѣ того, его называли Солдадія, Сурдакъ, Судокъ, Сордая, Суадикъ, Солтакъ, Седакъ. Такое разнообразіе кличекъ неудивительно при крайней разнородности племенъ, населявшихъ Крымъ, и при неточности большинства древнихъ авторовъ, которыхъ описанія часто служатъ къ запутанію и искаженію фактовъ, а не къ разъясненію ихъ. Восточные писатели положительно утверждаютъ, что жители Судака были смѣсью разныхъ народовъ и разныхъ вѣроисповѣданій, хотя основаніе его приписываютъ грекамъ. Съ начала восьмаго столѣтія уже упоминается особый епископъ сугдайскій. Св. Стефанъ Сурожскій вноситъ свою проповѣдь и потомъ епископствуетъ въ Судакѣ въ томъ же VIII-мъ столѣтіи. Есть очень интересное сказаніе, связанное съ именемъ этого святаго. Оно сохранено въ памятникахъ письменности и является почти историческимъ фактомъ. Извѣстный нашъ историкъ, г. Погодинъ, нашелъ въ рукописномъ житіи св. Стефана Сурожскаго, а также въ житіи пр. Димитрія При-

луцкаго, составленномъ игуменомъ Макаріемъ въ началѣ XVI вѣка, весьма интересныя подробности о походѣ на Сурожъ нашихъ предковъ, руссовъ, за цѣлую сотню лѣтъ до призванія Рюрика, и болѣе чѣмъ за два вѣка до херсонескаго похода св. Владиміра. Св. Стефанъ былъ родомъ изъ Кападокіи и при патріархѣ св. Германѣ (въ 716 или 717 году) пришелъ въ Константинополь для окончанія своего образованія. Его успѣхи въ наукахъ и благочестіе обратили на него вниманіе патріарха, который приблизилъ его къ себѣ и полюбилъ. Однако св. Стефанъ скоро удалился въ монастырь, чтобы подвизаться въ уединеніи. Черезъ 30 лѣтъ послѣ того, въ Сурожѣ скончался епископъ, и жители обратились къ константинопольскому патріарху съ просьбою поставить имъ новаго епископа. Патріархъ вызвалъ св. Стефана изъ монастыря, убѣдилъ принять новый подвигъ и, посвятивъ его, отправилъ въ Сурожъ. Онъ крестилъ многихъ, и когда Левъ Изавръ поднялъ иконоборство и изгналъ патріарха, то св. Стефанъ не только воспротивился уничтоженію иконъ, но самъ отправился въ Константинополь въ глаза обличить царя и его иконоборческихъ совѣтниковъ. „По смерти святаго“, продолжаетъ „житіе“, „мало лѣтъ мину: пріиде рать велика русская изъ Новаграда, князь Бравлинъ силенъ зѣло“ и т. д. О походѣ Руси съ княземъ Бравлиномъ изъ Кіева „на Царьградъ и на греческую землю отъ Херсона и до Скуруева и до Сурожа“ при царѣ Михаилѣ въ лѣто 6360 (852 г.) упоминаетъ и Карамзинъ, заимствуя свои свѣдѣнія изъ Демидовскаго хронографа. При этомъ нашествіи князя Бравлина, Судакъ уже является богатымъ и укрѣпленнымъ городомъ, центромъ котораго была христіанская святыня—роскошно украшенный храмъ св. Софіи. Этотъ походъ Бравлина — былъ ли онъ новогородскій, или кіевскій князь — вовсе не случайный набѣгъ дикой орды. Онъ указываетъ на постоянную связь, существовавшую еще въ тѣ далекіе вѣка между крымскимъ побережьемъ и жителями русскихъ равнинъ. Сынъ

перваго князя нашего, Игорь Рюриковичъ, въ 10-й статьѣ своего договора съ греками 945 г., говоритъ уже о правахъ русскихъ князей на херсонескіе (т.-е. крымскіе) города. Когда тотъ же Игорь бѣжалъ изъ-подъ Царьграда съ оставшимися у него 10 ладьями изъ нѣсколькихъ тысячъ, которыя онъ повелъ на грека, то онъ спасался черезъ Босфоръ Кимерійскій, а не въ устье Днѣпра. Значитъ, онъ смотрѣлъ на берега Азовскаго моря, какъ на родные. Итальянскіе географы XIV вѣка изображали на своихъ картахъ въ Азовскомъ морѣ недалеко отъ Азова городъ Rossia или Casal di Rossi (русская деревня). Объ этомъ городѣ Rossia весьма точно говорятъ и арабскіе писатели, Эдризи и Ибенъ-Саидъ. Рубруквисъ на томъ же мѣстѣ описываетъ русское селеніе. Генуэзцы въ 1170 году по договору съ греками обязались не приставать къ Rossia. Тѣ же самые арабскіе писатели (т.-е. Ибенъ-Саидъ и Эдризи) упоминаютъ *Русскую рѣку*, а Несторъ говоритъ въ своей лѣтописи, что Днѣпръ изливался тремя рукавами въ *Русское море*. Такъ-какъ долгое время смѣшивали Днѣпръ съ Дономъ, Міусомъ и даже Волгою, а Черное море съ Азовскимъ, то скорѣе всего можно предположить, что Русскимъ моремъ называлось Азовское. На генуэзской картѣ 1447 года Днѣпръ дѣйствительно изображенъ, впадающимъ однимъ рукавомъ въ Азовское, другимъ въ Черное море. Другія карты XIV и XV столѣтія на томъ же самомъ мѣстѣ представляли Fl. Rosso.

Существованіемъ древнихъ русскихъ поселеній на берегахъ Азовскаго моря объясняются тѣсныя торговыя связи, существовавшія издревле у русскихъ съ азовскими венеціанцами. Уже во время Рюрика, при нижнемъ Днѣпрѣ обитали угличи, то-есть жители Угла, образуемаго Днѣпромъ и Азовскимъ моремъ, племя вѣроятно славянское; нѣкоторое время вся страна между Азовскимъ моремъ и Днѣпромъ называлась Унгуломъ. Русскіе купцы уже съ XII столѣтія ѣздили барками по Днѣпру за крымскою

солью. Св. Владиміръ идетъ походомъ на Корсунь уже по старымъ слѣдамъ и для возстановленія старымъ правъ. Левъ діаконъ говоритъ, что онъ покорилъ, кромѣ Корсуня, еще 10 городовъ и 50 деревень. Безъ сомнѣнія, и Сурожъ былъ въ числѣ покоренныхъ городовъ. Полуостровъ Тамань, составлявшій всегда часть Тавріи, Владиміръ отдаетъ своему сыну Мстиславу, уже какъ отчину. Послѣ того до XII вѣка владѣютъ Таманью Олегъ Святославичъ и Ольговичи. Въ развалинахъ древней крѣпости Тамана, нашей Тмутаракани и древней греческой Метархи, найденъ былъ камень съ любопытною и убѣдительною надписью: „въ 6756 г. индикта (то-есть 1068 г.) *князь Олегъ мѣрилъ море по льду отъ Тмутаракани до Керчева 8045 саженей*". Но послѣ XII столѣтія слѣды русскаго владѣнія исчезаютъ изъ азовскаго побережья и въ Тамани являются уже половцы. Является по сосѣдству еще одно очень загадочное племя, которое лѣтопись называетъ *бродниками*, которые бывали въ спорѣ съ русскими и повидимому были христіане. Передъ битвою при Калкѣ русскіе встрѣчаютъ бродниковъ у Азовскаго моря. Тамъ же они находятся и черезъ 30 лѣтъ при Рубруквисѣ, который видѣлъ среди нихъ много русскихъ. Послѣ Калкскаго погрома вождь бродниковъ, Плоскиня, *цѣлуетъ крестъ* князю Мстиславу кіевскому даровать русскимъ свободу за выкупъ и обманываетъ ихъ. Весьма вѣроятно, что древніе русскіе жители азовскаго побережья, при напорѣ кочевниковъ, образовали это смѣшанное бродячее племя, ставшее, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, родоначальниковъ черкасовъ и послѣ донскихъ казаковъ. Удалые запорожцы—ближайшіе наслѣдники правъ старины—не забывали знакомыхъ путей въ Тмутаракань и Керчево. По свидѣтельству французскаго инженера Боплана, который составилъ въ XVII столѣтіи описаніе Украйны, казаки очень часто возвращались изъ Чернаго моря въ Запорожье не Днѣпромъ, а черезъ Керченскій проливъ, Донской Лиманъ и Міусъ, впадающій въ этотъ лиманъ.

Изъ Міуса они тащили волокомъ свои ладьи не болѣе мили до рѣчки Taczawoda (очевидно „тащивода“), впадающей въ Самару, а по Самарѣ въѣзжали въ Днѣпръ. Казаки избирали этотъ далекій путь только тогда, когда силы ихъ были невелики, челновъ 20 или 25, или когда турки совершенно преграждали устье днѣпровское. И до сихъ поръ есть рѣчка, впадающая въ Самару и истокомъ своимъ очень близкая къ верхнему теченью Кринки (или Крымки), впадающей въ Міусъ; но она называется уже не Тащивода, а Волчья вода. Нѣтъ сомнѣнія, что названіе это происходитъ не отъ „волкъ“, а отъ „волокъ“; Тащиводу обернули въ однозначущую Волочи-воду, или Волочью-воду.

Возвращаемся къ судьбѣ Сурожа. Послѣ разгрома Херсонеса Владиміромъ, Сурожъ въ одно столѣтіе задавилъ его торговлю и сталъ главнымъ портомъ крымскаго побережья, окномъ изъ Европы и Малой Азіи въ степи половцевъ, въ Татарію, въ Россію. Товары, шедшіе съ сѣвера, востока и юга, между прочимъ изъ самой Индіи, проходили черезъ Сурожъ. Венеціанскіе купцы Матео и Николо Паоло высаживались въ Сурожѣ. Посолъ Людовика Святаго, Рубруквисъ, въ 1253 году ѣхалъ къ хану Мангу черезъ Сурожъ. Море Азовское, а по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, само Черное море называлось у насъ въ старину моремъ Сурожскимъ. Купцы, торговавшіе шелковыми и другими привозными византійскими тканями, назывались въ Москвѣ сурожскими, и ихъ товаръ, ихъ гостиный рядъ сохранилъ и доселѣ съ небольшимъ извращеніемъ это имя (Суровской рядъ). Карамзинъ въ 3-мъ томѣ своей исторіи говоритъ, что „Россіяне, покупая соль въ Тавридѣ, привозили въ Сурожъ, или Судакъ, богатый и цвѣтущій, горностаевы и др. мѣха драгоцѣнные, чтобы обмѣнивать ихъ у купцовъ восточныхъ на бумажныя, шелковыя ткани и пряные коренья“.

Нѣтъ сомнѣнія, что Судакъ, подобно другимъ греческимъ городамъ крымскаго побережья, въ видахъ спокойствія и самосо-

храненія, постоянно платилъ дань тѣмъ кочевникамъ, которымъ поочереди доставалась во владѣніе Таврія; сначала, можетъ быть, готамъ, потомъ (съ XI вѣка) половцамъ и наконецъ въ XIII ст. татарамъ.

Въ припискѣ халкисскаго синаксаря отмѣчено подъ 1223 годомъ, первое пришествіе татаръ. Потомъ въ 1239 году новое нашествіе. Черезъ 10 лѣтъ, подъ 1249 годомъ, записано: „въ тотъ же день очищено отъ татаръ все“. Въ 1299 г. однако татары опять присылаютъ зачѣмъ-то войско въ Сурожъ, платившій имъ дань. Въ годъ перваго нашествія татаръ Судакъ принадлежалъ еще къ имперіи „великихъ Комниновъ“, вмѣстѣ съ южнымъ берегомъ. Въ 1249 г. онъ уже находится подъ властью трапезундскихъ императоровъ. Наконецъ въ 1322 г. татары совершенно покоряютъ Сурожъ. Это горестное событіе въ синаксарѣ отмѣчено такъ: „пришелъ Толактемиръ и Апокрісіарій Узбековъ, имя ему Карабулатъ, и взялъ Сугдею безъ войны; сняли колокола всѣ и сломали иконы и кресты, и затворили ворота, и была скорбь, какова не была никогда“. Потомъ, подъ 1323 годомъ: „Закрыли безбожные агаряне божественную и священную икону Спаса нашего Іисуса Христа въ царскихъ вратахъ богоспасаемаго города Сугдеи“; и наконецъ подъ 1327 годомъ: „Раззорилъ крѣпость, св. Софію Сугдаи, и св. Стефана, и св. Варвару нѣкто именемъ Агачъ-Пасли, сквернавецъ древоголовый“. Вѣроятно, послѣ этого погрома жители Судака разбѣжались, и городъ опустѣлъ, потому что около этого времени папа Іоаннъ XXII просилъ Узбека о позволеніи возвратиться христіанамъ въ Судакъ и объ обращеніи церкви судацкой изъ-подъ мечети опять въ христіанскій храмъ. Вообще послѣднее татарское нашествіе потрясло окончательно могущество Судака. Съ тѣхъ поръ, этотъ многолюдный, богатый и вольный городъ, имѣвшій болѣе 100 церквей, привлекшій въ свои стѣны своею вѣротерпимостью промышленныхъ людей всевозможныхъ племенъ и

толковъ, почти стирается со страницъ исторіи, какъ самостоятельный центръ жизни. Судьба его, со второй половины XIV столѣтія, дѣлается нераздѣльною съ судьбою генуэзскихъ колоній Крыма, съ судьбою Каѳы, которая унаслѣдовала славу и богатство Судака. Каѳяне овладѣли Судакомъ въ 1363 или 1365 году. Старожилы Судака разсказывали въ XVI столѣтіи Броневскому, что каѳяне воспользовались междоусобіями какихъ-то сварливыхъ греческихъ князьковъ, управлявшихъ тогда Судакомъ, и присоединили къ себѣ въ 1365 году городъ и 18 селеній, ему принадлежавшихъ. Это сказаніе не только не противорѣчитъ, а почти подтверждаетъ существующую въ Крымѣ легенду о царицѣ Ѳеодорѣ, у которой генуэзцы будто бы отняли Судакъ, Алустонъ, Кастель и прочія береговыя владѣнія. Ссорѣ Ѳеодоры съ братомъ легенда приписываетъ побѣду генуэзцевъ. Въ 1380 г. 28 ноября генуэзскій консулъ Джаноне дель-Боско заключилъ договоръ „при 3 колодцахъ“ съ ханомъ Тохтамышемъ, по которому генуэзцы получаютъ въ свое владѣніе весь берегъ Тавріи отъ Балаклавы до Судака, включая и принадлежащія къ нему 18 селеній. Очевидно, это было только печальное освященіе уже прежде совершившагося захвата со стороны номинальнаго обладателя Судака, то-есть со стороны татаръ, получавшихъ съ него дань. Вмѣстѣ съ торговою жизнью угасла, повидимому, въ Судакѣ и та широкоразвитая религіозная жизнь, о которой осталось столько свидѣтельствъ. Многочисленныя святыни Судака опустѣли или разрушились. Судакъ пересталъ быть съ 1386 г. метрополіею эпархіи. Генуэзцы придавили греческую церковь въ пользу своей латинской. Въ XIV столѣтіи упоминаются въ Судакѣ только латинскіе епископы, а судацкіе греки причислены уже къ сосѣдней готѳійской эпархіи, между тѣмъ какъ до того времени греки самой Каѳы, Ялты и другихъ мѣстъ подчинялись митрополиту Сугдаи. Вѣроятно, главною причиною этого было обезлюденье Судака. Все заставляетъ думать, что послѣ погромовъ татар-

скихъ и генуэзскаго плѣненія даже древнія укрѣпленія Судака были бо̀льшею частью разрушены. Изъ сохранившихся на башняхъ Судака надписей на каменныхъ плитахъ оказывается, что въ 1385 году генуэзцы стали строить вокругъ Судака укрѣпленія, которыя были окончены только въ 1414 году, слѣдовательно постройка ихъ продолжалась около 30 лѣтъ. Такимъ образомъ, мы вправѣ считать большинство уцѣлѣвшихъ теперь башень и стѣнъ Судака за памятники генуэзскаго, а не греческаго владычества.

Съ половины XIV столѣтія начинается вторая, генуэзская эпоха жизни Судака. Задавленный разраставшимся могуществомъ Каѳы, своей ближайшей сосѣдки и своей обладательницы, Судакъ дѣлается однимъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ генуэзской колоніи и попутною стоянкою генуэзскихъ кораблей; но уже торговое значеніе его болѣе не существуетъ.

Можно сдѣлать краткій очеркъ устройства и внутренней жизни Судака въ этотъ періодъ времени, руководствуясь чрезвычайно интереснымъ уставомъ генуэзскихъ колоній, сохранившимся въ рукописи въ архивахъ банка св. Георгія, въ Генуѣ. Князь М. С. Воронцовъ, посѣтивъ Генуя, видѣлъ эту латинскую рукопись, и поручилъ сдѣлать съ нея точный списокъ, который теперь хранится въ библіотекѣ князя въ Алупкѣ, и недавно только изданъ въ свѣтъ.

Говоря о Судакѣ, необходимо сказать и о Каѳѣ, безъ которой онъ уже не имѣетъ больше смысла. Откуда явилась эта Каѳа, о которой ничего никто не зналъ въ то время, когда Судакъ былъ уже знаменитымъ вольнымъ городомъ? По всей вѣроятности, первое поселеніе генуэзцевъ въ Каѳѣ совпадаетъ съ 4-мъ крестовымъ походомъ и съ основаніемъ Латинской Имперіи. Крестовые походы развили вкусъ къ смѣлымъ рыцарскимъ предпріятіямъ, которыя часто кончались созданіемъ новыхъ государствъ. Какой-то рыцарь авантюристъ, обозначенный въ историческихъ памятникахъ только одною буквою R, съ дружиною подвижниковъ, вѣроятно, отдѣ-

лившейся отъ общей рати крестоносцевъ, овладѣлъ въ началѣ XIII столѣтія мѣстностью, на которой стояла древняя греческая Ѳеодосія. По крайней мѣрѣ, въ числѣ „памятниковъ отечественной исторіи генуэзской республики“ находится привиллегія, дарованная въ 1234 году *владѣтелемъ Каѳы* генуэзцемъ R, по которой всякій гражданинъ республики получалъ право вести торговлю безъ налоговъ и пошлинъ во всей землѣ, принадлежащей R и его сподвижникамъ. Слѣды этого частнаго владѣнія Каѳою сохранялись долго. Въ древнѣйшемъ уставѣ для генуэзскихъ колоній 1290 года есть статья, „чтобы никто посторонній не могъ взимать таможенныхъ пошлинъ во вредъ сыновьямъ Бонифація Дель-Орто“. То же подтверждается и въ уставѣ 1316 года.

Колонія Каѳа, созданная частною предпріимчивостью, расширившаяся изъ маленькой факторіи въ цѣлое морское государство, подобно остъиндскимъ колоніямъ Англіи, перешла впослѣдствіи, въ концѣ XIII или началѣ XIV вѣка, изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ во власть своей старой метрополіи, генуэзской республики. При переходѣ она уже имѣла полное республиканское устройство, и уставъ 1316 года, изданный въ Генуѣ для черноморскихъ колоній, упоминаетъ о мѣстномъ *каѳскомъ консулѣ* наряду съ консуломъ, присылаемымъ изъ Генуи. Смѣлые и дѣятельные моряки, давшіе міру Христофора Колумба, съумѣли воспользоваться прекрасными заливами и плодоносными землями, на которыхъ они поселились. Свойственный свободнымъ общинамъ духъ ассоціаціи и вѣрное чутье коммерческихъ выгодъ, заставило генуэзцевъ войти сначала въ дружественныя сношенія со всѣми торговыми городами черноморскаго и азовскаго побережья. Вездѣ они выхлопотали себѣ права, мѣста для факторій, земли. Ѳеодосійскую факторію окопали широкимъ рвомъ, обнесли валомъ, понавезли на своихъ корабляхъ строительныхъ матеріаловъ для стѣнъ и зданій, — и изъ пепла старой греческой Ѳеодосіи незамѣтно возродилась новая Каѳа,

такая же торговая и богатая. Венеція встревожилась этимъ, и начался рядъ войнъ. Византійскіе Палеологи, возстановленные съ помощью генуэзцевъ, послѣ 58-ми лѣтняго изгнанія изъ Византіи, на престолѣ римскихъ императоровъ, отнятомъ у нихъ венеціанцами во время IV-го крестоваго похода, соединились съ Генуею противъ Венеціи. Генуя заперла Венеціи всѣ таврическіе порты. Пизанцы 7 лѣтъ воевали съ Генуею, и только усилили ея славу и богатство. Но въ 1307 году молодой колоніи былъ нанесенъ неожиданный и страшный ударъ совершенно съ другой стороны. Каѳа была взята и разрушена монголами. Новаири, жившій въ Египтѣ въ 1308 году, записалъ это событіе: „получили извѣстіе въ Египтѣ, что Тукта (Тохтагу-ханъ), разгнѣвавшись на франковъ-генуэзцевъ, живущихъ въ Крыму, и на сѣверныхъ язычниковъ за то, что они, какъ дошли до него слухи, похищали дѣтей татаръ и продавали ихъ въ страны мусульманскія, послалъ войско противъ города Каѳы, въ которомъ они жили. Франки, устрашенные, сѣли на свои корабли, и ушли въ море, такъ что войска не могли взять ни одного, но Тукта завладѣлъ ихъ имуществомъ въ городѣ Сараѣ и въ окрестностяхъ“. Это было второе разореніе Каѳы, потому что въ 1260 году венеціанскій вождь Соранцо уже овладѣлъ разъ Каѳою. Надобно было возстановлять заново необитаемый городъ, и 1308 годъ долго считался поэтому годомъ основанія Каѳы. Генуэзскій дворянинъ Бальдо Доріа первый поселяется среди развалинъ запустѣлаго города, вызываетъ множество новыхъ поселенцевъ, строитъ дома амфитеатромъ на подобіе Генуи, и дѣлается такимъ образомъ вторымъ основателемъ Каѳы. Въ 1316 году генуэзская республика распоряжается о немедленномъ укрѣпленіи возрожденнаго города, и посылаетъ ему оружіе для обороны. Съ 1340 г. Каѳа уже обносится укрѣпленіями; въ томъ же году армяне, переселившіеся изъ покоренной татарами Арменіи на берегъ Крыма между Ѳеодосіею и Судакомъ, подкрѣпили колонію ремесленными и тор-

говыми силами. Татары до IV столѣтія не имѣли въ Крыму отдѣльнаго ханства, и довольствовались нѣкоторою данью отъ приморскихъ городовъ, не вмѣшиваясь въ ихъ бытъ, и даже во многомъ покоряясь вліянію ихъ богатства и цивилизаціи. Огромный флотъ каѳянъ, множество великолѣпныхъ храмовъ, башенъ, дворцовъ, дѣятельная, торговая жизнь города, въ которомъ сталкивались всѣ племена, импонировали на степного кочевника, считавшаго себя хозяиномъ всего Крыма. Татары совѣтовались съ каѳянами даже о выборѣ властителей, и многіе владѣтельные князья Тавріи просили судить ихъ распри въ Каѳѣ. По трактату съ татарами—Судакъ, Керчь, Балаклава, Мангупъ, Ялта—вся такъ-называемая Готѳія перешла въ руки каѳянъ. Чтобъ сдѣлаться центромъ не только матеріальной, но и умственной жизни края, каѳяне завели у себя большое училище для всѣхъ жителей Тавріи, и просили въ 1318 году папу Іоанна XXII сдѣлать Каѳу столицею особой обширной епархіи. Рѣдкія ссоры каѳянъ съ татарами кончались такъ плохо для татаръ, что повторять ихъ было невыгодно. При Джанибекѣ, въ половинѣ XIV столѣтія, каѳяне держали татаръ на полуостровѣ въ совершенной осадѣ, отгоняли всѣ суда и кровопролитными высадками истребляли множество татаръ. Джанибекъ едва успѣлъ спастись отъ крестоваго похода, приготовлявшагося противъ него генуэзцами и папою Климентомъ VI, во время испросивъ мира. Мамай былъ даже убитъ въ Каѳѣ. Тамерланъ, отнявшій въ 1395 году у венеціанцевъ Азовъ, облегъ-было и Каѳу. Но Готфридъ Зоагліо блестящими побѣдами на землѣ и на водѣ освободилъ свой городъ отъ варваровъ. Черезъ три года, Каѳа была, однако, сожжена кипчакскими татарами вмѣстѣ съ другими городами Крыма. Когда Хаджи-Гирей объявилъ себя независимымъ ханомъ Крыма, Каѳа и другіе города, которые она завоевала, то-есть Керчь, Судакъ, Ялита, Балаклава и Мангупъ, остались въ тѣхъ же отношеніяхъ къ новому властителю, то-есть давали ему деньги, и были

совершенно независимы. Гибель генуэзцевъ шла не съ этой стороны: она двигалась, угрожая не только морскимъ державамъ: Генуѣ, Венеціи, Греціи, а всему европейскому міру, всему христіанству. Въ 1357 г. султанъ никейскій Солиманъ, съ помощью генуэзцевъ, желавшихъ отомстить враждебной тогда Византіи, отнялъ у императора Кантакузена европейскую Ѳракію. Менѣе чѣмъ черезъ 100 лѣтъ, Византія была въ рукахъ Мохамеда II. Генуэзскій вождь Юстиніанъ съ 2,000 воиновъ геройски погибъ подъ развалинами защищаемой имъ Византіи, гдѣ генуэзцамъ принадлежали издавна два богатыя предмѣстья: Пера и Галата. Но Мохамедъ II еще не наложилъ на генуэзскія колоніи своей тяжелой руки: свободное плаванье по Черному морю было предоставлено генуэзцамъ цѣною постыдной подати дѣтьми для султанскаго сераля, на которую вынуждены были согласиться генуэзскія предмѣстья Царьграда. Еще 22 года длилось существованіе крымскихъ колоній. Генуя, подорванная въ своей торговлѣ и богатствахъ Венеціею, Византіею, потомъ Турціею, все еще продолжала считать себя наравнѣ съ величайшими государствами Европы, и требовала у Мохамеда II отчета въ совершенныхъ имъ насиліяхъ. Собственность Каѳы была переведена въ банкъ св. Георгія, эту могущественную, торговую общину, которая своими кораблями, крѣпостями, войскомъ и богатствомъ затмѣвала даже самую республику. Банкъ имѣлъ свой совѣтъ, своихъ правителей, военачальниковъ, судей, отдѣльныя части города. Но судьба Каѳы была предуготовлена самою республикою, и всѣ внѣшнія средства были безнадежны противъ внутренняго разложенія. Черноморскія колоніи были подточены въ сердцѣ ревнивою политической метрополіи, которая болѣе заботилась о своихъ коммерческихъ доходахъ, чѣмъ о жизненной прочности колоній. Въ XV столѣтіи Каѳа страдаетъ столько же отъ постоянныхъ нападеній татаръ, сколько отъ продажности чиновниковъ, наглаго взяточничества и казнокрадства; правосудіе, которымъ когда-то славилась Каѳа даже среди та-

таръ, уже не существовало болѣе. Кредитъ колоніи также упалъ. Въ 1457 годичный дефицитъ колоніи доходитъ до 492,000 аспровъ (аспро каѳинское равнялось почти 3 коп. сер.), да сверхъ того 4,020 скудовъ нужно было высылать дани турецкому султану. Иванъ Васильевичъ III, посылая въ 1474 г. боярина Беклемишева къ Менгли-Гирею въ Каѳу, наказалъ послу: „объявить консулосу каѳинскому и каѳинцамъ, чтобы они возвратили отнятыя у россійскихъ купцовъ на 2,000 руб. товаровъ, и впередъ бы подобными насиліями не пресѣкали пути въ своей землѣ для взаимной торговли". Въ 1475 г. русскій посолъ Прокофій и купцы опять ограблены на нѣсколько тысячъ рублей. Католическіе епископы всѣми средствами тѣснили иновѣрцевъ, и заставляли ихъ переселяться въ другіе города. Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ татары, обитавшіе во множествѣ въ Каѳѣ, обратили всѣ свои помыслы къ хану, и служили ему постоянными орудіями для смутъ, интригъ и нападеній. Отцы генуэзской ресспублики, любившіе держать свои колоніи на короткомъ поводу, горевали не столько о нравственномъ растлѣніи коѳинцевъ, сколько объ ущербахъ своей казны, и предпринимали для излеченія рядъ тѣхъ безплодныхъ, хотя хитро-сплетенныхъ бюрократическихъ операцій, которыми гордятся современныя правительства Европы. Въ Генуѣ созывались коммисіи для улучшенія дѣлъ въ Крыму; коммисіи смѣняли одна другую, отмѣняли старые, вырабатывали новые уставы, учреждали надсмотрщиковъ за надсмотрщиками. Учрежденъ даже особый попечительный восточный комитетъ изъ знатныхъ персонъ, живущихъ, конечно, въ той же Генуѣ,—словомъ, труда было понесено довольно, бумаги исписано много, а дѣла не поправлено ни на іоту. Въ высшей степени поучительна эта жалкая система недовѣрія и фискальства, на которой были построены всѣ мѣры генуэзскаго правительства, которая всегда кончается смертью общества, ею управляемаго, и которая, однако, до нашихъ дней продолжаетъ стоять, какъ панацея,

на первой полкѣ нашихъ политическихъ аптекъ. Приведемъ читателю нѣкоторые примѣры этого заплеснѣвшаго канцелярскаго макіавеллизма, взятые изъ генуэзскаго устава для черноморскихъ колоній 1449 года. Вотъ сколько было тогда разныхъ начальствъ въ нынѣшней нашей маленькой Ѳеодосіи: 1) консулъ Каѳы, „начальникъ города и всего Чернаго моря въ царствѣ Казарскомъ“, присылаемый ежегодно изъ Генуи; 2) викарій консула: 3) совѣтъ старѣйшинъ изъ *8-ми членовъ*; 4) 2 управляющихъ финансами; 5) 4 генеральныхъ *синдика* г. Каѳы; 6) совѣтъ казначейства изъ 4-хъ членовъ; 7) попечительный комитетъ также изъ 4-хъ членовъ для управленія собственно городомъ; 8) четыре синдика генуэзскихъ, какъ высшій контроль надъ управленіемъ; 9) комитетъ торговый хазарскій; 10) комитетъ продовольствія; 11) военный начальникъ Готіи; 12) военный начальникъ крѣпости; 13) военный начальникъ оргузіевъ; 14) военный начальникъ воротъ Кайдагорскихъ; 15) военный надзиратель башни св. Константина; 16) военный надзиратель предмѣстья; 17) полицейскій приставъ; 17) приставъ базарный; 19) смотритель за улицами; 20) смотритель за водопроводами, не считая нотаріевъ, секретарей, переводчиковъ, приказныхъ и пр.

Всѣ эти власти были обязаны присягою зорко наблюдать другъ за другомъ и доносить обо всемъ синдикамъ, приставленнымъ отъ матери-республики. Обязанность каждаго правителя была опредѣлена до мелочей, исчислены всевозможныя нарушенія ея и заранѣе сдѣланы необходимыя угрозы. Даже самъ главный правитель—самъ губернаторъ Каѳы и всего Чернаго моря разсматривается уставомъ какъ естественный врагъ и зложелатель общины, котораго нужно водить не иначе, какъ въ намордникѣ и котораго нужно усчитывать до послѣдняго гроша. Назначается ему, напримѣръ, жалованья 500 соимовъ въ годъ,—и сейчасъ же прибавляется, что „прежніе доходы подъ различными предлогами“ строго запрещаются, что онъ не смѣетъ „вмѣшиваться

въ судъ и налоги" подъ страхомъ такого-то штрафа, „не смѣетъ брать налоги на откупъ, ни торговать тайно или явно" (опять штрафъ отъ 500—100 соимовъ); „сборщики таможенныхъ пошлинъ не смѣютъ вести съ упомятутыми консулами никакой торговли, *ни вводить ихъ въ искушеніе, ни даже говорить имъ о ней*, подъ опасеніемъ штрафа". Подарковъ консулъ брать не смѣетъ ни отъ кого, даже отъ царей, а все отдавать въ казначейство съ роспискою. Позволяется принимать только „съѣстное или питье, которое *онъ въ состояніи употребить умѣренно въ продолженіи сутокъ*". Въ исчисленіи обязанностей уставъ отличается неменьшею предупредительностью. Такъ, напримѣръ, консулу приказывается имѣть „на свой счетъ": 1 всадника, 6 слугъ, 1 щитоносца, 1 повора, 6 лошадей: если не имѣетъ— штрафъ. Сверхъ того консулъ обязанъ имѣть „на свой счетъ, *не на счетъ казначейства*" постоянный огонь въ каминѣ, въ зимнее время, въ большой залѣ консульскаго дворца. Въ этой же залѣ, долженъ онъ имѣть машину для пытки „чтобы никто не смѣлъ и не рѣшился никогда вынести ее оттуда". Какъ видите, заботливость устава простиралась даже на домашній комфортъ чиновниковъ, и извѣстная степень внѣшняго блеску была имъ предписана статьею закона. Даже смѣненный губернаторъ— левъ уже съ подпиленными когтями—и тотъ казался еще опаснымъ для интересовъ казны и общества. Онъ обязанъ былъ уѣхать изъ Каѳы съ тѣми же кораблями, которые привозили его преемника, притомъ „*путемъ удобнѣйшимъ, скорѣйшимъ и кратчайшимъ, подъ опасеніемъ штрафа въ 100—200 соимовъ*". Такія предосторожности были принимаемы противъ всѣхъ другихъ органовъ власти; никому не приходилось класть пальцы въ ротъ. Недовѣріе огульное ко всѣмъ и ко всякому—было душею всей правительственной системы. Всѣ совѣты и коллегіи, названные выше, избирались только на 6 мѣсяцевъ, какъ римскіе диктаторы; всегда на половину каѳяне, на половину генуэзцы, половина по-

чти всегда изъ дворянъ. Въ выборѣ ихъ участвовали исключительно власти прежняго срока. Граждане только могли ждать, кого имъ посадятъ въ начальники. Это управленіе однако называлось республиканскимъ. Оно во всякомъ случаѣ было очень патріархально, что приличествовало подобному патриціату. Генеральные синдики Каѳы могли призывать къ своему суду „всѣхъ консуловъ и чиновниковъ Чернаго моря, кромѣ консула Каѳы“, и наказывать ихъ; викарій и другіе чиновники консула могли быть *наказываемы даже тѣлесно*. Этихъ синдиковъ и самаго консула контролировали еще четыре другихъ синдика, тѣ уже были всѣ генуэзцы, имѣли право пытки, на ихъ рѣшеніе апелляціи не было, и особа ихъ была священна. Что касается до гражданъ, то наказанія ихъ, повидимому, не были большою рѣдкостью, такъ-какъ они составляли узаконенную и постоянную доходную статью полицейскаго пристава, а именно: за каждаго высѣченнаго онъ получалъ 25 аспровъ, за повѣшеннаго, обезглавленнаго и вообще казненнаго 50 аспровъ, за заклейменье 30, за отрѣзанье какого либо члена 35, за пытку, какъ за дѣло слишкомъ обыденное, не полагалось ничего; пытка отпускалась безплатно, и какъ бы сверхъ абонемента. Но за то республиканскій полиціймейстеръ имѣлъ еще доходъ съ прохожихъ, пойманныхъ ночью послѣ колокольнаго звона, и съ питейныхъ домовъ, незапертыхъ въ этотъ часъ. Вообще чиновники больше были на кормежѣ, чѣмъ на жалованьи. За все и со всего бралось въ ихъ пользу, какъ и слѣдуетъ въ благоустроенномъ государствѣ. Военный начальникъ Каѳы собиралъ доходъ съ лавокъ, съ питейныхъ домовъ, съ ссорящихся, съ публичныхъ женщинъ и, судя по угрозамъ устава, видно, что эти узаконенные сборщики чаще всего обращались въ грабителей. Базарный приставъ получалъ доходъ со ввозимыхъ продуктовъ; съ каждаго судна, въѣзжавшаго въ портъ, требовалась барка камней. За опредѣленіе къ должности съ приставовъ бралась подать. Съ соли бралась пош-

лина. Всѣ консулы и наемники должны были платить нотарію каѳинскаго казначейства, первые 300, вторые по 6 аспровъ въ годъ. Всѣ промыслы и доходы были на откупу: былъ откупъ съѣстныхъ припасовъ, былъ откупъ лѣса, травы, зелени, даже угля. Попечительною матерью-республикою было принято въ соображеніе, предусмотрѣно, установлено все, что касается до благоустройства каѳинской колоніи, даже до мельчайшихъ подробностей, и каѳинскимъ властямъ сдѣланы строжайшія внушенія радѣть о благѣ жителей. Уличный приставъ обязанъ былъ уставомъ содержать городъ „чистымъ, блестящимъ и безъ всякой нечистоты“ и брать штрафъ съ жителей, если они осмѣлятся выливать за дверь воду или нечистоту. Уставомъ опредѣлено, до какого часа долженъ горѣть огонь на постоялыхъ дворахъ, въ какіе часы должно звонить въ какой колоколъ и сколько разъ; предписаны подробныя правила для церковныхъ народныхъ празднествъ, въ которыхъ не забыто не только число свѣчей, жертвуемыхъ въ церковь, но даже веревки и нитки, необходимыя въ разныхъ случаяхъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: казначейство должно отпускать по 4 восковыхъ свѣчи въ 30 церковныхъ праздниковъ, поименно исчисленныхъ, въ 18 церквей, исчисленныхъ также поименно. Кромѣ того, въ дни большихъ праздниковъ назначается иллюминація и фейерверкъ на счетъ того же казначейства. Исчисляется расходъ на вино, пряники, яблоки, виноградъ солдатамъ и полицейскимъ, „назначается 350 аспровъ на *изюмъ, миндаль, конфекты*“, извѣстная сумма на свѣчи, за аллилуйя, *грекамъ, которые приходятъ пѣть Калимерасъ, мальчикамъ, которые бросаются въ воду на крещеніе, за звонъ въ колоколъ, за кувшины и пр.*“

Въ день св. Георгія, патрона республики, сверхъ другихъ расходовъ, предписанъ расходъ на скачку: на цвѣтную матерію, напримѣръ, штуку кармазина, 1,200 аспровъ, и на камку

80. На живопись герба, на ленту, на пару шпоръ, на хлѣбъ и сыръ глашатаямъ, на лисицу—6 аспровъ, на пѣтуха—6 аспровъ, на веревки и нитки 10, на шестъ для скачки, на ужинъ, когда консулъ отправляется къ Кайдагарскимъ воротамъ, т. е. изюмъ, саладъ, уксусъ и вино.

Точно также въ день Іоанна Крестителя, сверхъ прочаго, назначается сумма „за шербеты, за ель, за ситникъ, вишни" и проч. О другихъ праздникахъ такая же заботливость. За столомъ консула, по требованію устава, 2 трубача должны трубить туши. 1 музыкантъ играетъ на дудкѣ, когда консулъ отправляется въ церковь. Военный начальникъ долженъ сопровождать консула въ церковь верхомъ, подъ угрозою штрафа.

Вообще угрозы чередуются въ уставѣ съ прямыми распоряженіями; эти угрозы очень характерны для вѣрнаго представленія о внутреннемъ бытѣ колоній.

Такъ одна статья устава требуетъ, „чтобы дома не были разрушаемы сборщикомъ поземельной подати"; въ другой статьѣ строжайшее подтвержденіе военнымъ начальникамъ воротъ „не обижать жителей, въѣзжающихъ съ товарами". Строго запрещено „продавать, вмѣсто невольниковъ, жителей Кафы".

Строго запрещено Тудуну какихъ-то канлюковъ (вѣроятно монголовъ), бравшихъ таможенныя пошлины съ жителей, „вмѣшиваться въ дѣла каѳянъ и судить ихъ, если они живутъ въ Каѳѣ не менѣе года".

„Поелику епископъ г. Каѳы", сказано въ другомъ мѣстѣ устава, „тревожитъ, говорятъ, иногда иновѣрцевъ, притѣсняетъ ихъ и грабитъ, что можетъ быть причиною уменьшенія числа жителей въ городѣ и предмѣстіяхъ и послужитъ къ явной опасности и вреду Каѳы, то узаконено, чтобы „епископъ г. Кафы, теперешній и всѣ будущіе не посягали на жатву другаго народа и чтобы упомянутые греки, армяне, евреи и другіе иновѣрцы были безопасны отъ всякаго грабительства, посягательства на

имѣнія, когда кто умретъ безъ завѣщанія, и другихъ притѣсненій упомянутыхъ епископовъ“.

Мы нарочно остановили читателя на этихъ характерныхъ выдержкахъ. Политическій и общественный бытъ генуэзскихъ колоній, какъ Каѳы, такъ равно Солдаи, Чембало и другихъ, дѣлается послѣ этого довольно ясенъ. Остается развѣ прибавить нѣсколько подробностей, касающихся устройства собственно Солдаи (Судака). Солдая имѣла особаго консула, который получалъ отъ каѳинской общины 100 соимовъ въ годъ, т. е. ровно въ пять разъ меньше каѳинскаго консула, и обязанъ былъ на этотъ счетъ содержать служителя и 1 лошадь. Онъ соединялъ въ своемъ лицѣ, кромѣ того, должности коменданта крѣпости, управляющаго финансами и военоначальника. Онъ не имѣлъ права имѣть ни поля, ни виноградника. Ему строго запрещались поборы и *„облавы“*. Запрещалось распоряжаться барками и манеріями, идущими въ Каѳу, и посылать ихъ къ кому бы то ни было въ Каѳу, „ибо люди Солдаи“, сказано въ уставѣ, „должны быть свободны и никѣмъ не стѣсняемы“. Консулъ Каѳы и синдики были его высшею инстанціею. Все указываетъ на то, что въ XV столѣтіи Судакъ былъ только важенъ какъ военный фортъ, что о его прежней широкой торговлѣ и многолюдствѣ уже не было помину. Все гражданское чиновничество Судака состояло въ это время изъ одного нотарія, писавшаго за деньги прошенія и наблюдавшаго тарифную табель, изъ торговаго пристава да письмоводителя по греческому языку. Очевидно, что Каѳа была въ это время административнымъ и судебнымъ средоточіемъ всѣхъ черноморскихъ колоній, а ихъ самостоятельная жизнь уже совершенно погасла. Несомнѣнно также, что внутренняя жизнь Судацкихъ гражданъ въ XV столѣтіи была крайне тревожна и необезпечена. Судакъ былъ самымъ уставомъ поставленъ на строго-военное положеніе. Интересы форта были на первомъ планѣ и забота о нихъ вызывалась, повидимому, край-

нею необходимостью. „Поелику очень опасно отворять ночью ворота“, сказано въ уставѣ, „повелѣваемъ, чтобы ворота въ означенномъ мѣстѣ Солдаѣ не отворялись въ ночное время, но стояли всегда заперты до самаго дня, исключая только крайнюю и явную необходимость, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы мостъ, находящійся передъ воротами, былъ всегда поднятъ“.

Помощниками консула по военной части были два коменданта: одинъ въ крѣпости св. Креста, другой въ крѣпости св. Ильи, оба не изъ гражданъ Солдаи, какъ самъ консулъ, нотарій и другіе. Въ крѣпости св. Ильи должно было находиться на лицо не менѣе 4-хъ солдатъ, въ крѣпости св. Креста не—менѣе 6. Оба подкоменданта, тотчасъ послѣ захода солнца, обязаны были быть въ своихъ крѣпостяхъ и не смѣли выйти изъ нихъ до самаго восхода. Музыкантъ долженъ былъ цѣлую ночь караулить стѣны, играя на своей дудкѣ. Кромѣ того, на стѣнахъ всю ночь должны были оставаться: сторожъ съ турецкимъ барабаномъ и 2 трубача. У внѣшнихъ воротъ предмѣстій и у базарныхъ воротъ было еще по 2 караульныхъ каждую ночь. Гарнизонъ былъ, впрочемъ, весьма невеликъ: 8 казаковъ-оргузіевъ на лошадяхъ, съ оружіемъ и плащами „хорошими и крѣпкими“, да 20 наемныхъ солдатъ съ двумя баллистами у каждаго и прочимъ оружіемъ. Было строго запрещено отпускать въ Каѳу солдатъ, стоящихъ въ замкахъ, а другихъ позволялось консулу отпускать не болѣе какъ по 2, по очереди и на короткій срокъ. Даже самому консулу уставъ запрещалъ оставлять землю Солдаи и ночевать въ другомъ мѣстѣ послѣ того, какъ прозвонятъ на Ave Maria. Кого встрѣчали на улицахъ послѣ этого звона—того штрафовали. Недостатку гарнизона отчасти обязаны были помогать жители, изъ которыхъ выбирались консуломъ и попечительскимъ совѣтомъ города ночные караульные стѣнъ. Этотъ попечительскій комитетъ выбирался консуломъ и старымъ попечительскимъ комитетомъ, онъ состоялъ изъ одного латинца и одного грека и

былъ чисто-хозяйственнымъ учрежденіемъ: сохранялъ съѣстные припасы, оружіе, заботился о городскихъ работахъ и починкѣ укрѣпленій, а вмѣстѣ съ тѣмъ доносилъ консулу обо всемъ, что находилъ полезнымъ и нужнымъ.

Судакъ былъ уже въ то далекое время гнѣздомъ винодѣлья, чѣмъ остался и до сихъ поръ. Сельско-хозяйственный характеръ его дѣятельности ясенъ изъ устава. Забота о сохраненіи воды, безъ которой гибель для судацкихъ виноградниковъ была такая же, какъ и въ наше время. Консулъ и 8 лучшихъ жителей ежегодно 1-го марта выбирали двухъ честныхъ людей: одного латинца, другаго грека, и эти выборные составляли попечительскій комитетъ о водѣ: они должны были принимать мѣры, чтобы въ Солдаѣ былъ постоянно изобильный запасъ воды, и чтобы каждый хозаинъ винограднина пользовался водою только въ свою очередь, въ размѣрѣ, назначенномъ комитетомъ. Такое распредѣленіе воды между жителями и выборъ смотрителей за водою соблюдается въ Судакѣ и въ наятоящее время. Въ распоряженіи этого комитета былъ особый мастеръ, умѣвшій устроивать и исправлять водопроводы. Виноградники, впрочемъ, не могли давать большихъ доходовъ хозяевамъ, потому что половина этихъ доходовъ взималась на починку укрѣпленій и расходы по караулу. Къ Солдаѣ принадлежало въ то время 18-ть деревень, которыхъ жители выбирали изъ себя старостъ, утверждаемыхъ каѳинскимъ консуломъ. Жители самой Солдаи имѣли право выбирать изъ своей среды только 4-хъ кандидатовъ на должность начальника сотни, для чего консулъ сзывалъ „всѣхъ мѣщанъ и жителей Солдаи" черезъ глашатая въ ратушу общины. Но утвержденіе въ должности одного изъ 4-хъ кандидадовъ опять таки зависѣло отъ консула Каѳы, такъ что можно сказать безъ преувеличенія, что генуэзскіе колонисты Чернаго моря были лишены всякой тѣни самоуправленія. Жители Судака состояли въ это время частью изъ итальянцевъ, частью изъ

грековъ и частью изъ татаръ, потому что уставъ требовалъ отъ переводчиковъ знанія всѣхъ этихъ трехъ языковъ. Латинскихъ церквей въ Солдаѣ насчитывалось тогда 13, судя по предписаннымъ пожертвованіямъ, а мѣстнымъ праздникомъ считался день Гервасія и Протасія, въ который устроивалась скачка и народное празднество. Нетолько значительной торговли, но даже рыбной ловли въ значительныхъ размѣрахъ Судакъ въ то время не производилъ. Уставъ Солдайскій не упоминаетъ ни слова о пошлинахъ рыбной ловли, между тѣмъ какъ онъ обстоятельно говоритъ объ этомъ предметѣ, касаясь устройства Чембало, т. е. Балаклавы. Понятно, каковъ долженъ быть исходъ столкновенія черноморскихъ колоній, подточенныхъ внутри безправіемъ и безнравственностью, лишенныхъ самою матерью-республикою всякой патріотической энергіи и всякаго духа иниціативы,—съ страшнымъ племенемъ, овладѣвшимъ Византіею.

Внѣшній поводъ къ этому столкновенію представился очень скоро послѣ паденія Византіи.

Для управленія сельскимъ округомъ каѳинскихъ владѣній обыкновенно назначался татарскимъ ханомъ, съ утвержденія каѳинскаго Правительства, особый префектъ изъ уроженцевъ Крыма. Назначеніе префектовъ служило нескончаемымъ поводомъ къ столкновенію колоніи съ ханами, и, наконецъ, оно послужило къ окончательной гибели Каѳы, Судака и всѣхъ генуэзскихъ владѣній Крыма. Въ 1475 году, префектъ каѳинскаго сельскаго округа, Эминекъ, былъ лишенъ мѣста по проискамъ вліятельнаго генуэзца Оберто Скарчіафика, бывшаго совѣтникомъ въ Каѳѣ въ консульство Антоніетто Делла Кабелла. Эминекъ, не желая уступить партіи Скарчіафика, и не видя другаго средства къ защитѣ, отдался подъ покровительство Магомета II-го. Магометъ II-й, посадивъ визиря Ахмета Пашу съ 20,000 десанта на корабли, велѣлъ ему разорить Каѳу. Ханъ Менгли-Гирей, захваченный 14 лѣтъ тому назадъ въ плѣнъ ка-

ѳянами въ первую изъ стычекъ съ отцомъ его ханомъ Гаджи-Гиреемъ, и въ теченіе 8-ми лѣтъ воспитывавшійся въ Каѳѣ со вниманіемъ и почетомъ, подобавшими его сану, попробовалъ-было защищать Каѳу, но видъ турецкаго флота навелъ паническій ужасъ на генуэзцевъ и татаръ. Префектъ Ширинъ-Сейтакъ, противникъ Эминека, изъ-за котораго собственно и поднялось все дѣло, бѣжалъ изъ города. Турецкая артиллерія разбивала толстыя стѣны, подъ замокъ вели подкопы. Одинъ изъ вождей армянскаго народа принялъ-было начальство надъ войскомъ, оставшимся безъ главы, но скоро рѣшился сдаться. Великолѣпный городъ былъ преданъ безчеловѣчному грабежу. При взятіи Каѳы народонаселеніе было разнообразно до крайности. Армяне, греки, евреи, франки, волохи, русскіе, поляки, даже грузины, мингрельцы и черкесы. Русскіе съ 1318 г. имѣли въ Каѳѣ даже православную церковь. Всего народу считалось до 60,000. Часть ихъ была избита безъ милосердія, часть разбѣжалась въ горы и въ татарскіе аулы, гдѣ они смѣшались съ татарскимъ населеніемъ, омусульманились для спасенія своей жизни и собственности, и сдѣлались такимъ образомъ однимъ изъ племенныхъ элементовъ теперешнихъ горныхъ татаръ Крыма, которыхъ даже внѣшній видъ такъ мало похожъ на степныхъ номадовъ и такъ сильно напоминаетъ правильный типъ греко-римскаго племени. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ южнаго берега, между Алупкою и Ялтою, особенно въ Симеѣ, Лименѣ и пр. генуэзцы сосредоточились въ особенномъ числѣ. Еще Палласъ былъ пораженъ удлиненнымъ очертаніемъ черепа жителей этихъ татарскихъ деревень и невольно призналъ въ нихъ ясно сохранившійся генуэзскій типъ ихъ предковъ. Свободные обычаи южнобережскихъ татаръ, ихъ уваженіе къ древнимъ христіанскимъ святынямъ, участіе въ паломничествахъ къ священнымъ мѣстнымъ источникамъ, празднованіе нѣкоторыхъ христіанскихъ праздниковъ, имена многихъ изъ сельбищъ, какъ, напримѣръ, Ай-Сава, Ай-Тодоръ,

Ай-Василь, Ай-Петри, то-есть святаго Савы, св. Θеодора, св. Василія, св. Петра; наконецъ, наклонность къ садоводству и другимъ осѣдлымъ занятіямъ, столь отличающая южнобережскаго татарина отъ кочеваго ногайца степей—все это неопровержимые признаки смѣшаннаго, полуевропейскаго происхожденія горныхъ татаръ. 40,000 колонистовъ были посланы плѣнниками въ Стамбулъ для заселенія его опустѣвшихъ частей; они дошли до Стамбула не разомъ; на пути одинъ смѣльчакъ, по имени Симеонъ Формаріо, взбунтовалъ плѣнниковъ, стражу связали и пристали къ городу Монкастро (Акерманъ). Но комендантъ крѣпости, боясь турокъ, воспользовался ссорою генуэзцевъ, овладѣлъ судномъ и опять отослалъ его въ Царьградъ. Всѣ невольники Каѳы были также отосланы къ султану. 1,500 мальчиковъ отвезены въ его сераль. Въ ратушу было потребовано все оружіе и 40,000 червонцевъ. Жителямъ оставили только половину имѣнія и наложили тяжелую дань. Дворцы и храмы разрушены; только самые некрасивые обращены въ мечети. Чтобы показать, до какой степени разорена была Каѳа, упомянемъ, что изъ двухъ десятковъ латинскихъ церквей, упоминаемыхъ въ уставѣ 1449 г., и нѣсколькихъ монастырей, Бопланъ видѣлъ въ 1660 г. только соборную церковь св. Петра, очевидно, возстановленную уже впослѣдствіи, потому что Броневскій, въ XVI столѣтіи, не нашелъ въ Каѳѣ ни одной латинской церкви. Храмы грековъ и армянъ были, повидимому, пощажены, или по крайней мѣрѣ, имъ было позволено впослѣдствіи возстановить нѣкоторые изъ нихъ. Бопланъ, въ тотъ же 1660 г., насчиталъ въ Каѳѣ 22 армянскихъ и 12 греческихъ церквей. Въ концѣ XVIII вѣка, около 1784 г., когда Тунманъ составлялъ свое описаніе Крыма, и римская церковь св. Петра, и множество армянскихъ и греческихъ церквей Каѳы лежали въ развалинахъ, безъ сомнѣнія, послѣ разгрома Крыма русскими войсками.

Въ русской лѣтописи, подъ 1475 годомъ, такъ записано о

разореніи Каѳы турками: „Того же лѣта 6983 турковe взяша Каѳу, и гостей московскихъ много побиша, а иныхъ поймаша, а иныхъ пограбивъ, на окупъ даваша...“ Польскій посолъ Броневскій, посѣтившій Каѳу въ XVI столѣтіи, сохранилъ намъ одинъ эпизодъ изъ осады Каѳы турками:

„Отъ митрополита греческаго, мужа почтеннаго и честнаго, который съ греческихъ острововъ прибылъ для осмотра церквей, я узналъ — говоритъ Броневскій — что, когда турки осаждали этотъ городъ съ моря многочисленнымъ войскомъ, генуэзцы храбро и сильно защищали его; но когда уже не могли болѣе переносить голода и выдерживать безпрерывную осаду столь сильнаго войска, тогда почти тысяча отборныхъ воиновъ, затворившись въ большой церкви, которая и до сихъ поръ еще цѣла, и нѣсколько дней защищаясь въ нижней крѣпости, въ которую турки ворвались, одержали надъ ними славную побѣду; но, наконецъ, побѣжденные числомъ непріятеля, въ храмѣ томъ всѣ погибли. Турки заложили камнями дверь и окна церкви; а трупы убитыхъ и теперь еще лежатъ безъ погребенія. Какой-то турокъ изъ Каѳы по имени Сеніякъ (то-есть комендантъ), постоянно тамъ живущій, запретилъ мнѣ входить въ эту церковь“.

На девятый день, въ приморскомъ дворцѣ, Франкъ-Азурѣ визирь далъ большой обѣдъ армянскимъ вождямъ, предавшимъ городъ. Когда гости, послѣ пира, сходили съ узкой лѣстницы внизъ, ихъ ждалъ палачъ, съ поднятымъ топоромъ — и головы ихъ падали одна за другою. Только одного Оберто Скарчіафика повезли въ Царьградъ на болѣе торжественную казнь. Онъ погибъ, повѣшенный за подбородокъ на желѣзномъ крюкѣ. Каѳянскій епископъ Симонъ былъ тогда въ Кіевѣ, чтобы просить помощи у Мартына Гастольда, воеводы польскаго. Услышавъ за столомъ вѣсть о гибели Каѳы, епископъ упалъ мертвый.

Судакъ, Балаклава, Инкерманъ, Херсонесъ, Керчь, Тана— все побережье было разорено турками. Мангупъ, въ который

укрылись бѣжавшіе генуэзцы, на своей Столовой горѣ, защищался болѣе всѣхъ. Его называли стальнымъ городомъ, потому что никакія стрѣлы не долетали до него, и онъ почитался неприступнымъ. Ахметъ обложилъ его кругомъ, думая покорить его голодомъ. Но скоро начальникъ города схваченъ былъ турками при выходѣ на охоту. Генуэзцы бѣжали въ противоположныя ворота; жители были избиты, часть ихъ отослана въ Царьградъ. Оставался въ рукахъ генуэзцевъ одинъ старый Крымъ, обнесенный крѣпкими стѣнами. Черезъ хана Менгли-Гирея, сосланнаго султаномъ въ ссылку, генуэзцы напрасно хлопотали о мирѣ, о смягченіи своей участи. Менгли-Гирей, дѣйствительно, былъ опять посаженъ на ханство; но съ нимъ пришло турецкое войско — и старый Крымъ палъ. Всѣ генуэзцы, кромѣ немногихъ личныхъ друзей Менгли-Гирея, да грековъ и армянъ, были истреблены. Каѳа, Судакъ и всѣ генуэзскіе города достались татарамъ. Но въ 1577 году турки выгнали оттуда хана Магомета и съ этого времени до присоединенія Крыма къ Россіи, Судакъ, Каѳа, Балаклава и всѣ приморскіе города Крыма оставались постоянно во власти турокъ.

XV.

Благодѣянія христіанской цивилизаціи невѣрному татарину.

(Поѣздка въ Кизильташъ. — Памятникъ игумену Парѳенію. — Исторія его жизни и смерти. — Кизильташскій скитъ. — Притѣсненія татаръ. — Сравненіе нынѣшняго положенія Крыма съ прежнимъ. — Какою цѣною мы купили и держимъ Крымъ. — Какую пользу мы, русскіе, принесли татарамъ).

Быть въ Судакѣ и не посѣтить Кизильташской пустынки большой грѣхъ. Можно нанять мажару на волахъ, или еще лучше, дилижансъ тройкою. Крымскій дилижансъ — это обыкновенная, нѣмецкая, дышловая телѣга, крѣпко-кованная и помѣстительная сравнительно съ лыкомъ вязанною телѣгою русскаго мужика. Если на такой телѣгѣ виситъ на ремняхъ рессорное креслецо, то нѣмецъ зоветъ экипажъ штульвагеномъ и возитъ на немъ весьма удобно жену и дѣтей. Тогда это настоящій рессорный экипажъ.

Выѣзжайте рано, если не хотите, чтобы васъ затомило и зажарило крымское солнце. Отъ Судака до самаго поворота въ Кизильташскіе лѣса, т. е. вѣрныхъ верстъ 10, приходится ѣхать по открытой каменистой дорогѣ, черезъ Таракташи. Камни внизу, камни со всѣхъ сторонъ, чуть не изъ-подъ облакъ. Вынести нельзя. Но за то, когда вы поворотите въ лѣсистыя горныя долины, направо отъ дороги, вы не нарадуетесь. Тяжелая поѣздка обращается въ чудную прогулку по необъятному тѣнистому парку. Вѣтви лѣзутъ въ экипажъ, сплетаются надъ нимъ; никуда не уйдешь изъ-подъ дышащихъ и колеблющихся сводовъ; солнце свѣтитъ здѣсь какимъ-то зеленымъ золотомъ. Радостная свѣжесть весны стоитъ между стволовъ и вѣтвей, лабиринты которыхъ обнимаютъ васъ кругомъ. Тѣни ползутъ по лицу, какъ нѣжныя

опахала, свѣтъ глядитъ на васъ сквозь листву тысячью веселыхъ, ясныхъ глазъ. Дорога, обыкновенно трудная, теперь выровнена, и сытая тройка дружно ныряетъ съ нами въ тѣнистыя лѣсныя лощины и выноситъ насъ на цвѣтущіе лѣсные холмы. Какія травы, какой сосредоточенный южный ароматъ, какая сочная яркость! Розовая чина великолѣпными гирляндами опутываетъ кустарникъ, обсыпая его молодую зелень нѣжнымъ румянцемъ своихъ мотыльковъ. Пахучая рута переростаетъ кусты, орхидеи разныхъ породъ высокими султанами пестрятъ лѣсной лугъ. Этихъ травъ не найдешь у насъ въ низу, въ горячей степи. Это все жители зеленыхъ горъ, гдѣ есть солнце, и вода, и лѣсныя сѣни. Вамъ прохладно и весело. Весенній лѣсъ какъ будто принялъ насъ въ свою семью и раскрылъ предъ нами всѣ свои майскія радости. Мы рвемъ его чудные цвѣты, мы пьемъ ледяную воду его родниковъ, мы безмолвно бесѣдуемъ съ его зелеными вѣтвями. Мы живемъ съ нимъ и въ немъ. Съ нимъ особенно подружился мой семилѣтній бѣлокурый мальчуганъ, котораго золотыя кудри такъ подходятъ къ вьющимся плетямъ розоваго горошка, и котораго счастливый голосенокъ такъ родственно сливается съ чириканьемъ и щебетаньемъ лѣсныхъ птицъ. Весна вездѣ себя узнала и вездѣ себя привѣтствуетъ: въ ребенкѣ, въ птицѣ, въ цвѣткѣ и въ ручьѣ. Въ самой гущѣ лѣса, не доѣзжая часу до Кизильташскаго монастыря, въ тихой, полутемной лощинѣ, мы поровнялись съ бѣло-мраморнымъ памятникомъ, осѣненнымъ высокимъ крестомъ. Крестъ этотъ, сложенный изъ необтесанныхъ стволовъ деревъ, обвитъ гирляндами дикаго винограда и, въ обстановкѣ пустыннаго лѣса, представляетъ поэтическую картину, невольно-возбуждающую любопытство туриста.

Мы, жители Крыма, знаемъ этотъ крестъ, даже не видавъ его. Всѣмъ еще живо помнится кровавая трагедія, которой интродукція разыгралась въ этомъ лѣсу, а финалъ на ѳеодосійской висѣлицѣ.

Памятникъ воздвигнутъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ таракташскіе татары убили въ августѣ 1866 г. игумена Пароенія, настоятеля Кизильташской киновіи. Пароенія всѣ знали и всѣ помнятъ. Это былъ мужественный и дѣятельный хозяинъ Кизильташскихъ лѣсовъ. Онъ изъ пустыни стремился сдѣлать домовитое, всѣмъ обильное хозяйство, и уже почти достигъ своей цѣли. Онъ первый, съ зари до зари, работалъ на своихъ заводахъ и въ своихъ плантаціяхъ. Горсть монаховъ помогала ему, рабочихъ нанимать было не начто. Въ Кизильташской киновіи, до Пароенія, была только пещера съ цѣлебнымъ источникомъ, да двѣ, три плетеныя мазанки. Пароеній добылъ все остальное. Онъ просѣкалъ дороги, ломалъ камень, пилилъ доски, жегъ известку и кирпичи, прививалъ черенки къ лѣснымъ грушамъ, разбивалъ виноградники, копалъ колодцы.

Изъ пещерки въ скалѣ сдѣлался цѣлый скитъ, съ двумя гостинницами, съ церковью, съ кельями и разными службами. Лѣсъ кругомъ обратился въ садъ, въ огородъ, въ виноградникъ, въ хлѣбное поле, застучала мельница на высотѣ горъ, завелся табунъ лошадей и рогатый скотъ, богомольцы хлынули въ Кизильташскую киновію въ дни, освященные старыми воспоминаніями. Энергія, предпріимчивость и хозяйственная опытность Пароенія сдѣлали его, въ нѣкоторомъ родѣ руководителемъ окрестныхъ владѣльцевъ. Онъ былъ мастакъ во всемъ: архитекторъ, инженеръ, столяръ, печникъ, садовникъ, скотоводъ, что хотите. Это былъ маленькій кизильташскій Петръ-Великій въ рясѣ инока. Къ нему обращались за совѣтами, ему поручались дѣла. Посѣщавшіе Кизильташъ возвращались изъ пустынки, очарованные ея лѣсными красотами и простосердечнымъ радушіемъ умнаго хозяина. Татары вообще тоже очень уважали Пароенія и боялись трогать лѣса, принадлежавшіе скиту, зная строгость игумена. Судакъ, когда-то бывшій Ливерпулемъ Чорнаго моря, предпринимавшій войны и выдержавшій осады — давно уже сталъ мир-

ною и глухою деревнею, въ которой живутъ одни только мелкіе садовые владѣльцы, большею частью мѣщане и крестьяне разныхъ племенъ и исповѣданій. Большіе владѣльцы-помѣщики съѣзжаются въ Судакъ только на винодѣліе около Покрова и проводятъ тогда недѣли двѣ, оживляя тихій Судакъ незнакомымъ ему шумомъ и движеніемъ. Въ остальное время садами ихъ завѣдываютъ управляющіе или садовники, въ прежнее время чаще всего таракташскіе татары, какъ ближайшіе сосѣди и опытнѣйшіе садоводы. Практическій глазъ Парѳенія скоро разоблачилъ плутни этихъ татаръ, управлявшихъ судацкими садами русскихъ владѣльцевъ и доводившихъ ихъ почти всегда до грустнаго состоянія. Нѣкоторые изъ управляющихъ лишились своихъ мѣстъ, по доброму совѣту Парѳенія. И вотъ этотъ-то, повидимому пустой, обыденный случай послужилъ роковою завязкою всего дѣла. Два татарина изъ вліятельнѣйшихъ семействъ Таракташа поклялись отомстить игумену за то, что онъ разоблачилъ ихъ управительскія продѣлки и лишилъ ихъ хлѣбныхъ мѣстъ. Восточная кровь требовала мести кровью. Фанатизмъ магометанина помогъ видѣть въ христіанскомъ инокѣ смертельнаго врага. Заговорщики были строгіе мусульмане, почитаемые своими. Они втянули въ заговоръ еще двоихъ родственниковъ своихъ, изъ которыхъ одинъ былъ молодой студентъ духовнаго татарскаго училища, братъ главнаго заговорщика. Татары называютъ сохтами этихъ воспитанниковъ своихъ медрессе, готовящихся въ муллы. Заговорщики, вооруженные ружьями, подстерегли Парѳенія на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ памятникъ. Парѳеній возвращался, по обычаю, одинъ, верхомъ, изъ Судака, часа въ 4 дня. Пуля сразу повалила его. Убійцы выскочили изъ засады и стали колоть его кинжаломъ. Между тѣмъ бѣдный таракташскій татаринъ Якубъ, искавшій по лѣсу своихъ воловъ, набрелъ на эту сцену. Онъ слышалъ выстрѣлъ, видѣлъ убійцъ, убійцы тоже увидѣли его. Подъ угрозою смерти и подъ страшными клятвами, они приказали Якубу на-

бирать дрова и тащить въ глубокую лѣсную балку налѣво отъ дороги. Якубъ долженъ былъ съѣсть земли, по обычаю татаръ, въ знакъ вѣчнаго молчанья. Трепеща за свою жизнь, онъ сталъ участникомъ убійства. Убитаго игумена стащили въ балку и сожгли на кострѣ вмѣстѣ съ конемъ. Нашли на немъ рублей 18 денегъ и кое-какія мелочи. Якуба отпустили, обѣщавъ, въ случаѣ измѣны, погубить нетолько его самаго, но весь его домъ и весь родъ его. Я видѣлъ балку, въ которой сожгли Пароенія. Это глубокая и глухая дебрь; немудрено, что никто ни въ монастырѣ, ни въ лѣсу не замѣтилъ разведеннаго на днѣ ея жаркаго огня, пожравшаго цѣлаго коня съ всадникомъ; немудрено, что и сыщики не набрели на это мѣсто. Якубъ долго крѣпился. Всѣ розыски о пропавшемъ игуменѣ кончились ничѣмъ. Цѣлыя волости были согнаны въ лѣса, чтобы осмотрѣть каждую тропу, каждый оврагъ. Чиновники безплодно смѣняли одинъ другаго. Подозрѣнія на убійцъ не было ни малѣйшаго. Это были почтенные домовитые татары, хорошо извѣстные окрестнымъ русскимъ помѣщикамъ. За нихъ даже послѣ обвиненія, въ началѣ слѣдствія, ручались сами помѣщики. А совѣсть не давала между тѣмъ Якубу покою ни днемъ, ни ночью. Онъ бросилъ свои дѣла, не спалъ ночей, худѣлъ, мучился. Жена долго приставала къ нему съ разспросами, наконецъ ему стало не въ терпежъ и онъ выдалъ секретъ женѣ. Жена передала сосѣдкѣ, сосѣдка—мужу; мужа звали Ибрамъ. Онъ бросился къ старшинѣ, старшина послалъ его къ муллѣ. Мулла совѣтовалъ молчать. Ибрамъ обратился къ кордонному майору, оберегавшему берегъ Судака отъ контрабандистовъ, и на другой день Якубъ и всѣ убійцы были схвачены и отвезены въ Ѳеодосію. Якубъ повинился и показалъ все. По указанію его, найдены были кости, пепелъ, слѣды крови. У убійцъ нашли поличное. Наряженъ былъ, по просьбѣ русскихъ владѣльцевъ, военный судъ, который долго не могъ найти несомнѣнныхъ доказательствъ убійства. Убійцы запирались во всемъ.

Доносчикъ Ибрамъ умеръ въ тюрьмѣ, какъ говорили, отъ отравы. Якубъ кое въ чемъ противорѣчилъ себѣ. До сихъ поръ многіе утверждаютъ, что вина татаръ сомнительна, что ихъ невозможно бы было обвинить обыкновеннымъ уголовнымъ судомъ. Но какъ бы то ни было, подписанъ былъ смертный приговоръ тремъ предполагаемымъ убійцамъ. Они осуждены на повѣшеніе, а юноша—сохта на каторжныя работы. Казнь совершилась въ Ѳеодосіи, гдѣ производился и судъ. По распоряженію губернатора, депутатовъ отъ Таракташскаго общества пригнали смотрѣть казнь, на поученье остальнымъ. Татарское населеніе, пораженное ужасомъ, отвѣтило на этотъ поступокъ демонстраціею гораздо болѣе гуманною и естественною. Ни одинъ свободный татаринъ не явился на площадь. Всѣ мусульманскіе жители Ѳеодосіи затворили свои лавки, бросили дома и собрались въ мечети—молиться объ осужденныхъ. Осужденные не признались даже и подъ петлею. Одинъ изъ нихъ, надѣвая на шею петлю, громко закричалъ: „Мусульмане и христіане! будьте свидѣтелями, что я умираю невинно!“

Ужасъ отъ повѣшенья собратьевъ до сихъ поръ не прошелъ въ Таракташѣ. Русскіе владѣльцы, такъ недавно проклинавшіе своеволіе таракташскихъ татаръ, съ удовольствіемъ говорятъ теперь объ ихъ уступчивости во всѣхъ хозяйственныхъ столкновеніяхъ, объ ихъ вѣжливости и честности. Не знаю, дѣйствительно ли нуженъ былъ этотъ ужасъ для обузданія татарскаго буйства, и дѣйствительно ли наши чиновники и помѣщики страдали отъ татаръ, а не татары отъ нихъ.

Уже народная легенда овладѣла характерною личностью и характерною судьбою кизильташскаго игумена и начинаетъ переплетать ихъ обычною нитью фантазіи. Грекъ, бывшій моимъ возницею, съ нѣкоторымъ благоговѣйнымъ ужасомъ разсказалъ мнѣ, что онъ самъ, въ прошломъ году, проѣзжая съ товарищемъ подъ вечеръ мимо страшнаго оврага, гдѣ сожгли Парѳенія, явствен-

но слышалъ громкіе стоны и выстрѣлъ изъ ружья; лѣсничіе и дровосѣки постоянно слышатъ по вечерамъ эти сверхъестественные выстрѣлы и стоны въ оврагѣ. Мы однако не слышали, къ сожалѣнью, ни того, ни другаго, хотя мой мальчуганъ, единственный изъ слушателей, увѣровавшихъ въ исторію выстрѣла, расширилъ зрачки и навострилъ уши.

Подъемъ къ Кизильташу очень крутъ и долгъ. Если встрѣчается мажара съ дровами, что случается весьма часто, то разъѣхаться нѣтъ никакой возможности. Возница нашъ, заслышавъ чуткимъ слухомъ еще издали знакомый скрипъ буковыхъ колесъ, останавливаетъ тройку и бѣжитъ что есть мочи впередъ—разыскать удобное мѣстечко для свороту мажарѣ. Но изъ этихъ лѣсныхъ дорогъ, глубоко прорѣзанныхъ въ каменной почвѣ, рѣдко представляется возможность выбраться благополучно въ сторону. Чаще всего мажарѣ приходится ломиться прямо на лѣсъ и на скалу, пригиная молодую поросль и ложась совсѣмъ на бокъ. Только неисповѣдимая терпкость черныхъ буйволовъ и ихъ мощныя плечи могутъ сдержать въ такомъ положеніи и вытянуть на верхъ, черезъ острые камни, громадный возъ, нагруженный какъ домъ. То-то наслышишься татарскаго крику! Вдругъ, послѣ самаго тяжкаго и долгаго подъема, панорама нежданно расширилась; Кизильташская киновія выглянула изъ моря лѣсовъ, въ которыхъ потонула она, со всѣхъ сторонъ обставленная исполинскимъ амфитеатромъ скалъ. Мы добрались до вершины горы, господствовавшей надъ окрестностью. Кругомъ, какъ волны моря, лѣсныя горы. Скалы Кизильташа, красныя сами по себѣ (Кизильташъ, потатарски, красный камень, или красный, утесъ) облиты были багрянцемъ заката, оттѣнившаго такъ рѣзко весь ихъ рельефъ — впадины, трещины, выступы, уступы. На вершинѣ двухъ высочайшихъ пиковъ виднѣлись два огромные креста, служащіе издали маякомъ для богомольцевъ, пробирающихся глухими лѣсными дорожками. Пещера, осѣнен-

ная крестомъ и окруженная благочестивыми фресками, писанными прямо по сырцу скалы, темнѣла высоко впереди насъ, и отъ нея сбѣгала капризными поворотами живописная и предлинная лѣстница, то прятавшаяся въ зелени деревьевъ, то лѣпившаяся около утесистаго обрыва. Ниже виднѣлись разбросанные среди лѣса верхи монастырскихъ зданій и куполъ маленькой церкви. Все это рисовалось такъ цвѣтно, весело и неожиданно среди однообразія лѣсныхъ горъ, что я самъ обрадовался не менѣе своего мальчишки. Путешествіе протянулось гораздо долѣе, чѣмъ мы думали. Запасъ, взятый на дорогу, былъ истребленъ въ началѣ пути, и теперь такъ хотѣлось поѣсть чего нибудь горячаго и сытнаго. Тихо въѣхали мы въ совершенно тихій, словно вымершій монастырь. Никто не вышелъ на встрѣчу, никто случайно не встрѣтился. Гостинница для пріѣзжихъ стояла съ закрытыми ставнями, и только толпы куръ и пѣтуховъ шевелились подъ тѣнью огромныхъ дубовъ, окружавшихъ нижній дворъ монастыря. Хозяйственная физіономія его совершенно заслоняла иноческую. Только и видишь: стойла, хлѣвы, погреба для разныхъ припасовъ, тутъ конная мельница, птичники, молочня, тамъ виноградникъ, тщательно перекопанный, тамъ садъ, тамъ огородъ, на всякомъ шагу хозяйственная упряжь, хозяйственный инструментъ. Мы стали потихоньку взбираться по крутой, тѣнистой тропинкѣ къ верхнему монастырю. Цвѣтничокъ съ дорожками, съ клумбами, съ виноградною крытою аллейкою—украшаетъ подножіе террасы. Два домика для монаховъ, крошечная церковь,—все скромность и простота. Нѣсколько каменьщиковъ работали здѣсь надъ фундаментамъ новаго храма. Монахи въ бѣлыхъ балахонахъ, съ мозолистыми рабочими руками, въ широкихъ шляпахъ самодѣльной соломы, возили песокъ, воду, копали землю. Ни одного не было безъ дѣла. Я спросилъ игумена. Сказали, что онъ на сѣнокосахъ, что другіе братья—кто стережетъ скотину въ лѣсу, кто рубитъ дрова. Здѣшній монахъ

долженъ быть дѣйствительнымъ работникомъ, добывающимъ хлѣбъ въ потѣ лица. Насъ проводили дальше на верхъ, по лѣстницѣ, поклониться мѣстной святынѣ—пещерѣ въ красномъ утесѣ; въ глубинѣ ея бьетъ ключъ, снабжающій монастырь прекрасною водою, и почитаемый, конечно, за цѣлебный, за чудотворный. Сводъ пещеры очень низокъ, исподъ пропитанъ сыростью. Рядъ ликовъ, совершенно искаженныхъ кистью невѣжды-художника, выставленъ надъ ключомъ взамѣнъ иконъ; эта уродливая, мрачная живопись и неприютность темной пещерки производятъ впечатлѣніе какой-то идолопоклонничеcкой божницы. Но зато совсѣмъ другое чувство овладѣваетъ вами, когда вы выходите изъ этой норы на божій свѣтъ и смотрите на этотъ свѣтлый, безпредѣльный храмъ, въ которомъ сіяетъ бездоннымъ куполомъ голубое небо, въ которомъ дышатъ несчетныя полчища зеленыхъ вѣковыхъ деревьевъ, въ которомъ поютъ лѣсные родники и лѣсныя птицы. Съ пещерной террасы открывается видъ на цѣлую область горъ и лѣсовъ. Монастырь у вашихъ ногъ. Вершины далекихъ, большихъ горъ, которыхъ вы давно не видали, смотрятъ теперь вамъ въ лицо изъ-за плечъ десятка другихъ. Закатъ то вспыхиваетъ на нихъ, то стаиваетъ, втекая все выше и выше. Въ церкви стали протяжно благовѣстить.

„Теперь отецъ игуменъ воротился“, сказалъ мнѣ монахъ, непонимавшій, чего это я такъ долго глазѣю на лѣсъ. Мы нашли игумена въ нижнемъ дворѣ въ горячихъ распоряженіяхъ по хозяйству. Коровы, красныя и пестрыя, отъѣвшіяся на сочныхъ горныхъ лугахъ майскою травою, шумно ломились черезъ лѣсъ къ молочнѣ, гдѣ ихъ собирались доить. Сѣдая мать игумена, высокая и прямая, съ строгимъ лицомъ и вся въ черномъ, завѣдывала молочнею. Игуменъ потащилъ насъ сейчасъ же къ себѣ наверхъ. Мы усѣлись на балконѣ наслаждаться послѣдними минутами заката, а служка угощалъ насъ горячимъ чаемъ со сливками и всѣмъ, чѣмъ Богъ послалъ. Игуменъ былъ совершенно

такой, какой нуженъ въ этомъ заоблачномъ скитѣ: человѣкъ не книжный, но зато бравый и дѣятельный хозяинъ, который отлично знаетъ, какъ прививать черенки, какъ объѣздить лошадь, какъ подкараулить татарина на порубкѣ монастырскаго лѣса. Онъ говорилъ съ большимъ одушевленіемъ о своей скотинѣ, особенно о ея необыкновенной смѣтливости, о своихъ коммерческихъ проектахъ, объ урожаѣ, о воровствѣ татаръ. Онъ былъ въ мірѣ торговымъ человѣкомъ и не покинулъ своихъ практическихъ вкусовъ, надѣвъ рясу. Онъ трудился много; онъ заставлялъ трудиться монаховъ; онъ, по слѣдамъ Парѳенія, обращалъ лѣсныя дебри въ сады, поля и огороды, удалившись отъ міра на кизильташскій утесъ. Развѣ это не истинное пустынножительство? Развѣ это не христіанскій подвигъ? Правда, онъ говорилъ языкомъ не библейскимъ, а простымъ языкомъ умнаго мѣщанина, и врядъ ли зналъ тексты, чтобы посыпать ими назидательную бесѣду, какъ хлѣбъ солью; да, признаться, никакой назидательной бесѣды онъ съ ними и не велъ, если не считать за назиданье разсказъ о томъ, какъ коровы отбиваются отъ волковъ: онъ не стѣснялся даже при своихъ монахахъ, при духовной паствѣ своей, выражать восторженную любовь къ чаю, который онъ, по его словамъ, готовъ пить съ утра до ночи; но это, однако, не помѣшало ему, тотчасъ же послѣ чаю, надѣть ризу и отправиться въ церковь служить всенощную. Хотя же я и не слушалъ всенощной, но увѣренъ, что этотъ естественный инокъ молился у себя на Кизильташской скалѣ нисколько не менѣе искренно и не менѣе благоговѣйно, чѣмъ дѣлаютъ это въ просвѣщенныхъ губернскихъ городахъ нарядно-одѣтые дипломатическіе мужи, извѣдавшіе тонкости академической философіи.

Была уже глубокая ночь, когда мы возвратились въ Тарак-ташъ. Мою голову осадили воспоминанія о повѣшенныхъ татарахъ, о Парѳеніѣ и о многомъ другомъ, что дѣлалось, что дѣлается у насъ въ Крыму.

Русскіе ненавидятъ таракташцевъ. Они считаютъ ихъ разбойниками, готовыми на всякое зло христіанину. Они постоянно жалуются на ихъ воровства, ссоры, грубость, неуступчивость. Владѣльцы даже составляли прошенія, за общимъ подписомъ, и просили начальство оградить ихъ отъ обидъ татаръ, обезопасить ихъ собственность и жизнь.

Такія жалобы, конечно, не лишены основанія. Таракташскій татаринъ, какъ и татары многихъ другихъ первобытныхъ татарскихъ сельбищъ, еще не вполнѣ растлѣнныхъ цивилизаціею почтовыхъ дорогъ, дѣйствительно, не любитъ въ русскомъ своего грабителя.

Иновѣрецъ тутъ, кажется, на заднемъ планѣ. Какъ бы то ни было, татаринъ не можетъ не признавать въ себѣ такого же туземнаго звѣря, какъ олень и коза, не можетъ забыть, что онъ жилъ въ этихъ лѣсахъ и владѣлъ этими степями и долинами сотни лѣтъ, никѣмъ нестѣсняемый и неоспариваемый; не можетъ забыть, что вдругъ пришелъ къ нему казакъ, прогналъ его хана, забралъ его земли и сады, понастроилъ въ его городахъ и селахъ свои церкви.

Какія ни представляйте ему межевыя книги и планы, купчія крѣпости и дарственныя записи — онъ твердо знаетъ одно, что у васъ ничего не было, и вдругъ все почти очутилось, что у него въ рукахъ все было и не осталось почти ничего.

Этотъ сортъ доказательствъ особенно убѣдителенъ для нецивилизованныхъ головъ, незнакомыхъ со сводомъ законовъ и практикою земскаго суда.

Вы ему докажете судомъ и закономъ, что владѣете по суду и закону, а онъ чувствуетъ своею шкурою и своею злобою, что вы его ограбили. Вы ли, вашъ ли отецъ, вашъ ли сосѣдъ — онъ не разбираетъ. Вы, т.-е. казакъ, русскій (татары промежъ себя называютъ всѣхъ русскихъ поголовно „казакъ“), вы для него всѣ безразличны, всѣ грабители. Такъ мы, русскіе, чувствовали въ

свое время нашествіе *француза*, этого единичнаго врага, имѣвшаго сотни тысячъ безразличныхъ для насъ головъ. Такъ нами владѣлъ когда-то *поганый татаринъ*, татарва, а кто именно, Ахметъ, Узбекъ, Мамай, мы не разбирали. Помоему, надо еще удивляться добродушію и кротости крымскаго татарина; уже въ столькихъ мѣстностяхъ Крыма онъ сжился съ своимъ обидчикомъ — „казакомъ“, какъ со старымъ пріятелемъ, и даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ духъ племени, мусульманство и историческія воспоминанія должны быть особенно сильны. А между тѣмъ раны татаръ очень свѣжи. Онѣ, во всякомъ случаѣ, свѣжѣе ирландскихъ. Кто знакомъ сколько нибудь, по мѣстнымъ архивамъ и мѣстнымъ преданіямъ, съ способами разселенія въ Крыму русскихъ, греческихъ, нѣмецкихъ и всякихъ другихъ владѣльцевъ, тотъ недоумѣваетъ, какъ могло такъ скоро улечься въ душѣ татарина чувство мести.

Пользуясь его безправностью, какъ побѣжденнаго, его незнаніемъ русскаго языка, какъ татарина, его невѣжествомъ въ законахъ и довѣрчивостью дикаря, пользуясь обычною неурядицею переходнаго состоянія страны, отсутствіемъ добросовѣстныхъ блюстителей правосудія, отдаленностью власти, отсутствіемъ общества, которое могло бы, по крайней мѣрѣ, нравственно осудить поступокъ, назвавъ дурное дурнымъ — первыя шайки чиновничества, налетѣвшія на Крымъ, предприняли его вторичное завоеваніе, болѣе прочное и вѣрнѣе обдуманное, чѣмъ военныя предпріятія Потемкиныхъ, Долгоруковыхъ и Суворовыхъ.

Татары изстари не знали никакихъ другихъ актовъ на владѣніе, кромѣ семейнаго преданія и много-много *сенета*, т.-е. бумаги, написанной муллою со словъ окольныхъ жителей, которою удостовѣряется въ самыхъ неопредѣленныхъ чертахъ законность владѣнія. Представьте себѣ положеніе несчастнаго татарина, полоненнаго со всею землею, видящаго въ каждомъ русскомъ казакѣ, приведеннаго въ изумленіе и ужасъ новою жизнью, вдругъ заки-

пѣвшею поверхъ его собственной, давней жизни, и гораздо сильнѣе ея! Ему приходится доказывать передъ русскою полиціею и русскимъ судомъ конца XVIII и начала XIX вѣка свои юридическія права на садъ, на пользованіе лѣсомъ или водою. Ему, забранному татарину, приходится вести процессъ въ русскомъ судѣ на русскомъ языкѣ, съ русскими начальниками, объявившими его землю своею.

При Потемкинѣ, значительная часть татаръ (Сумароковъ въ „Досугахъ крымскаго судьи“ увѣряетъ, что 300,000) выселяется; въ 1812 году значительная часть татаръ выселяется, хотя объ этомъ выселеніи врядъ ли сохранились точныя статистическія свѣдѣнія; оставшіяся земли отказываются родственникамъ и мечетямъ; но не легче ли имъ перейти къ судьямъ и администраторамъ? Въ Петербургъ, шлются представленія и ходатайства о награжденіи пустопорожними землями, никому не принадлежащими, такихъ-то и такихъ-то чиновниковъ, за такія-то и такія заслуги, Петербургъ конечно, не знаетъ Крыма; распоряженіе слѣдуетъ, и подъ именемъ пустопорожней, никому не принадлежащей земли, отходятъ въ руки почтенныхъ цивилизаторовъ Крыма сады и виноградники татаръ. Землемѣры ошибаются, и по ошибкѣ, вмѣсто 5,000 десятинъ, отмежевываютъ 13,000.

Какой-нибудь татаринъ вдругъ, къ изумленію своему, узнаетъ, что онъ продалъ свое имущество такому-то русскому барину и получилъ за него столько-то денегъ, а за неграмотностью его, при такихъ-то свидѣтеляхъ, росписался такой-то.

Вопли татаръ доходили и до престола. Александръ употреблялъ энергическія мѣры къ раскрытію, прекращенію и наказанію преступныхъ дѣйствій крымскаго чиновничества.

Одна коммисія смѣняла другую, и нѣсколько честныхъ государственныхъ дѣятелей, вопреки усиліямъ легіоновъ плутовъ, успѣли сколько-нибудь пріостановить дерзкій, повальный грабежъ татаръ, кой-кому возвратить отнятое, кой-кого покарать по заслугамъ.

Исторія этихъ коммисій, сохраняющаяся въ многотомныхъ дѣлахъ таврическаго губернскаго правленія и губернаторской канцеляріи, въ высшей степени любопытна, какъ характерный бытовой эпизодъ изъ исторіи не только Крыма, но и Россіи вообще.

Удивительно ли послѣ этого, что до сихъ поръ не окончены въ сенатѣ полувѣковые процессы татарскихъ деревень съ сосѣдними владѣльцами, что до сихъ поръ татары нѣкоторыхъ мѣстностей отказываются признавать права русскихъ владѣльцевъ на лѣса и воды, и рубятъ ихъ, и отводятъ ихъ, несмотря на всѣ запрещенія, разъясненія и наказанія.

Удивительно ли, что и таракташскій татаринъ, видя, какъ чужое племя отрѣзало его совершенно отъ моря и со всѣхъ сторонъ стѣснило то частными, то казенными, то монастырскими запретными лѣсами, въ которые онъ еще на своей памяти ѣздилъ какъ въ свою собственность за всѣмъ, что было ему нужно,—удивительно ли, говорю, что и онъ постоянно твердитъ о грабежѣ.

Въ старыхъ кляузахъ нашихъ старыхъ судовъ легальность неубѣдительна даже и не для татарина, которому наѣздъ какого-нибудь временнаго отдѣленія для ввода во владѣніе чужимъ имуществомъ своего брата-подъячаго могъ напомнить только о наѣздахъ его отцовъ и дѣдовъ на украинскіе хутора, но никакъ не объ олимпійскихъ вѣсахъ Ѳемиды.

Имя знаменитаго Палласа не разъ упоминается въ дѣлахъ упомянутыхъ мною коммисій, и хотя его участіе въ процессахъ съ татарами за земли почти невольное, и имя его не запятналось въ этомъ отношеніи никакою лично къ нему относящеюся виною, однако ясно, что безпристрастный умъ этого великаго натуралиста, во всѣхъ его осужденіяхъ о татарскомъ племени, былъ сбитъ съ прямаго пути вліяніемъ тогдашней борьбы его и другихъ владѣльцевъ съ татарами за землю.

Во второмъ томѣ своихъ путешествій въ южныя губерніи Россійской Имперіи, предпринятыхъ въ 1793 и 94 годахъ, Палласъ высказываетъ тѣ же странныя мысли на счетъ спасенія крымскаго хозяйства, которыя такъ любы были нѣкоторымъ мѣстнымъ администраторамъ, и впослѣдствіи, приведенныя въ исполненіе, послужили къ совершенному упадку благосостоянія Крыма. Разсказавъ, что во время второй турецкой войны, при Екатеринѣ II, всѣ татары, жившіе у береговъ Крыма, были временно удалены изъ своихъ жилищъ, на 10 верстъ отъ моря, внутрь страны, для воспрепятствованія сношенія съ турками, Палласъ изъявляетъ сожалѣніе, что ихъ совсѣмъ не переселили въ степь и не предоставили населенныхъ ими цвѣтущихъ долинъ, съ садами и домами, въ руки трудолюбивыхъ колонистовъ, которые стали бы воздѣлывать маслину, хлопчатникъ, шелковицу и виноградъ „чего никогда не сдѣлаютъ эти лѣнтяи".

Этотъ голосъ и до сихъ поръ нерѣдко слышится въ Крыму изъ устъ людей, которыхъ корысть слишкомъ нетерпѣлива и нецеремонна; но за то все, что есть въ Крыму мыслящаго, видящаго интересы страны не въ одномъ только немедленномъ приращеніи своего собственнаго кармана, всѣ коренные насельники Крыма, знакомые съ нимъ и сроднившіеся съ нимъ,—всѣ съ горечью и негодованіемъ слушаютъ эти грубыя, политико-экономическія теоріи, напоминающія грубые вѣка драгонадъ, изгнанія гугенотовъ и морисковъ. Теперь и въ народномъ хозяйствѣ, какъ медицинѣ, потеряли вѣру въ спасительность кровопусканій цѣлыми тазами, и не пробуютъ губить здоровье паціентовъ, самонадѣянно переливая въ вены человѣка телячью кровь.

Организмъ народнаго быта, какъ организмъ индивидуума, не есть манекенъ изъ папье-маше: онъ имѣетъ свои, глубоко-коренящіяся жизненныя силы, на которыхъ нельзя играть, какъ на клавишахъ, вынимать и опять вставлять.

На сколько татары были вредны Крыму—провѣрить нетрудно. Сличите описаніе Крыма прежнихъ вѣковъ съ нынѣшнимъ состояніемъ его. Мы всѣ знаемъ; какими семимильными шагами шагаетъ въ послѣднее время человѣчество во всемъ, что касается его матеріальнаго благосостоянія. Степь обращается въ два-три десятка лѣтъ въ цвѣтущій городъ, трясины болотъ — въ парки и нивы; гдѣ полстолѣтія назадъ грабили разбойники, тамъ идутъ желѣзныя дороги; гдѣ горы песку засыпали караваны, тамъ теперь волны моря несутъ флотиліи пароходовъ. Стадіи историческаго пути уменьшаются до баснословныхъ размѣровъ: что прежде достигалось вѣками, то въ послѣднее время достигается днями. Вспомните, напримѣръ, мастерской очеркъ народнаго хозяйства Англіи въ XVII столѣтія, сдѣланный Маколеемъ, и сравните его съ Англіею всемірныхъ выставокъ, или вспомните еще ближе нашу Московскую Русь, торговавшую мѣхами, и сравните ее съ тѣмъ, что поднялось теперь кругомъ насъ. По всей справедливости, при сравненіи такого рода, естественно ждать отъ Крыма несказаннаго благосостоянія, рядомъ съ которымъ его прежнее полукочевое татарское благосостояніе должно казаться намъ смѣшнымъ до жалости.

Посмотримъ же, чѣмъ владѣлъ Крымъ прежде и чѣмъ онъ теперь владѣетъ.

Настоящее экономическое положеніе Крыма достаточно стало извѣстно даже и людямъ, въ немъ небывавшимъ. Степи, составляющія $^9/_{10}$ всего пространства полуострова — совершенныя пустыни, трава въ нихъ мелкая, выродившаяся, и въ іюнѣ, вплоть до глубокой осени, выгорающая на-желто. Воды почти нѣтъ. Поселенія такъ рѣдки, что отъ одного до другаго ѣдешь на почтовыхъ по нѣскольку добрыхъ часовъ. Какія есть—не поселенія, а развалины. Изъ десяти хатъ обитаемы двѣ; на одну уцѣлѣвшую—10 лежатъ въ кучахъ мусора. Изъ 10 фонтановъ, 8 навѣрное разбиты или пересохли. Гдѣ на памяти старожиловъ были

еще лѣсныя мѣста,—теперь голь голью. Вы ѣдете по балкѣ, по руслу ручья — кругомъ васъ груши, садовая мушмула, тополь, черешня и ни слѣда поселенья. А это между тѣмъ остатки садовъ. По нѣкоторымъ рѣчкамъ идутъ на цѣлыя версты сплошные одичавшіе сады съ чаирами.

Татарскія названія урочищъ, повидимому, безпричинно относимыя къ пустыннымъ мѣстностямъ, напоминаютъ вамъ имена населенныхъ и богатыхъ деревень, бывшихъ здѣсь прежде. Эти имена такъ часты, что вы поражаетесь сравнительною многолюдностью, которая должна была быть здѣсь когда-то. На придорожныхъ холмахъ, вдали отъ поселенья, вы часто натыкаетесь на густонасаженныя божьи нивы, на обширныя татарскія кладбища, въ которыхъ узкіе камни съ чалмами и фесками, исписанные стихами корана, торчатъ въ разныя стороны какъ расшатавшійся частоколъ. Половина ихъ вросла въ землю, половина разсыпана и растаскана.

Судите, какія сельбища должны были быть около такихъ погребальницъ. Животной жизни также убыло. Верблюды стали рѣдки, буйволовъ почти нѣтъ, лошадиные косяки держатся только немногими мурзаками, и на степи вы рѣдко встрѣчаете небольшой табунокъ.

Что касается до достоинства лошадей, то смѣшно сравнивать теперешнюю малорослую татарскую лошадку съ прежними татарскими конями, которыхъ воспитывали для наѣздовъ, для джигитской удали, кровь которыхъ систематически благородили арабскою и турецкою кровью. Отъ этого и ростъ ихъ, судя по отзывамъ путешественниковъ, былъ выше теперешняго.

Вообще, рѣдко что можетъ быть безотраднѣе, какъ впечатлѣніе степи въ разгаръ лѣта, когда она желтою и сухою могильною скатертью лежитъ обезлюденная, обезводенная, разоренная и заброшенная.

Не то, конечно, впечатлѣніе производятъ горы, зеленѣющія лѣсами, синѣющія вершинами скалъ.

Но и въ горахъ, разоренныя могилы по дорогамъ, одичавшіе сады по ручьямъ, названія, утерявшія смыслъ, деревни, потерявшія жителей.

А все что есть, все почти было и тогда, при татарахъ.

Вотъ какое впечатлѣніе производило экономическое состояніе Крыма на путешественника въ 1787 году, три года спустя по занятіи Крыма:

„Крымъ можетъ прокормить цѣлое войско произведеніями своей земли, которая еще плодороднѣе, чѣмъ украинская. (Очевидно, здѣсь говорится не о горной, а о степной части). Я видѣлъ татарина, засѣвающаго невспаханное и неунавоженное поле: какъ скоро дождь смягчилъ землю, то онъ запрягъ лошадь въ борону, сѣлъ на нее и, повѣсивъ черезъ плечо корзинку съ сѣменами, сѣялъ ихъ проѣзжаясь. Черезъ два мѣсяца сжалъ онъ хлѣбъ, прогналъ скотину свою по снопамъ, вывѣялъ его на томъ же полѣ, отвезъ ночью въ ближайшій портъ и на другой день возвратился въ нѣдра своего семейства съ горстью піастровъ. Лѣса служатъ убѣжищемъ множества дичи, сады наполнены пріятными плодами, и виноградники весьма изобильны. Термометръ Реомюра рѣдко опускается ниже 8°, и небольшіе морозы рѣдко стоятъ болѣе трехъ дней“.

Многочисленныя стада, говоритъ тотъ же путешественникъ, пасутся на вершинѣ горъ южнаго берега, который, по красотѣ, теплотѣ и здоровью, онъ уподобляетъ Гіерскому берегу южной Франціи. Судацкіе сады и виноградники онъ называетъ „богатыми“, про долину Кабарды (Бельбека) онъ говоритъ какъ про „прекраснѣйшую страну, которой виды представляютъ противоположность *богатѣйшаго земледѣлія* развалинамъ древнихъ жилищъ“ и проч. Ѳеодосійская часть Крыма, т.-е. мѣстность къ

востоку отъ рѣки Карасу, по свидѣтельству того же автора, даетъ и всегда прежде давала самъ-30.

Недаромъ, еще въ дотатарское время, эта мѣстность служила житницею Греціи. Страбонъ разсказываетъ очень подробно, какъ босѳорскій царь Левконъ, завоевавшій въ IV вѣкѣ до Р. Х. Ѳеодосію, поощрялъ земледѣліе и торговлю этой мѣстности, и какъ онъ доставилъ въ Аѳины изъ Ѳеодосіи, въ голодный годъ, за одинъ разъ 375,000 четвертей пшеницы, за что и былъ награжденъ почетнымъ тогда званіемъ аѳинскаго гражданина.

Митридатъ также получалъ отсюда огромное количество хлѣба. Мартинъ Броневскій, въ своемъ описаніи Крыма 1578 г., постоянно отзывается о немъ, какъ о плодоносномъ и цвѣтущемъ краѣ; земли Ѳеодосійскаго уѣзда онъ много разъ называетъ „изобильными хлѣбомъ, замѣчательными по своему плодородію“. Вокругъ города Ѳеодосіи онъ видѣлъ „виноградники и сады, которые тянутся на безконечное пространство“. Въ Судакѣ, по его словамъ, жители воздѣлываютъ прекрасные сады и виноградники, простирающіеся болѣе чѣмъ на 2 мили“. „На всемъ Таврическомъ полуостровѣ родится отличное вино“. Въ Бахчисараѣ „есть сады яблонь и другихъ плодовъ, виноградники, прекрасныя поля, орошаемыя чистыми ручьями“. „Та часть полуострова, въ которомъ живетъ ханъ съ своими татарами, отъ Перекопа къ озеру до Крыма (т.-е. до Эски-Крыма, стало быть Симферопольскій и Перекопскій уѣзды, почти вся крымская степь), *обработана* ровная, плодородная и изобилуетъ травами; но къ сторонѣ моря, ханскаго дворца, его замковъ и селеній почва очень гориста и лѣсиста, но чрезвычайно плодородна и *обработана*“.

Около пустыннаго теперь Инкермана Броневскій видѣлъ „сады, яблони и др. плоды, и превосходные виноградники“.

О Трахейскомъ полуостровѣ или „Маломъ Херсонесѣ“, представляющемъ теперь обожженую скалистую возвышенность, Броневскій говоритъ, что „по лѣвую сторону къ Черному морю, онъ

очень ровенъ и плодороденъ, а по правую, хотя также имѣетъ поля довольно плодоносныя, но покрытъ холмами и пригорками, на которыхъ находятся *безконечные сады* и виноградники". Проѣзжая по степи, Броневскій часто встрѣчалъ „колодцы, чрезвычайно глубокіе, выкопанные съ изумительнымъ трудомъ и искусствомъ" прежними обитателями. Въ степи онъ находилъ „очень мало городовъ, но много селеній".

Стада татаръ онъ называетъ безчисленными, породу лошадей превозноситъ.

Вотъ общій отзывъ его о земляхъ между Каѳою и Крымомъ: „Почва этой части полуострова плодоносна, изобилуетъ рѣками, ручьями, рыбою, лугами, пастбищами, многими лѣсными звѣрьми, оленями, сернами, вепрями, медвѣдями, также виноградными садами, нивами, полями, городами, селеніями, деревнями, дачами, многочисленными и отличными".

Самъ Палласъ, такъ нерасположенный къ экономическому быту татаръ, описывая долины рѣкъ, предгорья и берегъ моря, не можетъ не отзываться съ похвалою о виноградникахъ, садахъ и пажитяхъ этихъ самыхъ татаръ. „Прекрасные сады и виноградники, хорошо обработанные лѣсные луга" у него на каждомъ шагу.

Вездѣ онъ находитъ множество тѣхъ плодовыхъ и парковыхъ деревьевъ, которыми славятся теперь наши виллы южнаго берега. Для примѣра извлечемъ буквально все характерное изъ его описанія Алупки, тогда глухой татарской деревни, никому почти недоступной: „Эта деревня со всѣми своими домами, садами и годными для обработки землями расположена на громадныхъ обломкахъ скалъ. Долина ея — одна изъ самыхъ жаркихъ изо всѣхъ долинъ южнаго берега, потому что, будучи открыта съ юга и защищена отъ холодныхъ вѣтровъ, она въ теченіе цѣлаго дня сосредоточиваетъ на себѣ жаръ солнца. Было бы очень трудно возращать зерновые хлѣба на поляхъ, разсѣян-

ныхъ по тарассамъ и каменистымъ скатамъ горъ, еслибы многочисленные ручьи не давали средствъ къ поливкѣ, *которыми татары съумѣли воспользоваться.* Всѣ произведенія Востока, требующія жаркаго климата, могли бы быть навѣрное разведены въ этой долинѣ. Оттого-то на каждомъ шагу видишь, что смоковница, гранатное дерево, масличина, растутъ безъ обработки между скалами, *не считая разводимыхъ въ садахъ.* Нигдѣ я не встрѣчалъ столь часто лавра, дикихъ плодовыхъ деревьевъ всѣхъ сортовъ, виноградной лозы, теребинта, каркаса (celtis), хурмы (dyospyros). Нѣсколько кипарисовъ, лавровишня, древесная акація, самшитъ (buxus), и другія растенія, привезенныя изъ Константинополя, растутъ здѣсь на диво... Ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Крыма я не видалъ столько старыхъ деревъ грецкаго орѣха, какъ здѣсь. Стволъ многихъ изъ нихъ имѣетъ въ обхватѣ 3 и 4 туаза (около 8 и 10 аршинъ). Лозы дикаго винограда и масличныя деревья здѣсь чудовищной величины... Горные татары содержатъ очень немного маленькихъ лошадей, сильныхъ и очень проворныхъ; но они пасутъ многочисленныя стада козъ, большею частью черныхъ, съ рыжеватымъ брюхомъ, ногами и щеками; другія же всѣ рыжія или красновато-коричневыя. Овцы, такія же мелкія какъ козы, имѣютъ жирные курдюки и очень тонкую шерсть. Шерсть эта продается въ торговлѣ гораздо дороже шерсти степныхъ овецъ. Рогатый скотъ мелкій, лазаетъ по горамъ не хуже мулловъ, онъ очень проворенъ и привыкъ бѣгать рысью, какъ и кавказскій скотъ".

Правда, изъ словъ Палласа приходится заключить, что винодѣлія на южномъ берегу въ его время не существовало, хотя присутствіе дикой виноградной лозы, непринадлежащей къ числу туземныхъ растеній, указывало на существованіе южнобережскаго винодѣлія въ прежнія эпохи крымской исторіи. Причина уничтоженія винодѣлія на южномъ берегу очевидна, и она лежитъ вовсе не въ хозяйственной негодности татарскаго племе-

ни. Палласъ очень хорошо знаетъ, что жители горъ и теплаго побережья Крыма — не монголы, а потомки тѣхъ именно трудолюбивѣйшихъ южныхъ колонистовъ, итальянцевъ, грековъ и даже нѣмцевъ (готовъ), которыхъ онъ желалъ бы вызвать для спасенія Крыма. Въ путешествіи самого Палласа, не говоря уже о множествѣ другихъ свидѣтелей, говорится объ особенностяхъ физическаго типа южнобережскихъ жителей, нисколько ненапоминающаго монгола и очень близко напоминающаго грека, итальянца, даже спеціально генуэзца, какъ напримѣръ, жители Симеиза, Кикинеиза, Лименя, Алупки и проч. Степной татаринъ недаромъ отказывалъ горнымъ жителямъ въ своемъ имени и называлъ ихъ, вмѣсто „татаринъ", презрительнымъ именемъ „татъ" (муръ-татъ—потурецки отступникъ, ренегатъ). Если эти упорныя, предпріимчивыя расы, — первые цивилизаторы европейскихъ пустынь — съумѣвшія обратить каменные берега Крыма въ одинъ цвѣтущій и богатый садъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ исторіи, принуждены были наконецъ запустить свои взрощенныя вѣковымъ трудомъ виноградныя и масличныя плантаціи, то причина этого не могла лежать въ свойствѣ расы. Она лежала только въ роковыхъ историческихъ обстоятельствахъ, противъ которыхъ не могла устоять самая стойкая раса. Съ XIV столѣтія, въ исторіи Крыма разрушенія слѣдуютъ за разрушеніями. Вмѣсто обычныхъ набѣговъ кочевыхъ ордъ, которымъ было несподручно въ горахъ и на морѣ, которыя удовлетворялись легкою данью, которыя были безсильны противъ каменныхъ бойницъ—на сцену крымской исторіи является истребительная борьба морскихъ итальянскихъ республикъ и потомъ Оттоманская Порта съ своимъ непобѣдимымъ флотомъ, передъ которымъ были совершенно беззащитны сады южнаго берега. Когда турки овладѣли крымскимъ побережьемъ, и сосредоточились въ немногихъ крѣпостяхъ его — турецкій янычаръ сталъ хозяиномъ всего хозяйства трудолюбивыхъ береговыхъ посельниковъ. Винодѣліе оста-

лось только въ наиболѣе защищенныхъ и наиболѣе удобныхъ долинахъ, вблизи главныхъ центровъ Крыма: Бахчисарая, Эски-Крыма, Каѳы и Судацкой крѣпости. Какъ только кончились опустошительные походы Ласси, Миниха, Долгорукова, Суворова, и Крымъ, присоединенный къ Россіи, успокоился отъ хронической войны и повальныхъ выселеній на чужбину,—тотъ же южнобережскій житель сталъ опять виноградаремъ и табачнымъ плантаторомъ, и до сихъ поръ считается на южномъ берегу искуснѣйшимъ воздѣлывателемъ этихъ растеній. Переселите во внутренность перекопскихъ степей этого, такъ-называемаго, татарина, этого прирожденнаго садовода, еще болѣе непривыкшаго къ безводію и безлѣсію, чѣмъ нашъ братъ русскій, и вы погубите его точно такъ, какъ гибнетъ растеніе, пересаженное изъ горнаго зеленаго луга въ песчаную степь.

Палласъ, который не скупится обзывать татаръ вредными лѣнтяями, не скупится вмѣстѣ съ тѣмъ передавать и такія подробности ихъ хозяйства, которыя дѣлаютъ наивными до странности его собственные отзывы. Такъ оказывается, что у татаръ разводились всѣ рѣшительно сорты хлѣбовъ и другія растенія, которыя мы разводимъ теперь въ Крыму, а именно: пшеница озимая (давала самъ-десять и рѣдко самъ-двадцать), пшеница яровая, арнаутка, рожь озимая, рожь яровая, ячмень озимый и яровой (двурядный), овесъ, маисъ, просо двухъ сортовъ, бухарское просо (родъ сорго), горохъ, ленъ, табакъ; изъ овощей — арбузы, дыни, тыквы разныхъ сортовъ, кабачки, огурцы, баклажанъ, топинамбуры, капуста, лукъ, чеснокъ, порей, рѣпа, сельдерей, петрушка, морковь, свекла и проч. Описавъ разведеніе этихъ растеній, Палласъ выражаетъ сожалѣніе, что татары не разводятъ кунжутъ, шафранъ, марену, хлопчатникъ и даже сахарный тростникъ. Дѣйствительно, жалко, но мы должны прибавить, что и въ послѣдующія 80 лѣтъ ни русскіе, ни нѣмцы не съумѣли удовлетворить этимъ требованіямъ слишкомъ требователь-

наго знаменитаго натуралиста. Виноградарствомъ занимались во всѣхъ долинахъ отъ Алушты до Ѳеодосіи, то-есть въ Узеняхъ, Кутлакѣ, Капсихорѣ, Токлукѣ, Козахъ, Судакѣ, Таракташѣ, Отузахъ и проч.; сверхъ того, по рѣкамъ Альмѣ, Качѣ, Бельбеку и, повидимому, еще въ другихъ мѣстахъ. Однѣ Судацкая и козская долины давали въ годъ до 30,000 ведеръ отличнаго вина, которое Палласъ считаетъ наравнѣ съ венгерскимъ. Татарамъ были извѣстны различные способы подсадки лозъ и облагороженія винограда искусною прививкою. Палласъ вычисляетъ 35 различныхъ сортовъ винограда, разводимыхъ и отличаемыхъ татарами, и прибавляетъ, что многіе еще ему неизвѣстны. Между сортами этими находится душистый мускатъ и другіе, доселѣ наиболѣе распространенные сорты. Про плодовые сады татаръ, Палласъ говоритъ, что они ему напоминаютъ сады нѣмецкихъ крестьянъ.

„Горные татары", пишетъ онъ, „обработываютъ свои сады, поливаютъ ихъ, чистятъ, унавоживаютъ; они очень искусны въ искусствѣ прививки, и ничто не можетъ превзойти способъ, употребляемый около Бахчисарая, гдѣ прививаютъ прямо къ корню, на одну четверть глубже поверхности земли, что не только даетъ совершенно здоровый стволъ, но впослѣдствіи даетъ еще корни самому прививку и обезпечиваетъ этимъ долголѣтіе деревъ". Породы крымскихъ грушъ, по словамъ Палласа, были чрезвычайно многочисленны и вкусны; онъ только для примѣра называетъ 14 болѣе замѣчательныхъ сортовъ. Породы яблонь были также разнообразны, и синапъ, составляющій теперь главный предметъ яблочной торговли Крыма, у татаръ игралъ ту же роль. Затѣмъ, въ татарскихъ садахъ разводились три прекрасныхъ сорта айвы, разные сорты сливъ, вишень, черешень; персики, абрикосы, миндаль и фиги Палласъ не хвалитъ и находитъ ихъ плоды почти полудикими; но ими и теперь не тщеславится Крымъ. То же говоритъ онъ о гранатѣ и маслинѣ, но

и ихъ судьба не измѣнилась до сего времени. Орѣхи грецкіе, стоившіе до рубля тысяча, фундуки, простые орѣхи лещилы, три сорта тутоваго дерева съ очень вкусными ягодами, кизиль садовая мушмула, рябина съ большою грушевидною ягодою, хурма, каркасъ, также съ съѣдобными плодами — въ одномъ мѣстѣ даже сладкій каштанъ — вотъ изъ чего состояли татарскіе сады. Кажется, они не побоялись бы соперничества съ настоящими садами Крыма. Количество скота, бывшаго прежде въ Крыму повидимому, значительно превосходило настоящее количество его. Палласъ говоритъ, что когда въ 1769 году закупили у крымскихъ татаръ 1,000 верблюдовъ для арміи, воевавшей въ Персіи, то уменьшеніе числа этихъ животныхъ рѣшительно не было замѣтно, а между тѣмъ, цѣна порядочнаго верблюда доходила тогда до 150 рублей. Въ степяхъ воспитывалось множество лошадей; мурзаки имѣли значительные косяки, „хорошо содержимые“, средняя цѣна лошади была 30—60 р. „Всякая степная деревня владѣла многочисленными стадами рогатаго и мелкаго скота“. Овецъ было три породы, и онѣ давали значительный доходъ не только шерстью, но и смушками. Однѣхъ сѣрыхъ смушекъ продавалось въ Польшѣ свыше 30,000 и до 60,000 черныхъ. Шкурка стоила отъ 3 рублей и выше. Козы разводились въ огромномъ множествѣ въ горахъ и давали большой доходъ своими цѣнными шкурками, употреблявшимися на сафьянъ. Продавали также много заячьихъ шкурокъ (до 20,000). Всякая домашняя и дикая птица водилась во множествѣ, чего теперь далеко нельзя сказать о Крымѣ. Даже павлинъ и лебедь плодились чрезвычайно легко.

Соль составляла издавна важную отрасль народнаго богатства Крыма; разработываемы были не только тѣ озера, въ которыхъ сосредоточена теперь наша соляная промышленность, но и другія, теперь почти оставленныя: и по знакомымъ намъ путямъ точно также, какъ теперь, суда и обозы чумаковъ увозили

въ окрестныя страны массы соли. Въ 1788 году крымскія озера доставили около $1^1/_2$ мильйона пудовъ соли, а въ 1790 году до 2 мильйоновъ 300 тысячь.

Изъ этихъ немногихъ данныхъ, во всякомъ случаѣ ясно, что состояніе Крыма во времена татарскаго владычества отстояло вовсе не такъ далеко отъ современнаго его состоянія и мы, русскіе, во всякомъ случаѣ возьмемъ грѣхъ на душу, если, вмѣстѣ съ Палласомъ и другими голосами, менѣе его образованными и болѣе корыстными, вздумаемъ относиться съ презрѣніемъ ко всему, сдѣланному до насъ. Наша собственная доля въ развитіи благосостоянія Крыма окажется слишкомъ ничтожною, если результатъ сравнить съ періодомъ времени нашего владѣнія, который, по масштабу новѣйшей исторіи, равняется многимъ прежнимъ столѣтіямъ. Вопросъ о народной пользѣ долженъ быть рѣшаемъ съ самою безцеремонною логичностью и искренностью. Мы привыкли слишкомъ дешево вѣровать въ справедливость многихъ недоказанныхъ положеній, изъ какого-то предубѣжденія въ ихъ мнимой неизбѣжности. Мы, русскіе, европейцы, полонили татарина. Христіанская цивилизація покорила себѣ мусуманскаго варвара. Одного этого факта достаточно, чтобы мы увѣровали въ спасительность нашей власти для татарина, въ ниспосланіи на его главу изъ всероссійскаго рога изобилія всевозможныхъ даровъ счастья. Однако взглянемъ дѣлу прямо въ глаза и положа руку на сердце, скажемъ откровенно, дѣйствительно ли дали мы крымскому татарину лучшую жизнь?

Перечислимъ нѣкоторые факты. Чтобы пріобщить Крымъ къ пользованію тѣми благами христіанской цивилизаціи, которыми мы сами пользовались, нужно было прежде всего покорить его. Это покореніе совершилось въ нѣсколько весьма рѣшительныхъ пріемовъ. Въ 1736 г. графъ Минихъ, прогнавшій 100,000-ную армію татаръ и самаго хана Капланъ-Гирея изъ Перекопской крѣпости, такъ аккуратно занялся чисткою Крыма, что Бахчи-

сарай и другіе главные города, по уходѣ Миниха, обратились въ кучу развалинъ, а степи совершенно опустѣли. Въ 1737 году, другой русскій фельдмаршалъ, графъ Ласси, прошелся тоже по всему Крыму, но зашелъ съ другихъ воротъ, черезъ Геничи по Арабатской стрѣлкѣ. Когда ханъ Менгли-Гирей думалъ его запереть и уничтожить на этой узкой косѣ, занявъ Арабатскую крѣпость, то находчивый фельдмаршалъ сдѣлалъ себѣ плоты изъ бочекъ и повозокъ своихъ и преспокойно переправился черезъ Сивашъ въ степи по Карасу. Перебивъ войска Менгли-Гирея и взявъ приступомъ его окопы, графъ Ласси, съ тою же нѣмецкою отчетливостью, занялся опустошеніемъ степей и разореніемъ городовъ. Онъ сжегъ 1,000 деревень, уцѣлѣвшихъ отъ рукъ Миниха, по той только причинѣ, что онѣ были въ сторонѣ отъ его пути. Удачная работа разлакомила знаменитаго фельдмаршала и на слѣдующій годъ (1738) онъ опять отправился походомъ въ Крымъ, уже не черезъ Геничи, а прямо черезъ Сивашъ, обмелѣвшій отъ западныхъ вѣтровъ. Но походъ оказался невозможнымъ, по той простой причинѣ, что въ Крыму ничего не осталось послѣ походовъ 1736 и 1737 годовъ и войско не находило себѣ никакихъ средствъ къ прокормленію, вопреки геніальному афоризму великаго военнаго генія: война питаетъ войну. Конечно, и намъ, русскимъ, эта трехлѣтняя война обошлась не даромъ: она стоила намъ, сверхъ многихъ мильйоновъ денегъ, 100,000 храбрыхъ солдатъ, не считая разоренія пограничныхъ областей татарскими набѣгами. Въ 1771 г. князь Василій Долгорукій, обелискъ котораго украшаетъ нынѣ площадь гор. Симферополя, вновь взялъ приступомъ и разорилъ города: Перекопъ, Арабатъ, Каѳу, Керчь, Еникале, Балаклаву, Козловъ (Евпаторія), Балбекъ и Тамань. Послѣ этого татарамъ, казалось, можно было успокоиться: имъ дали въ ханы Сагинъ-Гирея, который все дѣлалъ, чтобы примириться съ европейскою и христіанскою цивилизаціею: отдалъ Россіи нѣкоторыя крѣпости, ѣздилъ въ ка-

ретѣ, ѣлъ сидя, наряжалъ свою гвардію въ европейское платье и даже конфузился собственной своей магометанской брады, коей концы пряталъ обыкновенно подъ широкій галстухъ. Конечно, при такомъ любезничаньѣ съ европейскою цивилизаціею полезно было переселиться изъ Бахчисарая въ приморскую Каѳу подъ защиту русскаго войска. Однако татары не раздѣлили вкусовъ своего хана относительно брады и уступки крѣпостей гяурамъ. Они выбрали другаго хана, а Сагину пришлось бѣжать. Изъ Керчи идетъ русское войско убѣждать потомковъ Чингиса въ достоинствахъ цивилизованнаго хана. 7,000 татаръ изрублены близь Бахчисарая. Бахчисарай, Каѳа опять взяты, опять сожжены. Большая часть жителей Каѳы избита за измѣну. Другое татарское войско, вмѣстѣ съ новымъ Селимомъ-Ханомъ, побито у Балаклавы.

Начинается убѣжденіе другимъ способомъ. Суворовъ получаетъ повелѣніе переселить изъ Крыма всѣхъ христіанъ, т. е. грековъ, армянъ, въ числѣ которыхъ были лучшіе ремесленники и торговцы Крыма. Болѣе 3,000 человѣкъ, наиболѣе способныхъ и дѣятельныхъ, перегоняются въ 1778 году на берега Азовскаго моря, на земли между Бердянскомъ и Дономъ. Множество ихъ погибаетъ на пути отъ жестокой зимы. Цѣлые округи пустѣютъ. 8-го апрѣля 1783 года—манифестъ о присоединеніи Крыма къ Россіи. Сагинъ-Гирей ѣдетъ пансіонеромъ въ Калугу, чтобы оттуда проѣхать на Родосъ за полученіемъ султанскаго снурка на шею.

Пріобщеніе татаръ цивилизаціи наконецъ началось. Въ 1785—88 годахъ тысячи татаръ, особенно сосѣднихъ съ портами, продаютъ за ничто свои земли и хозяйство, и бѣгутъ въ Натолію, въ Румелію. Туда же бѣжитъ множество мурзъ и всѣ родичи гиреевъ. Крымскій судья Сумароковъ, бывшій въ Крыму въ 1802 году, считаетъ число пересилившихся до 300,000 и увѣряетъ что переселеніе было сдѣлано по волѣ Потемкина. Какъ бы то

ни было, народонаселеніе Крыма, равнявшееся прежде болѣе чѣмъ 500,000, по первой переписи, произведенной въ 1793 году, равнялось 205,617 человѣкамъ обоего пола и всѣхъ возрастовъ, считая тутъ русское войско, казаковъ, чиновниковъ и всѣхъ русскихъ и другихъ пришельцевъ, поселившихся въ теченіе 10 лѣтъ со дня присоединенія Крыма; собственно же татаръ насчитано было нѣсколько болѣе 60,000. Перепись была провѣрена черезъ 3 года, потомъ въ 1800-мъ, и тогда татаръ всѣхъ возрастовъ оказалось 120,000. Между тѣмъ, еще при Минихѣ одну только крѣпость Крыма защищало 100,000 татаръ. Броневскій говоритъ, что войско татаръ простирались въ его время (въ XVI ст.) до 130,000 и болѣе. Значительное выселеніе татаръ было потомъ въ 1812 году, но о немъ сохранилось только изустныя преданія. Наконецъ, послѣ крымской войны, въ 1860—1863 годахъ переселились въ Турцію изъ Крыма, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, 192,360 душъ обоего пола, т. е. ровно ²/₃ всего населенія. Жители Крыма убѣждены, что еще значительный процентъ выселившихся татаръ не попалъ въ оффиціальные списки. Въ счетъ не входятъ также тѣ татары, которые исчезли изъ Крыма во время севастопольской кампаніи и исчезали понемножку въ прежнее время, то подъ предлогомъ богомолья въ Мекку, то безъ всякихъ предлоговъ. По оффиціальнымъ же даннымъ, въ 1863 году совершенно опустѣли 784 татарскія деревни и аула въ Таврической губерніи; въ одномъ Перекопскомъ уѣздѣ опустѣло 278 ауловъ. Если прибавить эти 784 опустѣвшія деревни къ 1,000 деревнямъ, сожженнымъ графомъ Минихомъ, да къ неизвѣстно сколькимъ другимъ, сожженнымъ княземъ Италійскимъ и княземъ Долгорукимъ, да къ неизвѣстно сколькимъ деревнямъ, опустѣвшимъ въ 1788 и 1812 годахъ, по выходѣ многихъ тысячъ татаръ, то вопросъ о благодѣяніяхъ европейской цивилизаціи мусульманскому варварству по меньшей мѣрѣ долженъ остаться вопросомъ. Но пожертвовавъ ³/₄-ми племени для

цивилизованія остальной его ¼, мы этою дорогою цѣною уже, конечно, достигли полнаго и дѣйствительно дорогого результата, подумаетъ читатель. Объ этомъ справки нетрудны. Какія серьезныя блага можетъ внесть въ жизнь народа христіанская цивилизація? высокую христіанскую мораль, которая перерождаетъ неправду человѣческихъ отношеній, широкое европейское образованіе и безчисленныя удобства правильно организованной экономической дѣятельности,—словомъ, европейско-христіанская цивилизація должна развить нравственное сознаніе, силу мысли и матеріальнос благосостояніе общества. Дѣлаются ли крымскіе татары христіанами? Я думаю, что не было ни одного крещенаго крымскаго татарина отъ 1783 до 1869 года. Если же и были, то какіе-нибудь случайные отброски татарскаго общества, которые исчезли, не обративъ на себя даже бѣглаго вниманія. Но, можетъ быть, татаринъ, оставаясь еще пока въ своей вѣрѣ, уже смягчился вліяніемъ ученія Христа, примирительно глядитъ на него и такимъ образомъ подготовился вступить въ послѣдующую фазу своего сближенія съ христіанствомъ? На это можно отвѣтить, что въ горной части Крыма строились даже православныя церкви на счетъ татарскихъ сборовъ, между прочимъ, церковь въ Алуштѣ, только сами татары въ подобныхъ прославленіяхъ на ихъ счетъ чужой религіи не были виновны ни сномъ, ни духомъ; ихъ отчужденность отъ христіанскаго ученія абсолютная, незыблемая. Никто ихъ, кажется, и не пытался познакомить съ нимъ; и я мало вѣрю, чтобы нашлось въ Крыму 10 священниковъ, знающихъ потатарски. Правда, у насъ есть въ губернскомъ городѣ оффиціальное лицо съ титуломъ миссіонера и, безъ сомнѣнія, съ штатнымъ окладомъ, но гдѣ сфера его дѣятельности и гдѣ результатъ ея — объ этомъ неизвѣстно ни миссіонеру, ни православнымъ, ни татарамъ. Извѣстно только, что татары, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они сознаютъ необходимость учиться порусски, не посылаютъ дѣтей своихъ въ русскія школы, потому

что въ школахъ этихъ учатъ и православные священники. Замѣчательно, что въ селеніяхъ Дуванкоѣ, Каралезѣ, Даирѣ, Сарабузахъ — нѣсколько татарскихъ мальчиковъ охотно посѣщаютъ русскую школу, но въ этихъ именно школахъ нѣтъ священниковъ, потому что нѣтъ церквей. Когда пробѣжалъ въ 1863 году слухъ объ отдѣленіи Таврической губерніи въ особую таврическую эпархію, татары стали уходить въ Турцію, и такимъ образомъ, *„пріѣздъ большого попа“*, какъ выражаются татары, былъ одною изъ важныхъ причинъ послѣдняго ихъ выселенія.

Интересно теперь знать, насколько проникло въ среду крымскихъ татаръ, по крайней мѣрѣ, свѣтское европейское образованіе, хотя бы простая грамотность? Отвѣтъ и тутъ весьма незатруднителенъ: совсѣмъ не проникла, ни на одну іоту. Правда, нѣкоторые татарскіе беи и мурзы побывали въ петербургскихъ кадетскихъ корпусахъ и даже послужили въ блаженной памяти крымскомъ татарскомъ эскадронѣ. Эти мурзы очень величаются званіемъ ротмистровъ и поручиковъ и шинелью съ краснымъ воротникомъ и серебряною пуговицею; одинъ изъ беевъ даже училъ и зналъ на память въ кадетскомъ курпусѣ православный катихизисъ Филарета (по его собственному мнѣ признанію) и можетъ подписать свою фамилію, нетолько русскими, но даже и нѣмецкими буквами. Но дальше этихъ подвиговъ они не стремятся. Ихъ красная шинель и умѣнье кое-какъ объясниться порусски съ начальствомъ ставитъ ихъ такъ высоко надъ остальною массою татаръ, что они становятся естественными вожаками и запѣвалами своего племени. Чего имъ больше? Было въ Крыму устроено и особое татарское училищное отдѣленіе, существовавшее въ Симферополѣ отъ 1827 года до 1865, исключительно для татарскихъ дѣтей, на которое тратилось по 3,000 рублей въ годъ. Это отдѣленіе выпускало среднимъ числомъ менѣе, чѣмъ по 1 воспитаннику въ годъ, считая въ числѣ выпускаемыхъ и тѣхъ, которыхъ выгоняли за неспособность. Эти 25 полуграмотныхъ юно-

ношей, стоившихъ около 108,000 руб. сер., одолѣли номинально кто курсъ I-го, кто курсъ IV-го класса гимназіи, потомъ канули въ море мусульманства и исчезли въ немъ безъ слѣда. Были еще устраиваемы палатою государственныхъ имуществъ въ 1841 году школы для волостныхъ писарей изъ татаръ, въ Таракташахъ, Сарабузѣ, Сакахъ и Ушюнѣ; построены были хорошіе дома, выписаны книги. Татарскихъ мальчиковъ заставляли учить „Сборникъ Постановленій для государственныхъ крестьянъ", русскую граматику, непрерывныя дроби и пропорціи. Содержаніе училищъ и поступленіе въ нихъ сдѣлано обязательнымъ для татарскихъ обществъ и десятилѣтняя служба учениковъ волостными писарями также обязательною. Кажется, всѣ мѣры къ просвѣщенію варварства были приняты. Въ 1837 году, въ Бахчисараѣ и Карасубазарѣ открыты особые татарскіе классы, въ родѣ приходскихъ училищъ. Въ три уѣздныя русскія училища назначены учителя татарскаго языка (въ 1824 году въ Ѳеодосію и Перекопъ, въ 1859 году въ Симферополь). И что же однако? Въ татарскихъ классахъ Бахчисарая черезъ два года уже почти нѣтъ ни одного ученика татарина, а „большую часть татарскаго класса составляютъ греки и армяне, татары же обучаются преимущественно въ частныхъ школахъ", какъ доноситъ въ началѣ 1840 года директоръ училищъ. Въ волостныя училища татарскаго общества нанимаютъ охотниковъ изъ сиротъ и бѣдняковъ, разныхъ оборышей населенія, какъ нанимаютъ наши русскіе крестьяне охотниковъ въ рекруты. Эти неавторитетные цивилизаторы, разумѣется, внесли въ татарское населеніе такъ же мало образовательнаго движенія, какъ мало получили его въ своихъ волостныхъ школахъ и исчезли незамѣтно, какъ сами школы. Что дѣлали учителя татарскаго языка въ уѣздныхъ училищахъ — этого даже и слѣдовъ не осталось. Кажется, что они существовали только въ распоряженіяхъ начальства.

Вотъ вамъ очеркъ всей исторіи европейскаго образованія крымскихъ татаръ. Въ гимназію иногда пробуютъ поступить 2—3 татарина. Помаются въ двухъ и трехъ классахъ годочка по два, по три, и сплываютъ обратно, безсильные одолѣть массу латинства, славянства, нѣметчины, французятины и всѣхъ гуманныхъ и реальныхъ наукъ, которыми вплоть до краевъ налиты наши гимназіи. Затѣмъ, остается все то же непочатое, никакими вѣтрами неволнуемое, море мусульманскаго невѣжества. Однако, вы думаете, крымскій татаринъ дѣйствительно невѣжда и хочетъ быть невѣждою? Посмотримъ, такъ ли это? По татарскому закону, *обученіе дѣтей обязательно*. Дѣти отъ 6 до 15 лѣтъ, мальчики и *дѣвочки* должны посѣщать школу. Каждая деревушка, гдѣ есть только мечеть, имѣетъ свой *мехтэбъ*. На 100,000 татарскаго населенія въ Крыму находилось въ 1867 году 154 татарскихъ училища; изъ нихъ 131 мехтэбъ, т. е. начальныя училища, и 23 медрессе, т. е. духовныя академіи для приготовленія муллъ и учителей. Учащихся въ нихъ было 5,081 человѣкъ, считая 901 женскаго и 4,180 мужескаго пола. Эта цифра выражаетъ собою состояніе татарскаго образованія въ періодъ величайшаго упадка ихъ національности, такъ какъ послѣ выхода татаръ многія училища были закрыты, другія опустѣли. У татаръ въ 1867 году приходилась одна школа на 21,4 жителя, и 1 учащійся на 27,9. За тотъ же годъ, въ русскомъ населеніи губерніи 1 школа приходилась на 2,747 жителей и 1 учащійся на 66,2. Татарское племя, составляющее 17,85% всего населенія Таврической губерніи, доставило въ 1867 году 23% всего учащагося юношества; русское племя, составляющее 62½% населенія, доставило только 28½% учащагося юношества. Эти цифры весьма поучительны. Между тѣмъ, ни одна изъ вышеисчисленныхъ татарскихъ школъ не получаетъ пособія ни изъ казны, ни отъ земства, ни отъ городскихъ обществъ. Всѣ существуютъ на счетъ родителей или на счетъ благодѣтельныхъ за-

вѣщаній покойниковъ. Эти имущества, завѣщаемыя мечетямъ и школамъ и называемыя вакуфами, въ Крыму простираются до 100,000 десятинъ земли, не считая нѣсколько десятковъ тысячъ капиталовъ и разныхъ доходныхъ статей другого рода.

Всѣ приведенные факты говорятъ одно: что татары и до насъ цѣнили народное образованіе, что они развили его у себя въ Крыму гораздо болѣе, чѣмъ мы развили свое собственное образованіе у себя въ Россіи, что они жертвуютъ на него нешуточныя средства, что они опередили насъ въ сознаніи общей обязательности образованія. Еще Броневскій (писатель XVI ст.) разсказываетъ, что татары его времени „сыновей съ молодыхъ лѣтъ отдаютъ обучаться арабскимъ письменамъ“. Мы, русскіе, овладѣвъ Крымомъ, не научили татарина ничему своему, европейскому; мы только стѣснили количественные размѣры его собственнаго прежняго образованія, сокративъ, вмѣстѣ съ сокращеніемъ населенія, число татарскихъ школъ. Но не сдѣлали ничего существеннаго для привлеченія татаръ въ собственныя школы и для облегченія имъ пути въ нихъ. Въ 1867 году, депутаты татарскихъ мурзъ усиленно ходатайствовали о дозволеніи ихъ дѣтямъ не слушать въ гимназіяхъ латинскаго языка, такъ какъ они не имѣли въ виду поступать въ университеты и такъ какъ, по словамъ ихъ, русскій языкъ для нихъ также былъ труденъ, какъ русскимъ дѣтямъ латинскій. Но они получили совершенный отказъ. Мы, русскіе, въ теченіе 80-ти лѣтъ не распространили среди татаръ ни малѣйшаго общаго образованія, ни малѣйшихъ техническихъ знаній. Мы даже не попробовали повліять на улучшеніе нелѣпыхъ методовъ обученія въ ихъ многочисленныхъ мехтэбахъ и медрессе. На счетъ такъ-называемаго татарскаго сбора производились въ Крыму всѣ работы, для которыхъ не находили другихъ источниковъ: устраивалось шоссе для прогулокъ туристовъ по южнобережнымъ дачамъ, воздвигались православные храмы, содержались православныя приходскія

училища и т. п., но татарскія горныя дороги остались тѣ же, какія были при ханѣ Менгли-Гиреѣ, тѣ же школы, тотъ же внутренній бытъ, тѣ же орудія и способы обработки, та же мажара съ колесами изъ буковыхъ обрубковъ, та же темная хата безъ стеколъ съ хворостяною трубою. Мы и не могли дать ничего, потому что мы, вопервыхъ, сами были во многомъ бѣднѣе татарина, а вовторыхъ, съ татарами имѣли дѣло не мы, народъ, а мы — чиновники. Чиновничество — это обманчивая маска ловкаго европеизма на простодушномъ деревенскомъ лицѣ русскаго человѣка. Это строгая классификація всѣхъ и вся, это кипучая дѣятельность переписки, это всевѣденіе безчисленныхъ таблицъ и отчетовъ. Эти всеобъемлющія программы, эти геніальные, все предусматривающіе проекты и мѣропріятія, звуки и тѣни, взятые и отъ нѣмцевъ, и отъ англичанъ, и отъ французовъ — все это ослѣпляетъ издали и помогаетъ звуки и тѣни принимать за жизнь, маску — за дѣйствительное лицо. Чиновничество, отрава русской народной жизни, отравою стало и для народной жизни татаръ. Какъ вездѣ, оно много отнимало и мало давало; какъ вездѣ, оно городило декораціи и пускало фальшфейеры, за которыми не слыхать и не видать было горькой правды. Какъ вездѣ, оно весь вопросъ государственнаго и народнаго существованія искусно сводило на расчищеніе своего собственнаго пути къ покою, довольству и почести, играя для этого и въ религію, и въ образованность, и въ народное благоустройство. Было бы составлено, представлено, предписано, донесено и къ 1-му января отчетнаго года производствомъ окончено. Живыхъ русскихъ силъ до сихъ поръ не было въ столкновеніи съ татариномъ. Живыя силы вызываются понемножку только теперь: подождемъ: что онѣ сдѣлаютъ. Что онѣ сдѣлаютъ во всякомъ случаѣ больше, гораздо больше, чѣмъ эта полированная, складно вертящая свои валики и колесики бюрократическая машинка—въ этомъ я убѣжденъ, и это уже почти видно. Машина

самаго лучшаго устройства, съ самымъ лучшимъ ярлычкомъ на переднемъ фасадѣ, будь этотъ ярлычекъ даже „европейско-христіанская цивилизація“, безсильна передъ явленіемъ духа. Она уже потому не можетъ повліять ни на чью совѣсть и разумъ, что слѣпа для нихъ, не имѣетъ органовъ даже ощутить ихъ существенное, не только понять его.

Судацкіе, алуштинскіе и нѣкоторые другіе владѣтели не знаютъ, какъ спасти себя отъ преступныхъ посягательствъ, отъ безнравственности сосѣдей-татаръ. Одинъ мировой посредникъ предлагалъ даже завести въ Таракташахъ школу для обученія татаръ русской грамматикѣ и ариѳметикѣ, куда бы изъ половины уѣзда сгонялись татарскія дѣти „хотя бы по 2 со 100 ревизскихъ душъ“, для развитія въ нихъ нравственности и предотвращенія преступленій на будущее время. Разумѣется, для этого потребенъ новый сборъ съ татаръ „хотя бы по 50 к. сер. съ ревизской души, что нисколько бы не отяготило ихъ“. Другой ревнитель нравственности предлагалъ закрыть всѣ татарскія училища, такъ-какъ онъ „пришелъ къ убѣжденію, что до закрытія мехтэбовъ и медрессе, учебныя заведенія, учреждаемыя правительствомъ, никогда не будутъ имѣть достаточнаго числа учениковъ“. Академикъ Палласъ находилъ, что важнымъ средствомъ противъ злоупотребленій татаръ должно послужить требованіе отъ нихъ, вмѣсто обыкновенной клятвы на алкоранѣ, какой-то особенно-торжественной, въ которой присягающій, между прочимъ, говоритъ, что „въ случаѣ лживой клятвы, его можно будетъ разлучить съ его законными женами на 3 или 9 даллаковъ“. Не знаю, почему вдругъ татаринъ оказался у нашего брата русскаго такимъ клятвопреступникомъ, убійцею и воромъ, противъ котораго нужны необычныя мѣры строгости. Посмотримъ, то ли говорятъ о татарахъ люди, которые знали ихъ близко еще тогда, когда не коснулось ихъ вліяніе европейской цивилизаціи. Посолъ Стефана Баторія при дворѣ крымскаго хана Мухамедъ-Гирея,

польскій дворянинъ, Мартинъ Броневскій изъ Бездзфедеа, жилъ въ Крыму болѣе 9-ти мѣсяцевъ, въ свое двукратное посольство, въ 1578 году, и оставилъ намъ весьма интересное описаніе Крыма. Послушайте, какъ отзывается онъ о нравственномъ состояніи тогдашняго татарскаго общества: „У нихъ нѣтъ ни ябедничества, ни доносовъ, ни обвиненій и оправданій, излагаемыхъ въ порядкѣ судопроизводства. Простые татары и чужестранцы, въ присутствіи судей и самаго хана, который выслушиваетъ каждаго и скоро даетъ рѣшеніе, очень свободно излагаютъ свои жалобы, ибо всѣ имѣютъ къ нему свободный доступъ. Когда ханъ является всенародно, тогда самые бѣдные и ничтожные люди обращаютъ на себя его вниманіе. Онъ ихъ выслушиваетъ, разспрашиваетъ и отвѣчаетъ благосклонно. Законы исполняются съ большою строгостью. Судьи почитаются у татаръ людьми вдохновенными, непоколюбимой справедливости и честности. Начальники и чиновники исполняютъ приказанія вѣрно, скоро и съ большимъ страхомъ. Татары вовсе чужды всякихъ ссоръ, преступленій, судейскихъ крючковъ, зависти, ненависти, честолюбія и излишней роскоши въ одѣяніи и въ домашнемъ быту. „Я жилъ тамъ болѣе 9-ти мѣсяцевъ, но не слыхалъ ни объ одномъ уголовномъ преступленіи; никто не поступилъ вопреки законамъ, никто не дѣлалъ ни доносовъ, ни сплетень, чтобы повредить врагу“. Путешественниковъ и бѣдныхъ странниковъ татары принимаютъ съ большимъ человѣколюбіемъ и гостепріимствомъ“, говоритъ Броневскій въ другомъ мѣстѣ своего описанія Тавріи.

Литовскій митрополитъ Богушъ-Сестренцевичъ, котораго, какъ и католика Броневскаго, трудно заподозрить въ пристрастіи къ мусульманской нравственности, въ такихъ выраженіяхъ говоритъ въ разныхъ мѣстахъ своей исторіи Тавріи о нравственномъ состояніи современныхъ ему крымскихъ татаръ XVIII столѣтія: „Судъ былъ производимъ у татаръ гораздо съ большею справедливостью, чѣмъ у турокъ“. „Наказаніе было одинаково для всѣхъ

состояній государства“. „Народъ не былъ въ рабствѣ, но токмо обязанъ отправлять воинскую службу“. „Въ своихъ собраніяхъ и пирахъ, они (татарскіе дворяне) наблюдали въ точности заведенную учтивость въ разсужденіи чиновъ; никто не спорилъ о первенствѣ, но дворянинъ знатнѣйшей породы уступалъ часто мѣсто дворянину низшей степени, если онъ былъ гораздо старѣе его лѣтами“. „Они жили весьма благопристойно въ своихъ помѣстьяхъ, передавая отъ отца сыну чувства чести, каковыя находятся въ Европѣ у народовъ наилучше образованныхъ. Они показывали наипаче возвышенность духа и щедрость въ пріемѣ иностранцевъ. Но почитали поединокъ за безчестіе. По ихъ правиламъ, истинное мужество долженствовало быть оказываемо только на войнѣ“. „Первое чувство, которое было въ обыкновеніи вперять молодымъ князьямъ (при воспитаніи ихъ), была щедрость. Въ самомъ дѣлѣ, большая часть ихъ почитала за стыдъ прилѣпляться къ какой-либо вещи; они отдавали все, даже и свою одежду; поелику же султанъ имѣлъ только одно платье, то просили за день предъ тѣмъ, въ который онъ надѣлъ оное, и первый проситель былъ увѣренъ въ полученіи. Самъ ханъ былъ почитаемъ по мѣрѣ своей щедрости, яко истиннаго свойства величія“. „Пріобыкши къ превратностямъ частной жизни прежде достиженія престола, они (т.-е. ханы) видѣли слишкомъ вблизи бѣдность и несчастіе низшаго состоянія, чтобы могли помышлять объ угнетеніи онаго и знали лучше людей, свой народъ и придворныхъ, нежели знаютъ государи, видѣвшіе только свой дворъ“.

„Несмотря на пріятность климата и умѣренность въ пищѣ, дѣятельная ихъ жизнь (т е. крымскихъ татаръ) содѣлываетъ ихъ весьма крѣпкими. Нѣтъ людей, кои могли бы сносить, какъ они, жаръ, стужу, голодъ, жажду и всѣ военныя тягости. Соединенные неразрывнымъ союзомъ при появленіи непріятеля, всѣ они становились въ боевой порядокъ за своимъ ханомъ: одни для защищенія своихъ преимуществъ, другіе — для сохраненія

своихъ мечетій; а всѣ для поддержанія престола и свободы. Соединенная съ силою, глубокая политика Екатерины II могла одна *ниспровергнуть все оное*".

„Татары, хотя весьма приверженные къ магометанской вѣрѣ, оказывали себя нестолько изувѣрными, какъ турки, потому что они имѣли болѣе познанія по сему предмету. *Училища ихъ были многочисленны и наполнены учащимися*".

„Хотя терпимость вѣръ и мало позволяется Кораномъ, однако, общая польза клонила умы къ содержанію общественнаго спокойствія и къ подкрѣпленію государя, а оттого и происходила взаимная снисходительность въ разсужденіи различныхъ догматовъ; греки, армяне имѣли свои епархіи, церкви, монастыри; іезуиты имѣли домовую церковь и пользовались долгое время великою свободою. Евреи, караимы были также терпимы".

Мнѣ кажется, въ строкахъ, приведенныхъ выше и взятыхъ на удачу изъ нѣкоторыхъ писателей, бывшихъ у насъ подъ рукою, заключается несомнѣнное опровершеніе всѣхъ корыстныхъ клеветъ на безнравственность татарскаго племени. По крайней мѣрѣ, я, съ своей стороны, искренно желалъ бы своему родному племени многаго и многаго изъ того душевнаго добра, которое замѣтили старые писатели въ крымскомъ татаринѣ, и которое всѣ безпристрастные наблюдатели замѣтятъ и теперь въ коренныхъ основахъ татарскаго характера. Конечно, завоеваніе его унизило, развратило, озлило. Конечно, во многихъ мѣстахъ и обстоятельствахъ, онъ является ожесточеннымъ ненавистникомъ русскаго элемента. Но о крымскомъ татаринѣ вообще, какъ о цѣломъ племени, нельзя не сказать, что онъ найденъ нами почти добродѣтельнымъ сравнительно съ русскимъ пришельцемъ, и что простая первобытная добродѣтель пастырей и горцевъ еще продолжаетъ отличать его отъ насъ, плутоватыхъ и полуобразованныхъ горожанъ, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія. Съ татариномъ до сихъ поръ можно заключать на слово

всевозможныя сдѣлки; татаринъ ищется на южномъ берегу для услуги, какъ кладъ. Татары бо́льшей части крымскихъ мѣстностей не знаютъ воровства, замковъ, обмана. Въ ихъ сады и дворы смѣло входитъ всякій, и недавно еще миновало время, когда прохожій могъ рвать и ѣсть виноградъ и фрукты татарина сколько душѣ его угодно. Отрадно видѣть то чувство человѣческаго достоинства, которое не покидаетъ татарина ни въ какихъ обстоятельствахъ его жизни. Исполняя у васъ самыя низкія и трудныя работы, онъ спокойно протягиваетъ вамъ руку, садится рядомъ съ вами на диванъ и бесѣдуетъ съ вами, какъ съ равнымъ. Онъ не откажется исполнить безропотно какое бы то ни было ваше приказаніе, если вы имѣете на то право, но вы не отыщете въ немъ слѣда подобострастія. Чобанъ входитъ въ гостиную своего хозяина въ своихъ буйволовыхъ сандаліяхъ, съ достоинствомъ закуриваетъ, опустившись на коверъ, свою трубку и протягиваетъ руку къ стоящему угощенію, не сомнѣваясь ни мало, что имѣетъ на него равное со всѣми право. Угостить пришельца грушами въ саду и кофеемъ въ хатѣ—для татарина неизбѣжная обязанность и первое удовольствіе. Въ хатѣ его всегда необыкновенный порядокъ, чистота и приличіе,— сейчасъ видно, что человѣкъ уважаетъ себя. Самыя бѣдныя женщины и самыя маленькія дѣти одѣты довольно изысканно: нѣтъ этой повальной сермяги, поскони, войлока и лыка, этихъ отцовскихъ зипуновъ на грудныхъ дѣтяхъ, мужицкихъ тулуповъ на бабахъ. У каждаго ребенка своя нарочно для него сшитая курточка со шнурками, съ узорами, синяя или полосатая, непремѣнно цвѣтная; у каждаго свои сафьянныя или кожаныя мѣшты, своя красивая шапочка, пригнанная въ мѣру. Въ этихъ, повидимому, мелочныхъ признакахъ сказывается заботливый глазъ отца и матери признающихъ своимъ нравственнымъ инстинктомъ и за ребенкомъ такое же человѣческое право и такое же человѣческое достоинство, какъ и за самими собою. Татарскіе

мужчины, даже молодые, а особенно старики, необыкновенно любятъ дѣтей; видѣть ихъ суровыя фигуры, терпѣливо няньчающія ребенка и наивно играющія съ нимъ, всегда мнѣ доставляло большое нравственное успокоеніе. Уваженіе къ своему слову, сосредоточенность, близкая къ молчаливости, спокойная увѣренность рѣчи, движеній и всѣхъ почти поступковъ, простота и вѣковѣчная твердость правилъ, крайняя умѣренность образа жизни и крайняя сносливость, въ соединеніи съ почтенною внѣшностью, дѣлаетъ изъ каждаго пожилаго татарина какого-то практическаго философа, Натана мудраго, отыскавшаго истинный ключъ жизни.

Конечно, татаринъ не знаетъ многихъ потребностей цивилизованной жизни и бытъ его отличается скудостью всякаго рода. Ремесла его немногочисленны и не далеко развиты. Трудъ его не имѣетъ того лихорадочнаго, энергически-напряженнаго характера, съ которымъ онъ неразлученъ въ цивилизованной Европѣ. Но зато и корысть его не имѣетъ того цивилизованнаго ожесточенія, которое всю жизнь европейскаго человѣка обращаетъ въ бѣшеную погоню за пріобрѣтеніемъ, въ безжалостную и безконечную войну съ своимъ же братомъ-человѣкомъ за кусокъ золота. Гдѣ нѣтъ торговли, тамъ мало нужны и ремесла. Татаринъ, въ своемъ счастливомъ углѣ, имѣлъ всѣ существенныя условія земнаго благополучія: теплое небо, чистыя воды, тѣнистые лѣса, сочныя пастбища, сады, кишащіе виномъ и плодами, стада для мяса и молока, скотъ для работы, каменныя горы и дерево для жилищъ. При такихъ широкихъ условіяхъ, торговля долго не бываетъ необходима. У татарина же она еще замѣнялась такъ долго войною съ гяуромъ, этимъ религіознымъ и племеннымъ догматомъ каждаго мусульманина.

Меня постоянно удивляетъ, что люди цивилизаціи до такой степени ослѣплены нѣкоторыми ея несомнѣнными преимуществами, что нераздумывая принимаютъ за преимущества даже не-

сомнѣнное зло, порождаемое цивилизаціею; осыпанные сами ея язвами, мучась ими, не зная, какъ отъ нихъ отдѣлаться, они имѣютъ наивность, при встрѣчѣ со счастіемъ еще неиспорченной жизни, упрекать его и стыдить, и тянуть на свой болѣзненный одръ, какъ на единственно-спасительный путь. Вотъ, напримѣръ, что ставитъ въ вину крымскимъ татарамъ профессоръ Палласъ:

„Часто видишь, какъ сидятъ они подъ тѣнью какого нибудь дерева или на холмѣ, съ трубкой въ рукахъ, иногда совсѣмъ пустою, и *безсмысленнымъ* взглядомъ созерцаютъ прекрасный пейзажъ, открывающійся ихъ глазамъ; они даютъ себѣ длинные роздыхи между работой и иногда совсѣмъ прекращаютъ ее, *когда представляется возможность*. Бездѣйствіе — вотъ высшее блаженство этого народа“.

Признаюсь, я не безъ зависти думаю о возможности такихъ преступленій противъ цивилизаціи для себя самого. Особенно, когда Палласъ, немного далѣе, прибавляетъ: „эти татары, живущіе воздержно, незнающіе никакого безпокойства, одѣтые даже лѣтомъ въ теплое платье и недозволяющіе себѣ слишкомъ утомительныхъ упражненій, мало подвержены болѣзнямъ, особенно желчнымъ и перемежающимся лихорадкамъ, которыя для пріѣзжихъ въ Крыму часто бываютъ смертельны. *Многіе изъ нихъ достигаютъ до глубокой старости и сохраняютъ большую веселость*“.

Впрочемъ, будированье знаменитаго натуралиста на лѣнь, невѣжество и безнравственность крымскихъ татаръ, несоглашавшихся уступать русскимъ чиновникамъ, без спора и жалобъ, наслѣдственныя свои земли, слѣдуетъ счесть скорѣе за временное раздраженіе крымскаго землевладѣльца, чѣмъ за дѣйствительныя убѣжденія великаго европейскаго ученаго. Онъ самъ, въ концѣ концевъ, а именно въ концѣ втораго своего путешествія, растрогался прелестью крымской жизни и посвятилъ ей

нѣсколько безпристрастныхъ строкъ, нелишенныхъ поэзіи, но зато вполнѣ противорѣчащихъ всѣмъ его прежнимъ обвиненіямъ:

„Соединеніе ужасающаго великолѣпія горъ, поднятыхъ въ облака, и громадныхъ, обрушившихся скалъ съ роскошнѣйшею зеленью садовъ и лѣсовъ, съ ручьями и водопадами, отовсюду сбѣгающими; наконецъ, сосѣдство моря, разстилающаго свои безбрежныя дали — все это дѣлаетъ эти долины самыми живописными и самыми очаровательными, какія только можетъ вообразить или нарисовать самый восторженный, поэтическій геній. Простая жизнь добрыхъ татарскихъ горцевъ, которые населяютъ эти райскія долины, ихъ хижины, покрытыя землею, наполовину высѣченныя въ каменистыхъ скатахъ горъ и почти спрятанныя въ густой листвѣ окружающихъ садовъ; стада козъ и маленькихъ овецъ, разсыпавшіяся по обрывамъ уединенныхъ скалъ, стоящихъ вблизи; звукъ пастушьей свирѣли, раздающійся среди этихъ скалъ,—все здѣсь рисуетъ въ воображеніи золотой вѣкъ природы. Все заставляетъ любить простую, уединенную сельскую жизнь и снова начинать обожать это жилище смертныхъ, которое сдѣлалось почти невыносимымъ для сосредоточеннаго въ себѣ мудреца черезъ ужасы войны, черезъ ненавистный духъ торговаго плутовства, распространенный въ городахъ, и черезъ порождающую пороки роскошь большаго общества“.

XVI.

Южный берегъ.

(Балаклава. — Байдарскія ворота. — Значенье южнаго берега для насъ, русскихъ. Жердвень, скалы южнаго берега, гроза, область крымскихъ дачъ, Оріанда, Ливадія, Ялта, водопадъ Учанъ-Су область винодѣлія, Гурзуфъ, окрестности Аю-Дага, парки и замокъ Алупки).

Я попалъ въ настоящую воробьиную ночь; даже ямщику татарину дѣлается жутко, жутко даже лошадямъ. Куда ѣдешь, гдѣ ѣдешь — не знаешь; все окутано какъ черным сукномъ непроглядной темью грозовой ночи. Огни Севастополя исчезли за горою, и только красный глазъ маяка одиноко вращается въ черномъ хаосѣ, то исчезая, когда онъ глядитъ на море, то ярко разгораясь, когда оборачивается на нашу дорогу. Въ этой страшной обстановкѣ, при завываніи бури, при потокахъ молніи, безпрерывно обливающихъ небо и землю — онъ представляется глазомъ чудовища, отыскивающимъ въ тьмѣ свою добычу.

До Балаклавы дотащились глубокою ночью. Нѣсколько разъ наѣзжали на дома; станцію насилу различили, дверь ея насилу нащупали.

Вхожу — тьма. Кричу смотрителя. Никого не слыхать! Вдругъ, хорошо мнѣ извѣстный женскій голосъ окликнулъ меня. Я попалъ на ночлегъ знакомой компаніи; это была цѣлая геологическая экспедиція съ участіемъ молодой дамы, моей пріятельницы.

Всѣ, повидимому, обрадовались случаю прекратить неудобный ночлегъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Зажглись огни, явился на столѣ чай съ разными разностями, поднялся говоръ, смѣхъ подъ непереставашій вой бури.

Балаклава прескучный и прегрязный городишко, теперь даже просто мѣстечко, биткомъ набитое горбоносыми, черноволосыми и черноглазыми греками. Это чисто племя коршуновъ, пріютившееся на пустынныхъ скалахъ уединеннаго, рыбообильнаго залива. Они ловятъ эту рыбу, ѣдятъ эту рыбу, продаютъ эту рыбу и, кажется, больше ничего не знаютъ и знать не хотятъ.

Это потомки греческихъ корсаровъ, поселенныхъ Екатериною послѣ Наваринскаго боя. На меня производятъ особенно непріятное впечатлѣніе эти физіономіи хищной птицы, носатые, узколобые съ выраженіемъ алчности и тупоумія въ глазахъ.

Балаклавская бухта — узкимъ и глубокимъ языкомъ вдается въ гористый берегъ; трудно найдти болѣе скрытую и болѣе безопасную стоянку кораблямъ, болѣе удобное разбойничье гнѣздо. К. Риттеръ очень убѣдительно доказываетъ, что Балаклава — Гомеровъ городъ Лестригонскихъ людоѣдовъ. Большинство крымскихъ археологовъ, основываясь на созвучіи именъ, признаютъ Балаклаву древнимъ Палакіономъ, который, по словамъ Страбона, былъ построенъ противъ Митридата Евпатори скиѳскимъ вождемъ Палакомъ, сыномъ царя Скилура. Страбонъ во всякомъ случаѣ зналъ Балаклавскую бухту; онъ очень мѣтко называетъ ее узкоустою и говоритъ, что въ ней было сборное мѣсто тавроскифскихъ пиратовъ, грабившихъ черноморскихъ мореходцевъ. Итальянцы называли Балаклаву Чембало (Portus symbolorum Страбона), и русскіе и турки Балыклея (какъ думаютъ, отъ турецкаго слова балыкъ, т. е. рыба).

Исторія Балаклавы дѣлается точно извѣстною только съ половины XIV столѣтія, когда она въ числѣ прочихъ мѣстъ южнаго берега изъ подъ власти грековъ перешла къ генуэзцамъ. Крѣпость Чембало была одна изъ важнѣйшихъ генуэзскихъ факторій Чернаго моря какъ по неприступности своей, такъ и потому, что защищала лучшую пристань Чернаго моря. До сихъ поръ вы видите на недоступной скалистой горѣ живописно на-

висшей надъ бухтою, башни и стѣны древняго Чембало. Они сообщаютъ пустынному городку и пустынному заливу еще болѣе печальный видъ. Они же составляютъ и единственный интересъ для туриста, посѣщающаго теперь Балаклаву.

Ламармора съ своими Сардинцами увезъ изъ роднаго Итальянцамъ Чембало послѣдніе археологическіе памятники, уцѣлѣвшіе до Севастопольской войны, и теперь вы ничего не найдете въ древней крѣпости. За то англичане оставили въ подарокъ Балаклавѣ отличную деревянную пристань, но балаклавскіе арнауты, кажется, продаютъ ее теперь на дрова.

Въ Балаклавѣ не засидитесь долго. Спѣшите черезъ широкую, водообильную, древообильную Байдарскую долину, черезъ прекрасныя лѣсныя горы, на ночлегъ въ Байдарскую станцію. Тамъ вамъ нужно подняться до солнца, чтобы къ моменту его восхожденія непремѣнно поспѣть къ Байдарскимъ воротамъ. Этотъ обычай священенъ для крымскихъ туристовъ.

Вы ѣдете все въ гору и въ гору, не видя, не предчувствуя моря; дорога все труднѣе; васъ задвигаетъ все тѣснѣе въ скалы и въ лѣсъ, и пэйзажъ почти исчезаетъ. Трудность подъема настраиваетъ васъ на самый прозаическій тонъ и выбиваетъ изъ головы радостныя мечты, съ которыми вы, можетъ быть, выѣхали со станціи. На самой крутизнѣ подъема, гдѣ каменныя стѣны заслоняютъ вамъ половину неба, трещина, по которой ползетъ дорога, загорожена тяжелыми каменными воротами, такими же темными и несокрушимыми, какъ окружающія ихъ скалы. Еслибъ неправильно тесанные камни, ихъ бы призналъ за природный тунель. Вотъ вы подъ ихъ темной и тяжкой аркой; оно такъ

кстати вѣнчаетъ своимъ мрачнымъ видомъ мрачную обстановку всего подъема.

И вдругъ лошади останавливаются, и васъ чуть не отбрасываетъ назадъ отъ внезапности, отъ изумленья; весь строй прежнихъ мыслей — уносится мгновенно, какъ пыль вихремъ, словно вы вдругъ попали изъ одного міра въ другой. Вы проѣхали сквозь Байдарскія ворота. Кончилось подъятіе, трудность и тѣснота; горы вдругъ широко разступились, глубоко разодрались нѣдра земли, и ты, до сихъ поръ тяжко корабкавшійся вверхъ, вдругъ повисъ, какъ на крыльяхъ птицы, надъ необъятной бездной. Эта бездна — цѣлое море, цѣлая страна. Южный берегъ Крыма съ своими лѣсами, скалами и деревеньками лежитъ распростертый глубоко подъ вашими ногами. Вамъ вдругъ открываются волны Азіи и далекіе горные мысы, до которыхъ нужно ѣхать многіе дни. Декорація перемѣняется мгновенно и неожиданно, словно въ какой нибудь волшебной оперѣ. Голова, неприготовившаяся къ нежданному контрасту, смущается и туманится надъ этою чарующею бездною; не вѣрится, что нужно, что можно спускаться — туда внизъ; оттуда цѣлыя поселенья кажутся бѣлыми точками, а скалы камушками. Но помимо крайней неожиданности и рѣзкости перехода, — панорама, открывающаяся изъ Байдарскихъ воротъ, сама послѣ одна изъ грандіознѣйшихъ, какія гдѣ либо можно увидѣть. Я знаю знаменитыя живописныя мѣста Европы и думаю, что врядъ ли въ ней найдется болѣе счастливое сочетанье самыхъ противуположныхъ элементовъ пэйзажа. Гигантская скала Фароса, переливающая всѣми цвѣтами яшмы, голая, обглоданная вѣтрами и водами, выдвинулась въ море направо отъ васъ, кажется, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ васъ, вся отъ пяты до макушки, видная вамъ, загораживая все, что за нею — море, небо и скалы. Восходящее солнце ударяетъ своими лучами прямо въ грудь ея. На голой вершинѣ, на голыхъ бокахъ сверкаетъ солнце, а пята ея еще закутана въ бѣлые тума-

ны, курящіеся надъ моремъ. Какъ клубы дыма туманы эти свиваются и спалзываютъ съ неподвижной морской поверхности, и яркая утренняя синева волнъ прорывается озерами сквозь рѣдѣющую дымку тумана, разростаясь все шире, сливаясь все ближе. Налѣво отвѣсная стѣна Яйлы, увѣнчанная какъ живой лѣсами сосенъ, упирается въ самыя облака и отрѣзаетъ отъ вашего взгляда весь горизонтъ лѣвой стороны. Слѣва эта неприступная, подоблачная стѣна, на которой еще покоятся тѣни ночи, справа страшный утесъ Фароса, облитый огнями восхода, составляютъ чудную рамку этой чудной картины. Угрожающая, надвинутая близость этихъ твердынь, ихъ рѣзкія краски и громадность очертаній составляютъ поразительную противуположность съ мягкими, туманными тонами, въ которыхъ видишь отсюда на безконечное разстояніе море и зеленые скаты южнаго берега, будто вставленные въ каменную раму. Отъ Байдарскихъ воротъ начинается южный берегъ. Екатерина II-я окончила здѣсь свое роскошное путешествіе. Говорятъ Потемкинъ довезъ императрицу до того самаго мѣста, гдѣ теперь стоятъ ворота и съ высоты его царица Сѣвера созерцала райскій уголокъ, добытый для нея кровью ея сѣверныхъ сыновъ. Въ то время путешествіе по скаламъ южнаго берега еще было невозможно. Шоссе отъ Байдарскихъ воротъ мастерское произведенье искусства. Когда князь Воронцовъ провезъ по немъ въ 1-й разъ Императора Николая, Императоръ выразился, что у него теперь „свой Симплонъ". Когда вы смотрите отъ воротъ внизъ въ эту страшную, бездонную воронку, куда сбѣгаетъ бѣлая нитка шоссе, нитка эта кажется вамъ чистою спиралью. Кажется, пѣшему не сойти съ этой гигантской винтовой лѣстницы, а по ней стремглавъ съѣзжаютъ грузные дорожніе дормезы шестериками и восьмериками. Дѣйствительно, только южно-бережскій ямщикъ можетъ взяться за это рискованное дѣло. Тормозы тутъ ничего не помогутъ и остается только разсчитывать на ловкость поворотовъ, на гладкость шоссе, да на

желѣзныя ноги Крымскихъ лошадей. Я долго не могъ понять, какимъ чудомъ, при этихъ крутыхъ круговыхъ поворотахъ, на всемъ бѣгу, не сноситъ въ бездну высокаго, неустойчиваго экипажа, который летитъ внизъ съ быстротою салазокъ, пущенныхъ съ англійской горки. Какъ ни великолѣпно отсюда зрѣлище моря, но я больше смотрѣлъ назадъ, чѣмъ впередъ; я не могъ оторвать глазъ отъ скалы Фороса, господствовавшей надъ всѣмъ пэйзажемъ. Утесы, камни цѣлымъ потокомъ сбѣгаютъ отъ него внизъ къ морю, и дорога вьется между этихъ живописныхъ утесовъ, обѣгая ихъ то справа, то слѣва. Деревеньки, виноградники, лѣсные участки въ далекой глубинѣ тоже лѣпятся между этимъ хаосомъ камней, который составляетъ характеръ мѣстности. Это поколѣнье Фороса, которое онъ расплодилъ до самаго моря, до тѣхъ красивенькихъ маленькихъ голышей, которыми шурш̀итъ береговой прибой. Вообще, можетъ быть, ни въ какой части Крымскихъ горъ нѣтъ такого хроническаго состоянія разрушенья, какъ въ скалистыхъ горахъ, между Байдарскими воротами и Алупкой. Тутъ мы застаемъ геологическія силы еще на мѣстѣ преступленья.

Дорога кажется чрезвычайно короткой, но не спѣшите; вы десять разъ будете около одного и того же утеса, почти на одной и той же высотѣ. Техникъ, устраивавшій дорогу, обманулъ и пропасть, и проѣзжихъ. Проѣзжему кажется, что онъ постоянно на гладкой дорогѣ и постоянно вертится на одномъ мѣстѣ по карнизу обрыва. Колѣна дороги, какъ комфортабельныя лѣстницы аристократическихъ отелей, такъ незамѣтно покаты, что должны поворачиваться ежеминутно въ однихъ и тѣхъ же предѣлахъ; только быстрота ѣзды, захватывающая духъ, говоритъ вамъ, что вы спускаетесь въ пропасть страшной глубины. Но и этихъ поворотовъ оказалось мало; необходимо было прорвать внутренность утеса, совершенно загораживавшаго дорогу, и теперь вы, еще въ виду Байдарскихъ воротъ, проѣзжаете чер-

ною дырою тунеля. За нею берегъ поворачивается и начинаются другіе виды. Безспорно, это живописнѣйшія мѣста южнаго берега. Только здѣсь, отъ Байдаръ до Алупки, отъ м. Ласпи до м. Айтодоръ, берегъ можно назвать строго-южнымъ. За Айтодоромъ, тамъ, гдѣ лежатъ царскіе дворцы и дачи Ялты, берегъ значительно поворачиваетъ и обращается въ юго-восточный. До Ласпи онъ скорѣе югозападный, чѣмъ южный.

Если тебѣ хочется, читатель, въ нашъ обыденный и прозаическій вѣкъ погрузиться на нѣсколько недѣль въ живой родникъ неподдѣльной красоты, неподдѣльной поэзіи — тебѣ нечего искать Италіи и Андалузіи, ты найдешь все, чего жаждешь, у себя на родинѣ, на южномъ берегу Крыма. Екатерина II назвала Крымъ жемчужиной своей короны, но она видѣла только издали, съ высоты утеса, тотъ волшебный уголокъ, который можно назвать жемчужиной самаго Крыма. Италія, читатель, не поразитъ тебя такъ, какъ поразитъ нашъ крымскій южный берегъ. Въ Италію ты переходишь черезъ цѣлый рядъ постепенностей и подготовокъ. Красота и новизна не разомъ усиливаютъ свой тонъ, а густѣютъ незамѣтно съ твоимъ движеньемъ къ югу. Уже Саксонская Швейцарія, уже Рейнъ, уже Шварцвальдъ настраиваютъ твою душу на поэтическій восторгъ, говорятъ тебѣ о томъ, чего ты не испыталъ, не вѣдалъ. Швейцарія еще дальше околдовываетъ твое воображенье, и ты переваливаешь въ Италію, уже переполненный впечатлѣніями всевозможныхъ красотъ природы, всевозможными наслажденіями формъ, красокъ, тепла и свѣта. Чуждые тебѣ народы, незнакомые обычаи, невѣдомыя мѣста пройдутъ передъ твоими очами въ нѣсколько очередей, прежде, чѣмъ ты взглянешь на Сициліанку и неаполитанскаго бандита. Но южный берегъ Крыма возстаетъ передъ твоими очами, предъ душою твоею, во всей своей изумительной нечаянно-

сти, какъ что-то нежданное, негаданное, непохожее ни на что, тобою прежде видѣнное, неподготовляемое ничѣмъ, тобою только что пройденнымъ. Послѣ безпредѣльнаго однообразія малороссійскихъ и новороссійскихъ степей, послѣ унылыхъ и безводныхъ Солончаковъ Перекопа, выжженныхъ солнцемъ, ты попадаешь вдругъ въ бушующее изобиліе воды, зелени и утесовъ. Русская равнина превращается въ швейцарскія пропасти, швейцарскія вершины горъ. Черная грязь дѣлается камнемъ. Сѣренькое, низенькое небо сѣвера раздвигается въ глубокую синеву итальянскаго неба; яркія краски, рѣзкія рельефныя тѣни ложатся тамъ, гдѣ ты до сихъ поръ видѣлъ безцвѣтность и плоскость. Коноплянникъ, съ своимъ снотворнымъ запахомъ, съ своимъ сплошнымъ лѣсомъ прямыхъ стеблей—исчезаетъ; вмѣсто него является кудрявая виноградная лоза, вьющаяся, сквозящая золотомъ, осыпанная гроздами; она тоже дышетъ ароматами и полна ароматами, но ея ароматы бодрятъ и вызываютъ веселье, а не навѣваютъ сна. Исчезаютъ вмѣстѣ съ коноплянникомъ и эти неизмѣримыя, неохватныя моря хлѣбовъ, которые мы зовемъ черноземною Россіею; все однихъ и тѣхъ же хлѣбовъ, идущихъ изъ уѣзда въ уѣздъ, изъ области въ область, одною непрерывною стѣною. Эта горячая южная земля, подъ наитіемъ этого южнаго солнца, родитъ изъ чрева своего, можетъ быть, менѣе полезные, но зато болѣе изящные и болѣе драгоцѣнные плоды. Она одаряетъ траву и дерево не сухимъ крахмаломъ зерна, а благовонными маслами, сахаристыми соками, яркими красками. Это царство плодовъ и цвѣтовъ. Тутъ зрѣетъ олива, винная ягода, персикъ; тутъ цвѣтутъ круглую зиму розы и фіалки. Ракиты — сырой, дуплистой, развалистой, которой древесина рѣжется какъ рѣдька, которая прѣетъ, какъ рѣдька—этого неизмѣннаго, всероссійскаго дерева нашего—нѣтъ. Вмѣсто нея стоитъ кипарисъ— стройный, сжатый, крѣпкій, какъ желѣзо, негніючій какъ желѣзо. Животная жизнь измѣняется съ такою же волшебною пора-

зительностью. Длинную мажару тащитъ черный буйволъ, къ лѣсному ручью сбѣгаетъ съ горъ стадо оленей, дельфины перекатываются въ волнахъ моря, подъ скалами берега. Все ново. Даже человѣкъ новъ: европейца и христіанина замѣнилъ здѣсь бритый азіатецъ въ чалмѣ, многоженецъ, съ магометовымъ кораномъ въ рукахъ; онъ сидитъ не на скамьѣ, а на полу, поджавъ ноги; онъ не снимаетъ шапки, а снимаетъ сапоги; земледѣльца замѣнилъ садоводъ и виноградарь. Даже видъ жилищъ не тотъ, къ которому привыкъ глазъ: вмѣсто бревна и соломы — камень и черепица; вмѣсто огромной дымной печи—окна безъ стеколъ, съ деревянной рѣшоткой для теплоты; тамъ крестъ и благовѣстъ колокола, здѣсь полумѣсяцъ и крикъ мазина. Наконецъ тамъ земля, одна только земля, и все одинаковая земля, здѣсь море и горы, высота и глубина, движенье и неподвижность.

Вотъ что, читатель, въ одно и тоже время смущаетъ и чаруетъ твою фантазію, когда ты переносишься на южный берегъ Крыма. Между твоимъ настоящимъ и твоимъ прошедшимъ разверзается бездна, и ты чувствуешь себя въ плѣну у какого-то новаго для тебя міра. Оттого ты смотришь на все какъ во снѣ, обольстительномъ и невѣроятномъ снѣ. Ты долго будто не вѣришь волшебнымъ декораціямъ, развертывающимся кругомъ тебя: этому синему морю, слитому съ небомъ, этой подоблачной стѣнѣ скалъ, этимъ деревенькамъ—игрушкамъ, которыя словно уронилъ кто въ хаосъ утесовъ и зелени. Зато, когда ты покидаешь южный берегъ, когда волшебныя декораціи остаются вдали отъ тебя, душа твоя томится по нихъ какъ по потерянному раю; мнимое сновидѣнье дѣлается дѣйствительнымъ сновидѣньемъ на яву; оно дразнитъ тебя своими картинами, которыхъ яркость закутана теперь туманомъ, но которыя тѣмъ привлекательнѣе и назойливѣе, чѣмъ они стали неопредѣленнѣе. Люди, пожившіе въ

Крыму и извѣдавшіе наслажденія, которыя даетъ только одинъ Крымъ, никогда не забываютъ его; они, какъ Евреи на рѣкахъ Вавилонскихъ „сидяху и плакаху, егда помянути имъ Сіона“.

Въ Россіи только одинъ Крымъ, и въ Крыму только одинъ южный берегъ. Когда мы сдѣлаемся просвѣщеннѣе и привыкнемъ цѣнить не одни выгоды барыша и не однѣ утѣхи чрева, южный берегъ обратится безъ сомнѣнья въ одну сплошную дачу русскихъ столицъ. На немъ не останется клочка, не обращеннаго въ паркъ, въ виноградникъ, въ жилье. Такая дача слишкомъ мала для страны въ 80 мильоновъ. Капиталъ овладѣетъ ею съ азартомъ, который будетъ равняться его теперешнему равнодушію къ русской жемчужинѣ. Женщина, погубившая здоровье свое и исказившая свой духъ въ уродливой обстановкѣ великосвѣтской жизни, захочетъ вдохнуть въ себя возрождающую струю теплаго и влажнаго воздуха, которымъ дышутъ долины южнаго берега. Она захочетъ разогнать угаръ безсонныхъ ночей и фальшиваго одушевленія цѣлебнымъ сокомъ крымскаго винограда и живой водою крымскаго моря. Сюда, къ теплу, къ свѣту, къ морю, къ винограду, прильнетъ все, что только будетъ въ силахъ прильнуть. Сюда, къ простотѣ и правдѣ природы, бросится спасаться исковерканная ложь столичной жизни. Трудно предвидѣть до какой баснословной величины возрастутъ цѣны земли на южномъ берегу въ ближайшемъ будущемъ, послѣ проведенья желѣзной дороги въ Севастополь.

Уже лѣтомъ 1868 года пустынные, каменистые косогоры около Ялты и Аутки, напоминающіе груды битой черепицы, — по 10 и 12 руб. за квадр. сажень, т. е. по 24,000 р. и по 36,000 р. за квадр. десятину. Соотвѣтственно этому поднимется наемная цѣна дачъ и вся стоимость дачной жизни. Мелкіе владѣльцы южнаго берега не въ состояніи будутъ выдержать этого

наплыва чуждой имъ стихіи; они или будутъ задавлены напоромъ капитала, или соблазнятся его предложеніями и мало по малу очистятъ весь южный берегъ для предпріятій одного капитала. Тогда, конечно, исчезнетъ патріархальная прелесть южнобережской жизни, какъ уже она стала исчезать въ Ялтѣ и нѣкоторыхъ другихъ болѣе посѣщаемыхъ мѣстахъ. Безпокойный духъ торговой эксплуатаціи закипитъ среди роскошныхъ теплыхъ долинъ, которыхъ главное очарованіе составляетъ это безмолвіе полудикой пустыни и эта первобытная простота быта. Расчищется лѣсъ, убѣжитъ звѣрь, смолкнетъ журчанье горныхъ ручьевъ, татарина въ его азіатскомъ нарядѣ будутъ показывать только въ циркахъ, вмѣсто буйволовъ и мажаръ будетъ двигаться локомотивъ, вмѣсто глиняныхъ татарскихъ саклей съ хворостяными трубами вездѣ появятся комфортабельные европейскіе домики—пустыня превратится въ городъ, безмолвный лѣсъ—въ шумный базаръ — но... но кто выиграетъ отъ этого, читатель? Станетъ ли отъ этого прелестнѣе прелестный уголокъ Крыма? Станетъ ли тебѣ отраднѣе отъ этого переодѣванья азіатца въ въ нѣмецкое платье?

Южный берегъ—это титаническая теплица. Сплошной каменный хребетъ въ 4000 и 5000 футовъ высоты, верстъ во 100 длины, отгородилъ отъ набѣга полярныхъ вьюгъ и изсушающаго степнаго зноя узкую ленту морскаго берега, который южное море нѣжитъ своимъ влажнымъ и теплымъ дыханьемъ. Въ одномъ мѣстѣ эта лента всего въ нѣсколько сотъ саженъ, въ другомъ цѣлыя версты шириною. То ѣдешь—не видишь на многіе версты никакого выхода съ берега, сквозь эту каменную стѣну; подвинешься дальше—то и дѣло встрѣчаешь влажныя, зеленыя долины, протиснувшіяся черезъ исполинскую ограду, змѣйкою вьющіяся между ея тяжкими твердынями, звѣнящія горными ключами,

открывающія дорогу и на вершину самой стѣны, и за нея, на просторъ степей. Устья этихъ долинъ въ одно и тоже время пьютъ влагу изъ нѣдръ горъ и тепло южнаго солнца, благорастворенное морскою свѣжестью. Оттого то въ нихъ и кишитъ въ чудномъ изобиліи всякая жизнь. Оттого-то между Крымомъ по ту сторону Яйлы и Крымомъ южнаго берега, такая же разница въ климатѣ и растительности, какъ между двумя странами отодвинутыми другъ отъ друга на нѣсколько градусовъ. Хребетъ Яйлы проводитъ эту роковую черту, не мысленно, какъ мы проводимъ на нашихъ картахъ разныя изотермическія и другія линіи, а на самомъ дѣлѣ. Она разграничиваетъ 2 климатическіе пояса такъ наглядно и осязательно, что съ ея вершины вы можете видать и тотъ и другой. На той сторонѣ горъ тополь, грецкій орѣхъ, персикъ, на южномъ берегу кипарисъ, маслина, разныя породы вѣчно-зеленыхъ лавровъ, магноліи и олеандры. Весь пейзажъ не тотъ, даже время года бываетъ не то. Часто когда въ Симферополѣ снѣгъ, въ Ялтѣ цвѣтутъ розы. Въ Симферополѣ топятъ печи и вставляютъ двойныя рамы; Ялта знаетъ одинъ каминъ и не знаетъ двойныхъ оконъ; въ Ялтѣ, въ Алупкѣ окна открываются круглый годъ, круглый годъ можно обходиться безъ мѣху, круглый годъ можно рвать полевые цвѣты и кормить скотъ на пастбищѣ. Южный берегъ, за своею каменною ширмою, не хочетъ ничего знать о томъ, что дѣлается въ необъятной равнинѣ русскаго царства, отъ морозовъ и засухъ котораго ничто не защищаетъ отовсюда открытыя степи и предгорія Крыма. Какъ же не назвать этотъ счастливый уголокъ теплицею нашей отчизны? Это клочекъ Италіи, по странной игрѣ природы, приросшій къ Скифіи, край вѣчной весны во власти снѣжнаго царства.

Неудивительно же, что и попасть въ этотъ рай стоитъ труда. Обрывъ каменной ограды тутъ не допустилъ никакихъ компромиссъ, никакихъ постепенностей. Стѣна кончается, лѣзь съ

нея какъ знаешь, хоть по лѣстницѣ. И дѣйствительно, вовсе не такъ давно на южный берегъ такъ таки и спускались по лѣстницѣ. По какой еще лѣстницѣ! Татары называютъ ее *чертовою лѣстницею*, *Шайтанъ-Мердвенъ*, и нельзя не назвать. Эта чертова лѣстница, которую еще древніе генуэзцы звали Scala (по итальянски лѣстница), теперь чаще называется просто Мердвенъ; впрочемъ уцѣлѣло и итальянское имя ея Скала. Она немного подальше Байдарскихъ воротъ, въ окрестностяхъ деревни Кикинеиза и въ сторонѣ отъ шоссе. Вѣрно еще Лестригонскіе людоѣды Гомера строили ее или ходили по ней. Для жалкихъ размѣровъ нашего человѣческаго племени, она слишкомъ громадна. Она принаровлена къ шагамъ титановъ, она по вкусу и по плечу однимъ Циклопамъ. Гигантскія ступени вырублены почти въ отвѣсной скалѣ. Маленькая крымская лошадь должна ложиться чуть не на брюхо, чтобы растянуть ноги отъ одной ступени до другой. Верхомъ сидѣть уже невозможно, нужно спускаться пѣшкомъ. Ступени обломались, приглодались въ теченіи вѣковъ, какъ зубы древняго старца; кое-гдѣ они уже замѣнены обрубками дерева, всѣченнаго концами въ скалу. Мнѣ многіе разсказывали о томъ времени, когда не было другаго спуска къ южному берегу, со стороны Байдарской долины. Шоссе построено всего только въ 1828 году. На верхъ по Мердвеню многіе взбираются не иначе какъ держась за хвостъ лошади; конечно, крымской лошади, этой лошади—козы, которая одна въ состояніи совершать подвиги подобныхъ подъемовъ, немыслимые ни для какой другой лошади. Пѣвецъ Бахчисарайскаго фонтана совершилъ въ свое время такое трагикомическое странствованіе и разсказалъ о немъ своему другу поэту (Дельвигу) съ тонкимъ Пушкинскимъ юморомъ. Сидѣть во время подъема можетъ не всякій. Безнадежная отвѣсность скалъ вверху и глубина приморской бездны, зіяющая внизу подъ копытами лошади, безпрерывно обрывающимися то съ оглаженной плиты, то съ осыпающагося

камня, смущаетъ даже и твердый духъ. Ежеминутные рѣзкіе повороты лѣстницы, безъ которыхъ подъемъ былъ бы рѣшительно невозможенъ, еще болѣе усиливаютъ страхъ и опасность. Говорятъ, этихъ поворотовъ чуть не полсотни, но, конечно, и въ голову не придетъ сосчитать ихъ. Древность Мердвеня должна быть просто циклопическая; эта лѣстница, безъ сомнѣнья, видѣла всѣ періоды крымской исторіи и пропустила черезъ себя поочереди всѣ народы, обитавшіе когда нибудь на южномъ берегу. О происхожденіи ея не сохранилось даже намека.

Если путешественникъ не обязанъ теперь испытывать на себѣ оригинальнаго ужаса Чертова спуска, то онъ все таки наслаждается оригинальною и нѣсколько ужасною красотою, сбѣгая безъ удержа по прекрасному южно-бережскому шоссе отъ Байдаръ до Кикинеиза. Это самая характерная часть южнаго берега. Только отъ Байдаръ до Кикинеиза горы дѣйствительно придвинуты къ морю и стоятъ стѣна стѣною. Какою стѣною! Иногда не знаешь— стоитъ она или виситъ надъ вами. Вмѣсто кирпичиковъ въ ней обозначились продольными и поперечными трещинами цѣлые четырехъугольные утесы; иногда эти страшные кубики едва держатся на вершинѣ стѣны и нависаютъ прямо надъ дорогою, тѣсно вьющеюся кругомъ ея подножія, съ самымъ зловѣщимъ и угрожающимъ видомъ. Цѣлые часы ѣдете вы подъ ними и не можете оторвать отъ нихъ глаза. Мнѣ случалось послѣ проѣзжать эти мѣста съ спутницею, для наслажденья которой и предпринята была поѣздка. Женскій духъ оказался рѣшительно не въ состояніи выносить этого рокового сосѣдства каменныхъ громадъ. Моя спутница со страхомъ отворачивала свой взглядъ отъ стѣны скалъ, чтобы встрѣтить такую же страшную бездну моря и отъ этой бездны, чтобы встрѣтить опять непроницаемую твердыню скалъ. Я былъ принужденъ торопить ямщика, чтобы онъ

скорѣе избавилъ насъ отъ объятій грозной красоты, оказавшейся слишкомъ мужественной, слишкомъ не по силамъ для впечатлительности, привыкшей наслаждаться однимъ нѣжнымъ и милымъ. Таковы скалы южнаго берега. Онѣ непрерывны и вмѣстѣ разнообразны. На солнцѣ Крыма онѣ переливаютъ разными красками, отъ черной, отъ темно-красной до яркой бѣлизны мѣла. То стоитъ уединенный обрывистый пикъ, недоступный даже козамъ, надежное гнѣздилище орловъ, то сплошная, словно обрѣзанная сверху стѣна, чисто крѣпостная ограда, изъ-за которой титаны могли бы бомбардировать Олимпъ. Въ серединѣ этихъ тяжкихъ толщъ, выдвинутыхъ изъ глубины земли непобѣдимою силою, вы замѣчаете чорныя щели, чорныя трещины. Это червоточина титанической ограды. Это первые намеки на дробленіе, распаденіе. Отъ этихъ жилъ пойдетъ незамѣтное, но неотразимое движенье, и самыя грозныя твердыни потихоньку превратятся въ свое время въ тотъ хаосъ, среди котораго мы теперь пробираемся въ каменный соръ, осыпающій теперь ихъ подножіе и устилающій всѣ скаты къ морю. Эти розовые, зеленые, лиловые, полосатые камушки, то обточенные какъ яйцо, то нѣжные и тонкіе какъ облатки, миріадами которыхъ будто драгоцѣнными игрушками шалитъ морская волна въ минуты прибоя, изъ которыхъ она набираетъ узорную мозаику морскаго дна, — все это тѣ самые пики и стѣны, которые въ настоящую минуту величественно купаютъ въ облакахъ свои вершины. Всѣхъ ихъ изгложетъ Кроносъ — всеядное и ненасытное чудовище, для котораго нѣтъ непригодной пищи, передъ которымъ нѣтъ безсмертія даже для неодушевленной природы; всѣхъ ихъ пожретъ море, въ утробѣ котораго и рожденье и могила сущаго.

Деревья растутъ на утесахъ южнаго берега, какъ вѣники на старой оградѣ, пучками и въ одиночку. Особенно приземистая, угловато искривленная сосна. Куда не залѣзла она, за что не зацѣпилась! Иногда просто будто прилѣплена сбоку. А то, видишь, набьются они въ узкія трещины; сама зажата, какъ въ тиски въ своей каменной темницѣ, такъ высунетъ оттуда кряжистыя вѣтки и тянется ими къ свѣту, будто заключенный страдалецъ своими изсохшими руками. И у всѣхъ макушки къ небу! Желѣзная чудодѣйственная сила загибаетъ ихъ вверхъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ. У иной, смотришь, почва идетъ строгою паралелью къ стволу. Чѣмъ сыты, чѣмъ живы эти деревья—отшельники, какъ роются нѣжныя мочки ихъ корней въ этихъ каменныхъ глыбахъ?—Однако онѣ нетолько живы, эти деревья утесовъ, онѣ несокрушимы. Морскія бури ихъ треплютъ безъ жалости, будто волосы на обнаженной головѣ, а онѣ по прежнему крѣпко держутся за свои камни, по прежнему тянутся верхушками къ небу и свѣту. Видно, и скала можетъ родить, можетъ питать своими жосткими грудями собственное порожденье. Часто считаютъ безплодною душу человѣка, которая виновата только тѣмъ, что умѣетъ производить свой особый специфическій плодъ, а отказывается приносить плоды по заказанному образцу.

Слѣва у васъ скалы, справа южный лѣсъ, заполонившій собою хаосъ обваловъ. Онъ сбѣгаетъ къ морю, по обрывамъ, вмѣстѣ съ этими сѣрыми камнями. Вы его видите въ тени; онъ теперь ярко зеленъ, ярко свѣжъ; ліаны дикаго винограда и пахучаго клематиса убираютъ его фантастическими гирляндами и бесѣдками. Дачи, деревеньки, глубоко внизу, вырѣзаются на фонѣ зелени, сѣрыхъ камней, и синяго моря, игрушки—игрушками. Сначала Форосъ, потомъ поочереди Мухалатка, Мшатка, Мелазъ, всѣ одинаково живописныя, одинаково дикія. Вы и не заподозрите отсюда съ высоты, что въ этой горной дичи ютятся изящныя виллы, обработываются прекрасные, обширные виноградники;

все это, конечно, поселенье сѣдой древности, хотя не о многихъ извѣстно что нибудь вѣрное. Только Форосъ — имя совершенно историческое. На его мѣстѣ была Генуэзская колонія Фори, а прежде того греческое поселенье.

Я наслаждался горами, только до 12-й версты. Тучи, носившія дождь, всю ночь собирались овладѣть небомъ, но до сихъ поръ солнце разгоняло ихъ ползучія полчища. Наконецъ они сдвинулись, сплотились и разразились дождемъ. Это былъ не нашъ русскій дождь, а страшный тропическій ливень, какихъ я никогда не видывалъ. Въ теченіи 2-хъ часовъ, непрерываясь, сплошнымъ полотномъ, съ непостижимой быстротою лились небесныя воды изъ прорвавшихся обложныхъ тучъ. Шоссе уже не было видно. Перекладная неслась по руслу бѣшеной рѣки, стремглавъ катившейся подъ гору. Съ боку, съ горъ и утесовъ прыгали, разбиваясь, кружась и пѣнясь, обдавая лошадей своими брызгами и подмывая имъ ноги, дикіе горные потоки; они такъ ревѣли и сверкали, перебѣгая дорогу и низвергаясь въ лѣсныя пропасти, чтобы дорваться до моря, глухо шумѣвшаго глубоко внизу, что ихъ можно было принять за злыхъ духовъ горной пустыни, поднявшихъ неистовую пляску. Молнія не вспыхивала, а разливалась почти непрекращаясь, широкимъ ослѣпительнымъ заревомъ. Вѣтеръ гналъ дождь и градъ, прямо въ лицо, на встрѣчу мнѣ и лошадямъ и они сѣкли насъ, какъ заряды дроби; градъ засыпалъ въ перекладной всѣ вещи сплошною бѣлою скатертью. Бурка, зонтикъ — обратились въ ничто. Привычныя татарскія лошади, не боящіяся ничего, останавливались съ смущеньемъ и дрожью; видно, и у нихъ кружилась голова отъ этихъ несущихся во всѣ стороны водъ, отъ шума и вихря, наполнявшаго воздухъ. Ямщикъ, нѣсколько разъ бросалъ вожжи и прятался отъ ударовъ града подъ навѣсъ скалъ. Но надобно было наконецъ погнать и

ямщика, и лошадей. Мы неслись подъ гору съ тою же безумною удалью, съ какою неслись подъ нами, впереди насъ и сзади насъ, горныя воды. Не знаю, отчего мы не опрокинулись 10 разъ. Мы вомчались во дворъ Кикинеизской станціи вскачъ, словно по пятамъ преслѣдуемые врагомъ. Станція плавала среди пруда. Пройти и подъѣхать было нельзя. Съ большими затрудненіями, черезъ телѣги и дрова, провели меня заднимъ дворомъ въ кухню, и то въ водѣ выше щиколки. На мнѣ не было сухой нитки. Къ моему великому благополучію и радости, я засталъ смотрителя станціи за утреннимъ самоваромъ, въ кругу опрятной и благочинной семьи. Горячій чай съ деревенскими сливками и возможность сбросить съ себя насквозь промокшіе доспѣхи — чего другаго могъ еще пожелать послѣ этой крымской души, самый избалованный счастливецъ?

Отъ Кикинеиза до Алупки таже дичь, тотъ же хаосъ; видъ скалъ дѣлается менѣе поразительнымъ, зато пэйзажъ морскаго ската здѣсь разнообразнѣе и прекраснѣе. Вы проѣзжаете дальше отъ горъ, но ближе къ паркамъ и дачамъ. Это мѣсто усѣяно развалинами древностей; многочисленные мысы и бухты призывали поселенцевъ; бухты обращались въ уютныя пристани, на неприступныхъ скалахъ, выступающихъ въ море, воздвигались укрѣпленья. Такія укрѣпленія оберегали доступы на южный берегъ не съ одного моря, а и черезъ горные проходы, отъ набѣговъ горныхъ жителей или степныхъ кочевниковъ. Развалины крѣпостей видны на мысѣ Кикинеизѣ, на Лименской скалѣ, на скалахъ около *„Стараго прохода“* черезъ Яйлу, *Эски-Богазе;* какъ разъ противъ Кикинеиза.

Такою красотою и такимъ удобствомъ нельзя было не воспользоваться въ тѣ времена, когда человѣкъ еще свободно могъ выбирать себѣ уголъ на земномъ шарѣ. Множество одичавшихъ

плодовыхъ деревьевъ, несродныхъ Крыму масличинъ, грецкихъ орѣховъ, смоковницъ и одичавшаго винограда, говоритъ о древней цивилизаціи этого края. Конечно, слѣдовъ древности былобы здѣсь еще болѣе, еслибы Яйла постояннымъ разрушеніемъ своихъ береговыхъ скалъ не погребала садовъ и жилищъ человѣка подъ своими обвалами. Особенно мѣстность отъ Байдаръ до Симеиза поражаетъ хаостическимъ безпорядкомъ. Тутъ утесы и камни насыпаны не только до моря, но и въ самое море. Живописная Лимена вся обсыпана этими осколками Яйлы. Верхніе пласты известняка иногда сильно наклоненные къ морю, нерѣдко лежатъ въ кряжѣ Яйлы на слоѣ рыхлаго глинистаго конгломерата. Когда горныя воды подмоютъ въ теченіи лѣтъ эту зыбкую опору, тяжелый известковый пластъ ползетъ внизъ къ морю по своей покатости, коробится и разламывается въ куски. Татары разсказываютъ, что въ старину не одна деревня въ окрестностяхъ Байдара и Кикинеиза спалзывала въ пропасть. А о провалѣ деревни Кучукъ-Кай (у Кикинеиза) со всѣми ея дворами и мечетями, остался даже историческій документъ въ донесеніи князя Таврическаго Императрицѣ Екатеринѣ.

За древнею пристанью Лимены, за ея дикими скалистыми мысами, вы проѣзжаете какъ разъ надъ Симеизомъ и видите, какъ на ладони обширныя палаты владѣльца, (г. Мальцова), его парки и веселыя дачки.

Но и послѣ такихъ подготовокъ, въѣздъ въ Алупку является чѣмъ-то особеннымъ, непохожимъ ни на что другое на южномъ берегу, ни по ту, ни по эту сторону. Алупка—это Святая святыхъ южнаго берега, это самое сердце его. Вся прелесть его красоты, вся его дикая поразительность, вся нѣга его воздуха, роскошь красокъ и формъ, какъ въ фокусѣ сосредоточена въ Алупкѣ. Кто знаетъ Алупку—тотъ знаетъ южный бе-

регъ Крыма въ его самыхъ типическихъ и самыхъ драгоцѣнныхъ чертахъ.—За Алупкой дачи и парки дѣлаются просто сплошными. Сначала произвольный Мисхоръ съ своими знаменитыми старыми рощами лавровъ и масличинъ, единственными въ Крыму, съ множествомъ прекрасныхъ домиковъ, потонувшихъ въ паркѣ, одно изъ любимѣйшихъ и удобнѣйшихъ мѣстъ для жизни туристовъ. За Мисхоромъ, Куреизъ, Гаспра, тѣсно населенныя, тѣсно застроенныя, перемѣшавшія свои каменные замки, свои изящныя, залитыя цвѣтами виллы, съ глиняными татарскими саклями. Здѣсь вы проѣзжаете то по грязной вьющейся улицѣ татарской деревни, среди плоскихъ крышъ, грязныхъ лавчонокъ, подъ далеко вытянутыми сучьями гигантскихъ орѣховыхъ деревьевъ, то мимо затѣйливо изукрашенныхъ рѣшотокъ, воротъ бесѣдокъ аристократическихъ садовъ.

Въ тридцатыхъ годахъ, здѣсь были живы довольно замѣчательныя личности, игравшія серьозную роль въ общественной жизни Россіи, вожди той мистической партіи, которая такъ сильно и такъ вредно вліяла на волю Императора Александра Благословеннаго, въ послѣднюю половину его царствованія: князь Голицинъ, извѣстный министръ народнаго просвѣщенья и духовныхъ дѣлъ, насадитель библейскихъ обществъ, преслѣдователь свободной науки, княгиня Анна Сергѣевна Голицина, баронеса Крюднеръ. Около Голициной здѣсь составился цѣлый кружокъ мистиковъ, также какъ и прежде, въ придворную петербургскую эпоху ея жизни.

Мысъ Айтодоръ дѣлаетъ рѣшительный переломъ въ южномъ берегѣ; отъ него берегъ поворачиваетъ уже къ С. В. цѣлымъ рядомъ дугообразныхъ заливовъ. Оттого вы ясно видите Айтодоръ и изъ за Алупки и изъ-за Ялты. Оттого на Айтодорѣ одинъ изъ главныхъ Маяковъ Крымскаго побережья; оттого же

Айтодоръ игралъ роль въ мореплаваньи и географіи не только Генуэзцевъ, но и древнихъ Грековъ. Рѣдко гдѣ найдется столько развалинъ самаго разнообразнаго характера, какъ на этомъ плоскомъ и высокомъ мысѣ, далеко выдающимся въ море. Тутъ и кладбище и развалины храма, и циклопическіе памятники; тутъ были находимы колонны, водопроводы, статуи монеты. Несомнѣнно, что здѣсь былъ когда нибудь христіанскій монастырь во имя св. Ѳеодора; также несомнѣнно, что здѣсь было въ древности постоянное и значительное поселенье, и, конечно, крѣпость.— Отъ Айтодора до Ялты берегъ можно назвать царскимъ. Это область царскихъ дачъ. Сначала дикая, запустѣвшая Верхняя Оріанда Великой княгини Елены Павловны, потомъ Нижняя Оріанда Великаго Князя Константина Николаевича и наконецъ Ливадія, принадлежащая царствующей Императрицѣ. Всѣ эти имѣнья чрезвычайно обширны, по масштабу южнобережскихъ владѣній.

Самое замѣчательное изъ нихъ Оріанда Великаго Князя. На южномъ берегу нѣтъ мѣстности красивѣе и оригинальнѣе Оріанды. Природная красота ея даже выше Алупки. Хотя главный хребетъ Яйлы здѣсь уже отходитъ отъ моря далѣе, чѣмъ въ Байдарахъ и Алупкѣ, однако очень высокія отвѣсныя скалы надвигаются на самую дорогу и напоминаютъ собою Байдарскую тѣснину. Лѣсъ гуще, чѣмъ гдѣ нибудь. Но главная красота не въ дорогѣ, а вправо и внизъ отъ нея. Огромныя отдѣльныя скалы разнообразной формы стоятъ надъ самымъ моремъ, ничѣмъ не маскируя своихъ недоступныхъ ликовъ. Однѣ голыя, другія въ лѣсахъ, какъ въ волосахъ. На самой высокой водруженъ крестъ, царящій надъ окрестностью. Если взобраться къ этому кресту, окинешь однимъ взоромъ лучшіе уголки южнаго берега. На другой скалѣ, полѣвѣе, пониже, но тоже необыкновенно живописной, стоитъ бѣлая колонада въ Аѳинскомъ античномъ стилѣ. Вырѣзаясь то на зелени, то на синемъ морѣ, она переноситъ

Ваше воображеніе на счастливые берега Аттики, въ Акрополь, полный бѣлыхъ статуй и бѣлыхъ колоннъ. Стоя подъ этой колонадой, взгляните внизъ, въ пропасть, раскрытую у ногъ вашихъ. Вся эта пропасть налита лѣсами и парками, лѣсами такими же роскошными, какъ парки, парками такими же старыми и тѣнистыми, какъ лѣса. Вонъ подъ сѣдыми плакучими ивами, обнимающими землю, тихій темный прудъ съ бѣлыми лебедями. Вонъ цѣлая длинная аллея, сплошь затканная виноградными гроздами сверху и съ обѣихъ сторонъ; по этой аллеѣ, могутъ ѣздить коляски. Цвѣтники вокругъ дворца какъ яркіе коврики. Самъ дворецъ строгаго стиля, огромный, правильный квадратъ, яркобѣлѣющій среди своихъ парковъ. Въ немъ особенно хороши внутренній дворикъ и террасы, обращенныя въ воздушные сады. Трельяжи, цвѣтники, фонтаны, ползучія сѣти розъ и другихъ растеній окружаютъ его роскошнымъ образомъ. Широкій балконъ на мраморныхъ каріатидахъ глядитъ прямо на море. Но при всей красотѣ и правильности, стиль дворца я нахожу слишкомъ европейскимъ и слишкомъ равниннымъ для такого горнаго мусульманскаго уголка. Самая дальняя скала шагнула уже въ море. Она дополняетъ перспективу дикаго величія. На вершинѣ ея высокая мачта, укрѣпленная канатами, будто на кораблѣ. Во время пребыванья князя, на этой мачтѣ развѣвается его флагъ. Эти кресты, мачты, колонады, вѣнчающія скалы, много содѣйствуютъ живописности живописнѣйшаго уголка Крыма. Прогулка по лѣсамъ и паркамъ Оріанды даетъ вамъ много наслажденія, особенно если вы увидите Оріандскій водопадъ съ висячимъ мостикомъ въ весеннее время, когда онъ наполняетъ свое темное, почти черное ущелье гуломъ и брызгами своихъ стремительныхъ водъ.

Ливадія имѣетъ совершенно не тотъ характеръ, какъ Алупка, Оріанда и другія знаменитыя мѣста южнаго берега. Мѣстность

Ливадіи нельзя назвать ни красивою, ни оригинальною, (конечно, для южнаго берега). По довольно покатому склону стелятся внизъ отъ дороги, лѣса, сады и луга царской дачи. Ливадія и значитъ по гречески лугъ, пастбище, тоже, что по малороссійски Левада.

Богатство Ливадіи не въ скалахъ и пропастяхъ, а въ сочной зелени травъ и деревьевъ, въ широкомъ просторѣ виноградниковъ. Если бы, при въѣздѣ на великолѣпное шоссе Ливадіи, вы не замѣтили изящныхъ столбовъ съ золотыми императорскими орлами и гербами, вамъ бы не пришло на умъ, что передъ вами царственные дворцы. Безчисленное множество небольшихъ деревянныхъ домиковъ Ливадіи самой прелестной сельской архитектуры, не то швейцарской, не то итальянской, веселой тѣлесной краски съ веселой росписью, всѣ обвитыя ползучею зеленью, виноградомъ, глициніею, — разсѣяны среди свѣже-вспаханныхъ грядъ огородовъ, среди парниковъ, оранжерей, виноградниковъ, фермерскихъ двориковъ. Вездѣ видите работу и работниковъ, хозяйственный скотъ, хозяйственныя орудія, хозяйственный шумъ и движенье. Два дворца Ливадіи—одинъ Императрицы, другой Наслѣдника—тоже какой то воздушной, чисто южной и чисто сельской архитектуры, но уже не швейцарской, а скорѣе мавританской, напоминающей легкія формы виллъ, украшающихъ берега Босфора и Золотаго Рога. Наружныя лѣсенки дворцовъ и притворы ихъ въ восточномъ стилѣ необыкновенно граціозны. Я бы всякому совѣтовалъ посѣтить дворецъ Императрицы и полюбоваться на убранство его, полное вкуса и изящества, хотя и не особенно богатое. Въ спальнѣ Императрицы милыя узорныя медальоны съ Крымскими видами работы Айвазовскаго; есть и другія хорошія картины, особенно прекрасныя большія акварели изъ Кавказской жизни, не помню какого художника. Церковь при дворцѣ — крошечная, но изящная, какъ игрушечка. Это образецъ византійско-русскаго стиля; иконы писаны извѣстными художниками, почти всѣ по золотому фону, на старинный манеръ, со всею сухостью формъ и наив-

ностью выраженья старыхъ византійцевъ и нашихъ староверовъ; такъ уютно и такъ пристойно въ этомъ совершенно русскомъ храмикѣ, обильномъ деревянною рѣзьбою, цвѣтными стеклами и гранеными лампадками.

Кто будетъ въ Ливадіи, тотъ, конечно, самъ до сыта набродится по ея паркамъ, увидитъ богатство ея тропическихъ растеній, фонтановъ, статуй, цвѣтниковъ; но, можетъ быть, не всякій узнаетъ и не всякій соберется посѣтить ту часть Ливадіи, которая, по моему, интереснѣе всѣхъ другихъ. Вправо отъ почтовой дороги, вверхъ къ Яйлѣ, поднимаются зеленыя лѣсныя крутизны, принадлежащія также Ливадіи и переходящія постепенно въ густой сосновый боръ, покрывающій Яйлу. На этихъ альпійскихъ высотахъ устроена ферма Императрицы, и воспитывается стадо дорогихъ швейцарскихъ коровъ. Чтобы царственному семейству можно было иногда посѣщать эту горную ферму, славящуюся своимъ превосходнымъ молокомъ и масломъ, по скатамъ Яйлы, въ густотѣ бора, проведено прекрасное шоссе. Проведено оно съ замѣчательнымъ мастерствомъ. Ѣдешь—неслышешь, словно не на гору, а по гладкой равнинѣ. За то же и дѣлаетъ оно повороты! Каждый поворотъ — поразительная картина. Гдѣ нужно, сняты деревья, заслонившія видъ; гдѣ можно, дорога завертываетъ въ такой уголъ, откуда всего лучше открывается перспектива моря и Ялтинской долины. На первомъ планѣ гигантскіе стволы сосенъ самой разнообразной формы, самыхъ разнообразныхъ положеній; они охватываютъ васъ настоящимъ дѣвственнымъ лѣсомъ, потому что до проведенья шоссе сюда почти нельзя было забираться дровосѣкамъ. На всякомъ шагу обрывы, утесы, широкія пропасти глубоко внизу, лѣса прямо надъ головою, лѣса подъ ногами. То одна безпредѣльная синева моря въ рамѣ лѣсной просѣки, то вдругъ засмѣется всѣми красками пестрая веселая Ялта, при-

легшая къ своему голубому заливу, а то ѣдешь земными горными лугами, ровными и мягкими, покрытыми фіалкою и первоцвѣтомъ, и совсѣмъ забываешь, что тутъ вблизи море, утесы, города и дворцы. Ѣдешь, ѣдешь — коляска повернула — стой!—Какъ въ волшебномъ представленіи исчезли сельскія пастбища, и ты ужъ висишь надъ обрывомъ, а на днѣ обрыва вся Оріанда! Словомъ, прогулка на ферму Императрицы отъ Яйлы черезъ Оріанду—въ открытой коляскѣ или верхомъ—это перелистыванье живаго альбома съ самыми разнообразными и эффектными пэйзажами южнаго берега.

Издали—Ялта—крошечный Неаполь. Столько же моря, солнца, красокъ и жизни. Хорошенькіе домики Ялты, всѣ на перечетъ, обложили кругомъ низенькій берегъ полукруглаго залива. Яйла, до сихъ поръ заслоняемая ближними горами, отодвигается кругомъ Ялты на порядочное разстояніе и охватываетъ ея полукруглую долину гигантскимъ амфитеатромъ. Въ этихъ каменныхъ объятіяхъ Ялтѣ тепло какъ въ теплицѣ; она открыта только югу, морю и солнцу. Облака почти постоянно сидятъ на гребнѣ амфитеатра, но въ Ялтѣ почти всегда ясно и пріютно. Церковь на холмѣ, среди рощи кипарисовъ, вѣнчаетъ Ялту. За Ялтой, къ Яйлѣ, разсыпаны дачи и виноградники. Это главный центръ туристовъ, прибывающихъ въ Крымъ нестолько для купанья, сколько для наслажденья воздухомъ и природой Крыма. Купанье въ Ялтѣ неудобное, каменистое и бурное. Купаться нужно въ прозаической Евпаторіи или въ Ѳеодосіи. Въ Ялтѣ можно лечиться виноградомъ, какого нигдѣ не найдешь, видомъ моря и горъ, солнцемъ южнаго берега, поѣздками въ горы и по береговымъ дачамъ. Ялта единственный городъ на южномъ берегу, поэтому онъ и обсыпанъ дачами, поэтому въ немъ и гнѣздится пріѣзжій народъ. Здѣсь магазины, базары, пароходы въ Одессу

и Кавказъ, почта и телеграфъ, клубъ и библіотека, гостинница и трактиры. Ничего подобнаго не сыщете въ другихъ мѣстахъ южнаго берега. Ялта живетъ и цвѣтетъ на счетъ путешественниковъ. Но путешественники же и погубили Ялту. Въ лѣтній сезонъ Ялта набита биткомъ; дороговизна большая, удобствъ мало; музыка, бульваръ, танцовальные вечера обращаютъ ее въ своего рода модныя „воды", гдѣ не отыщите настоящей деревенской жизни, приносящей здоровье и покой. На улицѣ пыль, во дворахъ вонь, въ домахъ сырость и грязь. Простодушный татаринъ—въ Ялтѣ уже цивилизованный эксплуататоръ и плутъ. Всюду строютъ, всюду копаютъ, за все дерутъ. Кто ищетъ жизни въ природѣ, кто хочетъ узнать южный татарскій Крымъ, тотъ долженъ бѣжать изъ Ялты въ какую нибудь деревню южнаго берега, хотя онъ тамъ и не найдетъ многихъ удобствъ города. Аутка, деревенька за Ялтою, у ногъ Яйлы, уже гораздо лучше въ этомъ отношеніи, хотя тоже успѣла заразиться болѣзнію модныхъ водъ и иногда бываетъ также густо заселена туристами, какъ и сама Ялта.

Нѣкоторые туристы изъ любителей природы посѣщаютъ такъ называемый Ауткинскій водопадъ—„*Учанъ-су, летучая вода*" по живописному выраженью татарина; крымскіе греки называютъ его „*висячая вода*". Однако рѣдкій туристъ знаетъ истинные размѣры и истинную красоту Учанъ-су. Учанъ-су нужно любоваться въ апрѣлѣ во время горнаго половодія, а туристы начинаютъ собираться въ Крымъ только къ іюню. Оттого, можетъ быть, и писатели-туристы такъ разнорѣчатъ въ своихъ отзывахъ объ Ауткинскомъ водопадѣ. Большинство думаетъ, что онъ падаетъ съ высоты 40, 45 саженъ, между тѣмъ какъ его паденье по меньшей мѣрѣ втрое или вчетверо больше этой цыфры. Я очень помню паденіе знаменитаго Штаубаха въ Лаутербруненской

долинѣ швейцарскаго Оберланда: апрѣльское паденье Учанъ-су значительно выше его; а между тѣмъ Штаубахъ обрывается со скалы въ 900 футовъ вышины. Кто судилъ Учанъ-су по его лѣтнему виду, тотъ видѣлъ только одну пяту его паденья. Въ первое время нашего завладѣнья Крымомъ, когда лѣса на Яйлѣ были гуще и сплошнѣе, вода въ Учанъ-су была, безъ сомнѣнія, постоянно сильная; оттого-то вѣроятно въ описаніи Крымскаго путешествія Екатерины II-й высота Учанъ-су показана болѣе 150 сажень, т. е. болѣе 1000 футовъ. Къ Учанъ-су ѣдутъ сначала черезъ Аутку, потомъ лѣсомъ, покрывающимъ подножіе Яйлы. Въ серединѣ лѣса, на совершенно отдѣльномъ утесѣ, словно на огромномъ валунѣ, стоятъ развалины древняго укрѣпленья. Вы натыкаетесь на эти романическія развалины неожиданно, будто въ сказкѣ. Рѣдкое укрѣпленье на южномъ берегу уцѣлѣло такъ хорошо. Вы видите сводъ высокихъ воротъ, узкіе бойницы, кое-гдѣ толстыя стѣны, стоящія надъ отвѣснымъ обрывомъ. Можно съ нѣкоторымъ трудомъ влѣзть на гребень развалинъ и помечтать надъ ихъ таинственной судьбой. Безъ сомнѣнья, эта крѣпостца была въ старое время, при грекахъ и генуэзцахъ, ключемъ всей плодородной и населенной долины, на берегу которой стояла древняя Ялита; а въ тоже время она могла оберегать перевалъ черезъ Яйлу, поднимающійся съ берега черезъ Дерекой и Ай-Василь; слѣды такихъ старинныхъ укрѣпленій, какъ я уже говорилъ не разъ, видны при всякомъ горномъ проходѣ, у каждой значительной долины. Теперь татары величаютъ эти развалины *„Крѣпостью водопада“* — *Учанъ-су-Исаръ*. За Исаромъ лѣсъ дѣлается необыкновенно живописенъ и тропа сильно забираетъ въ гору. Сосны гигантскаго роста, прямыя какъ мачты, обступаютъ васъ своими полчищами, и ни въ одну стороны не видно исхода; въ иныхъ мѣстахъ они сходятъ къ вамъ, уходятъ отъ васъ по страшнымъ крутизнамъ, но на этихъ крутизнахъ они стоятъ въ той-же ненарушимой прямотѣ, стройности и величіи;

небо уже вамъ почти невидать; глянете вверхъ, — все скаты горъ, все сосны по скатамъ; вы на днѣ лѣснаго моря; надъ вашею головою десятками ярусовъ лѣсъ.... Глянете внизъ — тамъ новые ярусы лѣсовъ, новыя полчища этихъ сосенъ — титановъ; тишь страшная и какая-то сырая синеватая тѣнь. Крымскій первоцвѣтникъ всѣхъ красокъ, яркими коврами заполоняетъ тучную почву. Нигдѣ не найдете его въ такой обильной роскоши. Когда вы приблизитесь къ самой стѣнѣ Яйлы, очарованье лѣсной пустыни достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Красные стволы сосенъ дѣлаются все громаднѣе, все могучѣе. Сквозь ярко очерченныя колонады ихъ густымъ синимъ фономъ глядитъ на васъ, обросшая лѣсами стѣна Яйлы, загородившая теперь все небо, весь горизонтъ. Въ глухой тишинѣ почти дѣвственнаго бора вы слышите только угрожающее рокотанье водопада. Чудится, будто вы близитесь къ какому-то страшному и могучему звѣрю, таинственному властителю лѣсной пустыни. Еще издалека гулъ падающихъ водъ наполняетъ вамъ слухъ и приковываетъ все вниманье ваше; вблизи этотъ гулъ превращается въ немолчный ревъ. Дрожь стоитъ въ лѣсу, въ воздухѣ. Наконецъ послѣдніе ряды сосенъ расступились... вы очутились надъ обрывомъ. Съ недосягаемой высоты, изъ поднебесья, загороженнаго каменною стѣною скалъ, съ неистовымъ напоромъ несутся надъ самою головою вашею, массы водъ, темнобурыя, вспѣненныя, только что вытопленныя солнцемъ изъ альпійскихъ снѣговъ Яйлы; всею тяжкою грудью своей они рухаютъ съ обрыва гигантской стѣны, на одинъ уступъ, потомъ на другой и низвергаются наконецъ сплошнымъ полотномъ въ пропасть, надъ которою вы теперь стоите. Вы видите, съ какою бѣшеною злостью они клокочутъ и пляшутъ тамъ, зажатыя камнями, ими же оторванными, грызутъ и трепятъ ихъ, и, вырвавшись, летятъ другъ черезъ друга, съ воемъ, съ плескомъ, внизъ къ морю, черезъ лѣсныя пропасти. Я видѣлъ извѣстные водопады Швей-

царіи. Всѣ они уже давно цивилизованные водопады. Ко всѣмъ есть дорожки, у всѣхъ скамеечка, бесѣдки, мостики, приспособленныя points de vue; около всѣхъ напьетесь лимонаду, купите фотографію, деревянную бездѣлушку съ именемъ водопада. Учанъ-су-водо-падъ дикарь, водопадъ—пустынникъ; оттого онъ гораздо интереснѣе и оригинальнѣе швейцарскихъ. Къ нему едва подъѣдешь верхомъ и надъ нимъ пройдешь не такъ легко, какъ по мостикамъ Гисбаха или Рейхенбаха. Мнѣ невольно припоминается навсегда мнѣ памятная сцена. Я былъ разъ проводникомъ къ Учанъ-су одной моей пріятельницы. Мы выѣхали изъ Ялты довольно поздно и гнали лошадей, чтобы не захватить темноты въ лѣсу. Когда мы проѣхали Исаръ, какой-то бѣсъ надоумилъ меня повести свою амазонку не тропою, дѣлающею множество изворотовъ, а, какъ говорятъ, хохлы, „на простець“, т. е. цѣликомъ по лѣсу. Разумѣется, мы залѣзли сейчасъ же въ такія трущобы, изъ которыхъ еле выкарапкались; догреблись до водопада, измучивъ себя и коней и, конечно, сильно припоздали. Нѣсколько минутъ мы сидѣли молча надъ обрывомъ, пораженные зрѣлищемъ водопада. Я разсказалъ своей спутницѣ, какъ трудно взобраться къ тому уступу скалы, съ котораго воды падаютъ въ пропасть; мнѣ дѣйствительно пришлось очень жутко, когда я въ первый разъ испробовалъ эту эскаладу. На бѣду мою, моей спутницѣ показалось, что съ лѣвой стороны влѣзть гораздо легче, чѣмъ съ правой. Не успѣла она кончить своихъ словъ, какъ уже я карабкался на верхъ. Это случилось какъ-то само собою, машинально, голова просто не думала о томъ, что дѣлали руки и ноги. Лѣзу, лѣзу, скатъ дѣлается все круче, все невозможнѣе. Земля, послѣ дождя, ползетъ со скалистаго откоса, и подъ руками, подъ ногами, нѣтъ опоры. А кусты, деревья разбросаны рѣдко; доползти отъ одного до другаго стоитъ страшныхъ усилій. Безумный приступъ оказывается невозможнымъ уже слишкомъ поздно. Силы, потраченныя сгоряча,

упали; бодрость нераздумья разсѣялась какъ дымъ, и сердце вдругъ облилось холодомъ ужаса, когда я созналъ всю безъисходность своего положенья. Я висѣлъ надъ бездною, вцѣпившись усталыми пальцами въ ползучую почву почти отвѣснаго ската, и былъ не въ силахъ двинуться. Прямо подо мною ревѣлъ водопадъ; скалы дрожали отъ его рева и пляски. Голова неудержимо кружилась. Какая-то непобѣдимая сила тянула въ бездну, въ пасть этого клокочущаго чудовища. Не знаю, чтобы я далъ, чтобы спастись отъ этого оглушавшаго и одурявшаго меня водоворота. Онъ словно ждалъ меня внизу, рычалъ и прыгалъ мнѣ на встрѣчу. Безнадежными, смущенными глазами оглядывалъ я утесы, стоявшіе кругомъ, вровень со мною. Упасть неизбѣжно придется, упасть, т. е. пропасть въ пучинѣ. Вопросъ въ томъ, скоро-ли? Долго-ли еще будутъ выдерживать мои судорожно вонзившіеся пальцы тяжесть тѣла? Близость несомнѣнной гибели наконецъ окрыляетъ мои нервы. Съ неестественными усиліями пропалзываю я по крутизнѣ до перваго дерева; земля ползетъ, руки скользятъ, колѣна оступаются. Но погибать нехочется. Наполняясь какимъ-то гнѣвомъ отчаянья; какимъ-то бѣшенствомъ самозащиты карабкаюсь я, отъ одного дерева къ другому, все выше и выше, лѣвѣе и лѣвѣе, инстинктивно стремясь спрятаться отъ ревущаго внизу чудовища. Это уже не моя сила, тянетъ меня вверхъ, это сила истерическая, которая обращаетъ въ Самсона пятнадцати-лѣтнюю дѣвочку. Я заползъ Богъ знаетъ на какую высь, въ чащу лѣса. Оттуда уже не было видно водопада, только слышенъ отдаленный гулъ его. Скатъ, болѣе пологій, менѣе скалистый, открылся въ сторонѣ. Я бросился по немъ внизъ едва успѣвая задерживаться руками за частыя молодыя сосны. Я просто скатывался, а не бѣжалъ. Сердце билось радостнымъ трепетомъ спасенья, воскресенья изъ мертвыхъ. Ноги, руки дрожали какъ въ сильной лихорадкѣ; все на мнѣ было изорвано, исцарапано, измазано. Скатившись внизъ, я не безъ труда,

только по шуму водъ, могъ добраться до водопада. Меня мучила мысль, въ какомъ страхѣ и неизвѣстности я оставилъ свою спутницу. Прибѣгаю на край стремнины—никого? Красный клѣтчатый плэдъ лежитъ покинутый на скалѣ, точь въ точь какъ въ послѣдней главѣ сантиментальнаго романа, гдѣ дѣвушки топятся съ отчаянья въ волнахъ пучины. Кричу, зову — никто не откликается; сбѣгаю внизъ, на камни водопада, осмотрѣть—нѣтъ-ли какихъ слѣдовъ, не подшутила-ли надо мною моя амазонка, спрятавшись подъ скалою—ничего не нахожу... Наконецъ, когда я остановился совсѣмъ растерянный, силясь отгадать что нибудь въ этой странной загадкѣ, до меня вдругъ долетѣлъ слабый, дрожащій звукъ женскаго голоса. Я взглянулъ вверхъ—и обмеръ отъ ужаса. На той самой скалѣ, съ которой я едва успѣлъ спастись, висѣла, вцѣпившись въ одинокій кустикъ, моя спутница. Лицо ея было бѣло и мертвенно, какъ мѣлъ. Она что-то говорила мнѣ, но губы ея едва разжимались. Она полѣзла на скалу слѣдомъ за мною, незамѣченная мною. Силы покинули ее при началѣ пути, и она висѣла надъ пропастью все время, пока я карабкался вверхъ и сбѣгалъ сверху. Она мнѣ кричала, я не слыхалъ ея голоса за шумомъ водопада. Когда я исчезъ въ вышинѣ, она осталась одна, прилѣпленная къ утесу, безъ малѣйшей надежды на спасенье. Солнце садилось, лѣсъ темнѣлъ, водопадъ клокоталъ подъ ея ногами, а меня нигдѣ не было видно. Болѣе часу провела она въ этомъ непрерывномъ ожиданіи смерти. Это была очень гордая и очень мужественная дѣвушка, никогда не обращавшаяся за помощью къ мущинѣ. Теперь она звала меня на помощь и мучилась, что нуждалась въ этой помощи. Сердце у меня оборвалось. Я одинъ, еще свѣжій, едва могъ одолѣть эту скалу. Чѣмъ я помогу ей? Развѣ тѣмъ только, что полетимъ въ бездну вдвоемъ, а не порознь? Однако раздумывать было слишкомъ не во время. Опасность, грозящая женщинѣ, наполняетъ грудь мужчины приливомъ беззавѣтно-смѣлаго

чувства. Я схватилъ валявшійся на землѣ большой сосновый сукъ и прямо полѣзъ на скалу. Какимъ образомъ мы очутились внизу хорошо и непомню; голова моя была въ какомъ то чаду; но прежняго страху уже не было и слѣда. Хватились за лошадей, моей лошади нѣтъ. Опять неудача. Нужно идти пѣшкомъ болѣе 8 верстъ. А въ лѣсу уже темно, уже апрѣльская сырость стала пронизывать насъ. Къ счастью, лошадь отыскалась въ лѣсу черезъ $^1/_4$ версты. Мы обмыли въ ручьѣ исцарапанныя руки, освѣжили ледяною водою взволнованныя свои головы и погнали коней. Весело было нестись, вырвавшись изъ лѣса, по каменистой дорогѣ, при холодномъ свѣтѣ мѣсяца, сознавая, что нѣтъ больше опасности, что насъ ждетъ впереди не клокочущая пучина, а теплая бесѣда въ теплой и свѣтлой комнатѣ...

Я уже говорилъ, что мысъ Айтодоръ раздѣляетъ полосу южнаго берега на 2 половины; одна отъ Фороса до Айтодора чисто южная, другая отъ Айтодора до Алушты юговосточная. Юговосточная полоса, въ свою очередь разбивается скалистыми мысами на отдѣльныя мѣстности; это рядъ характерныхъ полукруглыхъ заливовъ, весьма не глубоко врѣзающихся въ материкъ. Ялтинскій заливъ за мысомъ св. Іоанна переходитъ въ заливчикъ Массандры, потомъ въ такой же маленькій заливъ Магарача, и наконецъ оканчивается мысомъ Никиты, за которымъ начинается новая чреда заливчиковъ, образующихъ вмѣстѣ Гурзуфскій заливъ; „Медвѣдь-гора“, Аю-Дагъ, ограничивающій Гурзуфскій заливъ съ другой стороны, выдается въ море дальше всѣхъ мысовъ южнаго берега. За нимъ линія берега рѣзко поворачиваетъ къ сѣверу и поэтому, до самой Алушты, берегъ глядитъ прямо на востокъ. Оттого-то Аю-Дагъ съ той и съ другой стороны служитъ предѣломъ горизонта. Оттого же и мѣстность отъ Аю-Дага до Алушты дѣлается уже менѣе роскошною,

и не такъ тѣсно населенною сравнительно съ окрестностями Ялты. Но со всѣмъ тѣмъ все пространство это носитъ на себѣ слѣды очень древней, очень дѣятельной жизни; безчисленное множество знаменательныхъ названій, уцѣлѣвшихъ отъ старины даже въ татарскомъ искаженіи, множество памятниковъ разнаго рода и даже положительныя свидѣтельства исторіи убѣждаютъ несомнѣнно, что южный берегъ принадлежалъ къ числу тѣхъ счастливыхъ уголковъ, которые еще на зарѣ исторіи уже приманили къ себѣ человѣка.

Путешественнику, даже и послѣ посѣщенія главнѣйшихъ знаменитостей южнаго берега, доставитъ большое наслажденье поскитаться верхомъ по всѣмъ закоулкамъ за-Ялтинскаго берега. Тутъ сторона лучшихъ Крымскихъ винъ. Тутъ обширные Воронцовскіе виноградники Массандры и Ай-Даниля, тутъ образцовое винодѣліе Магарача, въ которомъ устроено казенное училище винодѣлья, тутъ извѣстныя испанскія вина Гурзуфа и много другихъ, очень замѣчательныхъ плантацій. Нижняя Массандра, ближайшая сосѣдка Ялты, хороша своимъ роскошнымъ хозяйственнымъ устройствомъ, садами, рощами, погребами, фермами, но для наслажденья природою вы отправьтесь вверхъ, въ горную или верхнюю Массандру, гдѣ виднѣется изящный лѣтній домикъ князя Воронцова, залитой кругомъ коврами цвѣтниковъ, купающійся въ зелени лѣсовъ, въ прохладѣ горныхъ ручьевъ. Сюда, подъ покровъ Яйлы, спасается отъ тропическаго іюльскаго зноя Алупки ея владѣлецъ. Тамъ удивительно—громадные, удивительно — старые орѣхи кругомъ церкви, изъ подъ которой бьетъ священный ключъ, орошающій многія долины. Въ обширныхъ лѣсахъ Массандры пробиты живописныя, еще совершенно дикія дороги, бродя по которымъ на надежной татарской лошадкѣ, вы познакомитесь съ поразительными картинами обрывовъ, обваловъ, водопадовъ и утесовъ; это одна изъ лучшихъ и наименѣе извѣстныхъ прогулокъ по скатамъ Яйлы. Въ Ма-

гарачѣ, бокъ о бокъ съ Массандрою, устроено казенное училище винодѣлія и отличные погреба съ изумительнымъ виномъ. Кто не пилъ хорошаго Магарачскаго вина на мѣстѣ, тотъ не имѣетъ вѣрнаго представленья о достоинствахъ Крымскаго вина. Я провелъ разъ цѣлое счастливое лѣто подъ сѣнью Магарачскаго лѣса, на самомъ взморьѣ и, конечно, хорошо познакомился и съ погребами Магарача. Вино здѣсь не продается ведрами, а только бутылками и дешеваго вина здѣсь поэтому нѣтъ. Красное отъ 60 к., бѣлое отъ 50 к. за бутылку на мѣстѣ. Но столовыми винами Крымъ не можетъ соперничать съ Франціей. Его слава, особенно слава Магарача — это крѣпкія ликерныя вина. Они-то берутъ золотыя медали на всемірныхъ выставкахъ своею густою, какъ масло, сладкою, какъ сахаръ и необыкновенно душистою влагою. Старое Магарачское вино — несравнимо ни съ какимъ другимъ и могло бы продаваться въ погребахъ столицы по баснословнымъ цѣнамъ. Особенно хороши разные мускаты, люнели, и лучше всѣхъ рѣшительно пино-гри. Бутылка десятилѣтняго пино-гри стоитъ, въ самомъ погребѣ, около 3-хъ рублей, старѣе вамъ врядъ-ли продадутъ. Мнѣ объясняли — сладость, ароматичность и густоту этихъ винъ особымъ пріемомъ, который употребляютъ магарачскіе винодѣлы: они слегка скручиваютъ ножку вызрѣвающаго грозда и заставляютъ его такимъ образомъ нѣсколько подвянуть на солнцѣ еще на лозѣ. Сока получается меньше, но достоинство его необыкновенно. — Могарачъ обсыпанъ дачами, но къ нему самому съѣздъ вовсе не легкій. Экипажную дорогу нельзя было довести до обрывовъ, гдѣ онъ спрятался, и она бѣжитъ мимо тѣнистаго пріютнаго парка Василь-Сарая, прямо въ Никитскій садъ. Тутъ тоже училище садоводства, а изъ Императорскаго ботаническаго сада можно покупать сѣмяна, растенія и черенки деревъ. Садъ и учрежденъ собственно съ этою цѣлью въ 1812 году. Онъ разбитъ въ прекрасной мѣстности и вы найдете въ немъ всевозможныя деревья юга. Ландшафтъ парка

очень удачный, особенно тамъ, гдѣ въ немъ участвуютъ рѣдкія для Крыма породы хвойныхъ деревъ.

Со станціи Ай-Даниль непремѣнно съѣзжайте въ Гурзуфъ Фундуклея. Это одна изъ живописнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ мѣстностей, которыхъ не забываешь, увидѣвъ разъ. Если вы проѣзжаете Гурзуфскій паркъ лунною ночью, васъ особенно поразитъ длинная вьющаяся аллея, тѣсно обставленная черными стрѣлами кипарисовъ. Изъ роскошнаго барскаго парка, съ высоты широкой террасы дома, вамъ откроется какъ на ладони татарская деревня Гурзуфъ, лѣпящаяся по голымъ скаламъ морскаго берега. Изгрызанные временемъ высокіе коническіе утесы, торчащіе прямо надъ волнами моря, вѣнчаютъ эту характерную деревушку сплошь полную татарской грязи, тѣсноты и пестроты. Художникъ-туристъ не оторвался бы здѣсь отъ своего карандаша. На самомъ пикѣ утеса еще высится полуразвалившійся замокъ, и отъ него сбѣгаютъ по неприступному обрыву обломки стѣнъ, башенокъ и лѣстницъ. Это древняя Горзувита, когда-то колонія грековъ, потомъ генуэзцевъ, защищавшая доступъ къ заливамъ Гурзуфа и Артека, богатымъ рыбою и прекрасными пристанями для судовъ. Вы должны вдоволь полазать по скалистымъ проулочкамъ деревни для изученья татарскихъ типовъ, татарской жизни и докарабкаться до самой Гурзувитской цитадели. Вашъ трудовой потъ будетъ вознагражденъ тѣмъ по истинѣ чуднымъ видомъ, который откроется вамъ съ вершины пика разомъ и на лѣсную Яйлу и на паркъ, и на деревню Гурзуфъ, и на синее море, усѣянное бѣлыми мотыльками парусовъ.

Между Гурзуфскими скалами и Аю-Дагомъ самая тихая и пріятная бухта, всегда полная темныхъ тѣней отъ лѣсовъ и скалъ, отражающагося въ ней Аю-Дага. Всѣ рѣдкіе поселки этой мѣстности также исполнены какой-то пустынной тишины. Исполин-

скій горбъ мрачной и недоступной Медвѣдь-Горы отрѣзаетъ ихъ отъ остальнаго міра и осѣняетъ ихъ своими каменными твердынями. Нѣсколько скалъ, причудливо изгрызенныхъ волною и вѣтромъ, безъ сомнѣнья — остатки скалистаго мыса — островками ступили въ море, вокругъ нихъ ютятся рыболовы, на вершинѣ ихъ утесовъ—тучи морскихъ птицъ. Эти живописныя скалы памятны всѣмъ, кто подъѣзжалъ къ Аю-Дагу по морю со стороны Ялты. Я помню настоящую венеціанскую ночь съ полною луною, съ тихоплескающимъ моремъ, съ тихою пѣснею и съ счастливыми думами, когда мы плыли въ просторномъ катерѣ изъ Магарачской пустыньки въ сады Гурзуфа. Насъ нѣжно покачивало и убаюкивало будто въ колыбели; неслышно проплывали мимо насъ слабо надутые паруса судовъ, спѣшившіе въ Ялту къ утреннему базару, неслышно исчезали одинъ за однимъ темные мысы и бухты берега, провожавшаго насъ вдали. Дѣтская головка спала сладкимъ сномъ, въ сіяніи полнаго мѣсяца, разсыпавъ на моихъ колѣнахъ свои льняныя кудри, а пѣвучій женскій голосъ разливался по далекому морю, какъ не можетъ онъ никогда разливаться въ 4-хъ стѣнахъ, подъ звуки рояля... Рыбацкіе лодочки такъ живописно качались тогда въ тѣни Гурзуфскихъ скалъ, и когда сонный рыбакъ сталъ доставать намъ плескавшихся въ садкѣ серебристыхъ кефалей, морскія чайки съ такою оглушающею тревогою встрепенулись на своемъ одинокомъ утесѣ... Мы бродили по волшебно освѣщенному парку, какъ въ волшебной сказкѣ, и на насъ падали черныя тѣни кипарисовъ, и сами кипарисы казались живыми великанами.

Миновавъ уютную дачку Султана Крымъ-Гирея, сбѣжавшую на самое взморье и спрятавшуюся тамъ въ складкѣ берега, между густыми фигами и орѣхами, вы поднимаетесь въ Артекъ княгини Потемкиной. Это уже вполнѣ царство Аю-Дага. Артекъ стоитъ

на его предгорьи; оттого въ Артекѣ постоянно много тѣни. Лучшая часть Артека на верху горы. Тамъ цѣлый маленькій скитъ, изящный какъ все на южномъ берегу. Маленькая церквочка похожа на виноградную бесѣдку; кельи—хорошенькія дачки. Тутъ въ самомъ дѣлѣ живетъ іеромонахъ изъ Святогорья, служитъ обѣдню безъ прихожанъ и пустынничаетъ въ этой райской пустынькѣ.

Никому не совѣтую подниматься на тяжкую горбатую массу Аю-Дага. Дороги тамъ слѣда нѣтъ, пропасти большія, заблудиться ничего не стоитъ и не найдете особенно оригинальныхъ точекъ зрѣнья. Мы было пропали на немъ съ однимъ знакомымъ профессоромъ, неблагоразумно отправившись искать древнихъ развалинъ на его вершинѣ, вдвоемъ, безъ проводника. Ѣхать верхомъ уже было нельзя, едва можно было тащить лошадей въ поводу. За то мы хорошо разсмотрѣли и пересчитали страшныя пропасти, которыми Аю-Дагъ обрывается къ морю. Между его узкими и высокими мысами, вытянутыми впередъ, какъ каменныя лапы чудовища, такія трущобы, такіе недоступные взору заливчики, замаскированные скалистыми островками и лѣсомъ, что нельзя найти лучшаго притона для контрабандиста и корсара.

Съ одной стороны къ Аю-Дагу жмется Артекъ, съ другой—Партенитъ Раевскаго.—Тамъ гора, здѣсь низкій круглый заливъ, отличное купанье, отличная пристань, мѣсто открытое и веселое, орошаемое ручьями, богатое всякими плантаціями. Партенитъ—поселенье глубокой древности. Нѣкоторые ученые думаютъ, что храмъ дѣвственной богини Тавровъ, въ которомъ совершилась драма Иѳигеніи и Ореста, стоялъ около нынѣшняго Партенита, на Аю-Дагѣ, а не на мысѣ Партеніумѣ въ Георгіевскомъ монастырѣ. Недавнія археологическія находки сильно подтверждаютъ мнѣнье о глубокой древности Партенита. Въ Партенитѣ недавно еще показывался орѣхъ, толще катораго и старѣе котораго не было въ Крыму. Не знаю, тотъ-ли это самый, который стоитъ въ со-

сѣдствѣ фонтана, вокругъ котораго до сихъ поръ собираются татары отдыхать по вечерамъ и судить о своихъ дѣлахъ. Я не разъ наслаждался въ Партенитѣ тѣнью орѣховъ послѣ утомительной скачки верхомъ и прекраснымъ купаньемъ въ тѣни Аю-Дага. Я бы совѣтовалъ всякому туристу сдѣлать по моему: не заѣзжать въ экономію владѣльца, а расположиться въ первомъ орѣховомъ саду надъ моремъ, попросивъ разрѣшенья какого-нибудь гостепріимнаго мусульманина. Тамъ на зеленомъ коврѣ травы, подъ зеленымъ шатромъ деревьевъ, татаринъ накормитъ васъ шашлыкомъ и плодами и вы себѣ належитесь и налюбуетесь сколько душѣ угодно. Послѣднія къ Алуштѣ деревни, послѣдніе парки и дачи, достойныя вниманья,—въ Карасанѣ и Кучукъ Ламбатѣ, сейчасъ, какъ поднимешься изъ Партенита. Полюбовавшись роскошными деревьями и цвѣтниками Карасанскаго парка, поворотите къ морю, на скалу Кучукъ-Ламбата, „Малаго маяка", Лампаса древнихъ грековъ. Голый, словно обожженный утесъ отрѣзаетъ отъ моря глубокую бухту и сообщаетъ всей мѣстности особенно живописный характеръ. Высоко на вершинѣ утеса, нависшей надъ бухтою, торчитъ хорошенькая часовня, пониже ея домикъ въ зелени и группы кипарисовъ, сбѣгающихъ къ парку. На этой шершинѣ, конечно, и былъ старинный маякъ, манившій въ безопасное затишье бухты.

Когда вы, читатель, побываете во всѣхъ углахъ южнаго берега и насытите свое любопытство его разнообразными красотами, вернитесь въ Алупку. Если у васъ есть нѣсколько времени, которое вы можете посвятить отдыху и наслажденью, и если вы не боитесь оставаться наединѣ съ собою, — поживите это время въ Алупкѣ.

Въ Алупкѣ, въ предѣлахъ княжескаго парка, есть очень чистенькая, очень приличная и очень крошечная гостинница, гдѣ

вы можете имѣть все, что вамъ надо, если только успѣете найти мѣсто. Не попали въ гостинницу—поселяйтесь у татарина, въ деревнѣ. Глиняные домики татаръ съ глиняными крышами, съ глиняными трубами, такъ спрятаны въ тѣнистахъ садахъ орѣха, тута и инжиря, что вы несразу и увидите деревню Алупку; эти безконечные сады незамѣтно сливаются съ лѣсами, окоймляющими подошву Ай-Петри, а съ другой стороны также незамѣтно переходятъ въ княжескіе парки.

Зелень, сплошь заполонившая всѣ отроги глубокой долины и хаосъ сѣрыхъ камней, разсыпанный по ней отъ Ай-Петри до самаго моря.—Вотъ общій видъ Алупки.—Долины, болѣе теплой, болѣе кишащей водами, плодами и зеленью—нѣтъ на южномъ берегу. Тутъ даже въ лѣсахъ плодовыя деревья юга.

Ай-Петри придаетъ Алупкѣ всю ея характерность и красоту. Ай-Петри далеко не самая высокая гора Крыма, но она кажется Богъ знаетъ какою громадною, потому что стоитъ вся передъ вами. Это гора замокъ; волшебный заоблачный замокъ. Съ разрушенными башнями, съ отвѣсными обрывами стѣнъ, съ зубцами, обглоданными временемъ, замокъ, достойный Байроновскаго Манфреда.

Не знаю, есть ли гора въ Крыму живописнѣе Ай-Петри. Она вовсе не такъ близка, какъ кажется вамъ изъ Алупки. Вы можете догадаться объ этомъ по тонко-синему тону ея красокъ. Она кажется близкою потому, что стоитъ надъ всѣмъ и за всѣмъ, что вы отсюда видите, загораживая небо, почти нависая надъ головою вашею. Весь пейзажъ Алупки—въ сущности Ай-Петри и море. Скалы и лѣса долины имѣютъ смыслъ только потому, что они сбѣгаютъ съ Ай-Петри. Самъ замокъ Алупки,—не тотъ титаническій и фантастическій замокъ, что купаетъ свои зубцы въ облакахъ,—а настоящій замокъ князя Воронцова, привлекающій въ Алупку туристовъ—самъ замокъ этотъ оттого является вамъ такимъ поразительно-оригинальнымъ и художественно-пол-

нымъ произведенiемъ искусства, что онъ замысленъ въ дико-поэтическомъ стилѣ Ай-Петри. Онъ носитъ на себѣ тотъ же общiй характеръ пустынной и недоступной грандiозности какъ и гора, здѣсь царящая. Онъ сложенъ изъ тяжкихъ камней неразрушимаго сѣраго трахита и выситъ свои башенки, свои капризные уступы крышъ, свои затѣйливыя мавританскiя трубы изъ яркой чащи парка, точь въ точь какъ поднимаетъ въ облака свои красиво-выточенные пики, тамъ позади, — такая же сѣрая, такая же вѣко-вѣчная скала подъ пятою которой онъ теперь красуется. Оттого лучшiй видъ на Алупку снизу, отъ моря, когда и дворецъ, и купы кипарисовъ, и живописная татарская мечеть среди татарскихъ хатъ, и всѣхъ выше господствующiй православный храмъ, въ благородномъ стилѣ Аѳинскаго Парѳенона—когда все это видно вамъ на синемъ фонѣ Ай-Петри, подъ сѣнью Ай-Петри, подъ чарами Ай-Петри. Тогда вамъ ясно, что отъ самыхъ волнъ моря, черезъ роскошь всѣхъ княжескихъ дворцовъ, черезъ всѣ эти пруды, фонтаны, цвѣтники и гроты, черезъ мечети и храмы, лѣса и обвалы, все ростетъ и поднимается туда вверхъ, къ царственной горѣ, къ поднебесью, гдѣ купается въ глубокой синевѣ юга бѣлый вѣнецъ ея скалъ, — растетъ и поднимается чудная красота, недоступная описанью.

Въ Алупкѣ соединены условiя красоты, которыхъ почти никогда не встрѣчаешь вмѣстѣ. Алупка — дичь, пустыня, суровый хаосъ обваловъ, необузданная мощь растительной силы; море бьетъ въ открытый каменистый берегъ Алупки всею тяжестью своей груди, гложетъ и крошитъ его, пляшетъ и воетъ въ его тѣсныхъ бурунахъ, какъ голодная вѣдьма.

Вы не услышите въ Алупкѣ человѣческаго голоса, пѣнья птицы. Будто вымерло все въ этой заколдованной обители красоты. Прибой волнъ внизу, на морѣ, клегтанье орловъ вверху,

надъ зубцами Ай-Петри — вотъ звуки Алупкинской пустыни. Но въ этой пустынѣ — всѣ чудеса цивилизаціи, всѣ побѣды разума. Геній художника овладѣлъ дичью, не возмутивъ ее; онъ заставилъ ее служить тонкому вкусу изящества и капризнымъ требованіямъ самаго изнѣженнаго удобства. Тѣнистыя живописныя тропинки поднимаютъ и опускаютъ васъ въ ущелья, полныя очарованья; куча скалъ, сброшенныхъ въ Ай-Петри, оказывается таинственнымъ гротомъ, пріютомъ любви и мечтанія. Горные ключи, наполняющіе лѣсъ своимъ веселымъ журчаньемъ и дыханьемъ горной свободы, — бѣгутъ вамъ на встрѣчу, то изъ опрокинутой урны античнаго мрамора, то изъ сердцевины срубленнаго пня или изъ нѣдръ гранитнаго обломка; то низвергаются дикимъ каскадомъ съ обрыва утеса, то спалзываютъ широко распластанною скатертью по округленной поверхности камня... Иногда это меланхолическая струя, тихо урчащая въ непроглядную темь бассейна, кругомъ заслоненнаго вѣковыми деревьями; иногда это цѣлый могучій ручей, сбѣгающій по гранитнымъ ступенямъ своего ложа, и орошающій всѣ парки, отъ горы до моря. Все это словно устроилось само собою, но все это строго обдуманно и разсчитано. Художникъ не оставилъ безъ вниманья ни одного камня, ни одной струи. Все вошло въ составъ его плана, всякая подробность получила роль въ задуманной имъ общей картинѣ. Ничего натянутаго, искусственнаго, сочиненнаго. Природа вездѣ осталась сама собою, глубоко постигнутая, во всемъ живьѣ и во всей характерности своей. Вонъ на кругломъ скатѣ столпились цѣлымъ полчищемъ, будто траурная толпа иноковъ, — черные кипарисы. Имъ невозможно было найти болѣе пригоднаго и болѣе эффектнаго мѣста, и они стали здѣсь. Спуститесь ниже, ближе къ морю, въ глубокое затишье зеленаго пригорка. Это природная теплица, пьющая открытыми устами тепло и влагу южнаго моря. Посмотрите, въ этой зеленой теплицѣ уже пріютилась рощица молодыхъ олеандровъ; густыя розовыя шапки ихъ сва-

дебныхъ цвѣтовъ такъ весело и ярко вырѣзаются на яркой и веселой зелени. Въ другомъ уголкѣ, такомъ же уютномъ, роща магнолій. Магноліи Алупки достигаютъ огромныхъ размѣровъ. Ихъ громадныя бѣлыя лиліи, лежатъ на своихъ вѣтвяхъ словно водяныя розы Викторіи регины. Нѣтъ другаго цвѣтка, подобнаго этому по пышности и величинѣ. Лавры, фотиніи, лавровишни идутъ сплошными корридорами. Эти вѣчно-зеленыя рощи сообщаютъ Алупкѣ счастливый весенній видъ въ самый разгалъ зимы. Неожиданности и разнообразію здѣсь конца нѣтъ, въ этомъ волшебномъ саду. Вотъ вы выходите изъ густаго лѣса вѣковыхъ каштановъ или орѣховъ, подъ которыми забываете о крымскомъ солнцѣ,—предъ вами безмолвная поляна, выстланная будто сплошнымъ сукномъ — мелкою зеленою травкою. Аѳинскія пропилеи стоятъ съ своими строгими колоннами на полянѣ, глядя на далекое море. Старые платаны протягиваютъ свои вѣтки плоскимъ шатромъ. Кругомъ розовая ограда изъ цвѣтущихъ олеандровъ—заслоняетъ отовсюду напирающій лѣсъ, и надъ нимъ—высоко, широко надвинулась надъ всѣмъ господствующая твердыня Ай-Петри. Разбитый античный саркофагъ съ барельефами, опрокинутыя античныя амфоры—и струя фонтана тихо звѣнящая въ древній мраморъ—просто отрывокъ пустынныхъ береговъ Эллады, съ тѣнями ея великой исторіи, съ поэзіею ея вѣчной весны. Вы должны употребить нѣсколько дней, чтобы выходить всѣ углы безконечныхъ парковъ и, неспѣша, насладиться ими. Начинайте лучше всего отъ моря и, не торопясь, не насилуя ни ногъ, ни головы, двигайтесь по незамѣтнымъ склонамъ дорожекъ, по всѣмъ ихъ извивамъ, изъ нижняго парка въ верхній, чуть не къ самой подошвѣ Ай-Петри. Верхній паркъ гораздо болѣе дикъ, гораздо менѣе отдѣланъ, но, пожалуй, онъ еще поразительнѣе нижняго. Въ немъ особенное богатство скалъ со скрытыми въ нихъ гротами, обрывовъ, водопадовъ, тихихъ прудковъ. Въ немъ цѣлыя крытыя аллеи розъ, въ немъ горное озеро съ бѣлыми лебедями,

съ утесомъ по срединѣ, съ плачущими до земли ивами по берегамъ. Кому выпадетъ рѣдкая доля провесть въ Алупкѣ свою пору любви, — тотъ не найдетъ на землѣ мѣста, болѣе достойнаго богослуженія любви. Онъ обрѣтетъ здѣсь земной эдемъ. Онъ будетъ здѣсь одинъ, съ своими мечтами, съ своимъ другомъ. Таинственныя сѣни парка и пріюты дикихъ гротовъ останутся навсегда священными въ его воспоминаньи. Здѣсь, въ созерцаніи безпредѣльнаго моря, подъ владычествомъ заоблачныхъ высей, среди нѣги и мощи южныхъ лѣсовъ, среди бодрящаго лепета горныхъ ключей, и любовь человѣка окрылится приливами невѣдомой ему силы, невѣдомой прелести. Не даромъ и восточная легенда заставила человѣка вкусить первый трепетъ бытія, первые восторги любви среди чуднаго южнаго сада, орошеннаго водами могучихъ рѣкъ. Посидите здѣсь внизу на оторванныхъ утесахъ берега, среди водоворота и пѣны прибоя. Передъ вами глазъ на глазъ открытое море, безъ заливовъ, безъ поворотовъ, прямо надвигающееся отъ азіатскаго берега. Оттого обхватъ его громаденъ. Направо Айя далеко выдвинулъ въ море свой каменистый носъ, на лѣво Айтодоръ съ башнею своего маяка; просторная рамка.

Весь *настоящій* южный берегъ, отъ одного поворота до другаго. Каково море, таковы и горы. Ихъ не загородили отъ вашего взора ни скалы, ни парки, ни дворцы, а разстоянье не въ силахъ было спрятать ихъ. Они видны вамъ отсюда, съ морскихъ хлябей, такими же нависшими и грозными, съ тѣми же отчаянно-воздвигнутыми утесами. Въ этой могущественной картинѣ нѣтъ мелочности и напряженной изобрѣтательности. Здѣсь все наброшено широкою, смѣлою кистью.

Утесъ, на которомъ вы сидите, цѣлый островъ; на немъ можно поставить крѣпость. Цѣлыя груды такихъ утесовъ засы-

паютъ берегъ Алупки, оторванныя моремъ, оборвавшіяся съ горъ. Сѣдыя чудовища, воздвигнувшія этотъ хаосъ, неистовствуютъ теперь въ тѣснинахъ нагроможденныхъ ими утесовъ и обливаютъ меня всплесками пѣны. Выстрѣлъ за выстрѣломъ слышится изъ пучины, гдѣ происходитъ эта сатанинская пляска и даже тяжелый утесъ содрогается отъ бѣшеныхъ ударовъ. Эти волны и эти камни не шутятъ. Вонъ, по сосѣдству съ вами, за купальней князя, артель рабочихъ и водолазовъ пріютилась въ сырой складкѣ берега, едва прикрывшись дырявою парусиною отъ дождя и вѣтровъ. Они уже 3-й годъ вытаскиваютъ изъ ненасытнаго чрева пучины останки погибшаго парохода. Русскій народъ и на 3 года располагается такъ, какъ будто ему уѣхать сейчасъ послѣ обѣда; набросилъ себѣ кое-какъ кое-чего и живетъ себѣ поживаетъ 3-й годъ въ сырой ямѣ, босой и холодный.

Къ замку поднимайтесь лучше всего вечеромъ, передъ закатомъ. Когда оставите за собою живописно разбросанныя группы кипарисовъ, то одѣтыхъ до пяты въ свои темныя ризы, то скрученныхъ въ стройные и тѣсные конусы, оглянитесь черезъ нихъ на море. Трехмачтовые и двухмачтовые корабли, штукъ по 20, по 30 сряду, тянутся по горизонту будто нескончаемые обозы на нашихъ русскихъ большихъ дорогахъ. Поближе къ берегу, по срединѣ видимаго вамъ моря, легкая греческая шлюбка рѣжетъ сплошную зелено-голубую степь узкимъ кривымъ крыломъ своего паруса. Эти трехъугольные бѣлые паруса издали чистыя чайки, особливо когда вѣтеръ сгонитъ ихъ въ одно мѣсто и качаетъ по волнѣ.

Незамѣтно, почти по горизонтальнымъ дорогамъ, глубоко запрятаннымъ въ тѣни громадныхъ деревъ, одѣтымъ вѣчною зе-

ленью лавровъ и фотиній, поднимаетесь вы къ Алупкинскому замку. За дорожками идутъ гранитныя терассы, затканныя ползучими розами и плющемъ, окаймленныя миртовыми изгородями; непроницаемая тѣнь. Съ одной терассы на другую, одинъ не слышный поворотъ за другимъ, едва замѣчая подъемъ, вы вдругъ очутитесь у подножья замка. Онъ стоитъ еще на нѣсколькихъ широкихъ терассахъ, какъ на пьедесталѣ. Эти терассы сплошные цвѣтники самыхъ роскошныхъ цвѣтовъ, самыхъ изящныхъ клумбъ. Цвѣты налиты, какъ въ блюдахъ, въ низенькихъ цвѣтничкахъ, а на массивныхъ мраморныхъ балюстрадахъ ряды мраморныхъ вазъ съ кустами алоэ. Имъ нѣтъ счету. Изъ этого чуднаго букета поднимается мавританскій дворецъ въ стилѣ Альгамбры. Широкая бѣлая лѣстница съ чуть слышнымъ скатомъ, обставленная чудными изваяньями бѣломраморныхъ львовъ, во всѣхъ моментахъ ихъ пробужденья, отъ глубокаго зловѣщаго сна у подножья, до грознаго рыканья въ предверіи дворца,—идетъ черезъ всѣ терассы ко входу замка. Фонтаны Караррскаго мрамора, сквозной рѣзьбы необыкновеннаго искусства, въ такихъ же бѣломраморныхъ огромныхъ бассейнахъ, бѣломраморныя массивныя скамьи, бѣломраморные саркофаги съ цвѣтами, бѣломраморныя вазы, разбросаны по площадкѣ дворца и по рамкамъ лѣстницы.

Дворецъ является вамъ съ этой стороны въ видѣ огромнаго кіоска, весь въ балкончикахъ, затканный подъ самую крышу ползучими розами, виноградомъ и плющами разнаго рода. Это самый характерный фасъ дворца. Прямо съ верхней площадки вы входите въ громадную полукруглую нишу, всю изрѣзанную внутри скульптурными украшеніями. Она тоже бѣлаго мрамора. Вверху ея свода прилѣплены, какъ гнѣзда, золоченые балкончики прелестной формы, обвитые зеленью, которая падаетъ съ нихъ гирляндами, уставленные цвѣтами. Въ глубинѣ ниши надъ огромною входною дверью, огромныя золотыя буквы китайской

надписи. Весь павильонъ въ китайскомъ вкусѣ: китайскіе фарфоровые табуреты, китайскіе диванчики, китайскіе столики, и все это въ цѣлой рощѣ тропическихъ деревьевъ, перемѣшанныхъ съ статуями. Я видѣлъ лучшіе дворцы Европы, но ни въ Версаляхъ, ни въ Шенбрунахъ, ни въ Петергофахъ, ни въ Сансуси, не нашелъ ничего, чтобы равнялось съ входомъ Алупкинскаго замка по художествсниой полнотѣ, благородству и оригинальности стиля. Нигдѣ, кромѣ Алупки, я не видѣлъ такого сочетанья архитектурнаго генія съ геніемъ пэйзажиста, моря съ горами, камня съ лѣсомъ, дикости природы съ изяществомъ цивилизаціи.

Замокъ построенъ изъ діорита очень оригинальнаго сѣрозеленоватаго цвѣта. Это дѣлаетъ его несокрушимо — прочнымъ и какъ-то сурово—прекраснымъ. Словно уже это не зданье, а творенье природы. Стиль замка сообразовался не только съ характеромъ владычествующихъ горъ, но и съ характеромъ востока, свойственнымъ мусульманскому Крыму. Это отрывокъ Альгамбры арабскихъ халифовъ. Съ нея списаны его детали, она дала художнику его общую мысль. Эти тѣнистыя терассы съ тропическими растеньями, эта роскошь фонтановъ и висящихъ балкончиковъ, эти стройныя какъ минареты, изящно выточенныя изъ камня, трубы и башеньки дворца, плоскія кровли, балконы на верху, неправильные уступы крыши, капризные повороты стѣнъ, обиліе закоулочковъ и галлерей, тѣсныхъ проходовъ и потаенныхъ двориковъ, дверочки и окошечки тамъ, гдѣ ихъ неожидаешь, чисто арабскіе купола башенъ, — все это востокъ самый характерный, самый несомнѣнный. Тѣнь, прохлада и тишина — вотъ господствующая идея постройки. Она вполнѣ восточная и притомъ вполнѣ Крымская.

Замокъ состоитъ изъ 2-хъ корпусовъ дворца и огромнаго двора съ двухъэтажными службами, отдѣленнаго отъ замка про-

улкомъ. Этотъ дворъ — цѣлый отдѣльный замокъ своего рода. Надъ воротами его развѣвается флагъ князя Воронцова. Осмотрѣть службы замка стоитъ труда. Несмотря на хозяйственный характеръ этого двора, на множество народу и множество занятій, сосредоточенныхъ въ немъ, дворъ отличается необыкновенной чистотою. Всѣ его зданья, того же сѣраго діорита, затканы, какъ и дворецъ, шпалерами зелени, а со стороны верхняго парка стѣна двора обращена въ яркіе висячіе цвѣтники. Но оригинальнѣе и прекраснѣе всего—проѣздъ между высокою заднею стѣною службъ и замкомъ. Онъ самъ по себѣ довольно широкъ, но отъ высоты и непрерывности окружающихъ его стѣнъ, кажется чрезвычайно глубокимъ и узкимъ. Это своего рода улица восточныхъ городовъ. Только вмѣсто грязи и вони — здѣсь чисто и душисто, какъ въ саду. Высокія стѣны не обросли, а просто облиты сплошнымъ ковромъ зелени. Тутъ и розы, и кавалерская звѣзда, и глицинія, и плющъ, и дикій виноградъ, и ипомея; не увидите вершка камня. Все заткано, заполонено вьющеюся сѣтью зелени. Только кое-гдѣ выглядываетъ, среди зеленой шпалеры, изъ своихъ глубокихъ гнѣздъ какое нибудь узенькое окошечко или причудливо устроенная дверочка. А надъ головою вашею, на нѣсколько саженъ въ высотѣ, перекинутъ поперегъ какой нибудь легенькій мостикъ или крытый стеклянный переходъ. Этотъ прохладный, глубокій, зеленный корридоръ тянется во всю длину замка и замыкается съ обѣихъ сторонъ круглыми башнями, точно также до макушки облитыми зеленью. Внутренность дворца мнѣ не такъ по вкусу, какъ его наружный видъ, несмотря на богатство его, несмотря на неподдѣльное арабское, персидское и китайское убранство. Замѣчательна только столовая дворца, куда вы проходите черезъ роскошный зимній садъ съ фонтаномъ по срединѣ. Столовая темна и массивна, какъ слѣдуетъ быть настоящей столовой средневѣковаго замка. Огромный неподвижный столъ съ тяжкими дубовыми стульями средневѣковаго вкуса, объемистый каминъ по

срединѣ, огромные дубовые буфеты съ рѣзьбою по обоимъ концамъ, съ разными рѣдкостными жбанами, кувшинами и кубками, темная деревянная рѣзьба на потолкахъ и паняляхъ, часы драгоцѣнной художественной рѣзьбы изъ дерева, огромная люстра красной мѣди подъ цвѣтъ мебели и стѣнъ, а на окнахъ занавѣсы необычайныхъ размѣровъ, необычайной цѣны и необычайной массивности, темно-красные, какъ и обивка стульевъ, нарочно заказанные въ Ліонѣ, вытканные цѣльнымъ кускомъ.

Къ дворцу замка примыкаетъ связанное съ нимъ длинною галлерееею, зданье библіотеки. Вы узнаете его по башнѣ съ огромнымъ флюгеромъ, чистой обсерваторіи. Библіотека отодвинута отъ жилья и спрятана въ густой чащѣ. Отдѣльный дворикъ съ „*фонтаномъ слезъ*", съ нѣсколькими другими фонтанами, тѣнистый, цвѣтущій, всегда безмолвный, составляетъ очаровательный притворъ этой библіотеки. Въ огромныхъ, высокихъ залахъ собраны сокровища науки и поэзіи, рѣдкіе манускрипты, древніе фоліанты, давно исчезнувшіе изъ обращенья, драгоцѣнныя художественныя и археологическія изданья. Въ тиши этой библіотеки часто работалъ покойный князь Воронцовъ, основатель Алупки, одинъ изъ немногихъ истинныхъ государственныхъ мужей нашего отечества, человѣкъ просвѣщенной мысли и полезнаго дѣла. Его рабочій столъ, заваленный книгами, и кабинетное кресло стоятъ посреди залы.

Выйдите изъ библіотеки въ дичь парка, въ сторону отъ дворца. Вы будто на широкомъ балконѣ, но это скала. Вы висите надъ густыми вершинами, вы обставлены ими. Все могучія старыя деревья — платаны, хурма, павловніи, катальпы, туты и смоковницы. Отъ нихъ тутъ просто темно. Если у васъ въ рукахъ хорошая книга или хорошая мечта въ головѣ, останьтесь здѣсь на этомъ глубокомъ балконѣ: сплошной навѣсъ рдѣющаго

винограда съ кудрявыми листьями, съ вьющимися усами, виситъ надъ вами будто въ воздухѣ, едва колышась отъ собственнаго дыханья и пропуская къ вамъ волшебный зелено золотой свѣтъ. Этимъ зеленымъ золотомъ все теперь кажется наполнено въ вашемъ безмолвномъ висячемъ пріютѣ. Струя фонтановъ звонко падаетъ въ мраморныя раковины, а густыя клумбы прекрасныхъ розовыхъ гортензій роскошно разростаются у ногъ фонтановъ, освѣжаемыя ихъ брызгами, заслоненныя отъ солнечнаго зноя этою дрожащею сѣтью зеленаго золота.

ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА КРЫМА.

Пещерные города Крыма въ высшей степени интересные памятники древности. Европа, сколько мнѣ извѣстно, не имѣетъ ничего подобнаго высокой оригинальности крымскихъ пещерныхъ городовъ. Къ сожалѣнію, однако, наша публика почти не знакома даже съ самымъ фактомъ существованія ихъ. Въ спеціальныхъ сочиненіяхъ о крымской археологіи, большею частью иностранныхъ, большею частію давно уже вышедшихъ изъ обращенія, — разбросаны скудные матеріалы, касающіеся этого предмета; но до сихъ поръ нѣтъ ни одной книги, ни одной популярной статьи, посвященныхъ исключительно ихъ описанію. Даже, стыдно сказать, крымскіе жители образованныхъ классовъ слушаютъ разсказы о пещерныхъ городахъ какъ неожиданную для нихъ новинку; туристы же, ограничиваясь легкодоступнымъ обзоромъ южнаго берега, рѣдко рѣшаются предринимать поѣздку внутрь горъ. Я съ намѣреніямъ сохранилъ въ своей статьѣ тѣ живые элементы крымской природы и жизни, при которыхъ я самъ знакомился съ пещерными городами и безъ которыхъ описаніе ихъ было бы слишкомъ мертвенно и неполно. Гораздо легче знакомишься съ пылью архивовъ и камнями развалинъ, когда встрѣчаешь ихъ въ разнообразіи путевыхъ впечатлѣній; къ тому же страна пещерныхъ городовъ и окружающая ихъ природа въ высшей степени характерны, и сами по себѣ уже стоютъ вниманія.

I. Древняя столица готовъ.

Перевалъ черезъ Яйлу —Ночлегъ въ Татаріи.—Мангупскій Авраамъ.—Мангупъ-кале, древняя Манкопія; его памятники и историческія воспоминанія.

Участниковъ похода оказалось пятеро, несчитая неизбѣжнаго и незамѣнимаго Бекира, который, по своей должности фактотума, обязанъ былъ вести нашъ караванъ. Выражаясь по-крымски, Бекиръ становился нашимъ *суруджи* (таково татарское названіе швейцарскихъ фюреровъ и гидовъ).

Неустрашимая и милая амазонка, спутникъ всѣхъ нашихъ горныхъ странствованій, опять съ нами.

Приготовленія къ пятидневному походу въ нѣдра Крымскихъ горъ по необходимости коротки. Горный татаринъ, которому мы невольно должны теперь подражать, замѣняетъ всѣ вализы и чемоданы перекиднымъ мѣшкомъ съ широкими карманами по обѣимъ сторонамъ, по-татарски *саквы*. Эти саквы спасенье въ горныхъ поѣздкахъ. Ихъ привязываютъ сзади сѣдла и кладутъ въ нихъ, что влѣзетъ: ячмень для лошади, бутылки съ виномъ, чай и сахаръ, жареную птицу, пирожки, бѣлье. Поверхъ сакововъ привязываютъ бурку или теплое пальто на случай дождя и холода — и вотъ вы совсѣмъ готовы, оснащены на борьбу съ стихіями, весь вашъ обозъ у васъ за спиною.

Татары, хозяева лошадей, ждутъ насъ на солнечномъ припекѣ, терпѣливо присѣвъ на корточки. Бекиръ командуетъ, ищетъ, носитъ, укладываетъ, перетягиваетъ подпругу у лошади нашей *ханымъ* (*госпожа*)—такъ татары постоянно чествуютъ нашихъ барынь. Садимся. Всѣ высыпаютъ насъ проводить. Дѣтямъ особенно завидно.—Скоро воротитесь? Когда васъ ждать?

— „Не скажи, ханымъ, сказать нельзя! можетъ два, можетъ пять дёнь, какъ Аллахъ покажетъ,“ серьозно вразумляетъ Бекиръ, подсаживая свою ханымъ.

Перевалъ черезъ Яйлу въ самой высокой области ея!—мнѣ такъ давно хотѣлось испытать его. Бекиръ выбралъ для перевала Біюкъ-Узенбашъ-Богазъ, т. е. проходъ Большаго Узенбаша, одинъ изъ самыхъ крутыхъ и трудныхъ, но зато самый близкій. Поднявшись изъ нашего пустыннаго, заснувшаго надъ моремъ Магарача въ пеструю и шумную Ялту, полную петербургскихъ туристовъ, мы промчались по ея парадной набережной и повернули на Дерекой, на Ай-Василь, прямо къ этому титаническому амфитеатру Яйлы, которой темная лѣсистая синева охватываетъ кругомъ весь горизонтъ и чуть не половину небеснаго свода. Поразительно хорошъ этотъ амфитеатръ въ яркій солнечный день, когда на его туманно-синемъ фонѣ вырѣзаются милые, какъ игрушки новенькіе, домики Ялты съ своими кипарисами и цвѣтущими садами.

Дорога, конечно, сейчасъ же пошла рѣчкою; иныхъ дорогъ не бываетъ вь Крымскихъ горахъ. Груды камней, натасканныя сверху и насыпанныя выше береговъ, и между ними нѣсколько жиденькихъ ниточекъ журчащей воды, съ трудомъ пробирающейся между каменьевъ—вотъ хорошая крымская рѣчка въ іюлѣ. Такихъ впрочемъ мало, потому что въ бóльшей части ихъ не наберете, въ серединѣ лѣта, стакана воды.

Безъ конца кругомъ сады раскидистыхъ грѣцкихъ орѣховъ, сливы, груши, смоковница. Подъ орѣхами всегда зеленая трава и всегда татарчата. У татарчатъ-ребятишекъ на южномъ берегу и въ горахъ—превыразительныя рожицы. Глазёнки черные, большіе, смотрятъ на васъ съ наивнымъ изумленіемъ, какъ глаза хорошенькаго дикаго звѣрка; черты строгаго греческаго типа.

Дерекой кончился, потянулся Ай-Василь, разбросанный по лѣсистой подошвѣ горы; стало круто, узко, но зато такая тѣнь! Ѣдешь по зеленымъ корридорамъ, едва успѣвая пригибаться подъ могучіе, далеко вытянутые суки орѣшника. Татарскія хаты здѣсь лѣпятся особенно живописно. Съ высоты сѣдла смотришь имъ прямо въ безобразныя ихъ трубы, напоминающія шалаши бобровъ. На плоскихъ земляныхъ кровляхъ толпы ребятъ глазѣютъ на насъ, раскрывъ рты. Это еще старинныя, вѣковѣчныя гнѣзда грековъ, итальянцевъ, можетъ быть, еще готовъ.

За Ай-Василемъ горы дѣлаются совсѣмъ серьезными; подъёмъ начинается очень рѣзко; лошади двошатъ и потѣютъ насквозь, такъ что саквы промокли. Мы почти на шеяхъ у лошадей. Скалистая, усыпанная камнями, дорога сбиваетъ копыта. Мало по малу насъ все тѣснѣе охватываетъ сосновый лѣсъ, тотъ самый, который издали, изъ Ялты и Магарача, казался намъ простымъ слоемъ моха на скáлахъ. Сосны громадной высоты, прямыя и голыя какъ стрѣлы, съ широкою плоскою кроною на самомъ верху,— обстали кругомъ. Это чистая итальянская пинія. Освѣщенные солнцемъ красные стволы, густосиніе просвѣты неба, капризно-изогнутыя угловатыя вѣтви—переносятъ фантазію къ картинамъ Римской Кампаніи. Лѣсъ этотъ прекрасенъ самъ по себѣ; но когда мы въѣхали на половину горы и взглянули назадъ, сквозь эти полчища исполиновъ, въ глубокую и далекую бездну, въ которой остались за нами море и берегъ съ своей Ялтой, съ своими дачами и деревнями,—тогда мнѣ все это представилось какою то несбыточною, сказочною декораціею. Море открывалось прямо предъ нами во всей могучей своей широтѣ, въ обхватѣ непривычномъ для глаза. А справа и слѣва поднимались бѣлыя горныя громады, обрывались горныя пропасти, заполоненныя такими же полчищами сосенъ. Никакихъ мелкихъ деталей, ничего

милаго, ласкающаго. Одна грозная, величественная, неотразимая красота; громадная картина, написанная смѣлымъ взмахомъ чудной кости.

Маленькая крымская лошадь, терпкая и безропотная какъ ея хозяинъ,—свыклась съ крымскою ѣздою, съ крымскою дорогой. Подкованная сплошною желѣзною подковою на всѣ 4 ноги, она твердо ступаетъ на известковый камень, карабкаясь съ своею тяжелою и неудобною ношею по скату, на которомъ едва держится человѣкъ. Чувствуя свое безсиліе вытянуть прямо на гору, умныя животныя, одно за другимъ, словно по сговору, начинаютъ пересѣкать зигзагами дорогу, поворачивая то направо, то налѣво, и уменьшая для себя такимъ образомъ крутизну подъема. Подумаешь, что ими правитъ человѣкъ—такъ правильно и увѣренно они исполняютъ эти повороты. Дыханіе ихъ порывисто, и часто до жалости. Мокрые бока просто колотятся.

Мы всѣ, всадники, въ сосредоточенномъ молчаньи. Грозное великолѣпіе горъ и лѣса оковываетъ насъ; да теперь и не до-болтовни. Какъ бы только усидѣть, не полетѣть назадъ, вмѣстѣ съ лошадью.

Нѣсколько разъ Бекиръ останавливалъ свой караванъ у горныхъ ручьевъ и поилъ лошадей. Они пили жадно, трясясь всѣмъ тѣломъ.

Крымскій магометанинъ, подобно всѣмъ магометанамъ Востока, устраиваетъ фонтаны даже въ пустынѣ. Высоко на горахъ, въ глубинѣ лѣсовъ, мы находили фонтаны, высѣченные изъ бѣлаго камня, съ арабскими украшеніями, съ благочестивыми надписями и всегда съ именемъ устроителя. Бекиръ съ неподдѣльнымъ благоговѣніемъ передавалъ намъ исторію святаго хаджи, который остатокъ дней своихъ посвятилъ на дѣла добра, и усѣялъ фонтанами тропинки Яйлы, на пользу людямъ и во славу Аллаха. Путникъ, утолившій въ лѣтній зной свою жажду этой чистою струею, напоившій у нея утомленнаго коня, дѣйствитель-

но, благословитъ отъ всего сердца имя добраго человѣка, вырѣзанное на камнѣ фонтана.

А подъемъ дѣлался все хуже и хуже. Лѣса кончились, тропинка изчезла. Мы лѣзли уже по острымъ гребнямъ камней, по кучамъ щебня, по скользкому плитняку. Подковы то и дѣло срывались и скользили какъ по льду.

Было уже далеко за полдень, когда мы взъѣхали на темя Яйлы. Равнина, безконечная въ длину и не болѣе полуверсты шириною,—составляетъ это темя, этотъ гребень Яйлы.

На сѣверъ отъ нея видны горы и степи Крыма, на югъ—глубоко внизу—море съ лентою южнаго берега. Ай-Петри, такая страшная снизу, отсюда кажется небольшою скалою, потому что надъ нами только одинъ верхній пикъ ея; въ ея зубцы запутались стада облаковъ, бѣлыхъ какъ молоко; они поочередно срываются и несутся на насъ, застилая глаза сырымъ туманомъ. словно хотятъ сдуть насъ прочь изъ своего царства.

Въ нашихъ ногахъ была живая рельефная карта всего Крымскаго полуострова. Ясный день не утаивалъ, не затушевывалъ ничего. Не было той картинной красоты, которою мы любовались въ сосновомъ лѣсу, не доставало для этого перваго плана и яркости красокъ; но зато зрѣлище было ново и поучительно. Душа исполнялась особеннымъ чувствомъ отъ этого созерцанія земли въ ея цѣлости, съ поднебесныхъ высей. Казалось, этотъ взглядъ былъ объективнѣе, чѣмъ въ обычныхъ условіяхъ зрѣнія; казалось, онъ проникалъ вѣрнѣе и глубже. Что нибудь подобное испытываетъ человѣкъ на воздушномъ шарѣ, отдѣляясь вдругъ отъ своей планеты и созерцая ее въ первый разъ независимо, извнѣ, какъбы съ поверхности другой планеты.

Спускъ съ Яйлы значительно легче подъема. Съ сѣверной стороны Яйла не обрывается такою стѣною, какъ съ морской.

Гряды горъ бѣгутъ параллельно ей, дѣлаясь все ниже късѣверу, къ степи. Это ступени для схода съ Яйлы.

Эта нераспутываемая плетеница горъ, долинъ, скалъ и ущелій, то бѣгущихъ рядомъ, то пересѣкающихся подъ разными углами, составляетъ внутреннее ядро Крымской Татаріи, гнѣздо всякаго крымскаго звѣря и логовище всѣхъ почти рѣкъ Южнаго Крыма. Это же и цѣль нашего похода. Горная страна, ограниченная съ западу большою дорогою изъ Симферополя черезъ Бахчисарай въ Севастополь, а съ востока долиной Алушты и прорѣзающею ее большою дорогою изъ Алушты въ Симферополь, отдѣлена отъ Южнаго берега сплошною стѣною Яйлы въ 5 и 4000 футъ высоты. Со стороны обѣихъ большихъ дорогъ доступъ въ эту сердцевину горнаго Крыма нетруденъ; но съ горнаго берега въ нее можно проникнуть только черезъ нѣсколько *„богазовъ“*, переваловъ, подобныхъ тому, который мы теперь осилили съ такимъ трудомъ.

— Когдажъ, наконецъ, будетъ этотъ проклятый Узенбашъ! начинаютъ кричать самые нетерпѣливые изъ всадниковъ, видя, что солнце уже дѣлается багрянымъ и бѣлыя известковыя скалы начинаютъ вспыхивать розовымъ огнемъ. Хочется смерть чаю; еще больше хочется долой съ сѣдла, которое особенно мучительно при многочасовомъ спускѣ. Бекиръ съ презрѣніемъ смотритъ на насъ и не отвѣчаетъ.

— Бекиръ! далеко ли еще? кричитъ кто-то изъ насъ, безпокойно ёрзая на сѣдлѣ.

— Твой бы дома сидѣлъ!“ дерзко отвѣчаетъ Бекиръ. Конь не птица, конь усталъ, твой коня нелюбитъ, твой чай любятъ! Не видишь?—вонъ тебѣ и Узенбашъ! прибавилъ онъ, въ видѣ милости, указывая нагайкою въ широкую лѣсную долину, въ пасть которой мы начинали уже спускаться. Біюкъ-Узенбашъ,

потонувшій въ лѣсахъ, въ садахъ, протянувшійся по всѣмъ изгибамъ рѣчки,—лежалъ у нашихъ ногъ, ярко освѣщенный закатомъ. Тополи и минареты его мечетей, живописно торчавшіе надъ массою сплошной зелени и сплошныхъ плоскихъ кровель, горѣли особенно весело.

Проѣхали сады орѣховъ. Подковы стучатъ по каменистой улицѣ.

Надо большое воображеніе, большую силу отвлеченія, чтобы повѣрить, будто мы все еще находимся въ православной Россійской имперіи, подъ охраною всесильной власти становаго пристава, подъ покровительствомъ XV томовъ Свода Законовъ. Если бы это было на Кавказѣ, я не сомнѣвался бы, что мы просто-напросто въѣхали въ аулъ горныхъ хищниковъ, гдѣ смѣшно уповать на XV-й томъ, гдѣ, вмѣсто всякихъ уѣздныхъ земскихъ, словесныхъ и уголовныхъ судовъ, знаютъ твердо одинъ судъ подъ старымъ дубомъ, подъ однимъ изъ тѣхъ историческихъ дубовъ, которые имѣютъ удобное качество служить двумъ цѣлямъ разомъ: шатромъ для судей, висѣлицею для осужденнаго.

Вонъ, вѣроятно, и самъ верховный дубъ; на этотъ разъ онъ замѣненъ маститымъ орѣхомъ, подобнаго которому трудно встрѣтить въ другой разъ; подъ его вѣтвями, толщиною въ огромное дерево, вытянутыми горизонтально шаговъ на 20 отъ ствола и густо затканными крупнымъ жесткимъ листомъ—въ самомъ дѣлѣ, цѣлое населеніе.

Сѣдые старики въ бѣлыхъ чалмахъ, все истые хаджи — съ строгимъ и важнымъ взглядомъ, съ неподвижными, глубоко-вырѣзанными чертами лица, сидятъ у самаго пня, въ позахъ, исполенныхъ достоинства, поджавъ подъ себя ноги и куря изъ длинныхъ чубуковъ. Кругомъ ихъ сидитъ и стоитъ въ самомъ живописномъ разнообразіи цвѣтная толпа татаръ въ чалмахъ, въ бараньихъ шапкахъ, съ лоснящимися бритыми головами,— все только мужчины. Зато оглянитесь налѣво — тамъ большой

каменный фонтанъ въ арабскомъ вкусѣ, съ длиннымъ стихомъ корана. Онъ, какъ пчелами, осыпанъ женщинами. Почтенныя матроны укутаны въ широкія бѣлыя простыни до самыхъ пятокъ и выказываютъ изъ-подъ своихъ савановъ только пару черныхъ глазъ, едва видныхъ сквозь узенькую щель, да желтыя заостренныя туфли, которыхъ никакъ не спрячешь при ходьбѣ. Молоденькихъ дѣвчонокъ, къ счастію, еще не считаютъ нужнымъ обращать въ величественныя статуи, въ которыхъ не разберешь ни одного члена, ни одного движенія. Они расцвѣчены донельзя и обтянуты донельзя. Волосы заплетены въ десятки мелкихъ косъ, окрашенныхъ въ огненную краску — точь-точь, семья красивыхъ змѣй вьется по плечамъ. Эта краска, подновляемая каждую недѣлю, съ лѣтами обратится въ черную какъ смоль, и изъ огненно-рыжихъ дѣвочекъ образуетъ глубокихъ брюнетокъ. Красная кругленькая шапочка съ золотомъ на головѣ у всякой; малороссіяне очень мѣтко прозвали „*татарками*“ красивыя колючія растенія вродѣ артишока, покрывающія степи иногда на большое пространство. Издали это — чисто толпа татарскихъ дѣвушекъ въ ихъ типичныхъ красныхъ шапочкахъ. Бешметъ съ открытой грудью, узкій въ плечахъ, съ непомѣрно длинными и узкими рукавами, всегда очень цвѣтной, портитъ естественныя формы тѣла; у пояса онъ обвязанъ еще однимъ или двумя цвѣтными платками наподобіе юбки, и изъ-подъ платковъ этихъ видны только нижнія складки очень широкихъ и тоже цвѣтныхъ шароваръ, стянутыхъ надъ самою ступнею.

Самая крошечная, двухлѣтняя дѣвчонка, возившаяся въ пыли, одѣта почти такъ же; у каждой своя крошечная шапочка, у каждой свой бешметикъ по мѣркѣ — это добрый обычай, не часто встрѣчаемый въ семьѣ русскаго простолюдина; онъ свидѣтельствуетъ объ инстинктивномъ признаніи человѣческаго достоинства, человѣческихъ правъ даже въ ребенкѣ. Этотъ обычай мнѣ особенно кидался въ глаза, по противуположности съ нашимъ

русскимъ, въ германской и швейцарской деревнѣ. Тамъ вы уже не встрѣтите крошечнаго мальчишку, завернутаго въ отцовскій тулупъ, или въ дѣдовской шапкѣ, нахлобученной на носъ, босаго и въ одной рубашкѣ.

Толпа женщинъ вокругъ фонтана, съ своими бѣлыми чадрами, съ маковымъ цвѣтомъ дѣвичьихъ нарядовъ, съ кувшинами и кружками восточной формы, у кого по итальянски, на головѣ, у кого въ рукахъ, — движущаяся, шумящая, переливающая цвѣтами—способна приковать артиста на многіе часы, своею поразительною картинностью; особенно когда, въ параллель ей, взору его открылась бы съ другой стороны важная группа, безмолвно курившая въ тѣни стараго орѣха.

Дерево, фонтанъ — естественные центры первобытной жизни, еще не доросшей до необходимости клубовъ, пассажей, кофеенъ съ пѣніемъ и безъ пѣнія, и тому подобныхъ пріютовъ цивилизованнаго бездѣлья. Тѣнистый дубъ — это прототипъ нашего жилища, естественный шатеръ, давшій человѣку первую мысль объ убѣжищѣ. Въ пустынной мѣстности онъ красота, разнообразіе, жизнь. Путникъ благословляетъ его, какъ привалъ, указанный природою, гдѣ онъ остынетъ отъ своего путеваго пота, гдѣ онъ насытится и уснетъ, не палимый больше полуденными лучами. Кочевникъ разбиваетъ подъ дубомъ свою палатку и принимаетъ своихъ гостей. Дубъ — издавна и межевая грань у народовъ, и указатель пути. Даже лѣсной житель соображаетъ мѣстность по большимъ вѣковымъ дубамъ, которыхъ физіономія выдѣляется своеобразно изъ безконечнаго и безразличнаго древеснаго моря. Оттого дубъ и сталъ издревле деревомъ гостепріимства, деревомъ геройскихъ подвиговъ, деревомъ суда и мудрости, деревомъ неразгаданныхъ тайнъ и религіознаго обожанія. Эпосъ древняго міра, сказка, пѣсня, легенда — сама исторія — сохранила намъ память объ этомъ многообразномъ и глубокомъ значеніи дуба, коренящемся въ первобытныхъ условіяхъ человѣческой жизни и сдѣ-

лавшемъ изъ этого видоваго названія почти родовое имя для дерева вообще. Въ Библіи Авраамъ недаромъ встрѣчаетъ неземныхъ путниковъ въ дубравѣ Мамврійской; богатыри нашихъ былинъ отдыхаютъ и умираютъ подъ дубами; подъ дубами находятъ чудные доспѣхи; вѣщія птицы сидятъ всегда на дубахъ; всѣ клады подъ дубами. Таинственный шелестъ дубовъ разгадывался первобытными оракулами Греціи. Въ древней Германіи, въ Галліи — дубъ былъ святилищемъ, средоточіемъ общественныхъ собраній. Еще Лудовикъ Святой въ XIII вѣкѣ сохранилъ патріархальный обычай суда подъ Венсенскимъ дубомъ.

Какъ дубъ, дерево—естественный центръ общественной, религіозной, героической, то есть вообще мужеской жизни первобытнаго человѣка, — такъ, фонтанъ, колодезь — исконное поле чувственной, то есть женственной стороны той же жизни. Первобытное хозяйство тѣхъ маловодныхъ странъ, откуда, по всѣмъ вѣроятіямъ, разселилось племя человѣка,—было такъ тѣсно связано съ водою фонтана, что фонтанъ могъ стать почти его синонимомъ. Напоитъ людей и скотъ, вымыть свое тѣло и свои одежды—можно только у фонтана. Сначала фонтанъ, потомъ уже домъ, хозяйство, женская забота. Вечеромъ, у фонтана вѣчная работница, вѣчная домосѣдка, женщина встрѣчалась съ мужчиною, который цѣлый день при стадѣ или на охотѣ. Вечеръ, отдыхъ отъ трудовъ, часъ покоя, досуга и наслажденій. Вечеромъ естественное пробужденіе потребностей менѣе суровыхъ, менѣе обязательныхъ, потребностей бесѣды, общенія и любви. Въ вечерней прохладѣ, подъ звонкой струею фонтана, легче всего возникали первыя сердечныя отношенія между работящимъ юношествомъ первобытныхъ обществъ, какъ легко они возникаютъ теперь среди нашей свѣтской молодежи, подъ звуки оркестра, въ яркоосвѣщенныхъ бальныхъ залахъ. Тишина и простота въ младенческую эпоху человѣка были необходимыми условіями тамъ, гдѣ теперь необходимымъ условіемъ сталъ неестественный шумъ, неестествен-

ный свѣтъ и поддѣльная красота. Женщину, будущую подругу свою, человѣкъ естественной жизни оцѣнивалъ во время ея работы, гдѣ ему открывались ея умѣлость, ея сила и дѣятельность. Когда библейская Ревекка или Гётевская Доротея собственноручно тянули изъ колодца бадью съ водой или отворачивали тяжелый камень, ихъ рабочая грація, ихъ „volle Gesundheit der Glieder", дѣлались вполнѣ очевидными для здоровыхъ, трудолюбивыхъ юношей, на нихъ любовавшихся. Только въ рабочемъ деревенскомъ быту — и нашемъ русскомъ, а болѣе всего въ восточномъ—колодезь, фонтанъ сохранили доселѣ свое древнее значеніе мѣста сближенія двухъ половъ, мѣста зарожденія сердечныхъ драмъ.

Вечеръ падаетъ; на небѣ становится розово, деревья проступаютъ розовымъ пламенемъ; все въ воздухѣ стихаетъ и замираетъ въ той особенной нѣгѣ, которая свойственна крымскому лѣтнему вечеру. Послѣдніе звуки дня явственнѣе слышатся въ этой тишинѣ.

Бекиръ устроилъ нашъ ночлегъ у одного изъ почетнѣйшихъ хаджей Узенъ-Баша, не допуская въ насъ и мысли о возможности довольствоваться первою попавшеюся саклей. Преважно подбоченясь въѣхалъ онъ на дворъ, и двумя, тремя полусловами объяснилъ по-своему хозяину, кто мы и какъ насъ нужно принять.

Тохтаръ-Эффенди вышелъ къ намъ за ворота, худой, съ строгимъ взглядомъ, исполненный непоколебимаго достоинства, и привѣтствовалъ насъ по восточному, указывая рукою на свой домъ. Мы, кажется, спутали всѣ его понятія о нашемъ величіи, расположившись до ночи прямо на улицѣ, подъ старымъ орѣхомъ, чтобы налюбоваться на окружавшую насъ Татарію и на чудный вечеръ. Вокругъ насъ уже протолкнуться нельзя: пріѣздъ нашъ былъ событіемъ въ Біюкъ-Узенъ-Башѣ; даже татарскія матроны позабыли правила мусульманскихъ приличій и пробирались къ изумившей ихъ амазонкѣ. Дѣти вскарабкались даже на сучья,

ни мажары, на плетни. Глянешь кругомъ — всюду бѣлые, сверкающіе зубы, тѣсные и крѣпкіе какъ у звѣрковъ, и черные воспламененные глазенки: и зубы, и глаза — все въ нихъ смѣется отъ радостнаго изумленія, рты раскрыты въ недоумѣньи и жадномъ любопытствѣ.

Женщины съ какимъ-то азартомъ наперерывъ хватаютъ и ощупываютъ каждую бездѣлицу, надѣтую на амазонкѣ нашей, хихикаютъ и шепчутся другъ съ другомъ изъ-подъ своихъ покрывалъ. Только старые татары сохраняютъ невозмутимое спокойствіе и, кажется, заняты только однимъ соображеніемъ, куда это и зачѣмъ Богъ несетъ насъ?

Бекиръ съ хозяйскими работниками таскаетъ между тѣмъ дрова и воду, развьючиваетъ лошадей. Вотъ стали вынимать изъ саквовъ нашу провизію и разныя принадлежности пути — любопытство женщинъ и дѣтей достигаетъ своихъ предѣловъ; воспользовавшись ихъ углубленнымъ вниманіемъ, я сѣлъ за стволъ орѣшника и сталъ исподтишка набрасывать въ путевой альбомъ нѣкоторыя фигуры; молодой татаринъ не разъ ловилъ мой воровской взглядъ и выслѣдилъ движенье моего карандаша. Такъ же незамѣтно, какъ я рисовалъ, подкрался онъ сзади меня и нѣсколько минутъ пристально смотрѣлъ, черезъ мою голову, на непонятную для него работу, на это быстрое мельканье крашеной палочки, изъ-подъ которой какимъ-то чудомъ выростали знакомыя ему черты, знакомые наряды.

Я замѣтилъ его уже тогда, когда онъ, будучи не въ силахъ долѣе сдерживаться, съ громкимъ смѣхомъ сказалъ что-то по-татарски. Вся его фигура широко расцвѣла удовольствіемъ и удивленіемъ. Вдругъ фрр!!... все, что было въ толпѣ женщинъ и дѣвочекъ, брызнуло въ разсыпную, закрываясь рукавами и неистово хихикая. Нужно было перенести карандашъ и глаза на мальчиковъ. Но тревога уже была подана: взглядъ мой ловился со всѣхъ сторонъ — большими и дѣтьми.

Какъ ни хитрилъ я — ничего не могъ сдѣлать. Только что взглянешь хоть разъ на кого нибудь — онъ тотчасъ ухмыльнется, пробормочитъ своимъ что-то потатарски и отойдетъ-себѣ въ сторону, съ глазъ долой.

Темнота загнала насъ въ домъ хаджи.

Гостинная Тохтаръ-Эффенди довольно порядочна для простаго татарина. Потолокъ съ бахчисарайской рѣзьбой, на полкахъ ярко вычищенная посуда и нѣсколько рукописныхъ магометанскихъ книгъ, деревянное мелко-рѣшетчатое, окошко на турецкій манеръ; а ужъ ковровъ, подушекъ и тюфяковъ счету нѣтъ! Мы сидимъ на коврахъ, поджавъ подъ себя ноги, вокругъ татарскаго столика настоящаго арабскаго рисунка.

Тохтаръ-Эффенди въ своей бѣлой чалмѣ и полосатомъ халатѣ, придающемъ ему видъ муллы, стоитъ у порога, не зная, прилично ли ему будетъ сѣсть съ нами. Собственно на насъ онъ не обращаетъ никакого вниманія, для него важенъ только одинъ изъ насъ, котораго онъ исключительно считаетъ гостемъ своимъ. Бекиръ въ своемъ татарскомъ соображеніи рѣшилъ, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ, одѣтый въ кавказское платье, въ черкескѣ съ кинжаломъ, не можетъ быть ничемъ другимъ, кромѣ князя; смуглый восточный типъ лица и наѣздническая ловкость кавказскаго барина окончательно убѣдили его въ этомъ. Заручившись такимъ убѣжденіемъ, Бекиръ торжественно объявилъ хаджи и всѣмъ спрашивавшимъ его, что пріѣхалъ „кназъ“ съ Кавказа; мы, мирные граждане, безъ патроновъ и кинжаловъ, были такимъ образомъ отодвинуты на задній планъ и, кажется, почитались за свиту „князя“. Оттого-то и раздумывалъ хаджа, приличествуетъ ли ему, хотя и хозяину, сидѣть на одномъ коврѣ съ такимъ знатнымъ гостемъ.

Вѣсть о пріѣздѣ къ хаджѣ кавказскаго князя пронеслась по всему Узенъ-Башу. Нѣсколько важныхъ, бородатыхъ фигуръ появились въ дверяхъ, и Эффенди черезъ Бекира просилъ у

князя впустить почетныхъ гостей, которые пришли привѣтствовать князя. Одинъ за однимъ, съ серьознымъ и церемоннымъ видомъ, подходятъ гости къ мнимому князю, прикладываютъ руку къ сердцу, говорятъ что-то, покачивая головами, потомъ опускаютъ у ногъ князя разныя приношенія, кто сухой изюмъ — ерикъ, (родъ мелкой сливы), кто груши, кто даже кислое овечье молоко.

Откланяется, съ достоинствомъ пожметъ руку, и опустится себѣ на коверъ около князя, поджавъ ноги. Вотъ всѣ усѣлись кружкомъ и закурили длинныя трубки. Ни одинъ почти гость ни слова по русски, бѣдный кавказскій „князь“ ни слова по татарски. Однако бесѣда идетъ, важная, длинная, неспѣшная восточная, бесѣда, очень напоминающая наше европейское молчаніе. Сидятъ, уставивъ глаза въ трубки, и торжественно выпускаютъ облака дыма — изрѣдка только смуглые костлявые пальцы, сложенные въ щепотку, протягиваются къ столу, на которомъ стоятъ сласти; а то вдругъ сосѣдъ нагнется къ князю, возьметъ его кинжалъ и станетъ вертѣть кругомъ, любуясь серебряною чеканкою и тавлинскимъ лезвіемъ; налюбуется и съ короткимъ одобреніемъ передаетъ его другому. Всякій гость поочередно пощупаетъ, повертитъ, понюхаетъ кинжалъ, покачаетъ съ удовольствіемъ головою и передаетъ сосѣду. „*Карошъ* кинжалъ! Якши!“ скажетъ кто-нибудь князю, торжествуя знаніемъ русскаго языка. И опять молчаніе на много минутъ, опять неподвижное насасываніе трубокъ. Кто-нибудь опять очнется, сочтетъ приличнымъ заговорить: „богато грошей далъ? — Двадцать рублей!

— Це... це... це...“ прищелкнутъ языкомъ всѣ собесѣдники, съ сожалѣніемъ покачивая головою и всѣ, словно по сговору, устремляя глаза на кинжалъ еще съ бо́льшимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде. И опять длинное молчаніе. Потомъ наступаетъ очередь черкески, щупаютъ сукно, смотрятъ его на свѣтъ, трутъ между пальцами; „карошъ архалукъ, кназъ; богато грошей?“ И опять

удивленье, покачиванье и одобренье. Отъ черкески къ поясу, отъ пояса къ папахѣ, къ башлыку; весь князь, всякая его пуговка, всякій позументикъ ощупаны и опробованы.

„Гдѣ купилъ, кназъ? — Въ Стамбулѣ!

— О! Стамбулъ якши!“ Всѣ бѣлые зубы съ удовольствіемъ осклабляются, сверкая изъ чащи бородъ, — и мнимая стамбульская покупка, словно что-то особенно хрупкое, переносится въ крѣпко сложенныхъ пригоршняхъ отъ однихъ восторженныхъ глазъ къ другимъ, съ такою благоговѣйною бережностью, какъ будто эти грубые пальцы сами чувствуютъ все неумѣнье и все недостоинство свое держать драгоцѣнную вещь.

Еще разъ тоже степенное молчаніе; но уже теперь всѣ эти серьезныя лица свѣтятся совершенно дѣтскимъ удовольствіемъ.

Жолтый морщинистый старикъ, съ длинными сѣдыми бровями, гладитъ князя по плечу и по колѣнамъ: „твой, кназъ, болшой султанъ!“

— „Кназъ болшой султанъ!“ — важно подтверждаетъ вся компанія, одобрительно кивая головами.

Жолтый старикъ, по имени Меметъ-Эминъ, встаетъ, — всѣ встаютъ. Опять пожимаютъ руку князя, опять прижимаютъ свои руки къ сердцу; жолтый старикъ проситъ князя завтра утромъ къ себѣ на кофей. Двое другихъ пристаютъ съ тѣмъ же, а князь, для поддержанія своей роли, одариваетъ своихъ гостей разными бездѣлушками, въ отвѣтъ на гостинцы ихъ. Гости уходятъ, сверкая отъ радости и глазами, и зубами.

Рано поднялись въ путь. Какъ ни изломала насъ ѣзда верхомъ по горамъ и по камнямъ, однако ночлегъ въ повалку на открытой галлереѣ и на войлокахъ гостиной не особенно нѣжилъ. Бекиръ ранехонько раздобылъ ячменю и подкормилъ коньковъ. Мы тронулись со двора какъ разъ съ первымъ крикомъ муэзина. Его тощая фигура была видна съ балкончика сосѣдняго минарета, откуда онъ протяжно и пронзительно гнусилъ на всѣ

стороны свѣта обычный стихъ алькорана... Пожилые татары уже двигались по направленію къ мечетямъ. Вѣжливо, но съ большою серьезностью, привѣтствовали они насъ, когда случалось съ ними равняться.

Яркое и тихое утро сіяло надъ этимъ живописнымъ азіатскимъ уголкомъ, потонувшимъ въ сплошныхъ садахъ въ глубокой впадинѣ горъ. Сіяло оно съ тою же радостною свѣжестью и торжественностью и въ нашей груди. Утреннее безмолвіе, утренняя трезвость жизни охватили и нашу беззаботную кавалькаду; всѣ ѣхали тою спорою, дѣловою рысью, которая обѣщаетъ долгій безостановочный путь. Дороги въ горномъ Крыму устроены природою и сохранили на себѣ дѣвственную грубость ея характера. Ручьи, сбѣгающіе со склоновъ, потомъ рѣчки, въ которыя стекаются эти ручьи, — вотъ единственные пути горнаго сообщенія. Сообщеніе между бассейнами двухъ сосѣднихъ рѣчекъ, какъ бы ни близко протекали они, очень затруднительно. Ихъ водораздѣлъ обыкновенно такъ обрывистъ и крутъ, и такъ волнообразенъ, что перевалъ черезъ него, даже верхомъ, требуетъ особенной привычки: ежеминутные спуски и подъемы по каменистымъ обрывамъ, по кучамъ камней, почти всегда безъ яснаго слѣда тропы — вотъ этотъ перевалъ. Послѣ него покажется шоссейною дорогою даже рѣчная дорога; — поэтому въ горныхъ странствованіяхъ только при крайней необходимости сворачиваешь съ долинъ ручьевъ и рѣчекъ, хотя чрезъ это всегда приходится дѣлать большой крюкъ.

Если вы знаете теченіе крымскихъ горныхъ рѣчекъ — вы знаете крымскія горныя дороги, и наоборотъ: если вы знакомы съ направленіемъ дорогъ — вы знаете тѣмъ самымъ теченье рѣкъ. Крымская горная дорога, или, что тоже, крымская горная рѣчка — требуетъ отъ путешественника большой привычки.

Лѣтомъ, какъ я уже говорилъ выше, это вьющаяся лента валуновъ разной величины, разбросанныхъ во всю ширину долины, между которыми кое-гдѣ сочится ниточка воды. Иногда и этой

ниточки вы не видите на цѣломъ десяткѣ верстъ. Щебенистый грунтъ русла, наваленный въ толщину нѣсколькихъ аршинъ, служитъ настоящею цѣдилкою, каменнымъ ситомъ, сквозь которое рѣчка, усохнувшая отъ лѣтнихъ жаровъ, уходитъ подъ свое собственное дно и пробирается тамъ невидимкою до тѣхъ мѣстечекъ, гдѣ незможно укрываться, и гдѣ она выступаетъ опять наружу.

Татарскія деревни лѣпятся только по берегамъ этихъ капризныхъ змѣистыхъ рѣчекъ, которыя порою такъ сухи, что на ихъ горячихъ камняхъ едва яицъ не сваришь; порою заливаютъ хаты до крышъ, сносятъ деревья, скотъ и ворочаютъ цѣлые утесы.

Если гдѣ нибудь на вершинѣ горъ внезапно упадутъ большіе дожди или растаетъ масса снѣгу, вода сбѣгаетъ внизъ страшною лавиною и причиняетъ тѣмъ большія бѣдствія, что предвидѣть ихъ нѣтъ возможности.

Альма унесла разъ цѣлую партію солдатъ, которые сочли ея сухіе камни за безопаснѣйшее мѣсто ночлега, снесла большой каменный мостъ на почтовой дорогѣ.

Салгиръ почти на моихъ глазахъ, среди сухаго лѣта, вдругъ залилъ цѣлую деревню Мамудъ-Султанъ, такъ что почтовая станція наполнилась водою по-окна, и ямщики плавали по двору, спасая лошадей.

Мы спускались по одной изъ такихъ рѣчекъ-дорогъ, по рѣчкѣ Узень-Башу, которая, вмѣстѣ съ своей дружкой Біюкъ-Узенбашъ, составляетъ верховье исторической теперь рѣки Бельбека.

Съ ранняго утра до вечеренъ, мы не слѣзали съ лошадей, заинтересованные прелестною мѣстностью, веселою болтовнею и еще болѣе веселыми перегонками по каменистой дорогѣ. Долина рѣки Узенбаша забирала все сильнѣе и сильнѣе на западъ и наконецъ упала въ долину Бельбека, съ которой мы повернули къ сѣверу-западу. Спускъ дѣлался мягче. Проѣхавъ Фотисалу, цѣлый рядъ деревень, осыпавшій рѣчку — мы должны были по-

кинуть Бельбекъ и совершить одинъ изъ тѣхъ досадныхъ переваловъ, о которыхъ я говорилъ.

Первая цѣль нашего странствія былъ Мангупъ-Кале, а онъ лежитъ у верховья срединнаго притока Бельбека-Кара-Илеза; спускаться по Бельбеку до устья Кара-Илеза, и потомъ подниматься вверхъ по Кара-Илезу до Мангупа, было бы дѣломъ слишкомъ долгимъ. Всаднику нечего стѣсняться крутизнами, и туристу не лишнее ознакомиться своими ребрами съ красотами горъ. Бекиръ командуетъ намъ налѣво, а насъ манитъ такъ впередъ, гдѣ уже открылась передъ нами живописнѣйшая часть, чуть ли не самой живописной въ Крыму, Бельбекской долины.

Одинъ изъ насъ уже набрасываетъ, не слѣзая съ сѣдла, оригинальной разрѣзъ скалъ Топчю, которыхъ круглыя сплошныя башни провожаютъ рѣчку справа.

Но Бекиръ тянетъ насъ лѣсами и оврагами на иной путь.

Я совѣтовалъ взять проводника въ Фотисалѣ, потому что по опыту зналъ, какъ труденъ съ этой стороны подъѣздъ къ Мангупу. Но Бекиръ презрительно относился къ моимъ увѣщаніямъ, хвастаясь, что онъ знаетъ въ горахъ всѣ тропинки.

Мы сбились уже черезъ ½ часа. Въ лѣсистыхъ холмахъ, черезъ которые пробирались мы, было столько колевинъ, пробитыхъ мажорами, только стропъ, протоптанныхъ скотомъ, что только мѣстный дровосѣкъ могъ помнить, куда ведутъ они. Бекиръ нѣкоторое время скрывалъ свое смущенье и притворялся вѣрующимъ въ истинность пути, которымъ онъ насъ велъ. Но я обличилъ его сейчасъ же неопровержимыми доводами. Напрасно мучили мы своихъ коней, прорѣзаясь сквозь колючую чащу, спускаясь въ глубокія лѣсныя балки, карабкаясь на крутые скаты; напрасно смущенный Бекиръ злился на свеего коня и лупилъ его нагайкою черезъ голову, снуя по этимъ дебрямъ, какъ гончая, отыскивающая упущенный слѣдъ. Горы и деревья заслоняли даль, и сообразить по окрестности было невозможно, хотя Бекиръ раза

два взлѣзалъ съ этою цѣлью на дубы. Особенно доставалось амазонкѣ и ея длинному хвосту. Рѣшено было спѣшиться и позавтракать, пока Бекиръ добудетъ слѣда. Вотъ усѣлись на лужайкѣ, бутылки и закуски живо полѣзли изъ вмѣстительныхъ саквовъ; веселый говоръ и смѣхъ, звонъ стакановъ, голодное чмоканье губъ — оживили непривычною картиною совершенно пустынный лѣсъ. Ауканье Бекира переносилось поочереди отъ одной стороны свѣта къ другой, и мы дружно отвѣчали ему. Пронзительный голосъ его долеталъ до насъ то съ макушки какого нибудь холма, то словно изъ подземной норы; скоро его нестало вовсе слышно, и мы начали думать, что онъ заѣхалъ Богъ знаетъ куда. Однако черезъ часокъ онъ вернулся съ какимъ-то пастушонкомъ, и мы выбрались на настоящую дорожку.

Мангупъ-Кале открылся намъ въ большомъ величіи и неожиданно. Изъ моря лѣсныхъ холмовъ, какъ островъ, возвышается его обрывистая столовая, гора и на плоской макушкѣ ея изъ большой дали видны какъ на ладони остатки стѣнъ, башенъ, замковъ стараго Мангупа. Это очень обманываетъ путника, которому кажется, что вотъ сейчасъ онъ будетъ у подошвы горы. А дорожка между тѣмъ еще долго дѣлаетъ петли кругомъ столовой горы, приближаясь, сквозь тѣснину, къ тому единственному мѣсту, съ котораго есть возможность вскарабкаться на этотъ титаническій каменный столъ. Видъ на Мангупъ изъ этой тѣснины, пробирающейся съ сѣверной стороны его, между нимъ и сплошною стѣною сосѣднихъ горъ—самый полный, отчетливый, и притомъ поразительной оригинальности. Столовая гора съ отвѣсными обрывами выступаетъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ четырьмя такими же высокими скалистыми мысами—настоящими природными бастіонами, а между этими выступающими твердынями лѣсные скаты, по которымъ, хотя съ огромными затрудненіями, можно добраться до вершины. Носы этихъ выступовъ, когда проѣзжаешь какъ разъ подъ ними, кажутся гигантскими обелисками удивительной кра-

соты. Снизу вамъ видно, что высоко, въ воздушной синевѣ лента зубчатыхъ стѣнъ и башенъ, гдѣ разрушенная, гдѣ еще существующая, отрѣзаетъ эти выступы отъ главной площади Мангупа и преграждаетъ доступъ по лѣснымъ скатамъ своими воротными башнями и бойницами.

Пока наши альбомы наполнялись экскизами этихъ развалинъ и этихъ скалъ, невѣдомо откуда нанеслись страшныя грозовыя тучи, и полился поистинѣ тропическій дождь.

Всѣ бросились на вскачь по тѣнистой лѣсной дорожкѣ, надѣясь на скорый пріютъ. Дождь сѣкъ какъ розгами, и еслибы не кавказская бурка—наша амазонка очутилась бы въ самомъ жалкомъ положеніи. Наконецъ доскакали до Коджа-Сала, деревеньки подъ самой подошвой Мангупа; Коджа-Сала—старинное помѣстье князей Балатуковыхъ, принадлежитъ теперь зятю княгини Балатуковой Абдураманчику, которому принадлежитъ, кажется, и самъ Мангупъ. Я уже ночевалъ разъ съ изряднымъ комфортомъ въ *кунацкой* этого мурзы и обнадеживалъ теперь своихъ измокшихъ спутниковъ перспективою татарскаго гостепріимства.

Коджа-Сала превратился въ грозный потокъ; по-щотки въ водѣ, добрались наши кони до двора мурзы.

Все заперто, и дворъ гарема, и кунацкая. Обошли кругомъ, постучали, покричали подъ неудержимымъ ливнемъ: никто не отозвался. Бѣда дѣлалась серьозною—куда дѣться? Пока Бекиръ ѣздилъ по деревнѣ за языкомъ, мы себѣ мокли, да мокли; Бекиръ возвратился съ вѣстью, что почти всѣ хаты пусты, потому что теперь татары въ лѣсу, но что эффенди согласился пустить насъ къ себѣ. Копыта опять зашлепали по лужамъ, и никто даже не спросилъ—къ какому это эффенди?

Въ концѣ деревни, совсѣмъ пріосѣненный грозными тѣнями мангупскихъ твердынь, среди персиковъ, орѣховъ и грушъ, ютился крѣпко огороженный дворикъ эффенди, съ совершенно восточными плоско крытыми домиками, съ балкончиками и рѣшетками вмѣсто

оконъ. Ворота растворились настежъ при нашемъ приближеніи, и высокій величественный старецъ, въ бѣлой чалмѣ и бѣломъ халатѣ, съ бѣлою какъ снѣгъ окладистою бородою, съ строгими и почтенными чертами лица, показался у воротъ, приложивъ руку къ сердцу, и показывая намъ другою на свой дворъ. Это былъ чистый библейскій Авраамъ, принимающій странниковъ подъ дубравой Мамврійской. Дворъ и домики эффенди были необыкновенно чисты, и въ каждомъ деревцѣ видна была заботливая хозяйская рука.

Видя насъ въ такой грязи, эффенди не рѣшился пустить насъ обутыми въ свою опрятную кунацкую, устланную хорошенькими войлочками и ковриками. По требованью его, сапоги были сброшены, и волей-неволею кавалеры очутились въ однихъ чулкахъ, что совершенно, впрочемъ, подобало въ татарской кунацкой. Въ кунацкой было двѣ комнатки, такъ что мы могли кое-какъ прибраться и посушиться. Пока намъ готовили кофе и жарили куръ, эффенди пределикатно ухаживалъ за нашею амазонкою, которой печальное состояніе, а можетъ быть и милыя черты, тронули его патріаршее сердце. Онъ даже дошелъ до того, что, какъ настоящій свѣтскій кавалеръ, просилъ позволенія курить. Оказалось, что мы въ гостяхъ у хаджи-Абдула-Кадира-Акъ-Муллы, бывшаго имама изъ Орта-Каралеза, по русски сказать, у отставнаго благочиннаго протоіерея. Я не хотѣлъ упустить случая обогатить свой путевой альбомъ такою характерною ветхозавѣтною фигурою, но помня, что коранъ запрещаетъ правовѣрнымъ изображенія человѣка, и чтя въ своемъ хозяинѣ блюстителя правовѣрія, я заслонился своими спутниками и старался тайкомъ набросать сановитыя черты имама. Имамъ, однако, совершенно изумилъ меня. Онъ сейчасъ замѣтилъ мои эволюціи, потребовалъ альбомъ, улыбнулся и тотчасъ же вышелъ. Я было думалъ—уйдетъ, а онъ вернулся, сіяющій счастьемъ, переодѣтый въ парадный полосатый балахонъ.

— „Вотъ такъ дѣлай! такъ, якши!“ говорилъ онъ мнѣ, садясь въ особенно важную позу. Не успѣлъ я сдѣлать двухъ штриховъ, какъ имамъ опять вскочилъ на ноги.

— „Постой, такъ нельзя“!

Онъ полѣзъ на полочки, что лѣпятся по стѣнамъ каждой татарской гостинной, снялъ оттуда серебряные часы и повѣсилъ ихъ себѣ прямо на грудь, потомъ поставилъ въ уголъ маленькую трубочку, которую онъ курилъ и взялъ въ ротъ длинную предлинную. Мы едва держались отъ хохота, забавляясь этимъ дѣтскимъ малодушіемъ величественнаго эффенди. Онъ расѣлся какъ турецкій султанъ, поджавъ ноги, вытянувъ трубку, съ самымъ торжественнымъ выраженіемъ лица. Портретомъ моимъ хаджи остался до-нельзя доволенъ, смотрѣлъ его со всѣхъ сторонъ, улыбаясь указывалъ пальцемъ на часы, на трубку, на полосы халата; эти подробности, кажется, особенно убѣждали его въ сходствѣ; наконецъ онъ попросилъ позволенія показать портретъ женамъ и бережно унесъ мою книжку въ гаремъ. Возвратясь, хаджи пригласилъ нашу амазонку сдѣлать визитъ его дамамъ, которыя, какъ всѣ заключенницы, страстно охочи до новыхъ лицъ, до неожиданныхъ происшествій. Женщины хаджи-Абдула побросали свое тканье, свое вышиванье серебромъ и встрѣтили русскую гостью стоя врядъ; быстро прикладывали они свои руки сначала ко лбу, потомъ къ сердцу, также быстро поклонились ей въ ноги, вскочили, обняли, поцѣловали, потомъ съ какимъ-то лихорадочнымъ восхищеньемъ ощупали и обнюхали всякую подробность незнакомаго имъ туалета, и чинно расѣлись-себѣ на диванахъ напротивъ своей гостьи, уже нешевелясь, не сгибаясь.

Хаджи велъ за нихъ бесѣду.

Мы славно отдохнули и поѣли въ домикѣ мангупскаго Авраама. Кто предпочелъ выспаться, а я все время слушалъ разсказы хаджи и любовался чисто восточною обстановкою всей его жизни. Его маленькая кунацкая была отдѣлана затѣйливою деревянною

рѣзьбою, кой-гдѣ раскрашенною съ наивною азіатскою пестротою. сбоку былъ устроенъ альковъ съ такою же рѣзною дверочкою, въ которомъ хаджи совершалъ свои омовенія. На полочкахъ лежали въ необыкновенной опрятности разныя цѣнныя вещи и много такихъ же опрятныхъ рукописныхъ книгъ. Мангупскій Авраамъ еще не признавалъ изобрѣтенія майнцскаго нѣмца и не хотѣлъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ не пользовался его пророкъ. Коврики и подушки были новенькіе, отлично выбитые, и самъ хаджи сидѣлъ на нихъ съ чисто вымытыми босыми ногами, съ бородою, въ которой былъ тщательно расчесанъ каждый волосокъ, самъ бѣлый, весь въ бѣломъ, — точно какой-то кроткій столѣтній младенецъ. Онъ очень мало зналъ русскихъ словъ, я еще меньше татарскихъ, однако мы понимали существенное содержаніе нашего разговора.

Хаджи былъ въ Меккѣ, въ Мединѣ, хаджи 22 года былъ имамомъ. Онъ непоколебимо вѣрилъ въ святость своего сана, во власть своей молитвы надъ силами судьбы и природы, въ талисманство каждаго слова корана. Его принципы жизни были опредѣленны, просты и тверды, какъ пріосѣнявшія дворъ его скалы Мангупа. Ханджи очень пострадалъ въ крымскую компанію и вспоминалъ о ней съ большимъ горемъ. Каралезская долина была въ рукахъ нашихъ, и у Мангупа стояли на батареяхъ пушки. Непріятели доходили до Мангупа съ южной стороны, по рѣкѣ Шулю, черезъ Ай-Тодоръ, изъ Балаклавы. Русскіе солдаты все отняли у хаджи: ячмень, корову, 2000 рублей денегъ, срубили подъ корень садъ хаджи. Меншиковъ говорилъ солдатамъ: „валяй, ребята"! „Меншиковъ — яманъ-ага„! „Горшаковъ — якши-ага"! Самъ хаджи бѣжалъ въ Мархуръ, въ глубинѣ горъ. На 3 года войску досталъ бы Крымъ, ко-ли бъ не грабили, а такъ и на 3 мѣсяца не досталъ. Другія получили потомъ отъ царя, а хаджи сказали: срокъ пропустилъ. „Комитатъ 25 рублей просилъ; дали бы и ему вознагражденье, а то подожди. А хаджи

Абдулъ 22 года падишаху служилъ“, говорилъ имамъ съ плачевными жестами и плачевнымъ голосомъ.

Къ вечеру совсѣмъ разъяснилось; лошади подкормились, и мы рѣшились подняться на Мангупъ, не откладывая до завтра. Воды не было слѣда: она все ушла также разомъ, какъ пришла. На улицахъ всѣ камушки были обмыты и уже просушены крымскимъ солнцемъ. Все глядѣло послѣ дождя особенно весело и ярко.

На Мангупъ-Кале можно взобраться двумя путями: одинъ долгимъ объѣздомъ изъ Айтодорской долины, оврагомъ Альмалыкъ-Дере, черезъ развалины главныхъ крѣпостныхъ воротъ; это единственная дорога для мажаръ. Другая верховая тропа идетъ прямо надъ Коджа-Сала по страшной крутизнѣ. Мы предпочли этотъ короткій путь. Крайній западный выступъ столовой горы татары называютъ *Чамнукъ-бурунъ*, „мысъ сосенъ“; между нимъ и „жидовскимъ мысомъ“ (*Чуфутъ-бурунъ*) идетъ „*табана-дере*“, „оврагъ кожевниковъ“, по которому мы должны были подниматься. За Чуфутъ-буруномъ, между нимъ и „мысомъ вѣтровъ“, „*Гелли-буруномъ*“, тянется второй лѣсной спускъ, подъ названіемъ „оврагъ бань“, „*Гаманъ-дере,*“ а за Гелли-буруномъ послѣдній скатъ, самый доступный, „оврагъ воротъ“, „*Капу-дере*“. Онъ замыкается съ востока крайнимъ и самымъ неприступнымъ выступомъ Мангупа — „*Тешкли-буруномъ*“, „мысомъ щели“. Стихіи просверлили каменный носъ этого выступа огромнымъ окошкомъ, которое снизу и издали свѣтится словно игольное ушко, эта дыра и дала названіе мысу.

Съ первыхъ же шаговъ мы усумнились, возможно ли продолжать путь на лошадяхъ. Сначала шла гора такаго рыхлаго щебня, который сыпался изъ-подъ копытъ какъ колотый сахаръ, и не представлялъ никакого упора; потомъ поползла по косогористымъ краямъ обрывовъ капризно вьющаяся пѣшая тропка, скользкая и въ сухое время, а послѣ ливня сдѣлавшаяся невозможною.

Наконецъ пришлось пробираться черезъ низкоствольный колючій лѣсъ, котораго почва была сплошь засыпана огромными камнями. Лошади должны были переступать черезъ нихъ какъ черезъ пороги и карабкаться по обваламъ какъ по ступенькамъ лѣстницы. Все это нужно было дѣлать на подъемѣ подъ угломъ 45°, на каждомъ шагу извиваясь то направо, то на лѣво. Какъ ни привычна крымская лошадь къ горнымъ тропинкамъ, но тутъ и она почти отказывалась. Жалко было слушать это тяжелое, болѣзненное двошенье ихъ легкихъ, смотрѣть на эти взопрѣвшіе бока, вздувавшіеся быстро и сильно, какъ мѣхи кузницы. А татары и въ усъ не дуютъ! Колотятъ себѣ палками бѣдную животину и никому не позволяютъ спѣшиться, да, признаться, сомнительно, чтобы и пѣшкомъ было лучше. На половинѣ пути мы встрѣтили еще уцѣлѣвшую передовую стѣну, преграждавшую оврагъ поперегъ, отъ Чамнукъ-буруна до Чуфутъ-буруна. Тамъ, гдѣ эта стѣна примыкаетъ къ скаламъ Чуфутъ-буруна, мы осмотрѣли весьма любопытную трехъ-ярусную пещеру изъ 4-хъ келій, соединенныхъ другъ съ другомъ каменными лѣстницами. Очевидно это была сторожевая башня своего рода, бойница и казарма вмѣстѣ. За стѣною потянулось обширное караимское кладбище, древніе памятники котораго частью вошли въ скалу, частью разбросаны по лѣсу; впрочемъ множество еще нетронуто съ мѣста. Ихъ форма и надписи совершенно тѣже, что въ Іосафатовой долинѣ близь Чуфута: двурогія, однорогія, плоскія. Неизвѣстно въ точности, когда караимы поселились въ Мангупѣ. Въ 13 столѣтіи они жили здѣсь несомнѣнно, какъ это видно по надгробныхъ памятникамъ. По всей вѣроятности, они были и послѣдними жителями его; Палласъ въ своемъ путешествіи говоритъ про Мангупъ: „сыромятники евреи пріѣзжаютъ сюда въ лѣтнее время изъ Чуфутъ-кале (въ Чуфутѣ же, какъ извѣстно, всегда жили евреи караимской секты) и употребляютъ для выдѣлки кожъ обрѣтаемыя при этой горѣ во множествѣ дубильныя растенія (Rhus coriandria

и cotinus), причемъ и вода здѣшняя почитается весьма способною для такой работы.“ Теперь уже и слуху нѣтъ объ этомъ промыслѣ, и на всей Мангупской горѣ я не могъ найдти ни одного стебля Rhus coriandria или Rhus cotinus, которыя между тѣмъ встрѣчалъ въ окрестныхъ лѣсахъ. Все заполонилъ теперь травянистый бузынникъ.

Табанà-дере на вершинѣ своей преграждается, какъ и другіе всходы-стѣною и круглыми зубчатыми башнями. Подъ стѣнами еще замѣтны ключи, копани и бассейны изъ известняка, въ которыхъ караимы мочили свои кожи. Около ключей также видна большая пещера. Стѣна и башня съ этой стороны подверглись большому разрушенію. При входѣ съ Мангупской плоскости на выступъ Чамнукъ-буруна стоялъ зàмокъ въ видѣ отдѣльнаго форта, защищавшій западный край горы. Отъ него остался теперь одинъ обглоданный остовъ, не дающій понятія ни о размѣрѣ, ни о формахъ его. Не подалеку же видны развалины караимской синагоги. Въѣздъ на плоскую вершину Мангупъ-кале, черезъ осыпи обвалившейся стѣны очень труденъ. За стѣною открывается широкая ровная площадь, занимающая все темя горы.

Здѣсь когда-то стоялъ большой и цвѣтущій городъ, славный въ исторіи Крыма. Теперь вы догадываетесь о его существованьи только по безчисленнымъ кучамъ муссора, покрывающимъ пастбища Мангупской горы. Лошади и коровы Коджасальскихъ татаръ привольно пасутся теперь на мѣстѣ многолюдныхъ улицъ, безопасныя за этими стѣнами.

Остатки древности изчезаютъ годъ за годомъ, и очень можетъ быть, что черезъ 2 года путешественникъ уже не найдетъ тѣхъ башенъ, которые я еще видѣлъ. При Мартинѣ Броневскомъ, въ 16 столѣтіи, „Мангупъ имѣлъ 2 замка, драгоцѣнные греческіе храмы и зданья“. Палласъ въ концѣ 18 столѣтія видѣлъ въ Мангупѣ синагогу и нѣсколько домовъ, въ которыхъ обитали еврейскіе кожевники; въ развалинахъ двухъ христіанскихъ церквей

онъ могъ еще разглядѣть византійскіе образа, писанные al-fresco, между прочимъ образъ Богоматери въ восточномъ углу храма; а татарская мечеть сохранилась до его времени еще лучше христіанскихъ храмовъ. Теперь же съ трудомъ можно отыскать самыя развалины синагоги, церкви и мечети. Никѣмъ не оберегаемые, разрушаемые стихіями и невѣжествомъ, эти древніе памятники стираются одинъ вслѣдъ за другимъ съ лица земли, погребая подъ собою исторію и лишая прекрасныя мѣстности Крыма ихъ живописнѣйшаго и интереснѣйшаго украшенія.

Въ Мангупѣ теперь сколько нибудь сохранились только стѣны и башни, отрѣзающія съ южной стороны всходы и буруны, тѣ самые, что мы видѣли снизу, отъ дороги. Лучше всѣхъ уцѣлѣла та часть ихъ, которая сбѣгаетъ довольно глубоко въ круглую лощину Гамамъ-дере; здѣсь еще видно въ нихъ много зубцовъ, бойницъ, и нѣкоторыя круглыя башни почти нетронуты. Толщина крѣпостныхъ стѣнъ болѣе аршина, а высота доходитъ до 2 саженъ. Съ внутренней стороны этихъ стѣнъ, въ вершинѣ оврага, нѣсколько обширныхъ пещеръ, которыми скотъ пользуется теперь какъ убѣжищемъ отъ непогоды. Въ глубинѣ одной изъ этихъ пещеръ замѣтенъ ключъ и пробитый къ нему колодезь; проводники объяснили намъ, что это были древнія бани, отъ которыхъ и оврагъ прозвался *Гамамъ-дере*. Для татаръ Коджа-Сала этотъ ключь въ горномъ пастбищѣ сущій кладъ. При Палласѣ на этомъ мѣстѣ былъ оправленный фонтанъ, съ изсѣченною татарскою надписью 953 года Геджры, т. е. 1546 г.— Броневскій также упоминаетъ о прекрасной водѣ Мангупа, о „нѣсколькихъ ручьяхъ, стекающихъ со скалы, чистыхъ и удивительныхъ“.

Довольно полно сохранились также воротныя и другія башни, замыкающія вершину послѣдняго оврага — Капу-дере; а также отдѣльный замокъ при входѣ на восточный выступъ — Тешкли-бурунъ. Замокъ этотъ — главная замѣчательность Мангупа и,

повидимому, служилъ центромъ его жизни и его укрѣпленій. На восточномъ фасѣ его сохранилась очень хорошо красивая каменная рѣзьба около оконъ, которую одни считаютъ восточнаго, другіе греческаго рисунка. По моему, она напоминаетъ точно также и готическія украшенья. Нижній этажъ сдѣланъ сводомъ, и сквозь него проѣздъ готической формы на Тешкли-бурунъ. Въ стѣнахъ узкія амбразуры для ружей. Развалины христіанской церкви и мечети, о которыхъ говорятъ Палласъ и Кеппенъ, находятся недалеко, противъ передняго (западнаго) фасада замка. Многіе считаютъ этотъ замокъ греческой архитактуры; но Богушъ Сестринцевичъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи Тавріи увѣряетъ, что старинные греки называли Мангупъ-кале *Кастронъ-Готиконъ*, „Готическимъ замкомъ“, и дѣйствительно, замокъ производитъ нѣкоторое впечатлѣніе готическаго зданія.

Безъ сомнѣнія, это тотъ самый замокъ, въ которомъ, по словамъ Мартина Броневскаго, по варварской ярости хановъ, содержались въ жестокомъ заключеніи московскіе послы. По свидѣтельству нашихъ крымскихъ дѣлъ, былъ, напримѣръ, заключенъ въ Мангупѣ посолъ Іоанна Грознаго Аѳанасій Нагой со всѣми спутниками своими; тамъ же 5 лѣтъ сряду просидѣлъ Василій Грязной, взятый въ плѣнъ татарами на рѣкѣ Молочной, или Молочныхъ Водахъ.

„Не у браги увѣчья добывъ и не съ печи убившись“, Грязной, по его собственнымъ словамъ, приводимымъ Карамзинымъ, содержался татарами очень худо; „и только бъ не Государская милость застала душу въ тѣлѣ, ино бы съ голоду и съ наготы умерети“, писалъ этотъ царскій любимецъ изъ своего плѣна царю Іоанну Грозному.

Но во всякомъ случаѣ замокъ этотъ теперь давно не то, что онъ былъ при Броневскомъ, который видѣлъ въ немъ „отличныя ворота, украшенныя греческими надписями и многимъ мраморомъ“.

Характеръ цитадели, крѣпости въ крѣпости, очень ясенъ,

когда вы входите на выступъ Тешкли-буруна, защищаемый этимъ замкомъ. Въ Тешкли-бурунѣ несомнѣнно была тюрьма, казарма. Каменныя нѣдра Тешкли-буруна съ юга и сѣвера изрыты пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Въ иныя уже пройдти нельзя, другія мы подробно осмотрѣли: цистерны, ясли, столбы для привязи, заваленки, альковы, вьющіяся каменныя лѣсенки — уцѣлѣли во многихъ изъ нихъ; всѣ они висятъ надъ страшнымъ обрывомъ, и спускаться въ нихъ не безопасно.

Но всѣхъ поразительнѣе „Барабанъ-пещера", *Дауджи-Коба.* Носъ Тешкли-буруна, пробитый на вылетъ, служитъ крайне живописнымъ сходомъ въ эту пещеру. Лѣстница — то спускается подъ треснувшимъ сводомъ этой огромной щели, то лѣпится совсѣмъ сбоку скалы, вися какъ гнѣздо ласточки надъ пропастью. Отъ ограды остались однѣ только ямки въ камнѣ, сами ступени слизаны и обглоданы временемъ, такъ что нѣкоторыхъ невидать. Не всякая голова въ состояніи прогуляться по этой лѣстницѣ; зато съ разныхъ поворотовъ ея виды внизъ и вдаль поразительнаго эффекта.

Барабанъ-пещера названа такъ потому, что отъ удара кулакомъ въ тостый известковый столбъ, поддерживающій сводъ ея главной залы, раздается сильный звукъ, напоминающій барабанъ. Очевидно, это была тюрьма. Изъ главной залы низенькіе проходы въ цѣлый рядъ келій; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны пробои въ каменныхъ столбахъ для цѣпи или веревокъ.

Мы покончили поздно съ осмотромъ мангупскихъ развалинъ. Уже розовый закатъ обливалъ небо, и мы, съ нашего подоблачнаго плоскогорья, озирали кругомъ весь горный Крымъ, освѣщенный насквозь огнями этого заката. Ярко-синее море поднималосч высоко на западномъ горизонтѣ, и на немъ съ необыкновенною отчетливостью вырѣзались бѣлыя точки парусовъ, бѣлые мѣловые обрывы Севастопольскаго берега. Костантиновская батарея выползла далеко въ море и прилегла тамъ, какъ стоглазая сторо-

жевая собака, сверкая при послѣднихъ лучахъ солнца. Еще огнистѣе сверкаютъ бѣлые маяки надъ бухтою и на Макензіевой горѣ — эта пара ночныхъ глазъ Севастополя, направляющія сквозь опасные туманы запоздавшія суда. Волны горъ лежатъ на югѣ, на востокѣ, на сѣверѣ. Въ ихъ провалы сгущается дрожащій золотисто-розовый паръ, оттѣняющій всѣ степени дали, и сообщающій необъятной панорамѣ, обставшей кругомъ насъ, тотъ фантастическій, мечтательный тонъ, которымъ дышутъ ландшафты Клодъ-Лорена. Палласъ, суровый натуралистъ, называетъ *„неизъяснимо прелестнымъ“* видъ, открывающійся съ вершины Мангупа; а Кларке, во 2 части своего путешествія по Россіи, Татаріи и Турціи, отзывается о Мангупѣ еще восторженнѣе.

„Ничто, въ какой бы то ни было части Европы, не превосходитъ ужасной величественности этого мѣста. Хотя я и навыкъ глядѣть на подобныя картины, однакоже у меня едва достало равнодушія на то, чтобы набросить на бумагу этотъ удивительный видъ“.

Стоя на вершинѣ Мангупской горы, вы просто ощущаете необыкновенныя выгоды ея стратегическаго положенія. Мангупъ видѣнъ издалека съ моря, съ западнаго берега и со всѣхъ горныхъ пунктовъ. Съ Мангупа видны всѣ пути въ горы югозападнаго Крыма. Башни Мангупа могли всегда служить сигнальными маяками для вереницы укрѣпленій, которыя были въ древности разсыпаны отъ Севастопольской бухты до Чатырдага. Это буквально владычествующій городъ. Въ темные вѣка только тотъ былъ господиномъ другаго, кого нельзя было достать, кто могъ какъ хищная птица сторожить съ недоступной высоты довѣрчивыхъ и слабыхъ. Мыши, насѣкомыя — все то, что составляетъ добычу другихъ — прячутся въ норахъ, въ трещинахъ, прилегаютъ къ землѣ. Орелъ, кобчикъ — торчатъ на верхушкахъ, парятъ подъ облаками. Такъ и въ человѣческомъ обществѣ, пока въ немъ цивилизація еще не обезпечила правъ каждаго. Крестьянинъ

издавна привыкъ прятать свою хатку въ какую нибудь балку, на берегъ рѣчки; баронъ строилъ себѣ замокъ на пикѣ скалы, а помѣщичьи хоромы непремѣнно на холмѣ, непремѣнно господствуютъ кругозоромъ надъ укрывшеюся у ногъ ихъ деревнею.

Оттого Мангупъ, — или, по другому произношенію, Манкупъ, Манкопія, Мангутъ, — съ незапамятныхъ временъ, какъ только появилось въ исторіи его имя, играетъ роль средоточія мѣстной жизни. Онъ постоянно главнымъ городомъ чего нибудь, — то цѣлаго народа, то княжества, то области. Горы, степь и берегъ моря у него одинаково въ рукахъ.

Намъ нетолько неизвѣстно, въ какомъ вѣкѣ, но даже и какимъ народомъ былъ построенъ Мангупъ-Кале.

Караимскій раввинъ изъ Чуфутъ-Кале Мортхай Султаньскій передавалъ въ 1833 году академику Кеппену, что въ то время еще оставалось въ живыхъ 3 человѣка когда-то обитавшихъ въ Мангупѣ, хотя при Кеппенѣ они уже жили въ Евпаторіи и Бахчисараѣ. Эти старики слышали отъ предковъ своихъ, что караимы переселились въ Крымъ, вмѣстѣ съ татарами, изъ Персіи, Бухаріи и Черкезіи. Кромѣ того въ Мангупѣ поселились впослѣдствіи выходцы изъ Стараго Крыма. Вмѣстѣ съ ними караимовъ въ Мангупѣ было до 300 семействъ; но, по времени присоединенія Крыма къ Россіи въ 1783 году, число это, по разнымъ причинамъ, уменьшилось до 70 семействъ. Въ 1791 году и эти разсѣялись по разнымъ мѣстамъ; мангупская земля поступила во владѣніе бывшаго хазнадара, отца Адильбея Балатукова, въ семействѣ котораго остается до сихъ поръ. Въ числѣ памятниковъ мангупскаго кладбища есть памятникъ Моисея Исаакова сына, относящійся къ 1274 году, стало быть существованіе Мангупа и пребываніе въ немъ караимовъ въ 13 столѣтіи —

несомнѣнно. Но, сколько помню, знаменитый караимскій археологъ Фирковичъ говорилъ мнѣ о гораздо древнѣйшихъ надписяхъ мангупскаго кладбища. Если принять во вниманіе, что преданіе связываетъ поселеніе въ Мангупѣ съ переселеніемъ караимовъ изъ Азіи, то это событіе должно относиться къ глубокой древности. Фирковичъ доказываетъ на основаніи одной приписки къ древнему Пятикнижію, что соплеменники его поселились въ Крыму въ 4-мъ вѣкѣ до Р. X.

Въ Іосафатовой долинѣ Чуфутъ-Кале ученый этотъ откопалъ древній гробъ, почти ушедшій въ землю, и прочелъ на немъ надпись одного изъ самыхъ первыхъ годовъ перваго вѣка нашей эры, чуть ли не 6-го года по Р. X. Сверхъ того, онъ нашелъ въ томъ же кладбищѣ гробницу караимскаго раввина, обратившаго хозаръ въ іудейскую вѣру въ VII стол. Всѣ эти обстоятельства, а равно необыкновенное сходство Чуфута съ Мангупъ-Кале и ихъ близкое сосѣдство, заставляютъ вѣрить, что Мангупъ былъ древнѣйшимъ мѣстожительствомъ крымскихъ караимовъ. Глядя на столовую гору и на гробницы Мангупа, вы легко можете вообразить себя въ Чуфутѣ, и трудно думать, чтобы эти два родственные и сосѣдніе города населились не одновременно.

Во всякомъ случаѣ поселеніе караимовъ въ Мангупѣ не можетъ служить къ объясненію времени основанія его. Никто не приписывалъ караимамъ постройки Мангупа, уже по той простой причинѣ, что караимы никогда не вели самостоятельнаго политическаго существованія.

Всего вѣроятнѣе, что Мангупъ основанъ готами, которые поселились въ Крыму частью во 2-мъ, частью въ 4-мъ столѣтіи нашей эры. Многіе старые писатели говорятъ о Манкупѣ или Манкопіи какъ столицѣ готѳовъ. Краковскій каноникъ Матвѣй изъ Мѣхова, жившій на переломѣ 15 и 16-го столѣтій, въ своемъ описаніи страны Сарматовъ, говоритъ, что татары вошли черезъ сѣверныя ворота Тавриды (т. е. Перекопъ) и заняли всѣ города,

селенія и земли оной, такъ что *одинъ только замокъ Мангупъ остался за владѣльцами манкупскими, которые были родомъ готѳы и говорили по готѳски.* Мухамедъ же, когда завладѣлъ Каѳою и привелъ въ зависимость перекопскихъ татаръ со всѣмъ полуостровомъ, убилъ двухъ братьевъ и владѣльцевъ манкупскихъ, *послѣднихъ готѳовъ,* когда либо бывшихъ въ Сармаціи, Италіи, Испаніи и Франціи, и овладѣлъ Манкупомъ.

Такое обстоятельное и рѣшительное извѣстіе имѣетъ большое значеніе въ устахъ человѣка, бывшаго современникомъ Магометова завоеванія.

Это подтверждаетъ и Бержеронъ, говоря, что *готѳы,* тѣснимые гуннами, перешли частью въ Францію, Болгарію и далѣе въ Италію, *частью* въ *Тавриду,* гдѣ, послѣ изгнанія ихъ татарами, *нѣкоторые остались въ Мангупѣ и др. мѣстахъ.*

Бузбекъ, нѣмецкій посолъ въ Константинополѣ, разспрашивалъ въ XVI столѣтіи о Крымскихъ готахъ у людей, бывавшихъ въ Крыму. Они передавали ему о воинственномъ характерѣ готовъ и о томъ, что у нихъ *главные города Манкупъ и* Scivarin. Стало быть, во время Бузбека, готы еще жили въ Крыму, какъ отдѣльная національность.

Такъ же опредѣлительно выражается Тунманъ, котораго обстоятельное сочиненіе о Крымѣ помѣщено въ 1787 г. въ Бюшинговой географіи. Упомянувъ, что греческія владѣнія въ Крыму съ 1204 г. сами себѣ избирали правителей или подпали подъ власть особыхъ князей, онъ добавляетъ, что два такихъ княжества существовали до покоренія этихъ мѣстъ турками. Ѳеодорійское (инкерманское) *Готѳійское (Мангупъ).*

По увѣренію Тунмана, уже въ 754 г. въ Мангупѣ былъ *готскій епископъ.* Готы жили въ немъ еще въ 1560 году. Главными городами ихъ Тунманъ, вѣроятно со словъ Бузбека,

называетъ также Мангупъ и „мѣстечко неподалеку оттуда, по имени Schuren или Schiuarin“; нетрудно угадать въ этомъ послѣднемъ нынѣшній *Сюйренъ* на Бельбекѣ, въ сосѣдствѣ съ Мангупомъ; въ немъ дѣйствительно видны развалины сильнаго укрѣпленія.

Литовскій митрополитъ Богушъ Сестренцевичъ, современникъ присоединенія Крыма къ Россіи, лично посѣщавшій Крымъ и знакомый со всею древнею литературою о Крымѣ, самымъ положительнымъ образомъ говоритъ о Мангупѣ, какъ о столицѣ Готѳіи.

„Въ 7′ отъ Инкермана гора Баба, отдѣленная, покрытая лѣсомъ, съ остроконечною скалою на вершинѣ.....“ говоритъ Сестренцевичъ.

— „Гора сія составляетъ почти равносторонній треугольникъ съ тѣми, на коихъ находятся Инкерманъ и Балаклава. Она приступна съ одной стороны черезъ отлогій скатъ. Въ прочихъ же мѣстахъ пресѣкается она пропастьми неизмѣримой взоромъ глубины. Ея внутренность содержитъ великія, изсѣченныя въ камняхъ, пещеры. Вершина ея есть пространная, прямая и плодовыми деревьями покрытая равнина, въ срединѣ коей видны *развалины пространнаго города, нѣкогда бывшаго мѣстомъ пребыванія готѳовъ, которые назвали его Мангутомъ, а греки Кастронъ-Готиконъ*“.

Въ другихъ мѣстахъ своей Исторіи Тавріи, составленной по Геродоту, Берозу, Діодору и пр., особенно же по византійскому историку Прокопію, Сестренцевичъ говоритъ:

„Въ срединѣ 2-го вѣка готѳы покорили тавровъ, коихъ имя почти истребили. Въ концѣ IV вѣка другое колѣно готѳовъ, гонимое гуннами, проникло сквозь неприступныя тѣснины горъ и основало въ оныхъ республику, послѣ извѣстную подъ именемъ *княжества Трапезитскихъ Готѳовъ, государи коихъ жили въ Мангупѣ*. Готѳы названы были греками — трапезитами потому, что *жили на столовой горѣ южнаго бе-*

рега (Синабдагѣ) паралельно южному берегу. По готѳскому произношенію страна эта называлась Доріе (Тауріе) и Готѳія. *Столицею былъ Мангупъ*". Трудно думать, чтобы готы жили именно на Яйлѣ, которую Сестренцевичъ называетъ Синабдагомъ, и которая не сохранила на себѣ никакихъ слѣдовъ общественной жизни. Не вѣроятнѣе ли подразумѣвать подъ столовыми горами дѣйствительные трапезусы, скалистые столы Мангупа, Эскикермена и др., которые нѣкоторыми даже позднѣйшими писателями, (можетъ быть, по причинѣ сосѣдства своего съ моремъ), считались на морскомъ берегу?

Сестренцевичъ, посѣтивъ Мангупъ, былъ пораженъ чертами лица и нарѣчіемъ его обитателей. Онъ нашелъ въ Мангупѣ „нѣсколько ветхихъ строеній, обитаемыхъ неимущими жителями. Они происходитъ отъ древняго народа, какъ то можно заключать по мѣстоположенію, особымъ ихъ чертамъ и нарѣчію, совершенно отличному отъ языка сосѣдей".

Впрочемъ очень вѣроятно, что почтенный прелатъ изумлялся ничему иному, какъ особенностямъ типа тѣхъ караимскихъ сыромятниковъ, которыхъ почти въ его же время встрѣтилъ въ Мангупѣ натуралистъ Палласъ.

Историки свидѣтельствуютъ, что „татары оставили стариннымъ христіанамъ гористыя и лѣсистыя части страны, гдѣ города Манкупъ, Каѳа и др."; но въ концѣ 15 столѣтія турки, овладѣвъ приморскими городами Крыма, завладѣли и Мангупомъ.

Польскій посолъ Мартинъ Броневскій, о которомъ такъ часто приходится мнѣ упоминать, говоря о древностяхъ крымскихъ городовъ, видѣлъ Мангупъ въ 1578 году и оставилъ намъ такое описаніе его:

„Г. Манкопъ лежитъ между горами и лѣсами, далеко отъ моря. Здѣсь было 2 замка, построенныхъ на обширной и высокой скалѣ, великолѣпныя греческія церкви, домы и много ручейковъ, свѣжихъ и чистыхъ, вытекавшихъ изъ скалы. Но по-

томъ онъ былъ взятъ турками, а еще позже, спустя 18 лѣтъ, по сказанію христіанскихъ грековъ, совершенно былъ уничтоженъ внезапнымъ страшнымъ пожаромъ. Поэтому въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнѣе верхняго замка, въ тоторомъ есть ворота, испещренныя греческими надписями, и высокій каменный домъ. Нерѣдко случается, что ханы, взбѣшенные противъ пословъ московскихъ и водимые варварскимъ обычаемъ, затворяютъ ихъ въ этомъ домѣ и строго содержатъ. Теперь остались тамъ только греческая церковь св. Константина и другая святаго Георгія, совершенно ничтожныя. Тамъ живетъ только 1 грекъ, да нѣсколько евреевъ и турокъ; прочее все приведено въ ужасное раззореніе и забвеніе. Нѣтъ даже никакихъ письменныхъ памятниковъ ни о вождяхъ, ни о народахъ, которые владѣли этими огромными замками и городами. Я съ величайшимъ стараніемъ и трудомъ отыскивалъ ихъ слѣды на каждомъ мѣстѣ. Но я узналъ отъ одного священника, грека, старика честнаго и умнаго, что, незадолго до осады этого города турками, жили здѣсь какіе-то два греческіе князя, дѣдъ и внукъ, которые вѣрно происходили отъ крови константинольскихъ или трапезунтскихъ государей. Греки-христіане довольно долго въ этомъ городѣ обитали. Но вскорѣ потомъ невѣрный и варварскій народъ турки, нарушивъ данное слово, захватили его. Тѣ константинопольскіе князья уведены оттуда живые, и такимъ образомъ были умерщвлены турецкимъ султаномъ Селимомъ, за 110 лѣтъ предъ симъ. На стѣнахъ греческихъ храмовъ виды изображенія, представляющія родословную государей и государынь, отъ которыхъ они, кажется, происходили*.

Извѣстіе о кончинѣ вождей Мангупа согласуется съ разсказомъ каноника Матвѣя. Если греческій священникъ, передававшій Броневскому исторію своего города и считалъ послѣднихъ вождей Мангупа за своихъ соплеменниковъ—грековъ, то это не можетъ еще опровергнуть свидѣтельства Матвѣя о томъ, что они были родомъ готы. Очень можетъ быть, что въ то время боль-

шая часть готовъ уже слилась съ греками и, продолжая быть готами по крови и языку, назывались иногда общимъ именемъ грековъ, къ политическому строю и религіи кототорыхъ они принадлежали, иногда—своимъ родовымъ именемъ; точно такъ, какъ различныя племена, вошедшія въ составъ нашего государства, могутъ называться то общимъ именемъ русскихъ, то отдѣльными именами своихъ прежнихъ національностей.

Въ нашихъ „Крымскихъ Дѣлахъ“ Мангупъ упоминается поздно, только съ 1474 г. Въ 1475 г., по свидѣтельству этихъ „Дѣлъ“, передаваемому Карамзинымъ, въ Мангупѣ былъ князь Исайко, который черезъ московскаго посла, боярина Никиту Беклемишева, предлагалъ свою дочь въ замужество великому князю Іоанну Іоанновичу, сыну Ивана Васильевича III и Иванъ III поручалъ своему другому послу, Алексѣю Старкову, развѣдать черезъ каѳинскаго богатаго жида Хози Кокоса, сколько тысячъ золотыхъ Исайко готовитъ въ приданое за своею дочерью. Исайко этотъ въ одномъ генуэзскомъ документѣ 1472 года названъ Signore del Theodoro „владѣтель Ѳеодоро“. Это дѣла поводъ нѣкоторымъ ученымъ признать, что Теодори, Ѳедора, Лотодеро, упоминаемый весьма часто въ исторіи Крыма, какъ значительный городъ и даже отдѣльное княжество, былъ не Инкерманъ, какъ до сихъ поръ думаютъ, а именно Мангупъ-Кале. Турецкіе султаны иногда посылали въ Россію послами князей мангупскихъ, которые были родомъ греки. Такъ въ 1813 г. султанъ Селимъ посылалъ въ Москву посломъ *Ѳеодорита, князя мангупскаго, Кемала;* а въ 1522 г. султанъ Солиманъ посылалъ къ намъ *Скиндера, князя мангупскаго.*

Въ 15 столѣтіи Мангупъ, повидимому, подпалъ подъ власть генуэзцевъ, потому что турки отняли его не у грековъ, а у генуэзцевъ. Сестренцевичъ, на основаніи, кажется, итальянскихъ источниковъ, передаетъ намъ о паденіи Мангупа:

„Послѣ того турки взяли Каѳу, Судакъ, Балаклаву, Инкер-

манъ, Херсонесъ, Керчь и пр., Мангупъ „называемый стальнымъ, поелику никакія стрѣлы не могли долетать до него, и который почитали неприступнымъ, тѣмъ менѣе колебался въ защищенія себя, что былъ усиленъ множествомъ бѣглыхъ генуэзцевъ.“

Ахметъ-Паша рѣшился взять его голодомъ. Но, по оплошности своей, начальникъ города былъ нечаянно захваченъ турками въ ту минуту, какъ онъ выѣзжалъ на охоту. Городъ былъ взятъ. Генуэзцы бѣжали въ противуположныя ворота. Большая часть жителей была побита, остальные отосланы въ плѣнъ въ Царьградъ. Эти подробности подтверждаются Карамзинымъ и исторіею Крымскихъ хановъ, изданною въ Казани.

Бопланъ, французскій инженеръ, посѣтившій Мангупъ въ XVII ст., то есть уже послѣ разрушившаго его пожара, отзывается о немъ какъ о незначительномъ мѣстечкѣ:

„Манкупъ — дрянной замокъ на горѣ Бабà; въ этомъ замкѣ всѣ жители—жиды, и въ немъ не можетъ быть болѣе 60 дымовъ.“

Впрочемъ значеніе Мангупа какъ центральнаго административнаго и военнаго пункта, по видимому, не утратилось еще долго. При турецкомъ владычествѣ онъ остался главнымъ городомъ цѣлаго кадалыка. Палласъ сохранилъ намъ списокъ селеній, принадлежащихъ туркамъ, составленный для потребностей фиска, при ханѣ Шагинъ-Гиреѣ. Изъ списка этого видно, что Мангупскій кадалыкъ былъ самый обширный и занималъ весь нынѣшній Ялтинскій уѣздъ и часть Симферопольскаго. Балаклава, Инкерманъ, Ялта, Ахтіаръ (теперешній Севастополь)—принадлежали къ нему. Вообще къ нему было приписано 39 мѣстечекъ. Всѣ крымскія горы, до Алушты и Демерджи, и весь южный берегъ входили въ составъ Мангупскаго кадалыка. Мангупъ въ этомъ спискѣ Шагинъ-ханя (значитъ, въ самомъ концѣ XVIII стол.) продолжаетъ называться городомъ, хотя Инкерманъ, Балаклава и пр. старинные города перечисляются въ этомъ спискѣ въ качествѣ простыхъ деревень. Голландецъ Витсенъ говоритъ, что крымскіе ханы въ

смутныя времена пользовались Мангупскою крѣпостью, въ которой они укрывались сами и прятали свои богатства.

Французскій посланникъ Пейсонель, бывшій въ Крыму около полустолѣтія до Палласа (1753) въ своемъ трактатѣ о черноморской торговлѣ также свидѣтельствуетъ объ административномъ значеньи Мангупа: „Манкупъ, говоритъ онъ, старая крѣпость; ея власть (собственно sa juridiction) простирается на 74 деревни."

Военное значеніе Мангупа могло усиливаться еще тѣмъ обстоятельствомъ, что мимо него былъ проходъ изъ внутренности горъ къ западному берегу Крыма и въ степь.

Инженеръ Вассаль въ 1834 г. видѣлъ еще остатки двухъ стѣнъ, преграждавшихъ у западнаго подножія Мангупа дорогу изъ Ай-Тодора въ Каралезы. Существованіемъ здѣсь важнаго прохода въ горы объясняютъ и названіе *Богазъ-Сала*, подъ которымъ при Палласѣ была извѣстна деревня Коджи-Сала *Богазъ*—по татарски проѣздъ).

И во время крымской компаніи русскіе инженеры воспользовались стратегическимъ положеніемъ Мангупа. Мангупъ былъ вооруженъ пушками, а въ томъ ущельи, въ которомъ Вассаль нашелъ слѣды стѣнъ, устроены были баттареи, преграждавшія непріятелю движеніе на Каралезы и Бельбекъ.

II.

Отъ Черкесъ-Кермена до Чуфута.

Развалины Черкесъ-Кермена. — Эклисе. Пещеры Эски-Кермена, города «Троглодитовъ».—Кунацкая татарской княгини.—Бахчисарайская кофейня.—Ханская мечеть.—Похищеніе невѣсты.—Маріанполь. — Чуфутъ-Кале, древній Кыркоръ. — Отшельникъ Чуфутъ-Кале.

Спускаясь отъ Коджа-Сала и Мангупа къ сѣверу по узкой долинѣ Кара-Илеза, которой сады кишатъ, словно въ естественномъ грунтовомъ сараѣ, между двумя сплошными стѣнами отвѣсныхъ скалъ,—путешественникъ проѣзжаетъ одну изъ плодороднѣйшихъ и населеннѣйшихъ мѣстностей Крыма. Три многолюдныя деревни, три Каралеза—Юкары-Каралезъ, Орта-Каралезъ и Ашага-Каралезъ—тянутся одинъ за другимъ на цѣлыя версты, потонувши въ старыхъ густыхъ садахъ, и на каждомъ шагу представляя взору путешественника картины столько же наивной сколько живописной жизни Востока.

Чтобы попасть въ Черкесъ-Керменъ, нужно своротить изъ Каралезовъ налѣво, почти назадъ, въ направленіи къ Севастополю. Послѣ роскошной свѣжести Каралезской долины, пустынная каменистая дорога кажется скучною.

Черкесъ-Керменъ показывается поздно, когда вы почти въѣхали въ него. Узкая гора, гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ Мангупская, мысомъ выдѣляется отъ сосѣднихъ горъ и образуетъ узенькую тѣснину, совсѣмъ почти спрятанную въ пазухѣ каменныхъ твердынь. Въ этой пазухѣ расположена деревня Черкесъ-Керменъ. Известковыя толщи здѣсь приняли оригинальную форму закругленныхъ столбовъ и желваковъ, словно ихъ обточила рука человѣка. Множество пещеръ, выглоданныхъ снизу водою, дали жителямъ поводъ воспользоваться скалами, какъ домашними пост-

ройками. Заднiй планъ почти всякаго двора—скала, и почти въ каждой скалѣ пещера. Въ одной конюшня или хлѣвъ, въ другой амбаръ, кухня, погребъ. Къ нѣкоторымъ придѣланы ворота, дверочки, плетни, лѣсенки. Въ началѣ деревни экономiя какого-то мурзы; это—огромный глубокiй сарай въ нѣдрахъ скалъ, недоступный дождю, не смотря на отсутствiе воротъ; сарай до-исторической первобытности, помѣщавшiй между-прочимъ, въ числѣ экипажей, хорошенькую модную карету на лежачихъ рессорахъ.

Въ Черкесъ-Керменѣ множество драгоцѣннаго матерiала для художника-туриста. Дорожка идетъ нѣсколько выше построекъ, такъ что внутренность дворовъ видна почти à vol d'oiseau, и фигуры татарокъ и татарчатъ, окаменѣвшiя въ картинныхъ позахъ на своихъ плоскихъ кровляхъ, при видѣ нашей кавалькады сообщаютъ пейзажу характерную полноту.

Съ высоты нашихъ сѣделъ мы присутствуемъ при крикливомъ урокѣ въ деревенскомъ *мехтэбѣ*: на тѣнистой галлереѣ втораго этажа, подъ старыми орѣхами, пестрая толпа татарчатъ и татарочекъ, лежа и сидя прямо на полу, распѣваютъ, раскачиваясь, стихи алькорана, по арабскимъ книжкамъ, которыхъ смыслъ невѣдомъ имъ такъ-же рѣшительно, какъ и учительницѣ ихъ, пожилой татаркѣ, предсѣдавшей въ этой буколической школѣ.

Оторвавъ взоръ отъ этой живописной тѣснины, до краевъ наполненной жилищами человѣка, вы замѣчаете слѣва на отвѣсной горѣ, замыкающей тѣснину, — высокую старую башню. Это древнiй Черкесъ-Керменъ. Въ Черкесъ-Керменѣ остались слѣды значительнаго укрѣпленiя. Башня, въ которой продѣланы двойныя ворота, стоитъ надъ трещиною скалы, которой узкiй и высокiй мысъ она отрѣзала въ неприступную цитадель подобно, замку Тешкли-Буруна. Постройка ея совершенно того-же рода, какъ мангупскихъ, инкерманскихъ и др. У татаръ она извѣстна подъ именемъ „*Кызъ-Кулле*,“ Дѣвичьей башни. Но всего замѣчательнѣе въ Черкесъ-Керменѣ его пещерный храмъ, или, какъ

называютъ его татары, *эклисе* (исковерканное греческое слово, означающее церковь). Эклисе спрятано въ лѣсистыхъ скалахъ такъ хорошо, что, даже побывавъ въ немъ, не сразу найдешь его опять. Видно, что, во время основанія его, христіанинъ еще не смѣлъ возвышать къ небу золотыхъ крестовъ своего храма и крымское христіанство того времени еще не прожило своего періода катакомбъ. Только съ помощью татаръ можно вскарабкаться черезъ колючую чащу, по известковымъ обрывамъ скалы на гребень ея, съ котораго открывается ходъ въ эклисе. Громадный округленный камень, когда-то отдѣлившійся отъ всей скалы и заслоненный отъ враждебныхъ взоровъ этою самою скалою, выдолбленъ внутри въ христіанскую молельню. Съ голаго гребня скалы, по заднему обрыву ея, были вырублены когда-то ступени, переходившія на церковный утесъ въ точкѣ прикосновенія его къ скалѣ; теперь эти ступени слизаны временемъ, и безъ головокруженія нельзя спускаться по нимъ: открытая пропасть зіяетъ прямо подъ ногами, и спускъ въ нее гораздо легче, чѣмъ переходъ на утесъ.

Низенькая дверочка эклисе заросла кустарникомъ и бурьяномъ. Храмикъ выдолбленъ правильнымъ круглымъ сводомъ и сохранился отлично, безъ сомнѣнія, по причинѣ своей недоступности. Остатки штукатурки и византійскихъ фресокъ на ней очень замѣтны; можно еще разобрать нѣкоторыя греческія надписи подъ образами и даже характерный ликъ Николая Угодника. Рядомъ съ дверью маленькое окошечко, черезъ которое на бѣлыя известковыя стѣны падаетъ веселый солнечный свѣтъ. Олтарикъ въ особомъ отдѣленьи, на возвышеніи. Каменный престолъ съ изображеніемъ креста и круглымъ углубленіемъ, въ лѣвомъ углу крошечный альковъ для трапезы, по стѣнамъ олтаря низенькія каменныя сидѣнья. Трава пробилась сквозь трещины маленькаго пола, сквозь престолъ и сѣдалища, а птицы и лету-

чія мыши въ теченіи долгихъ лѣтъ оставляли свои слѣды въ этой древней святынѣ, доступной теперь только ласточкамъ.

Свѣтлое и высокое чувство охватываетъ васъ, когда изъ этого храма-гнѣзда вы оглядываете пустынныя пропасти, безмолвно обстоящія кругомъ. Мысль переносится въ далекіе годы, когда жажда правды и любви честнаго человѣка находила себѣ пріютъ только въ нѣдрахъ камня. Тепло сердца согрѣвало ему каменную нору и проливало на нее неземной свѣтъ. Загнанный, придавленный, принужденный укрываться, какъ вредный звѣрь, человѣкъ добра въ самыхъ несчастіяхъ своихъ умѣлъ сыскать источникъ счастія, въ злобѣ міра умѣлъ найдти поводъ творить ему добро. Такая сила недаромъ сочтена божественною. Съ этимъ духомъ святымъ въ сердцѣ человѣкъ становился выше своей судьбы: и великъ былъ этотъ протестъ общественной неправдѣ со стороны горсти людей, которые, отряcши прахъ своихъ ногъ, безстрашно, безъ сожалѣнія, уносили въ дебри пустынь, въ подземныя норы свои, идеалы лучшаго міра. Эти люди „чистаго сердца“ были въ то темное время такими же подвижниками человѣческой свободы, какъ нынѣ—въ вѣка просвѣщенія—великіе мужи мысли..

О Черкесъ-Керменѣ мы имѣемъ еще менѣе свѣдѣній, чѣмъ о Мангупѣ. Большинство писателей вѣритъ легендѣ, по которой старая крѣпость была построена черкесами. Само названіе соблазняетъ на такой выводъ; впрочемъ есть и болѣе существенные доводы: рѣка Бельбекъ, протекающая по сосѣдству, до сихъ поръ называется и называлась изстари *Кабардою;* на берегу ея, при впаденіи р. Кара-Илеза, до сихъ поръ находится селеніе *Кабарда.* По свидѣтельству Палласа, гористая мѣстность между верховьями Кабарды и Качи, у татаръ называется Черкесъ-Тюсъ, и существуетъ преданіе, что въ этомъ Черкесъ-Тюсѣ жили въ старину кабардинцы. Кларке говоритъ, что Черкесъ-Керменъ принадлежалъ генуэзцамъ, и что въ немъ жили когда-то черкесы. Еще большія подробности на этотъ счетъ академикъ Кеппенъ

отыскалъ въ описаніи Кавказа, составленномъ 1796 г. Рейнегсомъ. По словамъ Рейнегса, черкесы, въ вѣкѣ Геджры, т. е. въ XII вѣкѣ, перебрались будто-бы въ Крымъ. Были однако грамотные люди, которые говорили Рейнегсу, что *черкесы искони назывались Кабаръ*, что они происходятъ отъ Джингисъ-Хана, жили въ Крыму и потомъ переселились на мѣста, нынѣ ими обитаемыя. Академикъ Кеппенъ не придаетъ вѣроятія этимъ свѣдѣніямъ. Но мнѣ кажется, что мѣстное преданіе врядъ ли могло бы произвольно изобрѣсти свое родство съ племенемъ, вовсе не громкимъ и живущимъ въ совершенномъ разобщеніи съ Крымомъ. Существованіе одинаковаго преданья, съ одной стороны, у крымскихъ татаръ, съ другой у кавказскихъ горцевъ во всякомъ случаѣ придаетъ ему нѣкоторое историческое вѣроятіе. Замѣчательно, что кавказское преданье связываетъ съ именемъ Джингиса жительство черкесовъ въ Крыму. Но *Джингисъ-Керманомъ* называютъ татары пещерный городъ Эски-Керманъ, составляющій почти одно съ Черкесъ-Керманомъ. Въ 1828 г. генералъ Козенъ напечаталъ въ „Журналѣ Путей Сообщенія“ подъ заглавіемъ „О троглодитахъ“, письмо о древностяхъ *Джингисъ-Кермана* (т. е. Эски-Кермена). Я самъ слышалъ отъ татарскихъ проводниковъ, что яски-керменская скала называется *Денгисъ*, но они объясняли это названіе тѣмъ, что кругомъ горы въ древности было море (по татарски *денгисъ*).

Кеппенъ, объясняя названіе Черкесъ-кермана именемъ строителя, ссылается на Мартина Броневскаго. Но у Броневскаго я ровно ничего не нашелъ о Черкесъ-Керменѣ; онъ говоритъ только объ одномъ Эски-Керманѣ, а *Черкессигерменомъ* называетъ почему-то Мангупъ.

„Недалеко отъ Манкопа, называемаго турками Черкессигерменомъ, т. е. новою черкесскою крѣпостью, лежитъ другой городъ и крѣпость, *но ни турки, ни татары, ни даже сами греки не знаютъ его имени*. Извѣстно только, что

онъ погибъ во время греческихъ князей, о которыхъ въ этихъ мѣстахъ разсказываютъ много дурнаго—объ ихъ ужасныхъ преступленіяхъ противъ Бога и людей.

На каменной горѣ, на которой расположенъ городъ, съ удивительнымъ искусствомъ высѣчены въ скалѣ домы, которыхъ слѣды еще ясно видны, не смотря на то, что мѣсто это совершенно поросло лѣсомъ. Для всякаго путешественника, хотя разъ посѣтившаго Черкесъ-Керменъ и Эски-Керменъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что рѣчь тутъ идетъ объ Эски-Керменѣ.

До Эски-Кермена оставалось всего версты двѣ, но дорога трудная. Онъ стоитъ совершенно отдѣльною столовою горою, какъ и Мангупъ, только значительно ниже его. Въ Крыму нѣтъ пещернаго города, болѣе характернаго. Кромѣ пещеръ—ничего, ни малѣйшаго слѣда развалинъ. Но зато пещеры сосчитать трудно. Какъ взглянешь снизу на отвѣсный обрывъ горы—чистое осиное гнѣздо! Ряды ячеекъ прилѣпливаются одна къ другой, раздѣленные перегородками иногда чуть не бумажной толщины. Конечно, пещеры не были прежде такъ открыты снаружи; только кое-гдѣ виднѣлись маленькія окошечки, какъ это можно замѣтить еще на нѣкоторыхъ пещерахъ; но время крушитъ не одни бревенчатыя и кирпичныя жилища человѣка. Онъ спряталъ свои гнѣзда въ толщи скалъ—оно раскололо по-поламъ скалы и искрошило ихъ въ щебень. Теперь почти во всѣхъ пещерныхъ городахъ мы любуемся снаружи на внутренности пещеръ; на отвѣсныхъ обрывахъ зіяютъ ихъ продольные разрѣзы, какъ вскрытыя домовища устрицъ; это очень удобно для архитектурныхъ чертежей, но уже невозможно для жизни. Мы съ любопытствомъ осматривали въ глубинѣ долины огромные камни и цѣлые утесы, оторванные отъ Эски-керменской горы. По положенію камней и по чертежу ихъ отверстій легко можно замѣтить, что это оторванныя половины тѣхъ пещеръ,

которыхъ зѣвы чернѣютъ теперь наверху, какъ разъ надъ этими камнями. Вотъ торчатъ надъ обрывомъ верхнія ступеньки каменной лѣсенки, которой нижній сходъ опрокинутъ съ утесомъ въ долину, хоть склеивай сейчасъ. Мы нашли въ долинѣ большіе камни съ цѣлыми пещерами внутри; окошечко, двери—все цѣло. Нашли даже громадный камень съ нетронутою часовнею внутри; очень можетъ быть, что она была выдолблена уже впослѣдствіи, въ обрушившемся утесѣ; въ нее легко было войдти: иконопись стѣнъ и греческія надписи были еще довольно ярки и свѣжи, хотя сильно стерты.

Поднялись наверхъ съ трудомъ. Глубокая дорожка, въ родѣ траншеи, врѣзана между стѣнами камней; это настоящій крѣпостной входъ. Первая пещера наверху, направо отъ дороги, замѣчательна сложностью и величиною. Въ ней, несмотря на разрушеніе, хорошо замѣтны вырубленные своды, столбы, проходы изъ одного отдѣленія въ другое, отдѣленій этихъ было четыре или пять; нѣкоторыя изъ нихъ положеніемъ и формою напоминаютъ олтари. Въ сводахъ множество окаменѣлыхъ устрицъ очень большаго размѣра и наплывы сталактитной массы неправильныхъ формъ, кое-гдѣ замѣтны заржавѣвшіе слѣды когда-то бывшихъ желѣзныхъ скрѣпъ. Въ помѣщеніяхъ олтарей съ трудомъ можно замѣтить неясные остатки фресокъ. Первыя отдѣленія отъ входа совсѣмъ почти завалены; въ лѣвомъ углу, сейчасъ же у наружнаго отверстія, стоитъ каменный гробъ простой формы, прикрытый каменною же плитою безъ всякихъ насѣчекъ и надписей. Другой такой же гробъ раскрытъ и опустошенъ; въ кучѣ обломковъ замѣтны куски гробовъ, совсѣмъ разбитыхъ. Старикъ Сеидъ-Мазинъ изъ Бахчисарая, провожавшій насъ въ Эски-Керменъ, — увѣрялъ меня, что онъ былъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ проводникомъ графа Уварова, по распоряженію котораго будто-бы былъ раскрытъ одинъ гробъ и въ немъ будто-бы найденъ скелетъ человѣка съ золотыми кольцами. Безъ сомнѣнія, Сеидъ говорилъ о

графѣ Уваровѣ, авторѣ археологическаго сочиннія о Крымскихъ древностяхъ. Старикъ добавилъ, что въ то время *эклисе* была почти совсѣмъ цѣла, и на стѣнахъ видны были писанныя красками фигуры людей. Татары вѣрятъ, что эта большая пещера была греческою церковью, а нѣкоторые путешественники считаютъ ее остатками монастыря. Не знаю—объ этомъ ли храмѣ говоритъ Мартинъ Броневскій: „Храмъ, украшенный мраморомъ и серпентинными колонами, уже разрушенъ, но обломки его *свидѣтельствуютъ о прежней славѣ и роскоши города*.“

Трудно предположить, чтобы польскій посолъ находилъ признаки славы и роскоши *города* въ подземельныхъ пещерахъ, неспособныхъ представить даже обыкновенныхъ удобствъ общественному богослуженію, и во всякомъ случаѣ свидѣтельствующихъ города болѣе объ опасностяхъ и стѣсненіи свободы, чѣмъ о славѣ. Также странно было бы со стороны Броневскаго величать *роскошнымъ городомъ* систему пещеръ, если-бы на верху горы, надъ пещерами, не существовалъ въ старину дѣйствительный и, конечно укрѣпленный, городъ, какъ въ Мангупѣ, Черкесъ-Керменѣ, Инкерманѣ и Чуфутъ-Кале.

Дѣйствительно, Броневскій, который могъ застать развалины города и слышать о немъ еще свѣжія преданія, говоритъ, какъ мы видѣли, совершенно опредѣленно: „На каменной горѣ, *на которой расположенъ городъ*.“ Незнаю, точно ли турки XVI ст. называли Мангупъ Черкесъ-Керменомъ, или авторъ, слышавшій разсказы турокъ черезъ переводчика, спуталъ Мангупъ съ Черкесъ-Керменомъ, о которомъ въ его путешествіи не говорится ни слова, и котораго онъ, по всей вѣроятности, не видалъ. Какъ-бы ни было, описаніе его несомнѣнно относится къ богатому пещерами Эски-Кермену, этой *„древней крѣпости“*, которой имя было уже забыто въ XVI ст. даже старинными жителями-греками, которая по этому, была признана *древнею* даже относительно древнѣйшихъ городовъ своего сосѣдства—Мангупа, Черкесъ-Кер-

мена и проч. Немудрено, что мѣсто такого стараго города поросло лѣсомъ еще въ XVI стол., несмотря на свою скалистость, и что мы—путешественники XIX вѣка—не видимъ даже слѣдовъ его развалинъ. Въ такомъ случаѣ нужно думать, что и богатый мраморный храмъ, о которомъ говоритъ Броневскій, находился при немъ въ числѣ наружныхъ, т. е. наземныхъ развалинъ города.

Мы долго бродили по краямъ Эски-керменской горы, спускаясь во всѣ пещеры, въ которыя можно было спуститься. Не всегда можно довѣриться полурастреснутымъ лѣсенкамъ, что ведутъ изъ верхняго яруса пещеръ въ нижній. Въ иныхъ мѣстахъ видишь три, четыре яруса. Нѣкоторыя пещеры очень помѣстительны, имѣютъ каменныя ясли, столбы съ каменными ушками для привязи, цистерны, какъ въ Мангупѣ; это, конечно, конюшни, овчарни. Въ другихъ, меньшихъ, замѣтны каменныя ложа, альковы для шкапчиковъ, вырубленныя полочки, правильно вытесанныя притолки для дверей; въ нѣкоторыхъ видны дымовыя отверстія и слѣды очаговъ, и во всѣхъ рѣшительно множество выдолбовъ для укрѣпленія брусьевъ, на которыхъ, можетъ быть, устраивались койки, столы, загородки, вѣшалки и проч. Интересныхъ остатковъ внутри этихъ пещеръ рѣшительно не видать. Слой овечьяго и конскаго навоза покрываетъ почву, а выбоины наполнены мелкимъ мусоромъ, въ которомъ попадаются во множествѣ черепочки глиняной, хорошо выжженой, посуды и кости обыкновенныхъ домашнихъ животныхъ. Надо предполагать, что прежній полъ пещеръ уже затянутъ слоемъ извести; во всякомъ случаѣ изслѣдователямъ древностей каменнаго періода нелишнее было бы покопаться въ этихъ подземныхъ норахъ.

Конечно, особенно плодотворными должны бы оказаться раскопки естественныхъ сталактитовыхъ пещеръ Крыма, напр. пещеръ Чатыръ-Дага, гдѣ знаменитая пещера Тысячи головъ, „*Бимбашъ-Коба*,“ сохраняетъ въ себѣ, даже на поверхности почвы, массу неизслѣдованныхъ скелетовъ. Но и „*пещеры троглодитовъ*,“ по-

добныя эскикерменскимъ, не должны быть упущены изъ виду археологами. Меня поражаетъ то обстоятельство, что каждая столовая гора пещерныхъ городовъ Крыма—непремѣнно соединена съ преданіемъ о морѣ, окружавшемъ когда-то гору. Ай-Тодорская долина у южнаго подножія Мангупа до сихъ поръ называется у грековъ *пелагосъ* (море), а татары извратили это имя въ *филегусъ*. Эски-Керменъ, называется также у татаръ *Денгисъ* (море). Фирковичъ разсказывалъ мнѣ, со словъ своихъ караимскихъ предковъ, что въ глубокой древности Чуфуть-Кале былъ островомъ, а долина, по которой пролегаетъ дорога въ Мангушъ, была покрыта моремъ. Любопытно, что и Плиній въ своей Естественной Исторіи говоритъ, будто горный Крымъ былъ прежде островомъ. Если люди жили въ эпоху этихъ горныхъ озеръ, то пещеры по ихъ сосѣдству получаютъ еще бо́льшій смыслъ.

Оригинальность Эски-Кермена и самое замѣчательное сооруженіе его—это круглый колодезь въ нѣдрахъ скалы. Въ колодезь этотъ опустится цѣлая большая башня. Спускаться въ него можно только на веревкахъ, и то человѣку привычному. Множество ступенекъ высѣчено почти въ отвѣсной продушинѣ, и изъ нихъ только немногія уцѣлѣли; такъ что вамъ бо́льшею частью приходится висѣть на веревкѣ привязанной вверху къ камнямъ. При этомъ условіи не совсѣмъ кстати открываются вдругъ передъ вашими глазами, то выше, то ниже, провалы наружной стѣны, сквозь которыя вы волею-неволею измѣряете глубину бездны подъ ногами. Вѣтеръ съ силою врывается въ эти проломы, образовавшіеся отъ разрушенія оконныхъ отверстій, и вамъ въ той черной дырѣ, въ которой вы висите, дѣлается жутко, отъ этого внезапно поражающаго васъ свѣта и движенія. Внизу колодца большая грязь; подземный ключъ журчитъ подъ сводомъ низкой черной пещеры и скатывается изъ подземнаго бассейна въ наружную трещину скалы, загороженную утесами, заросшую кустарникомъ и травами. Картина этого потайнаго ключа очень романтична: чер-

ная скалистая дыра, изъ-подъ которой онъ выливается, и сквозной гротъ, увитый ползучими растеніями—составляютъ преживописный контрастъ. Не такъ, конечно, смотрѣли на него тѣ несчастныя водоносицы желѣзнаго вѣка, которыя принуждены были совершать это подземное странствованіе за каждымъ кувшиномъ воды.

Объ Эскикерменскихъ пещерахъ писали мало. Подробнѣе другихъ описаніе г. Козена, о которомъ я упоминалъ. Онъ считаетъ пещеры Джингнесъ-Кермена за *„жилища троглодитовъ.“* Приведу изъ его письма наиболѣе оригинальныя мѣста, которыя дополнятъ читателю мои личныя впечатлѣнія.

„Всѣ сіи скалы были изсѣчены руками человѣческими, начиная отъ самой вершины оныхъ внизъ, на нѣсколько саженей въ глубину; и каждая скала заключаетъ въ себѣ бо́льшее или меньшее число жилищъ, раздѣленныхъ внутри на этажи. Ихъ находится столь безчисленное множество, что на обозрѣніе всѣхъ требуется по крайней мѣрѣ двѣ недѣли времени... Стѣны и потолки чрезвычайно тонки, ибо рѣдко имѣютъ болѣе пяти или шести дюймовъ толщины; стѣны же внутреннія, для раздѣла горницъ, еще и того менѣе, и не превышаютъ двухъ и трехъ дюймовъ толщины...

„Можно и теперь еще различить признаки разныхъ инструментовъ, служившихъ троглодитамъ въ ихъ работахъ, и которые изображены какъ внѣ, такъ и внутри ихъ жилищъ... Признаки другихъ инструментовъ, замѣчаемыхъ на стѣнахъ во внутренности сихъ жилищъ, также очень необыкновенны: нѣкоторые представляютъ выпуклыя полукружія, похожія на толстыя веревки, или канаты, другія уподобляются точкѣ съ запятою, и тысячами выдавлены вь стѣнѣ. Сіи послѣдніе наиболѣе встрѣчаются въ комнатахъ, отдѣланныхъ съ большимъ раченіемъ, намѣтки, означенныя симъ инструментомъ въ стѣнѣ, представляются какъ-бы вдавленными въ мякоть, а не въ твердое тѣло... Сей наружный

признакъ, можетъ быть и обманчивый, заставляетъ полагать, что троглодиты имѣли средство смягчать камни до разработки... Между сими скалами находится одна, весьма замѣчательная, по содержанію въ себѣ одного весьма страннаго покоя. Вершина сей скалы очень широка; подъ нею, одна подлѣ другой, выдѣланы неправильно-круглыя дыры, имѣющія отъ двухъ до трехъ футовъ въ діаметрѣ, что и придаетъ ей нѣкоторое сходство съ англійскою кухнею въ большомъ видѣ. Отверстія сіи, коихъ находится почти десять, служили входомъ и вмѣстѣ сообщеніемъ съ внутренностью покоя, имѣющаго большую овальную фигуру и вышину въ семь футовъ. Долженствовали встрѣтиться большія трудности при его сооруженіи, ибо дѣятели начинали ее не съ боковой стороны, но сверху, и работали, спускаясь внизъ, какъ-бы въ колодезь, по мѣрѣ ихъ углубленія... Я вышелъ изъ сей скалы разщелиною, съ боку выработанною (вѣроятно искусствомъ татаръ) доставляющею нынѣ входъ гораздо удобнѣе существовавшаго нѣкогда при троглодитахъ... Наверху одной утесистой стремнины, во внутренности скалы, находится одна комната, служившая келіею и часовнею набожнымъ людямъ средняго вѣка, а между прочими кажется и одному весьма искусному художнику, тамъ жившему, ибо на стѣнахъ часовни сей примѣтны слѣды хорошей живописи, какъ можно судить по живости красокъ и очертаній, которыя еще замѣтить можно, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, сквозь слѣды разрушенія, которое она показываетъ. Изображеніе представляетъ Богородицу, окруженную нѣкоторыми святыми... Картина сія приносила бы честь вѣку Чимабуэ (въ 1300 году), основателя Итальянской школы и живописи въ Италіи.“

Не знаю навѣрное, о какой это часовнѣ говоритъ г. Козенъ; скорѣе всего это та самая, которую мы нашли въ долинѣ, подъ скалою Эски-Кермена, и о которой я говорилъ выше. Въ такомъ случаѣ фраза о Чимабуэ прибавлена почтеннымъ авторомъ единственно ради красоты слога.

Другой часовни, кажется, нѣтъ въ Эски-Керменѣ, если не считать того храма или монастыря, гдѣ стоитъ гробница. Крымскій судья Сумароковъ въ 1802 году нашелъ въ Эски-Керменѣ также только двѣ церкви. Объ Исторіи Эски-Кермена не осталось ни малѣйшагó указанія. „Если уже въ XVI столѣтіи, какъ свидѣтельствуетъ Броневскій, забыты были даже легенды о немъ, то нашему времени трудно разсчитывать на отысканіе какихъ-нибудь историческихъ данныхъ этой среди древностей „*древней крѣпости.*“

Осмотрѣвъ Эски-керменскія пещеры, мы двинулись далѣе. Нашъ Бекиръ упрямъ, какъ истый татаринъ. Его понятія о „князѣ“ и о „господахъ изъ губерніи“ совершенно разрушаютъ наши планы. Онъ положительно не позволяетъ намъ дѣйствовать какъ бы мы хотѣли, и ревниво заботится о томъ, чтобы нашему предполагаемому сану возданы были подобающія почести.

Бѣдняга, безъ сомнѣнія, участвуетъ всѣмъ сердцемъ въ долѣ этихъ почестей.

Смѣло подъѣзжаетъ онъ къ кунацкой княгини, владѣтельницы Каралеза, и вызываетъ *чайю* (прикащика,) несмотря на наши грозныя запрещенія. *Чайя* суетливо бѣжитъ въ гаремный дворъ, оттуда опять къ намъ, съ ладонью на сердцѣ, почтительно пропускаетъ насъ въ кунацкую, переговаривая что-то съ Бекиромъ. Вотъ мы въ гостяхъ у татарской княгини; мы сидимъ на коврахъ, тянущихся сплошь вдоль трехъ стѣнъ кунацкой. *Чайя*—суровый бородатый татаринъ съ просѣдью,—устанавливаетъ передъ нами на обычномъ табуретномъ столикѣ какое-то оригинальное баранье рагу, пшонную кашу, сдобные татарскіе пирожки. Комната уже полна прислуги, и насъ разбираетъ смѣхъ при видѣ этикета, который соблюдается въ отношеніи насъ. *Чайя* позволяетъ себѣ находиться невдалекѣ отъ насъ, свободно куритъ трубку и садится около насъ на коверъ. „*Одиджи*“—дворецкій—хотя тоже куритъ трубку, но держится подальше и сидитъ только на корточкахъ. Поваръ помѣщается еще дальше отъ почетнаго угла и уже

безъ трубки, а остальная прислуга вытянулась вдоль стѣны у самой двери и, кажется, не смѣетъ даже присѣсть на корточки. Подали сальныя свѣчи, и одинъ изъ татаръ озабоченно держитъ въ своихъ рукахъ щипцы, которыя было бы удобнѣе оставить на столѣ. По временамъ, онъ мягкимъ шагомъ подходитъ къ столу, снимаетъ осторожно со свѣчи, и, съ тою же безмолвною сосредоточенностью возвращается на свою прежнюю позицію у стѣны, откуда внимательно продолжаетъ наблюдать за нагараніемъ фитиля. Сосѣдъ его держитъ маленькую курильницу съ углемъ, третій—какой-то подносикъ. Всѣ проникнуты сознаніемъ своихъ важныхъ обязанностей. Еще новый слуга внесъ множество перинъ пуховыхъ подушекъ и ваточныхъ одѣялъ. Хотя все это было сдѣлано не изъ полотна, а изъ дешеваго пестраго ситца, но отличалось безукоризненною чистотою. Пока тянулось наше угощеніе и приготовленіе къ ночлегу, мною овладѣло какое-то такое знакомое чувство, въ которомъ я не сейчасъ далъ себѣ отчетъ. Мнѣ казалось, что я уже не разъ бывалъ въ этой обстановкѣ и видѣлъ уже этихъ людей, эти обычаи. Картины глубокаго дѣтства встали въ памяти. Крѣпостные лакеи, безполезно толпящіеся у барскаго стола, кто съ салфеткой, кто съ тарелкой, кто съ вилкой на подносѣ; тоже многочасовое торчаніе вдоль стѣнъ съ заложенными назадъ руками, тѣже сальныя свѣчи, тѣже длинныя трубки и постоянная обязанность набивать ихъ; тѣже дворецкіе и прикащики, тотъ же жирный и грубый вкусъ въ выборѣ кушаньевъ, даже расположеніе мебели въ нитку, вдоль стѣнъ, и изобиліе постельнаго добра—все это близко-знакомое, недавно еще крѣпко жившее и недавно на вѣки погибшее.

Масса русскаго средняго дворянства—не тѣ немногія фамиліи, которыя въ столичной службѣ успѣли рано прикоснуться къ европейскимъ обычаямъ, а то помѣщичество, которое выходило въ отставку послѣ 1-го чина и съ 25 лѣтъ не выѣзжало съ своихъ вотчинъ—безъ всякаго сомнѣнія заимствовала отъ татарскихъ

мурзаковъ гораздо болѣе, чѣмъ мы думаемъ. Но болѣе всего говоритъ объ этомъ заимствованіи образъ жизни татарскаго мурзака, его хозяйственная распущенность, его страсть къ лошадямъ и собакамъ, характеръ его домашняго комфорта. Дѣвственная громозвучность голосовъ, дѣвственно-мощные организмы, переполненные густою и сердитою кровью, эти черные гнѣвные глаза, привыкшіе только приказывать, эти жосткіе какъ грива усы и волоса — все это я видѣлъ давно, въ эпоху своего отрочества, и все это я съ изумленіемъ увидалъ во всемъ живьѣ, черезъ 25 лѣтъ, когда мнѣ пришлось пожить среди татарскихъ мурзаковъ. Татарскій мурзакъ — это идеалъ, съ котораго копировался нашъ крѣпостный помѣщикъ.

До Бахчисарая мы рѣшились ѣхать прямо по степи, гдѣ и подняли отчаянную скачку на перегонки, ко всеобщей потѣхѣ. Если бы подъ нами были не татарскія лошади, не одинъ бы изъ насъ вернулся калѣкой. Это насъ разразднила степь, ровная, безбрежная. Мы, конечно, нашли бы болѣе удобствъ въ ханскомъ дворцѣ, гдѣ уже не разъ пользовались радушіемъ почтеннаго и гостепріимнаго коменданта Я. А. Ш-ка; но намъ не хотѣлось еще выбиваться изъ татарщины и разрушать нашу многодневную иллюзію. Поэтому рѣшено было остановиться въ татарскомъ *„ханѣ“*. *„Ханъ“* выбрали типическій, изъ такихъ, которые уже начинаютъ изчезать, уступая мѣсто столь же неудобнымъ, еще болѣе грязнымъ и гораздо болѣе дорогимъ *„нумерамъ“*, въ кабацко-русскомъ вкусѣ. На внутреннемъ дворѣ хана была полуоткрытая татарская кофейня, съ фонтаномъ посрединѣ. Пока Бекиръ дѣлалъ закупки и поилъ лошадей, мы сидѣли въ кофейнѣ, на высокихъ и широчайшихъ диванахъ, совсѣмъ съ ногами. *Кафеджи* угощалъ насъ въ крошечныхъ чашечкахъ чорнымъ кофеемъ съ гущей, который онъ приготовлялъ съ большимъ мастерствомъ, тутъ же на печи, въ маленькихъ узкогорлыхъ кофейникахъ турецкой формы. Изъ сосѣдней шашлышни татаринъ при-

несъ намъ нѣсколько палочекъ съ нанизаннымъ на нихъ горячимъ и румянымъ *шашлыкомъ*, который еще весь шипѣлъ, и на который мы, конечно, съ жадностью накинулись. Присутствіе необычной публики въ кофейнѣ хана распространилось по сосѣдству, и много татаръ приходило глядѣть на насъ, особенно на нашу амазонку. Бекиръ и тутъ пустилъ слухъ о князѣ, и весь дворъ скоро наполнился татарскими барышниками, которые предлагали заѣзжему князю купить у нихъ верховыхъ лошадей. Бахчисарайскія лошади дѣйствительно считаются за лучшихъ въ Крыму.

Вечеръ спустился тихій. Цвѣтущія деревья наполняли воздухъ своимъ запахомъ. Мы пошли насладиться фонтанами и розами дворцовыхъ садиковъ. Фонтаны всѣ были пущены, и тяжелыя струи ихъ звонко журчали въ бѣлые мраморные бассейны, перебивая другъ друга среди тишины лунной ночи. Луна стояла за *„Соколиною башнею“* гарема и бросала отъ нея, отъ высокихъ тополей, отъ мавританскихъ рѣзныхъ трубъ дворца — длинныя тѣни на росистый лугъ и на клумбы розовыхъ кустовъ. По балконамъ и крылечкамъ какъ-то таинственно ползли узорныя тѣни рѣшетокъ и деревьевъ. Не хотѣлось говорить, не хотѣлось двигаться. Въ безмолвномъ благоговѣніи мы впивали въ себя красоту южной ночи, въ поэтической обстановкѣ восточной роскоши. На балкончикѣ минарета, стройно высящагося въ купѣ такихъ-же высокихъ тополей, и дворцовой мечети, мазинъ затянулъ вечернюю молитву. Мы смотрѣли на его черную фигуру, вырѣзавшуюся на фонѣ освѣщеннаго неба и обращавшуюся поочередно ко всѣмъ странамъ свѣта. Онъ кричалъ пронзительно и заунывнымъ голосомъ, въ которомъ, какъ въ колоколѣ, не было ничего индивидуальнаго, ничего зависящаго отъ данной минуты.

На многочисленныхъ минаретахъ города *мазины* одинъ за другимъ стали подхватывать сигнальный гимнъ. То ближе, то дальше замирали ихъ голоса, взывавшіе къ правовѣрнымъ, и

среди глубокой тишины слышны были спѣшные шаги молильщиковъ, собиравшихся въ ханскую мечеть.

Мечеть была отворена.

Огромная зала ея освѣщалась только въ самой глубинѣ, рядами низкихъ подсвѣчниковъ, стоявшихъ передъ налойчиками алькорана. Въ срединномъ альковѣ, замѣняющемъ нашъ олтарь, тоже передъ складною скамеечкой съ алькораномъ, стоялъ на колѣняхъ толстый эффенди въ зеленой чалмѣ. Полъ былъ сплошь устланъ дорогими персидскими коврами. Немногіе татары-молельщики стояли рядами, не двигаясь, не произнося слова, словно статуи. Входившій оставлялъ передъ входною рѣшеткою свои туфли и неслышной поступью по мягкимъ коврамъ присоединялся къ ряду этихъ окаменѣвшихъ людей. Ни малѣйшій шумъ не прерывалъ благоговѣйнаго теченія молитвы.

Не далеко отъ входа, на шкурахъ дикой козы, сидѣли, поджавъ ноги, *мазины*. Изрѣдка мулла произносилъ священныя слова, и тогда всѣ начинали вслѣдъ за нимъ раскачиваться въ стороны, кланяться или поднимать кверху руки. Это дѣлалось совершенно какъ по командѣ, въ строжайшій тактъ: ни шуму, ни скрипу, съ поразительной легкостью и быстротою. Иногда голосъ подавалъ не мулла, а мазинъ. Онъ сидѣлъ дремлющій, весь погруженный въ себя, голова на груди—и вдругъ что-то найдетъ на него, затянетъ пронзительный стихъ и азартно закачается изъ стороны въ сторону. Всѣ сразу подхватываютъ. Это мусульманское служеніе производитъ особенное впечатлѣніе. Обширный полутемный храмъ, движущіяся тѣни отъ кланяющихся и качающихся фигуръ, благоговѣйная тишина и непонятныя фанатическія завыванія, изрѣдка нарушающія ее, странно дѣйствуютъ на воображеніе.

Бахчисарайская дневка пришлась какъ разъ на полу-пути. Запаслись новою провизіею, перековали лошадей, чтобы пуститься еще сутокъ на трое въ горную глушь.

Чтобы не миновать ни одного пещернаго города, намъ нужно было теперь ѣхать черезъ Чуфутъ-Кале въ Біа-Салы, откуда легко производится осмотръ Тепе-Кермена и Качи-Кальена, и сдѣлать экскурсію, черезъ Мангушъ, въ Баклу.

Въ Саланчукѣ — цыганскомъ предмѣстьи Бахчисарая — мы наткнулись на оригинальную сцену, замедлившую нашъ путь.

Двухъ-колесная крытая арба, обвѣшанная цвѣтными одѣялами и войлокомъ, еле - двигалась по рытвинамъ ручья, замѣняющаго улицу въ каждой татарской деревнѣ.

Нѣсколько молодыхъ цыганъ въ татарскомъ нарядѣ (здѣшніе цыгане всѣ магометанскаго исповѣданія) охраняли арбу отъ неистоваго напора разнохарактерной толпы татаръ и цыганъ. Провожатые дѣлали неимовѣрныя усилія, чтобы протиснуться хоть на одинъ шагъ впередъ.

Верховые и пѣшіе, дѣти и большіе, мужчины и женщины, наперерывъ другъ передъ другомъ, силились остановить арбу ухватываясь за колеса, за грядки, за упряжь лошадей. Крикъ и суматоха стояли невообразимые.

Давили, падали, взвизгивали, ругались.

Одинъ сердитый сѣдой старикъ, изъ провожатыхъ, колотилъ народъ направо и налѣво, толстою палкою, не разбирая по чемъ, злобно сверкая глазами и оскаливая свои старые зубы. Отъ него увертывались, вопили, охали, но все-таки продолжали лѣзть и давить. Другой татаринъ стоялъ на арбѣ во весь ростъ, и изрѣдка бросалъ въ народъ цвѣтные платки. Что было внутри, не было видно: арба была завѣшена на-глухо. Впереди арбы ѣхалъ татарскій мальчикъ, держа высоко надъ головою книгу алькорана, а за нимъ важно шли усатые музыканты, кто съ зурною, кто съ турецкимъ барабаномъ. Это была настоящая татарская свадьба,—*похищеніе жены*.

Обычай дозволяетъ останавливать молодыхъ всякому встрѣчному, особенно-же жителямъ тѣхъ селъ, черезъ которыя двигается по-

ѣздъ. Отъ нападающихъ нужно откупаться платками, лентами и т. д., а слобода Салончукъ сплошь населена бѣдняками-цыганами.

Охотниковъ до платковъ было здѣсь особенно много, а платковъ у жениха особенно мало. Оттого-то давка и дошла до такихъ размѣровъ. Маленькую арбу перекидывали раза два на бокъ и нѣсколько разъ отталкивали назадъ. Отрядъ провожатыхъ дружковъ жениха — совсѣмъ выбился изъ силъ въ неравной и непрерывной борьбѣ. Музыка визжала и стучала, народъ кричалъ и бушевалъ. Когда арба повернула въ боковой проулокъ села и стала карабкаться на крутую скалистую гору — мы думали, что ей пришолъ конецъ. Въ тѣсномъ проулкѣ толпа еще болѣе сплотилась и изъ всѣхъ хатъ прибывали новые аттакующіе.

Наконецъ арба остановилась недалеко отъ хаты жениха, къ которой подъѣхать было невозможно—на такой крутизнѣ стояла она. Женихъ закуталъ похищенную невѣсту совсѣмъ съ головою въ яркое шелковое одѣяло съ золотыми цвѣтами и, крѣпко держа въ рукахъ свою ношу, почти бѣгомъ бросился съ нею по крутизнѣ къ дверямъ хаты. Дружный взрывъ одобрительныхъ криковъ, зурны и турецкихъ барабановъ, привѣтствовали удалаго жениха. Тамъ уже собрались гости, и туда входили музыканты.

Между тѣмъ и мы подвинулись далѣе. Живописное ущелье Успенскаго Скита благоухало садами. Въ эту узкую и глубокую тѣснину уже забрались зеленыя тѣни и прохлада вечера, хотя солнце было высоко надъ степью.

Чѣмъ-то непонятнымъ и чуждымъ намъ глядѣли эти окошечки келій, чернѣвшія высоко надъ землею, въ бѣлыхъ толщахъ известняка. Переходцы, лѣсенки, балкончики, прилѣплены надъ отвѣсною пропастью, какъ гнѣзда ласточекъ, словно жить въ немъ не людямъ, а пернатымъ.

Византійскія фигуры *святыхъ* мучениковъ, въ золотыхъ

вѣнчикахъ и цвѣтныхъ одеждахъ, въ наивно-благочестивыхъ позахъ, писанныя прямо по сырцу скалы, окружаютъ входы пещерныхъ церквей и сообщаютъ характеръ глубокой средневѣковой древности этому полу-воздушному, полу-подземному скиту. Наверху столообразной скалы, въ которой высѣчены пещеры скита, огромный крестъ вѣнчаетъ всю западную стѣну ущелья; какъ будто и ущелья, окружающія его, и горы, составляютъ одинъ титаническій храмъ. Къ этому кресту ведетъ чрезвычайно крутая лѣстница, съ безчисленнымъ множествомъ ступеней, высѣченная въ толщѣ скалы. Мы поднялись по ней, и, съ плоской вершины горы, уже обращаемой монахами въ плодовый садъ, могли свободно обозрѣть окрестность; только отсюда можно убѣдиться въ естественной принадлежности Успенскаго Скита и Чуфутъ-Кале къ Бахчисараю, предмѣстьями котораго они всегда считались. И до Бахчисарая, и до Чуфута отсюда рукой подать, а снизу, проѣзжая по окольнымъ дорогамъ среди скалистыхъ стѣнъ, даже не подозрѣваешь этой близости.

Долина, надъ которою мы стояли, полная теперь монастырскими садами, недавно еще носила названіе *Маріинполя, города св. Маріи*. Это былъ религіозный центръ крымскихъ грековъ, мѣстопребываніе ихъ митрополита; русское правительство, незадолго до присоединенія Крыма, намѣренно переселило отсюда грековъ на берега Азовскаго моря. Новый Маріанполь, или Маріуполь, въ предѣлахъ единоплеменной Россіи, долженъ былъ привлечь къ себѣ помыслы промышленныхъ крымскихъ грековъ и нанести сильный ударъ умирающему ханству.

До сихъ поръ сохранилась старинная привычка чествовать древнюю святыню Крыма, и 15 августа, въ день Успенія св. Дѣвы Маріи, старый Маріанполь, или Успенскій Скитъ, наполняется толпами богомольцевъ, особенно грековъ. Игуменъ показывалъ намъ всѣ уголки своего горнаго хозяйства, и, несмотря на свои лѣта, бодрѣе всѣхъ насъ поднялся по крутымъ ступенямъ

къ подножію креста. Но мы спѣшили въ Чуфутъ и должны были отказаться отъ любезнаго приглашенія выпить чашку чаю подъ тѣнью монастырскихъ персиковъ.

Чуфутъ-Кале—*жидовская крѣпость*, по переводу на русскій языкъ—лежитъ на такой же, совершенно отдѣльной, столовой горѣ, какъ и Манпупъ, только высота и объемъ ея значительно меньше. Какъ и Мангупъ, Чуфутъ-Кале былъ въ одно и тоже время внутреннимъ, пещернымъ городомъ и нагорнымъ, наружнымъ, окруженнымъ стѣнами съ башнями.

Южный обрывъ скалы, по неприступности своей, былъ, повидимому, безъ стѣнъ, такъ что развалины старинныхъ домовъ-бойницъ высятся теперь прямо надъ пропастью, по которой ползетъ дорога.

Подъ нѣкоторыми изъ нихъ почва мѣстами осыпалась, и они нависли подъ пропастью. Эти мрачныя жилища, принаровленныя больше къ защитѣ, чѣмъ къ удобствамъ жизни, крайне типичны и просятся въ альбомъ любопытнаго туриста.

Время основанія Чуфутъ-Кале неизвѣстно. Преданіе, сохранившееся у мѣстныхъ жителей, а также нѣкоторые писатели приписываютъ построеніе Чуфутъ-Кале какимъ-то сорока мужамъ, сорока разбойникамъ, основываясь, можетъ быть, именно на татарскомъ значеніи слова кыркъ (сорокъ).

Почти единственный письменный памятникъ, уцѣлѣвшій здѣсь, —это мавзолей Ненекеджанъ-Ханымъ, дочери Тахтамышъ-Хана, но онъ относится только къ 1437 году, стало быть, уже ко времени владѣнія татаръ.

Тунманъ, правда, увѣряетъ, что Чуфутъ-Кале есть древняя Фулла, существовавшая уже въ VI вѣкѣ, но основаній такому мнѣнію не приводитъ. Точно также бездоказательны слова Кларке, который въ своемъ путешествіи описываетъ Чуфутъ-Кале, „какъ древній замокъ первоначально построенный генуэзцами, надъ глубочайшею пропастью.“

Старинные писатели начинаютъ говорить о Чуфутъ-Кале толь-

ко съ первой четверти XIV вѣка. Тогда этотъ городъ извѣстенъ былъ подъ именемъ Кыркора; до сихъ поръ караимскіе раввины, составляя бранныя записи бахчисарайскихъ караимовъ, именуютъ ихъ въ этихъ актахъ старинными именемъ „гражданъ Кыркора" Имя Кыркора въ разныхъ искаженіяхъ — Кыркоръ, Коркери, Киркіель — упоминается очень часто у польскихъ и другихъ писателей XIV, XV и позднѣйшихъ столѣтій.

Черезъ это ханы крымскіе часто именовались у поляковъ ханами киркіельскими. Въ нашихъ русскихъ старинныхъ актахъ Чуфутъ-Кале тоже называется Кыркоромъ. Даже писатель XVIII столѣтія, литовскій митрополитъ Сестренцевичъ, называетъ Чуфутъ Киркіелемъ. „На западномъ концѣ бахчисарайской долины жиды имѣютъ деревню, называемую Чуфутъ-Калези. На вершинѣ горы видѣнъ *замокъ Киркіель*, бывшій жилищемъ древнихъ хановъ, отчего ихъ называли ханами киркіельскими."

Открытіе Фирковичемъ на Чуфутскомъ кладбищѣ надгробной надписи перваго десятилѣтія нашей эры дѣлаетъ несомнѣннымъ, что караимы жили въ Чуфутъ-Кале еще до Р. Х. Слѣдовательно, основаніе его нужно отнести еще къ библейскимъ временамъ Объ этой сѣдой древности краснорѣчиво говоритъ и число памятниковъ, которыми, можно сказать сплошь, засѣяна довольно обширная балка, прозываемая у караимовъ *Іосафитовою долиною*. Это имя дано кладбищу въ воспоминаніе Іерусалимской долины Смерти, на которой будетъ происходить страшный судъ. Въ Чуфутской „долинѣ смерти" памятники уже стоятъ на памятникахъ. Множество плитъ ушло такъ глубоко въ землю, что до нихъ трудно теперь докопаться. Изъ историческихъ фактовъ, относящихся до Чуфута, положительно извѣстно только то, что въ XIV и XV столѣтіяхъ этотъ древній Кыркоръ *) или Кирніель былъ главнымъ мѣстопребываніемъ крымскихъ хановъ. Крымскихъ,

---

*) Ольгердъ литовскій, по словамъ Шлецера, разбилъ въ 1399 г около Дона трехъ хановъ.

киркіельскихъ и монлопскихъ (мангупскихъ?) татаръ. Изящный мавзолей ханской дочери въ серединѣ Чуфута представляетъ еще болѣе убѣдительное доказательство того, что въ XIV столѣтіи Чуфутъ былъ, дѣйствительно, резиденціею хана. О томъ же свидѣтельствуетъ и глубокая темница на сѣверномъ краю города. Извѣстный венеціанскій путешественникъ XV столѣтія Барбаро разсказываетъ, что Менгли-Гирей взялъ приступомъ Кыркоръ, въ которомъ былъ тогда властелиномъ Эминекъ-Бей и, по взятіи, умертвилъ его. Другой венеціанецъ XV ст., посолъ республики Кантарини говоритъ, что онъ разстался съ литовскимъ посломъ потому, что тотъ долженъ былъ явиться къ хану, находившемуся въ крѣпости Керкеръ, Менгли-Гирей особенно часто находится въ Кыркорѣ; между прочимъ онъ запирается въ немъ отъ хановъ Золотой Орды въ 1486 году. Во время крымскихъ смутъ случалось, что одинъ ханъ господствовалъ въ Крыму, а противникъ его запирался въ неприступномъ Кыркорѣ и старался низвергнуть соперника; такъ было, напр., при Саипъ-Гиреѣ въ XVI ст. Очень можетъ быть, что перенесеніе столицы хановъ изъ Стараго Крыма въ Бахчисарай было именно вызвано неприступностью Чуфутъ-Кале.

Въ исторіи крымскихъ хановъ, писанной на турецкомъ языкѣ, народится такой отзывъ о Чуфутѣ: „крѣпость Кыркоръ лежитъ близь Бахчисарая, на высокой горѣ, и построена изъ малыхъ кремней, *чрезвычайно крѣпка и не имѣетъ себѣ подобной.*“

Я не буду здѣсь вдаваться въ подробности о развалинахъ и древностяхъ Чуфута, о могильномъ впечатлѣніи этого, заживо-похороненнаго, города. Въ другомъ мѣстѣ своихъ крымскихъ впечатлѣній я уже посвятилъ особую главу описанію Успенскаго Скита и Чуфутъ-Кале, хотя и не касался связи ихъ съ другими пещерными городами. Здѣсь было бы излишне повторять прежде разсказанное.

Въ одномъ изъ полувисячихъ старинныхъ домовъ Чуфутъ-Кале, совершенно впрочемъ подновленномъ, живетъ Авраамъ Фирковичъ, стражъ и патріархъ Чуфута. Мы ѣхали прямо къ Фир-

ковичу, и онъ ждалъ насъ. Престарѣлый раввинъ встрѣтилъ своихъ гостей на одной изъ мертвыхъ улицъ мертваго города. Если бы его не провожалъ другой караимъ, совершенно житейскаго вида, Фирковича не трудно было бы принять за призракъ. Среди гробоваго вида этихъ ветхозавѣтныхъ развалинъ, напоминающихъ запустѣвшіе города Палестины и Сиріи, передъ нами появился старецъ, высокаго роста, величаваго вида, въ костюмѣ настоящаго Мельхиседека. Онъ одѣтъ былъ въ длинный хитонъ, на головѣ его была бѣлая круглая шапка съ широкимъ бархатнымъ околышемъ, фіолетоваго цвѣта, что-то среднее между чалмою Шамиля и митрой библейскихъ первосвященниковъ. Опираясь на посохъ, онъ твердыми шагами приблизился къ намъ и привѣтствовалъ насъ на чистомъ русскомъ языкѣ. Мы сошли съ лошадей и, послѣ обычныхъ вѣжливостей, отправились, по приглашенію старца, осматривать достопримѣчательности мертваго города.

Продолговатая зала, бывшая когда-то синагогою, служитъ теперь книгохранилищемъ Фирковичу. До самаго потолка идутъ полки, тѣсно набитыя рукописями. Даже на полу нѣтъ мѣста отъ нихъ. Все это — фоліанты, иногда на-половину истлѣвшіе, свитки пергамента, цѣлыя кожи, покрытыя семитическими письменами. Видъ этихъ библіофильскихъ сокровищъ вселяетъ почтеніе. Нужно много вѣры въ свои силы, въ свою живучесть, чтобы дерзнуть погрузиться въ прахъ минувшихъ вѣковъ, анализировать его и освѣтить мыслію своею вѣка. Фирковичъ собиралъ эти рукописи въ разныхъ частяхъ свѣта: въ Каирѣ, въ Дамаскѣ, въ Дербентѣ, въ Вильнѣ. Пользуясь своими связями съ караимскими раввинами всѣхъ странъ, онъ пріобрѣталъ иногда такія рукописи, которыя переходили по наслѣдству отъ дѣдовъ къ внукамъ, подъ заклинаніями, какъ семейная и религіозная тайна.

Ни одинъ европейскій ученый не былъ въ этомъ отношеніи поставленъ такъ выгодно. Только ревнителю и хранителю древ-

ней вѣры отцовъ довѣрялись заповѣдныя сокровища, недоступныя для иновѣрцевъ.

Только ему открывались таинственныя преданья караимскихъ старцевъ, ожидавшія цѣлыми столѣтіями достойнаго воспріемника. Фирковичъ созерцалъ собранныя имъ сокровища, исполненный гордости. Онъ многорѣчиво съ юношескимъ, жаромъ, объяснялъ намъ значеніе наиболѣе замѣчательныхъ рукописей и исторію пріобрѣтенія ихъ. Онъ придавалъ имъ громадное значеніе, котораго, конечно, они не могутъ имѣть. Какъ библіофилъ, онъ считалъ важнымъ научнымъ открытіемъ всякій новый варіантъ давно извѣстнаго текста.

Онъ горячо жаловался, что его неусыпные труды на пользу науки пропадутъ безплодно, что у него нѣтъ помощниковъ и не будетъ продолжателей. „Мнѣ уже 90 лѣтъ, а посмотрите сколько еще дѣла! горячился онъ, указывая своею костлявою рукою на пыльные архивы, насъ окружавшіе“.

Публичная библіотека уже купила разъ у Фирковича его собраніе восточныхъ рукописей за 100 тысячъ р. сер.

Но почтенный раввинъ съ презрительною насмѣшкою отзывался о библіотекѣ, которая ограничилась помѣщеніемъ его рукописей въ шкафы и прибитіемъ ярлычка. Онъ негодовалъ на то, что до сихъ поръ ни одинъ ученый не командированъ для разбора и изданія этихъ сокровищъ, единственныхъ въ мірѣ, по мнѣнію собирателя. Ихъ покупали въ Королевскую Лондонскую библіотеку, говорилъ Фирковичъ, и въ Европѣ они навѣрное породили бы уже цѣлую литературу; но онъ не хотѣлъ лишить свое собственное отечество такого пріобрѣтенія.

По словамъ Фирковича, онъ не разъ просилъ министра Народнаго Просвѣщенія и разныхъ важныхъ лицъ объ оказаніи ему пособія къ разбору и изданію собранныхъ рукописей, но ни отъ кого ничего не добился. „Если бы мнѣ дали десять оріента-

листовъ, всѣмъ бы нашелъ занятія на цѣлую ихъ жизнь!„ хвастался увлеченный старикъ.

Живучесть этого ученаго старца по истинѣ изумительна. Цѣлые дни и ночи проводитъ онъ въ этихъ полутемныхъ сводахъ, роясь въ своихъ пергаментахъ, подбирая перепутанныя рукописи листокъ къ листку, дѣлая безчисленныя комментаріи и выписки. Онъ читаетъ безъ очковъ самый мелкій почеркъ полинявшихъ пергаментовъ и пишетъ замѣчательно твердо и изящно. Архивная пыль не сушитъ его, а одушевляетъ какою-то страстью. Онъ видитъ прелесть поэзіи и святость долга въ своей отшельнической жизни среди мертваго города, въ своей кротовой работѣ надъ письменами восточной древности.

Главной заслугой своей Фирковичъ почитаетъ открытіе древняго Пятикнижія, писаннаго съ помощью совершенно особенныхъ титловъ.

Старикъ разсказывалъ объ этой находкѣ съ таинственностью и дѣтскимъ восторгомъ. Однажды ночью онъ, по обычаю своему занимался въ библіотекѣ разборомъ рукописей и захотѣлъ посмотрѣть, не заключаютъ ли въ себѣ какихъ-нибудь особенностей древніе свитки Пятикнижія, сложенные въ олтарной скиніи этой бывшей синагоги.

„Когда я съ надлежащими молитвами вынесъ на рукахъ своихъ одну за одною всѣ наши древнія святыни и удостоился облобызать ихъ, я вдругъ замѣтилъ, что подъ поломъ скиніи находится пустота. Я пошелъ за ломомъ, заперся на ключъ и проработалъ всю ночь.

„Подъ поломъ было много разныхъ книгъ и ниже всѣхъ ихъ древній свитокъ Пятикнижія. Я благоговѣйно развернулъ—его и не повѣрилъ своимъ глазамъ. Пятикнижіе это было написано совершенно особеннымъ образомъ, какимъ не писались еврейскія книги ни прежде, ни послѣ. Со мной сдѣлалась лихорадка отъ волненія. Я думалъ сначала, что помутился мой старый разумъ

и мои старые глаза и не позволилъ себѣ читать долѣе священной книги. На другое утро я поѣхалъ нарочно въ Мангупъ-Кале, чтобы посмотрѣть, нѣтъ-ли такихъ-же титловъ на древнихъ надписяхъ гробницъ; но не нашелъ ничего подобнаго. Тамъ, на открытомъ воздухѣ, чувствуя что я здоровъ и не брежу, я убѣдился въ дѣйствительности своего открытія. Я ѣздилъ потомъ въ Евпаторійскую синагогу, сличалъ самые древніе списки Пятикнижія съ найденною рукописью, писалъ объ этомъ многимъ ученымъ нашимъ раввинамъ, но нигдѣ и ни отъ кого не видалъ и не слыхалъ о томъ, что мнѣ такъ нежданно захотѣлъ открыть Господь“.

Фирковичъ полагаетъ, что введеніе новаго способа изображенія Священнаго Писанія грозило опасностью автору, такъ какъ отъ способа начертанія еврейскихъ словъ зависитъ и объясненіе ихъ, и что поэтому авторъ нововведенія, изъ боязни обвиненій въ ереси, вынужденъ былъ скрывать свою рукопись въ таинственномъ мѣстѣ.

Фирковичъ разсказывалъ намъ также съ большимъ экстазомъ о своей встрѣчѣ на Востокѣ съ англійскими оріенталистами. Въ костюмѣ турка, онъ списывалъ гдѣ-то въ Галилеѣ интересную надгробную надпись на древне-коптскомъ языкѣ. Двое англичанъ долго присматривались къ нему, и наконецъ подошли спросить, что онъ дѣлаетъ.

Знакомство старика-турка съ древне-коптскимъ языкомъ крайне удивило путешественниковъ, и они просили позволенія записать его имя въ свои записныя книжки. При имени Фирковича, англичане, оказавшіеся учеными оріенталистами, выказали живѣйшую радость, увѣрили старика, что давно знаютъ и уважаютъ его ученые труды и что почитаютъ за особенное удовольствіе такое неожиданное знакомство съ нимъ. Старикъ сіялъ гордостью, вспоминая о такомъ эффектномъ признаніи его ученыхъ заслугъ.

Почтенный раввинъ добылъ нѣсколько новыхъ фактовъ и для

исторіи крымскихъ караимовъ; онъ прочелъ и списалъ подписи всѣхъ безчисленныхъ гробницъ Іосафатовой долины, лежащей у подножія Чуфута и всего караимскаго кладбища въ Мангупъ-Кале. Онъ откопалъ самыя древнія гробницы, почти совершенно ушедшія въ землю и, съ помощью ихъ и рукописныхъ данныхъ, исправилъ и пополнилъ хронологію караимской исторіи.

Рѣдко можно встрѣтить человѣка, знающаго Священное Писаніе съ такою глубокою основательностью и изъ первыхъ источниковъ, какъ Авраамъ Фирковичъ. Это истинный мастеръ своего дѣла. Онъ передавалъ мнѣ множество замѣчаній поразительной убѣдительности, которыя, по словамъ его, онъ представлялъ покойному митрополиту Филарету и другимъ нашимъ ученымъ богословамъ, по поводу перевода Библіи на русскій языкъ. Кстати сказать, караимскій раввинъ не признаетъ греческаго подлинника, съ котораго мы перевели свои священныя книги, за Библію 70-ти толковниковъ. Онъ считаетъ также совершенно произвольною и невѣрною всю нашу библейскую хронологію. Странно было слушать, съ какою непоколебимою самоувѣренностью и снисходительностью наставника этотъ караимскій ученый обсуждалъ наши сильнѣйшіе авторитеты по части библейской исторіи. Послѣ осмотра Чуфутскихъ древностей, Фирковичъ пригласилъ насъ въ свой домъ. Съ стеклянной галлереи его видна надалеко вся окрестность, и особенно Іосафатова Долина, эта неисчерпаемая нива раскопокъ и изслѣдованій Фирковича.

Въ домѣ Фирковича господствуетъ ветхозавѣтная патріархальность. Старшій сынъ раввина, человѣкъ уже зрѣлыхъ лѣтъ, и, кажется, отецъ семейства, съ почтительностью снялъ туфли съ ногъ отца и принялъ его посохъ.

Женщины не смѣютъ показываться постороннимъ. Къ соблазну благочестивыхъ караимовъ, 90-лѣтній Авраамъ Фирковичъ, духовный глава и руководитель своихъ единовѣрцевъ, — недавно хотѣлъ жениться на шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ; это подражаніе

библейскому Аврааму не состоялось только вслѣдствіе открытаго ропота всего караимскаго общества, и чуфутскій патріархъ остался пока безъ Агари. Случай этотъ свидѣтельствовалъ столько же о полнотѣ жизненныхъ силъ этого замѣчательнаго старца, сколько и о его библейскомъ воззрѣніи на бракъ. Семья Фирковича—единственные обитатели Чуфута.

Для Фирковича Чуфутъ-Кале—какая-то обѣтованная земля, исполненная всякихъ утѣхъ и удобствъ. Онъ не знаетъ воздуха лучше Чуфута, не знаетъ видовъ красивѣе. Съ галлереи своей онъ любуется моремъ и степью, горами и развалинами древностей. У ногъ его, какъ на ладони, Іосафатова Долина, усыпальница всего его племени, въ теченіи почти двухъ тысячелѣтій. Охраненіе древностей Чуфута, возвеличеніе его въ исторіи и, если можно, возстановленіе въ немъ угаснэй караимской жизни—Фирковичъ сдѣлалъ просто задачею всей своей дѣятельности. На свой счетъ онъ нанимаетъ сторожа защищать отъ расхищенія камни и желѣзо мертваго города; онъ купилъ на собственныя деньги, кажется, восемь опустѣвшихъ домовъ, чтобы имѣть больше права къ поддержанію ихъ. Онъ постоянно побуждаетъ бахчисарайскихъ караимовъ переселяться въ Чуфутъ и заводитъ съ этою цѣлію сношеніе съ караимами Литвы. Синагога въ Чуфутѣ и школа для дѣтей поддерживается исключительной его энергіей.

Если матеріальные интересы торговаго караимскаго племени мѣшаютъ ему промѣнять населенный городъ на патріотическую пустыню, гдѣ даже капли воды нѣтъ, то по-крайней мѣрѣ Чуфутъ-Кале, долженъ остаться средоточіемъ духовной жизни караимскаго народа. Здѣсь караимы начинаютъ учиться божественной мудрости, здѣсь совершаютъ свои молитвы и обряды, сюда въ Чуфутскую долину смерти, возвращаются всѣ они, окончивъ жизненный путь. Впрочемъ, 90-лѣтній патріархъ исполненъ вѣры

что вскорѣ возвратятся въ свой древній городъ и живые его соплеменники.

Когда старикъ угощалъ насъ, по обычаю караимовъ, кофеемъ и гальвою, я попросилъ на память его фотографическую карточку, предполагая, что частыя столкновенія съ людьми разнообразныхъ убѣжденій, сообщенія со столицею и далекія путешествія разрушили въ ученомъ раввинѣ нелѣпые предразсудки татарства. Но старикъ категорически объявилъ мнѣ, что считаетъ грѣхомъ снимать съ себя портретъ.

Вообще онъ педантически стоитъ за всѣ обычаи и обряды своей религіи, какъ бы ни были они маловажны и внѣшни. Онъ жестоко преслѣдуетъ тѣхъ изъ своихъ соплеменниковъ, которые, подъ вліяніемъ русской жизни, позволяютъ себѣ отступленія отъ старины—въ одеждѣ, сношеніяхъ съ иновѣрцами, исполненіи церковныхъ уставовъ.

Я знаю научно-образованныхъ и весьма развитыхъ караимовъ, которые въ присутствіи Фирковича боятся ѣсть за столомъ русскихъ, а въ субботу не осмѣливаются надѣвать на себя часы или брать въ руки книгу. Фирковичъ далеко не фанатикъ по убѣжденіямъ, и терпимость его по отношенію къ иновѣрцамъ безгранична. Но онъ караимъ до мозга костей, и страстно жаждетъ поддержки стараго караимства во всѣхъ его особенностяхъ. Онъ понимаетъ, что послабленіе въ формѣ незамѣтно перейдетъ на болѣе существенныя стороны караимскихъ особенностей и кончится слитіемъ этого племени съ господствующимъ народомъ. Археологъ сказывается во всѣхъ его вкусахъ и дѣйствіяхъ.

III.

Дальнѣйшее путешествіе до послѣдняго пещернаго крымскаго города.

Ночное путешествіе.—Памятники «Готвейскаго кладбища.»—Пещеры Тепе-Кермена.—Качи-Кальонъ и св. Анастасія.—«Дурачковъ хуторъ.»—Бакла—послѣдній пещерный городъ—Римъ-гора.

Чуфутскій отшельникъ задержалъ насъ дольше, чѣмъ мы разсчитывали.

Дождливая ночь скоро окутала насъ, и Бекиръ усиленно напрягалъ свои татарскіе глаза, чтобы не завести насъ въ какую-нибудь трущобу. Ѣхать рысью было буквально невозможно, и мы сокращали утомительный путь оживленною бесѣдою. Всѣ были увѣрены, что мы заблудились, что Бекиръ ведетъ насъ не туда, куда слѣдовало. Мы уже часа четыре были на сѣдлѣ и еще не встрѣтили никакого жилья. Подъѣхали къ какой-то рѣчкѣ. Въ Крыму съ рѣчками нѣтъ никакихъ церемоній: мостовъ не полагается, и не только всадникъ, даже пѣшеходъ смѣло идетъ въ воду, заранѣе увѣренный, что вездѣ найдетъ бродъ съ каменистымъ дномъ.

Передовые наши всадники безпечно въѣхали въ рѣчку. Вдругъ мы услышали крикъ. Въ темнотѣ нельзя было ничего разглядѣть, но, по шуму и крику, было ясно, что лошади провалились и не могутъ выскочить на берегъ. Наши лошади испуганно шарахнулись назадъ. Наконецъ авангардъ выбрался, мокрый по-поясъ. Оказалось, что отъ горныхъ дождей вода страшно поднялась, и

переѣздъ дѣлался просто опасенъ. Особенно заботила насъ и Бекира наша „*Ханымъ*“ съ амазонскимъ шлейфомъ.

Лошади, хотя и татарскія, упирались какъ ослы и не шли въ воду, запуганныя неожиданнымъ проваломъ передовыхъ. Бекиръ и кое-кто изъ молодежи опустились въ рѣчку, чтобы нащупать мелкое мѣсто. Ханымъ перенесли на рукахъ, а лошадей перетащили въ поводу. Хотя было много смѣху по этому поводу, но это ночное купанье было совсѣмъ некстати: и безъ того пронзительный сырой вѣтеръ долины нагонялъ лихорадочную дрожь. Разливъ рѣки стоялъ широко. Мы очутились въ большой деревнѣ. Рѣка была Кача, деревня Біа-Салы. Было уже очень поздно, всѣ давно спали. Напрасно Бекиръ стучалъ поочереди въ первую встрѣчную хату кнутовищемъ своей нагайки, кулаками и ногами. Хохлы, обитатели этой глухой деревни, нерасположены были нарушать свой покой ради какихъ-то ночныхъ бродягъ. Положеніе дѣлалось не нашутку сквернымъ, особенно тѣмъ, кто прогулялся по-поясъ въ водѣ. Кто-то вспомнилъ, что въ Біа-Салахъ есть какое-то начальство. Отправились къ этому начальству; послѣ многихъ усилій разбудили парня, спавшаго на дворѣ, но онъ объявилъ намъ, что начальство теперь въ городѣ, и что безъ него некому распорядиться объ отводѣ казенной квартиры. Однако когда мы рѣшительно объявили ему, что въ такомъ случаѣ переночуемъ въ охраняемомъ имъ домѣ, и убѣдили его, что мы сами начальство, парень растолкалъ въ хатѣ какого-то старика, и старикъ отправился съ нами мыкаться по селу за отыскиваньемъ казенной квартиры. Въ двухъ хатахъ онъ ничего не достучался и отступилъ къ третьей. Оттуда его встрѣтили ругнею и препирательствами. Около полчаса нужно было всѣмъ намъ вести дружную аттаку, военную и дипломатическую, чтобы побѣдить упорство хозяйки-хохлушки, защищавшей неприкосновенность своего очага. Мы серьезно обрадовались, когда очутились наконецъ въ теплой и чистой малорос-

сійской горницѣ, до потолка заваленной пуховыми подушками, и, вмѣсто неумолимой защитницы дверей, нашли радушную хозяйку, хлопотавшую вокругъ столь желаннаго самовара...

Утромъ я разсматривалъ старое греческое кладбище вокругъ церкви. Русскіе колонисты, преимущественно солдаты, были поселены въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Крыма тотчасъ послѣ присоединенія его въ 1783 году, вмѣсто грековъ, удалившихся на берега Азовскаго моря не задолго до присоединенія. Біа-Салы вмѣстѣ съ Мангушемъ и другими селами были въ числѣ этихъ первоначальныхъ русскихъ сельбищъ, и русскій храмъ былъ устроенъ на мѣстѣ стараго греческаго. Я замѣтилъ на горѣ, съ другой стороны села, множество могильныхъ камней. „Это вѣрно тоже греческое кладбище?“ спросилъ я провожавшаго меня старшину.

— Нѣтъ, это не греческое, отвѣчалъ мой проводникъ. Старики наши скрывали, что слыхали отъ грековъ, будто это *готвейское* кладбище; сказываютъ, *готва* какая-то еще прежде грека тутъ находилась“.

Это имя готѳовъ, перешедшее въ народную легенду и даже принявшее чисто-русскую складку, признаюсь, удивило и обрадовало меня.

Мы тотчасъ же и отправились на гору, къ этому „готвейскому“ кладбищу. Я сначала заподозрилъ, не проникло ли это имя въ уста народа черезъ какого-нибудь сообщительнаго изслѣдователя старины и счелъ долгомъ разспросить, часто ли бываютъ въ Біа-Салахъ проѣзжіе и не осматривалъ ли кто изъ нихъ кладбище. Старики увѣряли, что на ихъ памяти никто никогда не осматривалъ старыхъ могилъ и не заѣзжалъ къ нимъ съ подобною цѣлью. Они передали только, со словъ своихъ дѣдовъ, что греки, при устройствѣ своей церкви, уже теперь разрушенной, растаскали почти всѣ большіе камни изъ развалинъ древней готвейской церкви, стоявшей среди кладбища.

То, что я нашелъ на горѣ, превзошло мои ожиданія. Вокругъ безпорядочныхъ развалинъ церкви, шло по скату горы огромное кладбище, сплошь усѣянное могильными плитами и гробницами разнообразнаго и оригинальнаго вида. Добрая половина ихъ вросла въ землю; отъ нѣкоторыхъ торчали только углы. Ни одной надписи, даже ни одной буквы не нашелъ я на этихъ каменныхъ гробницахъ. Всѣ они были высѣчены изъ плотнаго и тяжелаго известняка и отличались своею величиною. Тѣ, которые очень углубились въ землю, были особенно велики, три съ половиною, четыре и болѣе аршина длины. Это, безъ сомнѣнія, старѣйшія по возрасту. Форма ихъ проще всѣхъ другихъ: четырех-угольный ровно отесанный камень аршина $1^1/_2$ ширины и высоты. Почти на каждомъ изъ такихъ плоскихъ камней высѣчено изображеніе какого-нибудь орудія: на одномъ кузнечныя клещи, на другомъ характерная пастушья горлыга, (посохъ) которою до сихъ поръ ловятъ за ноги своихъ овецъ крымскіе и малороссійскіе чабаны; на третьемъ что-то въ роды пилы или пялецъ; попадались также изображенія веревки, свернутой вдвое, какихъ-то подобій копья и гребня, наконецъ круги съ вписанными въ нихъ и взаимно пересѣкающимися трех-угольниками; ничего похожаго на крестъ, ничего напоминающаго христіанскую религію.

Второй типъ памятниковъ, очевидно, второй и по времени, представляетъ уже гробовидный камень, поставленный на двухъ и трехъ плоскихъ камняхъ, образующихъ пьедесталъ со ступенями. На такихъ памятникахъ является довольно сложная и красивая каменная рѣзьба и, за небольшимъ исключеніемъ, всѣ они имѣютъ съ восточной стороны, — конечно, въ головахъ покойниковъ, — прямо стоящіе камни или рога, вдѣланные въ гробницу. Немногіе изъ этихъ памятниковъ двурогіе, большинство однорогое. Съ восточной, т. е. наружной, стороны рога въ каждомъ памятникѣ сдѣлано полукруглое или готическое углубленіе,

въ которомъ вѣроятно, ставилась свѣчка или кутья для покойника. Многіе изъ такихъ памятниковъ имѣютъ въ узорѣ рѣзьбы кресты замысловатой формы и потому должны считаться христіанскими. Самые оригинальные изъ этихъ памятниковъ—памятники двойные; они представляютъ двѣ гробницы: или одинаковой величины, или одну большую и при ней другую, крошечную, и тѣ, и другія всегда изъ одного цѣльнаго камня. Вѣроятно, подъ первыми погребались мужъ и жена, подъ вторыми отецъ съ сыномъ, мать съ дочерью и пр.

Рога памятниковъ втораго типа особенно изукрашены, и на нихъ также можно видѣть иногда знаменательныя изображенія: то деревья, то виноградныя кисти.

Самый позднѣйшій типъ Біасальскихъ гробницъ представляетъ плоскіе широкіе камни, украшенные изящною рѣзьбою, и врѣзанныя стоймя въ лежачія плиты. Они уже всѣ съ крестами, и далеко не представляютъ той устойчивости, какъ тяжелыя древнія гробницы.

Внимательно разсматривая „готвейское“ кладбище, можно прослѣдить всѣ постепенности перехода отъ древнѣйшаго типа гробницъ къ позднѣйшему. Позднѣйшіе, повидимому, сосредоточиваются ближе къ развалинамъ церкви. Но какъ тѣ, такъ и другіе, всѣ обращены головами на востокъ.

Я тщательно перерисовалъ въ свой путевой альбомъ оригинальнѣйшія гробницы каждаго типа, но, къ сожалѣнію, не могъ добыть никакихъ матеріаловъ для исторіи этого кладбища. Трудно думать, чтобы эти камни безъ надписей принадлежали просвѣщенному племени эллиновъ; изображенія орудій грубыхъ промысловъ на грубыхъ памятникахъ, почти ушедшихъ въ землю, указываютъ невѣжественную, совсѣмъ не литературную, эпоху народной жизни.

Меня удивляетъ, что такой точный и внимательный ученый,

какъ академикъ Кеппенъ, ничего не говоритъ объ этомъ замѣчательнѣйшемъ кладбищѣ Крыма. Кеппенъ былъ въ Біа-Салахъ въ 1833 году и могъ еще прочесть хорошо уцѣлѣвшую греческую надпись на внутренней сторонѣ „верхней греческой церкви,“ сводъ которой уже обвалился. Безъ сомнѣнія, эта „верхняя греческая церковь“ есть та самая, развалины которой, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ Готвейской, находятся среди горнаго кладбища. Надпись, по переводу Кеппена, гласитъ: „Воздвигнутъ отъ основанія и покрытъ святый и чтимый храмъ честнѣйшаго и славнѣйшаго пророка, предтечи и крестителя Іоанна, смиренною рукою Константія, архіерея и настоятеля Готѳіи, стараніемъ, помощью и иждивеніемъ господина Бината Темирскаго, на память его и его родителей, лѣта 7096, въ ноябрѣ мѣсяцѣ.“ Изъ надписи ясно, что въ 1587 г. прихожане или, по крайней мѣрѣ, предстоятели *Готѳской* эпархіи выражались по-гречески. Къ XVI столѣтію сличеніе древнихъ готовъ съ греками въ религіозномъ и политическомъ отношеніи было, по всей вѣроятности, полное. Но не знаю, вправѣ ли мы отсюда заключить, что гробницы съ изображеніемъ орудій принадлежали грекамъ. Въ *Готѳійской* эпархіи, въ странѣ, которую старинные писатели почти всѣ называютъ Готѳіей, почти у подножія трапезусовъ или столовыхъ горъ, на которыхъ жили готѳы, по свидѣтельству ихъ современника Прокопія, памятники очевидно глубокой древности, приписываемые греческимъ-же преданіемъ готамъ, — мнѣ кажется, скорѣе всего должны быть сочтены за *готскіе памятники.*

Кеппенъ ни слова не говорилъ собственно о Біа-сальскихъ гробницахъ, которыхъ, кажется, не видалъ еще никто изъ нашихъ ученыхъ. Но онъ видѣлъ на старинныхъ гробницахъ въ Улу-Салѣ высѣченныя изображенія орудій, подобныя тѣмъ, что я нашелъ въ Біа-Салахъ, именно, пастушій посохъ (туэкъ) двойной топоръ и наковальню; на южномъ берегу, при опустѣвшей деревнѣ

Ласпи, Кеппенъ нашелъ плиту съ изображеніемъ сохи. Кеппену кажется это достаточнымъ, чтобы заключить о „существовавшемъ у крымскихъ грековъ, *до времени ихъ переселенія* на сѣверный берегъ Азовскаго моря, обыкновеніи изсѣкать на могильныхъ памятникахъ подобныя изображенія.“ Но, во-первыхъ, обычаи погребенія принадлежатъ къ числу самыхъ прочныхъ и священныхъ обычаевъ, съ которыми труднѣе всего разстается человѣкъ, и потому скорѣе другихъ способенъ переносить ихъ съ собою въ новыя свои поселенія; во-вторыхъ, странно думать, что въ земляхъ, населенныхъ нѣкоторое время греческими колонистами, всѣ памятники должны принадлежать только грекамъ. Кеппенъ „конечно“ лучше другихъ знаетъ, что крымскіе греки XVIII столѣтія, точно такъ же какъ теперешніе южно-бережскіе татары—племя сборное, составившееся изъ обрывковъ разныхъ племенъ: готовъ, итальянцевъ, грековъ и проч. Южный берегъ до Балаклавы, стало быть и Ласпи, во всякомъ случаѣ долѣе принадлежали готамъ и генуэзцамъ, чѣмъ византійцамъ. А Улу-Сала находится въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Біа-Салою, на той же рѣчкѣ Качѣ, слѣдовательно, въ мѣстности, окружающей пещерные города, и, по многимъ вѣроятіямъ, занятой долгое время готами, какъ то объяснится ниже. Замѣчательно, что Кеппенъ нашелъ въ архитектурномъ типѣ Біасальской церкви св. Іоанна Крестителя особенность, не встрѣчаемую *ни въ какомъ другомъ древнемъ храмѣ* Крыма—это *угловатую форму олтаря,* вмѣсто круглой. Угловатость линій, „какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу свойствъ готическаго стиля. Интересно также, что Кеппенъ находилъ изображенія орудій на гробницахъ ногайскихъ (между Кумою и Моздокомъ и „въ безпредѣльныхъ степяхъ, обитаемыхъ татарами и другими *полудикими народами.*“ Это обстоятельство, кажется, должно было навести его на мысль, что и рѣзныя изображенія крымскихъ гробницъ, лишенныя всякой над-

писи, должны принадлежать не образованному народу и не позднѣйшей эпохѣ исторіи, а раннему возрасту какого-нибудь стариннаго племени.

Изъ всего этого позволяю себѣ заключить, что преданіе, уцѣлѣвшее въ Біа-Салахъ и называющее *„готвейскимъ"* безыменное древнее кладбище, не можетъ быть опровергнуто находками подобныхъ же гробницъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Крыма.

Замѣчательно, что караимскія кладбища Іосафатовой Долины и Мангупъ-Кале имѣютъ типъ гробницъ, весьма напоминающій Біасальскія. Древнѣйшія изъ нихъ точно такъ же плоски и огромны, точно такъ же въ числѣ ихъ есть двурогія и однорогія. Но караимскія гробницы всѣ до единой покрыты стихами Библіи и надписями объ умершихъ. Древнѣйшая изъ Іосафатскихъ гробницъ относится, какъ мы уже говорили, къ самымъ первымъ годамъ I вѣка Христіанства. Она торчитъ изъ-подъ земли однимъ угломъ и не отличается ничѣмъ отъ вросшихъ въ скалу плитъ Біасальскаго кладбища.

Послѣ многихъ разспросовъ я узналъ, что въ верховьи Марты, не далеко отъ Чатыръ-Дага, въ глухихъ лѣсныхъ дебряхъ, есть кладбище съ совершенно такими же гробницами, но гораздо болѣе вросшими въ землю. Стало быть, вѣковые лѣса успѣли уже разростись на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ когда-то были многолюдныя сельбища человѣка.

Вообще все русло Марты, теперь пустынное, поросшее лѣсомъ, засыпанное голышами, представляетъ несомнѣнные признаки прежняго ея обитанія. Среди лѣсной дичи вы встрѣчаете цѣлые сады грушъ и другихъ плодовыхъ деревьевъ. Они особенно замѣтны рано весною, когда бѣлый цвѣтъ одичавшихъ садовъ ярко виднѣется на темномъ фонѣ еще безлистныхъ дубовъ и буковъ.

Многія мѣстности Крыма представляютъ тоже, что Марта. Марта очевидно была встарину цвѣтущею и населенною долиною, въ которой жили такіе же дѣятельные садоводы и стояли

такія же роскошныя селенія, какіе живутъ и стоятъ теперь въ долинахъ Качи и Бельбека.

Верстъ пять внизъ отъ Біи-Салы, у сѣвернаго берега Качинской долины, стоитъ Теперкеманъ. Къ нему можно подъѣхать отъ Бахчисарая черезъ Чуфутъ-Кале, не заѣзжая въ Біа-Салы, а еще легче изъ Качинской долины черезъ деревни Шюрю.

Странный видъ представляетъ эти пустынная гора. Съ запада, отъ моря и севастопольскаго шоссе она видна издалека.

Ея пирамиду съ голой вершиной сразу отличишь отъ всѣхъ другихъ горъ. Меньше всего видишь ее, когда къ ней подъѣзжаешь отъ Бахчисарая. Рельэфъ горъ, ее окружающихъ, столько же оригиналенъ, сколько однообразенъ. Вы никакъ не выѣдете изъ узкихъ траншей, обнесенныхъ ровною и отвѣсною каменною стѣною; стѣна эта кажется сплошною на многія версты, она изгибается какъ лента по извивамъ ущелья, но нигдѣ не прорывается, нигдѣ не представляетъ ни отдѣльныхъ утесовъ, торчащихъ башнями, ни округленныхъ возвышеній сверхъ линіи своего уровня.

Вы не можете освободиться отъ иллюзіи, что эти скалы—дѣло рукъ человѣческихъ, что вы въ плѣну среди безконечныхъ эскарповъ какой-то титанической крѣпости. Известковыя стѣны, легко дробящіяся на плиты и камни, этою слоистостію своею, этимъ бѣловатымъ цвѣтомъ и этою правильностью своего отвѣса и уровня, глядятъ совершенно такъ, какъ всякая искусственная стѣна.

Геологическая причина, выдвинувшая эти ретраншаменты, дѣйствовала съ поразительнымъ единообразіемъ, на значительномъ протяженіи. Одно ущелье словно списано съ другаго. Вездѣ таже косая отсыпь у подошвы и таже отвѣсная стѣна, словно прорвавшаяся вверхъ, сквозь толщу этой громадной отсыпи. Лѣсу почти нѣтъ, вездѣ кругомъ камень и зной сирійской пустыни. Мнѣ не-

вольно пришелъ на память геніальный карандашъ Густава Доре, который въ своей иллюстраціи Дантовскаго Ада вселяетъ въ душу наблюдателя подавляющую безнадежность именно этимъ однообразіемъ отвѣсныхъ сплошныхъ скалъ, изъ которыхъ не можетъ быть выхода.

Гора Тепе-Кермана отдѣляется отъ сплошной стѣны скалъ и стоитъ пирамидальнымъ островомъ, окруженная долиною. Голая желтая вершина ея обточена въ громадный четырех-угольникъ, который торчитъ на еще болѣе громадной конической горѣ бѣлаго цвѣта, словно настоящій каменный замокъ. Вершина эта съ южной и восточной стороны вся продыравлена ячейками пещеръ; онѣ чернѣютъ издали въ нѣсколько ярусовъ, окна-окнами. Тамъ тоже былъ древній пещерный городъ. Нужно оставить лошадей у подножія сыпучей известковой горы и предпринять нелегкое восхожденіе къ пещерамъ. Подъ отвѣсомъ вершины пріютился кругомъ лѣсокъ, который даетъ хотя нѣсколько вздохнуть. Дороги на верхъ нѣтъ; кромѣ стадъ козъ и барановъ, никто не посѣщаетъ этотъ подземный городъ, поднятый къ облакамъ. На отвѣсныя скалы не найдете даже пѣшей тропинки. Гдѣ онѣ и были, тамъ завалили ихъ постоянно осыпающіяся известковыя стѣны. Черезъ это осмотръ многихъ пещеръ крайне затруднителенъ, иногда почти невозможенъ. Вы лѣпитесь по ненадежному карнизу, осыпающемуся подъ ногами, держась за растенія и камни; круглые выступы, которые невозможно обойдти, перерѣзаютъ вамъ дорогу, и вы должны тогда спускаться внизъ въ лѣсъ, или лѣзть прямо на верхъ. Пещеръ здѣсь болѣе ста. Сумароковъ въ своихъ *„Досугахъ крымскаго судьи“* насчиталъ ихъ болѣе ста. Ихъ 150, часть ихъ раскрыта снаружи отъ обрушенія стѣнъ. Когда раскрывается нѣсколько ярусовъ сразу, то вы видите передъ собою въ толщѣ скалы громадный шкафъ съ каменными полками; полки эти — потолки нижнихъ, исподъ верхнихъ пещеръ. Особенно трудно было отыскать церковь, о кото-

рой я зналъ по описаніямъ прежнихъ путешественниковъ. Въ ней главная примѣчательность Тепе-Кермана, она вдвое обширнѣе и повыше большинства пещеръ, вообще очень низкихъ. Продолговатая и довольно узкая зала саженъ пять въ длину, вырубленная въ известковой скалѣ, — освѣщается тремя окнами; къ наружной (оконной) стѣнкѣ придѣланъ алтарикъ, котораго каменные столбики частью еще стоятъ, частью замѣтны по оставшимся на потолкѣ капителямъ. Пространство за алтаремъ было, повидимому, назначено для погребенія избранныхъ. Тамъ замѣтны двѣ гробницы, врубленныя въ почву; одна изъ нихъ совсѣмъ маленькая, очевидно дѣтская, и, кажется, давно уже открыта. Еще глубже, какъ разъ у поперечной стѣнки церкви, высѣчено изъ той же скалы нѣчто въ родѣ купели или католической кропильницы. Низенькія и довольно глубокія ниши въ двухъ внутреннихъ стѣнахъ храма, вѣроятно, также назначались для погребенія. Остальныя пещеры Тепе-Кермана не представляютъ никакой оригинальности: тѣ же своды, цистерны, столбы, ступени, какъ и въ Эски-Керменѣ, никакихъ остатковъ домашней утвари. Единственная особенность ихъ — множество человѣческихъ череповъ и другихъ костей, наполняющихъ нѣкоторыя пещеры. Это обиліе костей, низкіе размѣры пещеръ и присутствіе гробницъ въ подземной церкви заставляетъ думать, что Тепе-Керманскія пещеры служили мѣстомъ погребенія какому-нибудь христіанскому племени.

Тунманъ, котораго сочиненіе о Крымѣ мы уже цитировали выше — дѣлаетъ подобныя же предположенія о назначеніи Тепекерманскихъ пещеръ. Вотъ его подлинныя слова: „Тепе-Керманъ — отдѣльная высокая гора, въ видѣ сахарной головы. *На ея вершинѣ еще видны остатки замка и крѣпости*, которыя, повидимому, принадлежатъ глубочайшей древности. Повсюду въ этой скалѣ видно множество проходовъ и пещеръ, расположенныхъ въ особомъ порядкѣ, почти такъ, какъ Columbaria древнихъ: они, по всему вѣроятію, также служили мѣстами погребенія.“

Слѣдовъ замка и крѣпости, о которыхъ упоминаютъ писатели прежняго времени, теперь почти уже не видно. Въ одномъ только мѣстѣ встрѣчаешь явственные признаки фундамента изъ очень большихъ камней. Повидимому, фундаментъ этотъ поддерживалъ прежде очень тяжелое строеніе, четырехугольную башню, замокъ или что-нибудь подобное. Въ другихъ мѣстахъ небольшія кучки мусора едва могутъ напомнить человѣческую постройку. Само названіе горы, означающее, по переводу съ турецкаго, *крѣпость горной вершины*". (Тепе—значитъ вершина горы) доказываетъ несомнѣнно существованіе на вершинѣ Тепе-Кермана зàмка или крѣпости въ то время, когда сложилось это татарское названіе его. Зáмокъ успѣлъ не только разрушиться, но и сравняться съ землею почти безслѣдно, несмотря на то, что неприступное положеніе избавляло его отъ расхищенія и порчи. Ни у одного стараго писателя не находимъ намека о взятіи или погибели Тепекерманской твердыни. Если, вмѣстѣ съ этими обстоятельствами, взять во вниманіе, что постройки, принадлежащія несомнѣнно къ XIV и XV столѣтіямъ, во многихъ мѣстностяхъ Крыма сохранились почти вполнѣ, и что мы до сихъ поръ любуемся въ Крыму древностями еще болѣе ранней эпохи, какъ напримѣръ храмами Херсонеса,—то Тепекерманское укрѣпленіе нельзя не разсматривать, вмѣстѣ съ Тунманомъ, какъ памятникъ дѣйствительно сѣдой древности.

Баронъ Де-Тоттъ, путешественникъ XVIII столѣтія, въ своихъ запискахъ о туркахъ и татарахъ, не знаю на какомъ основаніи, высказываетъ мнѣніе, что трехъ-ярусныя пещеры Тепе-Кермана служили темницею при генуэзскомъ правительствѣ; даже присутствіе въ нѣкоторыхъ изъ Тепекерманскихъ пещеръ человѣческихъ костей онъ объясняетъ именно этимъ назначеніемъ пещеръ. Объясненіе Барона Тотта во всякомъ случаѣ нисколько не противорѣчитъ мнѣнію Тунмана и всему сказанному выше. Граница между генуэзскими и греческими владѣніями внутри

горъ подлинно неизвѣстна, хотя на берегу генуэзцы не доходили дальше Балаклавы.

Если Мангупъ-Кале бывалъ въ рукахъ генуэзцевъ, то трудно было не подпасть той же участи и гораздо менѣе сильному Тепе-Керману. Генуэзцамъ приписываютъ, какъ мы видѣли, даже постройку Чуфутъ-Кале, еще далѣе отстоящаго отъ Мангупа, чѣмъ Тепе-Керманъ, а въ предмѣстіи Бахчисарая Азизѣ до сихъ поръ показываютъ мавзолей очень изящной итальянской архитектуры съ круглымъ куполомъ, котораго рисунокъ находится у меня въ путевомъ альбомѣ, и который построенъ, по словамъ бахчисарайскихъ татаръ, френками-генуэзцами.

Готвейское кладбище, лежащее почти у подножія Тепекерманской пирамиды, наводитъ на мысль, что Тепе-Керманъ былъ, въ числѣ другихъ столовыхъ горъ, однимъ изъ укрѣпленныхъ пунктовъ готовъ-трапезитовъ. На верху, на темени Тепекерманской пещерной скалы, отличное зеленое пастбище и отличный наблюдательный пунктъ. Не знаю, чего не видно отсюда. У самыхъ ногъ вьется долина Качи и разсыпана деревня Шюрю, въ которую намъ нужно теперь спускаться.

Качи-Кальенъ менѣе всѣхъ похожъ на другіе пещерные города. Это уже не столовая гора, возвышающаяся островомъ среди ущелій, какъ Чуфутъ-Кале, Эски-Керманъ, Мангупъ-Кале и Тепе-Керманъ. Качи-Кальонъ находится въ высокомъ каменномъ обрывѣ Качинскаго берега. Кача стѣснена имъ здѣсь, какъ Дунай „Желѣзными Воротами.“ Выше Качи-Кальона и ниже его, Кача течетъ свободно, въ въ сравнительно низкихъ берегахъ. Правый берегъ ея въ Качи-Кальонѣ—разрѣзъ огромной горы. Подъѣзжать къ Качи-Кальону по лѣсной и садовой долинѣ гораздо веселѣе, чѣмъ по сирійскимъ ущельямъ Тепе-Кермана. Видъ Качи-Кальона поразителенъ именно рѣзкою противоположностью роскошной зеленой чащи, заполонившей долинную низменность и лѣвый берегъ Качи, съ грандіознымъ каменнымъ обрывомъ праваго берега.

Обрывъ этотъ имѣетъ форму титаническаго алькова, полукруглаго свода, въ которомъ умѣстились бы Хеопсова пирамида и Петропавловскій соборъ Рима. Альковъ этотъ образовался оттого, что вся середина горнаго обрыва вывалилась и разсыпалась въ щебень. Каскады и потоки камней сбѣгаютъ теперь изъ-подъ свода къ руслу Качи, словно извергнутые кратеромъ вулкана. Цѣлые огромные утесы въ числѣ ихъ. Куда ни взглянетъ глазъ на правомъ берегу, всюду этотъ хаосъ утесовъ и обломковъ. Среди ихъ вы видите во множествѣ камни съ окнами и дверями, скрывающіе въ себѣ пещеры. Одни стоятъ кверху ногами, другіе на-боку, отъ однихъ остались только черепки скорлупы, какъ отъ разбитаго яица, другіе уцѣлѣли такъ хорошо, словно ихъ выдолбили уже послѣ паденія. Обрывъ Качи-Кальона пестрѣетъ разными красками своихъ горныхъ породъ, и это очень ладитъ съ свѣжею зеленью, кое-гдѣ его опушившей. Красные тоны массы господствуютъ надъ всѣми. У подошвы гигантскаго алькова, на крутомъ откосѣ берега, стоитъ новенькая церковь и два запустѣвшіе домика. Въ старину, при грекахъ, здѣсь былъ монастырь св. Анастасіи, привлекавшій много богомольцевъ къ своему цѣлебному источнику. До сихъ поръ, не помню въ какое именно время, стекаются сюда богомольцы и производится служба, въ нарочно построенной для этого церкви.

Оттого и самъ Качи-Кальонъ теперь больше извѣстенъ подъ именемъ Анастасіи. Русскіе и греки даже не знаютъ другаго имени.

Новая церковь нисколько не интересна; но выше ея, среди обломковъ, поросшихъ деревьями, видны развалины стараго монастыря съ подземными сводами и съ раскинутыми кругомъ гробницами. Кресты греческой формы высѣчены на многихъ камняхъ. Но особенно интересенъ каменный крестъ въ нишѣ утеса. Можно и теперь представить себѣ живописность этой маленькой обители, напоминающей собою Успенскій Скитъ.

Повидимому, древняя постройка монастыря была разрушена каменными лавинами, которыя до такой степени покрываютъ мѣстность, что не только дѣлаютъ невозможнымъ тщательное разслѣдованіе развалинъ, но даже едва даютъ проходъ наверхъ, подъ громадный естественный альковъ Качи-Кальона, откуда сочится священный источникъ.

Читая описанія Качи-Кальона, сдѣланныя прежними путешественниками, убѣждаешься несомнѣнно, что Качи-кальонскія скалы находятся въ состояніи хроническаго разрушенія. Теперь тутъ не найдешь третьей доли того, что видѣли еще такъ недавно. Можно сказать, что въ Качи-Кальонѣ уже не существуетъ теперь ни одной цѣльной пещеры, и что года черезъ два-три исчезнетъ возможность всякаго посѣщенія верхняго свода, если не исчезнутъ даже самые слѣды его.

Уже и теперь нетрудно сломать шею, предпринимая восхожденіе къ источнику. Титаническій сводъ прикрываетъ васъ тамъ своею тяжелою аркою, на которую страшно глаза поднять. Эта каменная, дугой согнутая, толща почти совсѣмъ уже отдѣлилась отъ материка горы и растреснулась по всѣмъ направленіямъ; по свѣжимъ пустотамъ ея безъ труда догадаешься, какъ недавно выронила она окружающіе васъ огромные камни. Ничто не гарантируетъ вашей безопасности подъ этими жерлами, вѣчно готовыми изрыгать каменныя лавины. Ежеминутно слышится трескъ и гулъ наверху. Это идетъ внутренняя микроскопическая работа разложенія страшной скалы. Вы вздрагиваете и невольно укрываетесь подъ сводъ ближней пещеры. Прокатится камень, два, пять, десять небольшихъ камней, поползетъ откуда-нибудь густая струя пыли. Все это кажется пустякомъ, но можетъ быть именно этотъ-то одинъ камень и нужно было сдвинуть, можетъ быть нужно было растереть въ пыль именно этотъ только тонкій слой известняка, чтобы тяжелая масса могла по-

двинуться и грохнуть съ высоты. Что это не бредни фантазіи вашей, васъ убѣждаетъ каменный хаосъ, овладѣвшій всѣмъ кругомъ.

Середина Качи-кальонской скалы была прежде вся сплошь продырявлена пещерами въ нѣсколько ярусовъ. Потомъ это изрытое нутро ея вывалилось, разсыпалось и оставило послѣ себя альковъ, въ который мы теперь залѣзли. Слѣды пещеръ видны ясно на внутреннихъ стѣнахъ этого алькова; самыя глубокія даже сохранились въ немъ вполнѣ, раскрывшись только спереди; отъ другихъ остались только оттиски и внутренніе края, по которымъ можно составить чертежи бывшихъ пещеръ съ ихъ лѣсенками и этажами.

По виду это такое-же осиное гнѣздо, тѣ же стриженыя норы, какъ и въ Эски-Керманѣ. Въ серединѣ алькова надъ нижнимъ карнизомъ его пробивается ключъ холодной и прозрачной воды. Онъ обдѣланъ въ каменный бассейнчикъ, подъ которымъ лежитъ старая полустертая икона и видны слѣды копоти и восковыхъ свѣчей. Это источникъ св. Анастасіи, давшій поводъ къ основанію монастыря. Это освященіе религіозною идеею родниковъ ключевой воды, знакомое и другимъ народамъ, и другимъ странамъ,—особенно часто встрѣчается въ восточныхъ странахъ, среди магометанскихъ народовъ. Крымъ въ этомъ отношеніи является вполнѣ магометанскимъ, вполнѣ восточнымъ краемъ. Почти всѣ его монастыри возникли надъ горными ключами, которыхъ цѣлебная сила и священное значеніе одинаково искренно признаются татариномъ, какъ и христіаниномъ. И дѣйствительно, только знойныя каменистыя страны магометанской Азіи способны вполнѣ оцѣнить всю чародѣйственную силу струи холодной и чистой воды.

Оригинальное величіе Качи-Кальона производитъ сильное впечатлѣніе даже на людей, повидимому наименѣе интересующихся эффектами пейзажа; не могу здѣсь не привести отзыва о Качи-

Кальонѣ академика Кеппена, вполнѣ преданнаго холоднымъ исчисленіямъ и измѣреніямъ археологическихъ матеріаловъ.

„Полюбовавшись долиною, пишетъ онъ въ своемъ крымскомъ сборникѣ, помолившись св. Анастасіи, соберитесь съ силами, идите вверхъ, къ ея колодцу. Дѣло не легкое; но то, что вы тамъ найдете, по преодолѣніи всѣхъ затрудненій и нѣкоторыхъ опасностей, вознаградитъ васъ за необычайный подвигъ. Взобравшись по осыпямъ горы до ея скалистой вершины, вы, черезъ ворота въ стѣнѣ, *входите въ обитель чудесъ*. Тутъ, мимо скалъ, изъ коихъ на одной изсѣченъ крестъ, вы достигаете пещеръ, образующихъ нѣсколько ярусовъ, которые и тутъ опять между собою раздѣлены только тонкимъ слоемъ камня, что, можетъ быть, татарамъ подало поводъ назвать это мѣсто *волосянымъ мостомъ* (кылъ-копыръ). Въ верхнемъ изъ этихъ этажей, выдолбленномъ полукружіемъ длиною въ 110 шаговъ, находится достопримѣчательный источникъ, обращенный въ колодезь, называемый колодеземъ св. Анастасіи или просто Святою водою. Спустившись въ нижній ярусъ, не безъ страха можно глядѣть вверхъ, на высунувшійся надъ этимъ мѣстомъ каменный навѣсъ, коего исподъ отчасти уже отвалился...“

Поднявшись на гору, охватывавшую широкимъ амфитеатромъ долину Біа-Салы, мы замѣтили среди лѣса множество соломенныхъ крышъ, торчавшихъ грибами изъ земли и скученныхъ какъ шалаши канадскихъ бобровъ. Мы ѣхали конною дорожкою въ Мангушъ. Насъ туда вызвался проводить тамошній волостной старшина, съ которымъ я разсматривалъ въ Біа-Салахъ „готвейское кладбище“. Старшина не сразу отвѣтилъ на мой вопросъ, о тѣхъ шалашахъ, а покачивалъ головою съ улыбкой раздумья и недоумѣнья.

Кто его знаетъ, какой онъ-такой! объяснялъ онъ мнѣ, какъ-бы въ отвѣтъ.—Чудной какой-то. Сказать-бы дурачокъ—мы его

и называемъ такъ-таки Иванушка-дурачокъ; да дурь-то въ немъ какая-то особливая. Блаженный онъ, что-ли....

— Кто это такой?... Это его земля?

— Вотъ-то-то и есть, что никакой тутъ ему земли не полагается. Земля общественная, подъ государственными крестьянами. Отецъ его крестьянинъ изъ Мангуша; тоже, какъ и другіе, имѣетъ каждогодно свои дѣлянки, покосъ тамъ и все. Ну, а онъ не возлюбилъ жить съ отцомъ. Отъ Бога, говоритъ, велѣнье такое получилъ. Ушелъ сюда въ лѣсъ и поселился здѣсь вотъ уже какой годъ! Какъ разъ супротивъ Біа-Салъ; мѣсто самое отличное, открытое, на солнечную страну. Сводили его сколько разовъ. Изъ палаты чиновникъ пріѣзжалъ. Въ тюрьмѣ держали по нѣскольку мѣсяцевъ. Раззорятъ все его достоянье, подписку отберутъ, а выпустятъ,—онъ, смотришь, опять на старомъ пепелищѣ копается. Меня просто замучилъ. То и дѣло указы присылаютъ, чтобы его сводить. А какъ его сведешь? Человѣкъ онъ безобидный, никому не мѣшаетъ; работаетъ-себѣ съ утра до ночи во имя Божіе. А тутъ еще приказываютъ штрахъ съ него взыскать, 14 рублей 28 копѣекъ; порубку, вишь, въ казенномъ лѣсу произвелъ, такъ по оцѣнкѣ. Что съ его взыщешь, съ такого чуднаго? 14 рублей не шутка—гдѣ ихъ взять? Намъ его промежъ себя, признаться, таки-жалостно. А свести, конечно, надобно. Опять голубчика въ тюрьму запрячутъ."

Нельзя было не заѣхать къ Ивану-дурачку, послѣ разсказа старшины. Его хуторокъ красовался на ровномъ скатѣ горы, господствующей надъ живописною окрестною мѣстностью. Солнце прямо ударяло на него. Лѣсъ былъ расчищенъ кругомъ на нѣкоторое пространство, и оставленныя на-корню грушевыя дикія деревья были всѣ тщательно привиты и смазаны. Теперь это былъ садъ Иванушки-дурачка. За садомъ шли гряды огорода, отлично-набитый токъ для молотьбы и дворъ, обнесенный множествомъ бѣлыхъ выдолбленныхъ камней. Камни эти Иванушка

привезъ издалека, выдолбилъ своими руками и употреблялъ для пойла своей скотины и для корма ея солью. На дворѣ стояло штукъ 10 клѣтушекъ разнаго калибра и вида; цѣлые сараи были выкопаны въ каменистой почвѣ. Одни уже были обдѣланы въ жилища, другіе только-что копались. Здѣсь было все: хлѣвы со стойлами, лѣтнія и зимнія жилища, амбары, кладовыя. Нѣсколько штукъ сытыхъ коровъ и телятъ стояло въ хлѣвахъ. Все было построено и выкопано буквально руками Иванушки-дурачка. Я отказываюсь понять, какъ безъ помощи живой души онъ былъ въ состояніи втащить и укрѣпить на крышѣ столько тяжелыхъ перекладинъ и стропилъ. У него была, повидимому, манія землекопства. Одно жилище еще не было кончено, а онъ уже потѣлъ надъ раскапываніемъ новыхъ и новыхъ подземелій. И это не въ рыхломъ черноземѣ, даже не въ глинѣ, а въ каменистомъ известнякѣ. Все, что мы видѣли, было добыто собственноручно, безъ затраты копѣйки. У Иванушки не было даже покупнаго ведра, покупной бочки, покупнаго гвоздя. Все было откопано въ горѣ, срублено въ лѣсу, взято, однимъ словомъ, изъ общей дарохранительницы—природы. Зерно было ссыпано въ громадныя бочковидныя плетушки, туго свитыя, плотно смазанныя глиною; деревяннымъ долбленымъ ковшомъ Иванушка пилъ и носилъ себѣ воду.

Я не видѣлъ у него даже горшка для варева. Иванушка меньше всѣхъ думалъ о себѣ. За скотомъ своимъ онъ ухаживалъ какъ нѣжная нянька: чуть не всякая корова имѣла особое закрытое помѣщенье, устроенное Иванушкиными мозолями и Иванушкинымъ горбомъ. Днемъ онъ хоронилъ въ этихъ хлѣвахъ своихъ коровъ, боясь, чтобы ихъ не загнали съ лѣсныхъ пастбищъ. Но какъ только спускалась ночь, Иванушка-дурачекъ, проработавши весь день съ ранней зари до поздней, выгонялъ свою любезную скотинку на лѣсныя травы, въ полной увѣренности, что ночью ни татары, ни русскіе, ни мужики, ни на-

чальство не потревожатъ его животину. Эту всенощную стражбу свою, гдѣ ему то и дѣло приходилось собирать разсыпавшееся стадо, подстерегать и отгонять подкрадывавшихъ волковъ—Иванушка, въ своей блаженной наивности, — почиталъ сномъ, отдыхомъ отъ трудовъ дневныхъ. На зорькѣ опять тяжкая работа съ заступомъ и топоромъ, а въ полдень, вмѣсто обѣда, чорствая корка лепешки съ кружкою молока или воды. Иванушка не варилъ себѣ ни какого кушанья и даже совсѣмъ не строилъ печей въ своихъ бобровыхъ жилищахъ. Зимой онъ зажигалъ грудокъ въ одинъ изъ шалашей своихъ и лежалъ около него, скорчившись въ полушубчишкѣ, обогрѣвая по очереди то грудь, то спину. Хлѣба негдѣ было ставить. А сгребетъ себѣ нѣсколько горстей мучицы, замѣшаетъ водою, да и спечетъ на листьяхъ, въ самой золѣ костра, какую-нибудь прѣсную тяжелую лепешку, по обычаю татаръ. А есть картошки,—картошки спечетъ.

— Ну, а если ты заболѣешь, Иванъ? Ты вѣдь бывалъ когда боленъ? Спросилъ я дурачка, выслушавъ его гомерически-наивные разсказы о своемъ подвижничествѣ. — „Трясца мучаетъ, третій годъ трясетъ. Какъ весна, такъ и затрясетъ“, отвѣчалъ Иванушка, съ задумчивою серьозностью глядя на меня.

— Кто-жъ тебѣ тогда ѣсть даетъ?

— Тогда ужъ не ѣмъ; лежу въ шалашѣ и не ѣмъ, а ослобонитъ немножко, спеку чего-нибудь, внушительно разсказывалъ Иванъ; вотъ нонче весною трое сутокъ безъ памяти пролежалъ, маковой росинки въ ротъ не бралъ, думалъ ужъ, Господь по-душу послалъ; да нѣтъ, отошло, еще велѣлъ Создатель потрудиться, грѣхи искупать....

Иванушка стоялъ передъ нами въ глубокой ямѣ, откуда едва видна была его голова. Мы его застали за обычной его работою, съ заступомъ въ рукѣ. Онъ былъ босикомъ и безъ шапки, въ дырявой замашней рубахѣ, сквозь которую темнѣло его бронзовое тѣло, тощее и костлявое. Зеленоватая блѣдность лица ка-

залась еще болѣе мертвенною отъ нечесанныхъ черныхъ кудрей и черныхъ воспламененныхъ глазъ. Какая-то сосредоточенная озабоченность, совершенно ушедшая въ самоё-себя, была на этомъ лицѣ и въ этихъ глазахъ. Словно они смотрѣли не на насъ, не на то, что видѣли мы, а на что-то другое, недоступное нашимъ чувствамъ; субъективный міръ больной фантазіи дѣлался очевиднымъ для каждаго.

Съ страннымъ разсѣяніемъ и спокойствіемъ этотъ бѣдняга говорилъ о годахъ, проведенныхъ имъ въ тюрьмѣ, о притѣсненіи палаты, о своемъ правѣ на землю, на которой онъ поселился.

— Вся земля царская и мы всѣ царскіе,—философствовалъ этотъ простодушный проповѣдникъ droit naturel.—Мы вольны жить, гдѣ кому любо. Я для Бога тружусь, не для корысти. Больше работаешь, меньше грѣшишь. Спинѣ тяжко, а душѣ легко.

— Отчего-жъ ты не работаешь въ семьѣ, съ отцомъ? спрашивалъ я.

— Мнѣ указано здѣшнее мѣсто, мнѣ здѣсь и надо работать. Отецъ мой въ міру живетъ, ему такъ показано, а мнѣ показано трудолюбіе, да пустынполюбіе.

— Здѣсь тебѣ не дадутъ покою, опять въ тюрьму посадятъ; ты-бы въ другое мѣсто перешелъ,—убѣждалъ я его.

— Переходилъ въ другое мѣсто; пробовалъ тамъ жительствовать,—нельзя! отвѣчалъ Иванъ съ незыблемою увѣренностію.—Богъ сюда посылаетъ, Богъ это мѣсто облюбилъ. Видишь, какое тутъ мѣсто: горнее, слободное, супротивъ этого мѣста другаго нѣтъ!...

Болѣзненное лицо дурачка осклабилось искреннею дѣтскою улыбкою, когда онъ озиралъ при этихъ словахъ разстилавшуюся у нашихъ ногъ долину.

— Что ты, Иванъ, заплатилъ штрафъ за порубку? выпытывалъ я у него.

— Я ни у кого не укралъ, никому не долженъ, мнѣ не-зачто штрахъ платить,—равнодушно отвѣчалъ дурачокъ.

— Да вотъ, братъ Иванъ, вмѣшался старшина,—нехорошо ты выдумалъ, что, вонъ, ту полянку расчистилъ; вѣдь это казенное добро; за казенное тебя и казнятъ!

— Эту-то? разсѣянно говорилъ Иванъ. Эту-то я вырубилъ. Зачѣмъ не вырубить. Я ее на доброе дѣло вырубилъ—вонъ курень поставилъ! Хошь зимуй.

— Эхъ, голова твоя горемычная, Иванъ! бѣда мнѣ съ тобою, бормоталъ старшина, досадливо почесываясь. Приходится опять гнѣздо твое раззорять; крутить тебѣ руки, да въ губернію предоставить, въ тюрьму, на казенную фатеру.

Иванъ глядѣлъ молча въ даль, будто не слыша.

— Вотъ завтра оплетать буду! вдругъ объявилъ онъ мнѣ, и глаза его заискрились жизнью.—Къ вечерней зорькѣ докопаю, а съ утренней зорьки примусь заплетать.

— Деньги-то у тебя есть, Иванъ? приставалъ къ нему нерѣшительно старшина.—Хоть-бы ужъ штрахъ съ тебя взять, 14 р. 28 к.; а по мнѣ что? по мнѣ сиди!...

Иванъ уже работалъ заступомъ и не отвѣчалъ ничего...

Когда мы повернули отъ дурачкова-хуторка, пришлось ѣхать по отлично выровненной дорогѣ.

Все дуракова работа, объяснилъ мнѣ старшина. Кругомъ всѣ дороги по-лѣсу подсыпалъ и выровнялъ, хоть каретой поѣзжай!

Свиданье съ Иванушкой-дурачкомъ, признаюсь, наводитъ не на особенно лестныя мысли о благахъ нашей цивилизаціи. Смѣшно, конечно, было-бы пенять на какую-нибудь палату, на какого-нибудь лѣсничаго, за то, что они не дозволяютъ захватывать частнымъ лицамъ земли, принадлежащія ихъ вѣдомству. Въ оффиціальномъ строю государственной жизни это было-бы беззаконнымъ сантиментальничаньемъ, на которое ни какое урежденіе не

получало права. Но вѣдь легальность не всегда въ состояніи успокоить человѣческую совѣсть, и предъ нею-то становится во всей своей несправедливости тотъ фактъ, что мирнаго человѣка, трудящагося въ потѣ лица надъ обработкою дикой, пока безполезной, мѣстности—легальность преслѣдуетъ, какъ преступника противъ общества, и раззоряетъ его трудолюбивую норку, будто гнѣздо грача, некстати свитое въ трубѣ дома.

Скоро мы доѣхали до Мангуша—почти совсѣмъ русская деревня, вѣрнѣе, хохлацкая. Это изрядная рѣдкость для горной крымской деревни, въ близкомъ сосѣдствѣ съ Бахчисараемъ. Но, со всѣмъ тѣмъ, Мангушъ не потерялъ характера татарской деревни; такъ же расползся по горамъ и по горному ручью, такъ же спрятался въ укромномъ уголкѣ, спрятанномъ въ сторонѣ отъ чужаго глаза. Татарщина такъ въѣлась въ нравы горцевъ, что даже русская церковь въ Мангушѣ смотритъ какъ-то иначе, не по-русски, скорѣе какъ мечеть, чѣмъ какъ знакомый бѣлый храмъ великорусскихъ губерній. О хатахъ уже нечего говорить. О народѣ точно также. Его нарядъ вы съ трудомъ отличите отъ татарскаго. Тутъ живетъ только нѣсколько семействъ татаръ, а между тѣмъ весь народъ говоритъ по-татарски. Интимная домашняя бесѣда русскихъ людей ведется на татарскомъ языкѣ; ребятишки спорятъ и ругаются по-татарски. Снисхожденіе ли это къ варварству, не умѣющему дорости до насъ, или ужъ такъ мало самостоятельности въ нашемъ русскомъ духѣ, что мы сторонимся даже передъ татариномъ. Мангушъ—центръ цѣлаго округа. Весь округъ промышляетъ камнемъ и лѣсомъ. Винограда тутъ нѣтъ, для полей почти нѣтъ мѣста. Мангушъ стоитъ на р. Бодракѣ, впадающей въ Альму, роковой памяти. Берега Бодрака—это сплошныя каррьеры известняка, мягкаго въ обработкѣ, бѣлаго и прочнаго въ кладкѣ. *Бодрацкій камень*—самый цѣнный и красивый матеріалъ для мѣстныхъ построекъ, бахчисарайскихъ и симферопольскихъ. Онъ напоминаетъ инкерманскій плитнякъ,

изъ котораго выстроенъ Севастополь. Его кладутъ обыкновенно только въ углы и цоколи зданій; для сплошной кладки онъ слишкомъ дорогъ, хотя за то вѣченъ и не нуждается въ штукатуркѣ.

Въ центрѣ бодрацкихъ каменоломень, какъ разъ за селеніемъ Бодракомъ, немного отступя къ сѣверо-востоку отъ мангушской дороги, находятся скалы *Бакла̀*, омываемыя съ одной стороны Бодракомъ, съ другой Альмою. Это послѣдній, самый сѣверный, пещерный городъ Крыма. Его положеніе лишено той поэтической оригинальности, какою отличаются другіе, болѣе знаменитые пещерные города Крыма, о которыхъ я говорилъ прежде. Самыя пещеры его, большею частію уже обвалившіяся снаружи, не представляютъ особаго интереса послѣ осмотра Эскикерманскихъ и Тепекерманскихъ. Самая большая полуразрушенная пещера немного болѣе 2-хъ квадр. сажень. Проводники называютъ ее также *эклисе*, церковью, но въ ней не сохранилось, однако, никакихъ признаковъ храма; узнать ее можно по столбу, поддерживающему входъ. Гораздо интереснѣе пещеръ множество цистернъ въ формѣ огромныхъ кубановъ, которыми изрыты скалы Бакла̀, и которыя заставляютъ предполагать, что въ Бакла̀ находилось значительное складочное мѣсто зерна или вина, стало быть, мѣстность была людная. Въ долинѣ, подъ обрывомъ скалы Бакла̀, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, мангушскіе крестьяне, распахивая землю, наткнулись на 12 огромныхъ каменныхъ горшковъ или амфоръ, каждая величиною въ бочку. Горшки эти были зарыты рядомъ въ землю и были сдѣланы изъ отлично выжженной, чрезвычайно крѣпкой глины. Очевидно, и въ нихъ помѣщалось зерно, потому что для вина и масла въ древности употреблялись сосуды съ болѣе узкими горлами. Впрочемъ сосуды были уже пусты, и въ нихъ, какъ разсказываютъ, не нашли ничего, кромѣ земли. Послѣ тщательныхъ разспросовъ, я могъ найдти у

одного мангушскаго крестьянина только двѣ изъ этихъ каменныхъ бочекъ; остальныя были раздарены или распроданы.

Осмотръ скалъ Бакла̀ съ ихъ полуразрушенными пещерами и цистернами невольно напомнилъ мнѣ извѣстную *Римъ-гору*, которая возбуждаетъ любопытство образованныхъ посѣтителей Кисловодскихъ источниковъ. Я обслѣдовалъ съ особеннымъ вниманіемъ всѣ остатки древнихъ жилищь на этой горѣ, въ бытность мою на Кисловодскихъ водахъ. Съ перваго взгляда на эту столовую гору, помѣщенную при сліяніи нѣсколькихъ долинъ, на ярусы разрушенныхъ пещеръ, выточенныхъ въ рыхломъ известнякѣ, я узналъ въ ней стараго знакомаго — крымскій пещерный городъ. Остатки такой-же глиняной посуды, слѣды тѣхъ же орудій на камнѣ, такіе же каменные ступенистые входы, защищенные естественными бастіонами утесовъ. Только дѣло разрушенія на Римъ-горѣ подвинулось гораздо далѣе, чѣмъ въ самыхъ пострадавшихъ пещерныхъ городахъ Крыма. Оттого-то, можетъ быть, туристы и мѣстные жители не остановили своего вниманія на пещерахъ Римъ-горы, слѣды которыхъ несомнѣнны для человѣка, знакомаго съ характеромъ пещерныхъ городовъ, а заинтересовались болѣе остатками посуды, костьми и цистернами, которыя, кстати сказать, здѣсь еще многочисленнѣе, чѣмъ въ Бакла̀. Онѣ имѣютъ форму гигантскихъ круглыхъ кубановъ и окаймляютъ всю сѣверную окраину столовой горы. Среди остатковъ посуды попадаются довольно часто острія, обточенныя изъ кремня и обсидіана, весьма напоминающія извѣстныя стрѣлы каменнаго періода, а также множество костей животныхъ. Преданіе приписываетъ названіе Римъ-горы тому обстоятельству, что будто римляне, и именно Помпей, стояли здѣсь своимъ становищемъ, во время войны съ Митридатомъ. Я не буду касаться противорѣчій этого преданія съ извѣстными историческими фактами; очень можетъ быть, что римляне стояли здѣсь когда-нибудь; это обстоятельство для насъ не такъ интересно, какъ связь Римъ-горы съ пещерными горо-

дами Крыма, ея характеръ „жилища троглодитовъ." Если вспомнимъ, что другое преданіе приписываетъ черкесамъ первобытное поселеніе въ мѣстности древнѣйшихъ пещерныхъ городовъ Крыма, гдѣ до сихъ поръ находятся Черкесъ-Керменъ. Кабарда, Черкесъ-Тюсъ и пр.; если сообразимъ, что мѣстность Кисловодска и его окрестностей находится именно въ *Кабардѣ*, то мы получаемъ весьма интересный намекъ на то, что первоначальные основатели пещерныхъ городовъ жили по обоимъ берегамъ Киммерійскаго пролива, въ Крыму, такъ же какъ и на Кавказѣ. Были ли это киммерійцы, тавры—врядъ ли наука рѣшитъ когда-нибудь этотъ вопросъ.

Трудно сомнѣваться, что Бакла есть та самая *Біака-Коба*, о пещерахъ которой говоритъ въ своей исторіи митрополитъ Сестренцевичъ. Разсказавъ о Тепе-Керманѣ и Качи-Кальонѣ, авторъ продолжаетъ: „множество келій находится также на южной сторонѣ г. Біака-Кобы, лежащей близъ р. Альмы, съ лѣвой стороны дороги изъ Симферополя въ Бахчисарай. Огромная скала, по близости сихъ мѣстъ находящаяся, выдѣлана внутри такимъ образомъ, что можно жить въ ней. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что убѣжища сіи сдѣланы греческими монахами, упражнявшимися въ выкапываніи для себя монастырей, какъ то доказываетъ нынѣ Печерскій монастырь въ Кіевѣ. Греческія надписи, разныя убранства святыхъ, сею церковью принятыя, которыхъ рука времени не изгладила еще на нѣкоторыхъ стѣнахъ пещерныхъ, подтвердили въ глазахъ моихъ сію догадку."

IV.

Обратный путь и новыя впечатлѣнія.

Система древнихъ укрѣпленій въ странѣ пещерныхъ городовъ. — Циклопическій характеръ пещерныхъ городовъ и ихъ значеніе. — Блужданіе по Чучель-горѣ. — Ревъ оленей. — Ночлегъ въ Козьмо-Демьянской обители. — Возвращеніе на южный берегъ.

Баклою мы окончили осмотръ пещерныхъ городовъ Крыма. Нужно было возвращаться назадъ, въ нашъ пріютный Магарачъ, и мы рѣшились выбрать для этого путь черезъ Савлухъ-Су и Бабуганъ-Яйлу; путь, правда, далекій, но для многихъ изъ насъ совершенно новый. Только тогда, когда вы познакомились по отдѣльности съ каждымъ пещернымъ городомъ Крыма, вамъ дѣлается ясною вся система этихъ оригинальныхъ и любопытныхъ жилищъ, подобныхъ которымъ не представляетъ ни какая другая страна Европы.

Пещерные города Крыма начинаются отъ устья Черной рѣчки, у Севастопольской бухты, и идутъ извилистою цѣпью на сѣверо-востокъ, почти до верхняго теченья Альмы. Начинаетъ ихъ Инкерманъ — *„крѣпость пещеръ“*, а кончаетъ Бакла̀. Поэтому путешественникъ, который интересуется исключительно археологіею пещерныхъ городовъ, и не располагаетъ своимъ временемъ, удобнѣе всего можетъ осмотрѣть ихъ, проѣзжая по шоссе изъ Севастополя въ Симферополь. Инкерманъ у него будетъ по дорогѣ, весь въ виду; Мангупъ, Черкесъ и Эски-Кермены онъ посѣтитъ, свернувъ съ шоссе напра̀во отъ деревни Дуванъ-Кой (русская Дуванка), вверхъ по теченію Бельбека, а потомъ Кара-Илеза. Съ шоссе довольно явственно видны плоская вершина столовой горы и башни Мангупа. Точно также легко свернуть съ дороги въ долину Качи,

которой скалистый разрѣзъ манитъ къ себѣ любителя горныхъ видовъ. Въ этомъ скалистомъ разрѣзѣ — Качи-Кальонъ, а нѣсколько верстъ далѣе Тепе-Керманъ, котораго сахарная голова выглядываетъ изъ-за вершинъ другихъ горъ. Изъ Бахчисарая осматриваютъ Чуфутъ, а не доѣзжая верстъ 5 до послѣдней станціи передъ Симферополемъ — Гаджи-Бека — путешественникъ можетъ повернуть опять-таки направо въ долину Бодрака, по Мангушской дорогѣ, чтобы осмотрѣть пещеры Баклà.

Уже изъ этихъ указаній видно, что древніе пещерные города были расположены не случайно, а по обдуманному плану, съ очень опредѣленною цѣлью. Инкерманъ служилъ ключомъ отъ моря и степей въ долину Черной рѣчки. Входы между Черною и Бельбекомъ оберегались Мангупомъ-Кале, Черкесъ-Керменомъ и Эски-Керменомъ. Долина Качи запиралась въ самомъ удобномъ мѣстѣ Качи-Кальономъ; Тепе-Керманъ защищалъ отчасти ту же долину, отчасти проходы между Качею и бахчисарайскою долиною Чурукъ-Су, надъ которой возвышался Киркіельскій замокъ, нынѣшній Чуфутъ-Кале. Наконецъ, Баклà была какъ бы угловымъ оплотомъ горъ, при выходѣ изъ нихъ Альминской и Бодрацкой долинъ.

Эта система обороны горъ дѣлается еще понятнѣе, если обратить вниманіе не на одни пещерные города, служившіе, безъ сомнѣнія, главными стратегическими центрами защиты, но еще и на другіе остатки древнихъ укрѣпленій, связывающихъ между собою, будто звѣньями цѣпи, всѣ пещерные города.

На Черной рѣчкѣ, верстъ 10 выше Инкермана, и въ стольких же верстахъ на югъ отъ Мангупа, до сихъ поръ уцѣлѣла въ деревнѣ Чоргунъ древняя осмиугольная башня. Башня эта очевидно защищала подступы въ долину со стороны южнаго берега.

Связью между укрѣпленіями Черной рѣчки и Мангупомъ служило изчезнувшее теперь укрѣпленіе при Мыльныхъ колодцахъ,

на мѣстѣ котораго еще въ самомъ концѣ XVIII столѣтія находилась деревня *Бей-Кирманъ* — „*Княжья крѣпость*“.

Когда путешественникъ смотритъ съ Севастопольскаго шоссе на долину р. Бельбека, туда, гдѣ рѣка эта выбивается изъ горъ, то разрѣзъ долины представляется ему въ видѣ гигантскихъ воротъ необыкновенной живописности. Въ этихъ воротахъ Бельбека расположены старинныя роскошныя поселенія татаръ — *Біюкъ-Сюйреня* и *Кучукъ-Сюйреня*, а между ними на мысѣ высокой плоской горы, на лѣвомъ берегу рѣчки, возвышается издалека видная башня — *Сюйренъ-Кулле*. Это древній Schuren готовъ. Урочище, въ которомъ находится башня, до сихъ поръ называется *Исаръ-Алты* (Исаръ — крѣпость). Двухъ-этажная башня съ стѣною, съ воротами, со слѣдами византійской живописи на стѣнахъ, отрѣзываетъ мысъ скалы, подобно мангупскому замку; а съ высоты башни видны море, горы и степь, Мангупъ съ одной стороны, Тепе-Керманъ — съ другой. Трудно выбрать болѣе удобный наблюдательный пунктъ; башня, безъ сомнѣнія, служила сигнальнымъ ведетомъ между горными укрѣпленіями по-сю и по-ту сторону Бельбека и въ то же время охраняла входъ долину этой рѣки. Очень можетъ быть, что это та самая *крѣпость Бельбекъ*, которую нашъ Минихъ, въ числѣ другихъ, разрушилъ вовремя своего крымскаго похода 1736 года.

Горные проходы между Бельбекомъ и Качею запирались въ 2-хъ мѣстахъ двумя укрѣпленіями; слѣды одного изъ нихъ почти уничтожились и осталось одно только имя; — это *Керменчикъ* теперь просто урочище на лѣвомъ берегу верхней Качи. Другой — *Керменъ*, или *Керменъ-Кале*, (крѣпость); его развалины ясно видны на горѣ, надъ татарскою деревнею Керменчикъ, расположенною при верховьи одного изъ правыхъ притоковъ Бельбека (Керменчикѣ). Это укрѣпленье, — какъ Сюйренское, Черкесъ-керменское и большинство другихъ, находящихся въ этой странѣ, обильной плоскими отдѣльными горами — отрѣзало собою мысъ

скалы, неприступный съ другихъ сторонъ. Съ высоты этого мыса виденъ Качи-Кальонъ и вершина Тепе-Кермана.

Наконецъ, около Баклы, тамъ, гдѣ горы дѣлаютъ рѣзкій поворотъ къ востоку, и уголъ ихъ открывается доступу одновременно съ сѣвера и запада,—два, повидимому сильныхъ, укрѣпленія служили горнымъ жителямъ для отпора кочевниковъ. *Сарамамбашъ-Кале* представляетъ теперь только развалины стѣны, отрѣзавшей мысъ плоской и обрывистой горы, да кучи мусора отъ разрушенныхъ зданій—внутри этой стѣны, также лежащей во прахѣ. Сарамамбашъ-Кале стоитъ прямо надъ селеніемъ Мангушемъ, между рѣками Альмою и Бодракомъ, которыхъ долины онъ, конечно, охранялъ.

Недалеко отъ Сарамамбашъ-Кале, уже по ту сторону Альмы, находятся развалины другаго горнаго укрѣпленія, *Сарысапъ-Кермена*.

Я не буду говорить объ укрѣпленіяхъ другой части крымскихъ горъ. Для цѣли настоящей статьи достаточно показать, что непрерывная цѣпь большихъ и малыхъ укрѣпленій, то цѣлыхъ городовъ, то замковъ, то сигнальныхъ башень—опоясывала сѣверо-западные склоны и проходы крымскихъ горъ, т. е. именно *Страну пещерныхъ городовъ* Крыма.

Какой-же народъ, какая эпоха исторіи и какой именно поводъ создали эту могущественную оборонительную линію?

Строгой исторической правды касательно происхожденія собственно пещерныхъ городовъ мы врядъ-ли когда добудемъ. Мнѣ кажется, пещера не могла служить постояннымъ жилищемъ какому-нибудь человѣческому племени, успѣвшему стать хотя бы на первыя ступени цивилизаціи. Этотъ зоологическій способъ укрывать себя отъ непогоды и непріятеля въ трещинѣ скалы вполнѣ соотвѣтствуетъ зоологическому возрасту человѣчества. Тутъ одно рабское подражаніе птицѣ и насѣкомому. Высоко—не достанетъ враждебная рука; укрыто—не промочитъ дождь и не снесетъ

буря; мягкій известнякъ поддается грубому орудію, какъ поддается клюву какого-нибудь стрижа,—и вотъ нора сдѣлана, избрано жилище. Въ позднѣйшія эпохи своей жизни человѣческое племя можетъ, конечно, пользоваться пещерою, но только въ исключительныхъ случаяхъ, подъ гнетомъ крайней необходимости. И европеецъ XIX вѣка проведетъ ночь на деревѣ, если его побудитъ къ тому неминуемая опасность; но жить постоянно на деревьяхъ, подобно чимпанзе, человѣкъ можетъ только на степени развитія какихъ-нибудь колумбійцевъ. Нѣкоторые писатели допускаютъ предположеніе объ основаніи пещерныхъ городовъ цивилизованными племенами, имѣя въ виду примѣръ восточныхъ монаховъ, кіевскихъ и другихъ. Но, мнѣ кажется, въ этомъ примѣрѣ можно видѣть психологическое подтвержденіе того историческаго факта, что пещерная жизнь составляетъ одно изъ условій натуральнаго быта человѣка. Восточное монашество постоянно и сознательно ставило себѣ цѣлію возвращеніе физики человѣка къ первобытной, такъ сказать животной, его обстановкѣ: пустынники Өиваиды ходили почти нагіе, обростали волосами, не варили кушанья, не зажигали огня, ѣли коренья, пили одну воду, заглушали въ себѣ даръ членораздѣльныхъ звуковъ и упорно избѣгали общежитія, связи съ себѣ подобными. Такимъ-же образомъ и пещероманія была неизбѣжнымъ результатомъ всѣхъ остальныхъ стремленій ихъ. Обратимъ вниманіе, что гомерическій грекъ сохранилъ память о своемъ столкновеніи съ первобытными обитателями Европы, въ образѣ циклоповъ, жителей и строителей пещеръ. Звѣроподобный циклопъ вездѣ такъ или иначе связанъ съ камнемъ. Для Полиѳема камень есть и жилище, и хлѣвъ, и дверь, и оружіе. Такъ называемыя циклопическія постройки—ничто иное, какъ грубыя искусственныя пещеры. Титаны,—въ образѣ которыхъ миѳологія сохранила тотъ же историческій фактъ борьбы цивилизованныхъ пришлецовъ съ дикими аборигенами, — дѣйствуютъ противъ Олимпа камнями. Въ

странахъ древнихъ кельтовъ, въ странахъ древнихъ финновъ,— вездѣ легенда сохранила память о пещерныхъ людяхъ и пещерной эпохѣ, подъ видомъ таинственныхъ колдуновъ, враждебныхъ обществу, скрывающихъ свои злыя козни, свой чуждый образъ и свои чуждые нравы въ нѣдрахъ недоступныхъ горъ. Нѣтъ сомнѣнія, что младенческая эпоха человѣчества имѣетъ основаніе называться *„каменною“* не по одному только матеріалу тогдашнихъ орудій человѣка, но и по самому характеру тогдашнихъ жилищъ его. Поэтому и мнѣніе тѣхъ писателей, которые называли пещерные города Крыма *„жилищами троглодитовъ“*, мнѣ кажется, ближе къ истинѣ, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Кто именно были эти троглодиты? Тавры—первый народъ, котораго исторія, еще въ полу-миѳической, полу-героической эпохѣ своей, застаетъ на почвѣ Крыма. Эти тавры, современники Ахилла и Ифигеніи, приносившіе человѣческія жертвы своимъ божествамъ, и считавшіе своей добычею всѣхъ несчастныхъ, приносимыхъ къ ихъ берегу волнами тогда еще *„негостепріимнаго понта“* — понтъ Аксеносъ—конечно, могли создать пещерные города. Когда древніе тавры смѣшались съ такъ называемыми скиѳами и стали извѣстны у историковъ подъ именемъ тавро-скиѳовъ, то они занимали оба склона крымскихъ горъ, слѣдовательно и страну нынѣшнихъ пещерныхъ городовъ. Но тавроскиѳы, которые воевали съ Митридатомъ и разбивали войска императора Клавдія, были уже не прежніе дикіе тавры, а народъ, умѣвшій строить крѣпости и проникнутый эллинскою цивилизаціею; постройки Палака и Скилура были совершенно греческія постройки, какъ это доказывается развалинами симферопольскаго Керменчика.

Есть мнѣніе, что пещерные города Крыма основаны были киммеріанами, также однимъ изъ первобытныхъ народовъ Тавріи, оставившимъ свое имя Босфору Киммерійскому; но, сколько мнѣ извѣстно, это предположеніе бездоказательно, какъ и другія, а

сверхъ того менѣе вѣроятно уже потому, что страна пещерныхъ городовъ лежитъ на совершенно противоположной сторонѣ предполагаемаго мѣстопребыванія киммерійцевъ, т. е. Керченскаго полуострова.

Народъ, о которомъ достовѣрно извѣстно, что онъ жилъ на мѣстѣ нынѣшнихъ пещерныхъ городовъ Крыма,—былъ готы. Мы уже видѣли выше историческое подтвержденіе этого факта.

Юстиніанъ не граничился постройкою стѣны для огражденія готовъ. По словамъ Прокопія, онъ въ то же время основалъ нѣсколько укрѣпленій на южномъ берегу Крыма: Алустосъ, нынѣшнюю Алушту, Горзубиту, нынѣшній Гурзуфъ, и возстановилъ разрушенныя стѣны Босфора (Керчи) и Херсонеса. Въ вѣка передвиженія народовъ обычай преграждать имъ путь длинными стѣнами и замками былъ въ большомъ ходу. Императоръ Анастасій въ началѣ VI в. построилъ огромную стѣну для огражденія Византіи отъ сѣверныхъ варваровъ. Юстиніанъ еще болѣе укрѣпилъ эту стѣну только на одномъ пространствѣ отъ Бѣлграда до устья Дуная: онъ построилъ новыхъ и возобновилъ старыхъ 80 укрѣпленныхъ замковъ, по свидѣтельству Прокопія. Въ томъ же VI в. персидскій шахъ Хозрой 1 соорудилъ такъ называемую *Кавказскую стѣну* и Дербентское укрѣпленіе, противъ набѣговъ хазаръ.

Готская стѣна, о которой говоритъ Прокопій, до сихъ поръ еще замѣтна въ разныхъ мѣстахъ крымскихъ горъ. Въ другомъ мѣстѣ своихъ „Крымскихъ впечатлѣній“, при описаніи путешествія на Чатырдагъ, я имѣлъ уже случай говорить о встрѣченныхъ мною на склонѣ Чатырдага развалинахъ этой стѣны, которую татары приписываютъ почему-то Темиръ-Аксану, т. е. знаменитому Тамерлану. Менѣе ясно эти развалины замѣтны по-ту сторону Алуштинской дороги, вдоль Караби-Яйлы, до самой дороги, ведущей изъ Ускюта въ Карасубазаръ. Эти развалины вездѣ извѣстны подъ именемъ Ташъ-Хабахъ. Судя по направленію этой стѣны и по назначенію ея, она должна была западнымъ

концомъ своимъ примыкать къ системѣ укрѣпленій, о которой говорено было выше. Такимъ образомъ она защищала сѣверные подступы въ горы со стороны большой Крымской степи. Точно также, на югѣ горъ, бухты, берега и проходы долинъ были защищены особою системою замковъ и крѣпостей, примыкавшихъ къ сѣверо-западной укрѣпленной линіи пещерныхъ городовъ, вѣроятно, около Чоргунской башни, въ верховьяхъ Черной рѣчки. Развалины южно-бережныхъ замковъ и крѣпостей сохранились во множествѣ въ Алуштѣ, на Кастели, на Аю-Дагѣ, на скалахъ Гурзуфа, на мысѣ Никитѣ, выше Аутки, у города Ялты, въ Оріандѣ, на мысѣ Ай-Тодорѣ, въ Лимени, въ Кикинеіщѣ, въ Мухолаткѣ, на мысѣ Айя, еще во многихъ другихъ мѣстахъ и особенно въ Балаклавѣ. Всѣ эти укрѣпленія представляютъ еще болѣе сильную и связную оборонительную линію, чѣмъ даже линія западныхъ склоновъ. Можно сказать, нѣтъ ни одного сколько-нибудь значительнаго заливами мыса, нѣтъ ни одного горнаго ущелья на южномъ берегу, которые бы не сохранили на себѣ если не остатковъ, то хотя имени прежняго укрѣпленія. По видимому, эти укрѣпленія были тоже основаны византійцами, съ цѣлію защищать готовъ-трапезитовъ. Алустосъ, Гурзуфъ, Ялита явились уже въ VI вѣкѣ, остальные могли возникнуть въ разныя времена, ранѣе и позже Юстиніана; нѣкоторые старинные писатели прямо называютъ южно-бережные замки „*готскими*“ — Castella Gothorum“ — а въ картѣ Скиѳіи Сестренцевича на юго-западномъ краю Крыма показывается „Gothia или Castra Gothorum“.

И даже въ XV столѣтіи, когда по трактату съ Эліасъ-Беемъ Солкатскимъ (Солкатъ — старый Крымъ — древняя столица татаръ) южный берегъ перешелъ во власть генуэзцевъ, онъ не называется иначе какъ „*Готіей*“.

Въ важнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ Готіи были учреждены особыя консульства, въ Чембало (Балаклавѣ), Лускѣ (Алуштѣ), Пертиникѣ (нынѣшній Партенитъ, у подошвы горы Аю-Дага), Гор-

зонѣ (Гурзуфѣ), Ялитѣ (Ялтѣ). Во всѣмъ этомъ заключается убѣдительное доказательство того, что готы обитали дѣйствительно на южномъ берегу отъ Алушты до Балаклавы, слѣдовательно и южнобережные зàмки были скорѣе всего выстроены для ихъ защиты. Что зàмки эти не были генуэзкаго происхожденія, доказываютъ отзывы писателей X, XIII и др. вѣковъ, предшествовавшихъ завоеванію южнаго берега генуэзцами. Имп. Константинъ Багрянородный, за четыре вѣка до генуэзцевъ, говоритъ о *замкахъ* по берегу Понта между Херсонесомъ (Севастополемъ, и Воспоромъ (Керчью). Кордельерскій монахъ Гильомъ Рубруквисъ, посланный французскимъ королемъ Лудовикомъ Святымъ (IX) изъ Сиріи въ Татарію, къ хану Мангу, посѣтилъ Крымъ въ 1253 г. и оставилъ намъ важное указаніе о жителяхъ южнаго берега.

„Есть большіе мысы на этомъ морѣ, пишетъ Рубруквисъ, начиная отъ Корсуни до устьевъ Танаиса, и *около 40 замковъ между Херсонесомъ и Солдайею* (Судакомъ) изъ коихъ каждый имѣетъ свое особое нарѣчіе. *Есть также много готовъ, которые еще удерживаютъ нѣмецкій языкъ.*

Въ нашемъ „Словѣ о Полку Игоревѣ“, памятникѣ XII столѣтія, также говорится о *готскихъ красивыхъ дѣвушкахъ*, что, звоня русскимъ златомъ, воспѣваютъ *на брезѣ синяго моря*. Въ моихъ „Крымскихъ впечатлѣніяхъ“ я уже имѣлъ случай приводить другія свидѣтельства касательно пребыванія готовъ въ Крыму даже до XV и XVI вѣковъ; выше было уже упомянуто, что венеціанецъ Барбаро (XV столѣтія), и посолъ императора въ Константинополѣ баронъ Бузбекъ (XVI столѣтія), говоритъ объ этомъ обстоятельствѣ совершенно положительно. Существованіе въ Крыму, въ теченіи многихъ столѣтій, особой готской эпархіи, подвластной константинопольскому патріарху, еще болѣе подтверждаетъ этотъ фактъ. Уже въ 325 г., въ числѣ подписей отцовъ I вселенскаго Никейскаго собора, читается имя Өеофила, епископа Готѳіи (какъ

думаютъ, Ульфилы—извѣстнаго переводчика св. Писанія на готскій языкъ). За нимъ идетъ цѣлый рядъ готскихъ іерарховъ, сначала епископовъ, потомъ архіепископовъ, наконецъ митрополитовъ, до самаго 1786 г. когда умеръ послѣдній изъ нихъ Игнатій *митрополитъ Готѳейскій и Кефайскій*, способствовавшій переселенію грековъ изъ крыма къ Азовскому морю. Такимъ образомъ готѳійская эпархія существовала отъ Константина Великаго, императора языческаго Рима, до Екатерины II, Императрицы Всероссійской. По всѣмъ вѣроятіямъ и дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, политическая независимость готовъ кончилась очень рано; но сохраненіе до позднѣйшихъ временъ ихъ имени и ихъ языка, въ теченіи по крайней мѣрѣ 14 столѣтій, уже доказываютъ важное значеніе готскаго племени въ исторіи Крыма. Церковное подчиненіе малочисленныхъ готовъ византійскому вліянію началось, какъ мы видѣли, уже въ концѣ IV столѣтія, и окончилось сліяніемъ готовъ съ греками. Въ слѣдствіе этого, въ древнихъ городахъ, обитаемыхъ готами, мы почти вездѣ находимъ византійскую живопись, греческія надписи и, наконецъ, жителей-грековъ. Иначе и быть не могло. Уже въ VI столѣтіи готы, чувствуя свое безсиліе противъ варваровъ, обращаются подъ крыло имперіи. Однако стѣна Юстиніана не защитила ихъ, и въ VII или VIII столѣтіи они, хотя не надолго, подпадаютъ подъ власть хазаръ. Въ XIII столѣтіи они дѣлаются данниками татаръ, а отдѣльные города ихъ попадаютъ, какъ и чисто-греческіе города Крыма, во власть мѣстныхъ князьковъ (топарховъ). Такъ было, напримѣръ, съ Мангупомъ, съ Инкерманомъ. Кажущееся противурѣчіе между нѣкоторыми старыми писателями, изъ которыхъ одни говорятъ о тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, какъ о греческихъ, другіе—какъ о готскихъ, можно объяснить себѣ тѣмъ—что жители какого-нибудь Мангупа,—въ XVI напримѣръ столѣтіи,—были въ одно и тоже время греки и готы. Готы—съ точки зрѣнія своего происхожденія, греки—съ

точки зрѣнія своей гражданской и духовной жизни. Только въ этомъ смыслѣ можно допустить позднее существованіе готовъ въ Крыму, о которомъ говорятъ Бузбекъ др.

Въ началѣ XV столѣтія императоръ Мануилъ Палеологъ отдаетъ своему сыну Константину (тому самому, что палъ на стѣнахъ Византіи при взятіи ея турками) *страны по Черному морю, граничащія съ Хозаріей*, т. е., безъ сомнѣнія, ту часть Готіи, которая не была захвачена генуэзцами, Херсонесъ и др. бывшія колоніи грековъ. Въ Инкерманѣ найденъ камень съ греческою надписью 1427 г. и съ изображеніемъ друглаваго византійскаго орла; въ надписи говорится о какомъ-то Алексеѣ, *владѣтелѣ города Ѳеодора и морскаго берега*. Считать ли Ѳеодоръ за Инкерманъ, какъ обыкновенно думаютъ, или принять вышеупомянутое новѣйшее объясненіе, что Ѳеодоромъ назывался Мангупъ, во всякомъ случаѣ ясно, что въ XV столѣтіи средоточіе готовъ было во власти византійцевъ. Броневскій въ XVI столѣтіи, уже во время турецкаго владычества, читалъ на воротахъ и зданіяхъ Инкермана греческія надписи и гербы греческихъ фамилій. Вотъ его подлинныя слова объ Инкерманѣ:

„Ингерменъ – находится въ 12 миляхъ или болѣе отъ Козлова“ (Козловъ — испорченное турецкое Гезлеве, т. е. Евпаторія). „Въ немъ каменная крѣпость, мечеть и пещеры, съ удивительнымъ искусствомъ высѣченныя подъ крѣпостью и насупротивъ нея. Ибо городъ расположенъ на большой высокой горѣ, и отъ этихъ пещеръ получилъ турецкое названіе“ (ин-керманъ—по турецки *крѣпость пещеръ*). „Онъ былъ прежде значителенъ, довольно богатъ, изобиловалъ всѣмъ необходимымъ и былъ замѣчателенъ своимъ мѣстоположеніемъ.

„На скалистыхъ горахъ, большихъ и высокихъ, видны явные слѣды, показывающіе, что древнѣйшіе народы Греціи добывали здѣсь огромные камни.

„Видно, что Ингерменская великолѣпная крѣпость построена

греческими государями, ибо до сихъ поръ, и ворота, и нѣкоторыя уцѣлѣвшія зданія украшены греческими надписями и гербами.

„Очень ясно видно, что по всему тому перешейку даже до стѣнъ города были великолѣпныя строенія, и вырыто множество колодцевъ, изъ которыхъ еще многіе уцѣлѣли. На оконечности же видны двѣ большія широкія дороги, вымощенныя камнями. На перешейкѣ видны сады, яблони и другіе плоды и превосходные виноградники, насаженные нѣкогда греками (и теперь называются Бельбекомъ), которыми теперь владѣютъ христіанскіе греки, итальянцы, іудеи и даже немногіе турки.“

Мы, съ своей стороны, не говорили въ этой статьѣ объ Инкерманѣ, одномъ изъ важнѣйшихъ пещерныхъ городовъ Крыма, потому, что уже прежде посвятили его описанію особую главу своихъ „Крымскихъ впечатлѣній“. Если Инкерманъ древній Ѳеодоръ, или Доросъ, то онъ былъ древнѣйшимъ центромъ готовъ. Приморская страна, занятая первоначально готами, называлась *Дори*. Ея созвучіе съ Доросомъ слишкомъ очевидно. Патріархъ Никифоръ говоритъ о Юстиніанѣ II, что онъ изъ Херсонеса бѣжалъ въ 702 году въ *крѣпость Доросъ на предѣлахъ Готіи*; это почти несомнѣнное указаніе на Инкерманъ.

Турки, завоевавъ южный Крымъ, повидимому, уже не нашли ни одного княжества, называвшагося готскимъ; всѣ они сдѣлались греческими. Только князья Мангупа, — можетъ быть, изъ аристократической склонности къ древности и особенностямъ своего рода,—лично считались еще готами, — послѣдними готами, какіе гдѣ-либо существовали, замѣчаетъ Матвѣй Мѣховскій.

И такъ можно навѣрно сказать, что древніе готы, впослѣдствіи смѣшавшіеся съ греками, занимали въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, начиная отъ V столѣтія, страну, въ которой находятся значительнѣйшіе пещерные города Крыма, именно Инкерманъ и Мангупъ-Кале, а слѣдовательно Черкесъ и Эски-Кермены, по

крайней мѣрѣ до долины р. Бельбека, гдѣ на мѣстѣ нынѣшней *Сюйрень-Кулле* у нихъ стоялъ значительный городъ. Обитаніе готовъ въ остальныхъ пещерныхъ городахъ Крыма, съ сѣверу отъ Бельбека, если и не доказано исторіею, то весьма вѣроятно и подтверждается преданіемъ.

Вопреки мнѣнію Палласа, готамъ трудно приписать основаніе пещерныхъ городовъ. Характерное свидѣтельство Прокопія о нерасположеніи крымскихъ готовъ даже къ городамъ, обнесеннымъ стѣнами, устраняетъ въ этомъ вопросѣ всякое сомнѣніе. Народъ, привязанный къ земледѣлію, владѣвшій роскошными садами, не могъ быть изобрѣтателемъ и жителемъ каменныхъ пещеръ. Пещерные города, очевидно, вошли въ систему укрѣпленій только заботами централизующей византійской власти, которая могла воспользоваться пещерными городами точно такъ же, какъ воспользовалась различными другими укрѣпленіями, возникшими въ самыя различныя времена, трудами самыхъ разнообразныхъ народовъ.

Стѣна Херсонесцевъ, издавна отдѣлявшая Трахейскій полуостровъ отъ остальнаго Крыма, послужила такимъ же матеріаломъ для фортификаціи греческимъ администраторамъ Крыма, какъ и старинныя крѣпости скиѳскихъ царей и полководцевъ Митридата. Грекамъ нужно было загородить степовикамъ всѣ проходы въ горный Крымъ, чтобы обезпечить трудолюбивыхъ садовниковъ, винодѣловъ и пастырей крымскихъ долинъ. Въ ряду этихъ укрѣпленій пещерные города, естественно, должны были стать цитаделями наслучай войны, осадными дворами, въ которыхъ могло укрыться мирное населеніе, при первой опасности. Многочисленныя пещеры доставляли въ этомъ случаѣ незамѣнимую выгоду, потому что,—при недоступности своей, при совершенной безопасности отъ стрѣлъ и огня,—укрывали нетолько людей, но и скотъ ихъ, и имущество. Небольшія крѣпостцы ни въ какомъ случаѣ не способны были оказать населенію такой

серьезной помощи и служили только баррикадами проходовъ. Весьма правдоподобно, что многія изъ пещеръ дѣлались уже впослѣдствіи, съ цѣлью доставить осажденнымъ жителямъ болѣе простора, и принаровлялись къ новымъ потребностямъ.

Въ пещерахъ, съ теченіемъ времени, основались церкви и монастыри; сначала, можетъ быть, изъ временной необходимости, а потомъ остались въ нихъ навсегда, такъ какъ пещерное помѣщеніе не противурѣчило характеру этихъ учрежденій. Есть серьезное основаніе думать, что первые христіане особенно охотно пользовались пещерами, и даже сами устроивали ихъ, съ цѣлью подвига трудолюбія. Легенда говоритъ, что папа-изгнанникъ Климентъ I собственноручно ископалъ пещерную церковь Инкермана.

Съ пещерами Успенскаго Скита связано очень древнее христіанское преданіе объ обитавшемъ въ нихъ драконѣ, истребленномъ внезапно явившеюся чудотворною иконою Успенія Божіей Матери. Икона эта была перенесена греками изъ древняго бахчисарайскаго Маріанполя въ новый азовскій Маріанполь, а до тѣхъ поръ была главною святынею крымскаго христіанства. Это обстоятельство, а также постоянное пребываніе въ Успенскомъ Скитѣ (Маріанполѣ) духовнаго главы крымскихъ христіанъ—митрополита Готѳійскаго и Кеѳайскаго— указываетъ на то, что пещеры Успенскаго Скита если не были основаны христіанами, то очень рано были ими заняты. Замѣчательно, что только въ этомъ старомъ гнѣздѣ христіанства оно удержалось до самаго присоединенія Крыма къ Россіи, среди всѣхъ невзгодъ и опасностей, въ то время какъ магометанскій фанатизмъ успѣлъ обратить въ исламъ весь берегъ и всѣ горы когда-то христіанскаго Крыма.

Монастыри въ Инкерманѣ, въ Качи-Кальонѣ, Маріанполѣ, уцѣлѣвшіе до нашихъ дней, и другіе, которыхъ развалины видны въ Эски-Керманѣ и Тепе-Керманѣ, также свидѣтельствуютъ о томъ, что пещерные города были древнимъ пріютомъ христіанства. И такъ, нужно во всякомъ случаѣ признать, что хри-

стіанство участвовало значительною долею въ распространеніи, если не основаніи, пещерныхъ городовъ Крыма. Масса жителей, за исключеніемъ, вѣроятно, монаховъ, жила, конечно, подъ открытымъ небомъ въ своихъ зеленыхъ и цвѣтущихъ деревняхъ, какъ живетъ и теперь, и всякій пещерный городъ покровительствовалъ цѣлой долинѣ, цѣлому сельскому округу.

Оттого-то вокругъ Мангупа до сихъ поръ лѣпятся многочисленныя сельбища, а около Чуфутъ-Кале основался Бахчи-Сарай,—*„городъ садовъ“*,—центръ крымскаго садоводства и татарской жизни вообще.

Только съ такой точки зрѣнія можно объяснить себѣ жизнь готовъ, грековъ и друг. сколько-нибудь цивилизованныхъ народовъ въ пещерныхъ городахъ, въ этихъ титаническихъ каменныхъ ульяхъ, гдѣ сотни подземныхъ жилищъ наполняютъ собою нѣдра скалъ и гдѣ путешественникъ дѣйствительно находитъ тогда слѣды уже довольно развитой общественной жизни. Было бы странно предположить, чтобы въ очаровательномъ климатѣ Крыма, въ живописнѣйшихъ и плодороднѣйшихъ долинахъ его, богатыхъ водами, кишащихъ дорогими плодами,—могло жить племя, способное вести жизнь кротовъ въ полутемныхъ известковыхъ норахъ, на безплодныхъ и безводныхъ утесахъ, не въ эпоху какихъ-нибудь свайныхъ построекъ и не на зарѣ исторіи, а въ тѣ времена, когда уже писались книги и существовала наука. Работящее населеніе не могло ежедневно сообщаться съ своими плантаціями и садами по этимъ узенькимъ ступенькамъ, вырубленнымъ въ обрывѣ скалъ для осторожнаго прохода одного человѣка, съ цѣлію удобной защиты ихъ однимъ противъ толпы. Только сбившіеся въ стадо дикіе аборигены горъ, еще можетъ быть незнавшіе ни одного промысла, питавшіеся кореньями и дичью, много-много первобытные пастухи козъ и барановъ—могли искать себѣ въ скалѣ и избрать постояннымъ пріютомъ эти норы троглодитовъ.

Мангупъ—обычный входъ изъ степей въ горы не по боль-

шимъ почтовымъ дорогамъ, а по проселкамъ, знакомымъ только охотникамъ, да мѣстнымъ жителямъ. Отъ Мангуша, къ востоку и къ югу отъ него, начинается область крымскихъ горныхъ лѣсовъ, область крымскихъ охотъ по верховьямъ Альмы, Бодрака, Марты, Качи и ихъ притоковъ. Поселенья человѣка прекращаются, и васъ принимаетъ въ себя подоблачная пустыня, шумящая лѣсами и ручьями, цвѣтущая травами, полная звѣремъ.

Система разорванныхъ и перепутанныхъ горныхъ цѣпей тянется вдоль сплошнаго хребта Яйлы, провожая съ сѣверной стороны всѣ его изгибы. Эти цѣпи ниже Яйлы, но гораздо богаче природою, свѣжѣе, разнообразнѣе. Яйла каменною стѣною ограждаетъ съ юга это горное нѣдро Крыма, отчего оно, при всей близости своей къ южному берегу, остается безлюднымъ и почти непосѣщаемымъ. Долины рѣкъ, падающихъ на западъ, въ Черное море,—Черной, Бельбека, Качи, Альмы, раздѣляютъ эту горную страну на нѣсколько продольныхъ поясовъ, въ которые ущелья этихъ рѣкъ служатъ почти единственными воротами. Мы не жалѣемъ, что оставили далеко за собою жилища человѣка и на нѣсколько дней погрузились въ зеленые пріюты козъ и оленей.

Поѣздка горными лѣсами освѣжаетъ душу и тѣло, какъ ключевая вода. Вы съ зарею на сѣдлѣ; при васъ зажигается огнистое крымское утро и выплываетъ изъ-за горъ полный мѣсяцъ. Съ вашей тропинки, приподнятой къ облакамъ и выше облаковъ, вы въ спокойномъ счастіи созерцаете у своихъ ногъ глубокія безлюдныя долины, налитыя до краевъ лѣсами и глядящія изъ-за нихъ живописныя горы всевозможнаго характера,—то бѣлыя титаническія пирамиды, то обломанные какъ башни утесы, облитые красивымъ огнемъ запада, то наконецъ обросшіе до макушки темною шерстью лѣсовъ.

Облака сидятъ въ этихъ горныхъ чашахъ, какъ лебеди на покоѣ. Иногда вы видите подъ собою настоящее озеро; но вы не увлекайтесь: Крымъ не Швейцарія, и въ его горахъ вы не встрѣ-

тите ни одного озера; это тоже облака, запавшія въ какую-нибудь особенно глубокую круглую долину. А то оглянитесь съ высокаго холма налѣво, гдѣ видѣлъ шатеръ Чатырьдага. Тамъ тоже облака, да это уже не лебеди, не озера: они обволокли кругомъ, будто хлопья ваты, вершину шатра, курятся надъ нимъ и распалзываются, какъ клубы какого-то тяжелаго и влажнаго дыма. Чатырдагъ смотритъ черезъ нихъ ни дать, ни взять перуанскимъ вулканомъ.

Горное путешествіе вдвое дороже для тѣхъ, кому приходилось наслаждаться этою пустынею и въ румяные осенніе дни, и въ радостный весенній полдень, и въ лѣтній зной, и среди расписанныхъ зимнимъ инеемъ лѣсовъ. Охотникъ — вотъ настоящій цѣнитель и почти единственный посѣтитель этихъ красотъ.

Незнаешь, какая обстановка болѣе подходитъ къ нимъ и болѣе ихъ краситъ.

Лѣсъ еще стоитъ безъ листу, но уже гибкій и сочный, приготовляясь прыснуть первыми почками. Уже на южныхъ склонахъ зеленѣетъ травка и желтѣютъ яркіе крокусы. Вы стоите съ своимъ ружьемъ, прислонившись къ дубу, отовсюду задвинутые лѣсомъ; вамъ видно теперь на-далеко кругомъ, сквозь эти высокіе безлистные стволы, въ этотъ прозрачный полумракъ. Гончіе гоняютъ гдѣ-то глубоко внизу, и вы хорошо различаете хриплый сердитый голосъ Полкана, неистово лающаго „по зрячему". Вотъ недалеко отъ васъ словно стукнуло что-то, горныя ущелья эхомъ подхватили выстрѣлъ, и вы слышите торопливые прыжки и хлестанье кустовъ. Подъ тихою сѣнью лѣса, среди его неподвижныхъ колонадъ, вы вдругъ увидѣли живое существо. Словно все кругомъ ожило и заговорило отъ появленія этой пары черныхъ пугливыхъ глазъ, этихъ упругихъ трепетныхъ ногъ. Статная козочка смотритъ на васъ своими прекрасными большими глазами, не чуя еще вашего присутствія, не чуя опасности. Вотъ вздрогнули ея высоко настороженныя уши, разинутыя трубою въ обѣ стороны;

вы не успѣли вспомнить о своемъ ружьѣ, какъ коза унеслась, изумительно легкими и изящными прыжками, оставляя подъ собою кусты и мелькая между стволами. Но вы не досадуете на свою разсѣянность.

Вамъ придется видѣть и другіе виды, когда козелъ, настигаемый собаками, несется, закинувъ голову на спину, высунувъ языкъ, высоко надъ кустами, однимъ прыжкомъ перелетая пространство въ нѣсколько сажень. И вдругъ, на серединѣ прыжка, онъ судорожно вскрикиваетъ, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ и летитъ въ-сторону, черезъ свою голову. Пуля, пущенная невидимою рукою изъ невидимаго мѣста, перехватила его скачекъ. Жалобно бьется и кричитъ красавецъ-козелъ; кровь капаетъ съ его высунутаго языка, бьетъ струею изъ ранки. Берегитесь, собаки уже на немъ. Полканъ, задыхающійся отъ бѣшенства и усталости, яростно треплетъ его за бѣлую лунку, замѣняющую хвостъ; если не отобьете, онѣ живаго растерзаютъ въ клочки. Иначе, изъ чего-бы бились они, чѣмъ-бы вдохновлялись эти вѣрные кровожадные псы, эти честные палачи, цѣлый день надрывающіеся отъ лая и бѣга, добросовѣстно исцарапавшіе себя обо-всѣ колючія вѣтки лѣса, обнюхавшіе понапрасну столько тропинокъ и слѣдовъ!

Хорошо на этихъ горахъ и зимою, когда лѣса стоятъ въ фантастическихъ уборахъ и холодъ настолько чувствителенъ, что ночлегъ и рюмка вина дѣлаются для охотника трижды драгоцѣнными. Цѣлая армія охотниковъ и облавщиковъ, кто съ ружьемъ, кто съ дубьемъ, въ разнохарактерныхъ одеждахъ, татары и русскіе, помѣщики и солдаты, — столпились на зимней зорькѣ у лѣсничьяго домика, гдѣ ночевалъ главный штабъ облавы. Вотъ вываливается изъ двери тучная, веселая фигура распорядителя охоты. Вотъ онъ, этотъ новый Шекспировъ Фальстафъ, среди своей разношерстной арміи, сидитъ, грузный и громоздкій, на маленькой татарской лошаденкѣ, которая чуть не погнулась подъ нимъ. Воины его толпятся кругомъ его стремянъ, а онъ одѣляетъ ихъ стакан-

чиками „горилки“, приправляя ее фальстафовскою ругнею и фальстафовскими прибаутками. Въ путь! Довольно болтовни, теперь смирно! Облавщики отдѣляются въ одну сторону и бѣглымъ шагомъ изчезаютъ въ лѣсу, съ своими палками и сумками. Охотники, конные и пѣшіе, тянутся по тропинкѣ въ другую сторону лѣса, за своимъ вожакомъ. Разставили. Облава двинулась; стукъ, гамъ, свистъ; кажется, послѣдняя птица, послѣдняя бѣлка унесутся за тридевять земель. Охотники пристыли глазами къ лѣснымъ тропамъ; курки взведены. Пафъ-пафъ!.. по всей линіи пробѣгаетъ бѣглый огонь.

Кончили загонъ; рогъ трубитъ своимъ рѣзкимъ характернымъ звукомъ, столь пріятнымъ уху охотника. Другіе рога отвѣчаютъ изъ ущелій, съ холмовъ, издали и вблизи; одинъ легкій и звонкій, другой, треща съ какимъ-то непомѣрнымъ усиліемъ, хрипло и отрывисто. Сбиваются въ кучу. Всякому хочется взглянуть на добычу счастливыхъ. Тутъ она вся вмѣстѣ: лиса съ длинновысунутымъ языкомъ, пушистая, жирная, разъѣвшаяся зайцами, сохранившая въ каждой чертѣ своей тотъ испугъ внезапно застигнутой воровки и то отчаянное увертыванье отъ преслѣдовавшей ее смерти, съ которыми замерла она подъ пулею; бирюкъ съ своею угрюмо-злою мордою, со всею статью голоднаго бродяги и разбойника, глупые длинноухіе зайцы цѣлыми связками; у кого коза, у кого куница.

Пройдутъ еще два, три загона. Ноги ужъ еле-носятъ по снѣжнымъ тропамъ; набѣгались, накараулились. Гдѣ-то нашъ обозъ, наши маркитанты? За кусокъ хлѣба отдашь всѣхъ своихъ волковъ. Наконецъ добиваются и обоза. Кто не испытывалъ этой усталости и этого наслажденія, тотъ не въ состояніи понять, что̀ можетъ значить для человѣка стаканъ вина послѣ зимней охоты по горамъ. Заяцъ, обжаренный безъ соли и масла на шомполѣ ружья, пахнетъ неимовѣрно-аппетитно. Всякую дрянь принимаешь и поѣдаешь, какъ манну небесную. Толкотня, стукотня, жеванье—

на нѣсколько минутъ никто ничего и никого не видитъ, никого и ничего не знаетъ; всѣ руки и помыслы лѣзутъ къ одному—къ стакану, къ кастрюлѣ.

Солнце заходитъ; пора къ ночлегу. Изъ разныхъ сторонъ лѣса, по обрывамъ, по скатамъ, тянутся какъ муравьи, всѣ къ одному мѣсту, разбросанные охотники. Пафъ-пафъ!... поминутно раздается въ холодномъ горномъ воздухѣ. Разряжаютъ безполезныя пока ружья. Подумаешь, отрядъ какихъ-нибудь гверильясовъ возвращается изъ своихъ горныхъ развѣдокъ. Вотъ они слились на голомъ холмѣ въ одну черную змѣю и потекли внизъ, къ хуторку лѣсника, спрятавшемуся у подножія холма. Оттуда уже привѣтливо краснѣетъ сквозь лѣсныя сумерки яркій огонекъ, и на выстрѣлы ружей, на звуки роговъ приближающихся охотниковъ отвѣчаетъ шипѣніе самовара и кухонная стряпня. Тѣснѣе другъ къ другу, для дружной компаніи всякая хатка просторна; доски на боченкахъ—лагерный столъ; кругомъ мы возлежимъ на соломѣ, какъ древніе вокругъ своихъ пиршествъ. Чай и вино согрѣваютъ душу, не только языкъ и чрево. Сколько веселой болтовни, безпардоннаго вранья, безобиднаго хвастовства и здороваго хохота! Милый Фальстафъ, въ холостомъ дезабилье, царитъ надъ всѣми; его голосъ заливаетъ всѣ остальные, его тучное тѣло заслоняетъ половину хаты, его объемистое чрево поглощаетъ половину запасовъ; а вретъ, хвастаетъ и хохочетъ вдвое больше, чѣмъ всѣ охотники вмѣстѣ. Теперь это—чисто миѳологическій Панъ, какъ изображаетъ его Рубенсъ, мясистый, красный, упитанный виномъ, увѣнчанный виноградными листьями и сіяющій смѣхомъ....

Меня вообще удивляетъ, что цивилизованный человѣкъ, потратившій такъ много искусства и заботы на устройство себѣ всяческихъ удобствъ, окружившій себя роскошью и излишествомъ во всѣхъ мелочахъ,—позабываетъ лучшее изъ всѣхъ удобствъ и самую дорогую изъ всѣхъ роскошей—природу, въ ея неподдѣльномъ видѣ. Люди кабинета и гостиной, люди фабрики и конторы,

должны спасаться отъ убійственнаго вліянія своей искусственной жизни въ волнахъ всеисцѣляющей природы, бодрить въ ней не одни вялые мускулы и раздраженные нервы, но весь свой духъ, задавленный разными „злобами дня". И это нужно дѣлать какъ можно чаще, при всякой возможности; это нужно считать одною изъ важныхъ обязанностей своей совѣсти, нравственнымъ долгомъ, отъ котораго нельзя уклониться, безъ вреда для себя и другихъ, условіемъ благополучія, отъ котораго нельзя отказаться, безъ крайней необходимости. Цивилизованный человѣкъ свободно бросаетъ значительныя средства на то, чтобы до полуночи сидѣть въ биткомъ-набитой залѣ, слушая артиста; онъ нерѣдко считаетъ позволительнымъ пошатнуть свое состояніе, чтобы доставить возможность женѣ или дочери проводить ночи въ угарѣ танцевъ. Но много ли онъ дастъ за то, чтобы подышать горнымъ воздухомъ, побродить въ зеленыхъ сѣняхъ лѣса, отдохнуть въ широкомъ привольѣ степей? Человѣкъ дѣлаетъ вообще много глупостей; но эта послѣдняя глупость, это жалкое забвенье источника нашей жизни и силы—непростительнѣе многихъ другихъ.

Дождь не миловалъ насъ въ эту поѣздку. Горше всего были тѣ минуты, когда мы блудили съ нашимъ всезнающимъ Бэкиромъ по тропинкамъ, ведущимъ на гору Цецуль, или, какъ ее называютъ лѣсники и охотники, на Чучель-гору. По цѣлымъ часамъ приходится стоять въ чащѣ лѣса подъ вѣтвями какого-нибудь маститаго дуба или бука, котораго широкая густолиственная корона все-таки сколько-нибудь прикрываетъ насъ отъ ливня; измученныя лошадки стоятъ-себѣ, не двигаясь, опустивъ уши и головы ко мшистому стволу, а всадники, тоже пригнувшись носомъ къ дереву и укрытые чѣмъ Богъ послалъ, потихоньку ведутъ бесѣду въ своемъ невольномъ кружкѣ; амазонку нашу нельзя узнать подъ огромною черкесскою буркою, которая шалашомъ стоитъ на лошади и спускаетъ съ себя потоки воды какъ съ отлива крыши. Ни-

чего не видать кругомъ, даже сосѣднихъ деревъ: сѣрая сѣтка дождя сплошь заткала воздухъ.

Измучили-же мы своихъ животинъ, цѣлый день гоняя ихъ по грязнымъ лѣснымъ спускамъ и подъемамъ: ни зерна ячменя, ни глотка воды! Кажется, нѣтъ ни одного оврага, котораго бы мы не отвѣдали. Бэкиръ сбился давно, но до сихъ поръ не хочетъ признаться и ужасно сердится, когда мы пристаемъ къ нему съ укоризнами. Мы теперь хорошо примѣтили, когда онъ сбивается. Онъ начинаетъ тогда сновать, какъ угорѣлый, то вправо, то влѣво, стараясь опередить насъ и бросая по слѣду кусочки наломанныхъ вѣтвей. Но эти пріемы Аріадны не ведутъ, по видимому, ни къ чему, и нашъ путь становится все безнадежнѣе. Раза два наткнулись на дровосѣковъ, на угольщиковъ, но и послѣ разспросовъ бѣда не поправляется. Уже высоко на горѣ встрѣтили мы толпу дѣвокъ и бабъ, возвращавшихся лѣсными дорожками изъ Козьмодемьянской обители. Богомолки, кажется, совсѣмъ замаялись и кляли, на чемъ свѣтъ стоитъ, крутизны Чучеля; онѣ намъ пророчили разныя скверныя вещи. Но уже ворочаться некуда. Встрѣтили какого-то полудикаго чобаненка, отыскивавшаго корову; долго уговаривали, наконецъ убѣдили провожать насъ. Господи! и повелъ-же насъ этотъ проводникъ! Много я видѣлъ трущобъ въ своихъ странствованіяхъ, но эти были изъ трущобъ трущобы. Этотъ Чучельскій пастырь былъ, повидимому, проникнутъ тѣмъ убѣжденіемъ, что лошадь проѣдетъ вездѣ, гдѣ пролѣзетъ коза. Когда мы перевалили на противуположный склонъ горы и увидѣли черезъ головы другихъ горъ стѣну Яйлы, пришлось спускаться по страшной крутизнѣ и по страшному косогору. Пѣшая тропинка была протоптана надъ цѣлою системою пропастей, которыми Чучель спускалась къ долинѣ. Какъ нарочно, мы тутъ попали въ огромную отару овецъ, которыя со страху, разсыпались кругомъ насъ, и понеслись внизъ по зеле-

ному скату, будто волна. Отъ ихъ тревожнаго блеянья и какого-то стихійнаго сплошнаго движенія еще болѣе кружилась голова.

Въ концѣ тропы, на лѣсной полянкѣ, мы въѣхали въ пестрое становище татаръ; арбы были распряжены, грудки дымились, женщины и дѣти въ цвѣтныхъ нарядахъ копошились вокругъ котловъ. Татары тоже возвращались изъ Козьмодемьянскаго монастыря. Эти магометане почитаютъ священный источникъ христіанъ съ такою-же дѣтскою искренностію и суевѣріемъ, какъ и пилигримы нашего простонародья. Всякому младенчествующему духу свойственно религіозное благоговѣніе передъ силами природы, проявляющими себя въ опредѣленной, для всѣхъ осязательной, формѣ. Это мистическое отношеніе человѣка къ природѣ предшествуетъ всѣмъ историческимъ обособленіямъ, всѣмъ различіямъ вѣроученій. Но въ данномъ случаѣ это и серьозный историческій фактъ. Горный татаринъ Крыма—омусульманившійся потомокъ христіанскихъ колонистовъ Крыма: грековъ, итальянцевъ, готовъ. Онъ почитаетъ древнѣйшія христіанскія святыни Крыма и нѣкоторые изъ важнѣйшихъ христіанскихъ праздниковъ, какъ реликвіи своей собственной исторіи.

Странствованіе по склонамъ Чучель-горы разбудило во мнѣ воспоминанія недавняго прошлаго, когда я наслаждался на этой же самой горѣ красотою совершенно оригинальною. Не думаю, чтобы многимъ изъ моихъ читателей удалось послушать *„рева оленей“*. Въ концѣ сентября, около полнолунія,—пора спариванія для крымскихъ оленей. Олени въ лѣтнее время и безъ того держатся въ мало-доступныхъ поясахъ крымскихъ горъ, но въ эпоху своей любви они забираются въ такія дебри, куда не всякій въ состояніи слѣдовать за ними. Глубокія лѣсныя пропасти между Бабуганъ-Яйлою, Чучелью, Синабдагомъ,—одинъ изъ любимыхъ притоновъ оленя. Когда совсѣмъ стемнѣло, наша партія охотниковъ покинула домикъ чучельскаго лѣсника и въ глубокой тишинѣ отправилась на вершину Чучели. Лѣсникъ велъ насъ че-

резъ лѣсъ, ему одному вѣдомыми тропинками; подъемъ по известковымъ обрывамъ на вершину Чучели опасенъ и днемъ; ночью онъ дѣлался крайне серьознымъ. Ружья, охотничьи снаряды и теплыя платья для ночлега въ облакахъ — много затрудняли нашъ мучительный подъемъ. Хорошо еще, что ночная темнота не давала намъ ясно видѣть тѣ черныя бездны, надъ которыми мы карабкались. Поминутно камни срывались изъ-подъ ногъ и летѣли, летѣли внизъ, пробуждая одно за однимъ эхо пропастей. При роковомъ шумѣ этихъ камней, вся партія охотниковъ, расползшихся какъ муравьи по утесистому склону, внезапно останавливалась и настороживала уши: „упалъ кто?" безпокойно спрашивалъ среди глубокой тишины чей-нибудь сдержанный голосъ. Вопросъ передавался зловѣщимъ шопотомъ отъ одного къ другому, и всякій съ смущеннымъ чувствомъ оглядывался на черную бездну лѣсовъ, зіявшую у самыхъ ногъ. Взглянешь на верхъ, а тамъ все бѣлая стѣна—круче, да круче.

За то сверху открылась по-истинѣ волшебная панорама. Полный мѣсяцъ всплывалъ на небо вмѣстѣ съ нами, и когда мы сидѣли на бѣлыхъ утесахъ Чучели, горы уже не загораживали его больше, и онъ свѣтилъ уже довольно высоко. Вся страна горъ лежала у нашихъ ногъ окаменѣвшими волнами, уходившими изъ глазъ; ея лѣсные хребты переливали серебристымъ туманомъ, и кромѣ этого моря горъ, да синяго звѣзднаго неба крымской ночи, мы не видали ничего. Бѣлые утесы Чучели и чернѣвшія на нихъ живописныя фигуры притаившихся охотниковъ, бросавшія странныя тѣни, составляли поразительный первый планъ для этой заоблачной картины.

Вдругъ, напротивъ насъ, въ одномъ изъ лѣсныхъ ущелій Бабугана, загудѣлъ какой-то богатырскій рогъ. Все слышнѣе и шире разливались его воинственные звуки, подхватываемые въ нѣсколько пріемовъ эхомъ горныхъ пропастей. Въ холодномъ, рѣдкомъ воздухѣ заоблачнаго царства раскаты этого волшебнаго рога

раздавались какъ удары грома. Это ревѣлъ олень. Въ ревѣ его тяжелое густое мычанье быка смѣшивается съ угрожающимъ рыканьемъ дикаго звѣря. Не успѣли стихнуть раскаты этого рева, какъ, совершенно въ другой сторонѣ, изъ пропастей, окружающихъ пирамиду Черной Горы, ему отвѣтилъ другой ревъ, такой же бѣшеный, такой же громовый. Не понимаю, откуда брались эти могучіе львиные звуки у кроткаго звѣря, который пріучилъ насъ только любоваться своею красотою и статностью. Къ двумъ голосамъ скоро присоединился третій, еще и еще... Каждое ущелье отозвалось на вызовъ, вездѣ сказали себя его рогатые обитатели. Казалось, какой-нибудь грозный властитель лѣсныхъ дебрей вызывалъ на бой противниковъ-сосѣдей, и они отвѣчали ему изъ своихъ замковъ угрожающими звуками боеваго рога. Вотъ звуки эти сходятся все ближе; самцы-соперники почуяли другъ друга и пошли на роковой поединокъ. Лѣсъ трещитъ такъ близко вокругъ насъ, мѣрные шаги копытъ раздаются такъ явственно, что многіе изъ насъ, позабывъ осторожность, приподымаются выслѣживать звѣря; онъ появляется иногда на открытыхъ мѣстахъ и вырѣзается на фонѣ мѣсячнаго неба; тогда бываетъ возможно попробовать счастья. Шаги стихли; олень почуялъ насъ и остановился. Намъ не удалось видѣть на пикѣ утеса его живаго изваянія. Олень сталъ ломиться въ другую сторону, и шаги его врага повернули къ нему. Ревъ, затихшій на нѣсколько минутъ, вдругъ раздался неистовый, оглушающій. Рогачи увидѣли другъ друга. Мы ясно слышали стукъ вѣтвистыхъ роговъ, сцѣпившихся вмѣстѣ, бѣшеное мычанье, трескъ ломающихся кругомъ сучьевъ и немолчный топотъ передвигающихся ногъ. То начался поединокъ,

Всю ночь до свѣта продолжался олeній концертъ. Онъ убаюкивалъ насъ на нашихъ ложахъ изъ сухаго листа, вокругъ разложеннаго костра.

Бэкиръ въ своемъ татарскомъ упорствѣ затащилъ насъ понапрасну на такую высоту, что теперь приходится спускаться въ

теченіи нѣсколькихъ часовъ. Спускаться въ Савлухъ-Су, который *все видитъ* обыкновенно подъ облаками и даже за облаками; къ которому до сихъ поръ всѣмъ приходилось подниматься, и подниматься съ большимъ трудомъ! Послѣдній спускъ—какая-то адская воронка. Если мы не сломаемъ головы, то это будетъ большое чудо. У самыхъ хладнокровныхъ захватываетъ духъ, при взглядѣ на страшную кручу, по откосу которой мы должны спускаться, винтовою линіею, внизъ. Отъ проливныхъ дождей лѣсной черноземъ ползетъ подъ копытами, и на каждомъ шагу поваленныя деревья преграждаютъ нашу тропу. Попробовали спѣшиться, чтобы голова не такъ кружилась и летѣть внизъ было легче. Но только мы двое имѣли настолько силы и привычки, чтобы коекакъ двигаться по ползучей почвѣ горы. Остальные попадали съ первыхъ же шаговъ и волей-неволей вскарабкались опять на несчастныхъ лошадей. Страшнѣе и жалче всего было смотрѣть на нашу бѣдную амазонку, которая сидѣла, бѣлая какъ платокъ, недвижимая и безмолвная, будто окаменѣвшая на своемъ сѣдлѣ. Умная лошадь ея потеряла всякую надежду на свои ноги и, въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ, просто скользила на своихъ плоскихъ подковахъ, какъ на салазкахъ, собравъ почти вмѣстѣ всѣ четыре ноги свои. У насъ, слѣдовавшихъ за нею, сердце замирало отъ страха при этихъ рискованныхъ глисадахъ. Какъ нарочно, совсѣмъ стемнѣло, и минуты казались часами. Все глубже и уже дѣлается страшная воронка, все темнѣе въ лѣсу, кругомъ насъ, все безнадежнѣе дѣлается на душѣ. Но никто не произноситъ слова, не слышно ни одной укоризны Бэкиру или чобаненку; всѣ мысли и чувства устремлены на эту чорную пасть, которая поглощала насъ, и въ которой мы порой серьозно готовились погибнуть. Внизу, на днѣ воронки, сверкнули, сквозь чащу лѣса, красные огоньки.

— Савлухъ-Су! пришли! несвоимъ голосомъ вскричалъ Бэкиръ.

Козьмодемьянскій монастырь лѣпится по террасамъ крутой горы,

вокругъ источника св. Козьмы и Демьяна, который татары называютъ Савлухъ-Су. Въ монастырѣ уже спали, и только въ кельѣ настоятеля былъ огонь. Мы потому спѣшили попасть въ Савлухъ-Су въ этотъ день, что 1 іюля былъ храмовой праздникъ монастыря, и можно было разсчитывать, что, по случаю прилива богомольцевъ, въ монастырѣ можно будетъ поѣсть и отдохнуть. Обыкновенно же въ этомъ заоблачномъ скитѣ трудно найдти что-нибудь кромѣ кружки молока. Въ этомъ возвышенномъ горномъ поясѣ невозможно воздѣлывать даже огородные овощи; а зимою снѣга до такой степени заносятъ монастырекъ и всѣ подступы къ нему, что иногда по нѣскольку недѣль онъ остается безъ сообщеній съ міромъ, погребенный подъ сугробами. Когда жители сосѣднихъ долинъ замѣтятъ, что уже давно не проѣзжаетъ изъ скита верховой монахъ за покупками въ городъ, поднимается тревога, и идутъ съ лопатами откапывать монастырь, освѣдомиться, цѣлъ ли онъ.

Наши надежды были совершенно разрушены. Настоятель объявилъ, что богомольцы разошлись скоро послѣ обѣдни, что ни осталось ни какой провизіи, и что врядъ ли мы захотимъ ночевать въ монастырской гостинницѣ, въ которой нижній этажъ залитъ водою, а верхній почти не отдѣланъ. Настоятель предлагалъ намъ свою маленькую келію, пропитанную запахомъ свѣчей, постнаго масла и какихъ-то сухихъ травъ; но самъ же предупредилъ, что въ ней страшное множество насѣкомыхъ. Мы рѣшились помѣститься въ сырой, непріютной гостинницѣ. Попросили сѣна на постели и лошадямъ. Сѣна не было, ячменя и овса тоже не было. Голыя узкія лавки были единственнымъ ложемъ для насъ. Нельзя ли чего нибудь сварить?—Сварить нечего, да и поваръ-монахъ спитъ давно, монахи очень утомились за-праздникъ. Кое-какъ раздули самоваръ. Согрѣться необходимо, всѣ промокли насквозь. Плащи, бурки—хоть выжми. На чомъ спать, чѣмъ укрыться? Наконецъ появились человѣка три сонныхъ монаховъ. Поваръ взялся сготовить кое-что изъ бывшей съ нами

провизіи, и заставилъ насъ надѣяться и вѣрить въ продолженіи $1^1/_2$ часовъ. Но когда онъ принесъ то̀, что называлъ супомъ и макаронами, мы сразу убѣдились въ тщетѣ своихъ надеждъ и своей вѣры. Почтенный инокъ судилъ о нашемъ вкусѣ по своему собственному, и обратилъ и супъ, и макароны въ кашицу изъ лука. Какъ ни силенъ былъ голодъ, мы поблагодарили монастырскаго артиста и возвратили ему непочатыми его вонючія блюда.

Другіе монахи, видя наше затрудненіе насчетъ постелей, безъ дальнихъ думъ и церемоній, разоблачились изъ своихъ ваточныхъ рясъ и разложили ихъ по лавкамъ, вмѣсто тюфяковъ; сами они остались въ одномъ бѣльѣ, ни мало не конфузясь, какъ и подобало отшельникамъ, умерщвляющимъ земныя страсти. Кое-какъ замаскировали чистыми простынями подозрительныя одежды черноризцевъ, кое-какъ размѣстились на своихъ прокрустовыхъ ложахъ; веселый хохотъ обуялъ всю компанію, и неистощимыя остроты насчетъ нашего комическаго положенія посыпались отъ насъ же самихъ. Но спать было рѣшительно нельзя, несмотря на всю усталость. Миріады насѣкомыхъ кишѣли на насъ, на лавкахъ, на стѣнахъ. Всякій изъ насъ испытывалъ страданія Гулливера, аттакуемаго стрѣлами лилипутовъ. Малодушный человѣкъ пришелъ бы въ совершенное отчаяніе отъ этого гнуснаго мучительства.

Всѣ прелести Козьмодемьянскаго скита были потеряны для насъ послѣ такой ночи. Утро было, къ тому же, сырое, вѣтренное. Облака едва расползались, и никакой перспективы не было видно изъ-за этихъ колыхавшихся темныхъ лѣсовъ. Мы все-таки рѣшились познакомиться со Святымъ ключомъ, и храбрецы опустились въ его 4-градусную воду. Холодъ невыносимый; едва выскочили. Хорошо еще, что пришлось сейчасъ же подниматься на крутизны самаго возвышеннаго изъ всѣхъ пунктовъ Яйлы—на Бабуганъ-Яйлу, составляющую крайній уголъ хребта Яйлы съ востока. Этотъ многочасовой подъемъ согрѣлъ не однихъ ло-

шадей. На Бабуганѣ едва не попались въ гущу облаковъ. Сдѣлалось вдругъ бѣло и непрозрачно, словно мы влѣзли въ кубанъ молока. Бэкиръ сильно струсилъ, но, къ счастью нашему, вѣтеръ пронесъ облака вдоль по хребту. Мы въ эту минуту были какъ-разъ на южномъ краю хребта, готовые начать спускъ. Когда клубы облаковъ вдругъ смахнулись, какъ ненужная декарація на сценѣ театра, у нашихъ ногъ, глубоко внизу, широкимъ и далекимъ горизонтомъ, неожиданно улыбнулось намъ море такой яркой и веселой лазури, какую рѣдко приходится видѣть. Южный берегъ лежалъ у нашихъ ногъ съ своими бѣлыми домиками и стройными кипарисами, со всею роскошью своихъ красокъ и очертаній. Онъ казался вдвое милѣе, вдвое дороже, послѣ нѣсколькихъ сутокъ разлуки, какъ кажется милѣе и дороже по возвращеніи красота любимой женщины, ненадолго покинутой.

Мы стали спускаться. Теплый воздухъ, насыщенный ароматами южныхъ травъ, вѣялъ намъ въ лицо. Сердце чувствовало, что оно вступало въ иной, лучшій міръ, гдѣ солнце жарче, гдѣ краски ярче, плодъ слаще, воздухъ нѣжнѣе и душистѣе, жизнь счастливѣе. Этотъ переходъ отъ горъ къ южному берегу всегда поразителенъ. Словно, переѣхавъ извѣстную черту, вы отворили дверь спертой комнаты и вышли на свѣжій воздухъ, въ широкій міръ Божій.

Какъ по ступенямъ, съѣзжали мы изъ одного горнаго пояса въ другой, и новыя поселенія, новыя перспективы открывались кругомъ. Глазъ съ наслажденіемъ слѣдилъ за развертывавшимися вдали линіями берега, за этими давно знакомыми мысами и заливчиками, у которыхъ кончался нашъ путь. Мы поздно съѣхали на южно-бережное шоссе и дали себѣ вздохнуть въ веселой скачкѣ по его гладкому полотну. Было уже совсѣмъ темно, когда роскошный паркъ Никитскаго сада принялъ насъ подъ фантастическія сѣни своихъ тропическихъ деревьевъ, въ ароматную ат-

мосферу своихъ теплицъ и цвѣтниковъ, наполненную журчаньемъ фонтановъ.

Вотъ сверкнули сквозь Магарачскій лѣсъ огоньки нашей дачи, притаившейся у спящаго моря. Копыта звучатъ по камнямъ морскаго берега... Бѣлая женская фигура вырѣзается среди кипарисовъ, заслоняющихъ освѣщенный балконъ.

Хорошо странствовать по глухимъ лѣснымъ оврагамъ, терпя лишенія и труды, наслаждаясь привольною жизнью горца и изслѣдуя тайны погибшихъ временъ; но еще отраднѣе, послѣ своей семидневной Одиссеи, завидѣть наконецъ огонь роднаго очага....

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КАРТИНЫ КРЫМСКОЙ ЖИЗНИ, ПРИРОДЫ И ИСТОРІИ.

ПЕЩЕРНЫЕ ГОРОДА КРЫМА.

Цѣна 2 руб. сер.